

В . А . Т и ш к о в

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В ПЯТИ ТОМАХ

Т О М 5

ЭТНОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

СТАТЬИ 1989 — 2021 ГОДОВ

МОСКВА НАУКА 2021

УДК 94 (47): 39
ББК 63.3(2)
Т47

*Издание осуществлено за счет
личных средств автора*

Рецензенты:
академик РАН *А.О. Чубарьян*,
доктор исторических наук *Л.М. Дробижева*

Тишков В.А.

Избранные труды : в 5 т. / В.А. Тишков. – М. : Наука, 2021. – ISBN 978-5-02-040845-6

Т. 5 : Этнология и политика. Статьи 1989–2021 годов. – 2021. – 639 с. – ISBN 978-5-02-040850-0

Том 5 представляет собой 3-е, дополненное, издание книги автора «Этнология и политика». Первые два выходили в издательстве «Наука» в 2001 и 2005 годах соответственно.

В данный том включены наиболее важные статьи как публицистического характера, так и из научных журналов. В них отражается роль этнического фактора в драматический период истории российского государства трех последних десятилетий, включая распад СССР и становление новой Российской Федерации. Интерес представляют концептуальные поиски в решении задач государственного строительства и управления в сфере этнонациональной политики, оценка социальных трансформаций и кризисных проблем конца 1980-х – 1990-х годов. В научных разработках автора выдвинут ряд фундаментальных положений и теоретических новаций о природе феномена этничности, основах устройства многоэтнических государств, принципах утверждения нациестроительства на гражданской основе и государственного устройства многонациональной России, о стратегии и механизмах национальной политики. Автор анализирует природу национализма, сепаратизма и экстремизма, пути предотвращения конфликтов и насилия, дает оригинальные оценки общественных трансформаций в России с точки зрения социально-культурной антропологии.

Для широкого круга ученых-обществоведов, политиков, преподавателей и студентов.

ISBN 978-5-02-040845-6

ISBN 978-5-02-040850-0 (Т. 5)

© Тишков В.А., 2021

© ФГУП Издательство «Наука»,
редакционно-издательское
оформление, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Ученому-этнологу не так просто издавать книгу, в названии которой слово «политика» может насторожить постороннее академическое ухо. Слово *политика* для некоторых исследователей этноисторических проблем кажется почти ругательством, ибо пугает возможностью отступления от научных стандартов. После почти 40 лет занятий наукой (первая научная работа была опубликована автором в 1966 г.) эти опасения не кажутся столь серьезными, и для этого есть особый резон.

Во-первых, фактически нет обществоведческих занятий вне политики, а тем более вне поля властных и идеологических взаимодействий. Этнологическая наука, изучающая культурное многообразие людей и человеческих сообществ, да еще в многоэтничной стране, не может быть в стороне от политики. Более того, в бывшем СССР и в новой России последние полтора десятка лет именно эта дисциплина оказалась одной из наиболее востребованных в ходе радикальных общественных трансформаций. Пожалуй, нигде и никогда столько много профессиональных этнографов и близких им по занятиям обществоведов не совершили «обряд перехода» из профанного в сакральное, т.е. участвовали во власти или в активной политической деятельности. Достаточно привести примеры политиков «первого уровня»: Г.В. Старовойтова в России, Л. Чибиров и А. Чочиев в Южной Осетии, А. Галстян и А. Мкртчян в Армении, В.Г. Ардзинба в Абхазии. Трое из них трагически погибли в жестокостях нашего времени. Десятки лидеров так называемых национальных движений от имени разных этнических сообществ вышли из среды этнографов, филологов, фольклористов и им подобных.

Прожитые полтора десятилетия нуждались в гуманитариях, а сами гуманитарии были активными участниками и соавторами свершающихся событий. Хорошо или плохо, когда столь много ученых-гуманитариев прямо или косвенно, с энтузиазмом или без него, участвуют в политике, а значит, в управлении и в переустройстве общества, – вопрос не такой однозначный.

Французский философ М. Фуко считал, что лучше держаться подальше от гуманитариев с их часто утопическими проектами в то время, когда управленцы заняты делом общественного переустройства. Другие, наоборот, уверены, что без научных концепций и без ученых управлять и переустраивать общество невозможно. В любом случае в культурно сложных сообществах всегда есть потребность в дополнительном знании «другого» (языка, обычаев,

интересов, связей, мировидения), а также существуют специфические проблемы организации и управления обществом, которые требуют профессионального участия ученых-этнологов. Автор уже давно пришел к выводу, что «научное управление обществом» есть химера, но и управление обществом без добротной научной экспертизы – безответственная импровизация.

Во-вторых, что касается жанра научной публицистики, к которому по форме относится часть включенных в книгу текстов, то здесь также необходимы некоторые разъяснения. Многие ученые-гуманитарии занимались публицистическим трудом чаще всего не ради заработка, а из желания довести как можно быстрее свое знание или мнение до более широкой аудитории. Среди отечественных и зарубежных этнографов и антропологов можно назвать таких выдающихся публицистов, как Н.Н. Миклухо-Маклай, В.Г. Тан-Богораз, С.В. Максимов, В.К. Арсеньев, М.А. Чаплицкая, Р.Ф. Итс, Ю.Б. Симченко. В этнологии публицистика имеет еще и важный просветительский аспект, а также гуманистическое содержание, если она не направлена на распространение расистских и ксенофобских воззрений или фантастических вымыслов об экзотике «дикарей».

Следует сказать, что в отечественной литературе по этническим сюжетам за последние годы было сочинено достаточно много банальностей и злобных вымыслов: от запальчивых брошюр, издаваемых от имени разных ассоциаций и ассамблей, до человеконенавистнического сочинения «Убить империю» сторонника «деколониализации современной русской империи» Айдара Халима. В то же самое время в газетах и популярных журналах было опубликовано огромное число материалов, основанных на полевой этнографической работе и других изысканиях. Через них российское общество узнало много нового о самом себе и о внешнем мире. Ряд моих коллег по цеху (С.А. Арутюнов, А.В. Головнев, Л.М. Дробижева, Н.М. Гиренко, В.А. Шнирельман, Н.И. Новикова, Н.А. Томилов, Я.В. Чеснов и другие) выступали в последние годы с публицистическими статьями, фильмами и телепередачами на злободневные темы. Многие этнологи в российских республиках стали одними из самых читаемых авторов и героями телепередач. Можно сказать, что в 1990-е годы в стране родилась этнологическая публицистика, родилась в дебатах и с острыми реакциями обычных читателей и профессиональных коллег. Но в целом это явление представляет собой позитивный процесс, помогающий развитию науки и утверждению ее статуса в российском обществе.

С конца 1980-х годов, особенно после избрания директором Института этнографии АН СССР в 1989 г., внешние обстоятельства и административное положение побудили меня отложить почти

готовую работу о коренном населении Канадского Севера и обратиться к отечественной тематике, которая стала более интересной и открытой для академического анализа. Уже первые публикации в журнале «Коммунист» и в «Литературной газете» в 1989 г. встретили неравнодушную реакцию. Один из «разработчиков» национальной политики в советское время обвинил меня через газету «Правда» в тяжком грехе: «некоторые специалисты подвергают сомнению саму национальную государственность» (речь, понятно, шла об этнотерриториальной автономии в форме советских союзных и автономных республик). Тем не менее именно мне – делегату XXVIII съезда КПСС пришлось вместе с эстонским академиком Пальме и заведующим Отделом межнациональных отношений ЦК КПСС В.А. Михайловым писать резолюцию съезда по национальному вопросу. До сих пор убежден, что это был добротный документ, ибо сформулированная тогда впервые цель национальной политики – создание благоприятных условий для социального преуспеяния и развития культур всех народов страны – сохраняет свою действенность и по сегодняшний день. Тогда же, в 1990 г., найти эти новые слова вместо набивших оскомину фраз о дружбе народов и интернационализме было не так просто.

Затем были публичные размышления об ограничителях доктринального наследия этнонационализма, о более сложном понимании феномена нации не только в этническом, но и в гражданском смысле, о реализации прав народов не только через форму внутреннего государственного самоопределения, но и через форму экстерриториальной национально-культурной автономии, наконец, о России как о национальном государстве в общемировом понимании этого термина. Было бы неискренне заявлять, что подобные фундаментальные проблемы представлялись для меня полностью ясными, тем более по части их применимости для тогдашнего СССР, а затем для Российской Федерации. Кроме того, в диалоге политики и науки одних идей недостаточно. Речь должна идти о восприимчивости тех или иных теоретических новаций и основанной на них переоценке политической практики.

Здесь есть как минимум две проблемы, осознание которых пришло несколько позднее. Прежде всего, слишком резкое формулирование той или иной полезной ревизии может встретить отторжение коллег из экспертного сообщества: ученые, особенно представители старшего поколения, не очень любят радикально менять свои взгляды, если они сами не участвуют в данном пересмотре и не являются его соавторами. Эту «реакцию Винни-Пуха» («Какой-то кролик знает букву А!?!») пришлось ощущать не один раз, в том числе и в драматической ситуации, когда, уже работая в Правитель-

стве Российской Федерации, автор написал проект концепции государственной национальной политики, против которого выступили ближайшие партнеры по этой сфере государственного управления из числа советников президента и руководства Верховным Советом. Г.В. Старовойтова посчитала, что в концепции скрывается попытка «упразднить республики». Р.Г. Абдулатипов обратился через «Независимую газету» с открытым письмом к Б.Н. Ельцину, обвинив «безнациональных ученых» и Госкомнац в попытке заменить нации на некое «согражданство». Позднее оба признали необходимость утверждения в стране понятия многоэтнической гражданской нации наряду с безраздельно господствовавшим понятием культурной нации или этнонации, но изрядную долю непонимания и упрощенного критицизма мне пришлось испытать.

В такой ситуации, когда научно-публицистическая работа содержит новое для политики слово, ее автор должен быть готов к тому, что встретит отторжение, если он не позаботился о привлечении союзников для введения инноваций, или к временному запаздыванию восприятия научных положений политиками, или даже к забвению своих взглядов и рекомендаций. Но, в конечном счете, ничего не пропадает даром. Даже написанное десять лет назад может пригодиться в сегодняшнем дне, если оно уже не стало общим достоянием без определенного авторства.

Момент радикальных переосмыслений был порожден не только горбачевской либерализацией, но и связан с самым драматическим событием нашей недавней истории – распадом СССР в 1991 г. и образованием новых постсоветских государств. На эту тему отечественными и зарубежными историками, политологами, этнологами уже написано немало. Едва ли кто может похвалиться, что в момент распада и сразу после смог осознать весь смысл и все последствия произошедшего. Тем более это касается написанного по следам события. Мне тоже было трудно включить в данную книгу опубликованную в сентябре 1991 г. статью под названием «Тяжело Союз сохранить, еще труднее разрушить». Но все же ее текст вошел без изменений, чтобы показать не только ограниченные возможности «научного предвидения» в стохастическом характере самого политического процесса, но и необходимость продумывания важнейших политических решений. Если первое (предвидение) действительно невозможно, то политическая импровизация просто недопустима.

Проблема поиска оптимальной формулы вновь образовавшихся государств с разделенными границами культурно близким населением остается актуальной и сегодня. Глубоко убежден, что не только нулевой вариант гражданства, но и открытое гражданство должны были бы быть наилучшей стратегией постсоветской политики хотя

бы на десятилетие. Также уверен, что неосуществимы варианты нацистроительства на этнической основе. Культурный плюрализм на основе двуязычия или многоязычия и принцип равнообщинности вместо формулы «нация и меньшинства» рано или поздно придет в страны бывшего СССР.

Не могу судить определенно о возможности федерализации других многоэтничных государств бывшего СССР, но судьба российского федерализма была предметом моих размышлений. Как и в начале 1990-х годов, моя позиция, основанная на мировом опыте многоэтничных государств, сводится к безусловному признанию необходимости существования в России элементов этнического федерализма, а значит, его неизбежной асимметрии и содержательной подвижности. Признанное разнообразие и есть целостность и даже «единое пространство», что совсем не означает однообразие, которого хотели бы некоторые эксперты и политики.

Особое место в моей аналитике заняло освещение некоторых государственных процедур, имеющих жизненное значение для сферы межэтнических отношений. Это – вопросы переписи населения, фиксации в гражданских паспортах национальности и прописки, смены алфавитов и другие. Не верю, чтобы газетные статьи или представленные в государственные органы рекомендации учебного могли стать определяющими для принятия государственных решений. Но какие-то подвижки происходят не без их влияния. Промежуточная перепись населения 1994 г. по моему предложению имела новый порядок вопросов о языке и о национальности, и этот порядок сохранился в переписи 2002 г. В то же время мне пришлось признать (не без влияния коллег по институту) невозможность отказа от «встречного» списка народов в ходе новой переписи, а также неосуществимость права граждан указывать в ходе переписи множественную этническую принадлежность по причине ментальной инерции.

Мой академический подход к конструктивистской природе этничности натолкнулся на мощную политическую традицию и инерцию массового сознания россиян видеть в национальности почти врожденную и неотъемлемую характеристику личности.

В этой ситуации можно будет считать шагом вперед, что в ходе переписи 2002 г. часть граждан указала более сложную этническую идентификацию (*осетин-дигорец* или *осетин-иронец* наряду с просто *осетин* или *осетинка*; *мордвин-эрзя* или *мордвин-мокша* наряду с просто *мордвин* или *мордовка*). До возможности указывать такие, например, варианты, как *русский еврей*, *кубачинец-даргинец*, *цумандинец-аварец* или *русский-украинец*, как это мною предлагалось, общество и эксперты пока не созрели, а может быть, такого в России

долго не будет. Отсюда один полезный вывод для ученого: слишком «тонкая» наука – это головная боль для политика. Политика всегда проще, хотя и изощреннее. Наука должна быть многоголосной, иначе перестанет быть наукой. Политика, точнее власть, должна говорить одним голосом, чтобы быть эффективной.

И все же мне хочется претендовать на авторство одной из обновленческих государственных процедур – это исключение из российских паспортов графы о национальности. Ясно, что столь важное решение состоялось под влиянием общемировых демократических стандартов, но впервые вопрос был поставлен в моих статьях в газетах «Известия» и «Независимая газета», которые публикуются и в данной книге. Казалось бы, этнолог не должен выступать с подобной инициативой, ибо бытовое мышление может трактовать ее как попытку «отменить национальности» и всех сделать только «россиянами». Собственно, так и отреагировало большинство членов Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН, когда был поставлен этот вопрос на обсуждение. Но моя позиция заключается в том, что этнология как наука от новой формы паспортов не пострадает, а граждане, безусловно, выиграют.

Что касается национальности «россиянин», то миллионы моих сограждан уже научились писать в этой графе слово «Россия», когда им приходится получать заграничные паспорта или иностранные визы. От этого они не перестали осознавать себя татарами, русскими или башкирами, ибо опять же речь идет о двойном понимании категории «национальность»: в этнокультурном и в гражданском смыслах. При жизни в изоляции от внешнего мира такие тонкости национальной политики были не нужны. Сейчас они необходимы, как и замена самого термина «национальная политика» на термины «этническая или этнокультурная политика».

Кое-что в обсуждаемых вопросах осталось дискуссионным, причем как среди ученых, так и среди политиков. Именно к такому относится вопрос о переходе с кириллицы на латиницу в Республике Татарстан. Автор испытывал чувство личной неловкости перед своими добрыми друзьями и нелегкими оппонентами в Татарстане, публикуя статью «Язык и алфавит как политика», напечатанную в газете «Труд». Но еще худшей моральной позицией была бы потакающая комплиментарность, в которой последние годы пребывали мои казанские коллеги в глазах зарубежных экспертов. Нежелание столичных ученых ставить неудобные вопросы перед коллегами и политиками в российских республиках и в других регионах, а тем более выступать с критикой часто объясняется опасением испортить отношения с «изучаемыми народами» или возможностью получить обвинение в неблагодарности за гостепри-

имство. Но в такой позиции мне видится скрытая форма унижающего патернализма, отказ в равном партнерстве. А это еще хуже. Пусть лучше будут критика и здоровые дебаты. А если невозможно прийти к общему мнению, как, например, по вопросу о реформе графики, тогда есть два выхода: через имеющиеся полномочия и правовые процедуры политики в Казани могут навязать свою волю, оставив дебаты ученым, или отложить решение вопроса на будущее. Нельзя терпеть социальную неустроенность и открытое насилие, а с графикой подождать можно, чтобы не делать поспешных и дорогих экспериментов над детьми и родителями. В любом случае самое плохое – это амбиции и излишняя драматизация, как со стороны политиков, так и со стороны ученых. Если в Татарстане перейдут на латиницу, авторская статья останется приметой нереализованной позиции, к чему ученый должен быть всегда готов. Если реформа не состоится, то чувство торжества тоже не из самых лучших: воленавязывание даже через академические аргументы не может приносить полного удовлетворения.

Основная часть книги содержит работы последних лет, когда в моих интересах отошли на второй план метадебаты по поводу концепций и теоретических основ российской государственности, а также проблемы этнонационализма. На первый план вышли такие сюжеты, как обеспечение мира и предотвращение насилия, особенно в регионах с самой сложной этнической мозаикой (Северный Кавказ и Поволжье), проблемы, связанные с такими новыми вызовами, как экстремизм и сепаратизм. В книгу не включены статьи по проблемам чеченской войны, поскольку в 2001 г. в издательстве «Наука» вышла моя монография «Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны», в которой подведен итог научных изысканий по этой трагической и сложной теме.

Самым важным для меня в последнее время стал вопрос об оценке произошедших в России за десять лет трансформаций. Вызвано это было тем обстоятельством, что мои этнографические наблюдения серьезно разошлись с доминирующей в общественно-политическом дискурсе парадигмой кризиса. Последняя основана не только на политических или психологических мотивациях, но и на многочисленных разработках социологов, экономистов, демографов, политологов, которые используют макроанализ, массовые обследования и замеры общественного мнения. Этнографический метод включенного наблюдения, будь это рязанская деревня, маленький уральский городок или московский мегаполис, а также путевые наблюдения во многих городах и регионах России тоже обладают своей проверенной легитимностью, и их достоверность может быть не меньшей, чем профессиональный социологический

опрос или официальная статистика. Наблюдая с вершины Дербентской крепости размеры и материал крыш домов, махачкалинский рынок и внешний вид местных жителей, а также выслушивая конкретные жизненные истории, этнограф не может принять господствующее определение Дагестана как самого депрессивного региона, как «зоны бедности», куда некоторые наши специалисты по народонаселению зачислили весь Северный Кавказ. Жизненная повседневность и произошедшие перемены, включая новые источники доходов и новые социальные механизмы использования и перераспределения материальных благ, оказались пропущенными или намеренно незамеченными как экспертами, так и политиками. Феномен риторики жалоб как частная стратегия и как политический торг часто воспринимается как реальность, а психологическая бедность – как бедность действительная.

Мифы о «вымирании нации», о «геноциде народа», о «криминальном государстве под пиратским флагом» и даже о всеобщем «обвале» автором не воспринимаются как научные, не говоря уже об их саморазрушительном воздействии. Противоположный вывод состоит в том, что в России за последние десять лет подавляющее большинство населения стало жить лучше, хотя и сложнее с точки зрения приспособления к новым условиям и необходимости принимать решения. Это ни в коей мере не есть некая общественная терапия, а достаточно обоснованная исследовательская позиция, хотя и выраженная в несколько заостренной форме. Пока такой взгляд на современную Россию выглядит эпатирующим, а некоторым моим критикам представляется поверхностным заблуждением, которое не к лицу директору академического института. Но я уверен, что и в данном вопросе у меня будет все больше сторонников.

В новейших исследованиях специалистов по современным российским проблемам все больше обнаруживается точек соприкосновения с моей позицией в оценке феномена этничности, отечественного опыта и перспектив этнической политики, существа российских трансформаций в целом. Ведущие демографы А.Г. Вишневский и Ж.А. Зайончковская также говорят о демографической катастрофе в России прежде всего как о мифе и о приоритетном значении миграции в нашу страну бывших жителей СССР из других стран. Известные социологи Л.Д. Гудков и Л.М. Дробижева обращают особое внимание на дискурсивную природу социальных реалий, особую роль элит в этнополитических мобилизациях и верхушечного конструирования различных форм идентичностей, а также массовых настроений. Философы О.И. Генисаретский и В.С. Малахов пишут о символическом производстве этничности и о феномене культурной сложности на российских материалах.

Среди этнологов и социально-культурных антропологов уже выполнены многочисленные исследования, авторы которых не обременены «системными» или «компонентными» подходами к этносу и, казалось бы, неизживаемыми клише «многонациональности» и «национальной политики».

Современный научный подход в этнологическом знании, а за ним и в общественной мысли и в практике будет неизбежно утверждать свои позиции, несмотря на инерцию старой догматики и некоторые печальные рецидивы ее временного торжества. К последним отношу введение Высшей аттестационной комиссией (ВАК) России новой научной специальности под названием «национальные процессы и институты», а также попытки националистически настроенных чиновников и законодателей восстановить в гражданских паспортах указание этнической принадлежности.

Часть исследований для данной книги осуществлялась в рамках гранта Фонда Джона Д. и Кэтрин К. Макартуров (№ 0062746) по теме «Антропология российских трансформаций» и гранта Российского фонда фундаментальных исследований по теме «Феномен этничности». Выражаю благодарность А.С. Крыловой, Е.Е. Родионовой и О.Г. Симоновой за помощь в подготовке рукописи книги, а Н.Л. Петровой и В.М. Черемных за содействие в ее редактировании.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

За четыре года после выхода в свет первого издания этой книги, казалось бы, не произошло никаких особо драматических событий в жизни страны и радикальных перемен во взглядах автора на проблемы этнополитики, общественных трансформаций и государственностроительства. Если говорить о жизни, тогда отметим несколько важных моментов. Прежде всего драма в Беслане – террористический акт с захватом и гибелью большого числа заложников, включая детей, – выдвинула вопрос об обеспечении безопасности граждан и о борьбе с терроризмом на передний план общественных озабоченностей. Президент В.В. Путин, федеральные и региональные власти предпринимали особые меры в этом направлении, включая административные реформы и силовые акции против террористов и их пособников. Похоже, что на Северном Кавказе эта политика приносит свои результаты. Хотя некоторые, особенно зарубежные эксперты, трактуют Беслан и последовавшее после этого уничтожение террористов не только в Чечне, но и в других северокавказских республиках, как провал федеральной политики и наступление дестабилизации в этом регионе. Наш анализ феномена терроризма и ситуации в Чечне показывает, что мобилизация федеральных и местных ресурсов на жесткое противодействие насилию, экстремизму и любым другим формам криминальной деятельности является наиболее эффективным ответом государства и общества на новые угрозы. Стабильность, мир и развитие придут на Северный Кавказ только через обеспечение правопорядка и эффективное государственное управление. Однако российскому обществу следует изменить свое отношение к согражданам, проживающим в этом регионе. Антикавказские фобии стали позором страны, и в них одна из причин ослабления общероссийской лояльности среди местных жителей. Наряду с этим невозможно более игнорировать разрушительное воздействие внешнего круга пособников и морально-политических вдохновителей терроризма в России и против России.

Еще одним значимым моментом последних лет были этнодемографические и миграционные процессы и политика, а также вопросы организации Всероссийской переписи населения 2002 г. и анализа ее итогов. Институт этнологии и антропологии РАН и автор книги лично оказались в центре дебатов по поводу отражения в переписи этнического состава населения страны, вызвав, как и в прежние времена, недовольство со стороны националистических политиков и общественных активистов в различных рос-

сийских республиках. Некоторые итоги переписи по фиксации этнической идентичности среди населения нами уже проанализированы, хотя переписные ошибки и намеренные манипуляции все еще предстоит разобрать подробнее. В целом же вывод сводится к тому, что, при всей динамичности постсоветской ситуации и манифестной природе этнического фактора, сами по себе этническая идентичность, культурные традиции и основанные на них групповые солидарности достаточно устойчивы. В Российской Федерации сохраняется и поддерживается государством богатая культурная мозаика, а демократизация и новые материальные возможности, а также растущий интерес современных людей к этнокультуре способствовали российскому многообразию. Выросло не только число самих этнических общностей и их самоорганизация в форме национально-культурных автономий (введение этого общественного института в середине 1990-х годов произошло в значительной мере по инициативе автора книги), но и укрепляется хозяйственная и правовая основа малых общин, особенно среди коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Этнически более многообразным становится облик крупных российских городов, включая прежде всего столицу и расположенные в ней национальные институты власти, бизнеса, информации, образования, науки и культуры.

И здесь нами отмечается, пожалуй, самый главный момент в современной жизни российского государства – своего рода большой культурный поворот – это переосмысление и утверждение новой формы национальной идентичности, без которой не может существовать современное государство. Эта форма идентичности называется *российский народ* или *российская гражданская нация*, а проще – *россияне*. Она давно реально существует и мощно подкрепляется общим историческим прошлым, культурным достоянием, включая русский язык, духовными и поведенческими ценностями, гражданской солидарностью и патриотизмом. Однако ее вершечное признание идет трудно. Если для простых граждан, особенно для нерусских, российская идентичность – это самая главная и перспективная по жизни форма идентификации и признания, то для лидеров и активистов националистическая мобилизация и отторжение российскости продолжают что-то значить по политическим (распределение должностей, поддержание рейтинга, выборные мобилизации) и материальным (приватизация, предпринимательская конкуренция, зарубежные поддержки) мотивам. Именно в интересах многоэтнического российского народа, и прежде всего в интересах представителей малых культур (можно сказать – российских меньшинств), в так называемой национальной политике должно быть обозначено не менее важное направление,

наряду с сохранением и развитием этнической специфики и многообразия, – это обеспечение условий для полноценной и равноправной интеграции в общероссийское общественно-политическое и культурное пространство представителей самых разных национальностей.

Исключительно важным для всей страны и вознаграждающим для автора книги моментом было выступление президента В.В. Путина 5 февраля 2004 г. в г. Чебоксары, когда он напомнил, что еще в советские времена говорили о единой общности – советском народе, и под этим были определенные основания. «Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя единым народом. Они используют все свое богатство, культурное многообразие в интересах всего общества и государства. И мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство», – сказал президент.

Оставаясь последовательным противником различных форм подавления культурных различий, дискриминации и насилия по этнорелигиозным мотивам, разных форм элитной и бытовой ксенофобии, тем не менее мы все больше приходим к заключению о необходимости пересмотра взгляда на культурную отличительность. Последняя слишком часто культивируется и используется в целях отторжения культурной схожести и единства. Пришла пора понимать многонациональность и многокультурность не только как дружбу народов и межнациональные отношения, но и как культурно сложную целостность. Эта сложность и целостность существуют на уровне всего российского народа и на уровне отдельной личности. Нужно только это признать и поддерживать с не меньшим энтузиазмом, чем мы признаем и поддерживаем этническое разнообразие. Обе субстанции от такого подхода только выиграют.

Исходя из этих новых моментов, во второе издание настоящей книги дополнительно включены главным образом работы последних четырех лет в рамках этнологического мониторинга, который осуществляет созданная и возглавляемая автором неправительственная организация «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов». Читатель знакомится с сутью этой формы научно-прикладной экспертизы и в дополнительные четвертый и пятый разделы книги помещены аналитические тексты, опубликованные главным образом в бюллетенях и в ежегодных докладах «Сети». В новых разделах почти нет газетных публикаций автора. В последние годы газеты не публикуют пространные тексты, и эта форма нашего творчества свелась главным образом к журналистским интервью.

Особый смысл автор придает заключительному очерку о кризисе понимания России, который изначально был предназначен, скорее, для газетной публикации. Повторное обращение к теме российских трансформаций (в третьем разделе содержатся два текста по этой теме) давно назрело в отечественном обществоведении и имеет жизненно важный смысл.

Во втором издании книги исключен раздел «Итоговые дефиниции», ибо статьи об этносе и этничности и о нации автором были опубликованы в «Новой философской энциклопедии», а также более обстоятельно изложены в новой книге автора «Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии» (М.: Наука, 2003).

Читатели первого издания книги 2001 г. обратят внимание, на то, что в новом, дополненном издании в названии книги нет подзаголовка «Научная публицистика». Этот подзаголовок был поставлен по двум соображениям. Первое – книга действительно включала главным образом публикации в газетных изданиях. Второе – сказалась, видимо, позиция некоей научной стерильности, когда работы без научных ссылок, небольшие по объему и с нормативно-публицистическим оттенком самим автором не считались научными работами в их строгом смысле слова.

За истекшие четыре года авторское представление о том, что есть научная работа, несколько изменилось по ряду обстоятельств. Во-первых, некоторые читатели обратили внимание, что опубликованные тексты содержат новое знание, что есть основной критерий научности, а вот до подлинной публицистичности многие из них не дотягивают. Во-вторых, критерий научности в виде научных ссылок или цитирования других книг и документов далеко не всегда гарантирует подлинную научность той или иной работы. Даже, наоборот, в последние годы столько было опубликовано вторичных по своей сути текстов или неприличных пересказов мыслей и положений других авторов, что критерии профессионализма среди отечественных обществоведов оказались серьезно размыты. Для автора настоящей книги научной работой представляется прежде всего такой текст, в котором собственные эмпирические или теоретические изыскания, а также жизненные наблюдения (основной элемент этнографического метода) воплощаются в качественно новые положения и выводы. Хотя, конечно, для работ в ряде дисциплин гуманитарного знания (история, археология, этнология и др.) сам по себе эмпирический материал также представляет самодовлеющую научную значимость.

Автор выражает свою благодарность Н.А. Зотовой и редактору издательства Л.М. Кузнецовой, которые содействовали выходу второго издания книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

С момента второго издания моих статей прошло более 15 лет. За это время были написаны десятки новых работ и текстов выступлений на разных форумах. Можно было бы собрать эти работы в отдельный том, но я предпочел сделать дополнительный раздел в уже изданные двумя изданиями собрание моих ранних статей и выступлений. Этот новый раздел имеет название «Культурная сложность и национальный российский проект». В нем отражены две главные темы, которые занимали мое творчество после 2005 года. Причиной тому были не только динамика внутринаучного интереса, но и социально-культурные явления, вышедшие на передний план в последние два десятилетия в жизни полиэтничных государств, включая Российскую Федерацию.

Что представляют собой понятия культурной сложности, этнокультурного многообразия и нет ли здесь простого замещения уже хорошо известной нам многонациональности? Ведь писали же в свое время защитники теории этноса, что этничность – это то же самое, но только другими словами. Мы обосновываем эти понятия прежде всего не с этногрупповых позиций, а как сложное и подвижное явление личностной идентификации и возникающих на этой основе чувств и связей общности и солидарности. На основе феномена идентичности как формы самосознания нами трактуются и «воображаемые общности»: этнические группы и гражданские, политические нации.

Вокруг идеи российской нации за эти полтора десятка лет развернулись драматические соперничества отечественных интеллектуалов и политиков. Получив подпитку от религиозных традиционалистов и энтузиастов биолого-генетических трактовок этнических связей, противники гражданского национально-государственного строительства ударились в две крайности: назад к этносам с их якобы тысячелетними генофондами или назад к Данилевскому и Тойнби с объявлением российской/русской цивилизации как уникальной исторической общности со своим «цивилизационным кодом» и радикальным отличиями от остального мира. Мои статьи последних лет отстаивают высказанные еще 30 лет тому назад идеи общероссийского национального проекта, в центре которого не этнокультурная гомонизация населения страны, а утверждение российской идентичности как доминирующей формы самосознания народа, делающей тем самым из него полиэтничную гражданскую нацию со своими национальными ценностями и интересами, политическим суверенитетом и историко-культурным обликом.

В увязке с этой трактовкой мы обращали внимание на вопросы наполнения общенациональной идентичности смыслами и предложениями механизмов национального строительства (nation-building). В общественно-политическом дискурсе, в учебных стандартах и даже в некоторых документах так называемого стратегического планирования по этому случаю распространилось выражение «духовно-нравственные ценности народов Российской Федерации» с призывом их восприятия как основы поведенческих норм и культурно-ценностных ориентаций. Перечень таких ценностей предлагается самый разный, но почти всегда в нем есть набор утопических причитаний насчет превосходства духовного начала над материальным, особых коллективизма, «соборности» и т.п. Все это преподносится как нечто выстраданное веками и неизбежно присутствующее в российском (русском) народе.

Действительно, в каждой этнокультурной традиции, включая прежде всего и русскую, есть некие как реальные, так и метафорические ценностные представления, которые условно можно назвать русскими, татарскими, чеченскими, якутскими и другими этнически присущими духовно-нравственными ценностями. Однако их специфика, различия в наборе «этических кодексов», былинных мифов, культурных героев и героических событий не могут сравниться с той степенью схожести и общности культурного багажа, исторических представлений и образов, поведенческих норм и установок, которые свойственны всем современным россиянам и которые делают их одним народом. Образ страны-России, русский язык, общероссийский патриотизм, стремление к личному и общему благополучию – вот те отправные компоненты, из которых строятся современные ценности россиян. Об этом мною был написан ряд статей и книг в последние годы, в том числе и новая книга-эссе «Национальная идея России».

Я вполне допускаю позиционирование России как самостоятельной цивилизации по понятной причине величия ее культурного вклада в мировую цивилизацию и длительности суверенно существующей российской государственности. Это ставит ее в один ряд с такими же страновыми цивилизациями, как, скажем, индийская и китайская, подчеркивая необходимость учета в том числе и опыта национально-государственного строительства в этих крупнейших нациях-государствах. Вообще, о непреходящей роли современных наций-государств и о важной роли национализма на государственно-гражданской, а не на этнической основе мною были высказаны пионерские для отечественной литературы положения. Отсюда и мой ответ на вопрос, что есть Россия: это и нация, и цивилизация, как, кстати, и ответ на вопрос о сложной и не взаимоисключающей идентичности моих сограждан: и русский, и россиянин; и татарин, и россиянин и т.д. Однако мозги у многих, включая часть коллег по цеху, продолжают работать согласно старым прописям или политизированным заданностям.

Среди ведущих сюжетов моих новейших публикаций были вопросы языка и языковой политики. Здесь обращаю внимание читателей на инициированные мною, но пока не до конца утвердившиеся положения об уточнении такого фундаментального понятия, как «родной язык», и связанные с этим трактовки возможного родного двуязычия, отсутствия жесткой связки между языком и этничностью, более адекватной процедуры переписной фиксации языковой ситуации и выстраивания эффективной языковой политики со стороны государства и общественных институтов. Признавая право на сохранение и поддержку языкового многообразия, включая миноритарные этнические языки, я формулирую также позицию о праве на добровольную языковую ассимиляцию, дву- или многоязычие, на возможность сохранения этнической идентичности и в случае перехода на другой язык, который доминирует в твоей стране и предоставляет большие жизненные возможности, в том числе и в отстаивании статуса и интересов этнической общности в рамках более широкого общественно-политического пространства.

Последние 15 лет продолжали быть временем моих не только сугубо научных занятий, но и общественной активности. Это было в том числе и через такие общественные и экспертные сообщества, как Общественная палата Российской Федерации, Ассамблея народов России и, конечно, Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. В рамках этого совета разрабатывались две редакции Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года – документ, в котором нашли отражение в том числе и мои научные разработки, включая понятийные категории. По инициативе Совета Президент страны учредил государственную премию «За укрепление единства российской нации», что само по себе есть признание концепта российской нации. Среди первых лауреатов этой премии два моих номинанта – В.А. Михайлов и Л.М. Дробижева. Леокадия Михайловна совсем недавно ушла из жизни. Она была замечательным ученым, моим многолетним соратником и единомышленником, и ее уход обозначил одну из полезных истин: надо беречь не только научные истины и стандарты, но и тех, кто трудится и живет наукой.

В последних трех разделах книги представлены статьи по темам исторической памяти, языковой политики, состояния гуманитарных наук в России. Все эти материалы публикуются в первоначальных вариантах, без изменений. Ученому важно быть последовательным даже в условиях прожитого времени радикальных политических, научных и идеологических трансформаций. Этот же принцип был соблюден и в переиздании моих четырех монографических исследований в составе пятитомного издания Избранных трудов.

РАСПАД СССР И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОИСКИ

НАРОД, НАЦИЯ, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ*

Долгое время в советском общественном сознании и в политической практике господствовало и отчасти сохраняется представление о существовании в СССР «национального вопроса», который, как мы полагали до середины 1980-х годов, был «решен окончательно» или, как считаем сейчас, «решен в том виде, как он нам достался от царской России». Само понятие «вопроса» в общественном менталитете почти неизбежно связывается с установкой на его решение. А между тем сам по себе «решенческий» подход чреват тем, что не учитывает возможность неминуемого возникновения новых проблем и противоречий, заложенных в самой диалектике жизни многоэтнического государства. Не будет ли более правильным подходить к сфере межэтнических отношений и к возникающим в этой сфере проблемам как к некоей константе нашей общественной жизни, требующей гибкого и многовариантного реагирования? Это, конечно, не отменяет необходимости осуществления и в данной сфере глубоких перемен в ходе перестройки, где главными должны быть терпимость к многообразию и признание несоответствия сегодняшних доктрин и структур стремительно меняющимся реалиям.

Меня смущает назойливое подчеркивание особо деликатного и чувствительного характера так называемых межнациональных отношений. Хотя никто толком не объяснил, почему эта сфера более деликатна, чем, скажем, сфера материальных доходов, семейных отношений или состояния здоровья наших граждан. Ссылка на деликатность долгое время объясняла молчание и бездумное приукрашивание действительности, а в будущем может стать прикрытием для новых безобразий. Из-за этой установки центральные пресса и телевидение стараются обходиться «сбалансированной», минимальной и самой осторожной информацией. Причем не о самих событиях, а уже о реакции на эти события. Неужели не ясно, что, если не освещаются конфликтные ситуации и трагические события, никакие запаздывающие коммюнике и «отцежен-

* Ранее опубликована под тем же названием в форме интервью. См.: Советская культура. 1989. 1 июля (№ 78). С. 3.

ные» сведения не удовлетворяют общественность. Полугласность и недостаток информации, стремление дать оценочно назидательную интерпретацию приводят к ложным слухам и подозрениям, вызывают взрывную реакцию, ведут к дискредитации как средств массовой информации, так и политики Центра.

Заслуживает, на мой взгляд, критики и выражаемая средствами информации установка на научный анализ и обсуждение проблем межнациональных отношений. Что я имею в виду? Вместо того чтобы сообщать о событиях, – а это является главным предназначением печати и ТВ, на страницах и на телеэкранах сплошные «круглые столы». Как отличить среди этих высказываний рациональное от неосознанно-расистских сентенций типа: «каждый человек должен нести в себе генотип своего народа», «интернационализм, всемирная отзывчивость – это генетическое свойство русского народа», или осознанно антиисторических утверждений типа: «единственная страна, не знавшая колоний, это Россия».

Много ли было пользы от четырех телепередач по вопросам межнациональных отношений, организованных обществом «Знание» весной 1989 г.? Не интереснее и полезнее ли было бы использовать телевизионное время и газетные полосы для информации о жизни и проблемах народов в нашей стране? Газеты и телевидение более года обходились информацией действительно «вокруг Карабаха», а не о самом Карабахе. Ни одного обстоятельного репортажа или очерка о жизни этого края мы так и не получили, кроме полуанонимных реплик перед заезжими микрофоном и телекамерой.

До сих пор нет настоящей информации о том, где, сколько и как живут в нашей стране российские немцы, крымские татары, турки-месхетинцы. Нет журналистских репортажей из районов тесно контактирующих народов, где непросто складываются межэтнические отношения, даже не говорю о мечте любого зарубежного журналиста сделать репортаж из уникальных по своей этнокультурной специфике районов мира. В СССР такими районами остаются места проживания народов Севера, Горного Бадахшана, Кавказа. Повезло недавно русским старообрядцам на Аляске: в перелетевшем Берингов пролив «боинге» нашлось достаточно места для советских журналистов, красочно поведавших о своих встречах через наши газеты и ЦТ. А почему бы не съездить в Богдановский район Грузии, в так называемые Мокрые горы, где уже около 150 лет живут духовборческие общины, и не рассказать об их далеко не простых проблемах? Ситуация там такова, что этот островок уникальной культуры может исчезнуть под воздействием внешних обстоятельств. Набирающие силу грузинские шовинисты даже названия основанных духоворами деревень готовы поменять.

Сейчас немало говорится о том, что идет дружный поиск концепции, некой универсальной формулы межнациональных отношений. Но вот только контуры спасительной концепции никак не проясняются. Но я считаю, что наука не должна и не может дать некую единую и цельную концепцию развития межнациональных отношений. А значит, признавая за правящей партией право на формулирование наиболее общих принципов, нельзя говорить о единой политической линии и государственной политике в данном вопросе. Это, на мой взгляд, ненаучный подход к науке и к политике, ибо он исключает разнообразие и альтернативность мнений. Индивидуальный поиск и ответственность ученых за свои взгляды и предложения заменяются эклектичными «позициями институтов» и т.п. Получается, обезличенная наука претендует на некую обезличенную сводную концепцию «научного руководства обществом» или «научных основ политики». Подобными вещами мы занимались в нашей стране десятилетиями и в итоге довели общество и общественное сознание до кризиса.

Видимо, все дело в том, что общество и государство не могут строиться и развиваться только по научным конструкциям, будь они в виде идеально-утопических доктрин или в формах конкретно расписанных программ. Выглядит парадоксально, но именно этот путь ближе к тупикам и катастрофам, чем путь внешне хаотического, менее регламентированного, многовекторного развития с сильными элементами саморегуляции. В последнем случае науке, ученым отводится вполне достойное место при выработке политики и принятии решений, когда сохраняются альтернативность и индивидуальность мнений.

Те понятия, которыми мы сегодня оперируем в науке и практике, не позволяют даже определить, из каких этнических или историко-культурных общностей состоит население СССР. Вот только несколько вариантов, которые наиболее часто встречаются в нашем лексиконе: «нации и народности», «народы и национальности», «нации, народности и национальные группы» и т.д. Здесь мы подходим к трудному разговору, откладывать который уже нельзя. Со сталинских времен право на разработку научных основ так называемой национальной политики принадлежало философам и представителям историкопартийной науки. Именно ими десятилетиями разрабатывалась марксистско-ленинская теория наций и национального вопроса, писались тысячи книг и брошюр, защищались десятки тысяч кандидатских и докторских диссертаций. Научной всю эту деятельность нельзя назвать уже потому, что отсутствовал ее главный компонент – исследовательское начало, т.е. добывание нового знания.

До недавнего дня вся эта «наука» сводилась к яростному толкованию изречений классиков марксизма-ленинизма с дополнением аргументации в виде цитат из партийных документов и речей. Специалистов по национальному вопросу мало волновало и то обстоятельство, что их полувековые усилия не оказались признанными международной наукой. А ведь в мире трудятся над аналогичными вопросами сотни ученых, в том числе симпатизирующих марксизму. Этого не желало замечать высокомерное сектантство отечественных обществоведов, облаченных в непробиваемый жилет «критики фальсификаций национальных отношений в СССР». К сожалению, и в недавних передачах ЦТ за «круглым столом» по обсуждению проблем межнациональных отношений можно было услышать знакомые окрики: «Надо же знать предел!»

Коснулись все эти окрики и этнографии, судьба которой в прежние времена складывалась непросто. Родившись еще в XIX в. как наука о народах и племенах, собирающая и описывающая предметы традиционной материальной и духовной культуры, этнография в СССР в 1920 – начале 1930-х годов превратилась в этнологию («логос» – «знание» подчеркивал аналитические, народоведческие начала науки в отличие от «графос» – «описание»). Затем последовали обвинения в космополитизме и грозные проработки. Советским этнографам вновь пришлось облачиться в этнографический «кафтан» XIX в., но мощная традиция, заложенная еще Н.Н. Миклухо-Маклаем и В.Г. Тан-Богоразом, в целом развивалась. Коллективы ученых в Москве и Ленинграде остались верны главному принципу – изучению народов, их жизни, культуры, прошлого на основе полевых исследований. Десятилетиями из Института этнографии АН СССР ежегодно уезжают около 50 экспедиционных отрядов в различные районы страны. И хотя в нашем многоэтничном государстве наука о народах поставлена в унижительное положение (ученые ютятся по 15 человек в 18-метровых комнатах, а бесценные экспедиционные материалы заточены в подвалы), выходящие в последние два десятилетия ежегодно 25–30 научных книг сотрудников института составили советским обществоведам репутацию, за которую не стыдно по самым строгим меркам сегодняшнего дня. Во всяком случае, среди изданий института нет книг с заздравными названиями типа «расцвета и сближения наций», «критики фальсификаций» и им подобных, которые выходили в те же годы.

Вглядываясь еще глубже в советскую историю, стоит вспомнить, что Ленин выдвигал наиболее радикальный принцип права наций (как этнических общностей) на самоопределение вплоть до отделения и осуждал принцип национально-культурной автономии. Эта стратегия давала большевикам преимущества в борьбе за

власть и сделала возможным уже под эгидой революционной государственности сохранить территории царской России. В то же время Ленин верил, что с устранением эксплуатации на основе пролетарской солидарности этнические различия, чувства и проявления будут отходить на задний план, а позже отомрут совсем. В это, кстати, верила вся левая социалистическая мысль с конца XIX в. Но конец XX в. выявил иную ситуацию. *Культурное многообразие и этнические различия сохранились независимо от социально-политических условий, а лозунг создания «национальных государств» на этнической основе не реализовался в истории.* Более того, попытки построить внутригосударственное административное деление по этническим границам оказались трудноосуществимы из-за усиливающегося смешения людей разных национальностей, развития хозяйственных связей, утверждения общедемократических гражданских норм.

В современном мире народы сохраняют и отстаивают свою культурную целостность и специфику гораздо чаще и успешнее через различные формы национально-культурной автономии, через развитие регионального и местного самоуправления, через общегосударственное преуспевание. Сегодня принцип права наций на самоопределение в его этническом смысле из арсенала государственной политики фактически исчез повсеместно. Это, конечно, не отменяет суверенного права народов на обретение, восстановление или упразднение любых форм государственности, но только понятие «народ» в данном случае должно прежде всего заключать в себе гражданские, а не этнические начала. У нас же изначальной категорией, своего рода материальными «архетипами» объявляются нации, но содержание этого понятия запутано.

Что такое нация? Берем в руки выпущенный Политиздатом в 1988 г. учебник под редакцией Э.А. Баграмова «Актуальные проблемы развития национальных отношений, интернационального и патриотического воспитания». На странице 15 читаем: «Итак, нация – это историческая общность людей периода становления и развития капитализма (капиталистический тип нации) или социализма (социалистический тип нации), характеризующаяся устойчивой общностью экономических связей, территории, языка и культурно-психологических особенностей».

Когда-то в Европе бытовала шутка: «Нация – это группа людей, объединенных ошибочными представлениями о своем происхождении и общей неприязнью к своим соседям». Так вот, даже в ней видится больше логики и смысла, чем в вышеприведенной цитате, кстати, повторяющей многие аналогичные определения в отечественной литературе. Ученые во многих странах все больше

приходят к мнению, что дать четкое определение нации как некоего объективно существующего типа социальной группировки людей, как типа этнической общности невозможно. Многие полагают, что *нация может считаться реальностью лишь как субстанция духовной культуры и коллективного сознания, как внутрigrупповое понятие, а не что-то определяемое учеными или политиками извне.* Нация является выражением общности судеб и интересов членов общества, это своего рода постоянный, неформальный, извечно самоутверждающийся плебисцит. Идея нации оформляется в элитной среде того или иного народа и как средство достижения государственного суверенитета и реализуется с достижением этой государственности. Нация и государство образуют своего рода симбиоз: если идея нации является необходимой основой для государства, то в государстве воплощается коллективная «национальная» воля. Другими словами, не среди наций рождаются «национальные движения», а, наоборот, на почве культурного и политического национализма оформляется идея нации. Не случайно, родившись в Европе в эпоху буржуазных революций и образования «национальных государств», идея нации, пройдя через этап слияния этого понятия с понятием государства, ныне явно проявляет признаки умирания. Идея столкнулась с новым этапом ломки всех государственных перегородок на западноевропейском континенте, где идет «разгосударствление» жизни гражданских сообществ. В остальных районах Земли, не испытавших прямого европейского влияния, понятия «нация» в общественной мысли и практике нет вообще.

Мы же вслед за «великим теоретиком» И.В. Сталиным придали понятию «нации» материальные признаки, жестко связав их с республиканским статусом и территориями. Затем стали срочно формировать «социалистические нации», составлять их перечень, закреплять его в конституции. И в результате создали ситуацию, о которой хорошо сказал Ф. Искандер: «Национализм подогревается самой структурой нашего общества, где учет национальных интересов, изначально правильный и благородный, превратился в дурную формальность».

Выдвижение в качестве приоритета расширение прав союзных республик при том, что еще в советской Конституции они определены как «национальные государства», на мой взгляд, не гармонизирует межэтнические отношения. Ведь есть граждане, которые не принадлежат к так называемым коренным нациям. Такую ситуацию мы уже наблюдали в Югославии. Нет сомнений, что разрушение вертикальных бюрократических структур и ограничение прерогатив Центра необходимы. Но это в равной мере должно касаться не только союзных, но и автономных республик, областей и округов,

территориальных областей, некоторые из которых по своей численности, хозяйственному потенциалу, производимым материальным благам не уступают союзным республикам. Этот процесс должен рассматриваться прежде всего как часть процесса общей демократизации, расширения местной автономии и самоуправления.

Включение же этого процесса в контекст и даже в основу перестройки межэтнических отношений неминуемо ведет к абсолютизации фактора «национальной государственности». Последняя, кстати, никогда в прошлом, а тем более в современной ситуации, сама по себе не гарантирует обеспечения прав народов, их свободного развития и, наоборот, зачастую порождает ложные атрибуты власти и престижные формы культуры для доминирующей или «коренной» в пределах данной государственности национальности.

В многоэтничных по составу населения республиках всегда имела, а сейчас еще более возрастает тенденция рассматривать государственность, а вместе с этим и территорию как исключительную собственность народа, давшего название республике. В Эстонии, например, самые высокие руководители настаивают на необходимости подчеркивать, что республика является национальным государством эстонского народа, в состав которого входят собственно эстонцы как коренная нация, и меньшинства, к которым относятся русские, латыши, финны, евреи и представители других народов. Аналогичная трактовка дается сейчас и понятию «народ Латвии». А между тем едва ли согласится со статусом «меньшинства» или «некоренных» жителей (а тем более «инородцев») проживающее в пределах современной Эстонии старожильческое русское население.

В основу концепции гармонизации межэтнических отношений должен, на мой взгляд, быть положен принцип обеспечения прав народов (а не республик) на путях расширения самостоятельности регионов и мест, культурной автономии, а самое главное – последовательной гражданской демократизации, включая обеспечение специфических интересов и прав отдельной личности, обусловленных принадлежностью к тому или иному народу. Все это – вопросы огромной теоретической и практической важности, требующие самого глубокого осмысления и обсуждения, прежде чем они обретут силу конституционно-правовых норм.

О СОВЕТСКОМ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМЕ*

С голубого экрана ученые, писатели и политики внушают согражданам, кто они есть и кому должны присягать на групповую лояльность, какие у той или иной группы вековые корни и права на территорию. Правда, умалчивают о том, какой длины должны быть корни (от верхнего палеолита или от времен Екатерины II), чтобы иметь «святое право» на «исконные» территории в пределах случайно сложившихся административных границ. Привыкшие к решениям вождей граждански незрелые массы в условиях неожиданной либерализации и усугубляющейся материальной нищеты поставлены перед необходимостью определиться по членству в «нациях, народностях и национальных группах». Какой дьявольский вопрос поставили, например, ученые и политики перед жителями Бурятии: кого считать коренным народом – потомков поселившихся здесь 300 лет назад русских старообрядцев или бурятов – потомков мигрировавших сюда в начале XIII в. кочевников бурято-монгольского степного мира?

К взаимоисключающей этнической идентичности (только украинец или только русский, а не так, как Н.В. Гоголь – русский и малоросс в одном лице) подтолкнули записанные в конституционных нормах, многократно заявленные слова о праве нации как этнической общности на самоопределение. О праве этом стали прежде всего заботиться начинающие законодатели первого советского парламента – Съезда народных депутатов и местная партийно-чиновничья элита, заполняя новую идеологическую пустоту идеями этнонационализма. О святости этнического начала повсеместно заговорили научная и журналистская братия. Откуда все это и почему так происходит? Почему так быстро закончилась «дружба народов» и дело идет к очень серьезным спорам?

КОРНИ НАЦИОНАЛИЗМА

Всему этому есть свои причины. У советского этнонационализма есть как давние, так и совсем молодые корни. Действительно, трудно забыть, что прошлое насилие носило часто избирательный

* Ранее опубликована под названием «Оставьте себе горные вершины! (Заметки о советском этнонационализме)». См.: Новое время. 1991. Июль (№ 27). С. 30–32.

по отношению к разным народам характер. Сталинские депортации и языковая русификация – одни из наиболее ярких примеров. Но немаловажно и то, что в стране отсутствовали институты демократического общества, а на уровне регионов и городов царила удушающая централизация, и для создания деловой ассоциации, банка, киностудии, театра или НИИ нужно было забраться на ступеньку «национальной государственности», избавившись от ущербного статуса «народности» или «меньшинства». Нужно было стать «советской нацией», чтобы иметь право на культурное самовыражение. В этих условиях самой понятной и легкодоступной основой коллективного действия стало так называемое национальное движение в его этническом, а не общегражданском варианте.

Ну, а что же политики и интеллектуалы? Не успев вкусить подлинных академических свобод, не избавившись от претензий на научное руководство обществом, не излечившись от порочной страсти к социальной инженерии, а самое главное – не успев очистить интеллект от постулатов «единственного учения» и не пополнив его новейшим гуманитарным знанием, они охотно взяли на себя роль новых духовных лидеров. Они вычленили дремавшую в марксистско-ленинской доктрине националистическую идею и представили ее массам, воспитанным на классовой непримиримости, в качестве средства и цели демократизации. Популярность в обществе обрели писательские заклинания, прозвучавшие с кремлевской трибуны народных депутатов и с газетных полос: «нации – категории непреходящие» (Б. Олейник), «лучше умереть, чем дожить до момента, когда исчезнет твой родной язык» (В. Быков).

Как на партийном собрании, открыто и единогласно проголосовали народные депутаты Грузии за избрание президентом республики филолога и историка З. Гамсахурдиа, который завораживающе объяснял жителям Грузии: думать нужно прежде всего не об экономике Черноморского побережья или о ценах на союзных рынках, а о том, что «мост на реке Беслети близ Сухуми и ныне хранит старинную грузинскую надпись», что абхазов и грузин «связывали между собой культура “Вепхвисткаосани” и древнейшие грузинские храмы, украшенные грузинскими надписями, те, что и сегодня стоят в Абхазии». Только «враги», «агенты» и «предатели нации» готовы оставить грузинам один проспект Шота Руставели в Тбилиси.

В свою очередь, грузинский шовинизм сталкивается с не менее агрессивным абхазским сепаратизмом. Лидеры Абхазии, например, предлагают ввести квоту – 50% депутатов парламента автономной республики для этнических абхазов. Это при том, что абхазов – 19% населения. Однако, казалось бы, абсурдное требование срабатывает, несмотря на статью Конституции о равенстве граждан независимо

от их национальности. Национализм и те, кто способен о нем громко заявить в определенных социальных условиях, обладают завоевывающей силой. И уже не политики и интеллектуалы, а совсем другие люди, оторвавшись от телеэкрана или отложив газету, оказываются у того самого сухумского моста с ружейными стволами, направленными друг на друга.

Национализм и национальная идентичность, эти интеллектуальные конструкты складывались на рубеже XVIII – XIX вв. Однажды созданные, они перешли в широкий спектр политико-идеологических реалий и завоевали широкое социальное пространство. *Рожденная европейскими интеллектуалами идея нации утвердилась как синоним согражданства в пределах единой государственности.* В итоге во всем мире понятие межнациональных (international) отношений означает межгосударственные отношения, а понятие межэтнические отношения – это как раз отношения между народами. В СССР, наоборот, «национальные отношения» есть межэтнические, а «национальная политика» – это не политика обеспечения государственных интересов, а политика в отношении российских национальностей, или этническая политика.

Почему, отказавшись от идеи построения пролетарской державы, политики и ученые продолжают верить в другую химеру – строительство «национальных» (читай – «этнических») государств, считая, что только этнонации создают основу для хозяйственного и социального развития общества и только они дают жизнь самой государственности? Ведь нация, по справедливому замечанию Н. Бердяева, – это такая же мифологическая конструкция, как и пролетариат. Но многие ученые до сих пор не могут избавиться от влияния оформленных Сталиным в жесткие дефиниции путаных рассуждений Ленина по «национальному вопросу». Остаются в плену национализма и те, кто обосновывает и даже начал осуществлять собирание «исконных» этнических территорий (русских, грузинских, молдавских или других) под эгидой «единой и неделимой государственности», и те, кто крушат тоталитарные структуры, развешивают «национальные флаги» над нищими сельсоветами.

По крупному счету, националистами остаются в своей политике не только лидеры республик, но и Центра, ибо все они – поклонники сталинского определения нации. Правда, прибалтийские политики, приблизившись к реализации идеи государственного самоопределения, раньше других осознали пределы и бесперспективность ее националистического варианта. Не случайно после 11 марта 1990 г. В. Ландсбергис разъяснил миру, что самоопределился народ Литвы, включивший всех граждан республики (но не литовская этнонация!). А затем он сформулировал свое понимание нации как

необязательно этнически однородной общности, а как согражданства. В Латвии объявлен отказ от паспортной фиксации национальности граждан республики. На съезде Народного фронта Эстонии началась дискуссия о необходимости пересмотра поспешного закона об официальном языке, говорилось о возможном эстонско-русском двуязычии. Отклик не заставил себя ждать: идея независимости принята, согласно последним опросам, большинством всех проживающих в Прибалтике граждан независимо от их этнической принадлежности. Эти тривиальные идеи подсказали приглашенные иностранные консультанты. Но неужели нельзя было задуматься раньше и насколько искренни эти новые установки? Не последует ли обман после возможной независимости?

В истории еще не было прецедентов, чтобы за 3–5 или даже за 10 лет миллионы людей переучивались читать и разговаривать с родного языка на язык своих соседей. Языковая агрессия, начатая интеллектуалами, поставила в еще более сложное положение миллионы граждан страны, принадлежащих к национальностям, представители которых давно перешли на русский язык. И вот уже целые народы от Чукотки до Карелии стыдливо обнаруживают себя в какой-то вновь выдуманной категории «русскоязычного населения». А это ведь многочисленные и достойные этнокультурные общности, в том числе буряты, марийцы, мордва, коми, башкиры, татары и белорусы, большинство которых дома и на работе говорят на ставшем им родным русском языке.

ПРЕДЕЛЫ НАЦИОНАЛИЗМА

Некоторые специалисты, комментируя ход событий в Восточной Европе, считают, что там, как и в СССР, идет естественный процесс. «Каждый народ, каждая нация должна пройти этап самоосознания, самоутверждения, чтобы подойти к периоду самореализации»; «Отставшие в своем развитии страны Восточной Европы не смогут миновать исторического этапа разъединения, чтобы потом на новых условиях объединиться».

Откуда такой антиисторизм? Ведь к 1918 г., когда рухнули три крупные империи, на основе двух из них (Австро-Венгерской и Османской) возникли многочисленные «национальные государства». Самоопределившиеся нации получили возможность оформить свои отдельные и независимые государства на основе этнического принципа. Сделать это было не так просто. В этих странах оказались свои собственные меньшинства. С достижением независимости восточноевропейские националисты не сделались более терпимыми к меньшинствам, чем их бывшие имперские притеснители. Трагические для

человечества 30–40-е годы XX в., казалось бы, безнадежно дискредитировали национализм, особенно такую его крайнюю форму, как нацизм. В Западной Европе и Северной Америке утвердились общегражданские принципы организации общества с элементами согласительной демократии, обеспечивающей права и интересы культурных общностей и связанные с этим специфические запросы граждан.

Однако национализм в его этнической форме (этнонационализм) не сошел с общественной арены. Идея нации, видимо, еще долго останется мобилизующей силой для доминирующего населения полиэтничных сообществ, пока не будет достигнуто такое материальное благосостояние и такой политический строй, которые позволят без истерики делиться властью и ресурсами с «иноязычными». Пока не утвердится такая демократия, при которой группы и личность могут отстаивать свой статус и интересы, не имея родных по крови правителей. Именно тогда гражданин получит возможность обладать достоянием, которое он будет ценить выше групповой лояльности с ее облегченной жертвенностью и минимальной личной ответственностью.

Так называемые национальные движения в СССР в последние годы сыграли определенную позитивную роль, но трагедия в том, *что национализм, используя этнические чувства и привязанности, прикрываясь привлекательностью лозунга о праве каждой нации на самоопределение, неизбежно предаст и саму демократию.* Общие язык и культура облегчают жизнедеятельность общественных институтов. Но трагическим заблуждением являются обыденная вера и разжигающие установки политиков и интеллектуалов, что территория и государственность могут принадлежать этносу, а его представители обладают правом на особый статус и права в гражданских сообществах. Даже если в процессе дезинтеграции СССР какой-то из «титulyных наций» и удастся основательно «почистить» нынешние территории союзных республик во имя принципа типа «Грузия – для грузин!», они обрекут себя, а тем более детей и внуков на вековое враждебное окружение и моральные муки. Как правило, меньшинства в таких «национальных государствах» не отказываются от стремления к собственному самоопределению.

Как собираются нынешние лидеры привести свои республики в Организацию Объединенных Наций, объединяющую нации-государства, если в домашнем варианте они исповедуют этнонационализм, деля своих граждан на коренную нацию и «некоренное население», которое зачастую составляет половину, а то и большинство граждан этих государств?

Еще более абсурдны стремления политической и культурной элиты внутренних автономных образований объявить свои терри-

тории «национальными». Какую печальную участь готовят себе, скажем, башкиры, объявляющие одноименную республику «национальным государством» и распространяя право продажи земли только на этнических башкир, а не на башкортостанцев – жителей республики! И это в республике, где большинство населения составляют русские и татары. Как можно суверенитет Татарии толковать самоопределением татарской нации, если четыре пятых татар не живут и не собираются жить в этой части страны?! О чем думали авторы «декорации» о суверенитете Коми АССР, записывая в него пункт о том, что президентом республики может быть только коми по национальности? Неужели горняки Воркуты и их дети смиренно примут добывание угля как единственный вариант их жизненной карьеры? И, наконец, не менее тревожная форма национализма – это рассуждения политиков о необходимости самоопределения русской нации и создания Русской республики.

В каждой области, крае, республике России живут граждане, имеющие свою этническую культуру и заинтересованные в ее сохранении и воспроизводстве. *Именно через самоуправляемые региональные и местные сообщества, а не только через выгородки в виде «национальных государств» среди обезличенных краев и областей сохранится и обустроится громада России.* И, возможно, переболев национализмом, ужаснувшись от того, как легко слова и идеи, летописные цитаты и археологические надписи обращаются в кровь, захотят построить с Россией союзные отношения и ее новые соседи.

Если же национально-территориальная идея так тревожит нынешних политических пастырей и государственных лидеров от коммунистов до националистов, отдайте (лучше навечно и бесплатно) эту территорию, включая пашни, угодья, леса, этим местным сообществам и отдельному человеку. Себе же, государству, оставьте одни горные вершины (как это сделано в Норвегии, где по закону в частную собственность может быть продано все, кроме не покрытых лесом гор) и делите их на здоровье между Центром и республиками. Только в итоге такого самоопределения у человека появится то, что сделает его гражданином.

Нынешние толпы насильников выходят из коммунальных квартир и барачков. Но если у них по соседству будут пастись собственные овцы на собственном лугу и расти сад на собственной земле, они крепко задумаются, прежде чем пойдут жечь чужие дома, рушить мосты и дороги.

ТЯЖЕЛО СОЮЗ СОХРАНИТЬ, ЕЩЕ ТРУДНЕЕ РАЗРУШИТЬ*

Хотя руководители путчистов обещали не вводить чрезвычайное положение на Украине, в Белоруссии, Казахстане и республиках Средней Азии, а Янаев объявил о полученной им поддержке со стороны автономий, путч нес угрозу национальным движениям среди нерусского населения страны. «Циничная спекуляция на национальных чувствах – лишь ширма для удовлетворения амбиций» – так в «Обращении к советскому народу» путчисты определяли сложный и противоречивый процесс суверенизации союзных и автономных республик. Казалось, подобное заявление должно было вызвать тревогу у лидеров этих республик. Однако ход событий, как и водораздел между участниками этой исторической драмы, оказался гораздо сложнее.

В большинстве союзных республик основой массовых действий и политического размежевания стали национальная идея и этнонационализм в его прокоммунистическом или антикоммунистическом вариантах, исповедуемые соответственно старыми или новыми политическими элитами доминирующих этнических групп. Главный вектор политической борьбы и националистических движений был направлен по вертикали «вверх» – против русскоязычного Центра и «вниз» – против этнических меньшинств или так называемого некоренного населения. Пожалуй, только на Украине и частично в Азербайджане главными были противоречия между национал-коммунистами и национал-радикалами.

Принципиально иная ситуация в России. В этом огромном многоэтничном образовании с высокой долей одного доминирующего народа – русских – общенациональная идея не получила широкого распространения. Причины? Прежде всего многоэтничный состав того мощного слоя российской демократии, который оформлялся за годы перестройки в Москве, Ленинграде и ряде других крупных городов и фактически возглавил процесс демократических преобразований в общесоюзном масштабе. После выборов 1990 г. в республиканские и местные органы власти и выборов

* Ранее опубликована под тем же названием. См.: Новое время. 1991. Сентябрь (№ 3).

президента и мэров в 1991 г. главное политическое противостояние ушло из стен союзного парламента и прошло между союзным Центром и российским руководством. Этнонациональный аспект здесь фактически не имел никакого значения и даже более того – российское руководство казалось более интернациональным, чем шовинистически настроенная значительная часть центральных структур власти в блоке с руководством российской компартии. Русский Ельцин, украинец Станкевич, грек Попов, еврей Заславский, чеченец Хасбулатов и многие другие лидеры демократии и не могли разыгрывать «национальную карту», солидаризируясь вокруг идей и принципов общегражданского суверенитета.

В тексте Декларации о суверенитете России фактически впервые появились понимание и формула национального самоопределения как самоопределяющегося согражданства – многонационального народа РСФСР. Однако процесс становления нового российского самосознания столкнулся с целым рядом препятствий.

Во-первых, достаточно громко заговорили «легитимисты», призывавшие к восстановлению легитимности дореволюционного российского государства. Среди них оказались не только русские патриоты-шовинисты, но и ученые-публицисты, писатели более либеральных воззрений.

Во-вторых, открылся мощный внутренний фронт в лице националистических движений в российских автономиях, прокоммунистическая элита которых зачастую блокировалась с центральными властями.

В-третьих, сказалась неразвитость российских республиканских институтов и атрибутов государственности, роль которых для РСФСР исполнял с момента образования Союза все тот же Центр.

Был необходим какой-то новый внешний вызов, который позволил бы продвинуть процесс российского самоопределения. И этим моментом стали события 19–21 августа. Пожалуй, впервые слова «Россия» и «россияне» обрели особую значимость и зримость, а российское самосознание – действительно национальные (не этнические!) символы: парламент (Белый дом), флаг, гвардию, жертвы и жертвенное место.

Лидеры российских автономий, где в структурах власти доминировали коммунисты, поддержали ГКЧП. Только Президиум Верховного Совета Коми АССР объявил поздно вечером 19 августа о своей лояльности законно избранной российской власти. Выжидательную позицию заняли по отношению к хунте и лидеры ряда союзных республик, за исключением прибалтийских и Кыргызстана. Там, где лидеры и большинство депутатов парламентов составляли коммунисты (Белоруссия, Азербайджан, Таджикистан, Туркмения,

Узбекистан), ГКЧП фактически получил поддержку. Лояльность коммунистической догме, обеспечивавшая до путча власть в этих республиках, оказалась сильнее солидарности с демократией и угрозы тоталитарной реставрации.

Наибольшие симпатии, в том числе со стороны президента Азербайджана А. Муталибова, вызвало обещание не вводить чрезвычайного положения или разрешить межэтнические конфликты на основе доперестроечного статус-кво. Л. Кравчук на Украине, Н. Назарбаев в Казахстане, М. Снегур в Молдове, Л. Тер-Петросян в Армении предпочли успокоить население республик обещанным суверенитетом. Вот оценка сопредседателя социал-демократической партии России О. Румянцева: «Трудно принять как чистый и моральный тезис “главное – наш суверенитет, а остальное – выдумки Москвы, хоть бы и ГКЧП будет, лишь бы нас не трогали”». Эту ситуацию отразил народный юмор:

«Эй, Кравчук и Назарбаев,
Вас устраивал Янаев.
Не мычали, не телились,
А теперь вдруг отделились?»

В сложной ситуации оказались лидеры существующих этнотерриториальных автономий в Грузии и самоопределяющихся образований в Молдове (Гагаузия и Приднестровье). Логика противостояния властям своих союзных республик толкала их в сторону новоявленного «советского руководства». Однако не стоит забывать, что речь идет о позициях конкретных лидеров, которые, не обладая достаточным политическим опытом и оказавшись в сложной ситуации, не смогли сразу определить позиции, отражающие настроения более широких слоев населения и политических сил. Зато демократическую Россию поддержали радикально-националистические органы власти на Западной Украине, либерально-демократическая партия в Таджикистане, движение «Иттифак» в Татарстане, активисты Народного фронта Азербайджана, Вайнахская партия в Чечено-Ингушетии и другие общественные группы и движения. Чем-то эта ситуация напоминала время прихода к власти большевиков, которые благодаря своим лозунгам освобождения и самоопределения этнической периферии получили необходимую поддержку в борьбе против сторонников «единой и неделимой» России.

Провал путча и победа российского руководства, действия Б. Ельцина, а затем М. Горбачева против руководства КПСС означали конец этой партии в Центре, а вместе с этим и катастрофу республиканских национал-коммунистов. Желание удержать власть подтолкнуло многих из них к тому, чтобы срочно избавиться от коммунистической подпорки и воспользоваться моментом паралича Центра для безоговорочного перехода на политическую платформу национализма.

Но главные события развернулись не вокруг судьбы КПСС, а вокруг вопроса об отношениях с союзным центром и Россией. Начало неожиданному процессу полного разрыва с Центром было положено еще в дни путча, когда 20 и 21 августа Эстония, Латвия и Молдова объявили о своей полной государственной независимости. Это было логическое завершение всего предшествующего политического курса руководства этих республик, опирающегося на мнение населения, зафиксированное плебисцитами в прибалтийских республиках. Что было сенсацией, так это рывок в сторону полной независимости Украины и Казахстана, а затем Белоруссии и республик Средней Азии. В итоге почти 300 миллионов жителей СССР 6 сентября проснулись гражданами 15-ти новых государств. По крайней мере так были восприняты решения закончившегося в Кремле съезда народных депутатов.

Трудно было сохранить Союз, но, возможно, еще труднее его разрушить. Государства создаются людьми, решившими составить гражданское сообщество, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия своего социального существования. Еще никому не удалось выработать или умозрительно определить оптимальную форму образования государств, а тем более их упразднения. Ясны лишь некоторые примерные условия. Среди них одним из важнейших является этнокультурный фактор. Суть его в том, что существующие на Земле этнокультурные общности (народы) стремятся оформить свое бытие не только системами хозяйственного жизнеобеспечения и передачи культурной информации, но и институтами власти, в том числе в форме государства. Однако государства – это оформленные границами территории, которые почти во всех случаях не могут совпадать с границами распространения культур и языков. Государства стремятся через общие символы, доминирующие идеологические и правовые нормы конструировать общую идентичность среди своих граждан. Однако обеспечение лояльности граждан так называемых наций-государств предусматривает сохранение и уважение культурного плюрализма. Именно такие нации-государства оказываются более жизнеспособными и добиваются процветания. Старому Советскому Союзу не удалось решить эту проблему. Удастся ли новым образованиям не повторить один трагический эксперимент в 15-ти уменьшенных вариантах?

По крайней мере три крупные проблемы просматриваются на горизонте новых суверенных государств.

Первая. Пока дезинтеграция произошла верхушечно, на уровне больших политических шахмат, в итоге усилий интеллектуалов, политиков и общественных активистов, сумевших увлечь за собою большинство. Но этого явно недостаточно для того, чтобы соста-

вить базу новых независимых государств. Размеры территорий, обладание ресурсами здесь не столь важны, как уверенность населения в своем выборе. А что, если крупные массивы компактно проживаемых граждан заявят об ином выборе? Готовы ли те, кто на основе права на самоопределение обрел независимость, дать такое же право на автономию другим осознающим свою отличительность группам? Например, венграм, болгарам, полякам на Украине, абхазам и осетинам в Грузии, корейцам и уйгурам в Казахстане, талышам и лезгинам в Азербайджане и так далее.

Список этот гораздо длиннее, чем подозревают политики, ибо этничность имеет свойство рождаться заново, оформляться на региональной основе или на основе общей исторической традиции. *Если общество поощряет не свободу и развитие культур, а этнонационализм в виде создания для каждой из групп своих государств – движение за самоопределение, за которым стремление обеспечить доступ к власти и избежать неравного статуса, будет продолжаться бесконечно со стороны тех, кого в новых государствах хотят квалифицировать как «этнические меньшинства».*

Вторая. Статус меньшинств никак не будет принят «сколками» с крупных народов, которые составляют в отделившихся государствах иногда многомиллионные массы. Прежде всего это касается русских, 6,5 млн которых проживает в Казахстане, составляя большинство в шести областях этой республики, и 11,3 млн на Украине, где они находятся главным образом в сложной по составу и смешанной по культуре зоне русско-украинского пограничья и преобладают среди населения Крыма. Такая же ситуация характерна для украинцев в России, в Молдавии и в Белоруссии, для русских в Латвии и Эстонии, не говоря уже о грозной чересполосице в среднеазиатском регионе, особенно узбекско-таджикском пограничье. Статус меньшинств для этой части населения невозможен потому, что они есть такие же автохтонные жители новых образований и рядом, за государственной границей, пребывает основное ядро их собственного народа. В этих случаях очень вероятно, особенно при неблагоприятных социальных и культурных условиях, возникновение так называемого ирредентизма, т.е. движения за воссоединение с собратьями. Это обычно самая грозная причина и форма межэтнических конфликтов.

Ирредентизм уже наблюдается среди части русских в Эстонии, украинцев и русских в Приднестровье. Но он может обрести силу в таких регионах, как Северный Казахстан, Восточная Украина и Крым (среди русских), для которых успокаивающие визиты А. Собчака и А. Руцкого в Киев и Алма-Ату и верхушечные договоренности ровным счетом ничего не значили.

Массовые миграции и переселения здесь не помогут, как и другие силовые методы. Пересмотр, вернее уточнение границ (никак

не территориальные претензии, ибо речь идет о желании части граждан в отношении территории собственных государств), может быть единственным, хотя и очень сложным, путем решения конфликтных ситуаций. *Но есть более верный и гарантированный путь утверждения основ новой государственности – это признание равнообщинного характера населения ряда новых стран, в том числе и прежде всего через официальное двуязычие (украинско-русское, молдавско-русское, латышско-русское, казахско-русское, узбекско-таджикское).*

Третья. Это вопрос о судьбе многочисленного, порой более влиятельного, чем политики, интернационального по составу слоя образованной гуманитарной и технической интеллигенции в Центре, рекрутированного из народов всех республик, особенно Украины, Грузии, Армении. Завтра десятки, если не сотни, тысячи талантливых, широко известных, высокообразованных людей утратят ставшее для них привычным и жизненно важным социально-культурное пространство советской страны. Их этническая (историческая) родина будет за рубежами России, а гражданство и общественный статус должны будут обеспечиваться в независимой России в условиях уже безусловно доминирующего русского окружения?

Национализм среди самого крупного народа страны – русских был до этого менее развит, чем среди других народов. После образования суверенных государств русские среди всех других аналогичных по численности народов мира (свыше ста миллионов) окажутся в явно невыгодном положении, когда значительная территория их расселения станет «зарубежьем» или землей суверенных российских автономий, тоже мечтающих хотя бы денек побыть независимыми. *Рост русского национализма и движение за самоопределение русской нации вполне могут разделить логику развития аналогичных процессов среди других народов.* Обо всем этом есть смысл задуматься, чтобы уйти подальше от путча и избежать более масштабного насилия.

«СМЕРТЕЛЬНЫЙ ГАМБИТ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ*

Существуют две точки зрения – два объяснения распада СССР. Одни ученые, публицисты и политики считают, что реализовалась историческая закономерность, через которую неизбежно прошли все прошлые империи, а именно – нации осуществили свое право на самоопределение, как это сделали 200–100 или 50 лет тому назад все основные народы мира, создавшие собственные национальные государства, кроме тех, кто оказался в «социалистическом лагере». Другие полагают, что произошла грандиозная и безответственная политическая импровизация в силу ложно понимаемых идей свободы и демократии, а также в угоду амбициям суперлидеров и политиков. В итоге было покончено не только с тоталитарным режимом, но и с тысячелетней государственностью, и тем самым совершен еще один трагический эксперимент без будущего. Оба объяснения мне представляются упрощениями.

Все самоопределившиеся в разные эпохи и ныне существующие государства мира имеют сложный состав населения, и в этническом смысле народы не прошли и не собираются проходить стадию «национального самоопределения». Так, англичане входят в состав британской (а не английской) нации и живут в государстве, которое называется Соединенное Королевство Англии, Шотландии и Северной Ирландии. В Испании самоопределились не испанцы, а несколько этнических групп – кастильцы, каталонцы, баски, которые и образуют народ Испании, или испанскую нацию. Автономизация (федерализация) Испании после режима Франко произошла главным образом на основе региональных культурно-исторических традиций.

Консолидация в единый народ чаще всего происходит после образования государства. Не нации создают национальные государства, а, наоборот, идея нации рождается среди народов (необязательно культурно однородных) как политическая программа для создания суверенных гражданских обществ, и уже государства создают нации, т.е. осуществляют процесс «нациестроительства».

* Ранее опубликована под названием «На перепутье. “Смертельный гамбит” национальной политики». См.: Независимая газета. 1992. 7 февр. (№ 25). С. 5.

Именно такое понимание заложено и в международно-правовую практику и соответствующие международные документы по вопросам о праве на самоопределение. Ни в одном из этих документов понятие «народ» не трактуется как одна этническая общность, в них нет выражения «право нации на самоопределение», ибо нации – это уже самоопределившиеся образования. Если бы принцип права на самоопределение для этнонации был бы заложен в мировую политическую практику и в конституции таких государств, как Индия, Китай, Нигерия, Индонезия, то эти государства прекратили бы свое существование по причине этнического сепаратизма.

В то же время этническая общность является важным элементом в жизнедеятельности государства, хотя не определяет ни сам факт его возникновения, ни внутренние принципы устройства. *Этническая – это сложный социальный феномен, своего рода форма идентичности и солидарности на основе культурной схожести, индивидуальный выбор на лояльность или принадлежность к той или иной культуре или к нескольким сразу.* Там, где государство и доминирующая общественная среда преследуют интересы и цели представителей одной культуры или одной этнической общности, тем самым сужая или даже уничтожая возможности для носителей других культур в едином политическом образовании, там возникает стремление со стороны «других» устранить эту угрозу, изменить условия, в том числе через образование защитных механизмов в форме «собственной» государственности. Так формируется этнический сепаратизм, который в современных условиях проявляет себя достаточно сильно, в том числе в развитых демократических обществах.

Примеры франкоканадцев, басков, шотландцев, ирландцев, валлонов, не говоря уже о сикхских и тамильских сепаратистах, довольно часто приводятся в качестве аргумента о неодолимости стремления народов к национальному самоопределению. Но это, скорее, свидетельствует об обратном. Из трех тысяч народов Земли те немногие, а вернее, часть лидеров и активистов сепаратистских движений, которые пытаются осуществить вариант политического отделения десятилетиями, а иногда столетиями, этой цели, как правило, не достигают – ни через войну, ни через терроризм, ни через демократические процедуры. И главная тому причина – неспособность мобилизовать вокруг своей программы большинство соплеменников, которые предпочитают совместную жизнь и отстаивание своих интересов в более крупных многоэтнических образованиях.

Единство, цельность и сила государства с культурно сложным составом населения обеспечиваются прежде всего через создание и внедрение в общественную жизнь общегосударственных символов, ценностей и чувства общегражданской лояльности, в том

числе патриотизма, т.е. чувства единой Родины. Важное значение имеет общая установка граждан и государства на уважение ценности культурных различий и плюрализма и на необходимость совместного проживания и сотрудничества граждан разного этнического происхождения.

Какой же вариант был предложен марксистской доктриной и осуществлен большевистским экспериментом? А избран был вариант этнического национализма, который трактовал нации как этнические общности и был одно время особенно популярен среди восточноевропейских социал-демократов. И хотя марксизм провозгласил себя интернационалистской доктриной, Ленин достаточно хорошо понимал политический потенциал этнонационализма для свержения царизма и победы над своими противниками, выступившими за «единую и неделимую» Россию. Сталин вскоре затвердил это понимание железной формулой, что есть нация, увязав воедино территорию, общность хозяйственных связей, язык и психический склад, оформленные «собственной» национальной государственностью.

Со временем лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения превратился на многие десятилетия в декларацию, но этнонационализм составил основу общественной теории и государственно-правовой практики. Советский режим и его обществоведы изобрели понятия «социалистического федерализма» и «национальной (читай этнической) государственности», на основе которых была создана псевдофедерация национальных государств и иерархия так называемых национально-государственных образований. Огромные материальные и интеллектуальные ресурсы были затрачены, начиная с политики «коренизации» 1920–1930-х годов вплоть до брежневских времен, на так называемое национально-государственное строительство, политику «расцвета и сближения наций».

Этничность была институционализована через предпочтительный статус так называемых коренных наций в республиках, через систему преференций и квот на образование, профессиональный и административно-управленческий персонал. Престижными символами национальной государственности стали республиканские конституции, гербы и гимны, управленческие институты, творческие союзы и даже наука в лице республиканских академий. Через систему обязательной регистрации этнической принадлежности («национальности») во внутренних паспортах национальность стала своего рода социальной характеристикой. По ее параметрам строилась стратификация общества в республиках, на нижних ступенях которой оказались многочисленные «двойные меньшинства» внутри республиканских автономных образований.

За годы советской власти сформировалась мощная партийно-чиновничья и интеллектуально-профессиональная элита, своего рода компрадорский средний класс, через который и осуществлялась

система непрямого унитарного управления, обеспечившая политическую власть КПСС и экономическую централизацию. «Ленинская национальная политика» преследовала цель не столько обеспечить развитие и благосостояние народов, сколько служить одним из столпов тоталитарной системы. Это был «смертельный гамбит»: на декларативном и элитном уровнях поощрять национализм и комплиментарные по отношению к «нациям и народностям» установки, а в повседневной реальности душить самостоятельность, уничтожать тех, кто поверил в эти декларации.

Для политиков этнический фактор часто служит разменной картой как в большой геополитической игре, так и в индивидуальных устремлениях. Достаточно вспомнить Сталина, расширявшего границы СССР под предлогом собирания «исконно украинских территорий» (вот уж кто должен быть главным героем для украинских националистов!), или поведение союзных народных депутатов, пекущихся с кремлевской трибуны каждый о своей нации. Для многих интеллектуалов, особенно для деятелей культуры и ученых-гуманитариев, этничность, язык и представление о культуре и о прошлом – это не просто жизненная среда, а форма профессиональной деятельности и карьеры, независимо от того, осознанно или неосознанно они выступают глашатаями идей национализма и мобилизуют вокруг них людей. Для широких масс и даже для целых народов, особенно небольших и компактно проживающих, где легче осуществляются коммуникация и пропаганда лидеров, этничность и «национальная идея» в условиях социальной дезориентации стали самой понятной и легкодоступной основой коллективных действий.

После распада Союза этнонационализм и лозунг о праве наций на самоопределение выглядят, на первый взгляд, триумфаторами. Бесспорен их вклад в разрушение существовавшего режима, а также в некоторые аспекты демократического обновления. Но, как это часто и бывало в истории, *национализм легко предает демократию и оборачивается махровым безобразием. А самое главное – он так же нереализуем, как и коммунистическая идея.* После Союза возникло не 15 национальных государств, а многоэтнические политические образования, которым предстоит делать исторический выбор, а именно вместо самоопределения этнонаций строить государства-нации, т.е. многоэтнические гражданские сообщества.

Наиболее трудный вопрос нациестроительства стоит перед Россией. Здесь уже существует оформленная статусом и границами та самая по-советски скроенная этническая государственность, и ее демонтаж в губернское управление нереален. Так же, как и нереальна явочная сецессия по причине противодействия подавляющего большинства населения страны и достаточно твердых на этот счет позиций федеральных властей. Но гибкий и более свободный

федерализм с высокой степенью самоуправления для региональных образований крайне необходим. Россия слишком велика и не обустроена, чтобы пытаться всем управлять из нового Центра.

Этническая чересполосица заставит проводить политику терпимости и культурного плюрализма не только в российских республиках, но и в краях и областях (а возможно, в более крупных образованиях – землях или округах). В некоторых из них, считающихся «территориальными субъектами», нужны не менее крупные защитные меры по отношению к гражданам разных национальностей, чем они есть в республиках. Доля татар в Свердловской, Ульяновской и Пермской областях выше, чем доля карелов в Карельской Республике, и они такие же автохтонные жители, что и русские. И то, что интересы карелов оформлены государственностью, а части волго-уральских татар – нет, все это есть по большому счету исторический случай.

Официальное двуязычие (или троязычие), культурные программы и подход к самоопределению как к возможности участия граждан разной культуры в более широком политическом процессе будут необходимы во многих регионах России. А для малочисленных народов и для русского старожильского населения Сибири и Севера, сохраняющих в значительной мере традиционные системы жизнеобеспечения (оленоводство, охота, рыболовство), нужны будут особые правовые исключения в вопросах использования земель и ресурсов вместо формальных автономных округов, на территории которых гуляет заезжий хозяйственник, а местные власти от имени аборигенов умело разыгрывают карту суверенизации.

ПОЛИТИКА МНОГОКУЛЬТУРНОСТИ*

Как и во всех государствах мира, в России проживают граждане разной этнокультурной и религиозной принадлежности. Советская идеология и политическая практика при всей ее интернационалистской оболочке насаждали взаимоисключающую этническую идентичность граждан. Делалось это как через официальную регистрацию этнического происхождения по одному из родителей (на личном уровне), так и через систему «национально-государственного» административного устройства (на коллективном уровне). Повышению роли этнического фактора в общественной жизни страны способствовали не только политика создания и поддержки престижных институтов национальной государственности и местных элит, но и репрессивные акции прошлого режима в отношении граждан по этническому признаку. Через травму депортации, дискриминационные ограничения и спецотметки в паспортах люди постоянно помнили, что они немцы, чеченцы, крымские татары и т.п.

Межэтническую напряженность в России вызывают неравный статус граждан разной этнической принадлежности и неодинаковые условия для развития культур в обществе, где доминирующие позиции принадлежат этническому большинству в лице русских на общероссийском уровне, а в большинстве российских республик – так называемым титульным национальностям. *В современной ситуации этничность, помимо культурной функции, стала играть важнейшую роль как средство терапии от пережитых травм, как механизм политической мобилизации граждан, как орудие борьбы за власть и за доступ к ресурсам.*

На основе этнического фактора образуются политические коалиции разного уровня, продолжает строиться часть права и государственных институтов, осуществляется социально-экономическая политика, происходят межгражданские распри и организованное насилие вплоть до этнических чисток, а также развиваются на массовом уровне нетерпимость и негативные стереотипы. Этнический национализм обостряется многими сегодняшними проблемами, в том числе социально-экономическими трудностями, медленной

* Ранее опубликована под названием «Россия как национальное государство». См.: Независимая газета. 1994. 26 янв. (№ 15). С. 1, 3.

децентрализацией власти, а также рядом психологических факторов, связанных с воздействием на людей глубоких и резких геополитических трансформаций.

Этнонационализм есть политическая реальность, которую невозможно игнорировать и трудно демонтировать, ее нужно научиться понимать, нейтрализовывать негативные стороны и использовать в позитивном направлении. Но самая главная проблема – это найти приемлемую формулу нового государства и научиться управлять многоэтническим обществом, каковым была и останется Российская Федерация, как и все другие государства постсоветского пространства.

Помимо экономической базы, основу любого государства составляют территория, гражданство, общие символы и ценности, а также конституционно-правовой строй. Некоторые из этих аспектов российского нацистроительства до сих пор не получили должного внимания и развития. В этом направлении необходимы следующие действия.

– Четкие заявления российского руководства в пользу конституционного положения о целостности и неотчуждаемости территории государства и получение подобных заявлений и межгосударственных констатаций, особенно со стороны крупных держав (США, Германии, Франции, Турции и других). Отсутствие таких заявлений и некоторые реверансы в пользу сепаратистских проектов в России вселяют ложную надежду на их признание международным сообществом.

– Срочное оформление российского гражданства на основе новых паспортов, причем паспортов единого образца и единственно дающих право на признание гражданства России в зарубежных государствах. Выдача таких паспортов без указания этнической принадлежности должна быть осуществлена прежде всего в регионах, где местное руководство проводит линию на отчуждение граждан от их общероссийской принадлежности. Ложная экономия на использовании бланков бывших советских зарубежных паспортов была лучшим подарком для сепаратистов: важное право иметь признаваемую в мировом сообществе государственную принадлежность и право получения заграничной визы оказались не связанными с признанием гражданства России.

– Необходимо более широкое распространение в обществе государственной символики, прежде всего герба и гимна. Но наряду с официальной символикой и историческими ценностями не менее важны новые символы и ценности государства, связанные с сегодняшним днем и перспективами, в том числе символы законности, гражданской ответственности, жизненного успеха, стиля и образа жизни и т.п. Создание общеразделяемых символов и ценностей – результат совместных усилий властей и народа, и эти усилия должны уважаться и поощряться.

Общенациональной идеей и основанной на ней политической стратегией должна быть формула «единства в многообразии» как фундамент многоэтнического общества и внутренней политики культурного плюрализма. Строительство общероссийской гражданской нации и культивирование чувства принадлежности к общности россиян не исключают, а включают в себя уважение и поддержку прав российских национальностей на индивидуальном и коллективном уровнях. Это прежде всего – справедливое политическое представительство и свободное развитие этнических культур, языков, образа жизни, право на контроль за средой обитания и на выбор систем хозяйствования и общественного управления.

Россия – это национальное государство россиян, в состав которых входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством. Государственность России и составляющих ее субъектов строится прежде всего на общегражданской основе, но учитывает этническую мозаику страны и отличительный культурный облик населения ее отдельных территорий. Это находит отражение в культурных институтах, хозяйственной и социальной политике, но не дает повода для претензий со стороны представителей какой-либо одной этнической группы на исключительный контроль институтов власти и территории. Самоопределение России осуществлено от имени ее многоэтнического народа, а внутреннее самоопределение должно происходить по воле всего населения субъекта федерации или на экстерриториальной основе.

Одобренная Конституция РФ зафиксировала, возможно, не самое оптимальное федеративное устройство, отразив прошлые политические реальности и волю нынешних местных бюрократий, но она вполне позволяет провести подлинную федерализацию, суть которой состоит в рассредоточении полномочий власти и в устранении источников напряженности, концентрирующихся вокруг какого-либо одного центра. *В многоэтнической России федерализм необходим не для того, чтобы наделить этнические группы «своей» государственностью, а чтобы сделать институты власти и службы государства более близкими и более чувствительными к запросам и интересам различных по культуре групп, живущих в одном государстве.* Какие настоятельные меры по утверждению федерализма необходимы на данном этапе?

– Введение системы отдельных федерального и региональных налогов, которая позволяла бы формировать бюджет содержания федеральных органов власти и служб и бюджет территориально-государственных образований. Строгая экономия и сокращение средств на содержание федеральных служб, центральных органов власти.

Полезную роль в этом могла бы сыграть президентская кампания де бюрократизации и экономии ресурсов на центральное управление.

– Передача властных полномочий регионально-республиканским структурам, что не ослабит Центр, но снизит на него давление и уровень требовательных ожиданий. Ограничителем для всевластия региональных элит должен быть не только Центр, но и сильные местные органы самоуправления. Расширение прав, ресурсов и инициатив местных сообществ дает возможность более успешно решать значительную часть проблем межэтнических отношений, а также задачи сохранения культурных традиций. Этнические конфликты чаще всего произрастают из местных проблем. Эскалация происходит от неспособности низовых властных структур предотвратить их по причине недостаточного опыта, ограниченности прав и скудости ресурсов. Необходимо принять новый закон о местном самоуправлении, организовать широкое обучение и профессионализацию управленцев и политиков районного и общинного уровней, способных заняться повседневными обустройством и запросами граждан.

– Федеральному Центру и субъектам РФ поддерживать на конкурсной основе разнообразные местные программы и проекты, в том числе в области сохранения и развития этнических культур на уровне отдельных общин локального и экстерриториального характера. Местные инициативы в конечном итоге эффективнее глобальных общегосударственных программ, сочиненных чиновниками и специалистами Центра. Задача федеральных властей – обеспечивать гласность и контроль выделяемых средств и оказывать содействие в профессиональной подготовке местных исполнителей.

– Придать федеральному Центру мультикультурный характер, что включает расширение представительства нерусских национальностей в государственных структурах, создание образовательных институтов на языках наиболее крупных нерусских народов и государственных служб переводов, а также специальных программ вещания и изданий, которые обслуживали бы культурные запросы граждан независимо от мест проживания по всей территории России. Важным элементом для социальной мобильности, жизненного успеха и удовлетворенности граждан нерусских национальностей в России является гарантированная возможность овладения русским языком, которая стала сужаться в последние годы под националистическим влиянием. Двуязычие и многокультурность должны стать приоритетными личностными характеристиками как можно большего числа россиян и основой политики в области образования, культуры и информации.

– По аналогии с экологической экспертизой ввести в России службу этнологического мониторинга и раннего предупреждения

конфликтов, поскольку почти все важнейшие государственные решения в сферах политики и экономики в той или иной мере должны учитывать состояние межэтнических отношений. Расширять знания в области этнических проблем, способствующих разрешению конфликтов. Предотвратить поднятие на уровень официальных деклараций и правовых норм мифов, стереотипов и узкоэтнических ориентаций националистических лидеров и активистов.

Поскольку меньше половины представителей нерусских народов проживает в пределах этнотерриториальных образований и более половины населения республик и округов составляет нетитульное население, даже самая радикальная суверенизация этой части субъектов федерации не касается интересов и прав, связанных с принадлежностью граждан к этническим общностям. Многоэтнический характер имеет и население многих российских краев и областей, в том числе почти всех крупных городов. Государственная политика в этой области должна проводиться по всей территории страны, и ее субъектом должны быть все национальности независимо от характера расселения и имеющегося политического статуса. В этой ситуации наиболее глубокой и действенной формой реализации политики в отношении российских национальностей как на федеральном, так и на региональном уровне является экстерриториальная культурная автономия. Практически все многоэтнические государства мира используют этот институт или как основной (в случае отсутствия территориальных автономий), или как дополняющий систему федеративного устройства и механизмы распределения власти в рамках демократии согласия. Для преодоления длительно насаждавшегося неприятия национально-культурной автономии (НКА) необходим ряд мер и программ по ее реализации.

– Разработка на основе отечественного и мирового опыта и международно-правовых документов политической доктрины НКА, наполненной современным содержанием, выходящим за рамки узко понимаемых культурных и фольклорных параметров. Одним из ее главных направлений должна быть поддержка и развитие различных форм общественно-политической организации российских национальностей и отдельных общин, обеспечение политического влияния и властного представительства на экстерриториальной основе. Законодательное закрепление основ национально-культурной автономии: статуса государственно-общественных и культурных ассоциаций, обществ, землячеств, центров по управлению делами этнических общин, их прав на участие в выборах, на представительство в органах власти, законодательную инициативу, хозяйственную, культурную и международную деятельность.

– Реализация по всей территории РФ на федеральном, республиканско-региональном и местном уровнях программ по сохранению и развитию народных традиций и культуры, созданию этнокультурных центров, отделений и групп в системе просвещения и образования, по организации печати, радио и телевидения на родных языках. Учреждение в Москве на базе бывшего Дома дружбы или Парламентского центра Дома народов России под эгидой Госкомфедерации, который служил бы федеральной и столичной базой для общественно-политической и культурно-просветительской деятельности, этнонациональных организаций.

– Наделение общин и ассоциаций правом владения собственностью, правом на культурно ориентированную хозяйственно-предпринимательскую деятельность, различные формы общественного самоуправления, организацию образовательного процесса любого уровня, собственные информационно-издательские и культурные учреждения и институты, общественные фонды, разнообразные связи с родственными этническими группами в России и за рубежом.

– Проведение политики НКА не столько через верхушечные постановления, центральную бюрократию и этнократическую элиту, сколько через низовую инициативу, самоорганизацию и заинтересованность рядовых членов группы. Формируемые на основе такого подхода программы более адекватны реальным потребностям граждан. Они гораздо эффективнее, ибо задействуют не только волю, но и ресурсы, в том числе материальные, самих общин и отдельных граждан. Отбор и финансирование таких программ и проектов на конкурсной основе может составить одну из основных форм деятельности Госкомфедерации, Минкультуры и некоторых других министерств и ведомств.

Межэтническая напряженность и конфликты существуют во многих странах. Не стала исключением и Российская Федерация. Трудноразрешимые противоречия и конфликты не являются неизбежными и не предопределены самой природой этничности и фактом сосуществования различных национальностей в рамках одного государства. В России сохраняется достаточно высокий уровень межэтнической терпимости и сотрудничества, что находит отражение в широком распространении смешанных браков, интенсивных культурных взаимовлияниях, отсутствии территориальной сегрегации, высокой социально-профессиональной мобильности и конкурентоспособности представителей различных национальностей. Напряженность и конфликты возникают прежде всего на фоне социально-экономических трудностей и глубоких геополитических и ценностных трансформаций, которые переживают граждане бывшего СССР.

Этнические чувства используются политиками и активистами общественных движений в различных целях, а этническая мобилизация рядовых членов групп достигается там и тогда, когда для этого существуют определенные условия. Среди последних – это прежде всего существующая или вновь возникающая социальная дифференциация по этническим границам, неравный доступ к власти, правовая и культурная дискриминация, пропаганда ксенофобии и негативных стереотипов. В ходе экономической реформы агрессивность молодого предпринимательства при слабом государственном контроле и недостаточной гражданской культуре ведет к переэксплуатации природных ресурсов и наносит ущерб среде обитания отдельных народов, особенно сохраняющих традиционные системы жизнеобеспечения. Предметом разграбления или неравного товарообмена становятся культурные ценности, продукты художественных промыслов и ремесел и ценные ресурсы ряда народов.

Для снижения и предотвращения межэтнических противоречий в России необходимы как долговременные стратегии, так и некоторые срочные меры.

– Государство в лице властей разного уровня должно оказать срочное содействие в организации контроля и охраны уязвимых этнических культур и общин, особенно из числа малочисленных национальностей. Вполне возможно введение местных таможен, ограничений на продажу алкоголя, разных видов промыслов и другой коммерческой деятельности в интересах и при участии местных общин, особенно в регионах Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока.

– В процессе приватизации государственной собственности и аграрной реформы полнее учитывать этнический фактор, прежде всего в районах смешанного населения, не допускать узурпации и концентрации собственности и другого достояния представителями одной этнической группы за счет других, чтобы не вызвать последующего стихийного и даже насильственного передела. Для этого создать общественные контрольные советы или комиссии, особенно в зонах ограниченных земельных ресурсов, какой, например, является Северный Кавказ.

– Поощрение кросс-этнических политических коалиций и ассоциаций, вплоть до запрещения создания и деятельности политических партий, построенных по этническому принципу. При разработке избирательных законов на федеральном и республиканском уровнях предусмотреть систему таких избирательных округов и поощрительных стимулов для политиков, которые были бы ориентированы на многоэтнический электорат и исключали бы победу на выборах за счет избирателей одной национальности. Такая систе-

ма поставит политиков в зависимость от голосов иноэтнического электората и будет способствовать достижению согласия различных групп. Межэтнические политические союзы окажутся более выгодными, чем этническая солидарность.

– Распространение достоверных и полных знаний о традициях и обычаях граждан, принадлежащих к разным культурам, развитие интереса, особенно среди молодого поколения, к «чужим» культурам. Создание энциклопедии народов России, популярных изданий, справочников и разговорников, словарей, развитие этнологических исследований.

– Исключить этническую заангажированность в деятельности органов правопорядка, судебных инстанций, низовых административных служб, поставить ее вне профессиональных требований и этики. Не допускать и противоположную ситуацию – насаждение вышестоящими властями среди местной милиции, судебных исполнителей, управленцев «этнических чужаков». Чаще всего это вызывает отчуждение граждан от самих государственных институтов.

– Проведение общенациональной кампании по утверждению толерантности, культивированию этнического многообразия россиян как главного достоинства и богатства нации. Организация публичных выступлений на эту тему, которая не должна быть отдана на откуп низменным спекуляциям.

Политика культурного плюрализма, возможно, – самый серьезный вызов для новой России, но именно за этой политикой будущее.

ЧТО ЕСТЬ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ?*

Говоря о российском опыте этнотерриториальных автономных образований в новейший период и принимая во внимание меняющийся международный контекст, хотелось бы отметить, что есть как бы два разных языка, две разных системы объяснения данного явления, и это в значительной мере влияет и на практику. Если брать доктринальную сторону процесса самоопределения, что мы называем «актом речи», то наиболее строгий язык – это, конечно, язык международного права, политологии, в какой-то мере даже социологии. С этой точки зрения такого выражения, как «право наций на самоопределение», не существует, потому что нация это есть состоявшаяся политическая коалиция – государство и поэтому уже самоопределившаяся общность. Впрочем, у нас иногда переводят, идя на осознанную или неосознанную фальсификацию, либо просто по инерции, английское слово *nation* как *народ* или, наоборот, «реорле» как «нация». Поэтому в русских текстах присутствует понятие право *наций на самоопределение*, и это радикально отличается от того смысла, который является общепризнанным. Хотя сейчас все больше экспертов и политиков понимают категорию *нация* как гражданское и политическое сообщество, мы все равно (включая одну из наших лучших школ, представленную профессорами А.Х. Абашидзе и И.П. Блищенко) по инерции трактуем, переводим и издаем труды на этот счет в искаженном понимании. Т.е. мы трактуем *народ* как *этническую общность*, что сегодня называется *этносом*. Должен сказать, что в мировом праве, в политическом и академическом языках слова *этнос* вообще нет. Его, кстати, не было и в отечественном обществознании до 1960-х годов. Это уже «метастазы» так называемой советской теории этноса из нашей этнографии «расползлись» в последние десять лет по другим дисциплинам и попали в общественно-политический дискурс.

Как и понятие *нация*, понятие *народ* не равнозначно *этнической общности*, *этнической группе* или *этносу*. *Народ* – это прежде всего территориальное сообщество. И субъектом самоопределения является *демос*, т.е. территориальное сообщество, а не *этнос* или *этническая общность*. Комментарии ко всем международно-

* Статья написана в 1995 г., но не публиковалась.

правовым документам это объясняют, если кому-то неясен текст самих документов. На этот счет были неоднократные заявления на самом высоком уровне. Есть, скажем, известная брошюра «Повестка для мира» Бутроса Бутроса-Гали, бывшего Генерального секретаря ООН, где он пишет: «Абсурдно полагать, что каждая этническая общность может иметь свое государство».

Принцип и лозунг самоопределения появились достаточно давно, и, кстати, с самого начала были элементы двойного прочтения этого принципа. Почти всегда это был политический принцип, он был в какой-то мере средством навязывания воли победителя побежденным. После Первой мировой войны это была концепция Вудро Вильсона, применявшаяся в основном к Восточной Европе, когда государственные границы пытались устанавливать по этническим линиям. Но потом, уже после образования новых государств на территории бывшей Австро-Венгрии и Российской империи, обнаружилось, что в новых «национальных государствах» оказалось еще больше меньшинств, хотя вроде бы хотели решить вопросы национального самоопределения, руководствуясь именно этническим фактором. Тогда, как и сейчас, многим казалось, что следует приводить в соответствие административные и государственные границы с этническими ареалами.

Вообще, установка на совпадение этнических и административных границ – классическая ошибка национализма. В мире этого никогда не было и до сих пор не существует, кроме, может быть, десятка маленьких островных государств. И то в последние годы в связи с миграцией населения эти государства уже не являются моноэтническими.

Естественно, исходя из этого же принципа национального самоопределения в его этническом смысле, и Гитлер, и Сталин осуществляли свои геополитические идеи. Послевоенный мир тоже пытался это сделать, но почти всегда безуспешно. После «холодной войны» в ситуации новой реорганизации бывшего коммунистического мира, прежде всего территории Советского Союза, этот принцип тоже оказался самым понятным и самым доступным, тем более, что его выучили сотни тысяч профессионалов-гуманитариев и полупрофессионалов, которые этот язык понимают по-своему, и вся фразеология спустилась на достаточно массовый уровень. *Вместо улучшения правления в многоэтнических обществах и внутреннего самоопределения для культурно отличительных групп населения гораздо легче было мобилизовать этнических соплеменников вокруг советского понимания права наций на самоопределение. Это гарантировало, что значительная часть людей выйдет на митинг и даже возьмется за оружие.*

Если мы посмотрим на конкретную политическую и историческую практику, то увидим, что принцип самоопределения, когда он реализовывался более ответственно и применялся, скажем, в процессе деколонизации после Второй мировой войны, был не просто отличен от этнокультурных границ, но был даже против них. Иначе ни одно государство в процессе деколонизации мира и национально-освободительного движения не образовалось бы ни в Африке, ни в Азии. Надо было бы из Нигерии делать 115–120 государств, из Индонезии – 200, а из Индии больше, чем из России, потому что там гораздо больше этнических групп, не говоря уж о расовом и религиозном разнообразии. Поэтому *принцип национального самоопределения (в своем реальном, более ответственном и реализуемом виде) всегда был против этнического партикуляризма, не говоря уж о таких его формах, как вооруженный сепаратизм или явочная форма сецессии.*

Такое понимание принципа самоопределения по сегодняшний день не пересмотрено на уровне международно-правовой базы, кроме некоторых исключений, сделанных под воздействием ситуации в Советском Союзе и сегодня в России. Некоторое движение к пересмотру терминологии начали академические специалисты, в основном западные, по отношению к бывшему Советскому Союзу. Например, под редакцией Терезы Раковской в 1994 г. вышел специальный номер «Journal of International Studies», посвященный «переосмыслению самоопределения» в плане признания советской категории «многонациональности» (вместо обычной «многоэтничности») и вытекающей из этого потребности самоопределения для «национализированных» этнических общностей.

Д. Миллер, известный западный философ, выпустил книгу «О национальности» (Оксфорд, 1995), где говорится о том, что национальность (nationality) – это не гражданство, и в это понятие вкладывается тот смысл, который был в Советском Союзе и остается в употреблении сегодня в России, т.е. идентичность или этническая принадлежность. И особенно охотно это употребляется сегодня западными специалистами по России: они играют в тот же самый язык и как бы соблюдают политическую корректность, особенно в отношении периферийного нерусского национализма.

Хотя на Западе выражения вроде «корсиканская нация», «гавайская нация», «нация саамов» или «нации навахо», конечно, употребляются, никто на государственном уровне не ведет речи о внешнем национальном самоопределении, хотя существуют направленные на это организации и движения. Еще 20 лет назад в индейских резервациях и на Гавайях, а в Канаде в начале 1980-х годов возникли ассоциации («Гавайская нация», «Ассамблея первых наций»), которые объ-

единяли индейские, аборигенные народы. Т.е. мы видим, что термин *нация* в языке существует, но на уровне общественных активистов. Конечно, ни в юридическом, ни в научном языке даже в отношении Квебека и франкофонов термины «квебекская нация» и «нация франкофонов» не употребляются. Всегда подчеркивают и говорят, что есть канадская нация, которая представляет собой общность двух разных в этнокультурном отношении народов-партнеров.

Таким образом, речь идет о двойном, но не взаимоисключающем употреблении. В гражданском и политическом смыслах мы говорим об Организации Объединенных Наций, о национальных интересах России, о национальной экономике, о здоровье нации, о лидере нации. Горбачев, когда гулял с премьер-министром Индии по Красному форту, говорил: «Как хорошо, что у вас в Индии есть символ нации – Красный форт. А у нас Кремль». Ну, хорошо, в Индии-то есть понятие *индийская нация*, а символом какой нации является Кремль? Такой нации в России как бы нет, ибо у нас конституировался «многонациональный народ», мы собственными руками (точнее словами) ввели несостоятельную категорию – *многонациональность*. Это, конечно, саморазрушительная дефиниция. И в этой ситуации, как определенный компромисс, возможно употребление понятия *многонациональность* в смысле *многоэтничность*. Можно договориться: хотите называть себя национальными республиками – называйте, но в тексте конституции такого понятия нет, есть республика-государство.

Можно вообще убрать слово *нация* из академического языка, и ничего страшного здесь нет. Фактически серьезная наука этим термином не пользуется, нет даже его дефиниции – ведь не случайно все дискуссии о том, что такое национализм, нация в нашей и мировой науке ничем не кончились. Это просто мифологическая категория.

Тем не менее вопрос о самоопределении не снимается с повестки дня и остается одной из наиболее существенных проблем организации общественной жизни в мире, в том числе и в России. Самоопределение в его наиболее полном смысле – это право (мое или группы, к которой я принадлежу) участвовать в как можно более широком общественно-политическом процессе, а не выделиться в свою собственную нишу со своей территорией. Ведь право на территорию по всем международно-правовым нормам путешествует вместе с гражданином, с человеком, и нет «своей» или «не своей» территории в рамках своего государства. Своими могут быть участки земли, а не территория.

Современное самоопределение в этом смысле включает несколько форм и, кстати говоря, не исключает сецессию. Есть

самоопределение на индивидуальном и на коллективном уровнях. Кроме того, различают самоопределение внутреннее, в рамках существующей государственно-политической общности, и самоопределение в форме сецессии, раздела, выделения или воссоединения, т.е. с нарушением государственных границ. Индивидуальное и коллективное самоопределение во внутренней форме может быть территориальным и экстерриториальным. Наш опыт заключается как раз в территориальном самоопределении (по этому пути пошли большевики), а экстерриториальная форма была заклеимлена. Автор считает, что *не вместо этнотерриториального самоопределения, а вместе с ним национально-культурная автономия является одной из важнейших форм самоопределения в многоэтнических или в сложных по культурному составу государствах*. Эти две формы сосуществуют (а у нас тем более всегда существовали, мы их просто словесно не выражали) и должны сосуществовать в России. Демонтировать некоторые вещи невозможно. Кроме того, территориальная автономия не является исключительно изобретением России. Скажем, Индия в начале 1950-х годов реорганизовала свои штаты, и хотя они не были названы национальными республиками, но фактически границы штатов были приведены в очень приличное соответствие с этнолингвистическими границами. В Испании тоже существуют этнотерриториальные автономии в форме таких провинций, как Каталония и Страна Басков.

Интересно, что Испания и Англия в некотором отношении очень похожи на Россию: и там, и там доминирующая общность (кастильцы, англичане и русские) не имеют республики и нигде не записано, что они являются государствообразующей нацией. Тем не менее англичане живут в составе британской нации, кастильцы – в составе испанской, русские – в составе российской нации. В России форма территориальной автономии существует для основных нерусских групп, но она не может быть распространена для всех повсеместно. Для этого нужно иметь определенную гомогенность проживания (и то мы от нее отступили, ибо, как правило, во всем мире это большинство населения). Кроме того, территориальная автономия возможна только для достаточно крупных групп, чтобы они могли хотя бы образовать свою бюрократию: все-таки территориальная автономия – это форма государственности и без бюрократии не обойтись. Необходим достаточно развитый язык, чтобы хотя бы государственное делопроизводство шло частично на этом языке.

Территориальная форма самоопределения – дорогое удовольствие. Но с дотациями Центра у нас она существует и, видимо, должна существовать, потому что территориальная автономия выполняет важные функции: сохраняет групповую целостность,

обеспечивает ресурсы для поддержки культуры и развития, предохраняет от дискриминации хотя бы на уровне основного проживания культурно отличительного населения. Это не гарантирует от дискриминации татар и чувашей в Москве, но в Татарстане и в Чувашии дает определенные гарантии и даже преимущества. Поэтому территориальная автономия – достойная форма самоопределения, и в России у нее огромный опыт, ее нужно сохранять и развивать, и это в общем-то не противоречит демократии.

Но экстерриториальная форма самоопределения не менее важна, особенно учитывая, что у нас через территориальную форму могут самоопределиться примерно только 8 из 20 миллионов нерусского населения, потому что остальные проживают за территорией республики, как говорят на нашем жаргоне, «своей» государственности. Вот эта «своя – не своя» государственность – еще одна из формул прошлого языка, и от нее, конечно, надо уходить.

И последнее, на что мало обращается внимания, – это самоопределение на индивидуальном уровне или соотношение индивидуальных и коллективных прав. Мы не должны придерживаться территориальной или экстерриториальной формы самоопределения в сугубо коллективистском плане. На самом деле, главное состоит в реализации прав лиц, принадлежащих к отдельной культуре. Поэтому необходимо усилить понятие индивидуального самоопределения.

Безусловно, есть коллективные права, но они только достраивают механизм индивидуальных прав человека, которые важнее. А если исходить из того, что только через принадлежность к этносу можно самоопределиться и реализовать свои права, то это – тупиковый путь. Коллективные права важны, но вокруг них много манипуляций. В целом они выполняют только дополнительную функцию по отношению к личным правам и свободам.

ПЛАЧ ПО КОНЦЕПЦИИ*

Практика оформления государственной политики в наиболее важных сферах общественной жизни в форме доктрин, концепций или программ является общепризнанной. В отличие от текстов законов, а тем более основного закона – конституции, доктринальные документы являются официальными ориентирами, а не обязательными нормами для властей и граждан. Однако в ситуациях общественных трансформаций значимость такого рода ориентиров велика: закон – это более консервативный текст, обычно оформляющий уже существующую практику; концепция – официальный трактат, нацеленный на перспективу и определяющий рамки и цели происходящих перемен, инициируемых властями. Если закон обязывает, концепция объясняет и рекомендует. Концепции имеют свойство изменяться чаще правовых актов, и не следует преувеличивать их некую первичную значимость.

О концепции государственной национальной политики разговор ведется со времен «позднего Горбачева», и можно найти массу высказываний политиков и ученых, что межнациональные проблемы и конфликты – это прежде всего результат отсутствия продуманной и подлинно научной концепции. Особенно долгий и громкий плач раздается со стороны специалистов-теоретиков национального вопроса, которых в стране существуют тысячи и которые по-прежнему одержимы жаждой верхушечных предписаний для политических практиков и простых граждан.

Бурная жизнь последнего десятилетия во многом разрушила старые догмы, возникли новые проблемы, а самое главное – реалии в виде постсоветских государств, в том числе и России с ее огромным этнокультурным разнообразием, новыми формами культурного и политического национализма. Поэтому стремление специалистов и политиков объяснить происходящее и выработать современные подходы к этой сфере общественной жизни и управления вполне понятны, хотя порой трудно объяснить страсти и амбиции, которые разгорались вокруг принятия концепции национальной политики. Хлесткие оценки, как, например, в статье социолога Жана Тощенко «Концепция опять не состоялась» в «Независимой газете» (1996,

* Эта статья – вариант публикации под тем же названием. См.: Московские новости. 1996. 16 июня (№ 23). С. 9.

11 апреля), причем в день ее принятия на заседании правительства Российской Федерации, – один из примеров претензий видеть текст документа, написанным словами и терминами, которым десятилетиями обучались в интеллектуальных застенках бывшего Института марксизма-ленинизма или Академии общественных наук при ЦК КПСС.

В чем суть принятого документа, как следует его читать и использовать? Министр по делам национальностей В.А. Михайлов уже прокомментировал его в просторном интервью «Независимой газете» (1996, 4 июня). Мне, как одному из авторов концепции, хотелось бы сделать также некоторые пояснения. Во-первых, открою секрет, что в течение нескольких вечеров перед отправкой документа «на рассылку» стол министра был заполнен бумагами с предложениями и замечаниями, которые поступили от субъектов федерации и от федеральных ведомств. Были учтены все основные замечания, в том числе и самые «неудобные» – от Татарстана, Башкирии и Минэкономики России. Из текста ушли излишне назойливые упоминания о сохранении целостности государства и определяющей роли русского народа в государствообразующем процессе, вписанные некоторыми авторами в первоначальный вариант. Были уточнены малопонятные и провоцирующие конфликты понятия и категории, хотя, повторяю, концепция – это не текст законодательного акта, где требуется еще большая строгость.

Действительно, в тексте концепции национальной политики нет термина *нация*, а употребляемые понятия *народы*, *национальности*, *этнокультурные* или *национальные общности* объясняются скорее как синонимы, а не как жесткая иерархия, существовавшая в прошлом доктринальном языке. Сделано это не для того, чтобы «упразднить нации» или «бороться с нациями», как пугают некоторые догматики. Понятие *нация* употребляется в двух значениях: как политическая, или гражданская, нация и как культурная, или этнонация. Вся международноправовая практика и доктринальный язык современных государств (кроме постсоветских и постюгославских) пользуются первым значением этого слова. Многие культурные, политические, сепаратистские движения, организации и даже внутренние государственные образования употребляют этот термин во втором значении. Так, например, в провинции Каталония даже в официальном языке есть понятие *каталонская нация*, но на государственном уровне всегда говорится только об испанской нации – понятие, объединяющее все народы Испании.

Россия, вступив в Организацию Объединенных Наций и подписавшись под основными международно-правовыми документами, вправе хотя бы на уровне официального языка зарезервировать за

собой право легитимно и без внутреннего двойного стандарта пользоваться понятием «национальный», когда речь идет об интересе, экономике, политике, армии, образовании, науке, символах и т.п. Концепция не навязывает понятие гражданской российской нации, но ограничивает официальный язык достаточно достойными понятиями *народы* или *национальности*. Никто не накладывает запрет на употребление понятия *нация* в его этническом значении лидерами республик или активистами культурных общин и даже специалистами, но федеральная власть обязана оставить доктринальное пространство для процесса гражданского нациестроительства, без чего не может существовать ни одно государство.

Более того, концепция делает уступку в пользу этнического понимания термина *народ*, хотя его наиболее распространенное значение – это общегражданская общность, население страны (например, запись в статье 3 Конституции РФ о «многонациональном народе Российской Федерации»). В концепции под понятием *народ* имеется в виду общность людей, члены которой разделяют общие названия и элементы культуры, прежде всего язык, имеют общее историческое происхождение. Среди этих признаков определяющую роль играет самосознание. Кстати, гражданское и этнокультурное значения понятия *народ* не противоречат друг другу, и принадлежность конкретного человека к обоим или нескольким типам общностей не является взаимоисключающей. Человек может принадлежать одновременно к аварскому, дагестанскому и российскому народам. В первом случае он ощущает свою принадлежность к этнической общности (аварской этнонации), в двух других – к гражданским, территориально-политическим общностям (или политическим нациям).

Более глубоко и современно трактуется в концепции понятие самоопределения как формы обеспечения права гражданских и этнокультурных общностей на выбор самостоятельных путей культурного развития и форм политического управления. Самоопределение в рамках многоэтничных государств осуществляется в двух основных формах: территориальных образований и национально-культурной автономии. Поэтому существование республик в составе Российской Федерации признается важнейшей формой этнотерриториального самоопределения, и дальнейшее развитие федерализма, разнообразных и разностатусных взаимоотношений с федеральным центром и другими субъектами федерации формулируется как одна из приоритетных задач государственной национальной политики федерального и республиканского уровней.

В концепции не фиксируется право на самоопределение в виде отделения, но такое право отсутствует в федеральной конституции и в конституциях республик, кроме косвенной возможности

в конституции Тувы и конституции Татарстана, где этот вопрос обойден формулировкой ассоциированного статуса. Я не знаю государств, где бы законодательство и доктрины предусматривали явочную сецессию (волевое одностороннее отделение), и России нет смысла повторять безответственную лексику советских конституций. Кстати, международное право признает возможность самоопределения через образование отдельного государства, но оно распространялось на бывшие колониально-зависимые народы как территориальные (а не этнические!) сообщества. Право на сецессию (отделение) процедурно в международном праве не разработано и признается международным сообществом только в случае его осуществления на основе взаимного согласия, как это было в ситуациях распада СССР и Чехословакии.

Вторая важная форма самоопределения – экстерриториальная национально-культурная автономия. Ее субъектом могут быть любые народы и отдельные этнокультурные общины независимо от территории расселения и статуса. Это прежде всего право на отправление разнообразных запросов граждан, которые возникают на основе их этнокультурной принадлежности и самосознания. Концепция трактует национально-культурную автономию гораздо шире, чем ее фольклорно-этнографический вариант. Предусматриваются возможность культурно ориентированной предпринимательской деятельности, права общинной собственности и самое важное – право на особые формы политического представительства и на законодательную инициативу. В чем-то эта форма самоопределения даже перспективнее и мощнее территориальной, хотя у последней есть свои незаменимые функции, особенно по части обеспечения экономической и политической основ культурного развития того или иного народа. Нетерриториальное самоопределение, в свою очередь, ближе к универсальному понятию внутреннего (коллективного и индивидуального) самоопределения – это право на участие, включая управление государством, и конкурентную социальную мобильность. Концепцией предусматривается поддержка государством различных форм национально-культурного самоопределения как федеральными властями, так и властями других уровней.

В концепции последовательно проводится принцип гражданского равноправия и равных прав народов. Во-первых, все народы России определяются как государствообразующие, если речь идет о всей стране, хотя отмечается историческая роль русского народа и определяющее значение русского языка и культуры для населения всей страны. Именно через эту культурную систему граждане России независимо от национальной принадлежности способны

в полной мере реализовать свои социальные возможности и политические права в общероссийском общественном пространстве. Тем самым не поддерживается культурный и политический изоляционизм как тормозящий фактор модернизации, но отдается должное многообразию страны через развитие не только отдельных культур, но и языков, традиций, социального опыта, мировоззрений, которые составляют питающую силу любого крупного государства.

Во-вторых, ставятся ограничители для возникновения местных этнократий и нарушений прав человека на основе этнической дискриминации. Республики вправе определять свои хозяйственные, политические и культурно-языковые параметры жизни, но их государственность не есть исключительная собственность какого-то одного народа, и она существует от имени и для всех граждан соответствующих территориальных сообществ. Это, кстати, соответствует конституциям и декларациям, принятым в самих республиках.

Наконец, во избежание ненужной и плохо понимаемой градации граждан на разностатусные категории по этническому признаку не используется понятие *меньшинства*. Это не от того, чтобы обойти проблему мирового значения, зафиксированную в ряде международных деклараций, а по той простой причине, что во многом Россия ушла дальше того, чего требуют эти декларации. Международное понимание меньшинства – это все численно недоминирующие в государстве группы, т.е. строго говоря, к ним должны быть отнесены все нерусские народы. Для них международно-правовыми документами предусматриваются разнообразные права, но они никак не идут дальше культурно-образовательных и антидискриминационных прав. Едва ли резонно зачислять в категорию меньшинств чувашей, татар, якутов, осетин и многие другие народы, имеющие территориальную автономию в виде республик-государств и мощные культурные институты. А если оставить в этой категории только всех других (без «своей» государственности), то опять получается абсурд.

Для коренных малочисленных народов (главным образом народов Севера), которые проживают в особых экологических средах и сохраняют традиционное хозяйство, необходимы несколько другие подходы, и они предусмотрены концепцией в соответствии с международными требованиями. Те, кто остаются среди претендентов на статус меньшинств, – это главным образом представители таких крупных народов, как украинцы, армяне, азербайджанцы, евреи и другие, которые находятся далеко не в приниженном положении, чтобы их категоризовать как меньшинства. А именно в приниженном статусе и в необходимости особой защиты заключается суть доктрины меньшинств. К тому же в стране сохраняется

традиция негативного восприятия категории *нацмен*, и не хотелось бы ее возрождать ради соответствия международному словарю. Возможно, эта категория возродится в России, но лучше, если это будут делать представители тех, кто хочет, чтобы их считали меньшинствами, а не государство. Главное – выполнить требования и гарантировать те права, которые международное сообщество выработало для данных групп населения. В этом отношении положения концепции по национально-культурной автономии обеспечивают эти возможности.

Принятие в 1996 г. концепции национальной политики будет полезным ориентиром для органов власти и этнических активистов. Однако нужно быть готовым к тому, что со временем потребуются коррективы этого документа, включая прежде всего само словесное обозначение этой сферы государственной политики.

ОСМЫСЛЕНИЕ НОВЫХ ПРОБЛЕМ

РУССКИЕ ВНЕ РОССИИ: МИФЫ И ПОЛИТИКА*

В общественной жизни возникают ситуации и проблемы, которые политики и публицисты пытаются описать в простых терминах, а отсюда – предложить и простые решения. На уровне массового сознания утверждается миф, который обретает собственную жизнь и уже сам влияет на поведение людей, включая политиков и интеллектуалов, которые его породили. К категории таких новых мифов, а также к политическим нагромождениям вокруг них относится и проблема русских в новых постсоветских государствах.

В последний вечер предвыборных теледебатов декабря 1993 г. в передаче «Выбери меня» чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров со страстью убеждал в трагической предрешенности исхода 25 млн «русскоязычных» в Россию, а другой участник пугал еще более фантастической цифрой в 65 млн человек, оказавшихся за пределами «своей государственности» на территории бывшего СССР. Непонятные термины типа «русскоязычное население», «этнические россияне» появились в официальных, в том числе в межгосударственных документах. В научной литературе преобладает анализ, который следует за политической риторикой и который объясняет лишь демонстрационный аспект проблемы. Причем объяснения специалистов крайне идеологизированы, и лишь самая малая часть написанных работ на эту тему основана на какой-либо серьезной дисциплинарной проработке. Итак, о чем речь?

А речь идет о сложной ситуации, в которой оказались действительно миллионы бывших сограждан по причине появления новых государственных границ, а самое главное – из-за утверждения в новых образованиях заимствованной из марксистско-ленинской теории наций доктрины этнического национализма. Суть этой доктрины в идее «своей» или «не своей» государственности в зависимости от этнического происхождения людей. Идея эта крайне заманчива для элит «титულных национальностей», давших название постсоветским государствам, ибо гарантирует им доминирующий статус, в том числе преимущественный доступ к власти. Но реализовать

* Этот текст ранее опубликован в виде интервью под названием «Двойное гражданство – политическая импровизация». См.: Муниципальная газета. 1995. Вып. 3 (15). С. 3.

эту идею невозможно из-за того, что нельзя создать этнически чистое государство, даже в урезанных границах, а к уменьшению территории политики обычно относятся отрицательно, предпочитая чистки или выталкивание «некоренного» населения. Никогда не могут быть реализованы лозунги «Грузия для грузин» или «Абхазия для абхазцев», сколько бы ни положили жизней их энтузиасты, да и североосетинским лидерам придется вернуть изгнанных из республик граждан ингушской национальности.

Итак, все государства, в том числе и постсоветские, созданы и существуют от имени проживающих в них сообществ, к какой бы культуре они ни принадлежали. Человеку достаточно родиться и вырасти в той или иной местности, чтобы считать ее своей родиной, и никто не в праве навязать ему другое чувство или статус. Украинцы на Дальнем Востоке, казахи на Алтае, русские в Крыму или армяне в Ростовской области живут на своей родине и являются коренными жителями этих мест, а значит, имеют полное право на гражданство и на равный статус в пределах новых границ. Безответственно даже вести речь о 25 млн русских или 6 млн украинцев «за рубежом», а тем более считать это некой аномалией, которую можно исправить программами массовых переселений. Да, действительно, русских как самый многочисленный народ бывшего СССР новые границы затронули в большой степени, но не больше, чем украинцев, узбеков, азербайджанцев, армян, лезгин и десятки других этнических групп. Но кто составляет эти 25 млн, к приему которых в Россию призывают готовиться некоторые энтузиасты социальной инженерии?

Прежде всего – это 11,4 млн граждан Украины, 6,3 млн граждан Казахстана, 1,4 млн граждан Беларуси, около одного миллиона граждан и не граждан Латвии и Эстонии, проживающих на территории этих государств давно и достаточно компактно. В той же Украине и в тех же странах Балтии климатические и социальные условия жизни лучше, чем у жителей большинства регионов России, и на эту чужбину, которую им хотят подsunуть под названием «исторической родины», без слез и кровопролития они не поедут, да еще с задачей «поднимать» полузагубленное Нечерноземье. В культурно-языковом отношении и в бытовой культуре (если не считать страны Балтии) они ближе к местным жителям, чем к русским северянам или уральцам, а в русско-украинско-белорусском пограничье вообще сложилась своеобразная смешанная культура, которую не разделить паспортной регистрацией. Так что, лучше этническим предпринимателям оставить в покое это население, чтобы окончательно не похоронить под кровавыми междоусобицами свою едва состоявшуюся независимость, а решать проблемы этого населения по-другому.

Прежде чем высказать некоторые предложения, хотелось бы отметить еще одну примечательную особенность русской части населения постсоветских государств в сравнении с русскими в России: оно более урбанизировано (горожане составляют около 90% в Узбекистане, Эстонии, Азербайджане, Таджикистане, Туркменистане; более 80% – в Украине, Беларуси, Латвии, Молдове, Литве, Грузии, Армении); оно более молодое по возрасту (кроме русских в Азербайджане и Грузии) и имеет более высокий образовательный уровень. Эта часть самодеятельного населения играет исключительно важную роль в экономике, особенно в наиболее технологичных отраслях промышленности, создавая своим трудом весомую часть общенационального продукта новых государств.

Главное – это обеспечить этническим русским реальные условия и чувство уверенности, что они полноправные граждане новых государств. Нужно прекратить проецировать на русских сограждан недовольство и пережитые травмы, доставшиеся от прошлого режима и исходившие во многом из бывшего Центра бывшей страны. Следует поделиться властью с представителями нетитульного населения не только на местах, но и в столицах и прекратить насаждать правителей и управленцев по кровному принципу. Новым лидерам постсоветского пространства необходимо признать реальность мощного влияния и во многом позитивную роль русского языка и культуры, которые являются родными для доброй трети украинцев, казахов, киргизов и для половины белорусов. Это означает также, что государственные бюрократии обязаны говорить на языке большинства (или большей части) налогоплательщиков, а не наоборот – большинство должно выучивать язык тех, кто узурпировал власть в стране или ее регионе.

Национальные культуры бывших союзных республик, а ныне новых государств достаточно сильны, а их политическому суверенитету ничто не угрожает, кроме собственной недалекости, чтобы продолжать искоренять «русское влияние», ставя тем самым в трудное положение как граждан русского происхождения, так и значительную часть своих соплеменников. Национально-русское двуязычие, в том числе официальное, возможно, один из самых сильных вариантов политики нациестроительства, которую может сегодня предложить большинство постсоветских государств, чтобы избежать среди русских движений ирредентизма (воссоединения с соплеменниками) и межэтнических конфликтов.

Сказанное выше во многом относится и к балтийским государствам, где проживает более одного миллиона этнических русских. Здесь культурная дистанция между двумя основными общинами больше, а степень этнического национализма со стороны ти-

тульных групп сильнее, чем в Украине, Беларуси и Молдове, но не настолько, чтобы отказаться от политики интеграции этой части населения в новые согражданства. Выдавить иноэтничных «чужаков» из этих государств легальными ограничениями все равно не удастся (подобные неудачные попытки уже делались в 1920–1930-е годы), а на силовые меры не хватит ресурсов. К тому же огромное русское «ядро» у балтийских государств совсем под боком, и в его среде разжечь солидарный ультрапатриотизм не очень сложно. Кроме военных, из Прибалтики русские уезжать не намерены. Для большинства из них это единственная родина. Здесь сравнительно комфортнее жизнь, да и положительные результаты реформ, видимо, скажутся быстрее, чем в неповоротливой России.

Глупо и обидно, если завоеванная независимость споткнется о примитивные чувства и утопические идеи, возведенные в ранг официальной политики. Не может быть долгой ситуация, когда половина жителей столицы государства – рижан – лишена возможности идти к избирательным урнам, а в парламентах Латвии и Эстонии заседают исключительно этнические латыши и эстонцы, оставившие без представительства 900 тыс. и 450 тыс. жителей этих государств. Только за последние годы в мире с десятков подобных ситуаций закончился насильственными конфликтами. Здесь уже не помогут ни искусное лоббирование в международных инстанциях, ни симпатии североевропейских соседей.

Что нужно сделать? Во-первых, местным властям срочно наладить диалог с русскими общинами и их лидерами, пока он возможен и пока эти общины не создали мощные коалиции по ответному этническому признаку и не начали организованное сопротивление. Диалог придется вести на русском языке, в том числе в парламенте и в столичных СМИ, пока власти не положат на каждом углу эстонско-русские и латышско-русские разговорники и не подождут с десятков лет, когда часть русского населения, особенно молодежь, выучит доминирующие в государстве языки. Они это сделают обязательно, тем более, что основная масса русских в Прибалтике – это образованные горожане. Во-вторых, не видно альтернативы и фактическому возврату к нулевому варианту гражданства, особенно теперь, когда военные и другие «прикомандированные» фактически уехали. В-третьих, постараться восстановить намечавшиеся в первые годы перестройки межэтнические коалиции и поощрять любые подобные объединения, допустить русских к власти, собственности и бизнесу. Это сделает их не менее лояльными гражданами, чем «коренные» жители, среди которых, пожалуй, даже больше желающих покинуть «свои» государства в пользу более богатых стран.

Сложнее ситуация складывается для русских в Средней Азии и Закавказье. Их здесь около 3 млн и около одного миллиона

человек действительно уже покинули этот регион в силу двух более мощных факторов, чем неблагоприятный морально-политический климат (таковой сейчас существует почти во всех новых государствах, но не является главной причиной для массовой эмиграции). Это меж- и внутригосударственные войны и конфликты. Русские, хотя и не являются прямым объектом насилия (не считая военнослужащих), но испытывают огромные лишения и страх. Такова ситуация в Азербайджане, Грузии, Таджикистане, где примерно по 300 тыс. русских. Второй фактор – низкий уровень жизни и климатические условия, особенно в государствах Средней Азии. Не случайно отток русских из этого региона начался еще в 1970-е годы. По нашим прогнозам, он будет продолжаться и в будущем, но говорить о массовом и срочном исходе нет веских оснований, и крайне безответственно его подталкивать эмоциональной публицистикой.

Большинство русских в Средней Азии – это жители Узбекистана и Кыргызстана (1,5 млн и 800 тыс.), главным образом давние поселенцы, неплохо адаптировавшиеся к местной среде. Исследования показали, что русские этого региона в своей массе не настроены на отъезд в Россию, хотя многие специалисты покинули его или собираются уехать. Уровень антирусских настроений не так высок, как его драматизируют отдельные жертвы и им сочувствующие. Среднеазиатское общество вообще отличается традиционной межэтнической терпимостью и доказало это наглядно в годы советских лихолетий. Подавляющая часть правящих лидеров также противники отъезда русских, и их влияние очень велико. Конечно, имеет место выталкивание русских из властных структур, хозяйственного истеблишмента и из некоторых особо конкурентных сфер занятости (торговля, управление, обслуживание), ограничивается доступ молодежи к высшему образованию.

Преодолеть негативные факторы для проживания русских в Средней Азии общими с Россией усилиями, чтобы избежать их массового отъезда, – это, на наш взгляд, главная задача в данном регионе с точки зрения решения проблемы. Как и в большинстве постсоветских государств, русские играют здесь важную хозяйственную и социально-культурную роль. Они – мощный связующий гуманитарный фактор, исчезновение которого неизмеримо увеличит отчужденность между государствами бывшего СССР, которую в самой России будут питать те же самые «вернувшиеся» и трудно адаптирующиеся русские. Более того, русские в новом зарубежье, как это ни покажется парадоксальным, – интегрирующий фактор и для основного населения новых государств. Эти сообщества есть и останутся после возможного отъезда русских многоэтничными, но только проблема меньшинств и иноэтничного населения в них обострится еще больше. Кроме того, на первый план могут

выйти внутринациональные (региональные, субэтнические, клановые и прочие) противоречия. Внутригрупповые противоречия могут быть несколько не слабее противоречий и конфликтов между этническими группами. Печальный опыт Таджикистана и Грузии подтверждает данный тезис.

Самое главное, рассматриваемая проблема не должна быть предметом простеньких политических расчетов и сиюминутных дивидендов. Не могу забыть, как в сентябре 1992 г., когда автор исполнял обязанности председателя Госкомнаца, вернулась из Кремля подготовленная на имя Б.Н. Ельцина информация о положении русских в Казахстане. На ней была резолюция первого помощника президента: «Ваш материал не может быть доложен, так как не отражает озабоченности президента этой проблемой». В тот момент перед предполагавшейся встречей Б. Ельцина с Н. Назарбаевым помощнику, видимо, хотелось положить на стол президента не спокойный анализ, а аргументы для эмоциональной реакции и политического торга.

После того как была написана эта статья, у темы появились новые актуальные сюжеты. Во время встречи лидеров стран СНГ в Ашхабаде между Россией и Туркменистаном было подписано соглашение о двойном гражданстве, и под аплодисменты Б.Н. Ельцин заявил: «Я первым получаю двойное гражданство». Пресса и официоз почти единодушно представили двойное гражданство «разумным и очень человеческим шагом» в решении проблемы. Однако это не совсем так. Вариант двойного гражданства может быть приемлем как средство политического воздействия и как мера по некоторому улучшению самочувствия русских вне России, но не больше. Случай с Туркменистаном, где самая малая русская община в ближнем зарубежье, а в России меньше всего туркмен среди выходцев из бывших союзных республик, не может быть примером для всего постсоветского пространства.

Во-первых, приобретение второго, российского, гражданства значительной частью населения новых государств едва ли будет способствовать стабильности этих обществ и гражданской лояльности даже в самых спокойных ситуациях, в чем прежде всего должна быть заинтересована Россия. Мы же опять, как и в бывшем СССР, пытаемся насадить этническую принадлежность в качестве основы гражданства, хотя большинство тех же русских все же настроены на интеграцию в новых образованиях. Даже в Эстонии самые последние обследования показали, что только 5% живущих здесь русских получили российское гражданство и еще 2–4% намерены сделать это в будущем (в Нарве около 5%), а около 90% желают получить эстонское гражданство или хотели бы видеть своих детей гражданами Эстонии.

Во-вторых, следует знать, что в России имеются огромные диаспоры украинцев, армян, азербайджанцев, грузин, казахов, белорусов (около 10 млн человек), и предоставление им на основе взаимности второго гражданства, помимо экономических и правовых проблем, вызовет ослабление среди этой части россиян чувства принадлежности к единому народу единой страны. К тому же нужно ожидать увеличение числа иммигрантов в Россию из нового зарубежья, особенно из зон аграрной перенаселенности и гражданской нестабильности в Средней Азии и Закавказье, причем не русских, а таджиков, узбеков, грузин, армян и других. Вот о чем нужно думать и к чему нужно готовиться нашим экспертам и политикам в контексте проблемы двойного гражданства. Да и президентские новогодние поздравления лучше посылать своим гражданам и гражданам соседних государств, а не «этническим россиянам». У слова «россиянин» есть только один корректный смысл – это гражданин России.

О ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ*

Перепись населения – одна из важнейших государственных процедур, итоги которой помогают обеспечивать адекватные управление и политику во многих сферах общественной жизни. Получаемые раз в десять лет данные используются властями, политиками и учеными-обществоведами, ибо это самый полный коллективный портрет населения страны, без которого сложно правильно определить и принять решения по вопросам социально-экономической и культурной политики, административного управления, властного представительства и многие другие. На процедуру переписи, в том числе выбор и формулировку вопросов, обработку и использование данных оказывают влияние характер политического режима и сложившиеся традиции общественнознания в той или иной стране. Чем демократичнее режим и модернизированнее общество, тем больше в нем потребности иметь самые полные и широко доступные данные переписей, тем чаще они используются как компонент познания и управления обществом.

Предстоящая перепись населения будет первой переписью нового государства – Российской Федерации. В ней отразятся глубокие трансформации последнего десятилетия, и результаты ее будут крайне важны как для оценки этих перемен, так и для выработки новых экспертиз и будущего политического курса. Уверен, что итоги переписи преподнесут некоторые сюрпризы стране, где в элитном и обыденном языке правят бал политическая экзальтация и язык жалоб. Например, едва ли за все предшествовавшие три–четыре десятилетия россияне (как городские, так и сельские) построили больше собственных домов и обзавелись другим новым жильем, чем за последние несколько лет. В российских деревнях и поселках сегодня почти каждый третий дом – это новая постройка. Во всем мире домовладение считается важнейшим показателем национального благосостояния. К сожалению, перепись не сможет учесть приобретенные товары длительного пользования (автомобили, холодильники, телевизоры), а эти показатели могли бы быть рекордными.

* Ранее опубликована под названием «Близится перепись населения». См.: Независимая газета. 1995. 5 нояб. С. 4.

Безусловно, перепись отразит и негативные последствия столь быстрых социальных и политических перемен. Это – снижение уровня рождаемости, рост смертности и безработицы, новая категория беженцев и вынужденных переселенцев. Нами ожидаются серьезные изменения в этническом составе населения, которые, однако, не следует спешить объявлять катастрофическими. Почти наверняка уменьшится доля русских в составе населения России, но это не столько в результате естественного движения населения, т.е. сокращения рождаемости и роста смертности (последнее может компенсировать иммиграция русских из других государств бывшего СССР), сколько из-за смены многими потомками смешанных браков своей русской этнической принадлежности в пользу ныне более престижных и выгодных для проживания на территориях российских республик или для эмиграции в более социально обустроенные страны. К тому же возрастет абсолютная численность нерусского населения как за счет несколько большей рождаемости среди этой части россиян, так и за счет массовой иммиграции (постоянной и временной) в Россию жителей Средней Азии и Закавказья.

При всей значимости сохранения преемственности вопросов переписи для сравнительных возможностей не менее важно внести некоторые принципиальные изменения и отказаться от вопросов, которые были продиктованы политической доктриной или недостаточным профессионализмом ученых и переписных ведомств. Прежде всего это касается вопросов о национальности и о языке. Нынешняя их формулировка и очередность не соответствуют ни принятым мировым стандартам переписей, ни адекватному отражению российской реальности. В течение многих десятилетий эти вопросы создают грандиозные фальсификации действительного положения и представляют собой форму насилия над индивидуальным выбором гражданина, не говоря о провоцировании и ужесточении групповых различий и придании им неоправданной роли.

Вопрос «К какой национальности, народности или этнической группе себя относите?» опять предполагает наличие неких иерархических категорий, по которым должно расписать себя население России. Мировая наука (кроме бывшей советской) не признает подобную типологию этнокультурных общностей, а тем более не знает таких этнических понятий, как *национальность* или *народность*: первое означает гражданство, второе – вообще уродливое изобретение марксистско-ленинской теории наций. Все зависит от степени политической мобилизации той или иной общности, и сегодня не только русские, но и аварцы, нанайцы, караимы и другие предпочитают считать себя нациями. Запрет на употребление популярных слов типа «нация» невозможен, учитывая длительную традицию

строительства этнонаций в СССР, как и невозможен официальный раздел этнических общностей по категориям. Пусть этим занимаются общественные активисты и ученые-схоластики. Государству важно зафиксировать не некий реестр «наций, народностей и этнических групп», а этнокультурную самоидентификацию тех, кто проживает в стране. Поэтому вопрос должен быть сформулирован так: «Каковы Ваша этническая (национальная) принадлежность или происхождение?» Слово «национальная» необходимо лишь в разъяснительном смысле, учитывая длительную традицию употребления этого слова в его этническом значении.

Следуя мировым научным и переписным стандартам, а также учитывая российскую реальность, нужно предусмотреть возможность множественного ответа на данный вопрос, отсутствие ответа вообще или, в случае затруднения, нейтрального ответа типа «житель Российской Федерации», «россиянин» или «дагестанец». Дело в том, что в России, как и в других странах мира, живут миллионы людей смешанного этнического (национального) происхождения, которые могут в равной мере разделять язык и культуру как отца, так и матери и чувствовать свою принадлежность не к одному, а к двум или нескольким народам или же вообще считать себя россиянином без четкой идентификации с какой-либо одной этнокультурной общностью. Это, скорее, норма для многоэтнических стран, а не аномалия, а уж тем более не «манкуртизация» или «маргинализация». Многоязычие и многокультурность везде считаются преимуществом и силой как человека, так и общества, за исключением отравленного этнонационализмом постсоветского пространства.

Кроме этого, в России имеет место обычный в мировой практике феномен множественного и не взаимоисключающего этнокультурного самосознания (идентичности) вертикального характера. Кубачинец считает себя даргинцем, дидоец – аварцем, оба – дагестанцами (что тоже можно считать не только чистой административной общностью), при этом не теряя ни одну из своих культурных идентичностей. Менгрел и сван считают себя одновременно и грузинами, казак – русским или украинцем, и так в огромном числе случаев. И неужели наша перепись опять будет распахивать людей – «этнофоров» (на языке некоторых этнографов) по списку народов, да еще исключительно по одному из родителей, потакая попыткам восстановить до косточки все «этносы» со всеми их «настоящими» названиями.

В переписи должны иметь место ответы типа «украинец-русский», «русский-казак», «эрзя-мордвин», «аварец-русский», «татарин-мишарь», «еврей-русский», «эвенк-якут», «грек-армянин», «дигорец-осетин», «лакец-осетин-русский» (едва ли будут более чем тройные ответы).

Автор назвал эти возможные сочетания, зная за каждым из них конкретных жителей страны, для которых это была бы наиболее верная и приемлемая идентификация в соответствии с этнокультурным самосознанием. Пусть потом политики и ученые, если им для чего-то это нужно, подсчитывают сколько «наций и народностей» работают на том или ином заводе или населяют тот или иной субъект федерации. Зато людям станет легче и понятнее жить, избавившись от изуверских процедур определения единичной национальности, по крови. Тогда, может быть, и спадет позор стереотипов типа «лица кавказской национальности». Кстати, во многих странах уголовно наказуется даже сам вопрос об этнической принадлежности, особенно если он задается работодателем, а мы по-прежнему собираемся нести в своих новых российских паспортах этот рудимент тоталитаризма.

Теперь о вопросе переписи: «Родной язык. Указать также другой язык, которым свободно владеете». Вопрос о языке в переписях задается, чтобы прежде всего выявить, сколько, где и на каких языках жители государства разговаривают, какими языками пользуются в разных общественных сферах. Это необходимо для определения многих вопросов управления: на каких языках должны говорить государственные службы, средства информации, вывески и уличные названия, сколько и на каких языках издавать учебников и как готовить учителей и т.п. Никакой такой информации ответы отечественных переписей на вопрос о языке не содержат. Задаваемый сразу же после вопроса о национальности, да еще в столь наводящей «родной» форме, он фактически повторяет предыдущий вопрос. Отвечающий, только что определив (или за него это сделали родители) свою национальность, в огромном большинстве случаев просто повторяет название языка своей национальности, ибо стереотип «родной язык – язык своей национальности» прочно укрепился в российском сознании. Лишь незначительная часть жителей страны, давно и прочно перешедших на «неродной» язык и не владеющих «родным», указывает в данном случае язык, который не совпадает с предыдущим ответом. Миллионы же людей называют в этой графе язык, на котором не разговаривают ни на работе, ни дома, и даже фактически его не знают. Считается как бы неудобным или политически некорректным, определив себя бурятом, чувашом или эвенком, записать в графу «родной язык» русский, татарский или якутский языки. Отвечающий вынужден задумываться больше о соответствии языка и этничности, а не о своих языковых навыках. В итоге получается искаженная картина языковой ситуации и языкового поведения населения страны, прежде всего в сторону уменьшения степени распространения и использования русского языка жителями России.

С точки зрения науки, политики и частной стратегии людей, языковую ассимиляцию большинства россиян нерусской принадлежности можно оценивать по-разному. Ученые рассматривают утрату культурного многообразия, особенно исчезновение языков, как негативное явление для человеческой цивилизации и для каждого отдельного государства, хотя добровольную языковую ассимиляцию в пользу более мощных конкурентных языков (особенно так называемых мировых, к которым относится и русский) следует расценивать как явление, способствующее жизненной карьере человека. Это, собственно говоря, лучше всего понимают родители, определяя своих детей в школы. Что касается политиков, то для них вопрос о языке чаще всего связан с мобилизацией граждан и созданием коалиций для достижения власти или исключения из нее. Не знаешь башкирского языка (а это относится почти к 80% населения Башкирии, включая часть самих башкир), значит, не можешь рассчитывать на избрание на высшие государственные посты. Таково требование республиканской Конституции. Государство же, т.е. бюрократический аппарат, тяготеет к одноязычию (так легче управлять, рассылать инструкции и отдавать армейские приказы) и не любит официально многоязычия, хотя для России оно необходимо, причем не только на уровне республиканских и местных властей.

Следует сменить очередность вопросов и сначала получить сведения о языке, а потом об этнической (национальной) самоидентификации. В этом случае уже ответы на вопросы о языковом поведении (ориентации) могут отчасти влиять на определение этнической принадлежности. Однако такой вариант гораздо более логичен и научно обоснован, ибо этническая ассимиляция может следовать за языковой, хотя далеко не всегда (можно говорить на английском и оставаться ирландцем, говорить на русском и оставаться чувашом, бурятом, якутом и т.д.). Обратной ситуации фактически не бывает.

Необходимо собрать в полном объеме сведения по демографии и экономике малочисленных народов Севера, включив соответствующий раздел вопросника не в 25- или 5-процентную выборку, а в сплошную часть переписи в районах проживания малочисленных народов Севера при обследовании семей, включающих представителей этих народов. Современные тенденции развития законодательства РФ, равно как и опыт других стран мира, свидетельствуют, что граждане делятся по этническому признаку только на две группы – основное (чаще всего полиэтничное) население и аборигенное население. К вопросу длительности проживания или пришлости населения это не имеет никакого отношения (в России фактически все население может считаться коренным). Этот вопрос не должен связываться и с этнической принадлежностью, а прежде всего с образом жизни.

Население, сохраняющее традиционные системы жизнеобеспечения (прежде всего оленеводческо-промысловое хозяйство), должно иметь особые права и льготы в резервировании для аборигенных общин территорий традиционного природопользования на правах исключительного пользования либо владения. Но эти права могут распространяться на членов хозяйственных общин, а не на всех членов малочисленных «этносов». Другими словами, москвичка-нанайка Евдокия Гаер и петербуржец-чукча Юрий Рытхэу имеют ровно столько прав, как и все остальные граждане, хотя принадлежат к малочисленным народам Севера. А вот ведущие оленеводческо-промысловое хозяйство некоторые якуты, коми и русские старожилы имеют право на категорию и права аборигенного населения. Членство аборигенных общин, как и многие внутренние правила жизни, вплоть до местных таможен и сухого закона, обычно определяют сами общины в кооперации с местными властями. Перепись же должна выявить лиц, занятых в традиционном оленеводческо-промысловом хозяйстве во всех районах Севера и приравненных к ним местностях для любых национальностей. Это может быть сделано в рамках дополнительного варианта ответа на вопрос об «источниках средств существования».

Госкомстат России, а также некоторые эксперты и политики могут воспротивиться нашим предложениям под разными предлогами, в том числе и финансовыми. Но в силу произошедших существенных перемен было бы губительным сохранять старый подход к переписи населения.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ*

Образование новых государств после распада СССР создало ситуацию, когда за пределами России несколько десятков миллионов, главным образом этнических русских и ассимилированных в русскую культуру лиц, столкнулись с неблагоприятной социально-политической и культурной ситуацией, заставившей их заявить о своей связи с Россией и назвать ее своей первой или второй родиной, и даже предпринять переезд в Россию с мест своего проживания. Это, в свою очередь, создало долговременную и сложную политическую и гуманитарную проблему в отношениях между новыми государствами, а также ее болезненные внутрисполитические проекции в самой России. Причинами появления проблемы соотечественников стали следующие:

– неодинаковый уровень социально-экономического развития новых государств, при котором Россия имеет реальные или потенциальные преимущества перед всеми, кроме стран Балтии, что заставляет многих жителей отдать предпочтение России как более благоприятному месту проживания и использовать для осуществления этого решения факт этнической принадлежности к одной из российских национальностей;

– доктрина и практика этнонационализма, утвердившаяся в постсоветских государствах, а также недостаточный уровень демократии и гражданских институтов, которые не дали возможность установить, а тем более осуществить равноправие тех, кто эти государства создал, т.е. всех жителей, но позволили дискриминировать часть населения по этническому признаку вплоть до исключения из гражданства и попыток насильственной ассимиляции и выталкивания;

– нестабильность ряда новых государств, отсутствие в них гарантий безопасности, внутренние и межгосударственные конфликты, бытовой национализм и нетерпимость, возрастающие межэтническая разобщенность, узурпация власти, ресурсов и культурно-информационного пространства в пользу представителей так называемых коренных наций;

* Текст был подготовлен для Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом в 1997 г., когда автор руководил рабочей группой по выработке концепции государственной политики в данной области.

– наличие в России значительной и политически активной части граждан, которые имели и сохраняют глубокие связи с бывшими республиками, а также тех, кто уже был вынужден переехать в Россию, неся с собою травмы, недовольство и политический активизм;

– проявленный в отношении этой проблемы со стороны международного сообщества двойной стандарт, который был обусловлен стремлением закрепить распад СССР и не позволить России занять место определяющей державы в регионе, а тем более осуществить в его рамках частичную реинтеграцию.

Многозначная природа проблемы создает различные формы ее проявления и требует адекватной и перспективной политики государства в данной сфере. Главные стратегические вопросы: кто есть и будет в будущем считаться российскими соотечественниками, какое государство несет за них основную ответственность, каковы цель и содержание политики России в данных вопросах и как эта политика увязывается с другими аспектами внешней политики и внешних связей? Поиск точных ответов и политический курс в отношении российских соотечественников претерпел в целом позитивную эволюцию: от непонимания и игнорирования проблемы до ее осознания как одной из важнейших государственных проблем и принятия особых правовых актов, деклараций и федеральной программы. Однако до сих пор нет согласованного мнения и политического консенсуса в данном вопросе. Продолжаются политические импровизации и амбициозные попытки осуществить непродуманные проекты наподобие массового двойного гражданства или репатриации выходцев из России и бывшего СССР.

Отправным принципом политики должно быть положение, что основную ответственность за гарантии индивидуальных и коллективных прав и обеспечение приемлемых условий социального существования всех бывших жителей союзных республик несут образовавшиеся на их территориях государства. Задача России вместе с международным сообществом состоит в поддержке развития демократии, экономического преуспевания и политической стабильности в этих государствах, на основе которых могут быть обеспечены благоприятные условия для жизни и социально-культурных запросов многочисленного населения русского и иного этнического происхождения, связанного с культурой народов России и идентифицирующего себя с ней в той или иной степени.

Следует настаивать на предоставлении властями новых государств основных прав и создании необходимых условий для данной категории населения. Политика Латвии и Эстонии по вопросам гражданства противоречит основам демократии и международным нормам, грозит внутренней стабильности этих государств, а значит,

и интересам России. Мягкая позиция Запада в этом вопросе вызвана антироссийским синдромом и североευропейским солидаризмом, которые по возможности необходимо преодолевать и осуждать.

Важно акцентировать внимание на социально-экономической и политической интеграции соотечественников в рамках новых государственных образований и сдерживании эмиграции, особенно массовой, в Россию, где отсутствуют прежде всего экономические возможности для приема и обустройства эмигрантов. Массовый отъезд русских из стран ближнего зарубежья лишит Россию благоприятно расположенной и гуманитарно связанной с нашей страной категории граждан этих государств. Именно эта часть населения сдерживает откровенный национализм и антироссийские настроения, служит связующим звеном с Россией, а также перспективной базой для экономических связей, рынком для российских товаров и культурной продукции. Отъезд русских увеличит расхождение во всех сферах жизни между Россией и ее соседями, а в самой России создаст социальную базу для долговременного недовольства и неприязни к стране изгнания.

В политике интеграции основное внимание должно быть обращено на содействие самоорганизации и экономическому благополучию русскоязычных общин, что позволит им законными средствами и в мирных формах добиваться и обеспечить свое политическое представительство и равный статус, а также создать условия для сохранения и развития собственной культуры наряду с освоением культуры «основного» народа. Ставка на культурную ассимиляцию российских соотечественников является маловероятной даже в дальней перспективе (за исключением малой части русских в Центральной и Западной Украине) прежде всего по причине высокого мирового статуса русского языка и культуры, а также наличия по соседству в России основного ядра представителей этой культуры.

В этой же связи следует считать необоснованным выдвигаемый соседними государствами принцип «зеркального» обеспечения культурных условий и статуса для аналогичных групп меньшинств в России. Россия обязана предоставить равные социальные и политические права украинцам, казахам, латышам и другим группам российских граждан, как это должно быть сделано в отношении русских или татар в других странах, а также всячески содействовать их культурным запросам в сфере языка и образования. Но равного культурного статуса украинцев в России и русских в Украине быть не может, поскольку украинцы и другие аналогичные группы в России гораздо более ассимилированы в русскую культуру, чем русские в украинскую, молдавскую, латышскую или казахскую культуры. Критерием политики должны быть запросы самих

граждан, и дерусификация (или украинизация) украинцев в России имеет столь же малые шансы, как украинизация или казахизация русских в Украине и Казахстане. То и другое представляет собой форму насилия и узурпацию интересов и прав людей в угоду политическим установкам.

Более того, в силу высокого культурного статуса и значительной доли русскоязычного населения в ряде государств объем прав и условий, предусматриваемых в рамках доктрины и международно-правовых норм по защите меньшинств, является недостаточным и не может удовлетворить запросы данной категории населения. В Украине, Латвии, Казахстане русские и русскоязычные группы населения обладают неотъемлемым правом рассматривать эти государства как равнообщинные в контексте доктрины народов-партнеров, как это имеет место в Канаде с франкофонами и украинцами, в Великобритании – с шотландцами и ирландцами, в Малайзии – с китайцами, а также во многих других странах. Факт существования России, где проживает основное русское население, никак не означает уменьшение прав русских в Украине или Казахстане на существующее там государство по сравнению с украинцами или казахами. Поспешная категоризация русских как меньшинств в этих странах сделана в угоду узконационалистическим целям и противоречит реальному положению – невосприятию рядовыми украинцами, казахами и латышами русских как меньшинства.

Для российской политики это означает возможность и необходимость ставить вопрос о введении официального двуязычия в таких странах, как Украина, Казахстан, Латвия, Киргизия, и возможности пересмотра некоторых основ конституционного строя в интересах почти половины населения этих стран, реальный язык общения которых не имеет равного статуса. Это касается защиты прав не только русских, но и части украинцев, казахов и киргизов. Россия должна защищать не просто русских, а прежде всего выступать в защиту русского языка и культуры, как и любого другого языка, которые ущемляются в государствах ближнего зарубежья. Здесь возможны два направления политики: одно касается побуждения соответствующих государств признать ответственность и осуществлять политику поддержки русского языка и культуры; другое – это содействие в меру возможностей России сохранению и развитию за рубежом тех культур, представители которых проживают преимущественно в России (русской, татарской, осетинской и т.д.).

За пределами ограниченной культурными правами политики в отношении меньшинств находится ряд общепризнанных норм политической организации государств со сложным составом населения, которые Россия применяет сама и должна поддерживать

за ее пределами, если на то имеется выраженное волеизъявление или стремление добиваться таких норм. Это прежде всего форма территориальной автономии для культурно отличительных и компактно проживающих групп населения. В ряде государств ближнего зарубежья российские соотечественники уже имеют такую форму или могут сформулировать требования территориальной автономии в будущем. Россия должна поддерживать автономию осетин в Грузии, как ее имеют осетины в России, автономию в Крыму, а в случае требований местного населения – автономию районов преимущественного проживания русских в Украине, Казахстане и Эстонии. Федерализация этих государств отвечает принципам демократии и возможна, если в них не будут найдены другие формы политики культурного плюрализма и равноправия через справедливое распределение власти и ресурсов на общегосударственном уровне.

Более сложным является вопрос о предоставлении в самой России каких-либо преференций гражданам соседних государств на основе этнической принадлежности. Такую практику имеют единичные государства (Израиль, Германия), и она подвергается справедливой критике. Предоставление российского гражданства жителям других государств по причине их категоризации как «соотечественников» (а это не только этнические русские, но и адыги, осетины, татары и многие другие) является сомнительной политической мерой, даже если эти граждане желают иметь второе гражданство, предоставляющее определенные преимущества. Эта мера справедливо может рассматриваться соседними государствами как угроза их суверенитету и стабильности, а само это население – как своего рода «пятая колонна» и недостаточно лояльная часть населения, что может отрицательно сказаться на его положении. Предоставление российского гражданства оправдано в двух случаях (в дополнение к существующей норме закона о предоставлении гражданства): когда соотечественники лишены возможности иметь гражданство страны проживания, и тогда Россия как правопреемник СССР должна предоставлять свое гражданство жителям бывшего СССР; в случае вынужденной эмиграции.

Проблема вынужденной эмиграции русскоязычного населения из стран ближнего зарубежья в Россию имеет особую актуальность и является наиболее политизированной. Факты физического насилия и прямой дискриминации русских и других соотечественников действительно имели место в ряде государств, особенно Средней Азии и в Казахстане, Прибалтики и Закавказья. Россия вправе осуществлять постоянный мониторинг данной проблемы через свои дипломатические представительства и через другие каналы и использовать любые признаваемые международным правом меры

воздействия по недопущению подобной ситуации. Политические и экономические санкции являются правомерными, если они достигают своей цели и не ухудшают положение соотечественников за рубежом.

В то же время из 2,5 млн недавних переселенцев в Россию из стран ближнего зарубежья значительную часть составляют экономические мигранты, пожелавшие переехать в Россию в целях улучшения или предотвращения ухудшения условий своего социального существования. Это желание является правомерным, и число таких мигрантов может возрасти в случае улучшения положения в России и сохранения кризисной ситуации в других странах. Среди этой категории переселенцев будет возрастать число и тех, кто не относится к категории соотечественников, особенно из стран Средней Азии и Закавказья. Осуществляющие жизненно важную акцию переезда обычно склонны драматизировать ситуацию в местах исхода и добиваться преференций как «соотечественники».

Перед российской политикой рано или поздно встанет вопрос о введении более определенных правил иммиграции из стран ближнего зарубежья, чем упрощенный принцип – «все соотечественники (и только соотечественники) имеют право на возвращение». Нет оснований предоставлять больше прав на свободный переезд в Россию черкесу из Турции, чем абхазу из Грузии, татарину из Узбекистана, чем украинцу из Узбекистана, русскому из Беларуси, чем белорусу из Беларуси, если для этого нет других оснований, чем принцип этнической принадлежности, который во многих случаях установить достаточно сложно. Не принцип кровного происхождения, а общие правила и критерии должны регулировать переезд в Россию, и среди этих принципов должен быть принцип культурной близости и родственных связей. Таджики, свободно говорящий по-русски и проживший часть жизни в России, имеет не меньше прав на переезд в Россию, чем родившийся в Душанбе и никогда не живший в России этнический русский.

Все эти сложные проблемы политики в отношении российских соотечественников требуют гораздо более глубокой и перспективной проработки, чем поверхностные и нереализуемые принципы, заложенные в принятой Государственной думой Декларации в поддержку соотечественников за рубежом и в подготовленных законопроектах о поддержке соотечественников и о репатриации.

ЗАРУБЕЖНЫЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ: КОНЦЕПЦИЯ И ПОЛИТИКА*

Проблема российской диаспоры относится к числу важнейших внешнеполитических и внутренних проблем страны. Помимо уже принятых законодательных и нормативных актов (указы президента и постановления правительства), а также разнообразной деятельности различных органов законодательной и исполнительной власти федерального и регионального уровней, сохраняется потребность в создании концептуальной и правовой базы государственной политики в отношении зарубежных соотечественников. В этом направлении последние два года в федеральных органах власти шли два параллельных процесса: Государственная дума разрабатывала закон о соотечественниках за рубежом, Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом готовила концепцию государственной политики. Имелось определенное взаимодействие представителей исполнительной и законодательной власти в этой работе, и даже было понимание, что необходимо сначала принять концепцию как ориентирующий документ, а затем закон как уже более строгий и обязательный правовой акт.

Возглавляемая мною рабочая группа Правительственной комиссии по подготовке концепции завершила свою работу еще в 1998 г. Документ прошел экспертизу во всех федеральных министерствах и ведомствах, в субъектах РФ, исследовательских институтах. По нему были высказаны замечания соответствующего комитета Госдумы. Концепция была одобрена на заседании Правительственной комиссии и подготовлена для рассмотрения правительством, чтобы представить ее на утверждение президентом. Однако после ухода правительства В.С. Черномырдина смена кураторов комиссии на уровне вице-премьеров затянула окончательное утверждение этого важного документа. Государственная дума приняла 5 марта 1999 г. Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», который был отклонен президентом.

Уязвимость принятого закона как раз заключается в слабой проработке концептуальной стороны проблемы и по этой причине –

* Текст написан в июне 1999 г., но не был опубликован.

в неточном определении самого субъекта данного правового акта. Взяв за основу определения кто есть «соотечественник» кровный принцип происхождения по нисходящей родственной линии, закон фактически позволяет пользоваться им доброй четверти населения США и не менее трети населения Израиля. В то же время им не могут воспользоваться многие бывшие граждане СССР, хотя их культурная и другая связь с Россией может быть неизмеримо больше. Автор не думает, что потомки бывшего израильского премьера Голды Меир могут в большей мере считаться «соотечественниками», чем, скажем, бывший руководитель Союза кинематографистов СССР Довлат Худоназаров и тысячи ему подобных. Некоторые экономические, образовательные и другие преференции для соотечественников, предусмотренные этим законом, накладывают непомерные обязательства на Россию, в том числе и финансовые. Канадские, американские и израильские граждане, чьи предки в свое время уехали из царской России или из СССР, вполне могут сами платить за свое образование и обучение русскому языку, если они этого желают, а в своей предпринимательской деятельности на территории России обходиться и без особых льгот. Этих и других недочетов, а также излишней политизированности проблемы соотечественников, вероятно, можно было бы избежать при принятии закона, если бы концептуальный документ был принят раньше. К сожалению, вместо этого появляется некорректная критика документа даже со стороны тех, кто сам его разрабатывал в составе рабочей группы («Российская газета». 1999. 15 мая). Поскольку сам документ не публиковался в печати, видимо, необходимо изложить его основные положения.

ОЦЕНКА СИТУАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Концепция определяет основы государственной политики в отношении зарубежных российских соотечественников, под которыми понимаются проживающие вне пределов Российской Федерации лица, связанные с Россией историческими, этнокультурными и духовными связями, и стремящиеся сохранить их независимо от гражданства и этнической принадлежности, языка, вероисповедания, социального и имущественного положения. К ним относятся: представители русского и других народов РФ, проживающие в странах СНГ и Балтии (нового зарубежья), а также жители дальнего (традиционного) зарубежья, т.е. государств за пределами бывшего СССР, включая проживающих в них граждан Российской Федерации. Таким образом, главное в определении категории «зарубежный соотечественник» (более широкое и точное понятие, чем

«соотечественник за рубежом», которое охватывает только российских граждан) – это духовная связь с Россией и наличие стремления сохранять эту связь. Иначе в мире найдутся десятки миллионов людей, которые не знают ни одного слова по-русски или по-татарски и часть которых может воспользоваться статусом соотечественника, чтобы сделать «легкие деньги» в России и не более.

Сколько таких людей, ощущающих и демонстрирующих свою связь с Россией, сказать довольно сложно, ибо большинство представителей дореволюционной и даже послереволюционной эмиграции уже давно ассимилировалось в странах своего проживания и другой родины не знает. Однако никто не гарантирует, что в будущем кто-то из этой категории людей может активизировать свое российское происхождение, особенно если появятся новые притягательные мотивы в отношении более привлекательной России. Такие чувства могут появляться и в третьем, и в четвертом поколениях эмиграции, что представляется вполне нормальным и даже полезным для России. Чем больше у страны состоятельно живущих и позитивно к ней относящихся представителей диаспоры, тем лучше. Однако следует помнить, что в современном мире диаспора может играть и негативную роль, что продемонстрировали зарубежные чеченцы в отношении России или зарубежные албанские косовары в отношении Югославии. Поскольку диаспора или зарубежные соотечественники – это прежде всего состояние самосознания, а значит, это подвижное явление, то проводить по всему миру «паспортизацию» через выдачу «удостоверений соотечественника» не следует, и это невозможно осуществить технически.

Что достаточно ясно, так это то, что после распада СССР в новых государствах оказалось около трех десятков миллионов человек, главным образом этнических русских или связанных с русской и другими культурами российских народов, которые имеют и заявляют о своей органической связи с Россией как с родиной. Как отмечается в концепции, именно проблемы, связанные с положением соотечественников в государствах нового зарубежья, вызывают наибольшую озабоченность Российской Федерации. Основными причинами общественной озабоченности и выступления России за развитие связей и поддержку этой категории жителей зарубежных стран стали следующие:

- дискриминация по этническому признаку вплоть до отказа в гражданстве, попытки насильственной ассимиляции или миграционного выталкивания, скрыто или явно утвердившиеся в ряде стран;

- нестабильность экономической и социально-политической обстановки в ряде новых государств, внутренние и межгосу-

дарственные конфликты, угроза личной безопасности и межэтническая напряженность;

– неодинаковый уровень социально-экономического развития новых независимых государств, предопределяющий выбор многих бывших советских граждан в пользу переезда в Россию как в более благоприятное место проживания;

– наличие в России значительной части граждан, которые имели и сохраняют личные связи с бывшими союзными республиками, а также тех, кто уже был вынужден переехать в Россию, неся с собой недовольство и соответствующую политическую активность.

Последний момент может показаться неожиданным в перечне причин проблемы соотечественников, но нельзя отрицать, что отчасти эта проблема и внутрироссийская, особенно в аспекте политических драматизаций. Если депутат Госдумы Ю.П. Кузнецов заявляет, что «пока мой народ разделен, я не перестану бороться», а К.Ф. Затулину невозможно принять родную Одессу как «заграницу», то это тоже часть проблемы соотечественников в ее сложном внутрироссийском мироощущении. Этот аспект проблемы нельзя не видеть и не учитывать, ибо он реально присутствует в нашей жизни и может сохраняться долго. Однако ответственная государственная политика и научная экспертиза не могут строиться только на основе настроений и интересов этой части россиян.

Современное положение зарубежных соотечественников характеризуется следующим:

– несмотря на то, что почти во всех новых государствах основные гражданские и политические права закреплены в национальных законодательствах и распространяются на всех их жителей, наблюдается снижение гражданского и социального статуса этой части населения по сравнению с представителями титульных этнических групп;

– хотя большинство соотечественников принимает свой статус граждан новых государств и включены в экономическую и общественно-политическую жизнь стран проживания, имеет место сужение их политического представительства и участия в государственном управлении вследствие прямой или косвенной дискриминации, которая осуществляется посредством провозглашения официального одноязычия, ценза оседлости, непредоставления гражданства и ограничения общественно-политической и даже культурной деятельности;

– в некоторых новых государствах ухудшается их экономическое положение по сравнению с другими группами населения в связи с характером социально-экономической политики, а также этнически избирательной политики занятости, приватизации и доступа к ресурсам; в особо сложном положении находятся пенсионеры, ветераны и другие наименее социально защищенные группы;

– сохраняется негативное влияние таких факторов, как затруднение или разрыв семейно-родственных и производственных связей с Россией, разрушение структуры занятости;

– в ряде государств, несмотря на наличие законов и принимаемые меры по обеспечению культурных запросов национальных меньшинств, сокращается сфера применения родного языка соотечественников, уменьшаются возможности удовлетворения их образовательных, культурных и информационных потребностей;

– ухудшается морально-психологический климат, не пресекается бытовой национализм, увеличивается этнокультурная дистанция с представителями титульных народов, что вызывает у российских соотечественников стремление приобрести гражданство РФ и, следовательно, право на защиту России в соответствии с нормами международного права.

В то же время следует сказать, что процесс адаптации соотечественников к новым условиям не прекращается. В последние годы снизилась эмиграция этой категории населения в Россию, повысилась ее общественно-политическая самоорганизация. Именно недостаток последней, а не только слабая политика России начала 1990-х годов позволили в свое время низвести эту часть населения до категории меньшинств и даже лишить ее гражданства, хотя русские и другие «нетитульные» жители являются такими же равноправными создателями новых государств, ибо участвовали в референдумах и даже выступали за независимость. В таких странах, как Украина, Казахстан и Латвия, само население оправданно не считает русских меньшинствами, как бы пропаганда и политика ни старались навязать данный статус. Правильнее было бы считать эти страны равнообщинными государствами, но это, видимо, уже вопрос прошлого или будущего.

Жизненные перспективы зарубежных российских соотечественников в постсоветских государствах зависят от ряда факторов. Основными из них являются успешное развитие этих стран, а также России по пути экономического подъема, утверждения демократии, обеспечения внутренней, региональной и международной стабильности. Важнейшим фактором является налаживание и укрепление дружественных отношений России с этими государствами и в рамках этих отношений осуществление программ поддержки соотечественников и при необходимости защиты их прав. В этом случае наиболее вероятным вариантом развития ситуации будет сокращение миграции соотечественников в Россию, их интеграция в гражданские сообщества новых государств, активное и плодотворное участие в разнообразных связях с Россией. Сохранение многочисленной и гуманитарно связанной с ней диаспоры отвечает национальным интересам нашей страны.

ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Вокруг данной темы существует много внутренних дебатов и внешних спекуляций. В подготовленной концепции целью государственной политики провозглашается содействие реализации прав зарубежных российских соотечественников на полноправное социально-политическое, экономическое и культурное развитие в странах проживания и обеспечение духовных и других связей с Россией. Что в этой емкой, сильной и открытой формулировке может показаться неприемлемым и кому? Она, безусловно, отвечает интересам России, ее соотечественников и государств их проживания.

Следующее принципиальное положение заключается том, что Россия в формировании государственной политики в отношении зарубежных соотечественников, и прежде всего проживающих в новых государствах, исходит из положения, что главную ответственность за гарантии индивидуальных и коллективных прав и за обеспечение достойных условий социального существования всех жителей бывших союзных республик несут образовавшиеся на их территориях государства. Поэтому Россия будет настаивать на предоставлении их властями основных прав и свобод в соответствии с их международными обязательствами, включая право на гражданство.

Хотя российская политика направлена на интеграцию (что, конечно, не равнозначно ассимиляции) и сдерживание массовой эмиграции соотечественников, Россия, в случае возникновения в странах их проживания конфликтных ситуаций, угрожающих жизни, здоровью, благополучию, готова обеспечить прием соотечественников в соответствии с международными обязательствами и внутренними законами. Последний случай с приемом косовских адыгов доказал это положение на деле. Россия будет принимать и тех, кто не смог адаптироваться к новым политическим и социальным реалиям в государствах проживания.

В политике содействия интеграции основное внимание обращается на поддержку самоорганизации соотечественников, что позволит им законными и мирными средствами обеспечивать свои права, доступ к власти и материальным ресурсам, а также создать условия для сохранения и развития собственной культуры наряду с освоением культуры титульного народа.

В ряде государств нормы национального законодательства, регулирующие защиту прав меньшинств, являются недостаточными и не могут удовлетворить в полной мере запросы соотечественников. В этой связи в странах, где русское население имеет большую численность и является старожильческим (более одного поколения), Россия считает допустимым поддержать постановку вопроса

о введении официального двуязычия, защищая тем самым права не только соотечественников, но и представителей всех национальностей этих государств, для которых русский язык является родным или языком повседневного общения.

Выступая в защиту принципа культурного многообразия, Россия поддерживает развитие русского языка и культуры, как и любого другого языка и культуры представителей российских народов за рубежом. Она будет побуждать определенные государства признать ответственность и осуществлять политику поддержки русского языка и культуры, а также содействовать сохранению и развитию за рубежом тех культур, носители которых проживают преимущественно в ее пределах.

Россия с пониманием относится к требованиям культурной, а также территориальной автономии для компактно проживающих групп российских соотечественников, если эти требования основываются на законно выраженном общественном мнении и не нарушают территориальную целостность того или иного государства.

НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В концепции достаточно подробно определены основные направления политики в отношении соотечественников и механизмы их реализации. Назову только сами эти направления:

- установление взаимных мер доверия и контроля за соблюдением индивидуальных и коллективных прав и основных свобод человека;
- финансовая и экономическая поддержка соотечественников в странах нового зарубежья;
- функционирование культурного, образовательного, научного и информационного пространства;
- обеспечение прав на свободу передвижений, переселения в Россию на добровольной основе или в силу чрезвычайных обстоятельств;
- обеспечение механизмов защиты и поддержки беженцев и вынужденных переселенцев;
- поддержка общественных организаций (ассоциаций) и объединений российских соотечественников;
- поддержка социально незащищенных слоев среди зарубежных соотечественников.

Концепция определяет также приоритетные направления государственной политики в отношении соотечественников, проживающих в странах за пределами бывшего СССР. Здесь имеется своя специфика, но главное – это поддержка гуманитарных контактов,

экономических, культурных и информационных связей, содействие сохранению и развитию русского языка и российской культуры, поддержка молодежных групп и культурных ассоциаций.

Что касается форм и механизмов реализации государственной политики, то концепция определяет компетенции и обязанности федеральных органов власти, в том числе конкретных министерств и ведомств, а также предметы ведения субъектов РФ в области отношений с соотечественниками. Предусматривается подготовка ежегодного национального доклада о положении соотечественников в зарубежных странах, развитие нормативно-правовой базы и научных исследований в данной области и многое другое. Особо отмечается, что РФ проводит свою политику в отношении соотечественников во взаимодействии с органами государственной власти стран их проживания, а также способствует установлению связей между хозяйственными субъектами и общественными организациями, деятельность которых способствует реализации целей государственной политики.

Координацией всей деятельности занимается Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом. Однако мои наблюдения за имеющими место межведомственным соперничеством и правительственной нестабильностью наводят на мысль о целесообразности общей координации данной политики под эгидой президента страны.

Итак, концепция государственной политики в отношении зарубежных соотечественников в стране имеется. Она сделана на высоком научном уровне, реалистична и перспективна, носит открытый и ответственный характер. Можно волокитить этот вопрос еще долго, мелочно споря скорее из-за претензий на авторство или политических пристрастий. Но лучше и полезнее принять документ, который уже прошел должную апробацию среди тех, кому эту политику претворять в жизнь.

ПРОЩАНИЕ С ПЯТЫМ ПУНКТОМ*

Если бы меня спросили, какое самое значительное событие произошло в России за последние годы в сфере национальной политики, то назвал бы начало выдачи новых гражданских паспортов. Наше государство наконец-то отменило введенную в 1934 г. практику официальной фиксации этнической принадлежности своих жителей в документе, который призван удостоверить гражданство. Эта практика была нелепой и достаточно злостной по замыслу и исполнению. Выражение «пятый пункт» вошло в советский фольклор как символ дискриминации граждан по этническому признаку. Именно эта паспортная запись, а не внешность или звучание фамилии, служила основным признаком селекции граждан для осуществления наиболее преступных нарушений их прав прежде всего со стороны самого государства. Репрессии, депортации, «поражения в правах», отказ в выборе места проживания и в получении работы, сдерживание продвижений по службе, зачисление в категорию «невыездных» и многие другие печальные явления прошлой жизни творились почти при обязательном заглядывании чиновника в данный пункт паспорта или кадровой анкеты.

Не вдаваясь в историю введения такой практики, можно только определенно сказать, что сделано это было не в интересах граждан и не ради сохранения и развития проживающих в стране народов. Это было сделано прежде всего в целях тоталитарного контроля, как и введенная несколько позднее отметка о жилищной прописке все в том же паспорте. Паспортная запись национальности граждан обязательно по одному из родителей и без права ее последующего изменения противоречит самой природе этнической принадлежности человека. Чувство принадлежности к тому или иному народу и его культуре лишь косвенно связано с кровным происхождением, внешним обликом и местом рождения. Это только обывателю кажется, что национальность дана человеку от рождения и является его основным атрибутом, как от рождения человеку даются нос, глаза и уши. На самом деле человек становится татариним, чеченцем, якутом, русским в процессе воспитания, начиная с мате-

* Ранее опубликована под тем же названием. См.: Независимая газета. 1997. 22 окт.

ринского языка и близкой среды обитания (родственники, друзья, школа). Чувство принадлежности к тому или иному народу, или этническое самосознание, развивается, ослабевает или усиливается на протяжении всей жизни под влиянием социального опыта, который включает как внутренние установки и личный интерес, так и внешние воздействия.

Советское понимание национальности было основано не только на кровном принципе, но и на убеждении, что у каждого человека должна быть национальность и притом только однаединственная. На самом же деле, в зависимости от состава семьи, жизненной среды и собственной деятельности человек может знать и понимать не только одну культуру и один язык, а два или несколько и чувствовать свою принадлежность к двум или нескольким этническим общностям или вообще благополучно существовать только с чувством гражданской принадлежности.

В России с ее высокой долей смешанных браков и с вековыми контактами разных народов и культур, людей с двойной, тройной или даже множественной этнической идентичностью – десятки миллионов. Такая же ситуация и в других крупных государствах с многоэтничным составом населения, если там не господствуют жесткие разграничения по цвету кожи или по религии.

Получая прошлые паспорта, граждане нашей страны записывали себе национальность как обязательное требование государства (часто за них это делали родители или работники милиции), но в действительности их культурная жизнь, язык общения, гражданская деятельность были гораздо более многообразными и сложными. Знание культуры и любовь к своему народу меньше всего зависели от записи в паспорте, а уж повседневные заботы и жизненные устремления – тем более. Современная наука доказала, что для человека существуют более сильные и важные связи и чувства групповой принадлежности, чем чувство принадлежности к этнической общности, если последнее не имеет каких-либо решающих преимуществ. В повседневной жизни связи человека по кругу родственников и друзей, по профессиональной деятельности, по месту жительства, по полу и возрасту и, наконец, по гражданской принадлежности к той или иной стране гораздо важнее и значимее, чем связи по национальной принадлежности. Конечно, каждый человек чувствует себя комфортнее, если все его друзья, сослуживцы и даже вся страна говорили бы на его родном языке и следовали привычным для него традициям и обычаям. Но таких ситуаций в мире просто не бывает, не может быть ее и в России. В нашей стране человеку важнее, чтобы его воспринимали как равноправного гражданина, а не «лицо определенной национальности». С последним гражда-

нин разберется сам без подсказки государства и без назойливого вопроса милиционера в метро или учрежденческого кадровика – «А кто ты по национальности?» (в некоторых странах за такой вопрос можно даже призвать к юридической ответственности).

Россияне умеют жить в многоэтничной среде и работать в многоэтничных коллективах, а также ценить людей по их человеческим и профессиональным достоинствам. Не страдают они и так называемым национальным нигилизмом. Крупные и компактно проживающие нерусские народы имеют высокую форму внутреннего государственного самоопределения в виде республик или автономных округов. Активно развиваются формы внетерриториальной национально-культурной автономии. Фактически все население страны, независимо от этнической принадлежности, знает и разделяет общероссийские культурные нормы и ценности, основанные на русском языке и обогащенные культурами многих народов страны.

Главная задача государства, созданного россиянами, своими налогами содержащими власть, – это обеспечивать социальное благополучие, внутригражданский и внешний мир, равные возможности и права своих подданных. Для выполнения этой миссии каждое государство вводит систему фиксации гражданской принадлежности через основной документ – паспорт гражданина. Подчеркиваю – гражданина, а не члена той или иной национальности! Делается это не только для утилитарных целей осуществления управления, исполнения законов и отправления гражданских прав, а также для отличия граждан с их особыми правами и обязанностями от иностранцев.

Через систему паспортов российское государство содействует развитию крайне важного чувства общегражданской общности и принадлежности к стране, ибо без такого общеразделяемого чувства нет и самого государства, как бы прочно оно ни охраняло свои границы. Жесткое разделение граждан на категории по национальному признаку, и тем более фиксация его в паспортах, ведет к ослаблению общегражданской идентичности и лояльности и создает условия для возможной дискриминации и внутригражданских коллизий. Ни для каких других целей запись национальной принадлежности использована быть не может, ибо конституция страны и ее законы провозглашают равенство граждан независимо от национальности и других различий.

Означает ли это, что государство уходит от своей ответственности за сохранение культурного многообразия населения России и соблюдение ряда особых, так называемых коллективных прав народов? Означает ли это, что государство ликвидацией «пятого

пункта» в паспортах собирается «отменить национальности»? Конечно и однозначно, нет!

Государству необязательно и не нужно знать национальную принадлежность каждого отдельного гражданина; но этнический состав населения, численность проживающих в стране народов, их социальные и культурные запросы государство должно не только знать, но и учитывать в управлении. Для этого существуют специальные процедуры, прежде всего регулярные переписи населения, в ходе которых фиксируются численность и география расселения представителей разных народов, языковые потребности и социально-экономические параметры жителей разных регионов и отдельных населенных пунктов. На основе именно этих данных решаются такие важнейшие вопросы государственного управления и национальной политики, как государственно-административный статус отдельных регионов и их границы, представительство в органах власти, политика в сфере образования и культуры, информационное обеспечение и т.д. Именно эти данные дают основания для осуществления мер социально-экономической поддержки и культурно-языковых программ, если условия жизни отдельных этнических групп или состояние их культур и языков требуют особых предпочтений и государственного вмешательства.

Отсутствие записи национальной принадлежности в новых российских паспортах создает, скорее, проблемы психологического и бюрократического характера, к которым следует отнестись спокойно и которые несложно разрешить. Многие граждане привыкли за шестьдесят лет указывать свою национальность даже в библиотечных формулярах, и запись в паспорте представляется им своего рода гарантией, что никто их не может лишить национальной принадлежности. В свою очередь, многим чиновникам кажется, что без записи в паспорте нет других оснований проверить или установить национальную принадлежность гражданина, если последний этого требует (обратной ситуации по закону быть не должно!). Эти проблемы можно решать разными, апробированными в мире путями. Если гражданин желает объявить свою национальность, он может сделать соответствующее заявление в той ситуации, где это ему необходимо: в суде, в школьной администрации, в органах власти, в ОВИРе и т.д. Именно это заявление в любой форме и должно быть достаточным основанием для чиновника и администратора, чтобы исполнить необходимые действия, касающиеся этнокультурных запросов и прав как отдельного гражданина, так и группы граждан.

Вне взаимоотношений с властью граждане вольны объявлять о своей национальности в любой общественно приемлемой форме.

В Канаде видел автомобили, на номерах которых водители написали «Я – квебекец». В испанской провинции Каталония продаются майки и кепки с надписью «Я – каталонец». Но существуют и более значительные формы частной и коллективной демонстрации национальной принадлежности, в том числе и в России: имена и фамилии, язык, элементы одежды и жилища, празднества и обряды, символика. Нам это кажется настолько привычным и обычным, что мы даже и не замечаем подобных изъятий своей национальной принадлежности, тогда как во многих государствах мира они не поощряются и даже преследуются. В российских этнотерриториальных автономиях национальная принадлежность граждан мощно демонстрируется через институты республиканской государственности. Представители самого многочисленного народа страны – русские – объявляют о своей национальной принадлежности повсеместно и ежечасно через тысячи механизмов, в том числе и через институты общероссийской государственности, в которых доминируют их язык и определяющий пласт культуры.

Существуют и специфические формы объявления и регистрации этнической принадлежности граждан. Во многих странах общины коренных малочисленных народов с особыми запросами и правами, а также национально-культурные объединения и ассоциации устанавливают собственные реестры и регистрируют свой состав (или даже принимают в членство!). На Гавайях автор присутствовал на заседании местной аборигенной общины, когда в нее принимали одну «белую» американку – учительницу гавайского языка, потому что «она живет по-гавайски», как объяснил лидер общины.

Уверен, что нет в России проблемы с правом указывать или не указывать национальную принадлежность, а тем более сохранять и развивать свою этническую отличительность. В стране для этого делается много и даже больше, чем это предусматривают международно-правовые нормы. В России есть проблема общегражданской лояльности и преодоления провоцирующего конфликты официального и жесткого разделения граждан по этнической номенклатуре. Государство вправе позаботиться о решении этой проблемы. Скромный, но важный шаг в этом направлении наконец-то сделан.

НАЦИОНАЛЬНОСТИ И ПАСПОРТ*

Запоздалая, но крайне нужная акция выдачи новых российских паспортов стала предметом политических спекуляций радикал-националистов и шовинистов из-за отсутствия в них пункта «национальность» под видом якобы заботы о «своем» народе. Политики и активисты в некоторых российских республиках пытаются представить мнение о сохранении «пятого пункта» как позицию нерусских жителей страны, забывая, что из 28 млн таковых в «своих» республиках живет меньше половины. В данном вопросе интересы и позиция, например, московских татар, которых не меньше, чем в Казани, должны учитываться в равной мере, несмотря на то, что они отличаются от интересов и позиций тех, кто сжигал макет российского паспорта в столице Татарстана. Но самое главное – в условиях свободного выбора и демократии государство уже не только не имеет права, но и не сможет сохранить данную графу. Попытаюсь объяснить почему.

Когда российские граждане заполняют визовые анкеты в посольствах зарубежных стран, они в графу «национальность» ставят слово «Россия». Во всем мире понятие национальности равнозначно гражданству, хотя, конечно, во всех странах, за редким исключением, живут люди, говорящие на разных языках, имеющие различные культурные традиции и исповедующие разные религии. В государствах Азии и Африки, в странах Европы и Америки проживает около 2–3 тыс. народов, представители которых имеют паспорта своих государств с указанием гражданства. В Европейской конвенции по гражданству сказано, что «гражданство означает правовую связь между отдельным лицом и государством и не указывает на этническое происхождение этого лица».

В России под словом «национальность» понимаются этнические общности, или народы. Осознание человеком принадлежности к одному или нескольким народам и культурам носит личный и меняющийся характер. Важнее для человека – это самоопределение по принадлежности к государству, которое несет обязательства перед гражданами, а граждане, кроме прав, имеют обязанности

* Ранее опубликована под тем же названием. См.: Известия. 1997. 4 нояб. (№ 210). С. 5.

перед государством. Эти отношения оформляются законами и другими нормами в отличие от отношений между отдельным человеком и тем народом, к которому он себя причисляет. Ведь русские или татары, например, живут как в России, так и во многих других странах мира.

Гражданство, как правовая связь между лицом и государством, удостоверяется основным документом – паспортом, в который заносятся имя, отчество и фамилия, время и место рождения. Дополнительно в паспорт вносятся сведения о регистрации гражданского брака и о наличии детей. Перестав записывать в паспорт национальность, государство не снимает с себя заботу о поддержке культуры народов страны и о правах граждан, которые связаны с их национальной принадлежностью. Сами российские национальности никто не собирает и не может отменить. Они были в веках и до того, как была придумана эта графа. Народы и этническая идентификация существуют не потому, что есть соответствующая запись в документе.

Новый образец российского паспорта не будет иметь отметку о национальной принадлежности граждан, которая существовала в советских паспортах с 1934 г. Часть граждан страны это изменение воспринимает не совсем правильно, а некоторые политики пытаются использовать ситуацию для разжигания националистических настроений и обвиняют власти в намерении «отменить национальности».

Сведения о национальном составе населения страны и о родном языке граждан собираются в ходе переписей населения. На их основе определяются государственная политика и деятельность органов власти и местного самоуправления, особенно в области образования, культуры, информации. Эти же данные могут учитываться при формировании органов власти и управления, в некоторых избирательных процедурах, но в соответствии с Конституцией страны какие-либо преимущества или ущемление граждан в зависимости от их национальности не допускаются.

Этнический фактор учитывается, чтобы защитить представительство и интересы меньшинств, поддерживать их культуру. Во всех других случаях (наем на работу, приобретение собственности, определение места жительства, отношения с правоохранительными органами и судом и т.д.) национальная принадлежность не имеет никакого значения, а работодателям и чиновникам должно быть запрещено даже задавать гражданам этот вопрос.

Почему сегодня некоторые политики высказываются за сохранение пункта «национальность» в российском паспорте? Если исключить «больных вирусом» этнического национализма, то

здесь, скорее, действует не столько привычка носить отметку в паспорте, сколько современный политический расчет. Национализм от имени как русского, так и нерусских народов разыгрался в России до неприемлемых форм, включая неофашизм и вооруженный сепаратизм. Бесстыдствует на бытовом уровне. Многие политики, избираясь в органы власти, не стесняются использовать этнический фактор. Не секрет, что и некоторые престижные назначения делаются в зависимости от национальности. Отсюда рождаются надежды и требования: если я русский или татарин, или еще какой-то национальности, то у меня должно быть право первого на что-либо.

Политики и идеологи национализма, чтобы получить должность или признание при нехватке способностей, но при «выигрышной» записи в паспорте, нещадно манипулируют людьми, для которых гораздо значимее не мифическое «национальное возрождение», а собственные здоровье, безопасность и благополучие, которые могут быть обеспечены только в государстве и при помощи государства. Заметим, что от имени «наций» пока еще ни одной пенсии выплачено не было, образование никто не получил и болезни свои не вылечил. Делается это государством за счет налогов граждан и в результате общих трудовых усилий всего населения. Отсутствие записи национальности в паспортах уменьшит возможности манипулировать чувствами граждан и создавать между ними неоправданные коллизии. Рядовые граждане страны умеют жить мирно и уважать национальность других или вообще не обращать на нее внимания, если их не провоцируют так называемые этнические предприниматели из числа политиков и интеллигенции, чтобы получить весомый довесок в виде голосов и признания.

Большинство россиян не знает, что в советские времена действовал официальный «Список народов СССР», который составлялся Институтом этнографии имени Миклухо-Маклая (старое название нашего института) вместе с ЦСУ. Этот список использовался при подведении итогов всеобщей переписи населения, и на его основе записывалась национальность в паспорта. Сейчас такой список возглавляемый мною академический институт предпочел бы не составлять, ибо сам его факт содержал элемент принуждения.

Если записывать в паспорт национальную принадлежность по желанию отдельного человека, а затем менять ее на другую по его же желанию, то нас ожидают большие проблемы и неожиданности. По моему мнению, в нынешней ситуации свободного выбора и выросшего интереса к культурным корням возможно появление новых 40–50-ти российских национальностей, особенно если будет принят Закон о коренных малочисленных народах, который предусматривает некоторые льготы представителям малых культур.

Из крупных народов выделяются более мелкие. Историко-культурных и языковых различий для этого, а также агитаторов найдется достаточно. У меня есть досье, которое я назвал «ходатайства этносов». В нем содержатся обращения инициаторов возрождения чуди, булгар, скифов, великороссов и т.д.

Желающие на выделение находятся обычно в больших группах, но не обязательно. Многие татары назовут себя в паспортах булгарами, мишарями, кряшенами, калмаками, нагайбаками. В Челябинской области несколько тысяч нагайбаков (православных татар), и многие в прошлом были против, чтобы их записывали татарами. Перейдет в ногайцев часть астраханских татар, к которым они культурно ближе. Появится около десятка новых национальностей из числа сибирских татар, которые отличаются от казанских.

Нескольких миллионов могут недосчитаться русские. Часть запишется казаками, великороссами, колымчанами, поморами, а потомки смешанных браков будут определяться в зависимости от частного интереса. В Мордовии может исчезнуть мордва и появиться две национальности – эрзя и мокша. Это, собственно, уже произошло в ходе промежуточной переписи населения 1994 г. Но перепись не так жестко связана с государственностью, как паспорт.

Но больше всего может «пострадать» родная для главного радателя вечности и святости наций Р.Г. Абдулатипова аварская нация, а также даргинцы. Из последних наверняка выделятся кубачинцы и кайтакцы, которые имеют свои собственные языки и записались даргинцами, когда первым секретарем КПСС в Дагестане был даргинец. Из числа аварцев могут выделиться более десяти народов, но наверняка андийцы, арчинцы, бештинцы. Подобный перечень можно продолжать долго.

Не менее важно и то, что первая запись национальности в паспорте делается в 14–16 лет. Человек в таком возрасте еще точно не знает, с какой национальностью себя связать: отца, матери или тех, среди которых он вырос и повседневно общается. Неизбежны многократные изменения в паспорте, а также справедливые требования записывать двойную или тройную национальность. И вообще, в это частное дело человека неприлично лезть политикам и чиновникам.

В связи с выдачей новых паспортов есть проблема, на которую обратил внимание президент Татарстана М. Шаймиев, – исполнение текста паспорта только на одном русском языке. В стране имеется небольшое число граждан, которые с трудом владеют русским языком. В некоторых языках написание имени и фамилии отличается своеобразием. В традиции некоторых народов отсутствует отчество. Для решения этой проблемы возможно использовать практику, которая существовала в бывших союзных республиках

СССР, т.е. дублирование основных сведений и названия документа на официальном языке республики, если таковой имеется. Там, где официальный язык или языки не установлены конституциями республик, этот вопрос может решить их высший законодательный орган, но отнюдь не механически. В ряде республик (Карелия, Коми, Северная Осетия, Удмуртия, Чувашия и другие) русский язык является основным и даже единственным для населения. В некоторых республиках имеется более двух основных языков проживающих там народов, и русский служит языком общения, которым фактически владеют все. Отступить от единого общероссийского образца здесь мало смысла.

Двужычный паспорт, например в Татарстане, может быть реализован через отдельный вкладыш или через печатание местного варианта, как это было в союзных республиках СССР. Только нужно помнить, что три четверти российских татар двужычный паспорт все равно не получит, и вопрос удовлетворения озабоченности за татарский язык или даже за весь татарский народ здесь не является главным. Если речь идет об обозначении государственности республики через двужычную форму паспорта или дополнительную символику, это заслуживает внимания. Одно абсолютно ясно: графы «национальность» в российском паспорте быть не должно, иначе Россия будет еще полвека заниматься своим государственным строительством, причем с неясным исходом.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ПРОПИСКИ*

Институт прописки достался российскому обществу в наследство от советской системы и достаточно устойчиво сохраняется в нем, несмотря на все попытки (включая конституционно-правовые процедуры) демонтировать разрешительную систему регистрации граждан и неграждан по месту своего жительства. Проблема прописки касается практически всех жителей страны, а не только одних мигрантов. В равной мере проблемы последних далеко не ограничиваются проблемами прописки. Однако именно в случае с пропиской мигрантов мы имеем наиболее сложное и болезненное переплетение двух трудноразрешимых проблем общественной жизни – ограничение права на свободный выбор места жительства и проживание в пределах Российской Федерации, ограничение свободы передвижения. И поэтому задача специалистов состоит в том, чтобы объяснить ситуацию и предложить меры по устранению наиболее серьезных нарушений прав человека.

Уже имеется достаточно фактического материала о том, как и где действует система разрешительной прописки и какие в данном случае законы и международные правовые нормы нарушаются, особенно применительно к вынужденным мигрантам. Но почему эта система продолжает действовать, какие силы и интересы, а также, возможно, страхи и озабоченности за ней стоят? Неужели только злокозненность, бездушие и коррупция государственных чиновников, чаще всего называемые экспертами? Определенно данное объяснение выглядит слишком упрощенным, а значит, оно не может быть признано удовлетворительным.

Итак, сначала о *прописке* – термине, который приобрел печальную международную известность и даже не нуждается в переводе для многих иноязычных людей, сталкивающихся с российской действительностью или занимающихся изучением России. Прописка родилась в сталинские времена как один из институтов тотального контроля над гражданами, а также как одна из мер регулирования (вернее ограничения) роста населения наиболее крупных советских городов. Со своей первой задачей эта система справлялась

* Ранее опубликована под тем же названием. См.: Вынужденные мигранты и государство / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1998. С. 7–12.

достаточно неплохо, но и то благодаря дополнительной оперативной работе органов милиции и КГБ, без которых сама по себе прописка по месту жительства мало что значила. Вторая задача решалась достаточно плохо, хотя прописка и служила определенным сдерживающим фильтром для массовой миграции в столичные города страны, особенно в Москву и Ленинград. Самое главное, чего добилась существовавшая почти полвека система разрешительной прописки, – это прочное утверждение в массовом сознании и в чиновничьем менталитете представления о том, что право на место жительства не является неотъемлемым правом человека, а тем более гражданина страны, а есть привилегия государства, даже если оно жестко не фиксирует внутренние перемещения людей, как это было в СССР уже в послесталинские времена, когда миграционные потоки определялись в основном через политику найма и через пропаганду.

Прописка утвердила представление, что человек не может быть «без определенного места жительства» (известная аббревиатура – *бом.ж*), и это место жительства он может выбирать (кроме «закрытых» городов и мест), но окончательно определять и обязательно знать это место должны органы государственной власти, иначе будет хаос. «Как же можно обойтись без прописки?!» – искренне и убежденно вопрошал на одном из правительственных заседаний в 1992 г. тогдашний министр внутренних дел Виктор Ерин.

Это представление сохранилось в стране и по сегодняшний день как среди подавляющего большинства граждан, так и среди государственных служащих, включая достаточно просвещенных мэров самых крупных городов, губернаторов и президентов субъектов федерации. Значит, за этим прежде всего стоит устойчивый стереотип массового сознания, который не так просто разрушить, ибо он основывается на прошлой политической культуре слабого гражданского общества, когда государство – это всё, а гражданин – ничто. И данный стереотип о необходимости прописки сохраняется сегодня потому, что нет достаточной осведомленности о возможностях иных способов осуществления правомочия государства иметь информацию о перемещениях и размещении жителей страны, а если эта осведомленность и имеется, то нет материальных средств и профессиональных навыков, как эти иные способы претворить в жизнь.

Но самое главное, почему сохраняется приверженность прописке, – это кажущееся невероятным допущение, что человек (тем более гражданин страны) имеет изначальное и неотъемлемое право (кроме отчуждения этого права путем судебного приговора) перемещаться в пределах государства и за его пределы и право на территорию путешествует вместе с самим гражданином? Вот эту право-

вую истину и одну из новых фундаментальных свобод российских граждан следует прежде всего широко разъяснять, научить граждан этим правом пользоваться, а властей – это право уважать. Иначе ни о каком демонтаже системы прописки и ее новых суррогатов речи быть не может. Если нет потребности в осуществлении права его субъектами, оно быть не может, даже если наиболее просвещенные граждане записали его в тексты конституции и законов, как это имеет место в Российской Федерации.

Устаревший менталитет и недостаточная гражданская просвещенность – главные, но далеко не единственные причины системы прописки. Как и любой государственный институт, *она породила свою бюрократию, которая имеет собственные интересы, в том числе как сугубо материальные, так и социально-психологические.* Уже много десятилетий в стране трудятся сотни тысяч людей и зарабатывают свой хлеб насущный тем, что выдают через тесные окошечки жэковских перегородок и паспортных столов многочисленные справки и формы (особенно знаменитую форму № 6) и ставят штампы в гражданские паспорта. Сотни тысяч учрежденческих «кадровиков» затем проверяют эти штампы, прежде чем вести речь о найме на работу, и не меньшее число людей трудится, чтобы переписывать эти сведения для различных нужд многочисленных социальных институтов государства. Если все эти люди получают за свой труд заработную плату, то это означает, что они верят в правомочность и необходимость своей государственной службы и, естественно, не хотят потерять источник своего жизненного существования. Следовательно, отмена прописки потребует трудоустройства армии клерков, никак не меньше численности шахтеров в нашей стране. Это, безусловно, серьезная социальная проблема, которую рано или поздно необходимо будет решать.

Как трудно разрушать некогда идеологически воспетую, но уходящую в прошлое шахтерскую субкультуру, так и не менее сложно демонтировать субкультуру паспортисток и кадровиков. Социально-психологический контекст данной субкультуры заключается в том, что многочисленные служители этой малоквалифицированной и плохо оплачиваемой профессии поставлены самой системой в положение собственной значимости по отношению к остальному населению. В силу природной склонности человека к выстраиванию иерархии взаимоотношений и стремления к доминированию они компенсируют свой недостаточный статус в гедонистическом удовлетворении чувства зависимости других от их собственных распорядительных действий. «Я Вашего сына прописать не могу, потому что...», – сказала мне жэковская паспортистка, когда я с заинтересованностью включенного в бюрократический процесс

наблюдателя проходил процедуру регистрации сына в приобретенной нашей семьей квартире. В этом «я» заключен огромный социально-психологический смысл: видеть как ученый, артист, бизнесмен, инженер или просто хорошо одетые и уверенные в себе молодые и немолодые люди оказываются в зависимости от твоего решения или простого действия, – это многого стоит и уж, по крайней мере, является некоторой компенсацией за собственную скромную зарплату и за простенькое образование. Нет необходимости говорить, что написанные на лице новоприбывшего вынужденного мигранта неуверенность и смятение дают особую свободу для проявления не самых лучших личностных черт и недостаточной человеческой культуры многих служителей системы прописки. Взятки и мелкие подношения дают далеко не все посетители, да и берут их далеко не все служащие, но продемонстрировать свою власть над другим человеком – в этом отказать себе могут немногие.

В утверждении превосходящего социального статуса особенно рьяно проявляют себя представители низовых органов власти и самоуправления, которые через прописку осуществляют, как им представляется, заботу о благополучии местного населения, сохранении за так называемым коренным населением земельных ресурсов и жилищного фонда, предотвращают преступность и межнациональную напряженность. Эта демонстрация перед местными сообществами собственного патриотизма и образа «хозяина» густо замешана на невежестве и ксенофобии и на откровенном попрании конституционно-правовых норм. Seriously грешат антииммигрантской ксенофобией власти многих субъектов федерации, особенно регионов наиболее активного размещения вынужденных мигрантов. Это, прежде всего, регионы европейского Юга России (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края), в том числе и некоторые республики Северного Кавказа.

Правозащитным центром «Мемориал», а также рядом исследователей выполнен обстоятельный анализ массовых нарушений прав вынужденных мигрантов, особенно в Краснодарском крае. Именно система прописки является в данном случае главным инструментом осуществления политики дискриминации. Все больше аналитических материалов о дискриминационной прописочной политике властей накапливается по Москве и Московской области. Почему эта практика продолжается даже после постановления Конституционного суда РФ от 25 апреля 1995 г., установившего, что регистрация или отсутствие таковой не могут служить основанием ограничения или реализации прав и свобод? Видимо, объяснение данного феномена не может ограничиться только личной политикой краснодарского губернатора или мэра Москвы Ю.М. Лужкова. Неправовой

институт разрешительной прописки с энтузиазмом разрабатывается экспертами при органах власти субъектов федерации, старательно исполняется огромным числом госслужащих, включая прежде всего милицию, стыдливо замалчивается или даже оправдывается наиболее просвещенной частью местной общественности.

Видимо, помимо отмеченных выше факторов, прописка обрела некоторый новый смысл в современной ситуации, который заключается прежде всего в ее этнической проекции. *Прописка стала одним из политико-бюрократических элементов постсоветского этнонационализма.* Институт прописки не был этнически нейтральным и в советские времена. Именно через него ограничивалось возвращение и поселение депортированных граждан в места своего прежнего проживания. Особенно это касалось крымских татар в Крыму и ингушей в Северной Осетии, где прописочные ограничения действовали фактически вплоть до распада СССР и даже после. В нынешних условиях право на жительство стало идеологически оправдываться не столько аргументом политической благонадежности, сколько такими постулатами, как «наша земля», «историческая территория», «коренное население» и т.п. У российских регионов оказались свои «хозяева» в лице части граждан определенной этнической принадлежности: осетины в Северной Осетии, кабардинцы и балкарцы в КБР, русские в Краснодарском крае, в Москве и Московской области.

Политики и этнические предприниматели довольно беззащитно, а иногда и вполне искренне, стали использовать страхи и озабоченности простого населения, вызванные радикальными общественными преобразованиями, в том числе и массовыми перемещениями населения. Последние действительно нарушили привычный уклад жизни во многих регионах, принеся с собой не только новый динамизм и новые полезные услуги, но и социальные и психологические проблемы. В этнических чужаках старожильческое население стало видеть причину жизненных неурядиц, роста насилия и цен на товары. Это бытовое настроение оказалось удобным оправдательным аргументом и для тех, кто по роду своей службы призван решать в числе прочих вопросы социального обустройства граждан. Дешево завоеванные симпатии электората оказались более значимыми, чем просвещенческая деятельность по поводу гражданских прав и пользы мигрантов. *Именно в этом союзе бытовых фобий и их политической эксплуатации разрешительная прописка нашла свою прочную нишу и защиту, которую пока не могут разрушить никакие судебные исполнители и достаточно слабые правозащитные организации.*

Институт разрешительной прописки нарастил новую скорлупу из аргументов прошлого, и совладать с ним одномоментно не так

просто. Мы можем предложить лишь несколько стратегий демонтажа этого института:

– во-первых, последовательное утверждение существующих конституционных и других правовых норм в отношении права на жительство и прав вынужденных мигрантов. В рамках усилий по укреплению российской государственности должны быть приняты меры в отношении представителей региональных и местных властей, которые нарушают действующее законодательство и международные обязательства страны;

– во-вторых, идеологический демонтаж института разрешительной прописки через просвещение и массовую пропаганду базовых прав граждан страны, а также прав вынужденных мигрантов и переселенцев. Требования закона о защите прав и свобод человека должны стать известны широким слоям населения, тем более представителям органов власти. Необходимы соответствующие памятки и для самих вынужденных мигрантов, чьи интерес к закону и стремление его использовать остаются недостаточными;

– в-третьих, подрыв бюрократических основ института прописки через реформу соответствующих государственных служб и введение новых современных систем государственного контроля за местопребыванием граждан и неграждан в пределах страны. Должна быть заново определена целесообразность и эффективность, а также социальная цена действующей системы прописки;

– в-четвертых, осуществление экспертного мониторинга за ситуацией в области прописочной политики и укрепление общественных организаций и объединений, выступающих за обеспечение прав вынужденных мигрантов и переселенцев. Включение данной проблемы в число приоритетных задач института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Таким образом, институт прописки может быть демонтирован только при обоюдных усилиях участников гражданского процесса: государства и личностей. Государственная система эволюционирует не сама по себе, а с осознанием прав и свобод граждан данного государства.

СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ*

Начало 1999 г. в России было отмечено явлением, которое ведущая новостей НТВ Татьяна Миткова назвала «новой волной антисемитизма в России». Это определение относилось к заслуживающим, на мой взгляд, уголовного наказания антисемитским высказываниям депутата Госдумы Альберта Макашова, которые многократно цитировались СМИ. К сожалению, никто не указал журналистам, что тиражирование подобных высказываний есть тоже преступление. Просто мало кто профессионально знает, что такое экстремизм и каковы методы противодействия ему в зрелых обществах. Поверхностные дебаты экспертов и неточные заявления политиков по данному вопросу обескураживают, хотя речь действительно идет о сложном и тревожном явлении в жизни страны.

ОТКАЗ В ПАБЛИСИТИ

Экстремизм – это форма радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп. Его причины лежат в социальной дезориентации части граждан, их недостаточном образовании, кризисном состоянии общества, слабых институтах общественного контроля и неэффективной правовой системе. Некоторые формы экстремизма имеют исторические корни, что, разумеется, никак не служит его оправданию. Экстремизм имеет внешние ресурсы и может быть формой внешних воздействий и вмешательства.

Экстремизм характерен для слабо модернизированных обществ, но от него не застрахованы и благополучные страны с демократической формой правления. Достаточно сказать, что в США действуют около 500 экстремистских групп, главным образом неонацистского, антисемитского и сепаратистского характера. Плата за демократию, точнее, за право на свободу слова, в этой стране весьма велика. Некоторые тамошние неонацисты, десятилетиями ведущие в самих США и по всему миру пропаганду своих взглядов, могут быть арестованы, только когда оказываются на территории, например,

* Газетный вариант опубликован под тем же названием. См.: Независимая газета. 1999. 18 марта (№ 48). С. 8.

Германии, где действуют более жесткие законы. При этом в Америке проводится мониторинг подобных групп, а власти способны без лишних сантиментов спалить целиком псевдорелигиозную изуверскую общину, отвергающую общество и государство. Правда, в ответ могут появиться новые фанатики-экстремисты и устроить взрыв здания правительственного учреждения, как это было в Оклахоме в 1996 г.

Экстремистские молодежные организации, в основном антииммигрантского и неонацистского толка (так называемые *скинхеды* – бритоголовые), действуют в европейских странах, в том числе в сытой Скандинавии. Ультраправые партии и организации, действующие на грани нарушения закона и норм общественной морали, имеются почти во всех странах, где есть хоть минимальная свобода общественных организаций. Таковых, пожалуй, нет только в странах с диктаторскими и авторитарными режимами, но там право на экстремизм узурпировано самим режимом, как это было и в Советском Союзе.

В России современные формы антисистемного экстремизма появились с утверждением основ демократического правления, и это в какой-то мере тоже результат демократии. *Толерантность демократии допускает проявления нетолерантности, но только до тех пор, пока последняя не угрожает общественным устоям, правам и безопасности граждан.* Противодействовать нетерпимости сложно, ибо в бескомпромиссной борьбе с ней можно потерять и саму демократию.

В России нет достаточного опыта противодействия экстремизму, и уже совершено много ошибок по этой части. Тем не менее противостоять злу можно и нужно без всяких ссылок на состояние дел в стране и на умонастроение населения. Хорошая жизнь – не гарантия исчезновения экстремизма. Наоборот, в богатом обществе может появиться больше материальных возможностей для разрушительной деятельности экстремистских организаций. В США, например, Интернет оккупировали разного рода ультраправые, при этом они не забывают и о печатной продукции, выходящей на роскошной бумаге. Да и в России пока в рамках отечественного варианта юнесковской «Программы мира» готовятся рекомендации, как утверждать мир и толерантность, у кого-то находятся средства для раскладывания по почтовым ящикам бесплатных экземпляров книги некоего Корчагина «Еврейская оккупация России». Зато на антиэкстремистскую литературу у общества средств не хватает, равно как и компетентности.

Для эффективной стратегии противодействия необходим более точный диагноз самого явления, ибо у него есть особенности

в каждой стране. В России нет столь сильного распространения религиозного экстремизма, как, например, в Японии и Индии. Нет откровенно антииммигрантских экстремистских групп, как, например, в Германии или Швеции. В России распространяется экстремизм ксенофобского толка на этнорасовой нетерпимости и политический экстремизм неофашистского толка, основанный на идеях группового неравенства и отторжении культурных различий, на пропаганде тоталитарного порядка и ненависти. Именно эти формы наиболее опасны для страны с многоэтничным составом населения. Хотя расизм может существовать и в обществах, где нет особых расовых отличий. Экстремисты придают расовый смысл даже небольшим внешним различиям. Так, например, клише «лица кавказской национальности» и все, что с ним связано мерзкого, в том числе и задержание милицией граждан просто потому, что они брюнеты, – это расизм.

Формой расизма и ксенофобии является и *антисемитизм – враждебная пропаганда и действия в отношении представителей еврейской национальности или еврейского народа и еврейской культуры в целом*. В СССР антисемитизм существовал больше на государственном уровне. В современной России от этого почти удалось избавиться, но антисемитизм перекочевал в общественно-политическую область и оказался в арсенале не только маргинальных групп, но и заметных политических сил и экспертных сообществ.

И все-таки со времен Горбачева авторитетные службы изучения общественного мнения фиксируют снижение антисемитских настроений в обществе. Отчасти их заменили фобии, связанные с кавказцами и беженцами. Даже при резком ослаблении правопорядка случаев физического насилия в отношении евреев также не отмечалось. Правда, был взрыв в московской синагоге, осквернена новосибирская синагога и имели место надругательства над еврейскими захоронениями. Однако ситуация в последнее время стала ухудшаться отчасти по причине резкой актуализации проблемы антисемитизма, а значит, и ее пропаганды, пусть в форме отрицания и осуждения, через средства массовой информации. Многие журналисты никогда не согласятся с упреками в том, что именно они могут стать причиной «новой волны», но это так. Ибо акт речи способен вызывать реальность, а тиражированные слова могут поражать сильнее пули.

Поэтому *важнейшей стратегией противодействия экстремизму должна быть политика отказа в публичности*. На экранах телевизоров и в печати не должны появляться и цитироваться теоретики и активисты экстремизма. Более того, и сообщения на эту тему должны быть строго дозированными и целенаправленными (без

пересказа аргументов и показа «как это можно делать»). В большой стране всегда найдутся параноики и неустойчивые элементы, которые воспримут теледемонстрацию парада баркашовцев в Москве как приглашение к подобному действию. Если трансляции истории с Макашовым и с баркашовцами увеличили, а не уменьшили число их сторонников в стране (а это наверняка так и есть), тогда мое замечание в адрес СМИ и предложение ограничить трансляцию экстремистских идей и действий являются бесспорными и с ними нужно согласиться.

В доказательство приведу один давний пример: громкий суд над активистом «Памяти» в начале 1990-х годов помог этой организации удвоить свои ряды, хотя осужденный и ныне покойный Осташвили скорее всего нуждался в лечении у психиатра. Среди экстремистов гораздо больше психически нездоровых людей, чем среди остального населения. И об этом тоже нужно знать. В лондонском Гайд-парке добрая половина выступающих на «уголке оратора» – именно такая категория людей. Но за пределами лужайки их не услышат. Это запрещено делать уже целое столетие, если не больше. Какие еще нужны аргументы, чтобы известные журналисты перестали гоняться с микрофоном за Макашовым, как это делал Павел Лобков?

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Следующей стратегией противодействия является просвещение граждан по части культурного многообразия и единства истории геноцида и других преступлений, порожденных экстремизмом. И тут у нас дела обстоят неважно. Исступленный поиск культурной уникальности, «национальных» характеров и психологий, глубоких исторических корней и «исторических несправедливостей», внешних врагов приводит к ужесточению разделительных линий между гражданами одного государства. Увлеченные, но недостаточно образованные журналисты ищут по России «вымирающие народы» и заставляют невинное дитя, которое хочет быть «ленинградцем», выучивать перед телекамерой: «Я – русский» или «я – вепс», как это делал Игорь Воеводин.

Российский народ имеет гораздо больше общих культурно-исторических ценностей и социальных норм, чем различий, обусловленных этнической принадлежностью. Уровень повседневного взаимодействия людей в многоэтничных сообществах и коллективах (включая производственные и семейно-родственные) на порядок выше, чем среди представителей политических и интеллектуальных элит, которые никак не могут даже выговорить слова «россий-

ский народ» и «россияне». А уж чеченцы для них – вообще этнографический реликт с военной демократией, тейповой социальной организацией, законами адата и шариата. И это при том, что современные чеченцы жили и живут по тем же советским и российским законам и носят российские паспорта, не желая их обменивать на масхадовские или какие-либо другие.

Экзотизация этнических общностей и придание этничности фундаментального характера чреватой дальнейшей разобщенностью граждан. Именно это закладывает фундамент для создания стереотипов и появления ксенофобии. Национальная система образования, при которой в ряде российских школ детей начинают учить прежде всего тому, что значит быть «настоящим якутом» или «настоящим татаринном», и ни слова не говорят о том, что значит быть россиянином и ответственным гражданином своей страны, является несостоятельной. У нас до сих пор живет советское клише, по которому «национальная школа» – это не общероссийская, а адыгейская, башкирская, татарская, а теперь и русская.

В некоторых школах используется нарядно изданная и рекомендованная как учебное пособие книга Маргариты Альбедиль «Народы мира», в которой излагаются и иллюстрируются голенькими «дикарями» замшелые, питающие расизм взгляды и представления. Глава «Какого цвета бывают народы?» содержит вопросы к ученикам вроде «определите свой расовый тип». А ведь современная наука отказалась использовать расовую типологию для изучения и описания культурного разнообразия людей. Тем более недопустимо связывать расу с этнической общностью, что и делают в своих прописях экстремисты.

С такого разглядывания школьниками друг друга и начинается расовое мышление, а как следствие – могут формироваться расистские взгляды. Школьные и вузовские программы и тексты учебников за последние годы оказались напичканными паранаучными положениями и ненавистническими интерпретациями прошлого. В одном городе или даже в одной школе учебники истории в зависимости от языка обучения могут содержать противоположные версии событий. К этому добавляется зуд сносить или восстанавливать памятники, переименовывать улицы, менять символику. Многие одержимы желанием во что бы то ни стало обозначить «свое», исключительное, а не общее – будь оно славным или трагическим. *Образование не только молодежи, но и взрослых должно включать точную информацию об истории мировых геноцидов, антисемитских погромов и сталинских репрессий, но оно не должно позволять превращать прошлую коллективную травму в предмет сакрального значения и питать идеи реванша и «исправления прошлого» за счет новых несправедливостей.*

Современный экстремизм питается не только старыми, но и новыми мифами и политическими спекуляциями. Одна из них – намеренно апокалиптическая оценка жизни и событий в стране за последние годы в целях борьбы за власть. Все – политическая оппозиция от Г. Явлинского до Г. Зюганова, каждое новое правительство, недовольная часть отечественного академического сообщества, западные эксперты, политики и СМИ – не в силах признать и объяснить позитивные перемены, которые произошли в России. Стараниями политиков и плохих обществоведов в стране царит риторика жалоб, разжигающая ненависть и экстремизм. Напуганное государство даже побоялось проводить в положенный срок очередную перепись населения, чтобы не видеть, «чего натворили». На самом же деле результаты будут вполне приличными и не хуже предыдущих десятилетий. Даже демографические показатели, несмотря на неблагоприятный цикл, не будут столь плохими, как это считают лопочущие о «вымирании» и о «геноциде народа». Обо всем этом намеренно не пишут, чтобы подпитывать ненависть к тем, кто «разрушает Россию». А поскольку любая ненависть должна иметь адресат, тогда появляются «евреи», «кавказцы», «антипатриоты», «западники» и прочие «враги нации».

В современной России некому дать спокойные и точные оценки и некому вселять в людей конструктивные эмоции. *Эмоции, как и слова, – огромная сила. Если они связаны с энтузиазмом и нацелены на результат, то помогают мирному обществу, что необходимо для демократического общества. От эмоций, направленных на то, чтобы наказать кого-то за что-то во имя борьбы с врагами, один шаг до слепой ненависти и насилия.*

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ НА НИЗОВОМ УРОВНЕ

Следующая стратегия – общественный мониторинг экстремизма, его профилактика и нейтрализация на массовом, низовом уровне. Если в классе учителя не реагируют на появившиеся среди детей и подростков обидные клички этнического содержания и не знают, как им противодействовать, – это плохо. Если родители или преподаватели училища не реагируют на то, что молодой человек обрил голову и стал носить черную одежду, а у его кровати появились портреты разных фюреров, – это очень плохо. Если взрослые жители и общественные организации не препятствуют появлению на улицах молодежных групп со свастиками на рукавах и спокойно смотрят на то, как у их дома продают расистскую литературу, – это уже беда. Если чиновники или владельцы сдают помещения для

собраний подобных групп, а владельцы типографий готовы печатать все, за что платят, – это соучастие в преступлении.

Общество само должно мобилизовать свои ресурсы на противодействие экстремизму, понимая, что его жертвами будут не евреи, цыгане и кавказцы, а все граждане. Нужны не столько разовые акции вроде антифашистских конгрессов, а массовые и одиночные действия на самом низовом уровне. Нельзя проходить мимо нарисованных свастика без активной реакции. Тем более нельзя бояться обращения в суд или выступления в качестве эксперта по делам против разжигания розни и оскорбления достоинства граждан. В России слишком мало общественных организаций, которые вели бы подобную работу квалифицированно. В Москве действует фонд «Панорама» и издается журнал «Диагноз». Но им нужна поддержка и квалифицированная помощь.

Профилактика и нейтрализация экстремизма нуждаются в поднятии моральной планки относительно того, что допустимо в обществе и что нет, когда речь заходит об этнической или религиозной принадлежности граждан. Газета «Известия» несколько лет тому назад, информируя о ходе первого судебного процесса с участием присяжных, называя фамилии судьи, прокурора и подсудимых, педалировала национальную принадлежность только последних участников процесса – цыган, что выглядело привычно, но явно недопустимо в принципе. Я жалею, что тогда не подал судебный иск за разжигание национальной розни, ибо только наша общая атрофия адекватного восприятия этнорасовых сюжетов могла допустить подобное. Иск стал бы полезным уроком, причем не столько уважаемым «Известиям», сколько другим изданиям, которые со временем стали спокойно помещать материалы с заголовками типа «Цыгане убили детей», «Неустановленные лица кавказской национальности застрелили банкира» и т.п.

Грязный язык СМИ мало кем отслеживается, что уж говорить о каком бы то ни было наказании. Только этим можно объяснить, например, залихватский тон спортивного репортажа с хоккейного матча на олимпийских играх в Японии: «Сегодня наши должны были порвать казахов... Азиаты еще сопротивлялись в первом периоде». Слово «казахстанцы» молодой российский комментатор еще не выучил, а то, что в команде соседней страны почти все игроки – славяне, он просто не заметил. Ничем не лучше яркая (но это только усугубляет дело!) публицистика Валерии Новодворской, допускающая пассажи о том, что «русскому народу место у параша». В подобной развязности – истоки расизма и ксенофобии.

Именно поэтому поднять планку должно прежде всего само общество, его элита, экспертное сообщество. Ведь прежде чем некто

Шишкин в профашистской газете выступил с антисемитскими баснями про разные «ксении» и «химеры», проникающие в «тело этноса» и пожирающие его, миллионными тиражами уже были изданы (и продолжают издаваться) труды Л.Н. Гумилева, откуда и пошли эти конструкции. Почти вся экстремистская литература прибегает к ссылкам на более солидные издания и авторов, у которых часто те же аргументы, но только облеченные в псевдонаучные формы. Нужны серьезные дискуссии и конференции ученых и практических работников на эту тему с выработкой научных, моральных и административных мер воздействия. Возможны и необходимы влияние общественности и меры нейтрализации в отношении и тех, кто уже «вне системы». Поначалу робкие листки, газетенки и группы крепнут не только когда их поддерживают, но и когда они просто не получают отпора и в их адрес нет никаких контраргументов.

Если ответственные граждане, вместо того чтобы попустительствовать (дескать давайте, ребята, может быть, вы и правду говорите), найдут время и силы заняться переубеждением, если они смогут предложить некоторым активным «писателям» и «теоретикам» альтернативные занятия, число рекрутов в экстремистскую среду станет меньше. Огульное неприятие этой части граждан и подход «загнать их в подполье» контрпродуктивны. Экстремистами не рождаются, ими становятся. И мы все в чем-то за это несем ответственность.

ВКЛЮЧЕНИЕ В ИСТЕБЛИШМЕНТ

Отсюда вытекает *еще одна стратегия – политика инкорпорации (включения) внесистемных экстремистов в более цивилизованную среду, а их лидеров – в истеблишмент*. Ранний В. Жириновский и его окружение, безусловно, представляли собой внесистемный экстремизм. До сих пор некоторые держатся обета не подавать Жириновскому руки и считают его фашистом. Но сегодняшний лидер ЛДПР, оставаясь демагогом-шовинистом, способен проявлять ответственность и умеренность. Не пробейся он в истеблишмент, не известно, какова была бы его и его последователей эволюция. Сегодня же мы имеем далеко не самый худший вариант, контролируемый и даже незаслуженно популярный. Возможна подобная метаморфоза и с другими, ибо пребывание в истеблишменте комфортнее и лучше вознаграждается. На виду и при деле быть лучше, чем отираться по подмосковным закоулкам.

Антисемитизм и другие ксенофобские идеи в голову вбить легче, чем избавиться от них, но все равно это возможно. В связи с этим нельзя исключать необходимость диалога, в том числе

антиподов и заклятых ненавистников друг друга. В США одной из рекомендаций специалистов по устранению антисемитизма среди афроамериканцев (а именно в этой среде он сильнее всего распространен) был призыв к активистам еврейских и афроамериканских общин больше практиковать прямые диалоги и контакты, ибо без этого остальному обществу справиться с проблемой очень трудно. Готовы ли к чему-то подобному россияне? Кажется, ничего такого нет и в мыслях, а зря.

ПРАВОВОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Теперь о самой важной стратегии государственного воздействия, в том числе о правовом преследовании экстремизма, который должен наказываться по закону. В Уголовном кодексе РФ есть статьи, предусматривающие наказание за разжигание межнациональной и межрелигиозной розни и за оскорбление национальной чести и достоинства. Статьи сформулированы плохо, ибо нужно подвергать наказанию не за смутно понимаемую даже учеными «национальную честь и достоинство», а за разжигание (подстрекательство), умышленное или неумышленное, любой формы межгрупповой розни среди граждан и (или) за осуществление насильственных действий на этой основе. Что касается «национальной чести и достоинства», то, видимо, речь должна идти об оскорбительных словах и действиях в отношении тех ценностей, норм и представлений, которые коллективно почитаются представителями той или иной общности (народа, религиозной общины) и оскорбление которых наносит безусловный моральный ущерб представителям этой общности. Очевидно, эти статьи нужно срочно поправить.

Но даже в нынешней форме, как показал мой опыт участия в судебной экспертизе по делу Максимовского (редактор экстремистской газеты «Штурмовик»), действующий закон может и должен работать. Причем действовать надо последовательно и настойчиво по всей стране, а не ограничиваться показательными процессами, оборачивающимися благодаря прессе негативной рекламой. И здесь главное – это неготовность нашей правоохранительной системы. На мой взгляд, называть печатно христианство «жидовствующей ересью» или евреев – «унтерменьшами», а цыган – «ублюдками» – безусловный криминал, требующий наказания. Но каковы представления рядовых прокуроров, судей, судебных заседателей, если многие из них мыслят на уровне бытовых стереотипов?

Здесь нужны простые и убедительные памятки и справки, семинары и профессиональная специализация по экстремизму. Иначе судья и прокурор оказываются беспомощными перед демагогией

и лжеэрудицией экстремистов и их адвокатов. Можно направить за рубеж работников правоохранительных органов или пригласить специалистов из-за рубежа для того, чтобы воспринять имеющийся опыт таких стран, как Германия, США, Франция. Нужны особая учеба и пособия для юридических институтов, для школ МВД и многое другое, чтобы переломить ситуацию в правоохранительных органах.

Государство несет главную ответственность за противодействие экстремизму, и оно должно инициировать необходимые меры и осуществлять необходимые действия по защите общества. Но и общественности пора прекратить беспомощное нытье. Все это заканчивается постыдными для страны и нами же спровоцированными резолюциями международных организаций и иностранных парламентов, нацеленными на то, чтобы унижить и наказать Россию.

ФЕНОМЕН СЕПАРАТИЗМА*

Современный сепаратизм как политическая программа и как насильственные действия основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения: каждая этническая общность должна иметь собственную государственно оформленную территорию. На самом деле, такого смысла нет ни в правовой теории, ни в национальных законодательствах, ни в международно-правовых документах. Последние трактуют право народов на самоопределение, имея в виду признание существующей системы государств и право территориальных сообществ (а не этнических групп) определять систему управления согласно демократически выраженной воле и не в ущерб остальному населению. Самоопределение, особенно для этнических групп, – это прежде всего право на участие в более широком общественно-политическом процессе. *Сепаратизм в его этническом варианте – это выход из существующей системы или ее разрушение с целью оформления государственности для отдельной этнокультурной общности. Для сепаратистов самоопределение есть всегда отторжение общего государства, политическое и культурное разделение.*

Ошибкой идеологии и практики посткоммунистических трансформаций было неразличение задач демонтажа несостоятельной политико-идеологической системы СССР и задач улучшения правления и урегулирования противоречий в многоэтничных сообществах. Этнонационализм, в том числе в форме явочной сепаратизма, был неосмотрительно принят в союзники демократических преобразований, несмотря на свою утопичность и плохой послужной список в человеческой истории.

ПРИЧИНЫ СЕПАРАТИЗМА

Образование современной системы государств, в том числе и на основе бывших колониальных империй, произошло не благодаря, а вопреки этническому сепаратизму. Каждый раз борьба политических активистов или вооруженных группировок от имени этни-

* Газетный вариант опубликован под тем же названием. См.: Независимая газета. 1999. 28 июля. С. 8.

ческих групп за выход из существующих государственных образований и создание новых государств заканчивалась кровавыми конфликтами и массовыми насильственными перемещениями населения. Фактически ни один случай вооруженного сепаратизма не закончился достижением политической цели. Там, где сепаратизм существует только в политической форме, его сторонники десятилетиями не могут добиться согласия большинства населения на разрушение общего государства.

Что касается распада СССР, то он произошел и был признан международным сообществом не потому, что некие этнические общности реализовали право на самоопределение, а потому, что имело место согласие правящих элит на упразднение государства (вернее, существовавшей политической системы) на основе состоявшихся референдумов среди населения вновь возникших государств. Кстати, в этом смысле все участвовавшие (и даже голосовавшие против независимости) в референдумах немалыши и неэстонцы являются равноправными создателями государств Латвии и Эстонии, и они были исключены из гражданства противоправно. Последнее оказалось возможным только по причине политической растерянности и обмана «нетитульного» населения новых государств, а также благодаря внешней поддержке невиданного по своим масштабам нарушения прав человека во имя скорейшего геополитического развода между Прибалтикой и остальной частью бывшего СССР. Западные стандарты спокойно выдержали беспрецедентный случай, когда большинство населения столицы государства Латвия перестало быть гражданами своей страны из-за этнического происхождения.

Хотя легитимность Беловежских соглашений и республиканских референдумов вызывает до сих пор много споров, распад СССР стал свершившимся фактом. Население бывших 15-ти союзных республик обрело государственный суверенитет и легитимные власти. Самоопределились многоэтнические гражданские нации, а не просто этнические казахи, литовцы, русские, украинцы, эстонцы и прочие, хотя риторика этнонационализма, под лозунгами которой шла политическая мобилизация за независимость, сохраняет свои позиции почти во всех постсоветских странах. Аналогичный по сути процесс, только в сопровождении более разрушительных конфликтов и с большей долей внешних воздействий, произошел и в СФРЮ, которая распалась на пять государств со сложным составом населения.

Однако чем больше увеличивается число вновь возникающих государств, тем больше становится сторонников сепаратизма и самоопределения отдельных этнических групп. Ибо известно, что чем

больше государств, тем больше меньшинств (а не наоборот!), ибо каждые новые границы создают разделенные общности и в каждом новом государстве культурное многообразие порождает новую групповую отличительность по отношению к новой доминирующей группе. «Многонациональность» как идеологическая основа сепаратизма появляется не там, где этническое разнообразие в изобилии, а там, где среди меньшинств есть достаточное число образованной интеллигенции и политических активистов, желающих стать доминирующим большинством (на языке сепаратистов – добиться «национального освобождения»). В этом смысле социалистические страны создали прекрасный материал для сепаратизма, положив с саморазрушительной декларативностью этнический фактор в основу внутреннего государственного устройства и вложив огромные ресурсы в образование и культурное развитие меньшинств («социалистических наций»). Незадолго до распада Югославия была признана экспертами ООН как одно из самых примерных государств с точки зрения обеспечения прав меньшинств. Да и СССР выглядел с этой стороны более чем пристойно, если не считать сталинских депортаций и антисемитизма.

Вполне естественно, что попытки продолжить дезинтеграцию обруганных «многонациональных империй» инициировали лидеры бывших «двойных меньшинств» (армяне в Азербайджане, абхазы и южные осетины в Грузии, чеченцы в РСФСР, албанцы в Сербии). Эти попытки встретили жесткое противодействие со стороны властей новых государств. Однако сепаратизм оказался столь привлекательным и внешне простым способом решения противоречий для многоэтничных государств, что в ряде случаев ему удалось мобилизовать внутренние и внешние ресурсы и довести дело до разрушительных вооруженных конфликтов. Эти конфликты затронули постсоветские государства (Россию, Азербайджан, Молдову, Грузию) и государства бывшей Югославии.

Свою долю в эскалацию сепаратистских конфликтов на уровень настоящих войн внесли сами государства и национализм шовинистического толка, а также оказавшиеся за пределами «исторической родины» местное население и военные. Абхазия – яркий пример того, как шовинизм грузин и позиция местных русских помогли оформиться непримиримому сепаратизму абхазского меньшинства.

Явочный распад СССР и СФРЮ породил проблемы обустройства новых многоэтничных (на советском жаргоне – «многонациональных») государств, в которых, вполне естественно, появились свои меньшинства. В ряде ситуаций последние действительно почувствовали угрозу со стороны новых властей, исповедовавших часто крайние формы этнонационализма от имени титульных наций.

Естественную тревогу не могли не вызывать лозунги типа «Грузия для грузин!» или политика языкового национализма и выталкивания нетитульного населения из власти и процессов приватизации. Кое-где, как, например, в Грузии и Югославии, были сделаны попытки силой упразднить уже существовавшие формы внутренних этнотерриториальных автономий.

Это были грубые ошибки новых властей, хотя не менее грубыми просчетами являлись установка на безграничную суверенизацию и утрата государственного контроля над армейскими арсеналами, как это произошло в России, когда воинственный сепаратизм в Чечне получил вооружения на целую армию. Аналогичные ошибки в отношении сепаратизма допустили в свое время и другие страны.

Драматичная и запутанная история сепаратизма не отменяет единственно правильной политики в современном мире – это мирное урегулирование внутренних конфликтов, связанных с жизнью многоэтнических сообществ, с формированием новых государств на демократических началах и с признанием императива многокультурности. Все проблемы – от Карабаха, Абхазии, Чечни до Косово – можно и нужно было решать через мирные и демократические процедуры, через настойчивую политику отстаивания интересов определенных групп и регионов. Как показал опыт Татарстана, именно на этом пути можно было добиться гораздо большего и избежать непоправимых жертв и разрушений.

Более отчаянные головы с опытом работы с древними рукописями (В. Ардзинба и Л. Тер-Петросян) или занимавшиеся писательством (З. Яндарбиев, И. Ругова) предпочли мятеж. В ответ на этот вызов нашлись не ведающие компромиссов и не жалеющие жизни своих граждан президенты (З. Гамсахурдиа, Э. Шеварднадзе, М. Снегур, Б. Ельцин, С. Милошевич) и министры обороны (Т. Китовани, П. Грачев), которые стали восстанавливать «конституционный порядок». Вины в том те и другие.

Недавние расчленения государств под напором периферийной сецессии (или инициированные Центром) позволяют сделать вывод более глубокий, чем метафора о неизбежности «распада империй» и «триумфа наций». Этот вывод-урок касается всей современной системы государств и их общей озабоченности по поводу «мира с (бес)порядком». Фактор политизированного исторического детерминизма важен, но еще более значим и научно историчен вывод о том, что *признание новых государств в уже огосударствленном мире не должно происходить поспешно. Тем более, если старое государство еще существует и не признает своего распада и если остаются меньшинства, выступающие против раздела.* Тогда необходимы серьезнейшие аргументы в пользу того, что новое

государство действительно состоялось и что через подлинное самоопределение это ведет к благу разводящихся сторон. Поспешное же признание без такой уверенности есть признание насилия воинственных лидеров и вооруженных сект, которые узурпируют «волю народа». Хельсинский принцип «Нет изменению границ силой» не устарел и для нового мира.

ИНИЦИАТОРЫ СЕПАРАТИЗМА

Важно выяснить, что питает современный сепаратизм и что можно ему противопоставить, кроме обличений. Прежде всего вооруженный сепаратизм имеет слишком много заинтересованных и безответственных (а иногда и искренне заблуждающихся) действующих лиц, чтобы избирать мирную и эффективную стратегию в интересах тех, от имени которых, казалось бы, и действуют сепаратисты. Во-первых, инициаторы сепаратизма только на словах выступают радетелями «своего народа», а на самом деле они преследуют узкоэгоистичные цели утверждения себя в качестве «лидеров государств» и создания новых бюрократий, которые надлежит оплачивать «самоопределившимся народам». Цена, которую должны заплатить соплеменники за реализацию проекта сецессии, не важна, ибо сама сецессия провозглашается священным принципом, который не подлежит никаким обсуждениям.

Во-вторых, лозунг достижения независимости сопровождается пропагандой вражды к существующему государству и к остальному населению страны, а само положение субъекта сецессии рисуется в намеренно искаженном виде. В Чечне это называли «народоубийством», «этноцидом» и «колониальным гнетом», имея в виду сталинскую депортацию и проявления дискриминации в отношении чеченцев. Но при этом полностью игнорировалось существование в 1960–1980-е годы довольно процветающей автономной республики (об этом вспомнили только после грандиозных разрушений!). В Абхазии сепаратизм эксплуатирует миф о 2000-летней государственности, которой якобы были лишены абхазы, хотя к этой государственности современные абхазы и грузины имеют очень условное отношение. В Карабахе для самопровозглашенной сецессии использовалась советская демагогия о безоговорочном праве этнонаций на самоопределение, мифы о культурном геноциде и антиармянской демографической политике. В Косово сепаратизму служила идея Великой Албании, пропагандистская кампания о притеснении албанского меньшинства сербами.

Объективный анализ не обнаруживает всех этих внешне сильных аргументов. Достаточно сказать, что в Косово имели место

интенсивное хозяйственное развитие, грандиозный рост образования и культуры (около 10 тыс. выпускников вузов ежегодно!) и заметный рост уровня жизни, что и составляет главный интерес людей. Примерно такой же была ситуация в Карабахе, Приднестровье, Абхазии и Чечне. Однако пропаганда воздействует на население, и оно перестает видеть позитивные стороны в своей жизни, равно как и другие варианты решения имеющихся проблем, кроме единственного, к которому призывают вооруженные активисты, – «борьба за свободу» (имеется в виду за собственных начальников). Миф об «освобождении от гнета» становится морально и политически единственно приемлемым, и вырваться из его авторитарно-жестких объятий простому человеку очень трудно.

Приходится делать вывод: *часть представителей меньшинств, включая власти и общественных активистов некоторых российских республик, не выдержала экзамен на новое демократическое общежитие.* Под внешне привлекательным, но по сути пустым лозунгом «национального возрождения» начались суэта с исправлением демографической ситуации за счет «репатриации соотечественников» и выталкивания русского населения, отторжение общероссийского исторического наследия и культурных ценностей, включая ставший родным для большинства нерусских россиян русский язык, раздача постов и привилегий для соплеменников, низкие спекуляции вокруг обмена лояльности на федеральные финансовые субсидии.

Означает ли это необходимость более жесткой линии в отношении нерусского населения страны? Безусловно, нет. Россия сильна своим многообразием. Означает ли это конец унижающих достоинство и развращающих преференций и особых коллективных прав в ущерб правам граждан и равноправия? Видимо, да. *Судьба СССР и Югославии должна стать уроком не только несостоятельности их политико-идеологических систем, но и серьезной ущербности так называемой национальной политики, т.е. государственной политики преференций в отношении меньшинств, включая «свою» государственность.* Когда-то покойный Эрнест Геллнер, крупнейший европейский социолог, привел в разговоре со мной единственный аргумент в пользу раздела Чехословакии: «Малое – это прекрасно (small is beautiful)». Сейчас, после Чечни и Косово, серьезно сомневаюсь в достаточности этого аргумента в пользу этнически мотивированной сецессии.

РЕСУРСЫ СЕПАРАТИЗМА

Сепаратисты навязывают свою волю через силу и принуждение остального населения, которое обычно живет в мире с представителями различных этнических групп и которое волнуют больше

проблемы обустройства принадлежащих им земельных участков и домов, а не отвоение территорий неизвестно у кого и для кого. Свою силу сепаратисты обретают через оружие и экстремистские организации, в которые рекрутируются молодые мужчины, готовые добывать средства существования и утверждать свое достоинство автоматом Калашникова, а не рутинным трудом. Рекруты сепаратизма в небогатых (а часто и в богатых) обществах с ослабленной государственной властью и с кризисной экономикой всегда находятся в достаточном количестве. Через автомат и простенький лозунг «Это – наша земля!» гораздо легче добываются машины и квартиры. Это делается через изгнание чужаков-«окупантов», когда не надо трудиться на сезонных строительных работах, как это было при «колонииальном гнете» чеченцев. *Именно оружие и создание групп комбатантов, забросивших мирный труд в пользу военного промысла, позволяет сепаратистам бросать вызов государственной машине.*

Видимо, пришло время осознать, что повешенное на стену ружье стреляет не только в последнем акте. Попавшее в руки граждан оружие оказывается основным условием превращения политического лозунга сепаратизма в открытое насилие, совладать с которым крайне трудно, а изъять оружие еще труднее. Как скоро неработающие молодые мужчины в Чечне перестанут носить с собой автоматы, сегодня сказать действительно сложно. Но, видимо, все останется по-прежнему до тех пор, пока усилиями всей страны им не найдут более достойное занятие и пока их не принудят бросить оружие. В Косово ситуация аналогичная. Карабах и Абхазия уже давно представляют собой больше военные гарнизоны, чем гражданские сообщества.

Сепаратизм питает внешняя диаспора, которая всегда склонна оказывать эмоциональную и финансовую поддержку наиболее интригующим и рискованным проектам на «исторической родине». Тем более, что большинство симпатизирующих никогда на этой родине не жили и жить не собираются.

Диаспора с иммигрантским статусом, как, например, албанцы в США и Германии, ведет себя еще более определенно, снабжая денежными переводами и добровольными комбатантами лагерь сепаратизма в стране исхода. Кое-где диаспора, имея высокий статус в стране проживания, может навязывать свою версию ситуации в стране сецессии и влиять на политику государств, добиваясь нужных резолюций, правовых актов и ассигнований. Так было в случае с армянами и албанцами в США, с албанцами в ряде стран Европы, с черкесской и чеченской диаспорами в Турции и Иордании.

Карабах, Косово и отчасти Чечня показали, что диаспора, особенно образовавшаяся уже в ходе конфликта, узурпирует этот

конфликт и право на выражение «воли народа» и манипулирует конфликтом на расстоянии. Бывает, что вынужденная диаспора настроена на мирный исход из конфликта и осуждает вооруженный сепаратизм (ведь именно из-за этого и приходится покидать родные места). Таковы настроения значительной части чеченской, абхазской и армянской диаспор в России. Не разделяют воинственности вооруженных сепаратистов и многие косовары, хотя они вынуждены покинуть родину под силовым и пропагандистским воздействием. Но чаще дело обстоит по-другому: диаспора, несущая в себе травму и ненависть, давние или свежие обиды, хочет отомстить силами сражающихся сыновей или внуков.

Современные диаспоры столь мощны, что могут прекратить конфликт, а могут вести его десятилетиями, обеспечивая воюющие стороны деньгами и поддерживая политически. Пример – тамильская диаспора в Индии и в странах Запада, которая финансирует (1 млн долл. в месяц!) вооруженных тамильских сепаратистов в Шри-Ланке уже более 20 лет. Косовские и чеченские сепаратисты получали оружие также отчасти за счет средств диаспоры. Один из американцев, сам ни разу в Чечне не бывавший, открыто объявлял по телевидению, что отправил 10 тыс. долл. на помощь ведущим борьбу за свободу «своей исторической родины». Правительство США, только что принявшее закон о борьбе с терроризмом, не реагировало на это и подобные заявления. Российский МИД тоже промолчал. Считается естественным, что граждане с «корнями» в других странах могут вмешиваться в дела этих стран, часто не зная языка и ни разу там не побывав. В Косово американские граждане албанского происхождения фактически открыто участвовали в вооруженных действиях на территории Югославии. Если к этому добавить, что деньги и симпатии американских ирландцев помогают держаться сепаратистам Ольстера на протяжении многих десятилетий, то получается, что самая могущественная страна мира является откровенным экспортером сепаратизма в его наиболее неприемлемой для мирового сообщества форме насильственных (вооруженных или террористических) действий против легитимных стран и правительств. Все это противоречит национальным законам и международному праву. *Видимо, необходимы особые государственные меры и международные механизмы, которые ограничивали бы внешнее вмешательство через диаспорное население, начиная от неоправданного участия в выборах и кончая поставкой оружия и добровольцев. Какие-то национальные и международные меры необходимы на территории таких стран, как, например, США, Великобритания и Германия, где состоятельные иммигрантские общины с ведома или без ведома правительств стран пребывания осуществляют политику вмешательства и дестабилизации в отношении стран исхода.*

Сепаратизм использует международную озабоченность нарушениями прав меньшинств в современном мире. Сами дебаты по этим проблемам и соответствующий корпус международных деклараций и конвенций были в последние два – три десятилетия инициированы активистами движений малочисленных аборигенных народов и иммигрантских меньшинств. Ученые-гуманитарии, занимающиеся изучением культурного многообразия человечества, долгое время выступали лоббистами и организаторами движений меньшинств. Именно они часто приезжают в местные сообщества и своими неоправданными обещаниями и громкими заявлениями для внешнего мира дестабилизируют межэтнический мир и политическое согласие, а также подрывают лояльность государству. Именно они осуществляют разные «миссии по установлению фактов» и руководят международными неправительственными организациями в защиту меньшинств. Среди таких специалистов попадаются и откровенные авантюристы типа господина Ван дер Пратта, руководившего Организацией непредставленных народов и наций. Известны случаи, когда представители научного мира откровенно вовлекались в вооруженную борьбу сепаратистов против государства (например, англичанка Мария Броксап-Бенингсен в Чечне и Дагестане, американец Морт Абрамович в Косово).

Сегодня уже ясно, что один из уроков сепаратизма – это, скорее, аморальность, чем безоговорочная моральность идеологии и практики развода вместо совместных усилий по улучшению общественного правления и культурного сосуществования. В случае глубоких разногласий и конфликта по крайней мере более реалистичной представляется возможность существования общества-государства с параллельными структурами (пока новое поколение политиков не найдет формулы примирения), чем деление государств. Последняя процедура не устраняет конфликт, а превращает его в межгосударственный, который разрешать еще труднее. Наивно верить, что отделение Чечни от России, Абхазии от Грузии или Косово от Сербии приведет к появлению добрососедских государственных образований.

Поддержка меньшинств только по определению («мы – такие маленькие», «наша культура гибнет», «нас все время притесняют») несостоятельна. Современные меньшинства чаще всего обладают таким же или даже лучшим социальным и политическим статусом, чем большинство, а в ряде стран они выступают в качестве господствующего меньшинства, по крайней мере на уровне автономий (Адыгея и Башкирия в России, Абхазия в Грузии до изгнания из нее грузин). *Меньшинства столь же часто инициируют насилие, что и господствующее большинство.* Фактически все наиболее

разрушительные конфликты в посткоммунистическом мире были инициированы меньшинствами, по крайней мере на стадии самопровозглашаемой независимости и создания незаконных вооруженных формирований.

Мир еще по инерции принимает политическую корректность идеологии «прав меньшинств» и осуждает позицию в защиту государства и большинства. Но, кажется, *наступает другое время – время не только защиты притесняемых меньшинств, но и защиты большинства от радикализма и агрессивности меньшинства.* Последнее иногда обладает более широкими возможностями, чем большинство, для навязывания собственного сценария. В случае с Чечней на стороне чеченского вооруженного сепаратизма оказались мощная коалиция российской радикальной демократии (верящей в советский этнонационализм), либеральный Запад (желающий «досоопределить» Россию), исламский Восток (расширяющий линии своего «цивилизационного пространства») и экспертно-информационное сообщество, замороженное эстетикой первой войны на территории бывшего политического и ядерного монстра. В случае с Косово на стороне косоваров (опять же не населения, а воюющих комбатантов и активистов-лидеров) оказались самые мощные в мире военные и пропагандистские ресурсы: НАТО и телекорпорации CNN и BBC.

Кстати, мир уже начал менее одномерно относиться к проблеме меньшинств, а Запад незаметно перенацелил основную деятельность в этом направлении исключительно на страны бывшего СССР и на Восточную Европу, особенно Югославию и Россию. Возможно, такие страны, как Индия, Китай, Пакистан, Великобритания, Испания, Канада, поступают правильно, не допуская внешних манипуляций с собственными меньшинствами, включая очаги внутреннего вооруженного сепаратизма. Ни одна западноевропейская страна не допустила комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств М. Ван дер Стула на собственные территории.

В 1970-е годы, когда автор проводил исследования в Квебеке, канадская полиция буквально следовала за мной по пятам ежедневно. На Гавайях моя встреча с активистами движения «Гавайская нация» в 1983 г. едва не кончилась неприятностями с властями. В США сепаратистов (техасских, гавайских и прочих) без всяких оговорок сажают в тюрьму, а сепаратистские группы отслеживают и подавляют самым жестоким образом. В России быстрое утверждение внешней открытости привело к образованию своего рода серых зон, особенно на Северном Кавказе, куда устремились сочувствующие меньшинствам романтики и откровенные авантюристы со всего света, неся свои утопические рецепты или чемоданчики с долларами для оплаты антигосударственной деятельности.

СЕПАРАТИЗМ КАК НОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Сепаратизм не стал бы глобальной проблемой, если бы не служил орудием соперничества государств и средством геополитической инженерии. Этот момент присутствовал и в прошлом, когда после Первой мировой войны В. Вильсон, Ж. Клемансо и Д. Ллойд Джордж, «ползая» по физико-географической карте, «самоопределяли» народы Юго-Восточной Европы или когда в период Второй мировой войны И. Сталин и другие победители меняли границы под тем же самым лозунгом. Теперь настала пора победителей в «холодной войне» навязывать свою волю внешнему миру через очередные этнические самоопределения. Заметим, что никогда в истории поборники этого принципа не применяли его в отношении собственных государств, если это не касалось расширения их границ.

Как показывает опыт Югославии, несостоятельность и разрушительный характер самого принципа «компенсируется» кабинетными прожектами создания государств, которые подкрепляются бульдожьей хваткой дипломатов типа Р. Холбрука и военной мощью «миронавязывателей». Что будет с этими государствами и их границами через одно – два поколения, это не так важно. Важно другое – продиктовать волю и реализовать идеальные, сложившиеся в головах экспертов и политиков проекты для людей, которые живут за тысячи миль.

Безответственный энтузиазм новых переделывателей мира столь велик, что они не гнушаются двойственностью подходов и намеренными фальсификациями. Геополитически невыгодный сепаратизм не поддерживается и даже осуждается (будем бомбить и Грузию, но только не Тбилиси, а Сухуми!). Отвечающий «антиимперскому» настрою и установке на наказание избранной жертвы (Сербия, Россия) соответствующий сепаратизм (косовский и чеченский) всячески поощряется и поддерживается как отдельными государствами, так и «международным сообществом» в лице постоянных зрителей CNN.

Чечня и Косово не стали бы столь масштабными трагедиями, если бы это же самое международное сообщество вовремя сформулировало свои сигналы не в виде резолюций, осуждающих «агрессию России в Чечне» и «агрессию Сербии в Косово». В последнем случае подобная фразеология стала поощрением вооруженной сепаратистской и подрывной государственности, без которой в любом случае наступает общественный хаос и которую не могут заменить никакие международные структуры и инструменты.

Пришло время сделать фундаментальный исторический вывод из последних событий: человечество не придумало пока ничего лучшего для обеспечения общественного порядка и социального

преуспеяния людей, чем государства. Интеллектуальные дебаты об отмирании государств, квазигосударствах и т.п. на самом деле маскируют утилитарную цель – ослабление или даже разрушение одних государств для усиления других. Если существует действительная заинтересованность в «международном мире», тогда не следует спешить консультировать боевиков из «Армии освобождения Косово», как это сделал бывший президент Корпорации Карнеги за международный мир американец Морт Абрамович. Не стоило спешно водружать флаги абхазских и чеченских сепаратистов над штабквартирой Организации непредставленных народов и наций в Гааге. У абхазов и чеченцев было более чем достаточно представительства, но не было ответственности и опыта пользования им. *Поэтому усилия должны быть направлены на обучение политиков и общественных активистов тому, что люди, исповедующие разные религии и говорящие на разных языках, должны жить в общем государстве и решать проблемы развития и разделения власти (а не страны!), не изгоняя никого из собственных домов и не перекраивая границы.*

Еще одним историческим уроком сепаратизма становится вывод о слабости силы и о непоследовательности ее применения в разрешении конфликтов. Косово еще раз продемонстрировало, что демократия и мир – не одно и то же. Ясно и другое – никакие гуманитарные акции и международные миротворческие операции не заменяют государства и общества в разрешении собственных конфликтов. Международное вмешательство далеко не всегда оказывается позитивным, ибо его участники имеют свои и часто достаточно узкие интересы. Поэтому поспешная приватизация конфликта внешними участниками – это тупиковая стратегия, которая опасно трактуется как некий новый порядок в предотвращении и урегулировании конфликтов.

После демонстрации опасных метаморфоз современного сепаратизма и еще более опасных манипуляций вокруг него будет справедливым, если государства с многоэтничным составом населения примут дополнительные меры для обеспечения собственного суверенитета и целостности. Это может означать определенное ограничение политики коллективных прав и преференций для особых групп населения. Во всяком случае, после Чечни и Косово трудно представить себе ситуацию, когда бы появлялись новые этнотерриториальные автономии в составе федеративных государств. *Доведенная до абсурда тотальных бомбардировок борьба Запада по защите меньшинств в итоге дала обратные результаты.*

Просепаратистская операция НАТО «по предотвращению гуманитарной катастрофы» и войны на Балканах, неурегулированные

конфликты на территории бывшего СССР – это реквием по сепаратизму. Защитив существующие государства, от Китая и Индии до России, Югославии и стран Африки, и отвергнув вооруженный сепаратизм, который угрожает не только этим странам, человечество сможет спокойнее вступить в новую эпоху. Противоположный вариант «нового порядка» просматривается с большим трудом, ибо он беременен новыми циклами насилия. Сепаратизм несет разрушения и культурную деградацию большим и малым народам Земли, во имя которых, казалось бы, и осуществляется новое миронавязывание.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ*

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СТРАНАХ СНГ И БАЛТИИ

В сложных по этническому составу населения государствах бывшего СССР проблемы межэтнических взаимодействий и конфликтов всегда будут одними из наиболее трудных, причем не по причине изначальных антагонизмов между проживающими в общих государствах различными этническими общностями, а из-за неадекватного государствоустройства, плохого управления или намеренной мобилизации этнического фактора в политических, конфликтных целях. Наш анализ показывает, что в постсоветских странах сохраняется высокий уровень взаимодействия и сотрудничества представителей разных народов, а также интенсивные контакты и духовные связи бывших граждан СССР. Конечно, культурная дистанция и политико-идеологические расхождения между государствами бывшего СССР все более возрастают, а прямые человеческие отношения сокращаются по причине границ и верхушечной пропаганды отчуждения. Этому способствуют экономические трудности и политическая нестабильность в ряде стран, а также внешние воздействия в рамках геополитических соперничеств, когда огромные ресурсы вкладываются в недопущение какой-либо реинтеграции в рамках бывшего СССР, особенно если в этом процессе проявляется ведущая роль России. Наиболее примечательным в этом плане является трудный процесс государственного объединения России и Беларуси, когда на, казалось бы, безусловные преимущества такого объединения находятся контраргументы и силы противодействия.

В наши задачи не входит анализ политических и экономических процессов в постсоветских странах, но хотелось бы отметить, что

* Работа написана в марте 2000 г. для ежегодного доклада Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов за 1999 г.

особенно после прихода к руководству в России В.В. Путина произошли позитивные переоценки, в том числе и роли самого СНГ за годы существования Содружества и его будущих перспектив. Однако нас прежде всего интересуют социально-культурные тенденции и массовые установки людей, а также проблемы так называемых национальных меньшинств и новых диаспор. В этой сфере не произошло радикальных изменений. Все страны продолжают строить национальные государства от имени «титულных» этнических общностей и держать остальное население в статусе не членов нации или даже не граждан этих государств. Эта политика этнического исключения, даже если она официально в некоторых странах называется «политикой интеграции» (а фактически ассимиляции или непризнания особого группового статуса), стала основным внутренним вызовом существующих новых гражданско-политических сообществ. Она препятствует разрешению ранее случившихся насильственных конфликтов, хотя у таких конфликтов уже накопилась своя логика трудных противоречий и антагонизмов, поскольку это связано с гибелью людей, разрушениями и изгнанием населения из мест своего проживания.

Ни одно из новых государств за пределами России не смогло пока одержать верх над силами радикального этнического национализма, противопоставив ему формулы общественного устройства, которые обеспечивали бы гражданское равенство независимо от этнической принадлежности, а культурно отличительным общностям давали бы гарантии сохранения их культуры и справедливого участия во всех сферах общественной жизни. Ни одно из государств не пересмотрело в спешке принятые в начале 1990-х годов основные законы и другие положения в сторону признания хотя бы официального двуязычия, и русский язык остается «наказанным языком», хотя на нем продолжают говорить дома и на работе не только большинство политических лидеров новых стран, но и огромные массы населения.

Степень политической организованности и знания своих основополагающих прав среди постсоветского населения остается низкой, а его способности повлиять на изменение положения – ограниченными в силу или авторитарных режимов, или коллективной авторитарности так называемого титульного населения, интересы которого все еще часто представляют воинствующие радикалы. За последнее время мы наблюдаем новые формы ответного поведения «иноэтничного» населения в постсоветских государствах. Одна из них наметилась в Латвии и Эстонии, когда часть так называемых русскоязычных вполне определенно взяла курс на изучение официальных языков и намерена интегрироваться в местные гражданские сообщества, включая обретения гражданства, несмотря на имеющиеся препятствия.

Будет ли это означать ассимиляцию русских, украинцев, белорусов, евреев и других с превращением их в латышей и эстонцев, сказать трудно. По крайней мере для нынешнего поколения, скорее, возможен вариант *неассимилированного двуязычия и сохранения собственной культурной идентичности наряду с гражданской лояльностью*. Ассимилировать такое большое число представителей таких больших культур, как, например, русская или украинская, латышам и эстонцам едва ли удастся, учитывая к тому же соседское существование основных массивов носителей этих культур в России и на Украине. А это означает, что рано или поздно нанесенные обиды и нынешние унижения могут стать причиной более радикальных действий и требований, включая открытые конфликты. Виной тому будут недальновидная политика и надменность тех, кто сегодня безраздельно правит в «своих» государствах, и тех, кто в стремлении быстрее дистанцировать страны Балтии от России закрывает глаза или просто нежно журит за нарушения прав больших групп населения. Только в страшном сне можно представить себе ситуацию, что по улицам Риги молодые латыши будут гулять в натовских формах, а большинство таких же молодых рижан по причине «русскоязычности» не будут даже иметь паспортов государства, где они родились и выросли. А если они и будут иметь такие паспорта, то захотят ли они служить в такой армии? Будущие конфликты нужно уметь видеть и избавляться от мышления и поведения бывших советских меньшинств, неустанно разоблачая мифические угрозы со стороны России.

Другая тенденция с новыми диаспорами наметилась в таких странах, как Казахстан, где русские, утратив представительство в органах власти и подвергаясь бытовым унижениям, избирают вариант исхода, ибо ассимилироваться в казахов они при всем желании не могут по причине больших культурных и расовых различий. Руководство страны вяло внедряет идею казахстанскости и общего государства для всех граждан, вынуждая людей уезжать (особенно из южных областей) в Россию или в Германию. Страна все больше оказывается расколотой по этническому принципу и в географическом плане. Перенос столицы никак не помог, а только обнажил проблему. Если в северных промышленных городах случается забастовка русских казахстанцев, а ей противостоит пикет из одних милиционеров-казахов, рано или поздно открытый конфликт неизбежен.

Русское население севера Казахстана (как и северо-востока Эстонии) вполне может сформулировать политический проект внутренней автономии или даже сецессии, особенно если в России поправится экономическое положение и молодым призывникам не будет грозить служба на войне в Чечне. Об этой возможной ситуации также следует думать заранее, и исправлять положение необхо-

димо как можно быстрее прежде всего в национальных (казахстанских, а не казахских!) интересах страны. Официальное двуязычие и элементы федерализма здесь смогут сыграть огромную позитивную роль, и никакой угрозы суверенитету Казахстана и казахской культуре они не несут.

Непростая ситуация складывается и на Украине. С одной стороны, в этом государстве имеется одна из наиболее компетентных правящих элит (если не считать общей беды – коррупции), которая в целом справляется с управлением сложной страны, имея в виду ее огромные этнические, религиозные и региональные различия и противоречия. С другой – антироссийский синдром и проблема русскоязычного Крыма направили почти всю энергию этнической политики и получаемые внешние ресурсы по линии миграционных организаций на проблему собирания крымских татар в Крыму. Последние и без того недостаточно устроены, и только недавно значительная их часть получила украинское гражданство, но уже выполняются проекты по стимулированию новых переселенцев из Узбекистана, где крымские татары достаточно неплохо интегрировались в течение уже нескольких послевоенных поколений. Фактически в Крыму закладывается этническая бомба тройного противостояния при новом внешнем игроке – Турции, и этого не могут не видеть ответственные политики.

Украинская гражданская нация может состояться (собственно говоря, она реально существует) только на основе украинско-русского культурно-языкового симбиоза, а не этнической «украинизации». Такова уж историческая ситуация, что украинцы в России ассимилируются в русскую, точнее, в российскую русскоязычную культуру, а русские на Украине (так, кстати, происходит с носителями всех мировых языковых систем) не ассимилируются с украинцами, хотя более широкое распространение двуязычия среди русских в этой стране не только возможно, но и необходимо. Только с утопией насчет культурно-языковой паритетности между двумя странами («Сколько у вас детских садиков на украинском, столько и у нас на русском»?)! следует расстаться. Это – пустая трата интеллектуальных и других ресурсов обеих стран, что, однако, совсем не означает отказ в поддержке украинской культуры и украинской культурной автономии в России, начиная от Белгорода и кончая Дальним Востоком.

Если говорить о мерах улучшения государствоустройства Украины, то, видимо, это прежде всего отказ от категоризации русских как «национального меньшинства» (это же полезно сделать в Казахстане и Латвии) и переход к формуле равнообщинного государства. Опять же неизбежно официальное двуязычие и даже федерализация, чтобы сохранить единство страны и избежать будущих конфликтов.

В Закавказье (на южном Кавказе), если не касаться сложнейших ситуаций карабахского и абхазского конфликтов, складывается странная ситуация. Верхи продолжают упорную линию на западную ориентацию, а также включая члена НАТО – Турцию. К их пользе состоялись важнейшие международные решения по нефтяным и военным проектам и на Стамбульском саммите в 2000 г. Но гуманитарно-культурная ситуация развивается в обратном направлении. Массовая трудовая миграция из всех трех стран в Россию (до трети самодельного населения) делает заработки мигрантов основным источником жизни значительной части населения этих стран, и таковым положение останется в будущем, ибо доходы от нефтяных проектов достанутся только малой верхушке этих обществ. Грузинское, армянское и азербайджанское культурное производство также в значительной мере осуществляется на территории России. Наметилась тенденция к восстановлению научных и других гуманитарных связей интеллигенции. Англоговорящие и работающие на западных грантах по антироссийской повестке интеллектуалы составляют ничтожное меньшинство, но и многие из них сегодня готовы к более широкому сотрудничеству, включая и Россию. *Возможно, наступил момент серьезных корректив в политике верхов, чтобы не углублять сложившийся в последнее десятилетие разрыв с Россией и не отказываться от полезных новых связей в более широком мире.* Здесь есть над чем потрудиться и в самой России по части демонтажа уже укоренившегося комплекса антикавказских фобий.

ОСНОВНОЙ ВНУТРЕННИЙ ВЫЗОВ РОССИИ

Основной внутренний вызов российскому государству заключается в вялом утверждении нового образа страны среди населения, в отсутствии в необходимой степени общеразделяемой гражданской идентичности россиян, чувства гражданской ответственности и патриотизма. В стране на уровне политиков, этнических активистов и экспертов до сих пор отвергается существование многоэтнической гражданской нации, несмотря на высокий уровень социально-культурной гомогенности населения страны и повседневно демонстрируемую российскость рядовыми гражданами. Вместо этого сохраняется доктрина «многонационального народа России», а не «многонародной нации», что было бы гораздо точнее. Государство до сих пор не оформило свои правовые отношения с гражданами через систему паспортов по причине конфликта вокруг предшествовавшей практики фиксации государством этнической идентификации граждан (так называемой национальности). Новый прези-

дент должен завершить эту неприличную канитель, предусмотрев возможность исполнения текста паспорта на нескольких языках наряду с русским.

Авторам законов о гражданстве в отдельных республиках следует поумерить свой задор и подумать лучше об интересах российских граждан в республиках. В Татарстане вообще заготовлен законопроект о 10-летнем центре оседлости для приобретения республиканского гражданства. И это в рамках одного государства, когда в республику могут приезжать и уезжать специалисты разных национальностей – производители высококлассной и высокодоходной техники, а право на землю и на голосование будет записано прежде всего за сельским татаринком. Откровенно говоря, эта периферийная националистическая суэта уже начинает надоедать уставшей стране, и следует хорошенько задуматься о более общих и земных интересах граждан, чем перевод языковой графики на латиницу, когда большинство татар говорит на русском языке.

В этой связи важнейшим направлением государственностроительства на ближайшее десятилетие представляется утверждение доктрины России как *национального государства* с многоэтническим составом населения и гражданской общностью россиян. Это единственно возможная доктрина государственностроительства, которой следуют все страны мира от Англии и Испании до Индии и Китая. Вернее, ей следуют все страны Организации Объединенных Наций, из которых, пожалуй, только Россия представляет собой саморазрушительное исключение. Несостоятельная доктрина сути самого государства как некой не до конца самоопределившейся общности активно используется против России во внешних соперничествах.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА И АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО

Конституционно-правовая основа новой России и устройство власти подверглись радикальным изменениям и продолжают находиться в процессе становления. Хотя административно-государственное устройство и его идеология были заимствованы от РСФСР, в России впервые утверждается наиболее оптимальный для крупного и со сложным составом населения государства принцип – федеративное устройство с наличием этнотерриториальных автономных образований в рамках федерации. Это есть одна из форм внутреннего самоопределения населения части регионов страны, где сосредоточены основные культурно отличительные группы населения.

Федерализм в его гибких и несимметричных формах должен сохраняться и может послужить укреплению государственности

в ближайшее десятилетие при выполнении ряда условий доктринального, правового и политического характера. Среди этих условий такие, как коррекция местных конституционных и других правовых текстов в пользу общегражданского равноправия, отход от этнического национализма и признание федеральной властной вертикали. В свою очередь, необходимы реформы федеральных органов власти и коррекция федеральной конституции, которая вобрала бы в себя возможный общий минимум из практики договоров с субъектами федерации при одновременной элиминации самих этих договоров.

Принципиальным вопросом конституционных основ федерализма применительно к центральной власти является характер высшей палаты парламента. Наличие параллельного губернаторскому корпусу выборного корпуса представителей субъектов федерации – вполне осуществимая задача, которая укрепляет общую систему и взаимозависимость федеративного устройства страны. Как осуществить эту сложную процедуру, не ослабляя высшую власть и не удорожая ее дополнительным отрядом высших управленцев, может быть предложено экспертами и самими политиками.

Самостоятельный вопрос – это административное устройство. Если федеративный принцип является оптимальным и требует только коррекции и развития, то само деление страны на субъекты федерации отражает частично историческую традицию, частично хронику партийных решений в связи с осуществлением хозяйственных или идеологических проектов или результат лоббирования старых и новых лидеров (пример первого – Липецкая область, второго – Еврейская автономная область, третьего – Санкт-Петербург). Часть административной структуры досталась от советских времен «национального строительства», а именно, автономные округа для народов Севера и Сибири, которые в период хаотического переустройства и кризиса центральной власти в начале 1990-х годов обрели статус равноправных субъектов федерации, одновременно утратив свою подлинную суть как форма представительства коренных малочисленных народов. Последние выборы в Государственную думу еще больше сузили представительство не только коренных народов, но даже местного населения в целом по причине делегирования столичных политиков.

Необходимо провести административную реформу в направлении оптимизации управления страной за счет сокращения числа субъектов и других мер, но осуществить ее будет крайне сложно по причине существования мощных местных бюрократий с огромными личными и групповыми интересами. При низком уровне гражданского сознания и слабой подконтрольности бюрократии власти

субъектов могут мобилизовать ложные формы местного патриотизма и солидарности и не позволить упразднение или реконфигурацию субъектов федерации. Однако реформа возможна через демократические процедуры, удовлетворение частных и групповых интересов, и к общей пользе государство будет иметь эффективное и не столь мозаичное управление страной. В любом случае в отношении малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока необходимо поменять принцип «национальных автономных округов» на создание и поддержку самоуправляемых местных общин, ведущих традиционное хозяйство аборигенов, с предоставлением особых прав пользования ресурсами и особой государственной поддержкой (опыт других северных стран). Все остальная деятельность на территории округов ничем не отличается от общих правил и должна составлять часть соответствующих, более крупных образований (краев и областей).

Имеет значение вопрос о границах и о возможных реконфигурациях российских республик, особенно на Северном Кавказе, который лоббируется этническими активистами и некоторыми экспертами. Устройство республик (оформление в 1991–1992 гг. статусов новых республик из автономных областей с меньшинством «титального» населения уже назад не вернуть) на сегодняшний день оптимальное, и резких изменений, кроме корректировки их конституционных и других правовых текстов, быть не должно. *Главная задача – улучшение системы и качества правления, а не изменение границ и статусов.* Здесь ключевой вопрос заключается в обеспечении равного доступа к ресурсам и к власти представителей всех групп населения и мерах по приостановлению оттока русского населения из республик. Вопрос об особом статусе или режиме управления может стоять только для Чеченской Республики.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР, НАЦИОНАЛИЗМ И СЕПАРАТИЗМ

Общее состояние этнических культур в России достаточно благоприятное, а климат межэтнических отношений на уровне населения характеризуется толерантностью, несмотря на раскол элит по этническому принципу и рост настроений ксенофобии и некоторых экстремистских идеологий и деятельности. В России сохраняются языки и другое культурное своеобразие представителей около ста этнических общностей, и в то же время имеется высокий уровень интегрированности в доминирующую российскую культуру на основе русского языка. Положительным явлением стало развитие экстерриториальных национально-культурных автономий (после принятия соответствующего закона 1996 г.) как одной из

форм внутреннего самоопределения народов. Эта деятельность должна развиваться при некоторой поддержке государства, но в основном за счет ресурсов самих этнических общин и их самоорганизации. Закон 1996 г. требует некоторой коррекции именно в эту сторону и в сторону дебиюрократизации системы национально-культурных автономий (убрать деление автономий на федеральный, региональный и местный уровни, допустить множественность образований от имени одной этнической общности, четче определить формы государственной поддержки).

В перспективе главными представляются усилия по поддержке культурного многообразия населения страны при должном уровне интеграции в общероссийскую социально-культурную общность на основе русского языка. Развитие двуязычия и многокультурности – наиболее оптимальная стратегия для нерусского населения страны и для части русских, проживающих в этнотерриториальных автономиях. Это культурное многообразие будет увеличиваться за счет иммиграции в Россию представителей нерусских народов из других стран бывшего СССР и за счет более высокой рождаемости среди части нерусского населения страны (Северный Кавказ, выходцы из стран Средней Азии и Закавказья). Одновременно будет уменьшаться доля русского и некоторых других народов страны. Демографически эти процессы регулируются очень трудно, и едва ли эту тенденцию можно и нужно менять (до 1991 г. в российской истории этнические русские никогда не составляли более 51% населения страны), ибо к прочности государства и к его благополучию это не имеет прямого отношения.

Оптимальная стратегия – избегать резких перемен в привычных пропорциях населения на уровне местных сообществ и крупных мегаполисов, а также пространственной этнической сегрегации (этнических кварталов), осуществлять политику культурной и социально-политической интеграции населения, снижать значимость этнической принадлежности граждан, признать реальность существования множественной идентичности («многонациональности» на уровне личности), отказаться от государственного вмешательства в вопросы этнической идентификации. Перепись населения должна проводиться по более современным критериям, с фиксацией сложной этнической принадлежности.

В России сохраняется старое советское отношение к так называемому национальному вопросу, суть которого в жесткой государственной институализации этничности граждан и придании неоправданной значимости этническим общностям как неким базовым социальным группировкам («народам» или «этносам»), из суммы которых состоит российская гражданская и социально-культурная

общность. На этой базе формируется периферийный национализм (национализм нерусских народов), который обретает крайние формы, вплоть до вооруженного сепаратизма. Именно этот фактор составляет одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности России. Главными инициаторами этого национализма является многочисленная, особенно гуманитарная, интеллигенция нерусских народов. Радикальный национализм меньшинств поддерживается некоторыми представителями российской радикальной демократии как ложно понимаемая форма правозащитной политики. «Этнические предприниматели» из числа местных активистов осуществляют успешную массовую мобилизацию и способны создавать экстремистские группировки, особенно если добавляются лозунги политического ислама или другие экстремистские идеологии. Эта форма национализма получает внешнюю поддержку и симпатии.

Задача государства и общества – окончательно развенчать миф «национальных движений» и «национальных возрождений», который содержит в себе конфликтную мифологию и на самом деле представляет собой способ мобилизации этнического фактора в ситуации борьбы за власть и приватизируемые ресурсы. Особые меры необходимы в отношении гуманитарной интеллигенции республик и части нерусской интеллигенции в Центре, которые выступают главными «разоблачителями имперской политики» собственного государства на территории собственной страны. Одна из таких срочных мер – переориентация подготовки нерусской молодежи в сторону более полезных для общества и его модернизации профессий (меньше филологов, историков, археологов, этнографов и философов и больше менеджеров, социальных работников, психологов, юристов, управленцев и прочих).

Другое важнейшее направление – это инкорпорация нерусских элит в Центре и придание центру государства (от власти до СМИ) многокультурного облика, чтобы уменьшить степень отчужденности этнической периферии от остального государства и основного населения страны. Здесь огромное поле деятельности, начиная от текстов учебников вплоть до визуальных телеобразов и языков вещания.

В сфере межэтнических отношений особым вопросом является рост русского национализма и в целом ксенофобии среди населения, особенно в отношении выходцев с Кавказа и из Средней Азии. Доктринально неверные установки о некоей «государствообразующей нации», а также дебаты о «русскости» (вымирание, уникальность, величие и прочие) способствуют эмоциональной и политической солидарности некоторой части населения, которая считает

себя русскими, но радикально раскалывает страну по основному этнокультурному разделу. Это блокирует развитие общероссийского (гражданского) патриотизма и консолидацию населения во имя задач социального преуспевания и демократического обустройства страны. Как ханьцы – основной народ Китая уступают приоритет в пользу многоэтнической китайской нации, кастильцы – в пользу многоэтнической испанской нации, англичане – в пользу британской нации, так и *этнические русские должны будут (это фактически и существует на уровне обычного сознания) отдать предпочтительные российской общности и российскому патриотизму, в котором русский язык и русская культура и без того имеют доминирующий статус*. Именно так обстояло дело в дореволюционной России, когда понятие «великоросс» не имело узкоэтнического смысла, а к *русским* относились все, кто принял православие. Эта важнейшая доктринальная переоценка в пользу российскости явно затянулась и даже переживает рецидивы движения вспять по части разного рода «русских проектов» русской нации, но она должна быть срочно осуществлена, пока не сформировалось новое поколение на основе формулы «многих наций», отторгающих российскость как высшую коллективную ценность.

ОЦЕНКА ОБЩЕСТВОВЕДЕЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

От оценок реального состояния дел в стране, как и от более общего вопроса образа страны в мире, зависит исключительно многое, в том числе и само положение дел, крепость государства и авторитет власти. В стране имеет место провал общественно-ведческой экспертизы в отношении содержания и результатов российских трансформаций. Это произошло по причине недостаточного профессионального уровня постсоветского общественно-ведческого корпуса, который продолжает во многом задавать тон вместе с новой когортой попавших в разряд «ученых» действующих политиков и администраторов. В стране нет нормального процесса выработки и принятия решений на основе экспертной проработки. Каждая новая команда в политике разрушает наработки и отрицает результаты деятельности предыдущих, не говоря об оппозиционных силах.

В итоге мы имеем катастрофическое положение с негативной оценкой реальной ситуации, которая на самом деле достаточно иная. Более внимательный анализ итогов российских трансформаций показывает огромные позитивные перемены, которые не

осознаются, замалчиваются или сознательно искажаются. Эти более объективные оценки необходимо срочно использовать в общественно-политических целях, в том числе и для внешнего мира. Российское правительство нуждается в мировой и всесторонней пиаркампании по исправлению собственного образа и образа страны. В современном мире без этого не обойтись.

Необходимы меры по радикальному улучшению обществоведческой экспертизы и экспертного обеспечения государственных органов. Шаманистский стиль экспертов, окружавших некогда Совет безопасности, построенный на разоблачении разных заговоров, нанес огромный вред. Не меньший вред наносит нечуткое отношение экспертного сообщества к внешним и внутренним разработкам, которые имеют явную политико-идеологическую заангажированность, продиктованную спонсорами. Определенный вред наносит деятельность части отечественных специалистов-гуманитариев, выехавших за рубеж, где они занимают наиболее резкие позиции в оценке политики собственной страны и положения дел.

Нужны срочные заказы на исследования, которые имели бы современную теоретическую базу, дисциплинарный профессионализм и практическую ориентацию. Следует заменить стиль анонимных докладных записок ответственными независимыми экспертизами, которые дополняли бы друг друга, а не занимались взаимоуничтожением. Важно вырабатывать политическую и управленческую культуру использования экспертизы в государственном управлении.

ЭТНИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ДЕБАТОВ О ФЕДЕРАЛИЗМЕ

Сегодняшние дебаты по поводу федерализма выявили прежде всего неоднозначное и противоречивое понимание природы самой субстанции. Под словом *федерализм* обсуждаются и конституируются разные процессы и явления: система устройства государства и управления; межгосударственные связи и различные формы интеграции на континентальном (прежде всего европейском) уровне; формы организации и новая институализация культурно отличительных сообществ и некоторые другие процессы. Для исследователя-обществоведа может даже представляться, что *современный федерализм – это процесс и средство перераспределения власти и ресурсов на государственном и межгосударственном уровнях, улаживания противоречий и соблюдения интересов, обусловленных региональной и культурной спецификой*. Другими словами, *федерализм – это прежде всего дебаты и переговоры, а уже потом текст и воплощенные на его основе действия*.

Ситуация в России не является исключением и, наоборот, во многом подтверждает наш тезис. Разговоры по поводу федерализма имеют огромное политическое и символическое значение, возможно, большее, чем сама политическая практика, которая рутинна или же существует безотносительно от дебатов о федерализме. Но как раз она и нуждается чаще всего в добротной экспертизе. Что мы чаще всего имеем на уровне экспертных дебатов? Это может быть обсуждение типов региональных политических режимов или разработка демонтажа ассиметричной федерации и переход к симметричной, подразумевающей наличие в ее составе только административно-территориальных единиц без этногосударственных субъектов. Еще большее возбуждение (особенно если закрыть глаза или отвернуться от карты страны) вызывает такая «проблема федерализма», как «досооопределение» России в пользу «государствообразующего» русского народа через образование русской республики, выдвинутое в свое время Р. Абдулатиповым со своими соавторами в книге «Федерализм в истории России» и до сих пор обсуждаемое с разных позиций при всей абсурдности самой постановки данного вопроса.

Другое дело – попытаться проанализировать то, что я называю жесткой реальностью, и соотнести эти наблюдения с анализом того, что обсуждают. Т.е. важно не только обсуждение проблем российского федерализма, но и определить, в чем смысл, каковы формы и участники самих этих дебатов, не говоря уже об их воздействии на жесткую реальность. Эта дискурсивная практика российского федерализма не менее интересна и не менее важна для понимания сути проблем. В какой-то мере этот подход определен не только теоретико-методологическими позициями автора. Он был навеян и моими давними исследованиями в области канадоведения 1970–1980-х годов. Мне хорошо запомнилась встреча в 1973 г. в канадском парламенте с сенатором Юджином Форси – одним из классиков канадского конституционализма, который сказал: «Канадский федерализм – это прежде всего дебаты, так что, если Вы решили изучать образование канадской федерации, Вам придется иметь дело больше всего со словами». Юджин Форси оказался прав не только применительно к XIX в., которым автор тогда занимался, но и в отношении современной ситуации.

Представляется, что в России этого тонкого различия между *практикой* в ее философском понимании и дебатами по ее поводу не делается, а последним вообще не придается самостоятельного значения, ибо российское обществоведение хорошо усвоило ленинскую «теорию отражения» и глубоко верит в миссию познания объективной реальности. На самом же деле, есть ощущение, что российская дилемма «федерализма власти и власти федерализма» как в предшествовавшие годы, так и в новых условиях президентства В.В. Путина во многом обрела роль гигантского магнита, который притянул массу очень разных и специфических вопросов, неразрешимых на уровне глобального унитарного решения.

Сегодня в рамках проблемы федерализма оказалось обсуждение вопросов конституции и права, государственно-административного устройства, бюджетных распределений, властного представительства, этнокультурного самоопределения и политики в отношении меньшинств, местного самоуправления, миграции, геополитических соперничеств и так далее. В такой явно перегруженной смысловой ситуации федерализм начинает казаться или источником всех зол в России, или спасительной панацеей от множества проблем обустройства страны и ее развития. Здесь речь пойдет о том, как и почему в России сложился и действует асимметричный федерализм, обусловленный многоэтничным составом населения государства и политическим этнонационализмом, и каковы проблемы и перспективы этнического федерализма, в том числе в контексте международного опыта федеративных государств.

ТЕЗИС «НЕОФЕОДАЛИЗАЦИИ» ПРОТИВНИКОВ ЭТНИЧЕСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Один из известных российских специалистов по федерализму С. Валентей в статье «Три вызова России» в журнале «Федерализм» (2000, № 1) определяет как «псевдофедералистский» вариант отношений «центр – республика», при котором «в течение всего нескольких лет была сформирована экономическая база **феодализации** общественных отношений... Эта псевдофедералистская практика была реализована в рамках пресловутого двустороннего договорного процесса», на местах она зиждется на «этноклановых режимах». Разберемся сначала с ситуацией псевдофедерализма и клановости.

Если говорить о положении дел в областях и краях, то ими правит сложная по этническому составу политическая элита, причем эта сложность в последние годы увеличилась. Едва ли в советские времена первыми лицами на уровне областей и краев было столько представителей нерусских народов, как это сейчас имеет место, но нет никаких данных, что Э. Россель раздает всю собственность российским немцам, А. Тулеев – казахам, Б. Абрамович – евреям, а десяток губернаторов с украинскими фамилиями – украинцам, а с русскими – русским. Да и с кланами не очень получается, ибо даже протекция ближайшим родственникам довольно затруднительна и становится предметом скандалов и, как минимум, общественного осуждения. Таким образом, даже этнический состав первых лиц нельзя характеризовать как принадлежащий к определенной этнической общности, а тем более к клану, не говоря в целом о высших слоях управленцев в «территориальных» субъектах. При всем моем критическом отношении к уровню компетенции российских управленцев и внимательном отслеживании этнического фактора в политике должен сделать вывод, что *как федеральная, так и региональная политическая элита не только многоэтнична по своему составу, но и представляет собой людей, обладающих определенным опытом и образованием.* «Гениев», может быть, и немного, но и сказать, что «своим глупцам открыты все двери» (слова С. Валентея), нельзя.

В какой мере власть по этническому или клановому принципу еще и дополняется доступом к собственности, – также вопрос далеко не такой простой, и ответ на него в форме поверхностных заявлений ничего не дает, кроме как элемент политического раздражения. Отношения между властью и правом собственности и распоряжения доходами гораздо более сложны, иначе не было бы всех основных общественных коллизий: политического соперничества, рывка оргпреступности во власть, не только слияния, но и изоляции

бизнеса от власти. *В стране на региональном уровне даже больше было сделано успешных бизнес-проектов и личных состояний без участия власти, а именно за счет талантов, энергии и гражданской состоятельности.* Скорее, на уровне федеральном власть и приватизация были связаны более жестко. На этом уровне все делалось масштабнее, решительнее и изощреннее, ибо правила устанавливались здесь, а значит, здесь же рождалось и понимание, как их можно обойти. Но в любом случае тезис «феодализации» собственности и доходов требует более осторожного обращения.

Еще меньше подходит тезис этнокланового неофеодализма для автономных округов, где делами заправляют прижившиеся приезжие, а иногда и уроженцы данных мест, но только не те, от имени которых, казалось бы, и были созданы данные этнотерриториальные автономии в рамках федерации. Если и можно говорить о некоторых этнических параметрах властного и бизнес-слоя в автономных округах, то нужно назвать традиционное русско-украинско-азербайджанское преобладание в элите регионов с горно- и нефте-газодобывающей промышленностью и соответствующими отраслевыми управлениями (своего рода бывшие советские «кланы» на основе неформальных сетей выпускников профильных вузов и по деловым связям с крупнейшими заводами-потребителями). В последнее время в «неофеодализацию» собственности и доходов вмешались молодые новые крупные собственники из столицы и из-за рубежа, а также их молодые менеджеры. Часть их прибрала к рукам и власть (а не наоборот!), как это произошло на Таймыре и на Чукотке. Этнические моменты здесь прослеживаются крайне слабо.

Что касается места автономных округов в реформируемой федерации, то здесь мы продолжаем придерживаться мысли, что, если внешне престижная (с территорию в несколько Франций!) территориальная форма самоопределения превращается в камуфляж на открывшемся рынке природных ресурсов и на рынке демократических процедур властвования, тогда *есть смысл обменять автономные округа на действительно самоуправляемые специально выделенные резервные территории заповедного характера с преимущественным проживанием представителей малочисленных народов и с включением территорий их хозяйственного жизнеобеспечения.*

По сути дела, тезис «феодализации общественных отношений» оказывается ограниченным 21 республикой, и критика многих авторов фактически направлена против этого сегмента российского федерализма. Мы уже писали по поводу неоднозначной оценки советского наследия этнотерриториальных автономий и поспешных

решений начала 1990-х годов о создании ряда новых республик с титульным этническим меньшинством и со статусом федерального образования – государства. Ошибкой, на наш взгляд, был и вывод автономных округов из состава краев и областей. Однако мы никогда не вставали на позицию демонтажа этнотерриториальных автономий.

К ОЦЕНКЕ «ЖЕСТКОЙ РЕАЛЬНОСТИ» РЕСПУБЛИК

Так есть ли в республиках явления если не феодализации, то хотя бы этнократического правления и предпочтительности представителей титульных этногрупп в вопросах доступа к ресурсам и получения прибыли и других дивидендов, например, от приватизации? Да, действительно, есть, причем зачастую в нетерпимых формах, требующих скорейшего устранения. Но, во-первых, чтобы не пугать всю страну, в том числе руководство и общественность всех республик, следует сказать, что мы имеем разные этнополитические и экономические ситуации, а также разные стили руководства в российских республиках. А отсюда возможен и неординарный подход к проблеме, в том числе в вопросах реформирования отношений с федеральной властью.

В ряде республик (Алтай, Бурятия, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Хакасия) в силу разных причин (исторических, демографических, социальных, этнокультурных и даже религиозных) представители титульной национальности никак не могут быть отнесены к разряду правящих, независимо они составляют явное меньшинство, как в Карелии, Коми и Удмуртии, или самую большую из этнических групп и даже большинство населения, как, например, в Бурятии, Мордовии или Хакасии. Руководство этих республик, а также состав правящих структур, в том числе и выборных, не носят моноэтнического характера и не построены по принципу этнической избирательности. В Бурятии вполне успешно справляется с обязанностями президента политик русского этнического происхождения, несмотря на попытки радикальных националистов «исправить несправедливость».

Кроме этого, в силу более высокой доли сельского населения среди титульных групп в ряде республик имеет место недостаточное представительство последних, как, например, в Удмуртии или в Республике Алтай. Поэтому не стоит слишком обобщать положение и зачислять в заповедники этнической и клановой «феодализации» субъекты федерации, где этого нет и в помине. О чем есть смысл говорить и где действительно федерализм обрел некоторые черты «этноклановых режимов», так это некоторые республики

Северного Кавказа, Башкирия и Татарстан. Согласен во многом с проведенным анализом политической логики и факторов, в том же номере журнала «Федерализм» (2000. № 1) в статье Василия Филиппова. Автор справедливо называет среди причин сложившейся ситуации не только роль местных этнонационализмов, созданные в стране конституционно-правовые возможности для узкоэтнических форм самоопределения, но и роль политики бывшего президента Б.Н. Ельцина, проводившего курс умиротворения этнической периферии через сиюминутные политические решения и личные отношения с республиканскими лидерами, закрывая глаза на тревожные тенденции.

Но опять же даже эта группа республик, причиняющая головную боль федеральному Центру и вызывающая озабоченность многих политиков страны, не говоря уже о бытовых настроениях многих граждан, не может рассматриваться как единый в политическом и социальном смыслах этноландшафт. Есть разные динамики ситуации, есть разные политические стили и есть разные проблемы, которые не укладываются в формулы «тотально коррумпированной этнократии». Естественно, по-разному выглядит и сфера распределения собственности и доходов. Опять же не везде иноэтничные «гении» – это изгои, а «свои» дураки в почете и при деньгах.

В Чувашии русско-чувашский этнокультурный симбиоз настолько велик, а высшее руководство явно компетентно и достаточно демократично, что было бы неверно проводить анализ ситуации по этноразделительным линиям. Сначала лучше разобраться, кто «чуваши», а кто «русский» в Чувашии, а еще лучше не устраивать подобных разбирательств ради сохранения общегражданского мира и общечувашской гражданской лояльности населения республики, не говоря уж об абсурдности искать сепаратистские элементы в чувашском политическом спектре. Если бы ситуация была схожей в других республиках, никаких особых проблем с укреплением государственности и реформированием федеративного устройства вообще могло бы и не быть. Данных по положению с распределением собственности по этнической предпочтительности или по «клановому» принципу по этой республике у нас также нет.

Если взять Калмыкию, Туву и Якутию, то нужно учесть, что титульные группы забрали здесь власть, ибо их представители уже до этого безоговорочно доминировали в культурно-образовательной и информационной сферах, откуда и рекрутировалась новая политическая элита. Мощной хозяйственно-промышленной элиты в первых двух республиках не было, и ее нет и сейчас. Почему в Якутии добыватели алмазов и золота не побеспокоились о властном представительстве, это – другой вопрос. Но сказать, что не

только власть, но вслед за ней и собственность попали в руки якутов, было бы неверно. Там ниши власти и ниши бизнеса по этническому составу их обитателей не совпадают, если не считать личное состояние самого президента и еще немногих якутов-управленцев. Русские, украинцы, евреи, армяне, ингуши не менее успешно занимаются бизнесом в этой республике и контролируют порой целые хозяйственные сектора (например, армяне – строительство).

В Туве и Калмыкии наживать богатства пока еще не научились, а состояние президента Илюмжинова было изначально сделано в Москве. Кстати, политический стиль последнего заслуживает большего внимания за свою экстравагантную и вполне искреннюю космополитичность. Откровенный националист там может «высочить» наверх только в какой-то особой ситуации, если Илюмжинова возненавидит не только партия «Яблоко», но и кремлевская администрация вместе с местным населением, уставшим от ожиданий появления чуда «республики-корпорации». В Калмыкии и Туве есть нужда во многом по части эффективного управления, но меньше всего бы ее связывал с дилеммой: или суверенная республика, или административная территория в рамках Федерации.

Что касается Якутии, то при посещении республики в 1995 г. у меня появилось желание увидеть хотя бы одну из республик, где население так явно нуждается, при наличии несметных природных богатств, и потенциально может осуществить прорыв в деле улучшения социального обустройства своего небольшого населения. Но пока, к сожалению, этого не произошло. Ведь живут же намного лучше жители нефтегазовых провинций Альберта и Саскачеван по сравнению с жителями трех Приморских провинций Канады? Подобного в России нет, и новая реформа российского федерализма этого явно не предусматривает. При уже остывшем якутском национализме эта огромная часть территории страны нуждается во всем, но только не в укрупнении и дополнительном подчинении по вертикали.

Совершенно особая ситуация сложилась в Татарстане. Эта республика была и остается лидером этнонациональной формулы государственности, а ее правящая элита является наиболее просвещенной и наиболее компетентной, в том числе и по вопросам современного федерализма. В начале 1990-х годов республика была инициатором достаточно опасного общегосударственного кризиса в рамках образовавшейся Российской Федерации после распада СССР. Татарский национализм в его жесткой политической форме вынудил федеральные власти пойти по пути договоров, параллельно и наряду с выработкой новых конституционных начал федерации. Мне представляется, что степень балансирования на грани

открытого конфликта была в тот период неоправданно высокой, и, кстати, от подобной кризисной ситуации нет серьезной гарантии и на будущее, по крайней мере пока не будет изменена формула «ассоциированного с Российской Федерацией» статуса, закрепленного в Конституции Республики Татарстан.

Все эти годы ситуацию спасали преобладающий настрой на переговоры федеральных и республиканских властей, ответственное правление президента Шаймиева, позитивная эволюция татарстанской элиты в сторону от радикального национализма, снижение роли радикально настроенных татарских активистов и некоторые другие факторы. Но именно в Татарстане этнический принцип организации федеративного устройства проявил свои сложности и ограничители, вызывая негативное отношение и энтузиазм тех, кто хотел бы радикально переделать российский федерализм. Речь идет прежде всего о том, что в двухобщинном (татарско-русском) сообществе одна из общин – местные русские – фактически утрачивают позиции во власти, в культурно-информационном пространстве и в частнопредпринимательском бизнесе. Русское присутствие в республике остается сильным, но не в меньшей мере за счет русскоязычных татар и центрального информационного воздействия. За русскими татарстанцами сохраняются сильные позиции в сфере крупного хозяйствования федерального подчинения (оборонная промышленность, автомобилестроение и другие), а также в некоторых других сферах – естественные науки, вузовские структуры, средний управленческий персонал.

В Татарстане есть явные диспропорции, сложившиеся в условиях постсоветского федерализма. Но главное – провести различие, где имеет место справедливое исправление бывших советских диспропорций не в пользу татар (не следует забывать факт единственной татарской школы в Казани еще в начале 1980-х годов), а где «исправление несправедливостей» привело к новым несправедливостям в утопическом увлечении примирить прошлое. Но опять же мы считаем, что именно Татарстан обладает самыми большими возможностями скорректировать этнический федерализм и не допустить его дискредитации, а тем более попытки упразднения как некой аномалии советского наследия.

Особого анализа заслуживает ситуация в Башкирии, которая не похожа на другие российские республики. Республику чаще всего приводят в качестве примера этнократического правления, ибо этническое башкирское меньшинство контролирует власть, потеснив две другие более многочисленные группы населения – русских и татар. Кроме этого, местная конституция и некоторые законы содержат дискриминационные меры по принципу этнической

принадлежности. Нельзя обойти молчанием и существующий жесткий режим политико-идеологического контроля со стороны республиканских органов власти, прежде всего в отношении средств массовой информации, кадровых назначений и избирательных процедур.

Но опять же, причем здесь дебаты «быть или не быть» Республике Башкортостан? Эта автономия существует многие десятилетия, и сам факт ее существования сыграл огромную роль в сохранении культуры и групповой целостности башкир как этнической общности (аналогичную роль сыграли территориальные автономии и в жизни других нерусских народов страны).

При всей неприемлемости крайних форм башкирского национализма следует отдать должное нынешнему руководству республики, что оно не менее, а может быть, более успешно, чем во многих других субъектах федерации, справляется с основной функцией государственной власти – обеспечение гражданского порядка и неплохих социальных условий существования населения. Не отказывается руководство и от переговорных процедур с федеральным центром. Т.е. «проблема федерализма» применительно к Башкирии означает улучшение существующего правления, а не радикальные трансформации статуса и конституционных основ. Опять же, федерализм – это процесс, столкновение позиций и аргументов, поиск компромиссов и меньше всего – правовое, а тем более силовое принуждение. Придет время, и русско-татарские избиратели проголосуют башкирское меньшинство и выберут не менее достойного президента необязательно из числа этнических башкир, чем покажут полезный пример и для других республик.

ЭТНИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Изучая в последние годы многоэтничные сообщества, трудно сказать, чтобы наши настроения и выводы пронизывал однозначный оптимизм. Прежде всего потому, что уже слишком много крови и разрушений принесли конфликтующая этничность или этнически окрашенные конфликты. В России такими зонами открытых конфликтов стали сначала Северная Осетия, затем Чечня, высокая степень напряженности имела место в Дагестане и Карачаево-Черкессии. В то же самое время культурно отличающиеся люди живут вместе, сотрудничают, ведут богатый и взаимообогащающий диалог и строят жизнеспособные государственные образования.

Именно это последнее является ключевым моментом глобальной эволюции, потому что государства были и останутся самыми мощными формами человеческих коллективов. А поэтому все, что идет на пользу сильных (в смысле жизнеспособных и эффектив-

ных) государств, внушает и сильные надежды на будущее. «Сильные государства – сильные надежды» – именно так назывался доклад по итогам одного из семинаров знаменитого Аспеновского института (США), хотя именно американцы чаще всего выступают инициаторами дебатов по поводу квазигосударств, распадающихся государств, а также по поводу надгосударственности или мирового правления.

Действительно, с государствами дела обстоят далеко не всегда идеально. Государства склонны к соперничеству друг с другом: напрямую или через коалиции, или через третьих акторов (другие государства, медийные империи, экспертные сообщества, промышленно-финансовые круги, международные организации). Эти третьи акторы часто выступают не как пассивные исполнители, но имеют и собственные позиции, интересы и соперничества. Можно привести пример этнографических наблюдений над западными коллегами, которые участвуют в семинарах и встречах, организуемых в Казани Рафаэлем Хакимовым. Я не помню случая, чтобы хотя бы по одному из вопросов кто-то из западных коллег занял комплиментарную позицию в отношении Москвы и критическую в отношении Казани. После семинара 1999 г. в Казани наша дискуссия с французской Мари Мендрас и американкой Гейл Лапидус продолжалась даже в поезде на Москву, когда две мои уважаемые коллеги однозначно защищали введение 10-летнего ценза оседлости для получения татарстанского гражданства, не говоря уже о самом факте отдельного гражданства для этнотерриториальной автономии.

Будучи уверен, что далеко не все татарстанские эксперты и политики являются корифеями в вопросах этничности и государственности и далеко не все московские взгляды, позиции и решения несостоятельны или ошибочны, могу сделать только один вывод: инерция больших противоборств и хантингтоновский зуд по поводу того, что в истории обязательно за одной большой схваткой должна следовать другая, прекрасно выжила даже в таких катаклизмах, как крушение берлинской стены и распад СССР. На роль передовых воинов новых противоборств мобилизуются разные силы, в том числе и «гордые дикари», которых сделали из чеченцев, или сторонники любых радикальных политических проектов, которые подвергают сомнению статус-кво и даже систему в целом.

СУТЬ ПРОБЛЕМЫ

Проблема – как управлять этнически сложным обществом, в том числе и прежде всего как его конституционно построить, является одной из наиболее сложных в мировом общественном знании. Политичес-

кий, в том числе и конституционный, дизайн является ключевым вопросом, ибо, как заметил один из ведущих экспертов по федерализму, «конституции не образуют и не разрушают федерации»: они есть отражение существующих институциональных и социально-культурных проблем данного политического сообщества.

Что есть федерализм как институциональная организация? Федерализм можно трактовать как особую структурную форму государства, которая отражается в более или менее четкой правовой концепции, суть которой проста – федеральное правление (правительство) как доминирующий институт образует территориальный федерализм. Но федерализм можно трактовать и как форму политической организации, которая объединяет отдельные политии (государственные образования) в рамках более широкой системы. Как бы ни различались две концепции, они обе содержат отсылку на наличие конституционно установленного баланса властей между самостоятельным и разделенным правлением, заложенным в самой федеральной системе. Именно этот баланс властей делает федерализм институциональной опорой вертикального разделения власти с целью обеспечения совместного контроля между разными уровнями правления и политической системой в целом.

Поскольку *федерализм – средство против большинства*, то в терминах федеральной политики это требует организации договоренностей и партнерства как социально политическую подпорку нецентрализованного (не путать децентрализованного!) государства. Что такое этнический федерализм? Это далеко не вся федеральная система, действующая в многоэтнических обществах, а только те институты и договоренности, которые замещают чисто территориально обусловленные элементы федерализма с целью управлять многоэтническим разнообразием данной территории или государства в целом.

То, что соединяет вместе федерализм и многоэтничность, – это не просто факт, что федерализм с момента его появления часто был связан с межэтническими и межобщинными напряжениями и выступал в качестве регулятора конфликта. Как федерализм, так и многокультурность (или многоэтничность) по своей исходной сути ставят под вопрос универсальную претензию современного государства, построенного на идее и принципе единства и унификации, которые являются постоянными вызовами либертарианскому пониманию демократии, мажоритарной по самой своей изначальной сути. *Если либерализм унитарен, то федерализм – это амальгама доктрин, убеждений и программных подходов, отражающих парадоксы, неопределенности и напряженности современной политики.*

Современное государство возникло как универсалия над партикулярностью, ибо государство есть территориально очерченная полития. Универсальность и партикулярность примиряются через принцип гражданства. Но вместе с тем это примирение может действовать только при исходном условии, что существует определенная гомогенность граждан, которые разделяют основополагающий демократический консенсус. Основа личностной идентификации с гражданско-политической (национальной) общностью почти всегда по-разному интерпретировалась (этническая против политической концепции нации), но эта национальная идентичность всегда оставалась принципом гомогенизации. Отсюда изначальное противоречие современного государства с плюралистическим обществом, которое представляет собой конгломерат идентичностей.

Мой вопрос заключается в следующем. Может ли этнический федерализм выступать инструментом обеспечения баланса между единством и разнообразием? Может ли федерализм как инструмент согласования и разрешения конфликтов работать на обеспечение условий и институтов, которые демократическим образом сохраняют групповую отличительность, но также формируют лояльность общему государству?

ФЕДЕРАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Оба принципа носят конституционный характер (или природу) и оба представляют собой принципы властного контроля, но имеют различные ценностные ориентации, т.е. разнообразие и равенство. Демократия изначально привержена равному представительству всех индивидов, что процедурно является, по словам канадского исследователя федерализма Чарлза Тэйлора, «враждебным в отношении различий». Либерализм не воспринимает политику групповых различий на уровне государствоустройства и поэтому структурно не способен удовлетворить запросы мультикультурализма, основанные на ценностях разнообразия и коллективного права. Либерально-демократические ценности защищают разнообразие только как основанное на универсалистских, а не на партикуляристских началах.

Современная интерпретация подвергает сомнению старую формулу «свобода, равенство и братство» и предлагает альтернативную «безопасность, разнообразие, солидарность». Эта формула не совсем нова, и если посмотреть на европейский, а не на американский федерализм, то можно обнаружить в нем изначальное внимание к ценностям общины и коммуналистской политики. Кантональная идентичность и демократическая интеграция лежат в основе

швейцарского федерализма, и именно это помогает сохранять языковое и религиозное разнообразие и децентрализованную, кантональную и общинную лояльность. Унификационная составляющая крайне слаба в этой системе федерализма. Здесь федерализм – не коррекция и дополнение к основополагающей структуре национального правления, а структурный принцип демократии, построенной на согласии. Здесь демократия включена в качестве элемента в федеральную структуру, а не, наоборот, для защиты интересов структурированных меньшинств внутри многокультурного общества. Это не *демократическая федерация* мэдисоновского типа, а *федерализованная демократия*. Здесь федерализм и демократия изначально связаны друг с другом.

Сегодня существует как бы три стратегии или формулы: демократически гражданская – без или против этничности (американская и французская модели); демократически гражданская – с одной (единственной) этничностью (немецкая модель); гражданская – через демократически интегрированные этничности (швейцарская модель).

Как соединить этнический и политический плюрализм в федерализме? Существуют четыре типа ситуаций, при которых федерализм оказывается перед вызовом этнического фактора: федерации в хроническом кризисе (Канада, Бельгия, Индия, Нигерия); распавшиеся бывшие коммунистические федерации; многоэтнические общества с элементами федеральных начал (регионализм, еврообщество); Швейцария – пока еще беспроблемное общество.

Это условное деление, но оно необходимо, чтобы посмотреть, как все это соотносится с проблемой межэтнической напряженности и конфликтами. Главное противоречие – это разные основы идентификации для двух систем: территориальная для государства и культурная для этнических общностей. Они никогда не совпадают, и поэтому их трудно примирить через стратегию обычных индивидуальных человеческих прав. А это означает, что *более жизнеспособная модель – это когда базовые гражданские права на индивидуальной основе достигаются коллективными правами. И один из апробированных вариантов осуществления этой модели – этнический федерализм.* Вариант, возможно, не самый идеальный, но реальный, особенно в условиях, обозначенных историей и конкретной политической ситуацией. Российская Федерация попадает именно в этот случай.

ТЕОРИЯ ЭТНОСА И КУЛЬТУРНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ

Несмотря на технологическую глобализацию, нивелировку быта и массовую культуру, а также на дискриминацию и репрессии в отношении прежде всего малых групп, человечество сохраняет свое этнокультурное своеобразие. В мире насчитывается около 2–3 тыс. этнических общностей численностью от более ста миллионов (ханьцы, русские, бразильцы, немцы, японцы) до нескольких сот человек (кеты, нганасаны, энцы в России). Это единство и многообразие человечества сохранится и в будущем. Оно необходимо человеческому роду для развития, ибо его однообразие – это социальная энтропия или смерть человечества. В силу своей истории и географии *Россия была и останется одним из самых многоэтнических государств мира, а российская «многонародная нация» (по словам русского философа И.А. Ильина) была и будет существовать, если достойно встретит вызовы нового века и если сама себя не разрушит по причине плохого самопонимания и управления.*

В последнее десятилетие этнический фактор привлек огромное внимание в связи с массовыми миграциями, ростом этнонационализма, кровавыми конфликтами и распадом государств под лозунгами «национального самоопределения». Однако содержание и объяснения феномена этничности гораздо сложнее, чем это представляют сторонники паранаучных взглядов, включая все еще громкогласных глашатаев «марксистско-ленинской теории национального вопроса». В России особенно много пишется и говорится о так называемых национальных проблемах и национальной политике. Но чаще всего – это поверхностные рассуждения, бытовые мифы и политические спекуляции. *Отсталость взглядов и саморазрушительный смысл слов, доктрин и политических формул столь велики, что именно они, а не сама по себе этническая мозаика страны могут стать ее главной угрозой.*

Этнокультурная мозаика России и всего мира устроены действительно сложно, но эта сложность заключается в ее подвижности и субъективности. В любом случае мир не состоит из этносов, которые как «биосоциальные организмы» проходят стадии существования и имеют присущие их членам некие особые характеристики, такие как «пассионарность», «комплиментарность» и прочие. Больше всего на эту тему нафантазировал Л.Н. Гумилев – талантливый

вый историк-популяризатор, но плохой теоретик и слабый этнолог. К сожалению, примерно также думает и большинство российских обществоведов и политиков, начитавшихся или насочинявших массу устаревших текстов (даже если они были напечатаны недавно). *Пришла пора развеять многие из мифов, порожденных одержимостью установления групповых этнических различий и порождающих своего рода культурный фундаментализм, отвергающий гораздо более значимые схожести на личностном и групповом уровнях.*

ЭТНИЧНОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Общества и государства различаются между собой не тем, как много представителей разных рас, культур и религий в них проживают, а тем, какое значение придается этим культурным различиям и как этот фактор отражается в устройстве и в политике государства. Современная наука рассматривает этничность как чувство принадлежности к группе людей, которые отличаются от других по культуре. Не так важно, какой набор отличительных черт лежит в основе этого чувства, но обычно – это самоназвание группы, язык, исторический миф, религия, некоторые черты материальной и духовной культуры. Этническая (на советском жаргоне «национальная») принадлежность носит подвижный и чаще всего множественный и многоуровневый характер, если это позволяют государство и господствующая в нем доктрина. Человек может на протяжении своей жизни менять свою этническую идентичность или делить ее между несколькими культурами, особенно если он вырос в смешанной семье или среде.

Если бы не советская теория этноса, которая приписывает людям членство в коллективных телах под названием «этносы» (члены «этноса» – это «этнофоры»), и если бы не длительная советская практика записывать в паспорт одну национальность и обязательно по одному из родителей, то люди могли бы знать и публично объявлять (внутренне очень многие именно так и чувствуют), что можно быть одновременно русским и казаком, русским и евреем или иметь своего рода «вертикальный» набор «национальных» принадлежностей (андиец и аварец, дигорец и осетин, эрзя и мордва, кряшен и татарин, помор и русский, казак и русский и т.д.). Или вообще, человек может связывать себя не с какой-то определенной этнической идентичностью, а с общекультурным пространством страны и с ее *демосом*, а не этносом, т.е. чувствовать себя членом гражданской нации и не более. Очень многие испанцы не носятся со своей кастильской или другой этнорегиональной этничностью (кроме каталонцев и басков) и считают себя просто испанцами. Около 2 млн

граждан считало себя просто «югославами», пока местный национализм и кровавые войны не вынудили их сделать выбор в пользу той или иной этнической группы, некоторые из них были просто «сконструированы» на ходу, чтобы оправдать аргументы силы.

В России живет огромное число граждан, которые предпочли бы называть себя просто россиянами. Часто можно слышать: «Во мне столько всего намешано, что и трудно сказать, кто я». Но такая вольность в стране непозволительна: паспортистки, милиционеры, социологи и т.п. требуют объявить свою национальность. А писатели вообще заклеили плохим словом «манкурт» тех, кто позволил себе выйти из нормы «родной культуры», хотя сами по этой норме, конечно, не живут. Скорее, «манкурт» и есть современная норма культурной сложности или многокультурности.

Большинство американцев, несмотря на их сложное этническое и расовое происхождение и новых иммигрантов, все-таки считают себя американцами и только американцами, составляя один многоэтнический, многорасовый и многоконфессиональный народ – нацию, но не новый «этнос», как считал родоначальник теории этноса С.М. Широкогоров. Новый интерес и озабоченность этничностью в США – это больше средство противодействия неравенству, отставания дополнительных прав и выстраивания солидарных коалиций в обществе жесткой конкуренции. А отчасти это уже «роскошь» культурных увлечений, которую могут позволить себе в состоятельном обществе утвердившиеся бывшие иммигранты.

Взрыв этничности в России – это тоже своего рода форма заполнения идеологического вакуума доступными и понятными формулами и призывами, когда после краха основ организации общественной жизни обращение к этнической принадлежности стало наиболее доступным и понятным средством новой солидарности и достижения коллективных целей в условиях глубоких трансформаций, включая приватизацию принадлежавших государству ресурсов.

РАСИЗМ БЕЗ РАСЫ, ЭТНИЧНОСТЬ БЕЗ ЭТНОСА

Существование разных этнических общностей и осознание людьми своей и чужой «национальности» часто основано не только на чисто культурных, но и на внешних (фенотипических) различиях. Длительная человеческая эволюция, особенно среда обитания (прежде всего климат), обусловили разный облик людей. Эти внешние черты устойчивы и передаются по наследству биологическим путем. Для повседневной жизни людей и для жизни целых стран физический облик населения, т.е. расовые отличия, могут иметь существенное значение. В США, например, афроамериканцы считаются отдельной этнической общностью наряду с испа-

ноамериканцами, индейцами, евреями, русскими и другими. Так называемые «визуальные меньшинства» во многих странах имеют самые большие трудности с интеграцией в доминирующую среду. Но это – скорее, наследие прошлого тысячелетия, точнее последних трех–четырёх веков, когда «открывшие мир» европейцы, создавая мир колоний, сконструировали и представления о высших и низших расах. Похоже, мир движется в ином направлении, в том числе и под воздействием невиданных масштабов прямых человеческих и культурных взаимодействий.

Современная американская и во многом мировая наука вообще отвергла деление народов по расовым типам, считая последние, скорее, академической классификацией, а не биологической субстанцией, а также результатом социальной политики и идеологии расизма. Другими словами *расизм породил расу, а не наоборот*. В этом есть свой смысл, ибо наука действительно доказала, что генетические различия между человеком высокого и низкого роста во много раз больше, чем между людьми разной кожи и типа лица. Как полагают некоторые энтузиасты нового взгляда на расу, расовые различия в человеке не глубже, чем толщина его кожи. Кроме того, расовые, или антропологические типы людей существуют только как один из условных инструментов в работе ученых, но в реальности таких типов, а тем более в их «чистом» виде, не существует.

Деление людей по цвету кожи – это условность и особенность социальной жизни, которая присуща только определенным обществам. В США достаточно иметь одну каплю афроамериканской крови, и человек однозначно считается «черным». В Бразилии достаточно иметь одну каплю «белой» крови, и человек считается «белым». «Отбеливание» (есть даже такой термин) в Бразилии и во многих других странах идет гораздо легче, чем в США. В США до сих пор количество «черно-белых» браков и семей не составляет и 1% от общего числа. И это несмотря на огромные усилия по десегрегации и искоренению расизма. Все попытки тех же американских ученых убрать из вопросника национальной переписи населения вопрос о расовой принадлежности не привели к успеху. Слишком много денег, политики и эмоций крутится вокруг «расового вопроса». Но если нет рас, а есть миф о расе, тогда откуда расизм? *Все дело в том, что расизм как идеология и практика расового неравенства и превосходства может существовать и без рас как жестких реальных категорий.*

ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ КАК ФОРМА РАСИЗМА В РОССИИ

В России нет массового черно-белого расизма, как, например, в США, прежде всего по причине состава населения (первое зримое появление в стране представителей негроидной расы приходится на

1957 г. – год первого Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве). Если пользоваться традиционной классификацией, то в нашей стране проживают представители двух «больших рас» – монголоидной (буряты, якуты, калмыки, тувинцы, хакасы, алтайцы, корейцы и некоторые малочисленные народы Севера и Сибири) и европеоидной (остальная часть населения).

Фенотипические (визуальные) границы между представителями этих двух светложких рас провести очень сложно, ибо за долгую историю контактов сложились промежуточные расовые типы, и многие люди – потомки смешанных браков. По лицам федерального министра С. Шойгу, президента Якутии М. Николаева, кемеровского губернатора А. Тулеева определить их расовый тип невозможно, как и у огромного числа других россиян. А это означает, что принадлежность к этнической группе (национальность) не должна связываться с расовыми характеристиками. Тем не менее появились уже учебные пособия типа «Народы мира», где имеется глава «Какого цвета бывают народы?» и где юных россиян учат расовому мышлению. Моя коллега по институту Галина Аксянова издала справочник о 100 народах Российской Федерации, в котором содержатся сведения «о преимущественном расовом типе» всех групп. *Именно привитое расовое мышление порождает расизм и ксенофобию, а не какие-то генетические и другие черты заставляют относиться по-разному к людям с неодинаковым цветом кожи, овалом лица или формой глаз.*

Поскольку в России увеличивается и будет расти число людей с темной кожей (в основном выходцев из Африки), то «классический» черно-белый расизм – это только одна из будущих проблем страны. Хотя уже сейчас имеется большая группа детей и молодых людей – потомков смешанных браков российских женщин с темнокожими африканцами, и об их сложных проблемах даже написана отдельная книга-исследование. В чем-то нашей стране следует учесть уроки других стран, как не допускать распространения расизма. Мне помнится разговор с одним американцем, который в начале 1970-х годов жаловался, что «Америка катится в пропасть», поскольку «уже и на улицах Нью-Йорка появились черные полицейские». Спустя четверть века США имеют эту категорию граждан среди кандидатов в президенты, командующих армией, государственных секретарей, ректоров университетов. Т.е. эта страна нашла ответы и в целом справилась с меняющимся этнорасовым обликом своего населения, хотя сделать это было не так просто.

В России место расового мышления и расизма заняли этничность и основанные на этнических различиях негативные стереотипы и ксенофобия. Формой отечественного расизма можно считать

понятие «черные» или «кавказцы», распространяемое на выходцев из Средней Азии и с Кавказа. Ничего общего с расовыми отличиями у этого деления людей нет, зато оно означает дискриминацию и даже насилие по отношению к российским «черным». И все же главная проблема – это этнонационализм в его крайних формах, который в России особенно расцвел за последние годы. Каковы его причины и в чем его суть?

ОТ БЫТОВЫХ СТРАХОВ К ТОЛЕРАНТНОСТИ

Условно этнонационализм в России можно разделить на две категории: русский и нерусский. Этнонационализм от имени русских обусловлен реакцией людей с не очень высоким уровнем жизни и гражданской культуры на быстрые перемены, происходящие в стране, в том числе и этнического состава населения, когда появилось много новожителей с разными традициями и нормами поведения. Влияют также и воспаленная журналистская риторика, выводы ученых и политиков о том, что идет «вымирание русских» в России и через несколько десятилетий страна потеряет свой исторический облик. Имеет место и реакция на агрессивные формы нерусского национализма и насильственные конфликты, в результате которых несколько миллионов этнических русских вынуждены были покинуть места своего постоянного проживания. Некоторые просто бежали, потеряв все, как это было в Таджикистане, Азербайджане, Чечне. Выдавливание или просто отъезд русских происходит из российских республик, особенно республик Северного Кавказа.

Но это только половина объяснения. Этнический национализм в гегемонистской, шовинистической форме русские или просто так называемые постоянные (коренные, титульные) жители демонстрируют необязательно как защитную реакцию. Русский национализм, а точнее, национализм от имени русских, активно эксплуатируется политиками разных направлений и уровней. Чаще всего он является средством завоевать симпатии замороченных людей, обеспечить голоса, уничтожить конкурента на престижное место или в бизнесе, что прикрывается риторикой «национального возрождения», «национальной гордости», «внешнего нашествия», «ползучей экспансии», «нахлебничества» и т.п.

На самом деле, во всем этом реальны только сами страхи и политические манипуляции на проблемах, в которых гражданам часто нет времени разбираться. Если высоки цены на фрукты и овощи на контролируемом азербайджанцами рынке, если эти азербайджанцы ездят на хороших машинах и купили квартиры в городе, если в городе стало больше преступлений и наркотиков, значит, они –

азербайджанцы – и есть причина наших проблем. Если их изгнать – тогда арбузы будут сами продавать себя у каждой станции метро и в любое время, машину и квартиру получит наша семья, а в город вернется спокойствие и останутся в нем только привычные лица.

Ничего этого не произойдет, а скорее, в городе вместо фруктово-овощного изобилия на рынке и в магазинах останутся пучки подмосковной зелени, которую по мере созревания будут продавать старушки. Но тогда почему такое отторжение тех, кто явно приносят полезные услуги? Дело в том, что *обычные люди тревожно реагируют не на сам факт совместного проживания людей разных национальностей, а на резкое изменение привычной пропорции состава населения.* Наука не доказала, что есть некий этнический код, содержащий какие-то стойкие установки, в том числе и негативное отношение к «другим». Человека нужно научить реагировать на другой язык и культуру. А научить можно по-разному: «другое» – значит интересно и важно для жизни или «другое» – чуждое и враждебное, что мешает жить. Последнему научить легче, ибо не нужно прилагать особых усилий, чтобы учить другой язык и культуру, а только указать – это враг и причина твоих бед.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ МИФЫ

В России действительно существуют серьезные проблемы демографического роста, межэтнических отношений и мигрантов. Но чрезмерные страхи во многом необоснованны и контрпродуктивны. Население страны существенно изменилось со времени переписи 2002 г. и будет меняться в ближайшие 20 лет. Общее число народов (или этнических групп), по переписи 2002 г., должно вырасти примерно на 50 по сравнению с 1989 г. Но это не от того, что кто-то скрывал эти группы в прошлом. Хотя принудительная перезапись малых групп в другие, более крупные, имела место, как, например, аваризация почти десятка более мелких андо-цезских народов. Но главное – это то, что принадлежать к малой культуре стало интереснее, важнее и выгоднее. Нашлись этнические активисты, которые сумели убедить, что живущая в их районе часть жителей – это, скажем, не телеуты или татары (так они записывались в прошлых переписях), а малочисленный народ *калмаки*; не аварцы, а *ахвахцы, арчинцы, андийцы*; не татары, а *булгары, мишари, кряшены*.

Один сильно озабоченный представитель Болгарии уже внес проект резолюции в Парламентскую ассамблею Европы по поводу защиты «многомиллионного меньшинства болгар» в России. Будет резолюция, будут деньги – будут и болгары. Значит, будет и еще одно «доказательство», что Россия остается «тюрьмой

народов», которых угнетают русские. Тем более что в западных языках до сих пор нет различия между двумя разными словами: *русский* и *россиянин*. Военные в Чечне – *русские*, Е.М. Примаков – *русский* премьер, генерал Рохлин в Грозном – *русский* генерал. Пришла пора внешнему миру по инициативе МИДа России исправить латинскую букву *U* на *O* для более точного названия страны Russia, чтобы развести понятия *русский* и *российский*. Одна эта буква может совершить революцию во внешнем восприятии нашей страны.

По сравнению с царской Россией и СССР, где русские никогда не превосходили 51%, теперь, после раздела 15-ти бывших союзных республик, они составляют в РФ около 82%, т.е. подавляющее большинство. Но их доля будет уменьшаться, как и доля некоторых других этнических групп (чувашей, мордвы, удмуртов, татар), ибо естественный прирост среди представителей этих народов ниже, чем среди представителей народов Северного Кавказа и некоторых народов Сибири (тувинцев, якутов, бурят).

Если механически считать, беря за основу проекции только последние годы, то можно получить пугающие данные (что и делают некоторые ученые и политики). Ряд авторов, пишущих о «трагедии великого народа» (В.И. Козлов, Г.И. Литвинова, Е.С. Троицкий, Б.С. Хорев и другие), рисуют недобросовестные «страшилки» по поводу того, что через несколько десятилетий число русских уменьшится на одну треть, а через сто лет русских в России будет всего 20% населения.

Но дело в том, что, несмотря на популярность этих расчетов, цена их мизерная. Они никогда не сбудутся по ряду причин. Прежде всего этнический состав населения и численность этнических групп меняются не только в зависимости от естественного движения, но и миграции. Миграция здесь играет важную роль, и следует ожидать, что среди иммигрантов в России в ближайшие десятилетия по-прежнему будут преобладать русские, особенно если в стране будут иметь место экономический рост и улучшение жизни населения.

Но главное не в этом: этнические группы пополняются или уменьшаются за счет смены идентичности в ту или иную сторону, особенно в среде смешанных семей. И здесь *русскость* остается самой престижной этнокультурной идентичностью в России, и в число русских перейдут многие потомки смешанных браков, в том числе и «русско-кавказских». Дети моего оппонента Р.Г. Абдулатипова будут русскими, даже если он настаит на том, что они аварцы. Язык русской матери и московская среда сделают свое дело. Помешать могут только звучание имени, отчества и фамилия, а также внешность. Но от этих стереотипов российское общество будет

и должно уходить. В дореволюционной России русскими также считались многие, кто принял православие, хотя их имена и фамилии могли звучать как немецкие, украинские, татарские или еврейские. В США, Франции или Англии несколько десятилетий назад большинство населения тоже не желало выговаривать китайские или арабские фамилии, а сейчас хорошо этому научилось, и даже работодатель не делает настороженное лицо при найме людей с «трудными фамилиями».

Если понятие «русский» никак не связано с расой, то тем более оно никак не связано со звучанием фамилии, даже если бытовое сознание считает по-другому, а среди некоторых ученых существует список «русских фамилий». К этому более широкому пониманию русского человека нам следует начинать привыкать ради спокойного будущего. Не говоря уж о понятии *россиянин*, которое не имеет этнического смысла, но зато носит достойный и самый важный для жизни человека гражданский характер. Это и будет *принцип национальности*, как мы его уже признаем в отношении граждан других стран мира.

Кстати, все демографические прогнозы могут быть посрамлены именно по причине *этнического дрейфа*, т.е. свободного выбора и перехода из одной этнической группы в другую. Так, предстоящая в 2002 г. перепись наверняка посрамит всех глашатаев вымирания малочисленных народов Севера и Сибири. Их число на самом деле вырастет в связи с принятием в 1999 г. нового закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Многие «половинки» перепишутся из якутов в эвенков, из русских в камчадалов и чукчей, из хакасов в тофаларов и т.п. Не исключая, что некоторые россияне смешанного происхождения могут перейти также из русских в евреев, немцев, татар, башкир по политическим, идеологическим или эмиграционным мотивам. Но все равно русские получают больше, чем потеряют. Поэтому в XXI в. число русских не перейдет границу ниже 100 млн, но само понятие *русскости* несколько изменится. Общество научится воспринимать Амана Тулеева русским (каковым он и является на самом деле), хотя сам он пока в это не верит.

СУДЬБА И РОЛЬ МИГРАНТОВ В РОССИИ

На протяжении долгого исторического времени Россия была страной-донором в мировых миграциях. В XXI в. ситуация будет обратной, и к ней нужно готовиться и правильно воспринимать новую перспективу. Миграция в Россию в конце XX в. уже сыграла большую позитивную роль, ибо наполовину компенсировала со-

кращение постоянного населения. А если мы избавимся от официальной ксенофобии и научимся считать незарегистрированных иммигрантов, которые тоже составляют совокупное население страны, тогда можно считать, что большой убыли населения в России 1990-х годов фактически не произошло. В РФ не менее 1,5 млн «незаконных иммигрантов» и еще, возможно, столько же, кто, переехав жить к родственникам или близким, до сих пор не получил официальной регистрации. Все эти миллионы людей – жителей России – в текущей статистике численности населения отсутствуют.

Учитывая тенденции рождаемости и смертности, в ближайшие годы именно иммиграция будет основным источником пополнения населения страны, и к ней должно быть соответствующее отношение. Пока сельские власти и жители не научатся заманивать к себе новожителей, в российских деревнях сохранятся убогость и беспросветная жизнь.

Сегодняшний прогноз Госкомстата России гласит, что к 2016 г. население страны сократится еще на 10,4 млн человек по сравнению с началом 2001 г. и составит 134,4 млн человек. Автор в этот прогноз не верит. Он не учитывает минимум два обстоятельства. Прежде всего у ныне не посчитанных нескольких миллионов мигрантов (а это в большинстве молодое мужское население) родятся собственные дети, которые уж точно станут гражданами России. И потом, даже незначительные усилия по борьбе с высокой смертностью, особенно от отравлений алкоголем и несчастных случаев, а также поддержка рождаемости (особенно второго ребенка) сразу же дадут ощутимые результаты. Хотя на чудо быстрого роста надеяться нет оснований.

Заблуждаются те, кто считает, что «демографическая катастрофа» – это результат «шоковой терапии» и обнищания. Скорее, наоборот, более высокая рождаемость наблюдается сегодня среди бедного сельского населения Дагестана, других республик Северного Кавказа, Тувы и Алтая и самая низкая – среди жителей самых благополучных городов. Именно улучшение условий жизни в последние годы и стремление к социальному благополучию сдерживают рождаемость. Поэтому один из последних мифов «ельцинского геноцида» должен быть развеян. *Бесконечные слова о «вымирании» и «обнищании» могут действительно привести не только к политическому, но и к реальному бесплодию.*

ЭТНИЧНОСТЬ, ПРАВО И ЗАКОН*

Каковы перспективы правового регулирования этнических проблем в Российской Федерации и в других государствах бывшего СССР? Каков недавний исторический и современный контекст правового, в том числе и законодательного, регулирования вопросов этнического разнообразия и межэтнических отношений в государстве со сложным составом населения, каким является Россия? По данным вопросам в отечественной науке и в политике идут достаточно острые и во многом мало продуктивные дебаты, хотя реальная законодательная деятельность и правоприменительная практика последних лет имеют некоторые достижения при множестве упущенных возможностей и совершенных ошибках.

К числу достижений можно отнести ряд принятых федеральных законов и других правовых актов, и прежде всего утвержденную Президентом РФ «Концепцию государственной национальной политики в Российской Федерации» (1996 г.), законы «О национальной культурной автономии» (1996 г.) и «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.). Россия присоединилась к ряду международно-правовых актов в данной области, прежде всего к рамочной конвенции Совета Европы «О правах национальных меньшинств». Важную роль в продвижении по пути внедрения демократического законодательства в области регулирования межэтнических отношений сыграла Государственная дума созыва 1995–1999 гг.

РОССИЯ КАК НЕВЫУЧЕННЫЙ УРОК

От советского времени нам досталось крайне противоречивое наследие в области этничности, а еще более сложной и откровенно кризисной оказалась в этом отношении современная ситуация. Причем настолько кризисной, что стоит реальный вопрос самого кардинального значения: сможет ли сохраниться Российская Федерация в ее современной пространственной конфигурации и в ее нынешнем государственно-административном устройстве? По крайней

* Ранее опубликована. См.: Человек и право: Книга о летней школе по юридической антропологии / Под ред. Н.И. Новиковой, В.А. Тишкова. М., 1999. С. 189–195.

мере даже руководители федерального правительства вслух высказывают, казалось бы, недопустимые мысли о «возможности потерять Дагестан», а некоторые ведущие государственные деятели, в том числе из российских законодателей, откровенно выступают с антиконституционных позиций в отношении признания независимости Чечни. В стране существует мощная тенденция пересмотра основ государственного федеративного устройства, которое ныне включает в себя асимметрию в виде существования этнотерриториальных автономий (республики, автономные области и округа) наряду с областями и краями.

Только сложностью проблем, ослабленностью государства в период глубоких общественных трансформаций, недостатком компетенции, ответственности и воли со стороны политиков возможно объяснить огромный разброс мнений и действий, включая и откровенно антигосударственные, недопустимые в зрелых обществах с ответственными гражданами и компетентными политиками заявления. Конечно, масштаб конфликтов, особенно исход первой войны в Чечне – оформление и полупризнание региона вооруженного сепаратизма, неконтролируемого центральным правительством, представляли собой огромное потрясение для общества и тяжкое бремя для российских политиков, большинство из которых искренне желают благополучия стране и своим избирателям. Кое-кому может казаться, что есть более простые решения – «отпустить» Чечню или весь Северный Кавказ, сделать из республик губернии, самоопределившись русскому народу в отдельную республику или дать всем «свою» государственность и прочее. Еще более отчаянные головы высказываются за использование тотальной силы и через нее за «наведение порядка в стране». Число официальных диагнозов и рецептов в общественно-политической литературе достигло столь критической массы, что порой приходишь к неутешительному выводу: из этого языкового хаоса и строящейся на нем политики выбраться уже невозможно. Иных охватывает ощущение безысходности: как все идет – пусть и идет, рано или поздно образуется, а вмешательство бесполезно.

Мы не разделяем эту фаталистическую позицию и полагаем, что ход событий и даже общая эволюция, в том числе и государства, – это результат повседневных и целенаправленных усилий. Чем более эти усилия осознанны и компетентны, тем эффективнее результат. Ничто не запрограммировано самой историей. Она прежде всего используется как современный политический и идеологический ресурс. Конечно, есть определенные ограничители, в том числе и в состоянии умов. Хорошо усвоенные и долго насаждаемые взгляды и представления просто так не меняются. Должная компетенция обретается политиками и экспертами не сразу. Жизнь

показала, что научиться создавать банк или успешную коммерческую фирму легче, чем написать текст закона или президентского указа, который не повторял бы ментальные конструкции партийных резолюций советского времени и работал бы успешно в новых исторических условиях.

Все это означает, что необходимо время для обучения или переобучения как рядовых граждан, так и элитных слоев тому, что есть государство их проживания, на какой основе оно строится, кому принадлежит и даже какие имеет пространственные параметры. Для обучения России (т.е. выучить, что есть Россия) совсем необязательно прибегать к скорым и радикальным решениям, особенно если они касаются переустройства, а тем более упразднения или дезинтеграции государств. *Государства – это наиболее устойчивые и длительно существующие формы социальной коалиции людей. Они хотя и не создаются Богом и не существуют вечно, но каждое отдельное поколение имеет ограниченное право распоряжаться этим достоянием.*

Распад СССР был столь радикальной социальной операцией, требующей длительной послеоперационной терапии, что новый круг дезинтеграции за счет территорий России, Грузии, Азербайджана или Украины уже ничего не даст. Ибо для благополучной социальной жизни людей нужно менять не границы политий (государственных образований), а улучшать само правление. Другими словами, после образования Российской Федерации в 1991 г. проблема не столько в том, что все нужно строить заново или перестраивать, а в том, чтобы адекватно понимать природу и даже «внешний вид» современного российского государства и определить основные составляющие его эффективного управления. Здесь фактически нет мелочей, даже в виде бытового языка, формирующего устойчивые образы.

Приведу лишь один из многих примеров, насколько важно утверждение в ментальности граждан адекватного географического образа страны. Получилось так, что многие молодые россияне лучше знают географию США, Кипра или Испании, чем родной страны, а для некоторых профессиональных манипуляторов общественным мнением (журналистов, писателей, ученых-публицистов) Россия – это не более, чем вид с Останкинской телевизионной башни или, прежде всего, Москва. Едва ли кто из них допустит выражение «США и Аляска» или «политика США в Калифорнии», а тем более «ввод (вторжение) американской армии на Гавайи». В то же самое время клише, подобные «Россия и Северный Кавказ», «Россия и Дагестан», «Россия и Татарстан», стали столь общеупотребимыми, что даже документ об основных направлениях федеральной политики в отношении северокавказского региона обретает назва-

ние «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе». Фраза «ввод российской армии на территорию Дагестана» вообще была одним из обычных речевых оборотов при освещении кризиса в августе–сентябре 1999 г. в этой части России. Конечно, не все так наивны и малограмотны. Когда ведущие программ НТВ категоризовали в новостном потоке Чечню как «юг бывшего СССР», а в редакции газеты «Московские новости» занимающиеся Чечней сотрудники входили в отдел зарубежной журналистики, то это уже позиция, а не слабая просвещенность.

С Россией произошла крайне интересная коллизия. Историческое государство – СССР – было упразднено по воле и согласию современного поколения политиков, представленных прежде всего лидерами бывших союзных республик. Именно факт верхушечного согласия был признан основным легитимным фактором для упразднения СССР и для его внешнего признания. Риторика национального самоопределения, а тем более распада некой «последней империи» была лишь дополнительным эмоциональным аргументом, а не международно-правовой основой крупнейшего исторического действия. Эта риторика представляет собой постфактическую рационализацию, которая теперь все больше закрепляется в исторических трудах и в массовом сознании как доминирующая версия.

ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВООСТРОИТЕЛЬСТВА

Все новые государства были сконструированы сначала политически, и только потом стали оформляться социально-культурные сообщества (другими словами, сначала Франция и Италия, а только потом – французы и итальянцы). В 1991 г. возникло слово «Россия» в его новом государственном обозначении, как и другие постсоветские государства. Что это означало на самом деле, кроме административных границ между союзными республиками и разной степени местного национализма/патриотизма (украинского, грузинского, узбекского), плохо себе представляли как политики, так и население бывшего СССР. Обустройство новых государств в смысле утверждения институтов и господствующего образа страны началось уже после распада СССР. Сложнее всего судьба распорядилась с Россией. Не оттого, что у новой России меньше ресурсов и других оснований быть самостоятельным государством, а оттого, что она больше всего связывалась с представлением о прошлой стране, и в ней ментальное государствообразование пошло более хаотично и со смутными представлениями.

Как это ни покажется невероятным, но неясность процесса российского государствоустройства (институционального и мен-

тально-символического) обусловлена тем, что в Москве как жили, так и остались проживать все основные идеологи «социалистического федерализма» и «решения национального вопроса». К ним присоединились новые рекруты из числа бывших диаматчиков и истматчиков, ставшие теперь культурологами, националогами, этнополитологами, конфликтологами. Мощные исследовательские и пропагандистские институты, как, например, ИМЭЛ при ЦК КПСС, обрели новые, приближенные к «горячей проблеме» названия. Став Независимым институтом социальных и национальных проблем, это учреждение, как и многие аналогичные кафедры и центры, под словом «национальных» имеют в виду не государственные, а этнические проблемы, и для внешнего потребителя в иностранном звучании они так себя и объясняют. В то же время отказ в собственной реконцептуализации они объясняют отечественной научной традицией или неповторимой российской спецификой, а иногда просто языковой гетероглоссией.

Распад СССР ограничил демагогию и новый камуфляж «спецов по нацвопросу» пределами России, отчего другим странам стало легче определяться (даже на той же идеологической основе этнонационализма), а России крупно не повезло. Родовая несостоятельность господствующих подходов к «национальному вопросу», особенно в законодательно-правовых аспектах, была замечена мной еще во времена горбачевских XXVIII съезда КПСС и Съезда народных депутатов. Как известно, СССР представлял собой единственное государство, где отрицалась и даже осуждалась территориальная основа федерализма, где мобилизующая метафора «нации» была отдана в исключительное владение населявших страну этнокультурных общностей, где для общегосударственной консолидации использовался суррогат «нации» в форме «советского народа». Эта конструкция содержала в себе своего «могильщика» в случае наступления времени ответственных смыслов и процедур реализации этих смыслов.

Как только зал в Кремлевском Дворце съездов дружно и слепо поддержал предложение депутата Е. Евтушенко изменить во фразе из текста президентской присяги «Я клянусь народу Советского Союза» единственное число на множественное в слове «народ», мне стало ясно, что вместе с этим словом хоронится и общегражданская основа государства. Слово «народ», всегда, во все времена, во всех правовых теориях и в действующих международных документах означавшее территориальное сообщество, в посткоммунистическом контексте закреплялось за этнической общностью, т.е. однозначно обретало этнографический, а не гражданско-территориальный смысл. В этой же ментальности Съезд народных депутатов принял и один из первых законов «О правах граждан,

проживающих на территории не своей государственности», сразу же обозначив правовую лженорму, что одни носители советских паспортов с «правильной» национальностью (созвучной названию республики) являются исключительными собственниками соответствующего государственного образования, а другие – имеют «свою» государственность или в другой части страны, или вообще за ее пределами. Эта рожденная отечественными юристами и законодателями «своя – не своя» норма в отношении тех, кто создает государство, оказалась очень живучей и стала позднее основой для массовой дискриминации, межэтнической напряженности и конфликтов.

Несмотря на то что все постсоветские государства были созданы от имени проживающего на их территории населения, участвовавшего в процедурах волеизъявления, при конституционном и дальнейшем законодательном оформлении этих государств преимущественное или даже исключительное право на них узурпировали те жители, которые принадлежали к одной («коренной» или «титульной») этнической общности. Сделано это было через разные правовые конструкции или словесные уловки. Одной из самых распространенных была компромиссная запись в конституциях о том, что государство создается от имени всех его граждан, но в то же время это государство является формой самоопределения определенной этнонации и поэтому является «национальным» государством этнических молдован, украинцев, казахов, узбеков и т.п. Кое-где сделали запоздалые уступки, записав в число владельцев «национальной» государственности и другую группу (например, абхазов в Грузии, но не осетин и аджарцев!). Но в целом, за некоторым исключением (Литва, эпизодически Украина, Казахстан, Эстония), никто не попытался встать на общегражданские основы нациестроительства, несмотря на рекомендации внешних экспертов из западного сообщества и из стран Востока, где этничность вообще исключена из правовых категорий государствообразования.

Таким образом, новые государства (кроме России), уйдя от советской «многонациональности», застряли на полпути, сконструировав ненадежную правовую схему. Суть ее примерно такая. Украина – это национальное государство этнических украинцев (украинской нации), остальное население относится к национальным меньшинствам, куда были записаны русские, поляки, крымские татары и многие другие. Членами нации они могут стать, видимо, только после «украинизации», другими словами, после культурной ассимиляции, которая иногда мягко называется «интеграцией». Аналогичная схема во всех остальных государствах, кроме Латвии и Эстонии. Там принцип гражданства включен в понятие нации, но зато из гражданства исключено подавляющее боль-

шинство «некоренных» иноэтничных жителей. Там тоже установка на интеграцию получающих гражданство, которая понимается как латышизация или эстонизация в культурно-языковом отношении. Иначе говоря, даже самый лояльный по отношению к государству гражданин, исправно платящий налоги и служащий своей стране, членом нации не является и всем набором соответствующих прав не обладает, если он желает сохранять свой язык и свою культуру и по какой-то причине не становится хотя бы двуязычным.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ БУДУЩИХ КОРРЕКТИВ

Этнонационализм как основа государственностроительства был избран не только для того, чтобы радикально дистанцироваться от России и от ее культурной системы на основе русского языка, или утвердить доминирующие позиции новых «государствообразующих» культур и новых государственных языков. Была и утилитарная цель – через сохранение советского доктринального наследия «социалистических наций» не расширить, а наоборот, заузить число претендентов на власть и на доступ к ресурсам, особенно в условиях приватизации и рыночных преобразований. Но самое главное, – такова была идеология, правовая практика и уже ставшее бытовым мышление – «национальность» понималась не как гражданство, а как культурная принадлежность, что помешало более решительной самоорганизации тех, кто попал в категорию нечленов самоопределившихся наций (меньшинств, апатридов, неграждан и прочих). Им никто не объяснил, что новое государство – это их общее достояние.

При всей уязвимости и противоречивости избранных конституционно-правовых основ обустройства многоэтничных государств бывшего СССР (речь пока не идет о России), у них есть перспективы неизбежных корректив в сторону общедемократических принципов государственностроительства и отхода от этнонационализма. Во-первых, демонтаж русского языка как одного из мощных инструментов модернизации и ассимиляция русских или дерусификация нерусских этнических меньшинств (например, переход гагаузов в Молдавии с русского на молдавский) фактически маловероятны при постоянном наличии мощного русскоязычного культурного массива в соседней России и при сохраняющихся позициях русского языка как одного из мировых. О наследии «колониализма», которое нужно устранить, ныне говорить не приходится. Это все равно, как если бы Индия стала осуществлять демонтаж английского языка, или другие страны Азии и Африки – язык бывших метрополий, который часто является единственным официальным языком и уж точно единственным языком, обеспечивающим культурную целостность многоэтничных государств. Таким образом, *этнонационализм*

становится контрпродуктивным, и ему на смену будет приходиться общегражданский национализм новых государств, который строится не на исключении, а на включении граждан разных культур и языков в единые нации, как это имеет место в остальном мире.

Во-вторых, рано или поздно более решительно заявят о себе и те, кого поставили вне новых наций, ибо автохтонные (не иммигрантские) меньшинства нигде и никогда из национальных сообществ не исключаются.

Так что, у новых соседей России достаточно интересные перспективы решения вопросов межэтнических отношений, и кое-какие уроки, как негативные, так и позитивные, уже можно учитывать и россиянам. По крайней мере почти все эти государства смогли оформить правовые отношения со своими гражданами через систему паспортов без привязки этой процедуры к указанию этнической принадлежности. Правда, не обошлось без уловок: в английском тексте казахстанского паспорта в графе «национальность» указано «Казахстан», а на казахском языке стоит «казах», «русский» и т.п. Перед мировым сообществом выглядит прилично, и собственные комплексы оказались удовлетворенными. В Грузии в паспортах национальность – это гражданство, но в удостоверениях личности – этническая принадлежность.

Есть еще одна важная проблема конституционно-правового обустройства постсоветских государств. Все они (опять же кроме России) избрали унитарную форму устройства, не рискуя на федерализм. В принципе унитарное устройство не противопоказано многоэтническим странам, но федерализм – лучше, ибо позволяет существовать этнотерриториальным формам внутреннего самоопределения. Подобные автономии фактически существуют в Узбекистане, Грузии, Молдове и даже на Украине – Крымская Республика, правда, статус и будущее которой в рамках Украины пока еще до конца не определены. Формальная федерализация возможна и даже необходима не только в Грузии и на Украине и не только по причине этнического фактора, но и большого регионально-культурного разнообразия, существующего во многих постсоветских государствах.

ОТ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО НАРОДА К МНОГОНАРОДНОЙ НАЦИИ

Какая ситуация сложилась в Российской Федерации, которая лишь одна из всех стран сохранила на конституционно-правовом уровне формулу «многонациональности» и вместе со всеми остальными новыми государствами не рискнула сделать выбор в пользу «многонародной нации» или какой-то другой новации? В принципе была возможность вообще обойти этот сюжет в тексте основного

закона, как это сделано в конституциях большинства стран мира. Кстати, в тексте Федеративного договора вопрос о «нациях» не присутствует, но суть этого документа оказалась более чем приемлемой для представителей основных народов и для республиканских образований. В свое время мне довелось быть одним из основных авторов таких официальных документов, как «Резолюция XXVIII съезда КПСС по национальному вопросу» и «Концепция государственной национальной политики в Российской Федерации». Нам удалось тогда уйти от употребления в них слова «нация». Смысл и значение документов несколько не стали слабее без этого слова. Более того, была оставлена возможность его общественно-политического употребления в разных значениях, а также не блокировалась реальность существования национального государства под названием Российская Федерация и многоэтнической гражданской общности россиян.

Как показала практика федерального законодательства, невозможно записать термин «нация» и в тексты законов. Законодатели вполне резонно обходятся менее нагруженными понятиями, как, например, «народы», «этнические общности», «национальности». В последнее время появился термин «национальные меньшинства», но он для России мало подходит и едва ли утвердится как правовая категория. Причина здесь не в том, что в России нет меньшинств или государство отказывается признавать их существование и наличие вытекающих из этого специфических прав и норм части граждан, принадлежащих к данным категориям. Просто Россия ушла дальше в правовом обеспечении меньшинств, закрепив за ними не только право на национально-культурную автономию, как этого требуют международно-правовые минимумы. В России основные и компактно проживающие меньшинства (строго говоря, это все нерусские народы) еще с советских времен имеют территориально-государственную форму самоопределения, которая в действующей Конституции определяется как республики-государства. Эти этнические общности уже давно «национализированы» и на статус меньшинств, вполне понятно, согласиться не могут. Кстати, по этой же причине им трудно принять категорию российской гражданской нации, хотя это как раз вполне возможно и необходимо. Существует же каталонская нация в составе испанской, шотландская нация в составе британской, саамская нация в составе норвежской и т.п. Эти понятия и даже правовые категории являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими, а их основная миссия – политическая и эмоциональная легитимация.

В итоге претендентами на правовую категорию «национальные меньшинства» в России остаются только представители дисперсно расселенных групп, у которых нет территориальной автоно-

мии (возможно, российские немцы, греки, корейцы и другие). Но опять же возникает проблема, когда эти группы начинают характеризовать как не имеющие «своей» государственности или как не принадлежащие к «основному населению» (уязвимый термин из Рамочной конвенции). И то, и другое – правовой нонсенс и ненужная приниженность части граждан. В России все имеют одинаковые паспорта своего(!) государства. Еще хуже обстоит дело с «основным населением». Неужели можно разделить депутатов Федерального собрания РФ на «основных» и «не основных»? А если нельзя, тогда зачем принимать документы с подобной категоризацией для остального населения страны?

Но самая кардинальная проблема для законодательного обустройства межэтнических отношений в России – это пределы огосударствления этничности без ущерба базовым индивидуальным правам человека. От СССР нам досталась столь высокая степень правовой институализации этничности, что она могла существовать только по причине ее часто пустой декларативности. Чего стоила хотя бы запись в советских конституциях о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Наследие это столь жесткое, что российское государство до сих пор не может оформить свои правовые отношения с гражданами через систему паспортов, ибо многие граждане желают зафиксировать не только свою принадлежность к государству, но и к определенной коллективной общности. Через это можно получить дополнительные права внутри страны или предпочтительное право на эмиграцию в некоторые государства. Сохраняется и бытовая боязнь постсоветских людей, что бумага-справка – это все, а без официальной бумаги у тебя и нет этнической принадлежности. Мне кажется, что есть вопросы, где правовые нормы должны носить опережающий характер и не следовать бытовой мифопоэтике и политической спекуляции.

Этнические права – это коллективные права. Они призваны только защищать права личности, но не подменять и не доминировать над ними. Основанные на этничности коллективные права – обоюдоострое оружие, и ими нужно пользоваться осторожно и умело. Последние годы показали, что в недостаточно развитой гражданско-правовой культуре групповые права могут использоваться для необоснованных преференций, для узурпации власти меньшинством и даже для разрушения общего государства, ибо питают экстремистские формы этнонационализма, вплоть до вооруженного сепаратизма. Это вызывает межгрупповые противоречия и недоверие со стороны остального населения страны к тем, кто подобным образом пользуется коллективными правами. Именно

ссылка на коллективные права становится аргументом для массового выхода части населения из правового пространства.

Российская Федерация сейчас переживает именно такую ситуацию. Самым плохим вариантом было бы пытаться осуществить радикальный демонтаж коллективных прав, включая столь важное демократическое приобретение, как федеративное устройство с элементами этнического федерализма. Право и закон содержат большие возможности, многие из которых далеко не использованы. При федерализме многоэтничных стран не бывает стабильных ситуаций, как и не все вопросы федерализма должны решаться сразу и только нынешним поколением политиков. Важны общая формула и некоторые базовые принципы, среди которых следует назвать одновременную установку на признание культурных различий и обеспечение интеграции. Федерализм разнообразен и может заключать в себе мощный интегративный потенциал. Здесь важно добиться согласия элит, которые всегда имеют мощные местные интересы – главное препятствие интеграции. *Федерализм сам по себе недостаточен, и на уровне населения страны необходимо развивать и утверждать двойные лояльности и идентичности, строить широкие коалиции, пересекающие этнические и региональные границы, создавать стимулы к интегративному поведению.*

Федеративное правовое пространство допускает сосуществование на взаимодополнительной или на параллельной основах разных правовых систем, объединяющих «централизованное» (государственное) право и правовые нормы отдельных культурных систем или централизованное право на уровне внутригосударственного образования. Для этого не нужно возрождать никогда не существовавшую «историческую норму» в виде, например, родовых общин среди северян или горской демократии среди северокавказцев. Важно признать сам принцип правового плюрализма в связи с этнокультурным разнообразием. А что должно послужить основой для источника права и стиля правового поведения соискателей «обычного» или «традиционного» права – это уже вопрос второстепенный. Чаще называется существующий древний устой или социальная норма, но при более внимательном анализе за ними можно обнаружить современное изобретение для достижения современных целей. Но кто сказал, что такое не может иметь место, если только ссылки на данные правовые нормы не разрушают общеразделяемые основы общественного устройства и не провоцируют массовый выход граждан из правового пространства.

АНТРОПОЛОГИЯ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ*

Трансформации, которые произошли в России, полезно оценить с точки зрения социально-культурной антропологии – дисциплины, изучающей человека и общество во всем их многообразии на основе этнографического метода. Без этого невозможна экспертиза в условиях, когда статистика, макроанализ, социологические опросы и политологический взгляд не способны уловить характер и траекторию перемен. Только профессиональный антрополог может объяснить, что частная стратегия людей всегда была и будет выше любой «национальной идеи», что желающих управлять всегда больше и «рваться к власти» – это естественно, что люди могут использовать этничность и «историческую память» в инструменталистских целях, и потому так называемые национальные, казачьи, языческие и прочие «возрождения» или «движения» должны восприниматься прежде всего как манипуляции активистов социального пространства, а не буквально – как «движения» среди коллективных социальных тел.

Человек как существо социальное рождается для того, чтобы выполнить свою первичную задачу – создать благоприятные условия собственного существования: дольше и комфортнее прожить, произвести и вырастить потомство, обеспечить себе статус и безопасность, удовлетворить свои культурные запросы, исполнить идеологическую миссию, если его в нее рекрутировали. Для этого человек вступает в сотрудничество и в соперничество с себе подобными, создает различные социальные коалиции и институты, начиная от семьи и кончая государством. Эти постулаты хорошо известны применительно к древним или к так называемым племенным сообществам. Но мы оказались слабыми знатоками антропологии современных обществ, в которых прошла или проходит наша личная жизнь.

Можно поражаться, насколько слабы объяснительные модели советского общества, просуществовавшего много десятилетий. Здесь преобладают политизированные полулитературные метафоры

* Газетный вариант опубликован под названием «Мы стали жить лучше». См.: Независимая газета. 2000. 12 янв. (№ 1. С. 6, 9).

о «советской империи», «тюрьме народов», «всеобщем ГУЛАГе» или инерция советской пропаганды, дополненная риторикой жалоб старшего поколения, включая и ученых. Самое слабое место имеющих объяснений природы советского общества – это *утверждение об его исключительности и аномальности, вызванное проекциями оценок политического режима и его идеологического багажа на все общество, его нормы и ценности.*

ПРОВАЛ ЭКСПЕРТИЗЫ

При всех социальных деформациях и политических аномалиях СССР был не менее легитимным государством, чем многие другие страны Азии, Африки, Латинской Америки и даже Европы. Более того, советский человек в своих базовых проявлениях, в частных и коллективных стратегиях имел больше общего, чем отличительного от граждан других государств, включая и те, которые считаются «нормальными». Это общее находило отражение в повседневном стремлении к личному преуспеванию, в создании семейно-родственных союзов, этнических и профессиональных коалиций, в эмоционально-психологических установках, наконец, в формах девиантного поведения, включая тривиальное воровство и внебрачные связи. Как отмечает английский антрополог Крис Ханн в работе по антропологии социализма, «в большинстве стран (социалистических. – В.Т.) и на протяжении большей части времени большинство простых людей просто воспринимали систему как данное, приспособились к ней и продолжали жить без вступления в ряды коммунистической партии или диссидентской группы. Другими словами, они пробивались по жизни точно так же, как люди это делают в другого рода обществах».

В советской жизни многое было задавлено, прежде всего гражданские свободы и уважение к человеческой жизни. Что-то, наоборот, спонсировалось: социальный коллективизм, профессиональная культура и образование. Что-то было просто недостижимо в силу неэффективного хозяйствования и плохого управления: личное богатство, обустроенная среда обитания, достойная бытовая культура и пространственная мобильность. Но даже в этой своей существенной отличительности Россия была до тривиальности похожа на многие другие общества, а метафора о «совке» утвердилась уже позднее и стала скорее саморефлексией, а не внешней оценкой. *На пороге XXI в. приходится признать, что отечественная наука упустила этнографию советскости, и этот долг предстоит вернуть как можно скорее, пока не исчезла «традиционная» культура советского времени.*

Не меньшая потребность существует в познании постсоветскости как уже новой культурной традиции, особенно смысла глубоких общественных трансформаций в России. Выскажу мнение, что установка на радикальную социальную инженерию была не только оправдана, но в целом экспертно обеспечена, как бы ни старались каждое новое правительство и оппозиция отрицать уже сделанное. Однако исполнители и толкователи российских реформ плохо знали и недостаточно учли антропологический (человеческий) аспект общественной жизни, а именно – частную стратегию человека и создаваемую им социокультурную среду. *Фатальными оказались идеалистическое представление о природе самого человека (который должен честно трудиться, не воровать, любить родину и служить нации, обязан заботиться о других и т.п.) и вера в то, что улучшение условий жизни обязательно ведет к адекватному восприятию этих улучшений.*

Российское общество в этом плане отличает характерная особенность. При массовой образованности оно очень идеологизировано, ибо имеет непропорционально большую и крайне претенциозную культурную элиту («инженеры человеческих душ»), которая узурпирует массовое сознание в пользу своих субъективных представлений и влияет на поведение рядовой массы граждан. Массы привыкли к одномерному мышлению и к вере в версию событий, исходящую из «центральных» газет и телевидения. Однажды французский философ Мишель Фуко, отвечая на вопрос о роли радикальной интеллигенции в общественных преобразованиях, сказал: «Главная проблема – это как избежать излишнего воздействия интеллектуалов, носящихся со своими утопическими проектами, и позволить управленцам делать свое дело по переустройству общества». В России это не удалось. Все последние годы театральные режиссеры, писатели, актеры, журналисты и литературоведы выступали и как законодатели, и как авторы «обустройства России», и как главные колумнисты ведущих газет и, наконец, как «совесть нации». Члены Российской академии наук на своем юбилейном собрании в июне 1999 г. аплодировали получателю ее высшей награды писателю А.И. Солженицыну за следующую оценку последнего десятилетия: «Мы построили невиданное в истории криминальное государство под пиратским флагом».

О чем и почему сегодняшние жалобы и даже протестные акции? Если верить большинству политиков, ученых и работников СМИ (а значит, и «человеку с улицы»), это есть протест против антинародного режима и против невыносимой жизни. Но если перестать повторять заклинания о «нашем тяжелом времени», в которое теперь верят фактически все, то этнография российской жизни выглядит

по-иному. Прежде всего следует сказать, что сама власть, т.е. управленцы и эксперты в годы правления М. Горбачева и Б. Ельцина не поняли многого, что пришло в общество с процессом радикальных перемен. Они верили и продолжают верить, что социальный порядок и поведение граждан переустраиваются вслед за изменением характера политического устройства и экономическими реформами. А если этого не происходит, значит, режим не тот («построили криминальное государство») и курс реформ неверен («ограбили народ» и «устроили геноцид»). До сих пор никто не смог грамотно объяснить, что реальные свободы и жизненные улучшения люди могут психологически не замечать и даже отрицать по политическим мотивам или из-за пропагандистского воздействия. *Но самое главное – быстрые жизненные перемены могут перегрузить сознание каждого отдельного человека и общества в целом настолько, что даже улучшение условий существования может отвергаться в пользу более привычного уклада.*

Одиноким голосом берусь утверждать, что за последние десять лет в стране произошла революция в жизненном обустройстве людей. Причем это именно революция позитивного плана, которую российское обществознание не смогло понять и объяснить. Тем самым ученые-обществоведы несут перед страной большую ответственность. Легче всего эту ответственность снять ссылкой, что «вот нас, академиков, не послушали» или «науку загубили». Но кто тогда будет отвечать за беспомощный стон, который катится по всей стране, включая страницы газет и школьных учебников, высшие политические и научные трибуны? Рассмотрим только несколько примеров несостоятельной и политизированной риторики жалоб и в целом кризисной парадигмы.

ДЕМОГРАФИЯ КАК ПОЛИТИКА

Для иллюстрации «России в обвале» чаще всего приводят данные о «вымирании нации», о катастрофических демографических потерях, включая несколько миллионов неродившихся детей, об уменьшении численности «государствообразующего народа» – русских и т.п. Следует сказать, что сам факт уменьшения численности населения страны не должен рассматриваться как однозначно негативное явление. Многие страны мира, особенно из числа наиболее благополучных, имеют в последние десятилетия отрицательный рост населения. В России фактически наблюдается ситуация нулевого роста – общая численность жителей страны в 1998 г. была почти такая же, как десять лет тому назад (147 млн человек). Но на самом деле, современное население на 2–3 млн больше, ибо

статистика не учитывает «незарегистрированных» граждан из других государств (Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Таджикистана, Украины, Молдовы). Подавляющее большинство из них – это молодые мужчины, которые трудятся в сфере обслуживания, строительстве, торговле и приносят пользу нашей стране. Без них не состоялись бы многие стройки и не было бы фруктов на рынках и в магазинах российских городов. *Если учитывать эту категорию жителей, то естественная убыль населения (здесь сказались кризис, нестабильность и воздействие неблагоприятного демографического цикла) была компенсирована миграционным приростом, качество которого (возраст, образование, здоровье, профессиональный состав вновь прибывших) не ниже, чем качество основного населения страны.*

Примечательным фактом является устойчивое на протяжении всего десятилетия соотношение между городским и сельским населением (73 и 27%). Плохо это или хорошо? Скорее, плохо, ибо чем более развито общество, тем меньше людей должно быть занято в сельском хозяйстве. Модернизация – это прежде всего урбанизация, а она после 1989 г. замедлилась в значительной мере по причине отсутствия настоящей аграрной реформы и из-за наличия более конкурентной среды на рынке труда в городах. Последнее удерживает сельчан от когда-то легкого шага – ухода в городскую «лимиту». Столь же стабильным (47 и 53%) оставалось соотношение мужчин и женщин. Эта достаточно большая диспропорция представляет собою негативное явление, но в предыдущие десятилетия положение было не лучше. Причина ее не столько в особенностях биологического воспроизводства населения, сколько в более высокой смертности среди мужчин по социальным причинам (алкоголизм, курение, травматизм, убийства).

Произошли существенные изменения в пространственном движении населения. Общая интенсивность внутренних миграций снизилась из-за экономической нестабильности и прекращения практики оргнаборов на крупные стройки. Зато частные интересы людей опять же пришли в противоречие с политическими установками и наивными прожектами. Речь идет о слабой заселенности Севера, Сибири и Дальнего Востока. На самом же деле, усиленное заселение неблагоприятных для проживания людей арктических и субарктических районов страны в предшествовавшие десятилетия носило характер косвенного насилия (через романтическую пропаганду, «длинный рубль», сохранение московской прописки). Начавшаяся в конце 80-х годов человеческая конверсия Севера стала вполне нормальным явлением – к неудовольствию огромной армии чиновников и торговцев, занятых «северным завозом». Этот процесс

является положительным: россияне переезжают в более благоприятный климат, где могут легче (дешевле) и дольше прожить, снижается нагрузка на хрупкую природную среду и сохраняются важные ресурсы для будущих поколений, появляется больше возможностей для остающегося населения (в том числе и нормального жилья), а тем более для аборигенных жителей, для которых эта среда является родной. Сибирь, особенно южная, и Дальний Восток – это несколько другое дело: здесь необходимы массовое заселение и новое освоение, причем не только через индустриальные мегапроекты (охрана среды и ресурсов здесь столь же актуальна), но и через своего рода систему гомстедов, т.е. наделение граждан бесплатной землей, часть которой могут обрабатывать и китайские эмигранты.

Кстати, в сибирских и дальневосточных регионах естественная убыль населения меньше, чем в среднем по стране, а в некоторых районах сохраняется естественный рост (Алтайский край, Тюменская область, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Таймырский, Усть-Ордынский, Агинский, Чукотский автономные округа, Тува, Якутия). По нашим оценкам, за последние десять лет численность аборигенных народов Севера и Сибири не уменьшилась, а некоторых даже увеличилась. Принятие в 1999 г. закона о гарантиях прав коренных малочисленных народов России даст пополнение этих групп благодаря перезаписи национальности потомков смешанных семей и культурно ассимилированных граждан. Воспаленная риторика о вымирании северных народов беспочвенна, хотя коллапс системы государственного патернализма и разгул нового предпринимателя (от охотника-«европейца» до нефтегазовых корпораций) создал огромные проблемы для сохранения систем жизнеобеспечения и самобытной культуры аборигенных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР

В России этнический аспект демографии является наиболее чувствительным не столько из-за самого факта культурного многообразия, сколько по причине длительного опыта огосударствления этничности. Здесь политические спекуляции неимоверны, а в суждениях ученых господствует старая схоластика. В стране сохраняется практика жесткого и официального деления граждан на народы, или национальности, и поэтому этническая статистика играет политическую роль, точно так же, как и существующая расовая статистика в США. Сохраняется клише: сколько «наций и народов» живет в том или ином месте или работает на том или ином заводе, и этот подсчет навязчиво ведется не только путем переписей

населения, но и с помощью кадровых и жэковских анкет. Пропагандируемая «национальная структура» (имеется в виду этнический состав) населения часто является основным средством для обоснования этнократического правления и для политической мобилизации граждан.

Трудно сказать, что является нормой или позитивным в этнической структуре, но одно бесспорно: необходимо сохранение этнокультурного многообразия населения. К чести нашей страны ни в прошлые десятилетия, ни в годы трансформаций не произошло того, что называют «вымиранием» народов. Многие малые группы за последние годы сохранили или увеличили свою численность. При этом следует учитывать, что численность этнической общности зависит не только от рождаемости и миграции, но и от смены самосознания. В начале процесса перемен мне представлялось, что к новой переписи населения ощутимую демографическую потерю понесут русские из-за того, что станет менее престижным быть русским, особенно в пределах этнотерриториальных образований (республик и округов). Но этого не случилось, и считаться русским для потомков смешанных браков по-прежнему более (или в равной мере) престижно даже в российских республиках.

После 1989 г. большинство крупных российских народов, в том числе русские, башкиры, татары, чувашы, буряты, кабардинцы, коми, кумыки, тувинцы, удмурты, имели нулевой или незначительный рост численности. Уменьшилась абсолютная численность украинцев, белорусов, мордвы, российских немцев, марийцев, казахов, евреев. Превышающий средние по стране показатели был рост у армян и осетин (за счет мигрантов), у якутов и народов Северного Кавказа, особенно народов Дагестана (за счет естественного прироста). Самый высокий рост численности среди населения самых бедных районов страны говорит о том, что так называемое вымирание с состоянием условий жизни никак прямо не связано. Более того, исчезновение этнической общности (факт распространенный, но в России редкий) совсем не тождественно депопуляции или физическому исчезновению представителей определенной культуры, а чаще означает смену ими этнической идентичности, т.е. ассимиляцию в пользу другой культуры.

Этническая демография периода трансформаций отмечена более быстрым ростом численности северокавказцев, а значит, сокращением доли русских (кстати, татар и чувашей также) в общем населении страны. К сожалению, это – тема для громких спекуляций, и профессионально ее никто не осмеливается обсуждать. Какова доля русских в стране – не вопрос жизненной стратегии государства. В 1989 г. в СССР русские составляли 50,8%, но государство

существовало, а распалось не по этой причине. Сейчас по доле самой большой этнической группы – русских – Россия почти такая же моноэтническая страна, как Китай, где, кроме 90% ханьцев, живет не менее 100 млн представителей разных национальностей. Подавляющее демографическое господство одной группы мало что дает для крепости государства, ибо даже 1% населения и территории, который составляют чеченцы и Чечня в России, способен стать базой вооруженной сепаратистской и крупномасштабной войны. Действительной проблемой является высокая рождаемость в горных дагестанских и других северокавказских селах, где недостаточно ресурсов, а завышенные социальные ожидания и неприятие бедности вызывают напряженность, конфликты и выход граждан из правового пространства. *В целом же период реформ в России связан с некоторыми серьезными демографическими проблемами (прежде всего низкая рождаемость и относительно высокая смертность, особенно среди мужчин), но ни одна из них не может квалифицироваться как катастрофическая.*

МИР ВЕЩЕЙ И УСЛУГ

Пища, одежда и жилище – три столпа материальной культуры, а состояние здоровья – основной показатель уровня модернизации общества. Этими категориями далеко не ограничивается жизнь современного человека, ибо есть еще огромный мир других используемых вещей и услуг, как и мир ощущений и духовных ценностей. И все же основная часть населения живет повседневными заботами материального обеспечения, которые лежат в основе уровня и качества жизни.

На протяжении всей истории России ее жители (за исключением южных районов) имели достаточно небогатую кухню, в которой был явный недостаток витаминизированной углеводной пищи, прежде всего фруктов. Свой первый апельсин и банан автор съел уже будучи студентом МГУ, ибо в моем родном уральском городке, кроме яблок и новогодних мандаринов, фруктов не продавалось. Сегодня в этом городке, которому попрежнему далеко до экономического процветания, те же азербайджанцы обеспечивают хороший рынок основных фруктов и фруктовых соков, и жители их покупают (иначе бы не привозили). Новый и огромный по своим размерам ввоз в страну фруктов внес историческое изменение в структуру питания россиян. Значительно увеличилось потребление рыбы, даже если официальная статистика не показывает этого по причине «внесистемной» добычи и продажи данного продукта. Выросло потребление сыров и колбасных изделий (в основном за счет импорта), и люди уже забыли времена плавящихся сырков «Волна» и буфетных сарделек.

Снижение потребления мяса, молока и яиц, если таковое действительно имеет место, мало о чем говорит, как и общее снижение потребления продуктов питания. В 1960–1980-е годы население страны страдало не от недоедания, а от несбалансированной структуры питания, и если этот дисбаланс выравнивается даже ценой сокращения общего потребления продуктов (в некоторых семьях, например, практически прекратили покупать яйца), но при этом расширяется их ассортимент, то этот процесс носит скорее позитивный характер.

Не менее важны изменения в системе организации питания. Современный россиянин потребляет пищу не только дома, но и в системе общественного питания. Еще недавно огромной проблемой для небогатого гражданина было пообедать на Невском проспекте в Ленинграде или на улице Горького в Москве, не говоря уже о более провинциальных местах. Унизительные очереди в грязные уличные пельменные, в рабочие столовые и в институтские буфеты отнимали время и даже здоровье. Рестораны были не для того, чтобы поужинать, а чтобы «гульнуть». Сегодня ситуация совершенно иная. Резко выросло общее число ресторанов и кафе, не говоря уже о новой культуре уличных продуктовых ларьков и палаток или частных торговцах разной едой на улицах и дорогах. *Впервые в таких масштабах люди в России, особенно молодежь, стали есть и пить за пределами дома, и это огромный сдвиг в народной культуре.*

Еще одна разительная перемена в жизни людей за последние годы – это радикальное расширение круга предметов быта и социальных благ. Номенклатура предметов, используемых человеком для повседневной жизни (так называемые *вещи*), – крайне важный показатель степени модернизации общества. Хотя количество вещей не обязательно определяет мораль и ценности общества и делает человека счастливым, все же в целом это именно так. Безусловно, что чем больше вещей использует человек в повседневной жизни, тем лучше ее качество. Особенно это касается быта, что прямо связано с комфортом, гигиеной и здоровьем людей. Перемены в этом плане могут казаться малозначимыми, тем более, что они не очень связаны с макроэкономическими успехами. Если за последнее время миллионы людей стали пользоваться туалетной бумагой, а не смятой газетой, чистить зубы (оказывается, бывают щетки мягкие, средние и жесткие) набором из паст, мыться шампунями (для разных волос, для взрослых и детей, с ополаскивателем и без), то уже одно это изменило бытовую культуру к лучшему.

Недовольство некоторых людей по поводу телерекламы женских прокладок, жевательной резинки и памперсов не должно мешать видеть в них огромную перемену в бытовой гигиене. И таких

внешне малых, но значительных новаций в повседневной жизни россиян за какие-то десять лет произошло больше, чем в какой-либо предшествовавший исторический период. Люди освоили использование сотен новых вещей и услуг: от уже упоминавшихся до технологически сложных бытовых новаций (стиральные машины-автоматы, телефоны с автоответчиком и мобильные, обогревательные приборы, печи ВЧ, цветные телевизоры с дистанционными пультами и многое другое). Из десяти уличных рекламных щитов девять рекламируют товары и услуги, о которых россияне даже и не слышали десять лет тому назад.

Подавляющее большинство советских семей обходилось крайне ограниченным набором жизненных вещей, не зная об их существовании или не будучи способными «достать» (именно достать, а не купить). В силу высокой грамотности населения желание владеть многими вещами при ограниченных формах социальной самореализации (работа, семья, квартира, отдых в очередной отпуск) было огромным, и идеологией потребительства советские люди были проникнуты не меньше, а даже больше, чем в других более состоятельных обществах. В 1960–1980-е годы эта идеология с огромной энергией и изобретательностью утверждалась в частных стратегиях людей. В домах с обшарпанными подъездами и захламленными лестничными клетками за дверями квартир скрывалось обустроенное жилье с приличной мебелью, хорошим набором посуды и вполне сносным гардеробом.

Одержимость обустройством, скромная красота и чистота были разительными по сравнению с обшарпанным пространством, начинавшемся за квартирной дверью. Именно здесь лежала впечатляющая грань между миром частного и миром общественного, точнее, государственного (а значит, ничейного). *Советский человек был частным человеком, и именно это обстоятельство пропустила наша экспертиза, увлекшись анализом мира пропаганды и верхушечных установок.*

Что действительно отличалось от более обустроенных обществ, если говорить в масштабе всей страны, так это сохранявшиеся в больших городах коммунальные квартиры и малоразмерное частное жилье малых городов и сел. Здесь жилое пространство было явно ограниченным, быт – неустроенным, а требовавшиеся для жизнеобеспечения усилия – неимоверными (ежедневные дрова для печки, вода из колодца и прочее).

Здесь фактически был «третий мир», но не афро-азиатская нищета, а тот, который можно наблюдать во многих странах, особенно в Северном полушарии, где в бедных деревнях Ирландии, Испании, Италии, Греции (не говоря уже о Восточной Европе) жизнь остается достаточно скудной и некомфортной.

Под воздействием этнографических описаний традиционного русского жилища мне иногда казалось, что «пятистенка» с русской печью – это надолго, если не навсегда (климат, историко-культурная привычка и т.д.). Проезжая по российским дорогам, можно было наблюдать, как располагавшие средствами граждане строили кирпичные дома в деревнях и малых городах, фактически повторяя русскую избу по параметрам и архитектуре. В большинстве же населенных пунктов в 1960–1980-е годы индивидуальное жилье почти не строилось.

Подлинная перестройка в России началась не с торговых кооперативов и не с московских политических манифестаций, а с изменений в отношении к жилью и к вещам, и в этом смысле перемены носят глубоко позитивный характер. В 1990-е годы в России построено больше домов, чем за весь послевоенный период. Во многих российских деревнях сегодня каждый третий дом – новый или перестроенный. Граждане преодолели культурный барьер в представлении о жилище, и на смену одно- или двухкамерному жилищу пришел дом с более крупными параметрами, многоуровневый и с несколькими комнатами, а также с внутренним туалетом.

В стране бум производства строительных материалов, и по обочинам дорог и в городах на целые кварталы «бурлят» рынки по их продаже. Помимо действующих, закуплены за рубежом и запущены сотни кирпичных заводов. Текущая госстатистика жилья мало о чем говорит, ибо не учитывает загородное строительство и многое другое (новые пристройки, многоквартирное частное жилье). Но даже по данным этой статистики, общая площадь жилья в стране выросла с 2,1 млрд кв. м в 1985 г. до 3 млрд кв. м в 1999. Причем частный фонд увеличился в два раза, а на самом деле больше, если считать все построенное гражданами жилье.

Люди получили бесплатно или купили по мизерным ценам миллионы новых земельных участков (в стране 40 млн землевладельцев) и научились строить более просторное и комфортное жилье, какого в стране не было за всю ее историю. В недавнем прошлом раму для арочного окна было сделать некому, и, кроме наличников и железных петушков на печных трубах, никакие архитектурные украшения не использовались. Сейчас большинство новых домов, как сельских, так и дачных, обставлены солидными мебельными предметами, над каждым домом телевизионная антенна, рядом почти с каждым – гараж.

Кстати, не замечать почти всеобщую автомобилизацию страны (около 20 млн произведенных и завезенных машин после 1991 г.) – это проявление слепоты и плохой социологии.

Создание основы благосостояния людей – жилья сопровождается уродливыми явлениями, которых можно было избежать

и которые еще придется исправлять. Вместо издания вычурных журналов по благоустройству нужно было создавать условия и объяснять, что настрой на дачную жизнь в дорогих и больших домах ошибочен и не соответствует нашим климатическим условиям. Городское население вбухало миллиарды долларов в загородное жилье, которое не имеет коммуникаций, которое невозможно отопить зимой и в котором работающая семья с детьми постоянно проживать не может из-за отдаленности от места работы и из-за отсутствия рядом школы и больницы.

Было бы лучше строить все эти комфортные дома в городской черте – в таком случае сейчас города выглядели бы лучше и потребность в квартирах была бы меньше. Но примитивная мечта советского человека о даче и нежелание городских властей предоставить землю для частных домов (столько сносили, чтобы построить многоэтажки!) оказались сильнее. Большинство загородных домов-монстров не функционирует, и перспектива полноценного использования неясна, как и будущее миллионов новых дачных построек. Работающие горожане жить в них не смогут, а новому селу они не нужны в таком количестве. Видимо, это останется памятником неправильному социальному планированию, отсталому менталитету и неразвитой городской антропологии.

РЕВОЛЮЦИЯ ДВОЙНОГО ОТРИЦАНИЯ

Современные государства так же уязвимы, как и государства прошлого. И главные вызовы государству сегодня находятся внутри самих политических сообществ. Важнейшим моментом для гражданской лояльности (на бытовом языке «любви к родине») являются условия социального преуспевания, которые создаются данным государством и для чего люди образуют, принимают и защищают свое государство. Эти условия могут быть далеко не самыми плохими, но воспринимаемыми как плохие, скажем, в результате навязываемого мнения представительного меньшинства при слабой компетенции сознания и даже под влиянием внешней пропаганды. Ситуация в России последних лет с этой точки зрения в отечественном обществоведении фактически не рассматривается, но именно здесь можно искать ответы на многие мучительные вопросы.

Хотя формально все нынешние постсоветские государства легитимны, ибо соблюдены должные внутренние и внешние процедуры, сам факт существования этих государств требует постоянного подтверждения. Применительно к России ситуация оказалась наиболее сложной, ибо ее больше всего затронула своего рода «революция двойного отрицания», когда вместе с демонтажем политического

режима, включая мощный компонент государственного (советского) патриотизма, оказались отринуты само государство и даже жизненная повседневность, существовавшая на протяжении десятилетий. Многообразии прошлой общественной жизни и противоречивые результаты советской политики, в том числе и в так называемом национальном вопросе, оказались редуцированы к литературным версиям «манкрутизации», «народоубийства» и т.п. Применительно к современному состоянию доминируют версии о «криминальном государстве» и «разбойном капитализме», которые также фактически отрицают легитимность государства.

Уходом от заботы о признании государства и его обустройстве как в экономике и политике, так и в умах людей являются дебаты об уникальности России, о российской или евразийской цивилизации, российском суперэтнотипе, разных вариантах географического и культурного детерминизма, а также одержимость пропагандой «многонациональности» при третировании общероссийской культурно-языковой и ценностно ориентированной общности. От ученых, а не от политиков идут предписания считать «родным» языком не материнский язык, язык дома и общения, а тот, который совпадает с паспортной записью национальности. От ученых, а не от политиков поступают наставления гражданам, что их «настоящие», «традиционные», «национальные» религии есть шаманизм и язычество, а не та вера, которую приняли их предки сто или двести лет тому назад. От ученых, а не от политиков исходят археологические, антропологические и архивные данные, что часть владельцев домов на одной и той же улице живет на «своей» этнической территории, а часть – не на «своей». Из тех же академических постулатов родились доктрины «своей» государственности или «безгосударственности», хотя в пределах России все имеют общее государство и у каждого есть паспорт как правовое подтверждение этого факта.

Западное академическое сообщество с энтузиазмом разделяет саморазрушительные язык и методологию российского обществознания. Казавшаяся когда-то несерьезной рейгановская метафора «империи зла» или поверхностная формула французского историка Э. Каррера д'Анкосса о «распадающейся империи» ныне стали непререкаемыми объяснительными концептами. Инерция мышления «холодной войны» и энтузиазм молодых соискателей степеней и грантов, чутко улавливающих потребности новых геополитических соперничеств, активно утверждают наши же собственные подкаски о «криминальном государстве», о «мини-империи», о «многонациональной стране», о самоопределении «несамоопределившихся наций» и т.п. Из всего этого рождается образ России как чего-то не свершившегося, как некой «серой зоны», открытой для новых геополитических дизайнов.

Эти верхушечные дебаты являются радикальным разрывом с сознанием молчаливого большинства, тех самых россиян, – термин, который некоторым ученым и политикам представляется эффемизмом чем-то наподобие «марсиан». Как заметил Глеб Павловский, действительно, в 1991 г. было выкрикнуто слово «Россия» в значении советской республики РСФСР – государство не очень понятное и плохо продуманное. В этом смысле Россия состоялась сначала как акт речи, но именно этот акт речи быстро обрел реальность. Здесь нет исторической аномалии, ибо таким же образом состоялись и другие современные государства. Рядовые граждане приняли новое государство, ибо вопрос о государстве для них – это не вопрос трудноразделяемого элитой символического и ресурсного наследия, а вопрос о тех новых возможностях личной жизни, которые ожидаются с новым государственным обозначением территории, где они жили и продолжают жить.

У обывателя, в том числе и интеллигента, нет государственного мышления в его повседневном варианте. Его государство там, где лучше или где привычнее. Постулат, когда-то высказанный академиком Абалкиным, пребывавшим в поиске национальной идеи, что служение стране и нации должно быть выше личного интереса, является, строго говоря, ненаучным. Ни один человек, включая академиков, ни одного дня своей жизни по этому принципу не прожил и жить не должен, за исключением особо распропагандированных энтузиастов. Даже чеченские комбатанты преследуют вооруженной борьбой и террором достаточно утилитарные интересы под лозунгами национального самоопределения и джихада.

Нынешнее государство под названием Российская Федерация – свершившийся факт, и все рассуждения в обратном направлении есть плохая услуга этому государству и разрыв с реальностью. В равной мере существует и российское согражданство, гораздо более гомогенное, чем в большинстве государств мира. Другое дело, что есть проблема кризиса идентичностей, особенно в аспекте диалога между прошлой советской и нынешней российской реальностями. Однако в последнем мне видится академическая форма преувеличения проблемы. Из повседневных наблюдений не видно, чтобы наши граждане ложились спать (если только они не дождались опроса-пародии в программе «Времечко») и вставали утром с подобными вопросами или терзали ими своих сослуживцев. Российская наука должна сделать предметом своего интереса социально-политическую и сложнокультурную общность россиян. Именно сложная (гибридная) культурная целостность, «негомогенное целое» (выражение М. Бахтина), а не абстракция «межнациональных отношений» заслуживают настоящего внимания и научной реабилитации.

Задача состоит в том, чтобы понять и объяснить власть, в том числе и для самих властвующих. В этом плане новое российское знание серьезно отстает от потребности, а старое знание этими вопросами фактически и не занималось, ибо советская власть во многом носила сакральный характер и академическому скальпелю не поддавалась. Здесь есть целый ряд свежих проблем. Одна из них – делегирование во власть и выход из власти. Интересны в данном контексте не только правовые нормы и другие механизмы поведения человеческого материала, вернее, мутации человеческого материала в системе властных отношений. Открывшийся для более широкой состязательности и для внешней экспертизы домен власти в России оказался неожиданной научной задачей и породил ряд поверхностных взглядов, которые, в свою очередь, привели к «ошибкам власти». В частности, утвердился и сохраняется постулат «честной» и «нечестной» власти в том смысле, что во власть попадают жулики и взяточники и от этого происходят многие российские беды. Число неоправдавших надежд чиновников множится с каждой новой сменой когорты властвующих, и уже это заставляет усомниться в верности исходной посылки приоритета положительной моральности человека во власти. Не дает ответа на вопрос и рецепт сделать властвующих достаточно состоятельными людьми, чтобы они не воровали, хотя, действительно, нищие политики порождают и нищую политику.

Вопрос честной власти в России – прежде всего вопрос правил и контроля, а уже потом вопрос моральных внутренних регуляторов и внешних увещеваний. Поскольку власть – это одна из самых престижных и значимых для общества профессий, рекрутирование в нее происходит трудным и сложным селективным путем. В принципе, как и в племенном обществе, этот процесс основан на компетенции, авторитете, силе и богатстве в различных сочетаниях значимости и использования этих факторов. Но те, кто приходят во власть, будучи специфически отборным (и чаще всего добротным) человеческим материалом, обладают завышенными запросами и ожиданиями. Они способны к рациональной саморефлексии: «Я управляю такой богатой страной (краем, отраслью, компанией)» или «Я так много делаю для страны (республики, народа, института)», что имею право жить лучше и даже богато. Сентенция А. Коржакова в его мемуарах: «Что же, я так и уйду из Кремля оболганным и нищим?», вполне верна в смысле всеобщего правила. В России это всеобщее правило обрело особые формы приватизации принадлежавших государству собственности и ресурсов через власть или через приближенность к власти. В народной метафоре и на языке

политической оппозиции данный процесс получил обозначение «разграбление страны» или «ограбление народа». В значительной мере это оказалось возможным в силу пассивности и безгласности населения в эпоху, получившую обозначение *гласность*.

По той же причине усилия специалистов по власти, а вместе с ними и более широкой общественности должны быть направлены не столько на бесполезное морализаторство, сколько на установление пределов обеспечения материальной состоятельности властвующих, в том числе в зависимости от материального положения самих управляемых. Новая российская власть действует по принципу полезных аналогий и заимствований. Посещая Капитолий, российские законодатели видят многочисленный штат помощников у своих коллег, но не замечают их личные машины (без водителей) на платной парковке у здания конгресса. Они хотят таких же просторных офисов, но не спрашивают про арендуемые или покупаемые конгрессменами квартиры в Вашингтоне. *Именно разрушение старых и отсутствие новых правил и общественного контроля позволили российским властителям создать симбиоз старых и новых привилегий, которые обрели внешне неприличный, но, к сожалению, терпимый избирателями и налогоплательщиками характер. В этом смысле власть такая, как и мы сами, – она есть наше отражение.*

Имеется и особая культурная специфика образов российской власти и властных иерархических взаимодействий, которая во многом оказалась заимствованной из старой системы статусных привилегий и символов – градация особых номеров служебных автомашин, служебных пропусков (вплоть до «вездехода»), численности охраны, месторасположения дачного дома и т.п. Нецензурная речь и особенно ритуально-рутинное потребление алкоголя – уже не просто культурологическая, а социально-политическая проблема, выходящая на уровень вопросов национальной безопасности. Фактически все решения по Чечне 1994–1996 гг., от самых высших до военно-полевых, принимались в состоянии алкогольной интоксикации.

Есть проблема амбиций и самонадеянности власти, также доставшаяся в наследство от периода «слуг народа». Только вместо строгой иерархии и культа вождя, за которым было высшее и последнее слово, появились множественные центры власти и многие вожди, каждый из которых узурпировал избирательный механизм для собственной легитимации и персональной свободы действий. Особенно ярко это сказалось в заимствовании новых или возрождении старых обозначений для «первых лиц» разного уровня. Так, в России появились «президенты» и «губернаторы», чтобы можно было говорить: «Я и мой народ», как это стал делать одним из

первых бывший президент Северной Осетии А. Галазов, а за ним и другие.

С точки зрения политической антропологии, в современной России есть еще ряд важных проблем:

- состояние компетенции правящего корпуса и экспертного обеспечения законодательно-правовых норм и управленческих решений;

- необоснованная или цинично политизированная эскалация низовой мифологии и несостоятельных доктрин на уровень официальных текстов и деклараций;

- гражданская ответственность властвующих и проблема их «мягкого» выхода из власти.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ НОРМЫ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Традиционное обществоведение пользуется обычной дихотомией: «власть и народ». Однако либерализация породила нового актора среднего уровня. Под этим понятием имею в виду слои активистов, политических и этнических предпринимателей, действующих вне институциональной власти и системных отношений. Это также новое явление со своей культурной спецификой. Здесь есть явная узурпация коллективной воли тех, от имени которых действуют активисты. Как правило, они являются лидерами (легитимными и самозванными) групп меньшинств, в том числе этнических и религиозных. Достаточно юридически зарегистрировать реальную или мифическую организацию под названием «Союз мусульман России», чтобы сразу стать «лидером мусульман» в стране. Современное самозванство (от «академика» и «человека года» до «национальных лидеров») – крайне интересная черта ментальных приватизаций у российских граждан, которые обнаружили, что можно гораздо больше, чем это было долгое время позволено. Кстати, этим (в основе своей советским) стремлением к статусности и иерархии довольно ловко пользуются авантюристы-предприниматели: за последние годы всевозможные «ню-йоркские академии» и дарители дипломов и званий неплохо заработали на денежных переводах и взносах россиян, вручая им разного рода красиво напечатанные бумажки и удостоверения.

Можно иронизировать или гневаться по поводу того, что наряду с «настоящими» появились «ненастоящие» академики, можно ревностно оберегать узкий мир официальных привилегий и наград (как заявил Олег Табаков, прижимая к груди врученный президентом премиальный диплом: «Получали, получаем и будем получать»), но в целом символично-статусная сфера российской жизни

стала существенно другой. Она лучше прежней, ибо свободнее и разнообразнее. Но это не значит, что в ней нет проблем. *Главная проблема – как статус и престиж, а также ресурсы, условно говоря, внесистемных (имея в виду старую систему) акторов существуют с порядком и государственностью и насколько они признают последние.* Здесь есть проблема политически корректных симпатий: почему один «внесистемный» активист с нашитыми на штаны казачьими лампасами получает кабинет в Кремле и входит в систему, а другого третируют или не замечают. Или же замечают и поддерживают внешние манипуляторы, чтобы разрушить легитимный порядок. Ибо именно на этом среднем уровне инициируется вызов по отношению к статус-кво и даже массовый выход из правового пространства.

Что касается уровня «масс», то традиционный подход трактует его как инертный и больше всего страдающий. Здесь произошли не менее глубокие трансформации, которые подтверждают мое наблюдение, что способность общества к инновациям и модернизации гораздо выше, чем представляют и замечают ученые, особенно отслеживающие макроуровни общественного процесса, или этнографы «традиционных общин». В стране осуществилась массовая приватизация времени, пространства и, отчасти, ресурсов (здесь круг гораздо уже). В последние годы россияне открывают внешний мир, хотя, к сожалению, ценой снижения интереса к собственной стране. Сейчас ежегодно выезжает за рубеж порядка 10 млн человек, причем не за государственные 7 долл. в день, как в прошлом, а на свои собственные средства. Такого не могут позволить себе бразильцы или мексиканцы, которые, согласно официальной статистике, пребывают с россиянами примерно на одном уровне достатка.

Российские «народные массы» демонстрируют разительный прорыв в культурном производстве, которое и до этого относилось к числу приоритетных для советского человека и для государства. Из этой сферы возьму только образование, науку и высокую культуру. Здесь, пожалуй, сократилось только число дошкольных образовательных учреждений (у родителей появилось больше возможности воспитывать детей дома, так как возросло число неработающих матерей). Все школы и вузы функционируют, и престиж образования не снизился, если судить по набору студентов и по более богатому выбору образовательных институтов. Число вузов увеличилось с 502 в 1985 г. до 880 в 1997 г., а число студентов – с 2,9 до 3,2 млн за тот же период. В целом именно жизнь молодого поколения оказалась намного лучше и интереснее.

Так называемый кризис науки, возможно, касается ряда естественных наук и военно-промышленных разработок, но обществен-

ные науки он затронул только в плане кризиса теоретико-методологических основ, да и это имело место, скорее, на начальном этапе российских трансформаций. Риторика жалоб здесь (и не только здесь) используется главным образом для того, чтобы сохранить государственное обеспечение, действующую систему организации науки и существующие кадровые ресурсы. Это само по себе понятно, но к реальному кризису имеет условное отношение. В 1990-е годы Институт этнологии и антропологии РАН произвел научной продукции в три–четыре раза больше, чем за предыдущее десятилетие. Такая же ситуация в других гуманитарных институтах. В обществоведческий арсенал введено огромное количество новых и забытых имен ученых, осуществлены крупномасштабные переводческие проекты. Новым и позитивным явлением стала деятельность двух государственных научных фондов (Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда), через которые получает поддержку лучшая часть ученого сообщества.

Мы не затронули целый ряд общественных сфер, где происходят или уже произошли глубокие трансформации, которые не замечаются или плохо интерпретируются. Но даже этот анализ позволяет сделать вывод, что *в России стало жить лучше, хотя и сложнее, а сложность есть признак человечности.*

МИФ О ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЕ В РОССИИ*

Начнем с цитаты из ежегодного послания Президента РФ Федеральному собранию в 2001 г.: «Уже несколько лет численность населения страны в среднем ежегодно уменьшается на 750 тысяч человек. И если верить прогнозам, а прогнозы основаны на реальной работе людей, которые в этом разбираются, – уже через 15 лет россиян может стать меньше на 22 миллиона человек. Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость нации окажется под угрозой. Нам реально грозит стать дряхлеющей нацией». Вопрос о «вымирании России» сегодня обсуждают многие, ибо люди, включая президента, привыкли доверять статистике и тем, кто «в этом разбирается». Отечественные статистика и демография имеют сильные традиции, но специалисты, давшие такие оценки, ошибаются.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИММИГРАЦИИ

Начиная с 1960-х годов большинство развитых стран имеет очень низкий или нулевой рост населения. Никто по этому поводу истерик не закатывает, даже занимающая второе место в мире после России по размерам территории Канада, где численность населения еще меньше, чем у нас, и почти все оно (90%) проживает в полосе шириной 200 миль вдоль границы с США. А менее развитые государства, особенно бедные, больше озабочены сдерживанием роста собственного населения, ибо увеличение числа жителей страны далеко не всегда связано с ее успешным развитием и благосостоянием.

Понятно, что если в стране выше рождаемость, меньше смертность и больше иммиграция, то население растет, если наоборот – уменьшается. Однако строить в этом отношении прогнозы на дальнюю перспективу – вещь довольно скользкая. В начале 90-х годов многие специалисты прогнозировали, что в течение нескольких лет в Россию как на свою историческую родину приедут 5–7, а может быть, 10–15 млн «соотечественников». В реальности ока-

* Газетный вариант опубликован под названием «Готовы ли мы к переписи населения?» См.: Независимая газета. 2000. 10 окт. С. 8.

залось, что прибыли 2–3 млн из тех, кого ожидали. Зато приехали несколько миллионов новых жителей страны, которых не прогнозировали и которых, к сожалению, до сих пор отказываются считать жителями страны.

Наша статистика не учитывает (а значит, и не признает за часть населения!) примерно 3–4 млн человек, которые в подавляющем большинстве не имеют российского гражданства, но живут в России. Это прежде всего граждане Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы, Украины, прибывшие в Россию в последние годы и находящиеся здесь временно или постоянно. По всем принятым критериям они входят в совокупное население страны. Поскольку эти миллионы неучтенных людей, главным образом мужчин, составляют одну из динамичных демографических групп, то обнаруженные данные о качестве населения и его возрастной структуре оказываются несостоятельными. Если бы таким же образом считали свое население Германия или Франция, где по десятку миллионов жителей не имеют гражданства, то там давно бы уже обнаружилась «демографическая катастрофа». А в США и Канаде, где в составе населения доля новожителей без гражданства и временных иммигрантов еще больше, такая «катастрофа» наблюдается уже с полвека.

Какие бы чувства ни испытывали некоторые к тем, кого бытовой расизм именует «черными», «азиатами», «кавказцами» и т.д., серьезные специалисты-демографы не могут согласиться, чтобы несколько миллионов жителей страны исключались из анализа демографической ситуации.

В истории много примеров, когда иммиграция или эмиграция играли весьма существенную роль. В качестве примера здесь можно привести не только страны, образовавшиеся на основе переселенческой колонизации. Во второй половине XX в. население государств Западной Европы растет фактически за счет иммигрантов и их потомков. Подобное происходит сейчас и в России. *Мой прогноз состоит в том, что именно иммиграция является и будет довольно долго оставаться важным фактором формирования населения страны. Нужно только изменить к ней отношение и научиться лучше считать.*

Органы государственной статистики и специалисты по народонаселению не прилагают должных усилий, чтобы более точно оценить влияние вновь прибывших или временно находящихся на территории страны людей на демографическую ситуацию. Не отрицаю факта снижения рождаемости и роста смертности, однако официальные данные о численности населения России выглядят столь неблагоприятно именно по причине пренебрежения проблемой имми-

грации. Но даже если не считать незарегистрированных жителей, то и в этом случае общая численность населения страны за 10 лет изменилась мало: 147,4 млн человека в 1989 г. и 148,7 млн в 1992 г. (период роста); 148,4 млн в 1994 г. и 146,7 млн в 1998 г. (период падения). За 1999 г. Госкомстат дал драматическую величину падения общего количества жителей – 1,2 млн человек (до 145,5 млн на 1 января 2000 г.). Это в три раза больше, чем в предыдущие несколько лет, когда каждый год население уменьшалось примерно на 300–400 тыс. человек.

У серьезных специалистов такие данные вызывают вопросы. Что должно было случиться, если при схожей динамике определяющих численность населения факторов (снизилась только зарегистрированная иммиграция) статистика зафиксировала столь сильное сокращение общей численности? На протяжении скольких лет она должна уменьшаться на 750 тыс. ежегодно, чтобы сделать апокалептический вывод о сокращении населения на 12 млн через 15 лет? Наталья Римашевская предсказывает, что в 2075 г. в стране будет около 50 млн жителей («Независимая газета». 2000. 9 янв.). Давать такой прогноз можно только в уверенности, что до момента спроса за него сами прогнозисты просто не доживут. *Абсолютно уверен, что при всей сложности демографической ситуации подобного сокращения населения в России не будет.*

КОГО И КАК СЧИТАТЬ

Как бы ни было сложно считать мигрантов и незарегистрированных жителей, делать это необходимо. Иначе получается, что Госкомстат России и ряд ученых фактически поставляют искаженную информацию о демографической ситуации в стране, квалифицируя некоторые кризисные явления, а также факт уменьшения постоянного населения как «демографическую катастрофу». Эту подсказку еще до Владимира Путина повторил Михаил Касьянов, когда, выступая в Государственной думе во время процедуры утверждения в должности премьер-министра, сообщил о снижении численности населения России на мифические 7 млн человек. Но такого на самом деле нет, даже если это данные Госкомстата, который сейчас считает только тех граждан и неграждан, на кого местные паспортные столы передали талоны регистрации. Добрая часть этих талонов может валяться по паспортным столам значительное время или совсем не передаваться в вышестоящие органы. А сколько миллионов жителей предпочитают не иметь дело с паспортными столами, к сожалению, не известно даже приблизительно.

Еще более непрофессиональными выглядят прогнозы скорой депопуляции России и «вымирания» русских. Некоторые об-

личители «антинародного режима» Горбачева–Ельцина–Путина или просто заблуждающиеся специалисты предсказывают, что к 2020–2025 гг. население страны составит 100 млн человек («Независимая газета». 2000. 9 янв.) и что численность этнических русских якобы снизится до 65–70 млн, а к середине нового века дойдет до 35–40 млн! Историк Юрий Кобищанов объявил, что «к 2020 г. число потомственных (?! – *В.Т.*) русских в России должно сократиться до 85 млн и в дальнейшем будет продолжать уменьшаться» («Независимая газета». 1995. 2 окт.).

Эти данные о том, «сколько нас останется в России» (сама фраза выдает заданный настрой), строятся на примитивных проекциях графиков рождаемости и смертности в стране на примере всего нескольких лет и без учета детей вновь прибывших жителей.

Прежде всего, никто и никогда для большого и сложного по составу населения государства таких долговременных графиков не строит. Демографическое поведение людей достаточно причудливо и не связано жестко с «обнищанием» или «ограблением» народа. Рождаемость может увеличиваться в самые тяжелые времена и среди относительно бедных групп населения. Еще следует толком изучить, что повлияло больше на сокращение рождаемости в России в 1990-е годы – «шоковая терапия» или радикальные сдвиги с точки зрения доступности противозачаточных средств, возможностей выполнения более современных тестов и более простых операций по прерыванию ранней беременности. Сказался и отъезд за границу в более богатые страны на учебу и работу многих молодых людей – фактор, который в объяснениях специалистов фактически не присутствует. Но самое важное то, что даже незначительное улучшение экономической ситуации и психологического климата может сильно повлиять в ближайшем будущем как на рождаемость, так и на иммиграцию в Россию. Поэтому рисовать ужасающие графики крайне рискованно, тем более, что ничего аналогичного в недавнем историческом опыте нашей и других стран не наблюдалось. Нам неизвестны современные государства, где бы население или доминирующая этническая общность сократились вдвое или втрое за 30–50 лет.

Приходится также напоминать, что динамика численности населения страны складывается далеко не из одного только естественного движения населения. *Иммиграция в Россию будет возрасти с учетом ее огромной притягательности для культурно близкого населения других стран бывшего СССР и даже для жителей других стран, прежде всего для китайцев.* Последние не представляют собой носителей некой неадаптируемой «чуждой» цивилизации, как считают некоторые специалисты. Китайцы прекрасно адаптируются во многих странах, в том числе европейских, и даже без знания

русского языка могут составить серьезную конкуренцию на рынке труда иммигрантам из той же Средней Азии. Я не являюсь сторонником массового заселения Сибири и Дальнего Востока выходцами из Китая, но необходимо обсуждать привлечение китайской рабочей силы в страну и ее рациональное размещение, а не произносить воспаленные и необоснованные сентенции насчет якобы уже происходящей китайской экспансии на Дальнем Востоке. Эти последние – наиболее яркая демонстрация некомпетентности специалистов и зашоренности политиков.

Уже состоявшаяся иммиграция и неизбежная (к большому благу для страны) будущая иммиграция обязательно повлияют на рост рождаемости в России в самые ближайшие годы. Все выстраиваемые графики грозящей демографической катастрофы ровным счетом ничего не стоят. Они, кстати, очень лукавы, ибо сходная ситуация существовала на территории РСФСР (особенно в так называемых русских областях) и в 1970–1980-е годы, а общий рост населения СССР обеспечивался благодаря росту населения республик Средней Азии и Закавказья, а не собственно России.

РЕЦЕПТЫ ВМЕСТО ФРАЗ

Период реформ в России действительно связан с серьезными демографическими проблемами. Прежде всего, это относительно высокая смертность, особенно среди мужчин и детей. Но ни одна из этих проблем не может квалифицироваться как катастрофическая, кроме мужской смертности среди средних возрастов, тем более, что драматические фразы делу не помогут: рожать от этого больше не станут, людей на дорогах будет гибнуть не меньше и травиться алкоголем также. Нужно действовать по конкретным направлениям сохранения здоровья и жизни людей и содействия рождению второго и третьего ребенка в семье, в том числе выделять для этого государственные средства. Не помешают и пропаганда здорового образа жизни и деторождения, меры против курения, производства некачественной водки, травматизма. *А самое важное – внушение жителям страны, каждому человеку, начиная с малого возраста, что прежде всего сам человек ответствен за свое тело и за его здоровое состояние. Уверен, что в вопросах смертности фактор пренебрежения здоровьем весомее факторов доступности лечения и недостаточного питания.*

Перепись 2002 г. должна будет решить важнейшую задачу – установить более или менее точную численность населения России. Нечтенное население – извечная проблема переписей, но должны быть предусмотрены дополнительные меры, чтобы сотни тысяч сезонных

(часть из них фактически постоянные жители) рабочих и предпринимателей, которые занимаются строительством или торговлей в Москве и других городах или строят частные коттеджи в Подмосковье, попали в поле зрения переписчиков. Тем более данные не будут точными, если перепись не учтет миллионы жителей без российского гражданства или выехавших из зон конфликтов, которые могут просто побояться встречи с переписчиком. Закрытые железными дверями подъезды домов и квартир – это, пожалуй, главная проблема переписи. Уже сейчас необходимо объявить законодательную гарантию, что индивидуальные переписные данные не могут быть предоставлены никаким ведомствам и службам, судебным, налоговым и миграционным органам, ни по каким частным запросам, включая исследователей (только по истечении минимум 50 лет). За нарушение – пять лет тюрьмы и 5 тыс. долл. штрафа, как, например, в США. Только так можно создать климат доверия, без которого перепись будет просто выброшенными на ветер деньгами.

КАК СЧИТАТЬ БЕДНОСТЬ И БОГАТСТВО?

Еще более важен вопрос об оценке социальных условий жизни. Доминирующая позиция обществоведов и политиков сводится к тому, что в годы реформ произошло всеобщее обнищание и грандиозное социальное расслоение населения страны. Обычно считалось, что 10% граждан выиграли от реформ и 90% проиграли. Недавно Григорий Явлинский публично заявил, что 97% населения страны живет в нищете. Аналогичные утверждения присутствуют в повседневной риторике Геннадия Зюганова. Правда, в последнее время среди специалистов появились некоторые поправки в пользу «выигравших». Однако эмоциональная предубежденность настолько сильна, что затрудняет спокойный анализ.

Те, кто говорит об «обнищании народа», убедительных аргументов, кроме малонадежных данных о сокращении потребления и об ухудшении состояния здоровья, об обследованиях домохозяйств по устаревшим или неподходящим для российской ситуации методикам, не приводят. Н.М. Римашевская пишет об очагах концентрации бедности и называет одним из первых среди них Северный Кавказ. Посетив в июне 2000 г. Дагестан (если верить статистике и даже хорошим специалистам, это самый бедный, депрессивный и на 90% дотационный регион страны), еще больше убедился, что существует грандиозная мистификация относительно реального положения дел в стране. Современный Дагестан видится мне динамичным обществом, где люди одержимы исполнением своей основной миссии – социальным обустройством собственной жизни, мобилизуя

для этого не только изобретательное предпринимательство (в Махачкале, например, около 4 тыс. частных «Газелей» и «Соболей» обслуживают пассажирские и транспортные перевозки), этнические и родственные коалиции, неправовые методы (воровство и мафиозные структуры), но и отчаянный торг с Центром за дополнительные ресурсы. В итоге по крайней мере равнинная часть республики от Кизляра до Дербента, где сосредоточено около 70–80% населения, совсем не демонстрирует бедность, если брать в расчет размеры и качество жилья, потребляемые товары длительного пользования и престижного характера. Общие данные о состоянии здоровья населения по Северному Кавказу выглядят лучше, чем в других регионах страны, кроме Центрального. Хотя в сельских районах республики распространен туберкулез, имеются проблемы с детской смертностью и здоровьем женщин. Здесь есть над чем задуматься экспертам, если они хотят действительно «замерить» и «сосчитать» местные сообщества.

Одиноким нищим на российских городских улицах не идут ни в какое сравнение с уличной нищетой Лос-Анджелеса или Нью-Йорка. Тем, кого смущают подростки, продающие газеты или моющие автомобили в учебное время, можно посоветовать познакомиться с улицами мексиканских, бразильских или индийских городов. Россияне просто не видели, что такое подлинная нищета. Когда многие обездоленные (в большинстве своем нуждающиеся в лечении от алкоголизма) оказались доступны невооруженному глазу, а социальная расслоенность проявилась за пределами обкомовских заборов, то это вызвало у наших людей психологический шок. Не составляют исключения и профессиональные обществоведы.

Но главное состоит в относительности самого понятия «бедность» или «обнищание». Бедность в Великобритании или в США — это не бедность в Индии или в странах Африки. Смею утверждать, что Россия в данном случае скорее попадает в первую категорию (точнее, в категорию стран Восточной Европы, Балтии и западной части стран СНГ), чем во вторую. Наша бедность никак не согласуется не только с хорошей одеждой и драгоценностями в ушах жалующихся, но и с более глубокими социологическими и демографическими характеристиками феномена бедности. Назову моменты, которые говорят скорее о «психологической» бедности образованного и имеющего высокие социальные ожидания населения, а не о реальной нищете.

Например, 10 из наиболее бедных стран, ныне переживающих посткоммунистические трансформации (с совокупным доходом менее 1000 долл. на человека в год), имеют среднюю детскую смертность 37 на тысячу рожденных и доживших до одного года. Если

взять страны остального мира с подобным уровнем доходов, то там средняя детская смертность составляет 81 на тысячу! Грамотность среди взрослого населения в этих 10 странах достигает 98%, а в остальных странах той же категории – не более 70%. Общая рождаемость находится на уровне 2–3 детей по сравнению с 5 детьми в остальных странах мира с аналогичными доходами. Другими словами, если некоторые посткоммунистические страны (кстати, Россия числится в более благополучной категории по уровню доходов, т.е. выше 1000 долл. в год на человека) действительно имеют бедное население, тогда в них должно умирать больше младенцев и гораздо больше рождаться, а также не может быть так много грамотных людей, ибо это тоже стоит больших денег.

Рост числа вузов и студентов в стране в последние годы и резкое увеличение набора студентов в 2000 г. говорят о том, что люди могут позволить себе высшее образование (вместо необходимости зарабатывать на хлеб), и таких людей, возможно, даже больше, чем это необходимо для страны. Слишком большое количество людей с вузовскими дипломами среди жителей Косово, Северного Кавказа и Закавказья (пропорционально выше, чем во Франции или Англии!) явно не способствовало стабильности в этих регионах.

МИМО ЧЕГО ПРОХОДЯТ ЭКСПЕРТЫ

Моя позиция «в России жить стало лучше, но сложнее» лишь отчасти является формой гуманитарной терапии. На самом деле, это вызов несостоятельному отечественному обществоведению, которое несет часть ответственности за хождение таких метафор, как «катастрофа» и «обвал», ибо порождает подобных чудовищ прежде всего в головах людей. Статистика не может вырваться из этого дискурса, ибо сама делается распропагандированными людьми или просто обслуживает политический запрос. Как можно оставлять без внимания наличие почти 40 млн земельных участков в собственности граждан, большая часть из которых получена и обустроена именно в последние десять лет? Статистика почти обходит частное загородное строительство, в том числе дополнительные постройки, перестройки и прочие улучшения, поскольку очень многие владельцы недвижимости не могут преодолеть канитель регистрации домостроений или не желают этого делать. Очень вероятно, что многие не сообщают данные сведения и в ходе переписи. Но именно сюда (новые дома и квартиры) ушли основные ресурсы и средства граждан (в основном «изъятые» или, если хотите, украденные у государства и из окружающей среды), если не считать многочисленных квартирных улучшений, таких, как новые окна, двери, сантехника,

ремонт комнат и прочее. Перепись может не зафиксировать и миллионы загородных особняков, ибо подавляющее большинство их считаются недостроенными или официально не оформлены. Если все это окажется проигнорировано, то цена переписи, с точки зрения изучения социальных условий, будет ничтожной.

На чем основана моя убежденность в том, что уровень и объем социальных улучшений гораздо больше, чем нас убеждают статистика, некоторые ученые и публицисты? Во-первых, опираюсь на некоторые макропоказатели, такие, как, например, производство в стране кирпича и других строительных материалов, количество потребляемой населением электроэнергии, объем производства и импорта легковых автомобилей, мебели, телевизоров, холодильников, текстиля, предметов быта и обихода, лекарств и многих других необходимых вещей. Не может же все это «скушать» мафия или даже 10% «другой России», если легковая машина (особенно после появления действительно «народного автомобиля» – вазовских моделей) стала достоянием почти каждой семьи (если считать родителей и детей).

Во-вторых, есть определенные этнографические данные. При всем уважении к представительным обследованиям бюджетов домохозяйств, о котором упоминают авторы статьи в «Независимой газете» (2000. 6 марта) Владимир Иванов и Анатолий Суворов, наши наблюдения в малом уральском городе Нижние Серги (17 тыс. жителей) и нескольких деревнях, не говоря уже о московской агломерации, приводят к иному выводу. Хотя расчеты валового внутреннего продукта или доходов домохозяйств, используемые для оценки уровня бедности, как правило, включают в себя оценки теневой экономики, более вероятно, что компенсация экономического спада деятельностью в неофициальном секторе намного больше, чем принято считать. Эта деятельность и многие другие механизмы «выживания» остаются вне сферы охвата статистики. Важнейшим моментом замещения доходов является, например, гораздо большая степень перераспределения средств в рамках родственных связей, когда более состоятельные родственники оказывают помощь менее состоятельным. Частные формы такого вспомоществования в некоторой степени заменили былую систему социального обеспечения. Добротной антропологии такого рода новых социальных отношений у нас, к сожалению, нет.

Безусловно, в стране имеются случаи, когда родители живут на детские социальные пособия. Но не менее очевидно и другое: сегодня намного больше молодых людей помогают даже еще не старым и работающим родителям, чем это было в прошлые времена. Вся статистика говорит о том, что молодые когорты самодетельного

населения гораздо больше преуспели в новых условиях, и эта ситуация однозначно принимается родителями. Отсюда один из моих выводов: улучшение жизни детей есть общее улучшение, причем не только в перспективе, но и уже сегодня.

ЧТО И КАК СЧИТАТЬ В МНОГОЭТНИЧНОЙ СТРАНЕ?

Это важный вопрос дискуссии, связанный с новой переписью населения. Он сложнее, чем представляет себе Госкомстат, хотя в нем работают хорошие специалисты. Прежде всего надо уяснить, что мы собираемся установить – некую номенклатуру «национальностей, национальных или этнографических групп» (так сейчас звучит формулировка вопроса переписи) или наличие у российских граждан различных форм этнокультурной идентичности, которые часто носят множественный и не взаимоисключающий характер? В большинстве развитых стран, проводящих переписи, данные об этническом составе населения или совсем не фиксируют (там предпочитают спрашивать о языке, религии или расе) или фиксируют этническую принадлежность в ее множественном варианте.

Последняя перепись населения США, проведенная в начале 2000 г., позволяла давать множественный ответ не только на вопрос об этническом происхождении, но и на вопрос о расе.

Что-то похожее мы имеем в России применительно к категории «национальность». Существовавшее на протяжении десятилетий (фактически начиная с переписи 1926 г.) понимание этой субстанции привело к глубокой вере в то, что население стран состоит из отдельных народов (этносов) и этнографических групп (субэтносов), которые и составляют реестр национальностей. К тому же большинство этнических общностей прошло этап обучающей «национализации», т.е. их представители считают себя «нациями», и это косвенно признается государством в конституционной записи о многонациональном народе России. Понятие «национальность» в смысле этнической, а не гражданской принадлежности вьелось в сознание довольно глубоко. Однако ждать, когда политики и ученые дойдут до понимания проблемы, уже невозможно. Перепись 2002 г. следует провести по современным канонам применительно ко многим аспектам, особенно касающимся национальности.

Перепись отличается тем, что собирает агрегированные данные об этнической (национальной) принадлежности, т.е. как бы устанавливает перечень и численность проживающих в стране этнических общностей (народов). Делается это на основе индивидуальной идентификации, кроме малолетних, за которых решают родители. Длительные споры идут о том, сколько народов реально проживает в стране. Некоторые ученые полагают, что для выяснения полной

и объективной картины необходимо только позволить фиксировать все самоназвания и не заниматься их корректировкой через «встречный» список народов, который подготовлен учеными. Этот подход исходит из той же посылки, что где-то в глубине личного сознания существует подлинное «национальное или этническое самосознание», выражаемое в групповом самоназвании. Это самовыражение якобы не имело места в прошлом, поскольку не поддерживалось государством и экспертами, которые не желали «признавать этносы». Следует сказать, что в советский период манипуляции с перечнем национальностей были довольно частыми и во многих случаях откровенно насильственными. Более того, даже сам по себе встречный список народов – это всегда не расширение, а сужение числа этнических единиц. Но было и мирное конструирование «социалистических наций и народностей», в том числе и по рекомендации ответственных ученых, по выбору местных элит и даже по причине благозвучия. Проблема с данным подходом объясняется другими причинами. Во-первых, наивной верой, что этническая идентификация всегда главнее других форм социальной идентификации и что она всегда четко осознается человеком. На самом деле, феномен этничности имеет более сложную природу, в том числе и прежде всего на личностном уровне. Этническая идентичность может носить многоуровневый характер, и трудно сказать ботлихцу, цумандинцу или ахвахцу, что он не может называться также и аварцем, или эрзянец не может одновременно называться мордвой (такая ошибка уже была допущена в переписи 1994 г.).

Во-вторых, в стране проживают миллионы граждан смешанного этнического происхождения, разделяющие культуру, язык и самосознание как минимум обоих своих родителей. Этих людей больше нельзя ставить перед необходимостью взаимоисключающего выбора, даже если они привыкли так делать в предыдущие времена, не подозревая, что имеется и другой выбор – за пределами госинструкций.

В-третьих, этническая самоидентификация столь подвижна, что даже если одна перепись зафиксирует «полную картину этносов», то следующая даст наверняка другой список – больший или меньший, но обязательно отличный от предыдущего. К тому же право менять и определять свою национальную принадлежность и даже указывать или не указывать ее является полной прерогативой отдельного человека. Поэтому отказ от списка ради «открытого листа», но с той же самой методологической установкой ничего не даст, кроме сумятицы и новых споров о том, что есть народ, этнос, нация, этнографическая группа и т.п. Не поможет здесь и предложение ввести иерархию этнических общностей как по линии «в основном проживающие на территории Российской Федерации» и «в основном проживающие за пределами», так и по линии вертикальной иерархии (этносы-субэтносы): например, казаки или по-

моры как субэтноты русских, а болгары или мишари как субэтноты татар, дигорцы как субэтнот осетин и т.д. В конечном списке все равно останутся национальности *казаков, болгар, дигорцев* и многие другие, которые или в списке не присутствовали, или находились в некоей подкатегории.

В нынешней общественно-политической ситуации идеальный, с точки зрения современной науки, вариант переписи этнических общностей нам представляется невозможным. Дай Бог преодолеть давление националистических сил и внедряемые местными администрациями республик ассимиляционистские установки в пользу так называемых титульных национальностей. Не исключено и давление со стороны шовинистических групп и политиков с целью приумножить «государствообразующий этнос». Отчаянную мобилизацию вокруг переписи могут устроить и лидеры малых групп, не имеющих территориальных автономий. Здесь важнее сохранить как можно больше свободы спокойного выбора при разумных разъяснениях со стороны переписчиков. А разъяснения эти должны быть следующими. Вы можете указать одну или несколько этнических (национальных) принадлежностей или никакой: например, русский и еврей или русский еврей, украинец и армянин, татарин и башкир и т.п. Вы можете указать сложную национальность, обозначив ее через дефис: например, мордва-эрзя, осетин-дигорец, русский-казак, калмык-казак, русскийпомор, татарин-кряшен и т.п. Таковы на данной стадии мои предложения.

И все же в соответствии с существующей в стране практикой Институт этнологии и антропологии РАН подготовил для Госкомстата России «Перечень национальностей и этнических групп для разработки материалов Всероссийской переписи 2002 г.», в котором значится 158 названий (точнее сказать, категорий учета). Это на 30 единиц больше, чем в переписи 1989 г. Но на самом деле, в нем 60 новых названий, ибо исключены 30, которые были в последней советской переписи. Неправомерно считать отдельными «народами России» несколько десятков или даже сотен австрийцев, албанцев, американцев, англичан, арабов, афганцев, венгров, голландцев, испанцев, кубинцев, португальцев, румын и т.д., как это было в прошлых переписях. Вместе с немногочисленными представителями примерно еще одного десятка народов, ныне проживающих главным образом в других государствах бывшего СССР, все они перейдут в категорию «другие национальности» без всякого ущерба для науки и статистики.

Смогут ли ученые и статистики определить по итогам переписи тот самый «настоящий» список национальностей – это уже другой вопрос, и он не имеет принципиальной важности, ибо *в России живет один народ – россияне, отличающийся, как и народы других государств, богатством своей культурной сложности.*

ЯЗЫК И АЛФАВИТ КАК ПОЛИТИКА*

В Республике Татарстан возникла проблема общегосударственного значения, хотя речь идет всего лишь о смене алфавита татарского языка с кириллицы на латиницу. Руководство Татарстана и часть местной интеллигенции инициировали принятие республиканского закона, который предусматривал начало реформы с сентября 2001 г. Еще раньше этому предшествовала принятая в 1991 г. «Концепция развития татарского просвещения», которая определила курс на последовательную автономизацию так называемой национальной школы Республики Татарстан, ее организационную и содержательную изоляцию от национальной российской школьной системы.

ЧТО ТАКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ?

Основной аргумент состоит в том, что латиница более адекватно отражает фонетический строй татарского языка, а длительное существование кириллицы наносило ущерб функциональному развитию этого языка, принося неудобства его носителям. Приводятся мнения республиканских политиков, что языковые вопросы решает народ, которого это прежде всего и касается, а остальное общество и федеральные власти не должны здесь навязывать свое мнение. Одним из основных аргументов в пользу реформы приводится решение Всемирного конгресса татар – эпизодического собрания «гостей республики», по сути своей никого не представляющего и крайне политизированного.

То, что данный вопрос носит политический характер и является рецидивом татарского этнонационализма, имеет целый ряд подтверждений. В политической повестке он стоит еще с начала 1990-х годов. Указом президента Татарстана в 1997 г. предусматривалось совершенствование графики – кириллицы, на которой татарский язык успешно развивался почти 70 лет, и даже самые выдающиеся специалисты не выступали в пользу латиницы, хотя эти вопросы не были закрыты для обсуждения в послесталинские времена. Однако

* Статья послужила основой газетной публикации под названием «Алфавит как политика». См.: Труд. 2001. 21 фев. С. 5.

тенденция перехода на латиницу взяла верх, причем одним из основных аргументов была геополитика – выход на тюркоязычный мир и вхождение в мир массовых коммуникаций.

Вопрос о смене алфавита был поручен или инициирован в его законченной форме Институтом истории Академии наук Татарстана, возглавляемым политическим советником Минтимера Шаймиева Рафаэлем Хакимовым. При этом институте существует Центр истории и теории национального образования, который и представил «Национальную доктрину развития образовательно-воспитательных систем в республике Татарстан». Цель доктрины – отказ от унитарной системы и создание национальной системы образования. Скорее всего, речь идет о реформе всей школьной системы в республике. Как упоминается в документе, «вполне понятно, что в скором будущем придется отказаться от московских программ и учебников и подумать о составлении своих учебно-методических пособий для русских школ, поскольку реорганизация унитарной системы образования в национальную касается и функционирующих на территории республики русских школ».

Данная позиция рассматривать республиканские системы образования как «национальные» происходит из советской доктрины так называемой национальной школы, под которой имелась в виду (этот взгляд сохранился и до сих пор) не государственная (т.е. национальная) система образования, а этнокультурно ориентированная система обучения. При Министерстве образования РФ и Министерстве федерации РФ действует Институт национальных проблем образования, который и сегодня рождает концепции «национального образования». Их авторы фактически предлагают обучать некоего коллективного субъекта под названием «этнос», а слово «ученик» даже и не упоминается. Не удивительно, что исходящая из Москвы саморазрушительная логика этнического, а не гражданского образования нашла свое полное завершение в татарстанской доктрине, в которой вообще не идет речь о формировании гражданского сознания молодых россиян: «Национальная доктрина образовательно-воспитательных систем в Республике Татарстан» является отражением государственной политики в области образования. В ней последовательно проводится идея суверенизации Республики Татарстан, по которой республика должна находиться «не внутри России и не вне России, а рядом с Россией». Откровенно говоря, софистика татарского национализма может быть утомительной и казаться болезненно наивной, но было бы ошибкой не противопоставлять ей другие аргументы, которые должны быть в распоряжении одной из самых мощных и достойных национальных образовательных систем мира, каковой была советская, а ныне является российская система образования.

Язык – это важнейший механизм формирования культурной отличительности, существенный элемент индивидуальной и коллективной идентичности. «Без языка нет и народа», – считают некоторые политики и ученые. И каким быть татарскому языку и используемому им алфавиту, должны решать сами татары. До этого за них чаще решали волевым путем государство и московские эксперты. Однако все не так просто, как кажется на первый взгляд. Есть вопросы, которые нельзя сводить к лингвистическим дебатам или к эмоциональным и политизированным аргументам. Их следует задать сейчас и получить на них ответы.

С точки зрения ученых, все языки равноправны, если они адекватно выполняют свою роль в системе коммуникации культурно схожих людей. С позиции современной науки, даже широко распространенное деление на языки и диалекты является условным и во многом зависит от политики и от властных отношений. Есть яркое выражение: «Язык – тот же диалект, но только с армией», а «диалект – тот же язык, но без армии». Другими словами, за кем больше властных ресурсов – у того больше возможностей утвердить свою систему коммуникации в качестве главной или более привилегированной. Но в любом государстве всегда существует языковая асимметрия. Один язык, обычно более многочисленной этнической группы, доминирует над языками меньшинств, вплоть до того, что языки малых групп могут со временем оказываться в маргинальном положении или совсем исчезнуть. Так было на протяжении всей человеческой истории. Причем доминирование языка большинства населения в одном государстве далеко не всегда происходит под воздействием силы. Часто – это результат экономических и социальных факторов, рационального выбора людей, родительских стратегий в отношении собственных детей.

С момента возникновения современные государства всегда стремятся к языковой унификации, к тому, чтобы население могло говорить на одном языке. Единый язык – это средство национальной консолидации и заметный маркер, отличающий население одного государства от внешнего мира. Но эта идеальная норма в реальности не существует. Языков в мире около 4–5 тыс., т.е. их гораздо больше, чем государств и даже этнических общностей. Максимум, чего добиваются государства, так это закрепление за одним или несколькими языками официального статуса, на которых должна общаться государственная бюрократия и отдаваться военные приказы.

Современные государства с демократическими нормами правления признают языковое разнообразие своего населения и даже поддерживают его (особенно малые языки), а также гарантируют языковые права представителей меньшинств. В Италии, например,

представители немецкоязычного меньшинства, проживающие на севере страны, обеспечены необходимым корпусом немецкоязычных судей вплоть до Верховного суда, где обязательно есть один из судей, владеющий немецким языком. Не говорю уже о таких вещах, как сфера государственных услуг или надписи в публичных местах. В США уже в аэропорту Кеннеди вас сейчас встречают надписи, исполненные на английском и испанском языках, поскольку несколько десятков миллионов американцев говорят на испанском.

ДЛЯ КОГО РУССКИЙ ЯЗЫК РОДНОЙ В РОССИИ?

В России наиболее широкое распространение получил русский язык, на котором может говорить все население страны, но в то же время сохранились многие языки, несмотря на сокращение числа их носителей и сферы использования. Сегодня русский язык является родным языком не только для этнических русских, но и для миллионов граждан других национальностей, ибо по всем мировым стандартам родной язык – это материнский или первый выученный в детстве язык. Таким образом, *русский язык является культурной собственностью и капиталом не только русских, но и большинства мордвы, удмуртов, чувашей, бурят, осетин и многих других, включая тех же российских татар.*

Переход на русский язык многих представителей других народов включает в себе выбор (иногда добровольный, иногда вынужденный) в пользу языка, который дает больше возможностей для жизненного преуспеяния граждан в едином государстве, для большей социальной и пространственной мобильности людей, живущих в одной стране. Кроме того, русский язык относится к немногим мировым языкам (наряду с английским, испанским, французским и арабским). На нем функционирует одна из крупнейших мировых культурных цивилизаций. Знание русского способствует восприятию более широких мировых культурных ценностей и широкому взаимодействию в международном масштабе. Не зря выехавшие в Израиль российские евреи сохраняют знание русского языка и даже требуют его признания как одного из официальных языков государства наряду с ивритом и арабским.

В этой связи, прежде чем решать языковые вопросы в новых демократических условиях, нужно сменить некоторые старые доктринальные установки и начать считать родным языком не тот, который совпадает с национальностью одного или обоих родителей, а язык, который является для человека первым языком, включая и домашнее общение. Кроме того, необходимо перестать считать русский язык родным только русских. При этом следует противостоять аргументу радикальных националистов, что утрата, точнее

смена языка, однозначно ведет к утрате этнической идентичности и к исчезновению отдельного народа. В мире огромная масса народов, большинство представителей которых (или целиком все) сменили язык и говорят на «чужом» языке, но от этого не утрачивают своей идентичности.

В России ситуация обстоит точно так же, и фактическая степень распространения и использования русского языка гораздо выше, чем об этом свидетельствуют данные прошлых переписей, когда, например, многие родители записывали своим детям родной язык, на котором они не знают ни одного слова, но зато прекрасно говорят по-русски.

Новый порядок вопросов в переписи 2002 г. поможет точнее определить языковую ситуацию в стране, ибо теперь сначала будут задавать вопрос об языке, а потом о национальной принадлежности, а не наоборот. Хотя рост этнонационализма среди нерусских народов в последние годы (иногда его называют «национальным возрождением») может отчасти нейтрализовать эту более точную процедуру в ходе переписи. Но в любом случае специалисты знают, что россияне, для которых русский язык является основным, гораздо больше, чем об этом гласит переписная статистика. Не являются исключением и российские татары, для многих из которых русский язык – это их родной язык.

КУЛЬТУРНЫЙ РАСКОЛ ТАТАР

Можно ли осуществить политическими, законодательными и другими мерами полный возврат татар к татарскому языку? Скорее всего, нет, тем более, что большинство татар живет за пределами Татарстана, и местное законодательство и образовательно-информационная политика их фактически не достигают. По крайней мере подобные усилия в полностью независимой Ирландии уйти от английского и вернуться к ирландскому закончились неудачей.

Это означает, что большинство российских татар продолжают пользоваться и русским языком и кириллицей, не переставая считать себя татарами. *Переход части татар на латиницу будет означать культурный раскол среди самих татар*, которые и без того неоднородны, и в переписи 2002 г. часть татар образуют новые группы (например, кряшены), которые до этого не допускал официальный список народов СССР.

РАСКОЛ ДВУХ ОБЩИН ТАТАРСТАНА

В какой мере смена алфавита отвечает интересам и учитывает права населения Республики Татарстан и насколько она будет

способствовать консолидации местного татарстанского сообщества? Все ссылки на мнение или на волю народа в данном случае малосостоятельны. В Татарстане – государственном образовании, созданном от имени всего народа республики и существующем за счет всех налогоплательщиков, никакого референдума по данному вопросу не проходило. Но даже если бы такой референдум состоялся, то, как и все постсоветские референдумы, он еще раз показал бы возможность высокой степени манипулирования мнением населения, не обладающим пока достаточной гражданской и политической культурой. Тем более, что нетатарская часть населения республики в данный исторический момент политически организована гораздо слабее и явно недопредставлена в органах власти, особенно в Государственном совете. Так стоит ли пользоваться этим, вероятно, временным преимуществом при решении вопросов, которые затрагивают судьбу будущих поколений?

Ясно, что не менее половины населения республики, включая и тех, кто еще будет проходить обучение, на использование латиницы в своей языковой практике переходить не будет, продолжая пользоваться кириллицей. Таким образом, *переход на латиницу может означать не только культурный раскол среди российских татар, но и социально-политическое отчуждение между двумя основными общинами республики*, отношения между которыми до сих пор были, по российским меркам, почти образцовыми и в любом случае мирными. Именно с подобных расколов по вопросам языковой политики (даже не использования языка, а именно политики) начинались многие открытые конфликты в сложных сообществах.

ОТКАЗ ОТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Смена алфавита связана и с судьбой огромного по значимости татарского культурного наследия и ценностей, созданных в XX в. в советский период, когда практиковалась кириллица. По своей значимости (особенно это касается письменной культуры) последние 80 лет превосходят все другие предшествовавшие эпохи в истории татарского народа. Именно в этот период пришла всеобщая грамотность населения, и было написано и издано не менее 90% всей литературы разного характера, начиная от художественной и научной вплоть до учебников и технических инструкций. Если подобные реформы в начальный период советской власти затрагивали только малую часть населения и сравнительный мизерный по объему культурно-информационный пласт народа (хотя среди татар и был высокий уровень грамотности), то сейчас речь идет о судьбе основного культурного фонда. Для этого достаточно заглянуть в каталоги татарстанских библиотек.

Переход на латиницу предполагает забвение кириллицы, ибо выучившие латиницу дети должны будут читать другую литературу, но какую? Сами же татарские специалисты и политики осуждают смену алфавита в 1920-е годы, так как татарам пришлось исключить из своего культурного багажа созданные тексты на арабской графике. Но по сравнению с татарским кириллическим письменным наследием арабоязычное не идет ни в какое сравнение. Еще несколько лет тому назад некоторые энтузиасты латиницы приводили в ее пользу аргумент бурно развивающегося на латинице мирового Интернета, но сейчас русскоязычный Интернет – один из самых быстро растущих в мире.

Переход на латиницу означает отказ живущих в Татарстане татар от большей части собственного письменного наследия, созданного в XX в. В отличие от начала века письменная культура стала основным и всеобщим достоянием представителей того или иного народа. Если в Татарстане станут ненужными десятки миллионов экземпляров книг, тогда Фонд гуманитарного содействия Чеченской Республике первым подаст заявку на пересылку семейных библиотек из непросторных татарских квартир в Чечню, где все библиотеки разорены и книги сгорели.

СУДЬБА ТАТАР В РОССИИ

Как повлияет смена алфавита в Татарстане на статус и перспективы проживающих в республике казанских татар в общероссийском культурном и социально-политическом пространстве? Сегодня татары – это один из наиболее модернизированных и конкурентных народов страны. Наряду с русскими татары – одни из основных создателей исторической российской государственности. В какой мере латиница предоставит им дополнительные преимущества в жизненном преуспевании в рамках всей страны и не станет ли она одним из препятствий в социальной мобильности, сдерживая развитие народа в нынешних более конкурентных условиях? Нам представляется, что *переход на латиницу приведет к неоправданному дистанцированию от общероссийского пространства, а точнее, к росту изолированности этой части граждан от остального населения страны* по элементарной причине недостаточного знания кириллицы, а значит, и русского языка. Сегодняшнее двуязычие казанских татар – их большое преимущество, а при наличии двух алфавитов они лишатся его.

Нам представляется, что чисто фонетические проблемы могут решаться дополнительной адаптацией той же самой кириллицы к фонетическому строю татарского языка. Подобные реформы

делаются и сейчас во многих странах, а современные компьютерные технологии вообще снимают вопрос даже о введении в кириллицу латинских графических элементов. Достаточно на клавиатуре одновременно нажать две клавиши.

Меньше всего автор сводил бы названные проблемы к вопросу о геополитических проектах со стороны татарского национализма и сочувствующих или использующих его внешних сил, а тем более к вопросу об угрозе национальной безопасности России: в СССР одновременно существовали четыре алфавита, однако государство распалось не по этой причине. И хотя эти проблемы пока никем не обозначены, от ответа на них уходить не стоит.

КРИЗИСНАЯ ПАРАДИГМА В РОССИИ

В 2000–2001 гг. автор посетил ряд волжских городов, в том числе Ярославль, Кострому, Кинешму, Нижний Новгород, Казань, Самару, Ульяновск, Саратов, Волгоград, Астрахань. Последняя поездка в августе от Казани до Астрахани была связана с участием в международной конференции «Великий Волжский путь», организованной коллегами из Татарстана по поводу подготовки празднования 1000-летия Казани в 2005 г. Осматривая останки древнего города Булгара, стоявшего почти тысячу лет тому назад на высоком волжском берегу в центре важнейшего торгового пути между Северной Европой и бассейном Каспия, невольно думаешь, сколько еще тайн хранит наша история, несмотря на героические усилия ученых – археологов и историков реконструировать прошлое. Но и сегодняшняя наша жизнь не столь проста для понимания современниками, как, вероятно, она была не во всем ясна путешественникам, особенно из дальних стран, которые оставили нам свои описания древних народов и мест их проживания.

Взглядом социально-культурного антрополога, который использует этнографический метод включенного наблюдения, можно увидеть многое, что скрыто от других специалистов-обществоведов, которые полагаются прежде всего на официальную статистику, макроэкономические анализы, опросы общественного мнения, политические заявления и бытовую риторику. Мой вывод однозначен: после 1991 г. жизнь подавляющего большинства населения данного региона (точнее, имеется в виду территория Приволжского и части еще двух федеральных округов) радикально изменилась, причем в лучшую сторону. Эти перемены столь значительны, что воспринимаются многими, особенно старшим поколением, как нарушение привычного порядка вещей, а значит, чаще всего как негативное явление.

Новые ситуации и проблемы, к которым не все готовы, поскольку нужно принимать самостоятельные решения, изменчивость правил, норм, ценностей и даже цен, ослабление прислоненности (точнее зависимости) к государству, снижение личной безопасности – все это присутствует в сегодняшней жизни, но является производным, или платой за ту свободу и предоставленные возможности, которых люди добились.

Какие это перемены к лучшему, которые не хотят видеть многие политики или не способны уловить ученые и другие наблюдатели? И почему речь идет не о них, а только о том, что «по Волге больше не ходят пароходы», «Волга загажена и нет в ней рыбы», «жизнь стала нестерпимой», «все вокруг разваливается и одна нищета». Губернатор В. Шаманов добавил во время встречи, что в Ульяновской области «в некоторых местах вынуждены питаться жмыхом». В Саратове две безбилетные дамы с полными сумками покупок вызывающе бросили кондуктору троллейбуса: «Натворили черт-те знает чего, а тут еще и билеты требуют покупать». Модно и дорого одетая молодая девушка, выступая на одном из российских телеканалов, заявила на следующий день после выборов губернатора Нижегородской области: «А чего хорошего мы в этой жизни видим? Все вокруг в упадке».

Итак, какие перемены к лучшему, почему мы их не видим и к чему ведет господство кризисной парадигмы в России? Под словом «парадигма» мы имеем в виду преобладающий комплекс взглядов, представлений и ощущений в данном случае о российской жизни и о России как стране в целом.

А хорошего много. В сентябре 2000 г. автор был свидетелем праздника День города в Нижнем Новгороде. Территория вокруг Кремля и прилегающие улицы были весь день заполнены десятками тысяч людей, главным образом молодого и среднего возраста. Все без исключения были хорошо и разнообразно одеты (пусть даже и в китайский ширпотреб, в котором, кстати, ходит большинство населения и западных стран). Внешний вид нижегородцев соответствовал их здоровым лицам и хорошему настроению. Пьяных почти не было даже вечером, хотя торговля пивом, водкой и разной снедью продолжалась весь день. В целом город производил более чем благополучное впечатление – много новых городских построек, хорошие дороги, реставрированные здания, отремонтированные театры и музеи, большое число ресторанов и магазинов, оживленная уличная торговля и т.п.

То же самое можно сказать и о других крупных городах Поволжья. Кострома, Ярославль, Кинешма – в отреставрированном состоянии значительная часть старинной архитектуры, в том числе храмовые сооружения, чистые фасады и улицы, хорошие скверы и набережные, не очень богатые рынки, но вполне доступен широкий набор продуктов, вещей, лекарств, строительных материалов и разных услуг. Номер ивановской газеты объявлений содержал рекламу почти 50 тыс. товаров с оптовых складов и магазинов, подавляющее большинство которых десять лет тому назад было даже неизвестно россиянам.

Заметим, речь идет о так называемых дотационных регионах. Южнее Казани к ним относится еще и Ульяновская область. Не видно было тех деревень, о которых говорил губернатор Шаманов, где люди едят корм для скота. Но есть сомнение в массовой бедности и в этой области, ибо по-настоящему голодные люди обязательно прибыли бы в город. Тем не менее в Ульяновске на улицах нет сельских нищих, которых легко отличить от обездоленных беженцев или от местных бомжей.

Нужно быть слепым или идеологически распропагандированным, чтобы не видеть, что для ряда больших волжских городов, прежде всего для Казани, Самары, Саратова и Астрахани (о Нижнем уже была речь), последнее десятилетие – это время невиданных до сих пор в истории позитивных перемен. Никогда за предыдущие десятилетия не было построено столько жилья, в том числе и загородного по берегам реки и в других дачных местах. Никогда не было куплено столько автомобилей, цветных телевизоров, холодильников, мебельных гарнитуров, женских меховых шуб и украшений, как в последние десять лет. Несмотря на высокие цены, количество и номенклатура потребляемых лекарств везде выросла, как и расширились медицинские услуги. Местные магазины и рынки отличаются от московских только более низкими ценами, но не набором товаров.

Каждый большой город на Волге неповторим своей историей и современным обликом. Но есть и общее – это новая динамика жизни, проявляемая в свободном поведении людей, в более разнообразном препровождении времени, в богатом культурном производстве, в возродившемся краеведении и в новых малых музеях, в высоком престиже образования и современном студенчестве, которое, кстати, прекрасно выглядит, в активном освоении внешнего мира через средства массовой информации и через заграничные путешествия.

Если говорить о позитивном без деталей, то приведу только несколько примеров. Это – бурно обновляющаяся Казань, обещающая стать к своему 1000-летию городом европейского уровня. Это – ухоженная и культурно многообразная Астрахань. Это – полностью автомобилизированная за счет народного автомобиля «Жигули» Самара. Это – интеллектуальный Саратов и промышленный гигант Волгоград.

Если бы все «лежало на боку», тогда откуда такие повсеместные улучшения повседневной жизни людей? Даже если это делается часто в обход существующих норм и правил или же требует от людей больше «вертеться по жизни» и решать больше проблем с ее обустройством, сам по себе факт улучшения отрицать просто глупо и саморазрушительно.

В России произошла удивительная вещь в головах людей. Они не поняли многого, что произошло с ними за 10 лет. В верхушечных дебатах и в повседневных разговорах над всеми взяла верх парадигма кризиса. У нее оказалось слишком много сторонников по сравнению с теми, кто готов говорить о лучшей жизни. Итак, что и кто стоит за парадигмой кризиса?

На уровне частной стратегии человека – это вполне понятно: человек больше склонен жаловаться, чтобы психологически расчитать на сочувствие (что комфортнее, чем испытывать в отношении себя зависть, а иногда необходимо для получения прямого материального вознаграждения и дополнительных жизненных ресурсов). Изучая в прошлом много лет США и Канаду, могу подтвердить, что американцы и канадцы также чаще жалуются на проблемы, чем похваляются своей жизнью. Последнее – просто миф об американцах.

Почему политики и общественные активисты больше говорят о развале и кризисе? Потому что их подавляющее большинство или еще только мечтают взять власть в свои руки, чтобы «улучшить жизнь», или только что пришли к власти и хотят убедить, что наследовали от предыдущих правителей полный развал. Иначе, нечем будет хвалиться при очередных выборах. Самый яркий пример – каждая новая правительственная команда в Белом доме на Краснопресненской набережной в Москве. В отношении предшественников почти всегда скептицизм или даже полное отрицание. Все хотят начать все сначала и доказать свою успешность.

Самые недобросовестные критики – оппозиционные политики, особенно «глухая оппозиция», как коммунисты или «Яблоко». Здесь идут в ход самые зловредные вымыслы и используется самая неквалифицированная экспертиза. На протяжении более 10 лет Г.А. Зюганов обвиняет «антинародный режим» в «геноциде народа» и в ежегодно загубленном миллионе людей (имеются в виду не родившиеся дети по причине обнищания), в вымирании русского народа и т.п. Вот только дети почему-то больше рождаются в бедных сельских местах, а не в богатых городах. А упадок рождаемости почти компенсируют иммигранты (если считать и незарегистрированных), и количество идущих в школу детей не сокращается так, как это предсказывали некие «эксперты ООН» с подачи недобросовестных отечественных специалистов.

В течение тех же лет Г.А. Явлинский убеждает народ, что «мы построили криминальное государство», что 95% населения живет в нищете и т.п. В эту же ловушку попадают и «правые». Б.Е. Немцов утверждает, что в стране 45 млн нищих, которые живут меньше чем на один доллар в день, что в стране больше беспризоринок,

чем их было в годы гражданской войны и разрухи. Откуда все эти данные? Число нищих, думаю, идет от некорректного использования данных ВЦИОМа. Что касается беспризорников, то здесь, скорее всего, Фонд защиты детей, чтобы получить больше средств на свою полезную деятельность, устраивает инфляцию с цифрами в 2–3 млн и больше.

Если 10 лет вымираем в условиях кризиса, то почему его нет по реальной жизни каждого отдельного гражданина? Или почему гражданин глубоко верит в кризис и не может осознать и признать улучшение собственной жизни и наверняка жизни собственных детей? Конечно, здесь есть возрастные и психологические особенности. Ностальгия по «старым добрым временам» характерна для любого общества, а в нашей стране после распада исторического государства, глубоких общественных потрясений и кровавых конфликтов подобные чувства среди старшего поколения более чем понятны. Но как долго старшие будут «заедать век» молодых, которые уже давно приняли и новую страну, и новые порядки, а многие из них преуспели больше родителей и даже помогают им материально?

Главными поставщиками аргументов для парадигмы кризиса и ее достаточно успешного насаждения даже среди части молодежи являются еще две активные общественные силы – ученые и преподаватели, а также журналисты. В своей массе российские обществоведы оказались профессионально не готовы оценить происходящие в стране перемены. Они продолжают замерять жизнь семей по чаяновским методикам вековой давности, по официальной статистике, по ответам опрашиваемых на вопросы-подсказки типа «Как вам удастся сводить концы с концами в этой жизни?», что равносильно учету реакций на прочитанные газеты или просмотренные накануне телепередачи.

Эти подходы, возможно, применимые для других стран или для других условий, не учитывают многого в современной российской жизни. Доходы россиян состоят далеко не только из зарплат (но даже всех получаемых выплат подсчитать государству и экспертам не удастся). Они складываются от дополнительных заработков, которые приносит продажа на тех же волжских пристанях связанных платков и сувениров, индивидуальный труд на 40 млн земельных участках, скрытая экономика за пределами правовых норм, тривиальное воровство и браконьерство. Наконец, в стране необычно высокий уровень реципрокального (взаимовыгодного) обмена и перераспределения материальных благ через семейно-родственные связи. По Немцову, моя престарелая мать относится к числу бедных, ибо живет на учительскую пенсию 850 руб. в месяц (меньше одного доллара в день). Но это не так. Проживая отдельно, она получает помощь от троих сыновей и от дальних родственников, живущих в том же городке на Урале.

Несправедливо зачислив собственную страну в ранг бедных и сплошь криминальных, ученые и другие эксперты дали достаточно материала для журналистики. Преуспевающие телеведущие и газетные журналисты повторяют как молитву фразу «В наше тяжелое время», прежде чем начать или закончить свой репортаж. Им кажется, что они радеют о простом человеке вместе с политиками и тем самым получают народную поддержку.

Простой человек не в силах противостоять массивной идеологии кризиса. Он верит в то, что все вокруг плохо, и в итоге голосует за того, при ком 10 лет тому назад действительно было плохо. Ирония в том, что даже молодые люди, которые не помнят те времена и ни при каких условиях в них не вернуться, тоже голосуют за прошлых первых секретарей компартии. Так, в конечном итоге Явлинский и Немцов помогают Зюганову избрать губернатором Нижнего Новгорода Ходырева. Похоже это уже не единичный случай. Плата за саморазрушительную кризисную парадигму становится слишком высокой.

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ И МИРОВОЙ ОПЫТ

ЭТНОМОНИТОРИНГ СЛОЖНЫХ ОБЩЕСТВ*

СМЫСЛ И ЦЕЛЬ МОНИТОРИНГА

Современный мир делится на государства – самые мощные и самые значимые социальные коалиции людей. Государства и их границы складывались под воздействием силовых, экономических, природно-ландшафтных и других факторов. Среди них важное место принадлежит культурным факторам, к которым относятся религия, этническая и расовая принадлежность, язык и историко-региональная отличительность населения. Как правило, проживающие в одном государстве люди имеют между собой больше культурной схожести в сравнении с населением соседних, а тем более – дальних стран. Само государство, чтобы оно могло успешно существовать, т.е. управляться и защищать свои интересы, должно обеспечивать систему кооперативных взаимоотношений между гражданами и между гражданами и бюрократией. Для этого в государстве устанавливаются и поддерживаются общие нормы по обеспечению культурной гомогенности, утверждаются общегражданская идентичность и лояльность населения по отношению к своей стране. На основе культурного многообразия и целостности территориальных сообществ в границах государственных образований формируется представление о нации или о народе, связанные с государством.

Гомогенность и солидарность в разных государствах и в разные исторические моменты подвергаются вызовам со стороны этнических и религиозных меньшинств. Последние никогда не исчезают и образуют обязательную культурную сложность населения фактически всех государств мира. Мечта и политическая установка этнических националистов, чтобы административно-государственные и этнические границы совпадали, никогда не может быть реализована без этнических чисток и без территориальных перекроек. Государства существовали и будут существовать как культурно сложные по языку, религии и этнокультуре территориальные сообщества, как

* Из книги *Тишков В.А.* Опыт этнологического мониторинга. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 5–14.

вместилища разных форм культурной идентичности на уровне страны, региональных сообществ и этнических групп.

Культурная отличительность и групповая идентификация очень значимы в жизни человека и общества в целом. Этничность и религия могут служить мощным средством политической мобилизации, важным фактором и условием гражданского согласия. В определенных условиях они выходят на передний план общественной жизни и по этим линиям раздела проходят общественные коллизии.

Таким образом, культурное многообразие – это сложный и динамичный феномен, значимый для стабильности и развития общества. Оно не может игнорироваться системой управления, включая государственную власть. Именно поэтому необходимы:

а) адекватное понимание природы культурного многообразия, включая этническое и религиозное;

б) выработка конструктивного отношения общества к данной стороне социальной жизни людей и коллективов;

в) эффективная государственная политика в области управления культурным многообразием на пользу людей и государства.

Одним из механизмов решения этих управленческих задач является их экспертное обеспечение через этноконфессиональный мониторинг на уровне государств, регионов и местных сообществ. *Под этноконфессиональным мониторингом и ранним предупреждением понимается регулярная аналитическая оценка социально-культурной и политической ситуации в многоэтнических странах, регионах и местных сообществах с целью сохранения и развития этнокультурного многообразия и определения существующей или потенциальной угрозы конфликта, а также способность донести соответствующую оценку для принятия превентивных мер со стороны общества и государства.*

ПРЕДМЕТ МОНИТОРИНГА И ПОНИМАНИЕ КОНФЛИКТА

Что должно быть предметом мониторинга? Еще в начале 1990-х годов высказывались предложения об организации в России этнологического мониторинга именно как мониторинга «состояния этносов» наподобие мониторинга за состоянием животного или растительного мира и особенно его видов, находящихся под угрозой исчезновения. Такой подход включает замеры неких объективных характеристик «самочувствия народов», различий между ними и оценку «межнациональных отношений». В плане такого рода мониторинга в России начали составляться многочисленные справочные работы на тему «сколько народов живет в России», «красные книги» народов и языков как неких вымирающих видов, а также

выполнялись регулярные социологические обследования, особенно в российских республиках. Эти подходы сохраняют свою значимость, но они не раскрывают многообразную и ситуативно-подвижную природу этнического фактора в жизни людей и обществ, а также не дают ответов в более сложных и динамичных ситуациях.

Предметом мониторинга, который мы называли этнологическим, а затем – этноконфессиональным, является не только состояние этнических культур, а состояние общественной среды, в которую должны быть включены более широкие параметры – от экологии и демографии до общественных дебатов по вопросам интерпретации прошлого и сегодняшних проблем. Такой подход к анализу общества, в котором проживают и взаимодействуют люди одной гражданской принадлежности и одной национальной (русской, если речь идет о Российской Федерации) культуры, но с отличающимися этническими или религиозными традициями и потребностями, представляется более адекватным и современным.

Используемая модель мониторинга ориентирована на сложные по своему составу людские сообщества, в которых, конечно, могут иметь место конфликты на основе культурных различий. Однако не сами различия чаще всего служат причиной напряженности и насилия, а более разнообразные факторы социального, политического и эмоционально-идеологического характера. Именно поэтому мы не являемся сторонниками понимания этнического конфликта как конфликта между этносами или народами и не стремимся дать типологию таких конфликтов, как экономических, территориальных, политических, статусных и т.п. В каждой конфликтной ситуации присутствуют целый набор причин и аргументов. Причем, по мере развития конфликта причины, а тем более лозунги, существенно меняются.

Отслеживая конфликтные ситуации, не следует придавать фундаментальную значимость самому конфликту, даже если некоторые из них могут длиться десятилетиями и обретать циклический характер. Конфликт, включая его открытую форму в виде вооруженной борьбы, представляет собой динамичную субстанцию, и выход из конфликта всегда возможен. Уязвимыми являются определения конфликтов в сугубо этнических терминах (например, «ингушко-осетинский конфликт» или «русско-чеченская война»). *Мы определяем этнический конфликт как любую форму гражданского противостояния, при которой хотя бы одна из конфликтующих сторон мобилизуется по этническим границам или действует от имени той или иной этнической общности.*

В предмет мониторинга культурно сложных сообществ России и других стран бывшего СССР нами были включены новые приоритеты, связанные с ролью религиозного фактора и угрозой международного терроризма. В последние годы стало очевидным, что необходимо лучше понимать характер религиозности в постсоветских обществах. Религия и верования являются столь же значимой культурной характеристикой людей, как и этничность. Эти две субстанции связаны между собой, и часто на основе религиозных различий формируются этнические идентичности среди людей, обладающих одинаковыми языковыми и другими характеристиками. Религиозные различия по линии мировых религий лежали в основе образования многих государств, и этот фактор до сих пор сохраняет свою значимость.

Последователи мировых религий, особенно христианства и мусульманства, жестко и даже жестоко обращались с неверующими или иноверцами, стремясь обратить их в свою веру. На этой почве происходили многие насильственные коллизии, включая религиозные войны. На территории бывшего СССР наиболее значимыми в прошлом были религиозные конфликты между исламом и православием в регионе Кавказа и Поволжья и между разными течениями христианства в регионе Прибалтики и Западной Украины.

Особенностью постсоветского опыта является недавнее наследие атеистического правления большевиков, когда религия и религиозные институты были фактически устранены из жизни общества, сохраняясь в разной степени среди пожилого и сельского населения. От антирелигиозных гонений особенно сильно пострадали ислам, иудаизм, шаманские и другие языческие культы среди аборигенного населения. Феномен так называемого религиозного возрождения в России и в других странах бывшего СССР имеет впечатляющий характер по части восстановления храмов, учреждения религиозных общин, издания религиозной литературы. Однако процесс распространения среди населения религиозных верований и ценностей идет медленно. Их место занимают экстремисты и оккультисты разного толка.

Межрелигиозная нетерпимость в современном мире представляется анахронизмом, но это не значит, что она исчезла. На основе религиозной индоктринации формируются личности и группы, которые демонстрируют нетерпимость и фанатическую приверженность религиозным лозунгам. Одним из таких проявлений стал политический исламизм фундаменталистского толка. Именно лозунг установления исламского порядка на Кавказе и священной войны (газавата) против России стал почти главным аргументом вооруженной борьбы против государства в Чеченской Республике.

На этой же основе рекрутируются члены незаконных вооруженных групп и исполнители террористических актов.

Мониторинг в этой сфере может установить кто, когда и где предпринимает действия по распространению идей религиозной нетерпимости и практики терроризма и кто совершает начальные шаги в сторону религиозной фанатичности или же террористической деятельности под лозунгом ислама. *Под профессиональным мониторингом следует понимать регулярный анализ религиозных практик среди населения, условий для отправления религиозных убеждений и связанных с ними запросов, отношение общества и государства к вопросам религии, причин и форм межобщинной напряженности на основе религии, появления религиозной нетерпимости и ее использования в целях политики и насилия.*

МОДЕЛЬ МОНИТОРИНГА

Существуют разные методы наблюдения и анализа этнокультурных ситуаций и конфликтов в мире. Есть глобальные проекты, в поле зрения которых находится весь мир, и в котором, помимо ученых, принимают участие политики и общественные активисты. Обстоятельно и на долговременной основе осуществляется мониторинг положения этнических меньшинств и уязвимых культур малочисленных народов, сохраняющих во многом традиционные системы жизнеобеспечения. Из международных систем можно назвать проект группы ученых Мичиганского университета «Меньшинства в состоянии риска», который более 20 лет собирает данные по многим параметрам о положении меньшинств в разных государствах. Еще раньше возникли неправительственные организации «Культурное выживание», «Группа по правам меньшинств», «Международная рабочая группа по делам аборигенных народов». Если американский проект опирается на метод количественной обработки данных, то деятельность вышеназванных неправительственных организаций основывается на выпуске журналов, бюллетеней, подготовке ежегодных и специальных докладов по конкретным проблемам.

Давнюю традицию имеет мониторинг вооруженных конфликтов, который опирается на разные методы в зависимости от предпочтений и интересов тех, кто его проводит. Американец Д. Зингер реализовал еще в конце 1970-х годов сравнительное исследование о причинах войн, которые имели место в истории, но эта методика плохо применима к современным конфликтам. Шведский Институт по проблемам мира и безопасности (SIPRI) и норвежский Международный институт мира в Осло (PRIO) анализируют вооруженные

конфликты в мире, публикуют ежегодные доклады и аналитические материалы. В последние годы стала применяться методика количественного анализа материалов СМИ, в частности методика замеров частоты упоминания проблемных ситуаций и событий в прессе и новостных агентствах. Ею пользуются американские ученые в рамках проекта «Глобальные данные» и Швейцарский фонд мира.

В Сети этнологического мониторинга используется сочетание двух подходов: качественного анализа на основе экспертных оценок и частичная формализация анализа и замер динамики ситуаций на основе модели из 46 индикаторов. Сеть использует нарративный анализ и публикует его в регулярных бюллетенях и в ежегодных докладах, а также осуществляет количественную обработку экспертных оценок. У этой методики есть свои плюсы, но есть и минусы. В отличие от методики замера интенсивности сообщений в СМИ, в нашей методике ключевая роль принадлежит эксперту. Его оценки лежат в основе нарративного анализа и количественной обработки оценок экспертов. Отсутствие проверочных процедур и параллельных оценок создает возможность ошибочных суждений при отсутствии всей полноты информации. В Сети имеются случаи, когда эксперт перестает проживать в регионе мониторинга, но сохраняет за собой право оценивать ситуацию. Даже в случае вполне адекватных оценок этот вариант снижает восприятие продукта Сети в самих регионах.

Идея индикаторов для выполнения обобщенного анализа не является новой. Ею пользуются разные структуры и организации. Первоначально было намерение использовать в адаптированном виде систему индикаторов, которую разработала аналитическая служба Верховного комиссара ООН по делам беженцев, но этот перечень был создан для мониторинга миграционных ситуаций и имеет глобальный мировой разрез. Поэтому нами был составлен оригинальный перечень индикаторов, который ближе к ситуациям в регионе бывшего СССР и который имеет целью измерить общественный климат в многоэтничных государствах и отдельных регионах такой страны, как Россия. Этот перечень существует более десяти лет, но он остается достаточно адекватным.

Методика мониторинга включает целевые прикладные исследования по крупным проблемам. За время деятельности Сети таковыми были исследования системы местного самоуправления в многоэтничных сообществах стран СНГ и мониторинг российской переписи населения 2002 г. Были подготовлены экспертные доклады «Пути мира на Северном Кавказе» (1999) и «Мир и порядок на Северном Кавказе» (2005). Эксперты Сети опубликовали индивидуальные исследования об этноконфессиональных ситуациях

и этнокультурной политике в ряде стран (Азербайджан, Беларусь, Латвия, Таджикистан, Грузия, Узбекистан) и в российских регионах (Республики Северного Кавказа и Поволжья, Тува, Карелия, Калмыкия, Оренбургская область, Томская область и др.). Библиография прикладных научных работ участников Сети насчитывает несколько сот названий. Коллектив экспертов Сети стал, по определению американской исследовательницы Кирстен Фут, «уникальным эпистемологическим сообществом».

ВОСПРИЯТИЕ И ВОЗДЕЙСТВИЕ МОНИТОРИНГА

После более чем десятилетнего существования можно задать вопрос: что удалось Сети этнологического мониторинга по части раннего предупреждения конфликтов и можно ли назвать примеры позитивного воздействия ее деятельности? Как воспринимаются результаты мониторинга, кто и как их использует, особенно в сфере государственного управления? Здесь уместно вспомнить, что история деятельности подобных сетей и экспертных групп, как и отдельных миссий по предотвращению и разрешению конфликтов имеет драматичную судьбу. Раннее предупреждение и предотвращение конфликта менее заметны, чем более грандиозные усилия по разрешению уже состоявшегося конфликта и по постконфликтному восстановлению. Несостоявшийся или предотвращенный конфликт воспринимается как само собой разумеющаяся ситуация. Точно так же мало внимания привлекают позитивные практики, которые не позволяют возникать межгрупповой напряженности. Тем не менее в этой незаметности и в косвенном влиянии скрывается одно из позитивных воздействий работы по раннему предупреждению конфликтов.

Все эти годы Сеть этнологического мониторинга прежде всего производила оригинальную информацию, которая сама по себе является ценностью для тех, кто принимает политические решения. Все эти годы материалы Сети служат источником для более углубленного научного анализа, и эта их роль будет сохраняться в будущем. Взвешенные и независимые оценки, а также рекомендации в адрес властей и других общественных сил привлекают внимание многих политиков и управленцев в России и в других странах. Подборки бюллетеней и ежегодных докладов можно найти в кабинетах членов Государственной думы, работников Администрации Президента РФ, в научных организациях.

Важным моментом в повышении практической направленности работы Сети стало сотрудничество с Полномочным представителем Президента РФ по Приволжскому федеральному округу С.В. Ки-

риенко и с министром РФ В.Ю. Зориним. С 2002 г. действует Поволжское региональное отделение Сети, которое осуществляет мониторинг на основе двухнедельных анализов. Для федерального министра и для Администрации Президента РФ в 2002–2003 гг. готовились квартальные оценки динамики этноконфессиональной ситуации в регионах России, где осуществляется мониторинг. Поскольку Сеть имеет международный характер, мы готовы сотрудничать с другими правительствами и международными структурами стран СНГ.

Учитывая обширный лист рассылки материалов, который, помимо представителей российской федеральной власти, включает посольства стран бывшего СССР, представительства российских республик, ведущие аналитические центры, результаты мониторинга используют политики самого разного уровня и большое число научных экспертов в России и в других странах. Запросы об отношении к работе Сети и о полезности ее материалов приносят самые позитивные ответы. Однако более регулярной обратной связи, а тем более заказа со стороны государственных структур или международных организаций Сеть не получала, за исключением рекомендации Администрации Президента РФ в адрес полномочных представителей в федеральных округах использовать ее продукцию.

Такая ситуация является оптимальной, ибо именно политическая и финансовая самостоятельность позволяют осуществлять независимую экспертизу, в которой нуждается любое государственное управление, если оно желает быть эффективным. Существование параллельных и независимых источников информации всегда признавалось необходимым элементом эффективного общественного правления. В СССР и в постсоветских государствах такого опыта фактически не было, как и не было открытого изучения сферы этнополитики, ибо «национальный вопрос» считался решенным и воспринимался как особо чувствительная сфера.

Сеть этнологического мониторинга стала одним из важных моментов в становлении независимого анализа сферы этнополитики. В момент своего возникновения ее методика использования электронной почты и обмена информацией, а также финансовый источник в форме грантов Корпорации Карнеги Нью-Йорка, а затем – Фонда Маккартуров вызвали озабоченность специальных служб России. Руководитель Службы внешней разведки даже направлял президенту Б.Н. Ельцину специальное письмо по поводу, на его взгляд, неоднозначной деятельности Сети, результаты которой могут представлять собой «сбор информации двойного назначения». В письме содержалось предложение РАН «государствить» эту деятельность. Ответ Российской академии наук разъяснил суть руко-

водимого российским ученым проекта и его независимый характер, несмотря на внешние источники финансовой поддержки. Однако настороженное отношение официальных российских властей к проекту сохранилось надолго.

Что же касается властей других государств, то резонно предположить аналогичное отношение и с их стороны, ибо для них действующая в Москве Сеть этнологического мониторинга может восприниматься как проводник интересов России. Именно по причине антироссийского синдрома в свое время отказались участвовать в ней представители Грузии и Эстонии. Частично можно понять тех грузинских или эстонских коллег, для которых было предпочтительнее сотрудничество по этому направлению под руководством американцев, но не представителя России. Однако со временем Сеть завоевала репутацию своим качественным продуктом, и сейчас не существует проблем с привлечением в работу Сети представителей любой из стран бывшего СССР.

Одним из продуктов деятельности Сети стало само сообщество экспертов России и стран СНГ по проблемам этнополитики, которого фактически не существовало десять лет тому назад. Ученые не умели писать для политиков, а политики не умели использовать результаты прикладного научного анализа. Проблема научного обеспечения процесса принятия решений в области этнокультурной и конфессиональной политики была частично решена работой Сети, но только частично, ибо умение мыслить политически и независимо дается ученым не просто, как и не просто вырабатывается должное отношение политиков к независимому экспертному анализу. В этом направлении должно быть сделано что-то по-настоящему новое, чего до сих пор Сеть не сделала. Именно в этом направлении и государственные власти должны предпринять какие-то шаги или хотя бы послать сигналы своей заинтересованности и поддержки. Тогда у этноконфессионального мониторинга имеется благоприятная перспектива, независимо от того, кто оказывает финансовую поддержку.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ*

Хотя никто не дал удовлетворительного ответа на вопрос, что есть меньшинства, кажется, все знают о существовании данного феномена как субъекта истории и политики, а также как предмета научных и общественных дебатов. Общеизвестным является то, что у меньшинств есть свои права, и они нуждаются в защите. Бывший Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств Макс ван дер Штул однажды самоуверенно заявил, что «он не знает, что есть национальные меньшинства, но зато может точно сказать, есть или нет эта проблема в том или ином месте или в стране, где ему приходится бывать». Совет Европы настолько уверен в существовании данной категории населения и в том, что она нуждается в защите, что принял «Рамочную конвенцию по защите национальных меньшинств». Государства-члены дружно ее ратифицировали и каждый год предоставляют отчеты о выполнении конвенции, а специальная комиссия в Страсбурге наблюдает за ее исполнением.

В феврале 2002 г. члены этой комиссии посетили Россию с целью собрать дополнительную информацию о выполнении конвенции от представителей правительства, общественных организаций и из других источников. В первый день своего пребывания группа попросила назначить встречу со мной, видя в Институте этнологии РАН один из основных источников точной информации об этнокультурных проблемах России. Это была любопытная встреча. Меня поразила убежденность взрослых и серьезных людей в высшей правоте декларации-конвенции и обозначенного этим документом миссионерского мандата. Тогда мне подумалось, что у членов комиссии, главным образом выходцев из стран Восточной Европы, будут проблемы с написанием справки по России, а у России могут быть проблемы с восприятием того, что будет написано в этой справке. Однако обнародованный 13 сентября 2002 г. доклад о выполнении конвенции Российской Федерацией, который попал мне в руки уже в декабре, оказался значительно лучше ожидаемого. Авторы обошли слабые места самой конвенции (или просто не задавали

* Опубликовано: Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюллетень. 2002. № 46.

себе таких вопросов) и смогли сформулировать некоторые замечания и рекомендации, которые стали доступны российскому классу управленцев и, возможно, даже будут приняты к исполнению.

Однако требуется анализ доклада комиссии как в целях возможного применения международно-правового документа на территории России, так и в целях назревшей ревизии так называемой политики меньшинств и одного из поздних порождений этой политики в виде самой Рамочной конвенции. Это, на наш взгляд, одна из ведущих тем наступившего десятилетия, хотя профессиональных дебатов по данной проблеме до сих пор не состоялось.

Сама доктрина меньшинств с момента ее рождения в начале XX в. была крайне политизированной, а с научной точки зрения – уязвимой. Рождение и существование теории меньшинств и основанной на ней политико-правовой практики было связано с проблемой существования разных форм неравенства людей, основанных на этнических, религиозных, расовых и языковых различиях, а точнее – на принадлежности людей к культурно отличительной общности. Таким образом, фактор неравенства и приниженного статуса, а также групповая принадлежность стали отличительной маркой проблемы меньшинств, в отличие от схожих проблем прав человека или социальных доктрин. И все же в сфере правовой протекции проблема меньшинств всегда воспринималась как проблема человекаличности, связанная с его принадлежностью к группе, а не как проблема группы *per se*.

Именно поэтому аналогичная и более ранняя декларация ООН в своем названии имела формулу «о правах личностей, принадлежащих к...», а не о правах меньшинств. Европейская Рамочная конвенция нарушила этот важный принцип и предложила мыслить меньшинства в категории группового права – одного из самых спорных и трудно исполнимых концептов. Ситуацию несколько спасает само понятие «рамочности», но международный опыт подсказывает, что и рамочный международно-правовой документ может превратиться в орудие жесткого давления на государства-участников и на других действующих субъектов права. Ссылки на неисполнение тех или иных международных конвенций, даже если последние изжили себя или изначально были глупыми, верно служат интересам современного геополитического соперничества и тому, чтобы отыграться по отношению к более слабому или чтобы ослабить сильного.

Главный недостаток европейской конвенции – это дальнейшее закрепление несостоятельной идеологии и бытовых представлений о существовании групп меньшинств как коллективных тел или подobia реестра предприятий со списками акционеров. Более того, инспектирующие соблюдение конвенции настаивают на необходи-

мости иметь в стране список меньшинств и сокрушаются, когда такого списка нет. В частности, в докладе по России говорится: «Консультативная комиссия отмечает, что Российская Федерация не установила список национальных меньшинств, и страна не имеет твердой позиции относительно того, какие именно группы должны подпадать под действие конвенции или какое определение национального меньшинства должно использоваться».

Мне представляется, что отход Рамочной конвенции от принципа приоритета личностного права в пользу права не устанавливаемого в принципе субъекта является ошибочным, и это положение должно быть исправлено. *Проблема меньшинств состоит прежде всего в приниженном положении части общества, обусловленном факторами культурной отличительности от доминирующей в данном обществе культуры.* Правящее этническое меньшинство, как это имеет место на уровне ряда региональных сообществ в России, является только статистическим меньшинством и не может быть субъектом конвенции. В данной ситуации защиты требуют лица, принадлежащие к численно доминирующей, но политически недопредставленной и даже притесняемой культуре. Именно они находятся в ситуации меньшинства.

Кроме того, очень распространенной является ситуация, когда представители той или иной этнической общности в рамках регионального сообщества составляют большинство, причем господствующее большинство, и даже осуществляют политику притеснения представителей местных малых культур, но на общенациональном уровне данная культура или общность могут рассматриваться как меньшинства. В этом контексте самый расширительный ответ на вопрос «Кто есть этнические меньшинства в России?» будет состоять в признании меньшинствами всех представителей нерусских народов, ибо только этнические русские обладают подавляющим демографическим большинством. Собственно говоря, из этого общего подхода исходят ОБСЕ и ее комиссия, инспектировавшая Россию.

Однако комиссия справедливо признала, что в нашей стране имеется традиция негативного восприятия самого термина «национальное меньшинство», восходящая к уничижительному определению «нацмены» в бытовом языке. Кроме того, большинство нерусских народов обучено категоризировать себя как *нации*, а не как *меньшинства*. Все это не исключает самой возможности для представителей данных групп быть бенефициариями конвенции по правам меньшинств, но не означает, что сами эти группы должны называться меньшинствами. Доклад комиссии отмечает как позитивный именно инклюзивный подход России к самому субъекту, на который распространяется действие конвенции: «Представляется,

что федеральные власти готовы применять Рамочную конвенцию также в отношении меньшинств, которые относительно недавно прибыли в Российскую Федерацию, а также обеспечить негражданам, принадлежащим к таковым группам, возможность обращаться к защите в рамках данной конвенции». Однако дальше следует примечательная оговорка: «Этот подход следует приветствовать в той мере, насколько он используется в соответствии с принципами, содержащимися в статье 3 Рамочной конвенции». Речь идет о том, что национальный суверенитет и принцип гражданства являются основными по отношению к проблеме меньшинств.

Собственно говоря, за всем этим скрывается латентная и, возможно, даже не осознаваемая полемика между Россией и ОБСЕ, которая сводится к тому, что наша страна готова распространять деятельность конвенции на все недоминирующие группы: от вынужденных мигрантов до представителей коренных малочисленных народов Севера. ОБСЕ в принципе занимает такую же позицию: в категорию меньшинств должны попадать и неграждане, имеющие культурную отличительность и вытекающие из этого особые запросы и некоторые права. Однако это может поставить в трудное положение как западноевропейские страны, так и некоторые страны бывшего СССР (Латвия и Эстония), которые намеренно обманной казуистикой вывели часть населения, принимавшую участие в создании нового государства, из категории граждан страны, попытавшись тем самым снять с себя ответственность за исполнение мер по поддержке и защите культуры и языка, а также по политическому представительству этой части населения своих стран. Европа в свое время дала добро на акцию выведения из гражданства доброй половины населения двух постсоветских государств. Позднейшие усилия Макса ван дер Штула в рамках защиты прав меньшинств принесли крайне скромные результаты.

Другим отступлением европейцев от мировой нормы стала измененная формулировка субъекта конвенции: им стали не лица, принадлежащие к языковым, этническим, религиозным и расовым меньшинствам, а «национальные меньшинства». Почему «национальные» и почему никакие другие? Только в восточно-европейской и советской традиции термин «национальный» было принято использовать в этническом смысле. Поскольку территориальные контуры этнонаций не совпадают с государственными границами, то «национальными меньшинствами» считались и до сих пор считается часть людей, находящаяся за пределами государств основного проживания этнически родственного населения (венгры – за пределами Венгрии или поляки – за пределами Польши). Под этим же термином со временем стали понимать любые другие группы меньшинств, большинство которых имеет статус нации.

Что имели в виду ОБСЕ, создавая пост Верховного комиссара, или Совет Европы, принимая Рамочную конвенцию, не очень ясно. Однако предложения представителей Венгрии и Турции, озабоченных «разделенностью наций» и плохо обученных современному обществознанию, были тем не менее приняты. Вместо этнических, языковых и религиозных остались «национальные меньшинства». Это позволяло сориентировать деятельность ОБСЕ и Совета Европы в направлении тех стран, где признается данная дефиниция и данная категория населения. Поскольку в Великобритании, Испании, Франции или Финляндии «национальных меньшинств» нет в общественно-политическом дискурсе, а есть равностатусные общины и народы, или языковые и религиозные меньшинства, или мигрантские общины, то и делать ОБСЕ здесь нечего. Ван дер Штул все свои годы службы занимался Венгрией и Югославией, Латвией и Эстонией, Украиной (Крымом) и совсем немного – Казахстаном и Киргизией. В Западную Европу его не пустили.

Доклад по России затрагивает также проблему списка национальностей в связи с переписью населения 2002 г. Признается целесообразность составления списка индивидуальных «этнических происхождений» для получения адекватной переписной информации, но говорится, что не все представители власти и другие вовлеченные в процесс переписи понимают сугубо добровольный принцип получения ответа на этот вопрос. Пункт 28 доклада заслуживает дословного цитирования, ибо касается Института этнологии и антропологии РАН: «Консультативная комиссия в курсе разногласий, которые возникли вокруг проекта списка категорий этнического происхождения, который был подготовлен для переписи в Институте этнологии и антропологии. Эти разногласия касаются особенно некоторых предложений указанного института включить некоторое число категорий этнического происхождения, которые не были включены в аналогичный список последней советской переписи 1989 г. Консультативная комиссия полагает, что, хотя и не следует создавать искусственные группы, особое внимание должно быть обращено на вопрос, существуют ли лица, которые стремятся добиться признания их отдельной идентичности в ходе проведения переписи. Поэтому комиссия поддерживает продолжение консультаций по этой проблеме, включая участие представителей самих этих меньшинств. В то же самое время консультативная комиссия считает, что вышеупомянутый список, однажды определенный, не должен трактоваться как исключительный фактор в определении того, какие группы меньшинств подпадают под действие Рамочной конвенции и поэтому могут искать поддержки согласно статье 5 Рамочной конвенции».

Думается, что это высказывание является вполне приемлемым и даже полезным уже и после переписи. Ибо нарушением конвенции было бы продолжать руководствоваться секретным постановлением правительства РФ о том, какие народы Дагестана считать малочисленными и подпадающими под действие закона о коренных малочисленных народах. В этом постановлении были перечислены 14 самых крупных народов республики, включая русских, но не были названы ни один из двух десятков действительно малочисленных дагестанских народов. Перед самой переписью руководство Дагестана снова выступило с той же позицией непризнания и исключения, что противоречит международным нормам и социально-культурным реалиям: на моем рабочем столе лежат петиции нескольких сот тех же дидойцев с требованием признать их отдельным народом в ходе переписи. Институт этнологии совместно с ОБСЕ готов специально проконтролировать реализацию этой рекомендации при подведении итогов переписи.

Важными пунктами в докладе комиссии представляются решительная поддержка отмены процедуры фиксации этнической принадлежности в гражданских паспортах и призыв завершить обмен старых советских паспортов до 2004 г. В то же время комиссия считает, что можно создать какую-то новую систему, которая позволяла бы жителям страны фиксировать их этническую идентификацию. В этой связи доклад поддерживает возможность паспортных вкладышей на языках титульных групп в республиках, а также запись этнической принадлежности в свидетельствах о рождении, если последняя будет осуществляться на строго добровольной основе и если будет сохраняться возможность изменить или вообще удалить данную запись по желанию самого человека. Выскажу свое несогласие не только с самим предложением подобной записи, но и с тем, как это все трактуется. Во-первых, в свидетельство о рождении могут по желанию записать национальность родителей, а не самого новорожденного, ибо человек рождается без этничности. Во-вторых, эта запись может говорить об этническом происхождении, но не об этнической принадлежности. В-третьих, такая запись противоречит другим международным и европейским нормам, запрещающим в гражданских документах определять этническую принадлежность, а также противоречит и Конституции России. Наконец, реализация этой рекомендации связана с процедурными трудностями. Зачем человеку ходить в какие-то государственные учреждения и исправлять или уничтожать в своем свидетельстве о рождении запись собственной национальности, которую сделали его родители при рождении младенца? Из этого частного примера следует сделать вывод, что нужно быть осторожнее с рекомендациями ОБСЕ или Совета Европы: некоторые из них могут быть некомпетентными или сугубо политизированными.

ФЕДЕРАЛИЗМ И ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ*

Северный Кавказ – самый сложный регион с точки зрения социально-экономической ситуации, государственного управления и обеспечения национальной безопасности России. В этом регионе произошли вооруженные конфликты, один из которых – война в Чечне – стал самым разрушительным на постсоветском пространстве. Именно здесь присутствует реальная угроза национальной безопасности Российской Федерации, ее целостности и суверенитету. Именно здесь проявился феномен массового выхода части населения из правового пространства и появился район вооруженного сепаратизма, не контролируемый российскими властями. Именно здесь радикальный этнический национализм и религиозный экстремизм обрели насильственные и варварские формы, бросив вызов не только государству, но и общественным устоям местного населения.

На Северном Кавказе современная российская политика совершила трагические ошибки, допустив массовые жертвы и разрушения, за которые российская власть несет ответственность. Применительно к современному Северному Кавказу имеет место также провал отечественной обществоведческой экспертизы. Научно-интеллектуальное сообщество, включая московскую и северокавказскую интеллигенцию, несет долю ответственности за неспособность объяснить ситуацию и оказать миротворческое воздействие на общество. Российским политикам и управленцам разного уровня пора осознать, что верхушечные инструкции и волевые импровизации не могут быть основой эффективного государственного управления. Необходимо срочное создание основанной на профессиональной экспертизе системы выработки и принятия политико-государственных решений. Важным элементом этой системы наряду с ведомственной экспертизой должен стать независимый мониторинг этнополитических и других проблем Северного Кавказа.

Проблемы Северного Кавказа настолько серьезны, что требуют мобилизации существенных ресурсов всей страны, ответственной экспертной проработки, последовательных политических и других

* Статья была написана в 2001 г. для доклада: Пути мира на Северном Кавказе: Независимый экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1999.

необходимых действий со стороны государства и консолидации общественных усилий по обеспечению мира на Северном Кавказе. Четкая и недвусмысленная артикуляция целей и задач государственной политики на Северном Кавказе – необходимое условие взвешенности и сбалансированности такой политики. Главными целями этой политики должны быть:

- а) обеспечение территориальной целостности и безопасности;
- б) достижение социального благополучия населения;
- в) обеспечение гражданского равноправия;
- г) демократическое управление;
- д) сохранение и развитие культурного многообразия;
- е) предотвращение и разрешение конфликтов.

Северный Кавказ – регион со сложной социальной и культурной мозаикой. Здесь компактно проживают представители более 40 этнических общностей российского народа, которые имеют давние исторические связи между собой и с остальной Россией и в то же время сохраняют свое культурное отличие. Этнический и исторический факторы не являются основной причиной проблем и конфликтов в регионе так же, как федеральный центр не несет единственную ответственность за нынешнее положение на Северном Кавказе. Значительная часть ответственности лежит на политиках, на так называемых национальных лидерах, а также рядовых гражданах, совершающих нарушения закона и норм общественной морали. Конфликты в регионе носят сложный характер, имеют внутренние и внешние причины, но ни один из них не запрограммирован историей или человеческой природой. Для решения конфликтов в регионе нет единого сценария, но могут быть единые принципы.

Под воздействием политической риторики, внешней пропаганды и ряда реальных обстоятельств среди части северокавказцев сформировался психологический комплекс прошлого унижения и современного превосходства, а это, в свою очередь, привело к ослаблению общероссийской лояльности. Для части населения установка на интеграцию и на более высокие статусные позиции в общероссийском пространстве оказалась слабее, чем ставка на радикальный вариант полного суверенитета на этнической основе. Именно этот нереализуемый и конфликтный политический проект был взят на вооружение сторонниками этнического национализма.

В ходе конфликтов произошли массовые убийства и вынужденные перемещения людей, изгнание их из мест проживания, захват собственности. Насильственные перемещения людей в результате политики дискриминации и конфликтов – не только следствие конфликтов, но и причина сохраняющейся напряженности, спорадического насилия и нового конфликта в будущем. *Должны пред-*

приниматься меры, особенно со стороны государства, по недопущению вынужденных перемещений людей, наказанию их инициаторов и исполнителей, скорейшему возвращению жителей в места их прежнего проживания.

Несостоятельными являются мнения, что целенаправленные перемещения людей, включая отъезд русских из республик, и создание этнически гомогенных территорий на Северном Кавказе, а также репатриация соотечественников необходимы в политических или морально-исторических целях. Создание этнических анклавов или обеспечение демографического большинства для одной группы способны не меньше порождать напряженность и конфликты, чем этнические смешанные территории или совместно проживающие этнические общины. Тем не менее, если есть возможность сохранить этническую однородность местных общин и сложившийся этнический состав населения городов и сел, то это следует делать. *Конфликты вызывает не столько сам факт многоэтнического состава населения, сколько слишком резкие изменения его привычных пропорций.*

Одна из важных причин насилия и конфликтов – это утрата государством контроля над оружием и армейскими арсеналами, что позволило плохо обустроенной и недостаточно образованной части населения под воздействием идеологов национализма и религиозного экстремизма осуществить массовый выход из правового пространства и бросить вызов основам государственного и общественного устройства. Насильственный конфликт есть чаще всего сумма индивидуальных преступных действий, а не проявление некой коллективной воли или исторической закономерности. Именно с этой позиции должны рассматриваться прежде всего и меры по разрешению конфликтов, т. е. прежде всего в правовом аспекте.

В конфликтах на Северном Кавказе большое место занимают не только социально-экономические, но и идеологические факторы, особенно заимствованная от советского времени доктринальная основа политики в отношении национальных меньшинств. Эта идеология этнической («национальной») государственности в условиях либерализации, слабого гражданского общества, экономического и морального кризиса породили неверные установки, неисполняемые законы и решения властей, бесполезные споры и неоправданную напряженность между людьми. Этим цинично или из заблуждений пользуются политики, провокаторы и авантюристы. Необходима срочная коррекция политической идеологии и государственно-правовых установок в пользу общегражданских основ федерального и демократического правления.

ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ И ДОКТРИНЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Все российские государственно-административные образования, включая республики Северного Кавказа, представляют, прежде всего, территориальные сообщества граждан, от имени которых и в интересах которых создается и существует власть любого уровня. В то же время внутригосударственные образования (субъекты федерации) отражают и учитывают культурный состав населения, заключаемого в их границы. Повсеместно это население имеет многоэтничный характер. Наивно и опасно полагать, что на Северном Кавказе можно создать государственность для одной этнической общности (народа), но и не следует думать, что государство должно быть нейтральным к этническому составу населения и не должно отражать в своем устройстве и политике этот важный фактор.

Конституционно-федеративное устройство России с наличием республиканских образований – наиболее демократическое и оптимальное для Северного Кавказа. В то же время недавний опыт показал, что оно может быть неумело или намеренно использовано для ущемления прав граждан и ослабления государственности в целом. Не политика преимуществ для одних и ущемления других, а политика культурного плюрализма и уважения гражданских прав на уровне всей страны и на уровне отдельной республики должна лежать в основе общественного устройства, стремящегося избежать кризисов и конфликтов. Главное – это улучшение правления, а не административные переделы. В некоторых республиках имеются позитивные политические инновации в области коллективного правления и общинного представительства, хотя принцип этнических курий или партий имеет серьезные ограничители и может нести конфликтогенный потенциал.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Северный Кавказ имеет для России важнейшее экономическое значение, являясь составной частью хозяйственного комплекса РФ, без которого невозможно обеспечить экономическую безопасность страны. Регион становится зоной острой конкуренции мировых держав, желающих экономически закрепиться в Прикаспийском и Причерноморском ареалах. Возможности усиления воздействия экономической политики Центра на регион будут зависеть от общей социально-экономической ситуации в стране, а также от урегулирования региональных конфликтов.

Главным фактором развития экономики региона могут быть внутренние ресурсы, так как внешние (иностранные) инвестиции

сдерживаются нестабильностью в регионе. Для мобилизации этих ресурсов Центру необходимо способствовать развитию в регионе малого бизнеса, дающего быструю отдачу от вложений, внутрирегиональной интеграции, привлечению внебюджетных источников финансирования. Пестрая инвестиционная картина свидетельствует, что, несмотря на трудности реформирования российской экономики, отдельные республики и административные территории Северного Кавказа находят источники финансирования капиталовложений, хотя и в недостаточных объемах. Привлечение внешних капиталовложений зависит не только от стабильности, но и от энергичных усилий по пропаганде возможностей для выгодного бизнеса.

В бюджетных отношениях сталкиваются две тенденции. С одной стороны, федеральный Центр вынужден предоставить больше финансовой самостоятельности регионам, оставляя им более значительную часть налогов в бюджеты субъектов. А с другой стороны, отказаться от трансфертов полностью пока не удастся из-за боязни сепаратизма в рамках федерации и по причине высокой дотационной зависимости многих региональных бюджетов. Финансовая помощь субъектам северокавказского региона по линии федерального бюджета должна еще более дифференцироваться и исходить не из принципа «выравнивания уровней» бюджетных расходов, а из принципа эффективности.

Главная проблема региона – занятость молодого мужского населения, которое составляет значительную часть местных сообществ и поведение которого во многом определяет сегодняшнюю ситуацию. Наиболее трудный вопрос состоит в нахождении достойной работы для жителей сел и малых городов, где имеет место социальная маргинализация. Ответ можно искать в двух направлениях: в ограничении роста горного села и в помощи его радикального благоустройства, а также в организации частно-общинного типа пользования угодьями с ориентацией на частичную рыночную реализацию сельской продукции. В то же время программы социально-экономического развития для региона должны предусматривать преимущественные инвестиции в те отрасли, где можно занять именно молодежь и женщин.

При всей специфике землепользования в регионе законодательное регулирование земельного вопроса на основе рыночных принципов и в режиме федерально-регионального совместного законодательства является одним из ключевых моментов обеспечения долгосрочной стабильности на Северном Кавказе. Особые законы и нормы о земле необходимы для горных районов, которые бы учитывали культурно-хозяйственные традиции и мировой опыт земельных реформ в районах высокогорья (Анды, Тибет и др.).

На Северном Кавказе нужна глубокая и продуманная земельная реформа с привлечением имеющегося мирового опыта. Возможно, без закрепления обрабатываемых земель в частное, а пастбищных – в коллективно-общинное владение не обойтись. Земельная реформа должна учесть традиции общинного пользования и наследие советской коллективизации. Земельная реформа на Кавказе должна быть осуществлена с привлечением не только местных и федеральных ресурсов и экспертов, но и международных, особенно Всемирного банка развития, у которого имеется опыт содействия проведению подобных программ в Индии, Бразилии и в других странах.

Самое главное для экономики Северного Кавказа – это полноценное включение ее в общероссийский рынок. Нужно перестать третировать северокавказское предпринимательство, а, наоборот, его поддерживать в общероссийском масштабе. Учитывая демографические факторы и ресурсные возможности, *следует признать необходимость постоянной и временной трудовой миграции населения республик в другие регионы страны и создавать необходимые условия для этого процесса.*

Руководители северокавказских регионов и предпринимательские круги должны воспользоваться благоприятной конъюнктурой спроса на отечественную агропродукцию и закрепить положительные тенденции в работе предприятий пищевой индустрии. Но в целом без структурной перестройки производства ожидать улучшения ситуации в промышленности Северного Кавказа не приходится.

Теневая (неформальная) экономика существует на Северном Кавказе, с одной стороны, как следствие переходного периода реформ, несовершенства рыночных отношений и правовых норм, а с другой, как продолжение местных традиций вторичной занятости, доходы от которой скрываются от официального налогообложения. Этот фактор необходимо учитывать при анализе уровня жизни и доходов населения в регионе, финансовой базы субъектов федерации и, соответственно, при разработке схем федеральной помощи Северному Кавказу.

В то же время следует принять меры по уменьшению уровня криминализации экономики и повседневной жизни. Неотложного решения требуют проблемы открытых границ, оборота наркотиков и торговли оружием.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И УПРАВЛЕНИЕ

Усиление федерального присутствия на Северном Кавказе происходит по мере усиления напряженности в том или ином образовании и носит характер «пожарного» разрешения конфликтной

ситуации. Федеральному Центру не удалось определить формы своего представительства, адекватные сложности проблем в регионе. Главная проблема – в отсутствии четкой стратегии и скоординированных действий разных федеральных структур по ее реализации, в недостаточном учете местной специфики, запаздывающем характере принимаемых решений.

Важнейший элемент политики федерализма и многокультурности, необходимый для эффективного управления государством и обеспечения стабильности на Северном Кавказе, – сохранение и гарантированное обеспечение представительства северокавказского региона, в том числе и этнических общностей, на уровне федеральных органов власти. Осуществление данной политики имеет ряд трудностей, которые могут и должны преодолеваться. Среди этих трудностей:

а) отсутствие конституционных гарантий представительства малочисленных этнических общностей в высших законодательных и исполнительных органах власти или хотя бы механизмов неофициальных договоренностей и понимания значимости данного вопроса;

б) наличие у части ответственных руководителей федерального Центра бытовых антикавказских фобий и негласных (иногда и открытых) проявлений шовинизма;

в) недостаточная профессиональная компетентность, слабая гражданская и дисциплинарная ответственность некоторых госслужащих и парламентариев, представляющих Северный Кавказ; их неспособность преодолеть этническую и клановую солидарность во имя служения государству и закону.

Один из сложных вопросов – это наличие противоречий между конституционным устройством северокавказских республик и федеральным законодательством, но, как правило, они не сказываются на практике отношений между республиками и Центром. Эта коллизия свидетельствует о необходимости более гибкого и современного подхода к вопросам правовых систем в сложном по культурному и религиозному составу населения государстве.

Существование в регионе этнотерриториальных образований, ныне имеющих статус республик-государств, можно считать позитивным достижением советской и современной российской политики уважения прав национальных меньшинств. На сегодняшний день северокавказские республики и их границы легитимны и достаточно приемлемы. *Изменение статусов и административных границ в регионе вместо улучшения системы управления и хозяйствования способно нарушить относительную стабильность на Северном Кавказе.* Недавний опыт внутренних территориальных

споров, связанных со сталинским наследием депортаций, показывает, что попытки восстановить «историческую справедливость» приводят к новым несправедливостям уже в отношении современного населения. В рамках единого государства эти проблемы должны решаться на путях взаимного сотрудничества, свободы передвижения и проживания, развития экономических и гуманитарных связей, уважения индивидуальных и коллективных прав граждан.

При всей возможной оптимальности дагестанской политической новации по части консосиальной демократии (такой опыт имеется в других странах мира) пока не действует механизм этнической ротации и разделения власти как один из наиболее существенных элементов принятой в республике системы этнопредставительства. При этом альтернативы подобной системе власти пока не видно, о чем свидетельствует трехкратная неудача референдума о введении поста президента. Причина неудачи разделения власти и этнической ротации в сложных по составу населения образованиях кроется не столько в самой системе консосиальной демократии, сколько в недостаточном гражданско-правовом сознании населения и политиков и в определяющем влиянии криминально коррумпированных сил и связей, которые используют в своих интересах политическую мобилизацию по этническому и джамаатскому (местническому) принципу.

Сравнительно краткий и трудный опыт становления государственных устройств и системы управления в северокавказских субъектах федерации выявил ряд важных моментов, способных решительно влиять на политическую стабильность и предотвращение конфликтов. Среди них следующие:

а) обязательность регулярной смены власти на выборной основе с точным соблюдением действующих конституционных принципов и законов;

б) недопустимость политики избирательной ориентации федеральных властей на определенных политических деятелей в ущерб демократическим принципам выборности и состязательности процесса формирования органов государственной власти и управления;

в) необходимость повышения компетенции и правосознания политиков и населения в вопросах государственного управления, в том числе на путях формирования кроссэтнических политических коалиций (партий), которые призваны обеспечивать избирательный процесс и формирование власти;

г) необходимость учета специфики состава населения и традиций при определении местных государственных устройств при соблюдении базовых принципов демократического правления, определенных федеральной и местными конституциями.

Если дагестанская культурная мозаика и отсутствие этнического большинства оправдывают эксперимент с этническим парите-

том (ротацией), то законодательное закрепление представительского паритета за этническим меньшинством населения (например, в Адыгее) является нарушением базовых норм демократического правления и основ федеральной конституции. Эта уступка этнонационализму оказалась возможной в силу слабой организованности гражданского общества и инерции прежней политики предпочтений так называемым титульным национальностям.

Конфликтогенный элемент государственного устройства в ряде республик может и должен быть устранен через общественную самоорганизацию населения и использование им мирных демократических процедур при поддержке федеральных органов власти. Окончательно проблема внутреннего сепаратизма в республиках давнего и смешанного проживания граждан различной национальности должна решаться на путях улучшения системы управления, сменяемости властей и более широкого представительства различных групп в органах власти, а не дальнейшего деления государственных образований в условиях, когда невозможно провести административные границы по границам этнических ареалов.

Необходима настойчивая работа с радикально настроенными общественными лидерами, нейтрализация их позиций и недопущение мобилизации населения вокруг нереализуемых политических проектов. Тем не менее перспектива «кantonизации», т.е. образования отдельных национальных районов в пределах существующих республик, не должна исключаться из повестки дня, но только реализовываться этот вариант должен через систему конституционных референдумов и постепенно, чтобы не совершать непоправимых ошибок.

Северный Кавказ – территория с особыми местными обычаями и традициями, отличающимися от других регионов России. Федеральным и республиканским властям следует взвешивать, насколько подобные институты и нормы соответствуют целям мира и стабильности. Процесс так называемого национального возрождения сопровождается реанимацией тейповых, джамаатских, ущельных, фамильных и других патриархальных связей. В этих связях главенствуют представители коррумпированных властных, военных, банковско-коммерческих структур, которые образуют кланы, контролирующие власть и ресурсы. Авторитарность и этническая закрытость клановых структур является одной из причин ущемления представителей нетитульного населения. Даже в Северной Осетии с наименьшим оттоком русского населения, представители последнего фактически вытеснены из органов власти. В других республиках ситуация еще более неблагоприятная.

При формировании органов власти полезным было бы опробование не применявшихся в практике российских регионов, но таких известных в мире избирательных механизмов, как система пере-

дачи второго голоса (таким образом, при избрании единого главы республики, раз уж выбор сделан в пользу такой системы власти, малые этнические и социальные сегменты получают дополнительный рычаг для учета своих интересов) и пропорциональная система для парламентских выборов. Последняя позволяет более точно отразить структуру многосоставного общества.

Политическая жизнь на Северном Кавказе замкнута на уровне субъектов федерации при недостаточном развитии над- и субрегионального уровней. На уровне республик, краев и области концентрируется практически вся власть. Через них перераспределяются денежные потоки из федерального Центра. Целью должно стать расслоение власти по вертикали, распределение ее между уровнем региона, в целом отдельного субъекта федерации, и субрегиональным уровнем (местного самоуправления, территориального общественного самоуправления). Возможен вариант создания северокавказской парламентской ассамблеи, позволяющей решать часть общих проблем на более высоком, чем позволяют рамки отдельных субъектов федерации, уровне.

При организации работы федеральных структур на Северном Кавказе стоит придерживаться принципа разнотерриториальности, разноконтурности различных округов: налоговых, природоохранных, транспортных и т.п., размещение центров их управления в различных северокавказских городах. Нужно предусмотреть возможность образования специальных регионов по примеру существующего особо охраняемого эколого-курортного района Кавказских Минеральных Вод, созданного президентским указом в 1993 г. и управляемого совместно региональными и федеральными властями. Границы таких особых регионов могут не совпадать с границами субъектов федерации.

Цель подобных мер – преодолеть замкнутость политической и социально-экономической жизни отдельных субъектов федерации, избежать концентрации всей власти и тотального подчинения на этом уровне, создать многоцентровость политической жизни, построить системы сдержек и противовесов. Средства из федерального бюджета должны идти на разные уровни. Для национальных меньшинств это, в частности, будет означать появление новых путей решения своих проблем, дополнительные возможности самореализации во вновь сложившихся управленческих структурах.

ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА

Федеральная политика России в конфликтах и кризисных ситуациях должна быть предсказуема. Для чего необходимы разграничение полномочий органов исполнительной власти, устранение

нескольких центров принятия решений на федеральном уровне. Шарахания из стороны в сторону, поддержка то одной, то другой из противоборствующих сторон в конфликтах оказались ошибочными. Неприемлемы официальные контакты с людьми, бросившими открытый вызов государству, а тем более находящимися в уголовном розыске, а также недопустимы ситуации, когда сегодня ведутся переговоры, а завтра переговорщики арестовываются, или наоборот.

Используемые федеральными и местными властями меры в конфликтах и кризисных ситуациях в регионе должны быть адекватны складывающейся обстановке. Применение силы должно быть дозировано, и безопасность гражданского населения должна являться естественным ограничителем ее использования. Недопустимо также промедление с использованием силовых вариантов, когда того требует обстановка. Конфликты не могут быть разрешены исключительно военными средствами. Применение силы, если оно необходимо, есть предшествующая стадия или вынужденный компонент процесса политического разрешения конфликта.

Государственная политика в конфликтах должна быть в разумных пределах транспарентна. Слухи и домыслы приводят в кризисных ситуациях к катастрофическим последствиям. В то же время в современных условиях не обойтись без профессионального информационно-пропагандистского обеспечения действий государства в конфликтных ситуациях, особенно в условиях ведения масштабных боевых действий или осуществления спецопераций.

Процедуры урегулирования и предотвращения конфликтов должны основываться на соответствующей правовой базе.

Законодательное регулирование режима чрезвычайного положения, статуса приграничных территорий, правовых основ взаимоотношений с Чеченской Республикой, прав национальных меньшинств, – лишь малая часть федеральных законов, которые должны быть приняты Государственной думой.

ВООРУЖЕННЫЙ СЕПАРАТИЗМ И ТЕРРОРИЗМ

Ресурсы внутреннего развития Чечни, связанного с перспективами вооруженного сепаратизма, исчерпаны. Сложилась тупиковая ситуация. Противоборствующие в Чечне силы не способны разрешить системный кризис. Правительство Чечни допустило создание очага международного терроризма на своей территории. Альтернативу вооруженному сепаратизму может предложить модернизированная часть чеченского общества как в самой Чечне, так и за ее пределами. Задача чеченской национальной элиты состоит в том, чтобы сплотить эти силы идейно и организационно, консолидировать народ на основе политики здравого смысла.

Идея исламского (шариатского) государства направлена на разрушение традиционной национальной культуры горских народов, их адатов и претендует на то, чтобы бросить вызов северокавказской властной элите, ориентированной на Россию. Псевдонезависимая Чечня превращена в опорный пункт ваххабитов, и, пока в России не будет осуществлена последовательная линия нейтрализации вооруженных террористических групп, ситуация будет только ухудшаться.

На базе новых сил и соглашений возможно взаимодействие федеральных и чеченских структур в борьбе против преступности, организации восстановительных работ, выплат пенсий и пособий, адресной гуманитарной помощи населению, реализации образовательных и здравоохранительных (реабилитационных) программ. Помощь всей России в восстановлении экономики и социальной сферы ЧР в обмен на признание Чечни частью российского административно-политического пространства – основа стратегии разрешения конфликта.

Процесс нормализации отношений с федеральной властью отвечает жизненным интересам чеченского народа и получит его поддержку. Несмотря на то что этот вариант соответствует стратегическим интересам населения России и Чечни, реализовать его будет непросто. Обе стороны (особенно федеральная власть) должны проявить терпение, способность к компромиссу, желание действовать в интересах большинства граждан ЧР.

Недопустимы интернационализация конфликта и ввод в Чечню международных миротворческих сил. При таком варианте развития событий будет проводиться желаемая влиятельными внешними силами линия на закрепление полной независимости Чечни, что радикально противоречит интересам России. Подобная линия уже косвенно осуществлялась представителями ОБСЕ в 1995–1996 гг.

Федеральные власти обязаны довести до конца борьбу с террористами и неподконтрольными вооруженными формированиями без массовых жертв и разрушений. Необходимы действия по обеспечению представителей чеченского народа в законодательных органах федеральной власти. Возможно содействие представителям чеченского народа, большинство которого за пределами республики, в самоорганизации с целью принятия участия и воздействия на процесс политического урегулирования конфликта.

Влияние дагестанских ваххабитов ограничено, и это не общедагестанский феномен. Большинство дагестанских ваххабитов не поддерживают идею чеченских исламских радикалов о создании единого чечено-дагестанского исламского государства. Победить фундаменталистский ислам можно только опираясь на силы традиционного ислама. В то же время миротворческий потенциал религии ограничен.

В условиях открытых вооруженных конфликтов он не способен быть основной формой миротворческих усилий. Но религиозный фактор не должен игнорироваться при формировании политики в регионе. Важно поддержание систематического диалога между представителями ведущих конфессий – исламом и православием.

Ограниченны проявления идеи «исламской солидарности», поскольку ислам на Северном Кавказе разделен этническими перегородками. На доктринальном уровне «догматический ислам» мало совместим с синкретическим, суфийским исламом братств. Маловероятно возникновение на исламской основе квазигосударственных объединений. Гипотетический имамат на базе Дагестана и Чечни вряд ли когда-нибудь состоится, что было подтверждено в ходе конфликта на границе между Чечней и Дагестаном.

Ислам как политическое средство достижения межэтнического согласия продемонстрировал свою ограниченность. Как фактор межэтнической и конфессиональной интеграции на уровне региона он может проявить себя лишь в случае необдуманных или провокационных действий со стороны федеральных властей. В целом конфессиональный фактор вряд может быть эффективно использован во имя достижения политической стабильности в регионе.

В то же время религия, особенно ислам, обретает все большее значение в общественно-политической жизни. Однако не следует абсолютизировать значение религиозного фактора и использовать его как аргумент неких межцивилизационных столкновений. Стоит делать акцент на мирном сосуществовании разных конфессий, на поиск диалога между их носителями, в том числе в сфере политических взаимоотношений.

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО И РУССКИЙ ФАКТОР

Северный Кавказ в результате вхождения в состав российского государства и участия в его культурном диалоге, в том числе с русским языком и культурой, обрел черты той общности, которые позволяют говорить о нем как об историко-культурном, а не только экономико-географическом регионе. Основы демократического управления, интересы сохранения культурного многообразия России, международно-правовые стандарты требуют уважения к состоянию малых культур, обеспечения прав граждан, связанных с их принадлежностью к той или иной этнической общности. *Культурная стратегия в регионе должна основываться на обеспечении взаимодействия трех культурных потоков (северокавказского, общероссийского и мирового), к которым добавляется также важный срез местных межкультурных взаимодействий.*

Генеральным направлением культурно-языковой политики должно быть развитие национально-русского двуязычия (или многоязычия) как формулы обеспечения дальнейшей модернизации и интеграции северокавказцев в общероссийскую культуру, основанную на русском языке, и сохранения местных языков как важного элемента национального самосознания и культурной отличительности. Реальная жизнь и современная теория доказывают, что широкое распространение двуязычия и многоязычия не только возможно, но и является дополнительным преимуществом тех граждан, которые владеют несколькими языками, проживая в многоэтничном государстве или регионе. Этот принцип желательно распространять и на русскоязычное население, всячески стимулируя овладение им местными языками, что должно способствовать оздоровлению климата межэтнических отношений в регионе.

Противодействие и разъяснительная работа требуются в отношении радикально-националистических призывов противопоставить русский и другие языки друг другу или снизить статус русского языка. Эти призывы направлены на самоизоляцию и культурную демодернизацию населения Северного Кавказа. Русский язык является в равной мере культурным достоянием всех жителей региона, а языковая ассимиляция в пользу русского языка части граждан необязательно означает исчезновение народа и не является чьей-то виной. Через знание русского языка обеспечиваются возможности жизненно-го преуспеяния, интеграция в более широкий внешний мир и более сильная гражданская идентичность и общероссийский патриотизм.

В отношении местных языков курс должен быть взят на более полное изучение реальной ситуации их бытования и возможностей сохранения и развития. Должный уровень существования этих языков может обеспечиваться без их форсированного насаждения в общественно-политическую и экономическую сферы, которые функционируют в режиме более широких межэтнических контактов и не признают групповую изоляцию. Языки народов Северного Кавказа могут сохраняться и осуществлять свои важные этнокультурные функции, даже если они будут функционировать и поддерживаться преимущественно в сфере семьи, культуры и гуманитарной науки. Успешное функциональное разграничение языковых сфер доказывается опытом многих государств, где проживает многоэтническое по составу население. Развитие малых языков нуждается в государственной поддержке, прежде всего по линии модернизационных языковых реформ, подготовки учебной и другой литературы, программ в средствах массовой информации.

Осваивая фундамент начального образования на родном языке, расширяя возможности обучения родному языку и литературе

в старших классах, северокавказская школа нуждается в научной проработке проблем, связанных с этими процессами. Отсюда вытекают важные задачи, которые предстоит решить педагогической и этнографической наукам. Усилия их должны быть направлены на выявление особенностей бытования языков на Северном Кавказе, анализ системы образования на родном языке, определение оптимального соотношения между родными и русским языками в процессе преподавания, совершенствование программ и методик преподавания родного языка и предметов на родном языке.

В связи с новыми потребностями общественных трансформаций, прежде всего развитием рыночной экономики и демократических институтов, на сферу образования возлагается задача массовой подготовки профессиональных кадров в сфере финансов и менеджмента, правоведов, социальных работников, специалистов в сфере рекреационного бизнеса и др. Излишняя гуманитаризация сферы образования создает перепроизводство (главным образом из представителей титульного населения) специалистов малополезных профессий. Не выпускается достаточного числа специалистов именно тех сфер общественной занятости, которые могут обеспечить эффективные экономические преобразования, стабильное политическое управление, а самое главное – решить проблему достойной занятости молодого поколения. В этом вопросе приоритеты образования прямо связаны с предотвращением социальной напряженности и обеспечением мира в регионе.

Нынешние трудности на Северном Кавказе усугубляются тем обстоятельством, что исторически Россия, точнее русскоязычная российская культура, утрачивает в этом регионе свое доминирование, что по существу означает конец однозначной русификации и европеизации или же, что точнее, – усложнение самого содержания российской культуры. В культурном пространстве более значимыми становятся как местные этнические культуры, так и культурные мировые системы, связанные с исламской или восточной традицией. В целом Северный Кавказ остается в европейском культурном поле, как, кстати, фактически все государства бывшего СССР. Попытки демонтировать российское (русское) и европейское в культурном облике представителей северокавказских народов едва ли возможны, а тем более целесообразны с точки зрения интересов самих граждан.

При широком распространении языковой ассимиляции, которая, по существу, сделала регион двуязычным, более глубокое проникновение в местный быт русских этнокультурных стандартов не произошло, хотя уровень культурных заимствований и взаимовлияний остается высоким, и будет сохраняться в будущем. Именно

присутствие российской (русской) культуры в регионе определяет во многом общие культурные черты, а не некая уникальная северокавказская цивилизация.

При известных потерях и трансформациях, которые претерпели культуры народов Кавказа, многие коренные основы традиционного быта и мировоззрения сохранились и продолжают оказывать воздействие на формирование этнокультурного облика народов. Для северокавказского этнокультурного самосознания некоторые общероссийские стандарты остались неприемлемыми, хотя за пределами бытовой повседневности (в общественно-политическом устройстве, правовой системе, профессиональной культуре, науке, информации) общероссийские культурные ценности присутствуют достаточно мощно. Это сложное существование и своеобразный культурный диалог должны поддерживаться как наиболее оптимальные для данного региона России.

В нынешней ситуации специфика постсоветских изменений на Кавказе способствует росту фундаменталистских настроений, актуализации в массовом сознании традиционных этнических воззрений, росту отчужденности и негативизма по отношению к новым культурным стандартам, которые тиражируются свободными от цензурирования российскими (прежде всего московскими) СМИ, несущими своим читателям, слушателям и зрителям в печатном, радио и телевизионном вариантах трудно приемлемые культурные нормы и ценности (секс, насилие и пр.).

Значительный рост в республиках Северного Кавказа представителей титульных национальностей может послужить детонатором как дальнейшего обострения социально-экономического положения в регионе, так еще более в плане обострения не только межэтнических, но и внутриэтнических отношений, неизбежным следствием которых станет усиление и без того уже значительного оттока русского населения. Общественные организации в республиках Северного Кавказа, включая казачьи организации, не в состоянии решать проблемы, стоящие перед русским населением региона. Экономический кризис и идеология национализма не позволяют руководителям отдельных республик Северного Кавказа и их общественных движений увидеть в перспективе негативные последствия вынужденной миграции русских и представителей других нетитульных национальностей. Определение действенной миграционной политики, способной если не прекратить, то хотя бы уменьшить масштабы вынужденной миграции русских из республик Северного Кавказа и тем самым устранить вероятность ее негативных последствий, невозможно без разработки специальной программы, направленной на снятие межэтнической напряженности, а через это стабилизацию этнополитической ситуации в регионе.

Необходим реестр проблем современного общественного развития на Северном Кавказе, который может быть выработан совместными усилиями ученых и политиков. Конференции кавказоведов в регионе и в Москве могут стать форумами для подобного обсуждения, особенно если в них примут участие политики и управленцы разного уровня. Необходим анализ состояния самой экспертизы, выполненных и планируемых исследований, их уровня и результатов, а также состояния научных кадров и их специализации. Следует осуществить меры противодействия силами научного сообщества распространению антинаучных взглядов, исторических и политических спекуляций, манипулированию массовым сознанием, насаждению межэтнической розни, националистической мифологии. Сохраняя свободу научного творчества, необходимо повысить гражданскую ответственность обществоведов, занимающихся проблемами Кавказа, утверждать среди них ориентацию служения интересам государства и общероссийскую лояльность. Частично это может быть реализовано через систему заказных исследований и исследовательских грантов из государственных источников на поддержку науки.

Следует вступить в более активный диалог с зарубежными специалистами по Кавказу, отстаивая приоритеты отечественной экспертизы и оказывая влияние на формирование научных подходов в международном научном сообществе. Следует радикально улучшить состояние научной критики кавказоведческих работ, в том числе политизированных научных спекуляций среди отечественных и зарубежных авторов. Необходимо издание массовыми тиражами добротных научных работ отечественных исследований, в том числе их переводов и издания на иностранных языках.

Для противодействия националистической исторической мифологии необходимо:

а) официальное признание совершенных в прошлом несправедливостей по отношению к малочисленным народам и этническим группам (в том числе замалчивания важных для них исторических фактов и событий);

б) культивирование мультикультурализма, требующего безусловного уважения к иным этническим традициям;

в) усиление контроля над созданием учебной литературы; формирование комиссий из ученых, уполномоченных отбраковывать издания, содержащие ксенофобные или расистские положения;

г) проведение совещаний историков (с привлечением археологов и лингвистов) по обсуждению и решению спорных вопросов историографии.

Характер диаспор определяется историческими и современными реалиями, их действия могут активизироваться под влиянием внешних и внутренних этнополитических факторов. В целом диаспоры и их национально-культурные организации становятся активными участниками этнополитических процессов в крае и во всем северокавказском регионе. В этой связи можно предложить следующие рекомендации:

а) при разработке и реализации программ гармонизации межэтнических отношений учитывать фактор диаспор и усиливающуюся роль национально-культурных организаций;

б) при учете этнических интересов дифференцировать таковые у различных этнических групп, вычлняя религиозные, культурные, языковые аспекты, в особенности степень сохранения этнокультурных характеристик;

в) включать национально-культурные общины в структуру образований, способствующих в гармонизации межэтнических отношений: участие в конференциях, совещаниях, симпозиумах;

г) осуществлять содействие со стороны государственных органов и муниципальных служб в осуществлении принципа национально-культурной автономии, активизировать связи национально-культурных общин и государственных районных, территориальных администраций, муниципалитетов;

д) издавать научно-исследовательскую, учебную литературу для обеспечения образовательных программ с этническим компонентом, а также межэтнические газеты и журналы.

Общая картина практики миротворчества в регионе приводит к следующему выводу: современная этнополитическая ситуация на Северном Кавказе диктует необходимость реализации на практике многоуровневой системы взаимодействия, затрагивающей федеральные, региональные органы власти, органы местного самоуправления, силовые структуры, общественные и научные организации, СМИ и творческие объединения Северного Кавказа, а также некоторые международные организации.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Геополитический аспект международных отношений, точнее говоря, борьба государств за власть и влияние – лишь одна из сторон сложного взаимодействия интересов многочисленных участников, вовлеченных в происходящие на Северном Кавказе процессы. Эти процессы имеют в основном внутренние корни.

Слабость России создает возможности для усиления западного проникновения и влияния на Северный Кавказ, но в действитель-

ности вакуум власти привлекает в регион враждебные и неподконтрольные Западу силы. Исламский экстремизм в его вооруженной, террористической форме – один из главных врагов стран Запада – начал разрушительное проникновение и на территорию России. Именно эту озабоченность и опыт противодействия исламскому экстремизму Россия могла бы использовать более активно в отношениях с США и странами ЕС.

Российские внешнеполитические ведомства, другие государственные, общественно-политические и деловые организации и силы должны обратить внимание на укрепление экономических и гуманитарных связей Турции с северокавказскими государственными и предпринимательскими структурами. Неиспользованным аргументом в позиции России остаются огромные выгоды, которые Турция получает в последние годы от деятельности строительных и других фирм в РФ, от экономического и рекреационного туризма россиян в эту страну.

Теократический характер Саудовской Аравии, состав и взгляды его правящей элиты, процесс принятия решений и возможности расходования огромных денежных средств превращают Саудовскую Аравию в одного из ведущих международных игроков на российском Северном Кавказе. Необходимо выработать особые методы и подходы к нейтрализации саудовского влияния.

Действия ряда внешних сил на Северном Кавказе (например, нефтяных компаний и неправительственных организаций) слабо контролируются государствами или не контролируются ими совсем. Такие явления, как терроризм, наркоторговля, организованная преступность, носят все более международный характер. Поэтому нужно учитывать возрастающее значение фактора глобализации политических, экономических, коммуникационных отношений в мире и в его отдельных регионах, в том числе на Северном Кавказе.

Общей стратегии внешних разнородных сил не существует, но смысл их активности состоит в том, чтобы превратить Северный Кавказ в составную часть мусульманского мира, а в геополитическом отношении включить его в расширенный Ближний и Средний Восток. Попытки реализации этой цели представляют в настоящее время и в перспективе серьезную угрозу национальным интересам России, стабильности и миру на Северном Кавказе.

Необходимы договоренности и сотрудничество между Россией, Азербайджаном и Грузией в отношении регионов вооруженного сепаратизма в этих странах с целью обеспечения территориальной целостности, урегулирования сепаратистских конфликтов и защиты от международного терроризма. В отношениях с этими соседними и культурно близкими странами Россия должна использовать

экономический аргумент, что до сих пор одним из основных источников жизнеобеспечения населения Азербайджана и Грузии являются не международные нефтепроекты, а торгово-предпринимательская деятельность азербайджанцев и грузин на территории России. Российский рынок, а не каспийская нефть останутся основным источником развития этих стран и в будущем.

Задача российской внешней политики и дипломатии – создание благоприятных внешних предпосылок для реализации главных целей сохранения целостности государства и укрепления его единства при условии развития правового демократического государства, отдающего приоритет правам человека. Для достижения этой задачи необходимо выработать и реализовать скоординированную стратегию, основными направлениями которой должны быть следующие:

а) повышение заинтересованности иностранного капитала в стабилизации ситуации на Северном Кавказе и его участия в проектах развития региона;

б) определение в качестве важнейшего приоритета нормализацию и развитие отношений с непосредственными соседями – государствами Закавказья по всем основным направлениям;

в) институализация политического диалога с Турцией в пользу стратегического взаимопонимания с Россией. Углубление политических контактов с Израилем, Ираном, Пакистаном, Саудовской Аравией, Иорданией;

г) осуществление мер, направленных на историческое примирение России с исламским миром с целью превратить традиционный ислам на Северном Кавказе в союзника в борьбе с экстремизмом;

д) изоляция экстремистских сил на Северном Кавказе путем диалога с руководством Турции, Египта, Израиля, других государств Ближнего и Среднего Востока, стран СНГ, Европейского Союза, США. Укрепление взаимодействия с соответствующими службами этих государств в целях борьбы с международным терроризмом;

е) объяснение российской общественности и внешнему миру целей и методов российской политики на Северном Кавказе для ее лучшего понимания и поддержки;

ж) оборудование государственной границы с Азербайджаном и Грузией, создание зоны безопасности на территории Чечни и сопредельных территориях.

Партнерами России могут стать транснациональные корпорации, для реализации проектов которых требуется стабильность в Кавказско-Каспийском регионе. Россия может действовать совместно или параллельно с государствами Закавказья, Ближнего и Среднего Востока. Особое значение имеет достижение взаимопонимания между Россией и США по комплексу вопросов, связанных с развитием ситуации в Кавказско-Каспийском регионе и Центральной Азии.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ТЕРРОРИЗМА*

Представители разных общественных дисциплин пытаются осмыслить феномен международного терроризма. Чтобы избежать поверхностных суждений и схоластических дебатов, важно верно определить дисциплинарный контекст и методы изучения проблемы терроризма. С дисциплинарной точки зрения заслуживает внимания ракурс политической и шире – социально-культурной антропологии, который предостерегает от системного фетишизма и обращает внимание на культурный контекст и на своего рода низовую этнографию терроризма. Этот подход полезен, ибо помогает уйти от устойчивых образов неких коллективных тел, движений и институтов, которые якобы и определяют «большие события». На самом деле, проблема сложнее и тоньше, и далеко не все определено историей, социально-экономическими факторами или религиозной доктриной.

О терроризме часто говорят в контексте конфликта цивилизаций и других глобальных категорий («Север – Юг», «бедность – богатство»). Однако *современный обществоведческий анализ предполагает большее внимания к элементам, связанным с неопределенностью, с иррациональными факторами и с несистемными взаимосвязями и воздействиями*. Различные мета-конструкции, как, например, глобализация и цивилизация, даже не очень и понятны как категории анализа конкретной политики. В случае с терроризмом явно предпочтительнее говорить о симбиозе локализма и глобализма. В этом контексте гораздо более понятной становится ситуация, когда человек, сидя в афганских горах, имея счета в банках и спутниковую связь, может влиять на то, что называется «глобальными процессами», т.е. осуществлять широкие воздействия, что раньше не было возможным.

Так же уязвимы жесткие дихотомии в объяснении того, что произошло 11 сентября 2001 г. Пока прозвучали два основных подхода: это конфликт бедности и богатства и конфликт больших догм

* Опубликовано: Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад 2001 г. Сети этнологического мониторинга / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М., 2002. См. также: Социологические и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 2002. С. 22–31.

на уровне мировых религий. В какой-то мере эти две оценки адекватны реальности, но они явно не достаточны. В них присутствует культурный детерминизм, т.е. абсолютизация социокультурных факторов. Если до этого мы абсолютизировали идеологические, классовые, социальные различия, то теперь наблюдается своего рода этнографизация действительности и одержимость традиционализмом.

При анализе феномена терроризма такое глобальное деление, как Север – Юг, должно быть построено представлением о том, что есть единый мир и есть множество миров. И если мы хотим понять, кто против кого воюет, то нелишне поинтересоваться: где провели большую часть своего жизненного времени несколько десятков человек, причастных к осуществлению сентябрьских террористических актов? Оказывается, что это территория Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Там же были обретены и все необходимые навыки осуществления террористического акта и произведены орудия террора. Таким образом, в рамках одного мира порождаются жестокость, фанатизм и готовность осуществлять насилие. Оклахомский взрыв и его главный герой Т. Маквейн – целиком американское порождение, как и американский гражданин, готовивший террористический акт с применением радиоактивного вещества. В равной мере Дудаев, Масхадов, Басаев с их вариантом вооруженной сецессии и тактикой террора были порождены в российской среде, а не в среде бедности и фанатизма. Таким образом, *терроризм – это не война миров, а явление, которое пересекает границы и может существовать повсеместно. Что же до глобального (масштабного) терроризма, требующего знаний, умений и средств, то он вообще не может существовать без бога-того мира.*

Если проследить, из каких источников в течение последних двух десятилетий черпали основные финансовые и идеологические ресурсы внесистемные активисты, различные группы и силы, которые подвергают сомнению статус-кво в виде современных государств, то обнаружится, что главным источником была именно территория США. Хотя там и был принят закон против терроризма, но именно с этой территории поступали деньги на закупки оружия для вооруженных сепаратистов во многих регионах мира: от Ольстера и Косова до Чечни и Афганистана.

Одно дело – позиция по отношению к терроризму правительства или высшего руководства страны, но нужно анализировать и поступки действующих лиц уровнем ниже – экспертов, бюрократии, лидеров-активистов, роль которых огромна. Например, в то время как США на официальном уровне декларируют признание

территориальной целостности России, высокопоставленные чиновники Государственного департамента, члены Конгресса и другие влиятельные политические деятели могут занимать совсем другую позицию, держать в своем кабинете портрет Дудаева и приглашать того же Масхадова или его «министра иностранных дел» на встречу в Фонд Карнеги за международный мир или даже в Госдепартамент, предоставлять политическое убежище активным членам группы Масхадова – Басаева. Тем самым осуществляется акция поддержки и признания «полезных» террористов в рамках геополитического соперничества, достаточно близорукого, но в то же время приносящего свои результаты.

Сложность социально-политической материи, с которой мы имеем дело, требует более чувствительного анализа и соответствующих реакций. В частности, мы имеем дело с новым по своему воздействию феноменом, который не укладывается ни в рамки государства, ни в рамки этнических общностей. Речь идет о «неформальных сетях» – диаспорных, радикально-фундаменталистских или нарко-криминальных коалициях, которые сегодня играют огромную роль. Они не обязательно привязаны к какой-то одной этнической группе, скажем, китайской или албанской. Сейчас появляются транснациональные и «псевдо-цивилизационные» общности – исламская, арабская, тюркская, магрибская. Солидарность здесь выстраивается по причудливым принципам. Неформальные сети очень подвижны, их программа и действия зависят от определенного контекста. Но роль их чрезвычайно велика, особенно в осуществлении скрытых разрушительных действий. Именно поэтому необходим постоянный мониторинг подобных организаций и коалиций, чтобы секретари Совета безопасности РФ и другие самые высокие чиновники знали, что нельзя иметь дело с экстремистскими сектами типа японской Аум Синрике, а МИД не выдавал въездные визы деятелям американской организации «Исламская нация», направляющимся взрывать обстановку в Дагестане.

В современном мире произошли существенные изменения статусно-ролевых позиций. Прежде государства и культурно доминирующие демографические большинства представлялись как источник проблем и насилия, а меньшинства и внегосударственный сектор, в том числе разные «освободительные» движения, – как страдающие, требующие защиты и международной поддержки. Даже часть нобелевских премий мира ушла на эти цели. Сегодня *местные активисты, представители меньшинств в союзе с другими сообществами, неправительственными организациями и международными структурами могут осуществлять гораздо более мощные акции и силовые воздействия, в том числе и быть ини-*

циаторами насилия. С одной стороны, большие игроки (великие и региональные державы) умело используют их в борьбе против своих геополитических соперников, с другой стороны, сами местные радикалы где-нибудь в Чечне, Дагестане или Карачаево-Черкесии уже научились использовать в своих собственных интересах геополитическое соперничество, начиная с трибуны ООН, бюрократических «джунглей» Брюсселя и Страсбурга до Государственного департамента США.

Новые коалиции, которые выстраиваются от имени «угнетаемых меньшинств» или «непризнанных наций», в последнее время сильно скомпрометировали себя готовностью прибегать к насилию и включаться в геополитические баталии. Поэтому *сегодняшний мир должен быть не меньше озабочен проблемой защиты основ правопорядка от тех, кто не признает статусquo и желает изменить его силовым способом, безосновательно присвоив себе право действовать от имени групп меньшинств и, чаще всего, – вопреки воле большинства.*

С этими новыми условиями и факторами мы мало имели дело и не выработали определенные стратегии ответов. По-прежнему что-то мямлим относительно «национального самоопределения» в этническом смысле, по-прежнему ищем или строим «национальные государства» взамен «многонациональных империй», вместо того чтобы просто укреплять государства как самую эффективную форму коллективной человеческой организации и обеспечивать согласие проживающего в государствах культурно разнородного населения.

В ближайшей исторической перспективе ничто не сможет заменить нынешнее основное деление мира на государственные образования, так называемые «национальные государства», хотя это добавление к термину «государство» абсолютно бессмысленно. Государства останутся основными формами легитимной коалиции людей, они будут иметь исключительное право на осуществление насилия, право на определение жесткого членства этих коалиций. Они будут охранять свои ресурсы, свои территории, свои границы. Никакие диаспоры, этносы, исламские уммы, «международные сообщества», – никто другой не должен получать это право, кроме случаев, когда сами государства делегируют часть своих функций международным структурам или вооруженным союзам. Вот почему вызывает опасение появление «международной антитеррористической коалиции», попытки которой навязать свою волю могут вызвать обострение отношений между государствами региона вмешательства и цепную реакцию отмщения в форме террористических актов как единственного средства борьбы против сверхмощных вооруженных коалиций.

Сентябрьские события повлияли в глобальном масштабе на то, что в свое время хорошо отразило название отчета об одном из семинаров Аспеновского института (США): «Сильные государства – это сильные надежды». То есть, сильное государство прежде всего обеспечивает порядок и развитие. Всякие разговоры тех же, кстати говоря, американских ученых-экспертов о том, что современное государство в кризисе, что половина или две трети членов ООН – это квазигосударства, или «недосоопределившиеся» государства, или «государства в состоянии риска», являются политизированной безответственностью.

Результатом многих глобальных проектов, которые выполняли зарубежные коллеги в последние десятилетия, заложив политизированный мусор в свои компьютеры, стал такой же мусор в виде списков «меньшинств в состоянии риска» или «государств в состоянии распада». Тем самым само обществознание, в том числе и общественное с его дебатами о «национальных движениях» и «религиозных возрождениях», способствовало появлению нереализуемых проектов и косвенному оправданию насилия. Характерный пример – теория базовых человеческих потребностей в современных учебниках по конфликтологии, согласно которой, якобы в ответ на угрозу таким потребностям, как сохранение групповой целостности и культурное самовыражение, люди готовы идти на все, невзирая на то, что их будут считать террористами.

Эти предписания на уровне академических конструкций имеют огромное значение, так же как и визуальная трансляция образов террора (от горящего небоскреба до портрета Бен Ладена). Не будь в Нью-Йорке телекамеры, которая сняла самолеты, врезавшиеся в башни, мы бы не называли произошедшее поворотной датой в мировой истории. Конструирование образов и превращение с их помощью событий в «эпохальные» тоже имеет огромное значение.

В производстве террора особую роль играют различные несистемные активисты. Думая, что какие-то цивилизационные или религиозные мета-структуры воюют против «золотого миллиарда», мы совсем не обращаем на них внимания. Между тем сегодня, имея денежные средства и набор постулатов, можно мобилизовать рекрутов из бедных и богатых, из ненавистников и авантюристов, на любые действия. Поэтому *начало терроризма не там, где реальная бедность, а там, где создают ощущение бедности, несправедливости и безысходности*. Нужно сначала бедность объяснить, а ненависти – научить. Люди во многих других государствах мира живут гораздо беднее, чем в арабских странах, но им не объяснили, или по телевизору не показали, что «вас эксплуатирует золотой миллиард, вы бедные, вы заслуживаете лучшей жизни». Должно быть пред-

писание: ты беден, тебя угнетают. Странники террористических действий рождаются на основе именно этих предписаний и совсем не обязательно – в условиях реальной нищеты.

Надо избегать абсолютистского понимания уровня и условий жизни: у вас ВВП на душу такой-то – значит, вы в состоянии риска, и общество или меньшинство пойдет на все для того, чтобы достичь лучшего состояния. Это не так. Без внешних предписаний (их авторами могут быть этнографы, социологи, правозащитники, журналисты и прочие) бедность и отчаяние не актуализируются, а дьявольский замысел и фанатичная жертвенность невозможны. Пришла пора объяснять эти тонкие и не очень приятные истины, чтобы московские и другие ученые проявляли больше осторожности в обучении Корану тех, кто это обучение использует для оправдания насилия.

Осознание человеком того, что он беден, обездолен, что должен взять реванш, появляется тогда, когда есть агитаторы и телеэкраны для сравнения. Даже исторические драмы и то объясняются специальными интерпретаторами, ибо современный человек, в том числе боевик или террорист, сам не пережил ни депортацию, ни геноцид прошлых десятилетий или тем более столетий. Воюющие непримиримые чеченцы сами депортированы не были. Надо было прочитать книгу А. Автурханова «О народоубийстве» и трехтомник под редакцией С. Алиевой «Так это было» или послушать митинги в Грозном, или прочитать закон 1991 г. о реабилитации репрессированных народов – и уже тогда уверовать в «справедливость дела».

Важно изучить, как люди становятся рекрутами массовых мобилизаций и радикальных проектов, инициировать которые могут внесистемные активисты или люди, располагающие большими средствами и зловещими талантами (не обязательно за ними стоит некая коалиция или вся арабская элита). Этот феномен нужно отныне особо отслеживать, это также применимо к России: важно установить тот момент, когда простой паренек из башкирской деревни (юноша, которого осудили как участника теракта, а родители говорили, что «он хороший, его все уважали, он никого не обидел») вдруг стал таким, что назад пути нет. Как получилось, что он готов собой пожертвовать? Это сложный феномен, и он не связан ни с цивилизацией, ни с политикой, а, скорее, с генетическим здоровьем, образованием и психологией.

Отслеживание этого феномена связано с необходимостью объяснить, как люди, решив покончить жизнь самоубийством, в течение нескольких лет проходили сложнейшее обучение вождению самолета – современного «Боинга», совершали другие длительные и сложные подготовительные действия и даже заводили семьи.

Это феномен, для понимания которого недостаточно глобальных категорий: государство, этнос, религия, элиты... Поэтому важно установить, когда и как молодой человек из деревни воспринимает опасные заблуждения, которые потом невозможно демонтировать. *Необходимо отслеживать эти примитивные, упрощенные конструкции, призывы, лозунги, вплоть до интерпретации религиозной догматики, пока их воздействие не стало опасным для общества. Именно здесь нужно вести работу, чтобы принять превентивные меры, помимо тех, о которых уже говорилось и которые уже приняты.*

И последнее – в отношении научной экспертизы. Здесь тоже должны быть предприняты серьезные усилия. Мы в последние годы утратили добротные знания (имею в виду комплекс близких мне гуманитарных и социальных наук) о том же Афганистане, о Средней Азии, о других регионах, в том числе и о США. Сегодня мы хороши на уровне политологических дебатов, умных и просвещенных суждений, но эмпирического, полевого материала не хватает. Сейчас в десятки раз больше, чем российских специалистов, работает американских антропологов в Средней Азии. Там они не только в каждой стране, но и в каждом ее районе. Они отслеживают современные процессы, и не только отслеживают, но и выполняют более сложную задачу – формируют свое видение ситуации в Ферганской долине, в регионе в целом. Следует срочно возродить отечественную экспертизу внешнего мира, включая экспертизу Соединенных Штатов Америки. У нас практически в США никто не работает, не ведет полевые исследования. Те же из соотечественников, кто это делают в качестве американских стипендиатов, занимают часто более антироссийскую позицию, чем сами американцы.

Главный вывод: *глобальная стратегия противодействия терроризму – это укрепление государства как источника порядка и легитимного насилия, соблюдение интересов большинства, волеувязывание со стороны большинства, ограничение внесистемных активистов и политики меньшинств, отторжение радикальных проектов и призывов.*

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ*

В рамках осуществляемого «Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» анализа этноконфессиональной ситуации нами выделены следующие значимые процессы и события, которые так или иначе обозначились или могут обозначиться в будущем в общественно-политической жизни России и других стран бывшего СССР. Это – демографическая ситуация в связи с окончанием раунда первых постсоветских переписей населения и этнополитические проекции демографии. Это – восприятие внутригосударственных и межгосударственных миграционных проблем и вопросов положения «соотечественников». Это – проблема «национальных меньшинств» и недавняя увлеченность в России «диаспоризацией всей страны». Наконец, это – оценка российских трансформаций и состояния общероссийской идентичности.

ДЕМОГРАФИЯ, ПЕРЕПИСИ И ПОЛИТИКА

Проведение первых, после советской переписи 1989 г., переписей населения в новых государствах имело исключительное политическое и народно-хозяйственное значение. Перепись является важнейшим актом, легитимно устанавливающим сам факт наличия населения у того или иного государства. Поскольку без населения не может быть государства, переписи для новых образований имеют особое значение, не меньшее, чем конституции, армии или охраняемые границы. Переписи охватывают население в пределах государственных территорий, поэтому переписать их жителей означает дополнительно оформить демографическую и территориальную основы государства. Это важно в случае спорных территорий или территорий, где власть центрального правительства утрачена или оспаривается. Вот, кстати, почему проведение российской переписи в Чеченской Республике имело особое значение, ибо подсчет населения России без учета населения Чечни косвенно означал бы отторжение этой территории и ее населения от остальной страны.

* Опубликовано: Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад 2002 г. Сети этнологического мониторинга / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М., 2003.

Наконец, для постсоветских государств, базирующихся на доктрине этнического национализма (т.е. государств, провозглашенных от имени этнонаций – азербайджанцев, белорусов, латышей, украинцев, эстонцев и др.), было важно в переписях затвердить статус демографического большинства за представителями одной из этнических общностей, наделенной статусом «коренной» или «титульной», и принизить значимость других компонентов населения и его этнокультурное разнообразие. Переписи имели и другое значение для организации экономики и социальной жизни. Как отметил В.В. Путин на заседании Государственной комиссии по проведению переписи в апреле 2002 г., «перепись даст нам самый полный и самый подробный слепок с российского общества».

Еще в 1995 г. всеми национальными статистическими службами новых независимых государств было принято решение об одновременном проведении очередных переписей населения в 1999 г. на единой методологической основе. Статкомитет СНГ даже разработал такие методологические основы, и при нем действовал Координационный совет по содействию проведению переписей населения в странах содружества. Были подготовлены модельные: закон о переписи, вопросник (программа), основные организационно-методологические положения по проведению переписи населения. До конца 2002 г. сплошные переписи населения провели Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Грузия, Украина, Россия, а также три государства Балтии. Предварительные краткие итоги уже известны, и они позволяют сделать некоторые важные выводы о движении населения на территории бывшего СССР.

Совокупное население постсоветских государств осталось фактически неизменным – 288 млн человек, т.е. всего на 2 млн больше, чем составляло население СССР в 1989 г. Однако различия между странами довольно большие. На очень большой рост населения указывают оценочные данные по Узбекистану, но, как обычно бывает, оценка выше реальной численности (исключением стала Россия, где последние 10 лет статистики и эксперты не замечали или не умели сосчитать миллионы нерегистрируемых мигрантов). В ряде государств (особенно в Армении, Грузии, Украине) население заметно уменьшилось в силу снижения рождаемости, роста смертности и активной эмиграции в другие регионы мира. Только государства Средней Азии и Казахстан, а также Азербайджан и Молдова сохранили и даже увеличили численность своего населения, несмотря на интенсивную эмиграцию из этих стран, преимущественно в Россию. Скорее всего, эта общая тенденция будет сохраняться, а именно – демографический потенциал среднеазиатского региона

(мусульманского постсоветского мира, если сюда добавить и Азербайджан) будет расти, демографический потенциал, условно говоря, православно-славянского мира будет сохраняться примерно на том же уровне или незначительно сокращаться, а демографический потенциал балтийских стран будет падать.

Сохранение этой тенденции связано не только с естественным движением населения, но и с миграционными потоками между странами бывшего СССР. Эти потоки имеют одну долговременную направленность: идет миграция в Россию из других стран, кроме стран Балтии, и сокращается миграция из России в другие страны бывшего СССР. Кстати, именно за счет последнего фактора, а не роста миграции в Россию (в период 1979–1989 гг. миграция в РСФСР из других союзных республик была выше, чем в последующий период), Россия имела столь высокое положительное сальдо в миграционном обмене в рамках бывшего СССР. Наличные ресурсы, позитивные социально-экономические изменения и благоприятный фон политической и культурной жизни в России сохраняют и даже усилят ее притягательность для граждан бывшего СССР и в будущем. Именно это составит основной источник роста населения или его сохранения на нынешнем уровне, несмотря на неблагоприятные показатели естественного движения населения (высокая смертность и низкая рождаемость).

Однако реализация этой важнейшей тенденции во многом зависит от ряда экономических и политических обстоятельств, прежде всего – от характера миграционной политики России. Если экономическая ситуация и политическая стабильность России скорее увеличивают, чем уменьшают ее миграционную привлекательность, то в области миграционной политики и общественного отношения к миграции ситуация была одной из самых неблагоприятных. Существенно скорректированы в сторону ужесточения условия временной трудовой и постоянной миграции в Россию, а также порядок приобретения российского гражданства. Принятый в июне 2002 г. Закон о гражданстве Российской Федерации и одобренная Концепция государственной миграционной политики были продиктованы не только соображениями более четкого регулирования миграционных потоков в интересах национальной безопасности и более цивилизованного использования труда мигрантов в России, но и другими обстоятельствами. Эти документы и стоящий за ними курс были вызваны и более тривиальными причинами. Прежде всего – бытовой ксенофобией и низкой квалификацией управленцев и экспертов, особенно в рядах президентской администрации и правительственных служб. Поощряемые политиками и частью СМИ антимигрантские и ксенофобские настроения укрепились и среди

части российского общества, создавая иллюзию «настроенный масс». Отсюда родилась безумная идея некоторых ключевых политтехнологов укрепить рейтинг президента и осуществить консолидацию общества через конструирование новой «большой угрозы» в виде массовых потоков неконтролируемой иммиграции.

2002 год принес много проблем сотням тысяч людей, не имеющих нового российского гражданства (старое советское у многих есть), но живущих и работающих в России. Возросло отчуждение от нашей страны жителей других стран бывшего СССР, а также ухудшилось отношение к русским в тех странах, куда депортируют мигрантов, или выходцев из которых подвергают унижению и насилию в России (прежде всего в Азербайджане и Таджикистане). Экономика, торговля и сервис пострадали, а в выигрыше те страны, куда теперь предпочитают уезжать на заработки молдаване, армяне, украинцы и другие ценные работники и потенциальные граждане. Цена наведения порядка на границе и на городских рынках оказалась гораздо ниже нанесенного ущерба развитию страны.

Еще в 2003 г. президент Путин в своем ежегодном послании указал на необходимость исправить ошибки в государственной политике по вопросам гражданства и миграции. Но джинн ксенофобии и антимиграционизма уже вырвался на более широкий простор и овладел общественными настроениями. Поставить его под контроль и изменить отношение российского общества и политической элиты в сторону осознания пользы и поощрения миграции будет очень трудно, но необходимо. Тот факт, что в 2002 г. миграционный приток был одним из самых низких, говорит о неудовлетворительной работе миграционных служб: более объективного критерия оценки деятельности в этой сфере быть не может.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Как показал наш мониторинг, нет особых оснований говорить о негативной динамике или о неблагоприятных прогнозах в сфере межрелигиозных и межэтнических отношений. В 2002 г. не было крупных проявлений коллективного насилия на этой почве как в России, так и в других странах бывшего СССР. Старые сепаратистские конфликты никак не решались, но самопровозглашенные государства Абхазия, Карабах и Приднестровье ждут ухода с политической арены инициаторов вооруженной сепаратистской организации ответного насилия, чтобы найти путь к миру и к автономному существованию в рамках признанных государств. СНГ нуждается в новой программе урегулирования имевших место в начале 1990-х годов конфликтов. Россия может проявить здесь инициативу, несмотря на уязвимую репутацию в разрешении собственного аналогичного конфликта.

В самой России политический и интеллигентский национализм в республиках заметно увял, хотя в Республике Татарстан, где он сильнее всего, для очередной националистической мобилизации была использована перепись населения. Кампания «Запишись татарин!» в ответ на выдумку о задуманной в Москве акции по расколу татарской нации показала, что «титულიная» элита в ряде республик может обращаться к этническим чувствам граждан и держать их наготове как дубинку в переговорных процедурах с федеральными властями. Эта ситуация будет сохраняться до тех пор, пока не будут выстроены гражданские межэтнические коалиции в форме партийных или общественных организаций, которые будут сдерживать этнонационализм и политизацию этничности. Доктринальные и правовые коррекции в рамках программы по «приведению в соответствие» кое-что дали, но по-прежнему сохраняется та же идеология (и насаждаются соответствующие настроения), что Башкирия, например, потому и есть государство, что в ней живет и самоопределилась башкирская нация. Будущая судьба российских республик зависит не от сохранения и неприкосновенности татарского или башкирского суверенитетов, а от того, насколько автономия и самоуправление будут приносить пользу всему населению республик и добавлять возможности для выражения и развития татарской или башкирской культур в рамках соответствующих республик. Именно добавлять, при прочих равных условиях, для всех граждан независимо от этнического происхождения. Это может показаться парадоксальным, но республики сохранятся, если на выборах и при назначениях к власти будут приходить все больше руководителей не только из числа татар и башкир. Иначе «губернизация» вполне вероятна: слишком многих политиков воодушевляет эта идея.

Не менее тревожным был рост ксенофобии и нетерпимости в отношении представителей меньшинств и последователей ислама. На высоком уровне и на всю страну с экранов телевизоров и газет делались заявления об исламской угрозе в России, о невозможности интеграции представителей некоторых народов и мигрантских групп в российское общество. По стране стали расползаться и тиражироваться в местных газетенках, а затем и в заборных надписях человеконенавистнические лозунги. В это опасное занятие стала все более активно вовлекаться молодежь, и группы скинхедов появились в провинциальных городах, оспаривая монополию Москвы на нетерпимость. Редкие попытки призвать к порядку нарушителей закона, в том числе и закрыть некоторые периодические издания, оказались малоэффективными. В обществе мало групп и структур, которые осуществляли бы мониторинг и инициировали возбуждение уголовных дел против нарушителей закона, а судейский корпус

вместе с заседателями не способен четко определить, что означает «разжигание межнациональной розни» и «оскорбление национальной чести и достоинства». Необходима специальная подготовка работников правоохранительных органов в области противодействия экстремизму. Принятый в 2002 г. федеральный закон о противодействии экстремизму пока применяется очень слабо и часто выбирает неверные цели.

В 2002 г. действовала федеральная целевая программа «Утверждение толерантности и профилактика экстремизма в российском обществе», в рамках которой уже выполнены полезные научно-исследовательские разработки и подготовлены методические и образовательные материалы, но масштабы этой программы должны быть расширены. Она заслуживает выделения не меньших ресурсов, чем празднование юбилеев крупных городов.

В России продолжается самоорганизация этнокультурных объединений в рамках закона о национально-культурных автономиях. Эти объединения выстраивают полезный диалог с властями на разных уровнях, делают много для сохранения этнических традиций, языка, устранения имеющейся дискриминации в разных общественных сферах. Однако создание и деятельность таких объединений не должны ставить своей целью деление населения страны на экстерриториальные этнические корпорации с всеобщим охватом и с единым представительством, а тем более с правом политического представительства или даже политического давления. В 2002 г. такая тенденция просматривалась. Некоторые лидеры автономий и их объединений (например, Союз диаспор России или Союз армян России) стали узурпировать право говорить от имени всех представителей той или иной российской национальности или осуществлять вмешательство в государственные и даже межгосударственные дела.

Внутреннее самоопределение через национально-культурную автономию затрагивает только малую часть населения нерусского этнического происхождения, которое желает практиковать свои культурные традиции и удовлетворять связанные с этим специфические запросы. Но, помимо прав, организации российских меньшинств имеют определенные моральные и политические обязанности, даже если они не получают прямой финансовой помощи от государства. Прежде всего, это обязанность обеспечивать согласие, улаживать конфликты, защищать обиженных и помогать государству и обществу в решении общих проблем развития страны. Эти объединения могли бы сделать многое в сфере отношений России с внешним миром. Например, нынешние лидеры российских еврейских организаций, некоторые из которых имели прямое отно-

шение к принятию Конгрессом США поправки Джексона–Вэника в 1970-е годы, могли бы организовать эффективное давление в пользу ее отмены в сегодняшних условиях. Ситуация такова, что даже президент Буш не в силах решить этот вопрос, и позиция российского еврейства имеет здесь немалое значение.

В 2002 г. нашим национально-культурным общественным движениям и организациям явно не хватало демонстрации приоритета российской идентичности, зато возросли требования к государству об оказании финансовой поддержки и обеспечении политического представительства на этнической основе. Ответственный за национальную политику В.Ю. Зорин наладил полезный диалог с Консультативным советом национально-культурных автономий, но последний выдвинул некавалифицированное требование о восстановлении вопроса о родном языке в переписи населения. В результате сделанной уступки переписчикам были даны неудачные инструкции, которые к тому же не везде выполнялись. Таким образом, данные о языковой ситуации в стране оказались искаженными. Некоторые амбициозные лидеры от имени «армян России» делали заявления по поводу выборов в Армении или армянского геноцида начала прошлого века, хотя таких полномочий россияне армянского происхождения никому не давали, и их подавляющее большинство о существовании такой организации не имеет даже понятия. Дальнейшее существование и развитие национально-культурных автономий зависит не столько от внесения поправок в действующий закон, сколько от эффективной самоорганизации и мобилизации собственных ресурсов этнических общин и объединений, от культивирования ими чувства ответственности перед российским обществом и от демонстрации общероссийской лояльности.

УВЛЕЧЕНИЕ ДИАСПОРОЙ

Еще в середине 1990-х годов в аппарате Миннаца появился Отдел диаспорных народов. Первоначально это казалось причудой начальника отдела, ассирийца по этнической принадлежности, и пристрастием некоторых специалистов к наукообразным терминам. Постепенно понятие «диаспора» стало все шире использоваться в отношении нерусской части населения больших и малых городов (чеченская, татарская, армянская, грузинская и другие диаспоры в Москве, Петербурге, Владимире и т. п.). Наконец, в 2002 г. была создана организация под названием «Союз диаспор России», которая объединяет нерусские национально-культурные организации, пожелавшие в нее войти. Некоторые ученые написали книги, защитили докторские диссертации и даже создали «теории диаспоры». Уже два-три

года выходит журнал «Дiasпоры». Что это за новое явление в российском многоэтничном государстве и каков его смысл?

Если отвлечься от научных аспектов проблемы, то нам прежде всего видится в этом увлечении диаспорой стремление провести еще одну разделительную линию в российском народе. Изначально энтузиасты диаспоризации страны подразумевали отделить этим понятием часть населения (или народов), которые не обладают титульностью через «свои» республики, а как бы живут в рассеянии (дисперсно) при наличии где-то за пределами России подлинной (исторической) родины. К диаспорным народам сначала отнесли евреев, российских немцев, греков, корейцев и т. п. В дальнейшем этот подход был скорректирован, ибо известно, что и многие другие народы в большинстве своем или в значительной части живут за пределами «своих» республик. Понятием «диаспора» воспользовались и сами республики, в которых стали говорить о «татарской диаспоре» за пределами Татарстана, о башкирской, осетинской и других диаспорах. И все это в одном государстве!

Ныне диаспорой стали все, кроме русских и проживающих в «своих» республиках «титульных». Армянин или татарин, семьи которых несколько поколений живут в Москве, оказываются диаспорой, а автор этих строк, приехавший поступать в МГУ с Урала 40 лет тому назад, – не диаспора, а, видимо, коренной житель. Российский немец, живущий в России веками, воспитанный на русском языке и общероссийских культурных нормах, почему-то должен считаться диаспорой в собственной стране и «коренным» в Германии, где его так совсем не воспринимают, а из России выманили по экономическим и политико-идеологическим причинам. Скорее, наоборот, российский немец – это представитель диаспоры в Германии, которого России уже давно пора защищать от дискриминации и помогать в сохранении родного для него русского языка.

Все было бы более безобидно, если бы за категорией «диаспора» не стояло разделение и отчуждение. В Москве есть чеченская община, грузинская община (и то это очень условные, собирательные понятия), но таких диаспор нет, ибо внутри государства граждане не могут делиться на диаспоры, за исключением новожителей-иммигрантов или старожилов, продолжающих считать своей основной родиной страну исхода и соответственно демонстрирующих это в своем поведении. Так что, нужны срочные поправки в нашем политическом и научном языке: смутный язык ведет к смутной политике.

ФОРМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ

2002 год не принес особых откровений в российское ментальное пространство, но можно было наблюдать некоторые отрядные

тенденции. Риторика жалоб и кризисная парадигма стали изживать себя: слишком трудно не замечать столь масштабные позитивные перемены, как всеобщая автомобилизация, строительный бум, огромные объемы продаж товаров длительного пользования, рост числа обучающихся в вузах или путешествующих за границу, невиданное в истории страны культурное производство. Политические параноики и ученые-фундаменталисты продолжают писать и говорить, что «90% населения живет в нищете», что «построили благополучие только в столичном городе», что «разрушили великую страну и великую культуру». Но уже меньше плача по поводу имперского угнетения и русского колониализма со стороны представителей нерусских народов: престижные должности распределены, первичная приватизация завершилась, а заботы о сохранении языка и культуры всегда были не самыми главными в так называемых «национальных возрождениях» и «национальных движениях».

Граждане страны, представляющие разные этнические общности, все больше начинают ощущать себя россиянами. Это становится основной формой социально-культурной идентичности, ибо российскость – это причастность к великой исторической традиции, к одной из самых богатых культур мира, к одному из мировых языков – русскому языку. С отменой паспортной записи об этнической принадлежности открывается перспектива и расширения понятия *русскости*, хотя современные шовинисты, действующие, якобы, от имени русского народа, мечтают установить критерии для определения – кто есть русский, и произвести более жесткую сортировку населения, наделив русский народ особо оговоренным статусом. Это опасная и нереализуемая утопия, как, если бы ханьцы в Китае, англичане в Великобритании и кастильцы в Испании стали бы утверждать, что они и есть «государствообразующие народы», а всем другим будет хорошо, если им будет хорошо.

Россиянин и русский – это, конечно, не одно и то же, хотя языки внешнего мира такого различия, к сожалению, не делают. Пришло время МИДу через дипломатический протокол рекомендовать более адекватное написание названия нашей страны, как *Rossian Federation (Rossia)*, а название жителей страны, как *Rossiani* или *Rossians*. Слово *Russian* сохранится как обозначение самой большой этнической общности страны или формы идентичности. Причем русскими могут считать себя все, кто таковым себя считает и кто, как говорил П. Струве, «участвует в культуре». Этот назревший процесс строительства общероссийской идентичности идет медленно и с какими-то конвульсиями в форме намеренной телепропаганды эпатажей лидера ЛДПР или скрыто-шовинистических разговоров: «Да какой он русский с такой фамилией?»

Прошедшая перепись населения и вся наша жизнь убеждают, что в рамках прежней «национальной политики», которая строилась на разделении населения страны на нации и народности, мы не создадим стабильное государство и не обеспечим эффективное управление. К пользе и к чести нашей страны, российский народ сохраняет полиэтническое многообразие на протяжении веков (даже Новгородская республика была многоэтнической конфедерацией!). Конечно, для представителей всех этнических групп (национальностей) важно иметь возможность самовыражаться, сохранять свою культурно-языковую отличительность и заявлять об этом всему миру. Но государственное самоопределение всех без исключения граждан страны реализовалось в Российской Федерации, и у нас нет «безгосударственных» граждан (а значит, и народов). Перепись 2002 г. добавит к списку российских национальностей около двух десятков новых названий, но не это главное. Главное – что приходит конец методологии, заложенной советской переписью 1926 г., когда вместо языка и религии был избран принцип этнического самознания для переписной фиксации культурно отличительных категорий населения и последующего конструирования социалистических наций на этой основе. Все больше россиян желают заявлять о своей сложной идентичности, ибо они реально являются носителями нескольких культур. Все большее число россиян будут предпочитать сохранять принадлежность и к самой «малой» культуре, и к культуре более крупного народа. Разделить на курии российский народ будет все труднее.

В рамках обновленной этнокультурной политики федеральная власть должна выстраивать разнообразные и конструктивные отношения с республиками, автономными округами и общественными объединениями. Но нельзя навязывать искусственные разделители в виде конфликтных версий истории, политических или финансовых преференций, особых государственных программ, записей в официальных документах, а тем более – принятия правовых текстов с упоминаниями того или иного особого статуса для определенной этнической общности. В нашей стране живет один народ, а Россия – это состоявшееся национальное государство. В этом плане в 2002 г. были сделаны кое-какие важные шаги, но их недостаточно.

ТРУДНОЕ ПРОЩАНИЕ С ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМОМ*

В рамках ежегодного доклада Сети этнологического мониторинга о том, что произошло в 2003 г. в сфере этнополитики и межэтнических отношений, мы делаем попытку оценить тенденции и динамику явлений в данной сфере общественной жизни в Российской Федерации и в ряде других государств бывшего СССР. Наша задача – изложить некоторые общие наблюдения и высказать предложения по доктринальному обеспечению эффективного управления многоэтничными обществами. Здесь невозможно ограничиться анализом только того, что произошло в 2003 г. Некоторые процессы наметились ранее и продолжают сегодня. Некоторые проблемы не решаются давно, но решать их необходимо. Наконец, есть вопросы глобального осмысления современной ситуации в мире, на территории бывшего СССР и в каждой стране в отдельности. При всей универсальности многих ситуаций существует и значимая специфика, которая также требует анализа и учета.

СТРАНЫ БЫВШЕГО СССР: НЕЯСНОСТИ «НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА» И ВОЗМОЖНОСТЬ НОВОГО РАУНДА НАСИЛИЯ

Во всех государствах бывшего СССР намечается процесс изживания идеологии советского этнонационализма. Наделение этнических общностей государствообразующим началом сыграло определяющую роль при распаде СССР и в появлении конфликтов на этносепаратистской основе, но этот же фактор стал не менее мощным препятствием на пути консолидации и развития новых государств, население которых имеет многоэтнический состав. Следуя советской логике понимания «национального вопроса», часть населения, имеющая этноним, от которого образованы названия новых государств, объявила себя «нациями» (латышской, украинской, эстонской и т. п.) и перевела в разряд «меньшинств» остальное население, которое из состава «коренного» или «государствообразующего» было исключено. Эти люди, называемые в России «русско-

* Опубликовано: Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад 2003 г. Сети этнологического мониторинга / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М., 2004.

язычными», «соотечественниками», «диаспорой», на самом деле, также были создателями новых государств, независимо от того, как каждый из них в отдельности голосовал на референдумах или как они относились к распаду СССР.

По международно-правовым канонам и даже по собственным конституциям та часть населения, которая была переведена в ранг «меньшинств», должна пользоваться равноправием, но в реальности этого не произошло. Более того, в Латвии и Эстонии имел место отказ от нулевого принципа гражданства. Здесь появилась многочисленная категория лиц без гражданства. Во всех странах имел место процесс исключения меньшинств из власти, ущемления их в хозяйственно-предпринимательской деятельности, особенно в приватизации ресурсов, а также в обеспечении культурно-языковых и информационно-образовательных потребностей. Эта изначально конфликтогенная политика рано или поздно должна была вызвать ответную реакцию недовольства и общественную мобилизацию дискриминируемых. Но только в 2003 г. в Латвии, например, стало заметным движение в защиту образовательных прав русскоязычного населения. Безусловно, на очереди движение за равностатусность языка и культуры русскоязычных в Украине, Молдове и, возможно, в Казахстане. *Все постсоветские страны, чтобы стать стабильными национальными государствами, будут вынуждены принимать доктрину многоэтнических гражданских наций, отказываясь от несостоятельной доктрины этнонационализма и от разделения своих подданных на «нации» и «национальные меньшинства».*

Старая политика двойных стандартов в данном вопросе со стороны «международного сообщества» в целях дистанцирования новых государств от России и некогда слабая правовая просвещенность (точнее, инерция советских представлений о том, что есть нация и что составляет основу «национальной государственности») уходят в прошлое. Вместе с ними отступают деморализованные настроения и слабая общественная самоорганизация «новых меньшинств», большинство из которых составляют этнические русские, чье этнокультурное ядро продолжает существовать по соседству, в России, и никуда не исчезнет в будущем, не позволяя тем самым долго существовать этой постсоветской политической патологии.

Ресурсы этнонационализма, на котором до сих пор держится государственное устройство почти всех постсоветских образований, все более слабеют, но свои результаты эта политическая практика уже дала. Почти во всех странах в результате миграционных процессов, статистических манипуляций в ходе переписей и социально-политической маргинализации новые меньшинства действи-

тельно стали таковыми по своему менталитету и даже по своему поведению, казалось бы, оставив надежды на отвоевание равноправного статуса или хотя бы достойной внутренней автономии. Но этот процесс может иметь и обратную динамику, как и тенденции реинтеграции в рамках пространства бывшего СССР.

Слабость постсоветского государствовоительства проявилась именно в этноцентристских установках и в отказе от признания многоэтнических гражданских наций как единственных субъектов, делающих новые государства мирными и жизнеспособными. Новое поколение политиков и экспертов в странах бывшего СССР все больше начинает понимать, что ни демография, ни культура, ни география не позволят устранить «русский фактор» из их жизни и сделать из русских латышей или казахов. Не получится этот вариант и с бывшими советскими «двойными меньшинствами», т.е. абхазы и юго-осетины не станут грузинами, гагаузы – молдаванами, крымские татары и поляки – украинцами, татары и белорусы – литовцами.

Тем не менее переход от этнической к новой общегражданской доктрине основ государственности до сих пор не произошел. Идея этнически однородных наций с одним языком (латышской, грузинской, эстонской, украинской, молдавской и т.п.) остается доминирующей и ей подчинены разные программы «национализации» и «интеграции», а также миграционноресурсная политика. В государствах бывшего СССР, за исключением России, главной задачей в сфере межэтнических отношений остается все та же: сделать «больше латышей и меньше русских». Как признала президент Латвии, основная проблема с русскими в Латвии – это их большая численность.

Отчаянные усилия по украинизации, казахизации, эстонизации и т.п. дали к 2003 г. достаточно скромные результаты: спустя 13 лет не появилось «Грузии для грузин» и «Латвии для латышей». Все эти усилия свелись главным образом к установлению безраздельного контроля над сферой власти, приобретению ресурсов и престижных позиций, расширению образовательно-информационного пространства на официальных языках. В чем-то эти процессы были неизбежны как реакция на старую советскую политику доминирования русскоязычного «Центра». Однако ассимиляции (в некоторых странах это называется более мягким словом «интеграция») в пользу господствующих этнонаций не случилось. Можно говорить в лучшем случае о более активном изучении официального языка «нетитульными» или русскоязычными, а также более частым выбором потомков от смешанных браков в пользу «коренной национальности».

Но тогда о чем говорят нам результаты переписей населения в тех странах, где они прошли и где уже известны их результаты?

Внешне изменения выглядят достаточно драматичными. Во всех странах, кроме Российской Федерации, выросла доля, а в Азербайджане, Украине, Беларуси, государствах Средней Азии и в Казахстане – и абсолютная численность доминирующей этнической группы и сократились соответствующие показатели остальных групп населения, за редким исключением: увеличилось число крымских татар в Украине и, возможно, гагаузов в Молдове (здесь пока не было переписи). Это действительно объективное изменение, вызванное прежде всего миграционными процессами и темпами естественного роста населения среди разных этнических групп. Безусловно, рождаемость среди казахов и азербайджанцев выше, чем среди русских в Казахстане и в Азербайджане. Известны также достаточно достоверные цифры выезда русских из этих стран после 1989 г. Но тем не менее достоверность многих данных, а, значит, и степень перемен вызывают вопросы.

Общая тенденция для всех стран заключается в более тщательном переписывании и в приписках к численности титульного населения. Как известно, нетитульные, особенно русские, – это преимущественно городские жители. Переписанное более дисциплинированное село – это уже большой плюс в пользу титульного населения. Часть русских не хотела проходить перепись из-за своего статуса (двойное гражданство или без гражданства) или же не желала раскрывать информацию для представителей власти, которые проводили перепись. Недоучет русских и других нетитульных сопровождался припиской большого числа титульных, которые находятся временно (фактически – постоянно) за рубежом, главным образом в России.

По нашим оценкам, явно завышены данные по численности грузин, армян, азербайджанцев, таджиков, казахов, киргизов, узбеков в соответствующих государствах. Явно занижены данные по численности русских в Украине (кроме территории Крыма), в странах Балтии, Молдове, Казахстане. Если сюда добавить фактор лучшего учета сельского населения, чем городского, тогда пропорции по всем странам бывшего СССР не должны измениться столь значительно, хотя общая тенденция остается верной. *Русских и других нетитульных становится меньше, а титульных – больше, но далеко не настолько, чтобы вести речь о национальных государствах в смысле, который в это вкладывают постсоветские политики.*

Нет и никогда не будет государства казахской нации или государства латышской нации, а есть и будет все больше укрепляться единственный возможный вариант: государства латвийской и казахстанской наций. Для нациестроительства в рамках мирного и ста-

бильного варианта все это имеет принципиальное значение. Отмеченный в 2003 г. рост общественнополитической самоорганизации латвийцев нелатвийского происхождения в защиту своего родного русского языка и вступление в Европейский союз трех балтийских стран должны будут наметить эти новые тенденции отхода от постсоветского национализма. Хотя именно в балтийских странах этнонационализм и антироссийскость, в том числе и в форме русофобии, особенно сильны, но есть надежда, что эти «Мы – маленькие нации» будут постепенно изживать комплекс бывших советских меньшинств, видящих своего главного врага в лице России и русских.

Под давлением жестких реалий делает шаги в том же направлении и Грузия после смены политического руководства, хотя объявить публично о федерализации страны на этнотерриториальной (Абхазия и Южная Осетия) и региональной основе (Аджария и, возможно, Джавахетия) националистически настроенный истеблишмент этой страны пока не готов, несмотря на заявления президента М. Саакашвили. В свою очередь, этносепаратизм тех, кто когда-то одержал военные победы, никак не уменьшается, а некоторые самопровозглашенные государства (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия) не сняли со своей политической повестки достижение независимости. Нагорный Карабах остается заложником мировой армянской диаспоры и соседней Армении. В Южной Осетии и Абхазии выросло число людей с российским гражданством и популярна идея присоединения к России. В Приднестровье в 2003 г. был реальный шанс достичь урегулирования на основе автономного воссоединения региона с остальной частью Молдовы, но этому помешала западная дипломатия, не желающая отдавать России инициативу в миротворческой деятельности на территории бывшего СССР.

В итоге в постсоветских странах перспектива деполитизации этнического фактора и разрешения старых этнических конфликтов выглядит неопределенной, и сохраняется возможность нового раунда насилия все по той же самой причине не умирающего этнического национализма как среди правящих элит, так и среди значительной части населения. *Представляется, что предложение об отказе от второго раунда дезинтеграции территории бывшего СССР и о необходимости обеспечения целостности и суверенитета новых государств пока оказалось реализованным только в отношении одного государства – России. Хотя именно за счет отторжения Чечни от России некоторые мировые политические круги и предполагали продолжить «досамоопределение» бывших советских наций, которые, якобы, только в России по некоторой случайности судьбы остались без «своего государства» при распаде СССР.*

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ: ТРУДНЫЕ СЛОВА О РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

Действительно, из всех новых стран после распада СССР только Россия не объявила себя «национальным государством», записав вместо этого в свою Конституцию прежнюю советскую формулу «многонациональности». Для самого крупного и самого многоэтничного из всех постсоветских государств, при наличии этнотерриториальных автономий со статусом «республик-государств» это было даже еще более рискованным продолжением советского опыта отказа от гражданского национализма, чем для остальных стран. Однако достижения страны в социально-экономической области, эффективное руководство президента В. Путина и внимание к мировому опыту государствоведения без отказа от национальной специфики привели к поворотному моменту в переосмыслении России как национального государства.

5 февраля 2004 г. в столице Чувашии, г. Чебоксары, президент озвучил принципиально важное положение, которое отныне невозможно замолчать и над которым следует поразмыслить серьезно. Путин сказал, что еще в советские времена говорили о единой общности – советском народе, и под этим были определенные основания. «Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя единым народом. Они используют все свое богатство, культурное многообразие в интересах всего общества и государства. И мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство».

В 1994 г. Б.Н. Ельцин включил аналогичные слова о гражданской российской нации в текст ежегодного президентского послания. Правда, сформулировано это было только в форме задачи на будущее, т.е. как общественно-политический проект. Но тогда сразу же появились недовольные статьи отечественных «нациеведов» и даже открытое письмо президенту, которые «затоптали» эту исключительно важную доктринальную новацию. Сказалось и противодействие политиков-националистов из российских республик по поводу «ошибки» президента, совершенной якобы по подсказке сторонников западных рецептов. В ход были пущены аргументы ортодоксов: концепция «советского народа» была вредной фикцией, и попытка его создать обернулась распадом страны; в стране уже существуют нации, и никакой общей нации быть не может, а ельцинские «дорогие россияне» – это эвфемизм, ничего не значащее слово, схожее по смыслу с «марсианами».

Таким образом, этнонационализм под прикрытием конституционной записи о «многонациональном народе» удерживал свои

позиции все эти годы, а в период подготовки всероссийской переписи населения 2002 г. и в ходе парламентских выборов 2003 г. расцвел пышным цветом. Татарские националисты пытались убедить как можно большее число граждан страны в том, что важнее «записаться татаринном», нежели «вписать себя в историю России». Националисты шовинистического толка или так называемые национал-патриоты успешно играли на лозунгах типа: «Мы – за бедных! Мы – за русских!» и на этом дружно прошли в состав новой Государственной думы.

У автора этих строк нет полной уверенности в том, что изложенный президентом Путиным взгляд на национальную общность россиян, а значит, и на Россию как на национальное государство, найдет необходимые поддержку и понимание, особенно среди этнических предпринимателей, которые используют «национальность» в качестве инструмента для манипулирования избирателями и распределения власти и ресурсов. Не готово воспринять новый язык и новое видение страны и экспертное сообщество, ибо среди «специалистов по национальному вопросу» по-прежнему доминируют люди, построившие свою карьеру на разработке проблем интернационализма, а по сути – этнического национализма.

Некоторая надежда остается на завершающуюся работу по обновлению «Концепции государственной национальной политики», которая может послужить основой для законотворчества и для конкретной политики в данной сфере общественной жизни и управления. Но и здесь нужны не простая коррекция, а более фундаментальные изменения, включая само название документа.

Термины «национальный вопрос», «национальная политика», «национальные отношения» и другие языковые производные утвердились в отечественной научной традиции и в общественно-политической практике в советское время и были связаны прежде всего с «национальным строительством» и с отказом от признания в качестве нации гражданского (государственного) сообщества. Попытка исправить этот недостаток была предпринята в 1970–1980 гг. в форме концепции «советского народа как новой исторической общности». Однако излишняя идеологизированность этой концепции не позволила ей утвердиться в полной мере, хотя советский народ как гражданско-политическая и как социально-культурная общность, безусловно, существовал.

С образованием Российской Федерации в ее новой территориальной конфигурации утверждение общегражданской идентичности российского народа, россиян как многоэтнической гражданской нации произошло не сразу и даже намеренно отвергалось частью ученых и политиков, хотя население новой России имеет высокую

степень социально-политического и историко-культурного единства. Инерция прошлого, консерватизм экспертного сообщества и этнический национализм части политической элиты и общественных активистов мешали все эти годы более энергичному утверждению представления о России как о состоявшемся национальном государстве и о российском народе как о гражданской нации. Тем не менее понятия «национальные интересы», «национальная безопасность», «здоровье нации», «лидер нации» и другие производные от гражданско-политического смысла слова «национальный» прочно утвердились в языке и общественно-политической практике последних лет.

Как показывают многочисленные исследования, подавляющее большинство населения ставит свою гражданскую идентичность россиянина на самое высокое место, несмотря на многообразие форм этнической идентичности. В этой ситуации отказ от гражданско-политического содержания понятия «нация» препятствует обеспечению единства российского народа. Никакие формулы о «дружбе народов» и «интернационализме» не могут заменить отказ от формулы гражданской нации.

Признание российского народа как единой гражданской нации не отменяет наличия в России этнических общностей, и с учетом давней традиции использования термина «нация» на данном историческом этапе вполне возможно сохранить двойной смысл этого словоупотребления: российский народ, или российская нация как согражданство – и народы, или этнонации как этнические сообщества.

Исходя из вышеизложенного, невозможно продолжать пользоваться термином «национальная политика» в его этническом смысле. *Национальная политика – это политика обеспечения национальных интересов государства во внутренней и внешней сферах. Политика в отношении российских национальностей (этнонаций) и управления межэтническими отношениями должна называться «этнонациональной политикой».*

Но, оказывается, не так просто внедрять слова о российском народе, а тем более о российской нации, в сознание людей, если политический лексикон еще полон старых и, конечно, более привычных выражений. Языковая многозначность сохраняется даже в самых фундаментальных текстах и понятиях. Приведу только один пример. Вступая в свое второе президентство, В. Путин в тексте официально принятой законом присяги произнес заключительные слова: «Служить народу России». Но после этого зазвучали слова государственного гимна о «сплоченных народах». Затем в своей инаугурационной речи президент сказал о том, что «российский

народ становится, постепенно становится единой нацией», незаметно, но значимо отступив от своих же слов, сказанных в Чебоксарах, что российский народ исторически представляет собой единую нацию. В Конституции, которую поклялся соблюдать президент, говорится о «многонациональном народе» (выражение, которое еще в 1992 г. автор этой книги, будучи федеральным министром, предлагал С. Шахраю заменить на «многонародную нацию»).

Так как же все-таки адекватно определять основной и единственный субъект российской государственности – ее согражданство? Конечно, только как российский народ или как российскую нацию. И примечательно, что в ежегодном послании президента в мае 2004 г. это выражение прозвучало снова. Говорят, когда-то С. Михалков ответил своим оппонентам по поводу текста прежнего гимна ироничной фразой: «Учите слова!» То же самое теперь можно сказать и всем скептикам по поводу российской нации. Освоение нового понимания того, что представляет собой Россия, и есть тот самый «процесс формирования нации», о котором столь смутно пока рассуждают многие политики, журналисты и даже ученые. Здесь у нашей страны оказался исторический шанс найти ответ на вопрос о национальной идее, ибо появилась и сама нация. Энергичная и продуманная реализация этой новой установки принесет только благо представителям разных российских национальностей, которые составляют российский народ.

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ МНОГООБРАЗИЕМ*

В июле 2004 г. Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) издан «Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире». Как отечественные общественно-политические практики и академическое понимание соотносятся с мировым опытом, который анализируют ведущие зарубежные специалисты? Что есть «культурное многообразие» (cultural diversity), столь часто упоминаемое в мировой науке и в политике? Существуют ли языковые или просто смысловые аналоги этого понятия в русском языке? Наконец, каким образом схожие или разные смыслы порождают различные политические практики, включая правовые нормы и систему государственного управления? Ибо главное заключается не в самом факте наличия «многонационального» населения, совместного проживания и взаимодействия людей с культурно отличительными характеристиками, а в том, какой смысл то или иное общество придает культурным (этническим, языковым, религиозным, расовым) различиям, как и в каких целях эти различия используются.

С этой точки зрения российский опыт разительно отличается от преобладающего на Западе и в остальном мире. Сходный с Россией опыт имеют только страны бывшего СССР и, отчасти, восточноевропейские страны. СССР представлял собой государство, в котором был осуществлен эксперимент масштабного спонсирования этничности, начиная от научных разработок и этнического картографирования, системы переписного и документального учета и вплоть до государственного устройства и официальной идеологии «дружбы народов». Полагать, что российская «многонациональность» есть неистребимый результат длительной эволюции, что принадлежность к этносу дает человеку «его культуру» и что на фундаменте этого эксперимента можно утверждать многокультурность и толерантность, является, на наш взгляд, заблуждением. При внешне обновленческой увлеченности российского научно-образовательного сообщества «многокультурностью», по сути, все опять

* Работа написана для ежегодного доклада за 2004 г. Сети этнологического мониторинга. Варианты опубликованы, см.: Право и этничность в субъектах Российской Федерации / Под ред. Н.А. Ворониной и М. Галдия. М., 2004; Этнографическое обозрение. 2005. № 1.

сводится к тривиальной «многонациональности». Ограниченный научный багаж и сложившаяся ментальность не позволяют отечественным ученым и практикам представить себе россиян как людей одной культуры, и как народ, обладающий общей идентичностью, а не как заключенное в общие границы собрание носителей одинаковых паспортов, но разных культур.

Культурное многообразие состоит не только в том, чтобы «народоведческим» натаскиванием создавать из историко-этнографических наработок номенклатуру разных культур и составлять по школьным классам, вузам, поселкам, республикам и всей стране реестр четко себя осознающих носителей «национальной самобытности». Культурное многообразие состоит не только в том, что представителям «больших» и «малых» культур воздается равное должное и предоставляется «культурная свобода», чтобы с помощью государства, его бюджета и законов, учителей, этнологов, психологов «разнокультурные» граждане могли вести между собой «межкультурный диалог». *Сердцевиной понятия «культурное многообразие» является признание многообразных форм самих культурных общностей, признание и поддержка не только различий, но и схожести, одинаковости, которые чаще всего преобладают над различиями, по крайней мере, в рамках одной национальной (не этнической!) культуры, каковой является российская культура. Сердцевиной культурного многообразия является признание культурной сложности на уровне отдельного человека, а не только группы.*

К сожалению, отечественный научный, политический и управленческий арсенал понимания и воздействия не предполагают, что такое возможно и что такое есть норма, а не аномалия. Именно поэтому «культурная свобода» в России мыслится почти исключительно как «национальное самоопределение» (русское, осетинское, татарское и пр.), как право и обязанность быть в группе, как право на «свои» территорию, государственность, язык, как право на свободное общение с «другими» или же на силовую защиту от «других». Понятие культурной свободы в России не включает право на культурную сложность и на принадлежность к сложной культуре (например, к российской или к дагестанской), право на одновременную принадлежность к нескольким культурам, в том числе и к сложным (к российской и дагестанской одновременно, помимо принадлежности к аварской или даргинской), право на выход или на пребывание вне партикулярной (этнической) культуры. Культурную свободу российские ученые и политики рассматривают как право быть в определенной группе по кровному или моральному обязательству или же, в лучшем случае, по выбору человека, который сам по себе определяется внешними предписаниями. На самом

деле, культурная свобода не в меньшей мере определяется правом выхода из группы или правом пребывать вне группы.

В нашей стране реально существует и является нормативно достаточной (т.е. необязательно быть татариним или русским) сложная по своему содержанию, но цельная российская культура преимущественно на основе русского языка, который совсем не является исключительной собственностью только этнических русских. Следует убедить отечественных экспертов и управленцев, что российская культура цельна и многообразна как по своим корням (от византийско-славянских традиций до финно-угорского и тюркско-кавказского культурного арсенала), так и по содержательному набору (общие версия истории, жизненные ценности и установки, общеразделяемые высокая массовая культура, общие культурные герои и символы). Построенный на этнонационализме и на схоластике этноса российский общественно-политический менталитет трудно воспринимает эти подходы. Однако искать ответы необходимо, как необходима и политика признания национальной общности россиян. Именно сложная (гибридная) культурная целостность, «негомогенное целое» (выражение М.М. Бахтина), а не абстракция «межнациональных отношений» и даже не «многокультурность» заслуживают настоящего внимания.

«Доклад о развитии человека 2004» в ответах на фундаментальные вопросы оказывается нашим союзником. Приведем только некоторые из ключевых положений обзорной части доклада.

- Культурная свобода является важнейшей составляющей человеческого развития, потому что для полноценной жизни индивиду абсолютно необходимо определить свою идентичность (С. 1).

- Чувство самобытности и принадлежности к группе, разделяющей общие ценности, имеет огромное значение для индивида. Однако каждый человек может отождествлять себя со многими различными группами (С. 3).

- Теории культурного детерминизма заслуживают критической оценки, поскольку их применение ведет к опасным политическим последствиям и может стать источником как внутренней, так и межгосударственной напряженности (С. 5).

- Чтобы стать полноценными членами обществ, построенных на многообразии, и воспринять всемирные

ценности терпимости и уважения к всеобщим правам человека, индивиды должны выйти из жестких рамок той или иной идентичности (С. 12).

И, наконец, нобелевский лауреат в области экономики Амартия Сен в качестве главного консультанта первой главы доклада пишет следующее: «Вместо того чтобы восхвалять бездумную привержен-

ность традициям или пугать мир мнимой неотвратимостью столкновения цивилизаций, концепция человеческого развития требует уделить внимание роли свободы в культурных (и иных) сферах и путям защиты и расширения культурных свобод. При этом важнейшим вопросом становится даже не роль традиционной культуры, а всевозрастающее значение культурных альтернатив и свобод». Откровенно говоря, автор этой книги относится скептически к высказываниям нобелевских лауреатов не по профилю их занятий, но в данном случае Амартия Сен прав, ибо призывы к культурному многообразию на том основании, что оно исторически задано тому или иному обществу, что оно унаследовано различными группами людей, а ее представители еще в дошкольном возрасте «открывают» в себе самобытность, на самом деле далеки от признания культурной свободы. Опять же авторы доклада правы, когда пишут следующее: «Рождение в конкретной культурной среде не является реализацией свободы, – скорее, наоборот. Актом культурной свободы оно становится только тогда, когда индивид осознанно решает продолжать вести образ жизни, свойственный данной культуре, и принимает такое решение при наличии других альтернатив».

Кстати, худший вид нетерпимости, который мне приходилось наблюдать, это прямое или косвенное принуждение индивида жить таким же образом, как и другие члены общества. В сравнительно малых и актуализированных этнических сообществах такая ситуация чаще всего оборачивается личными драмами и поколенческими конфликтами.

Современное знание все больше приходит к выводу, что сами по себе культурные различия и основанные на них групповые коалиции людей есть исторически подвижные понятия, их содержание и смысл меняются и имеют большое географическое/региональное многообразие. Но самое важное – их существование само по себе есть результат целенаправленных усилий со стороны активистов социального пространства: элит, управленцев и ученых, результат так называемого социального конструирования. То, что называется, воспринимается и изучается как группа (народ, нация, меньшинство, раса, диаспора и т.п.), на самом деле представляет собой не реально существующее коллективное тело со своим «самосознанием», «характером», «волей», «судьбой», а человеческие отношения (социальные, политические, эмоциональные) по поводу этих воображаемых коалиций.

Преодоление ментальности группоцентризма на основе культурных категорий представляет собой, возможно, самую трудную задачу для современной науки и политики, а в российском контексте это вообще трудно воображаемая перспектива. Из обзора совре-

менных политических практик и по результатам научных исследований вытекает общее представление, что *наиболее перспективным для современного мира, в том числе и для России, является подход, который видит культурное многообразие как многообразие форм человеческой идентификации, включая существование культурной сложности на уровне индивида и на уровне коллектива.* Другими словами, существуют и должны быть признаны наукой и государственной процедурой социокультурная общность *российский народ* или *россияне*, чья этническая идентичность может определяться и сложными словами: русский еврей, украинец-русский, татаро-башкир и т.п. По мнению некоторых специалистов, люди такого рода относятся к категории этнических маргиналов. На самом деле, это, скорее, норма для российского народа (не менее трети населения – это выходцы из смешанных семей), а также и для подавляющего большинства других гражданских сообществ.

Безусловным является и то, что два типа групповой идентичности (по культуре и по гражданско-политическому сообществу) также сосуществуют и не являются взаимоисключающими, т.е. русский и россиянин, татарин и россиянин, чеченец и россиянин и т.п. – это есть норма, как бы ни старались этнонационалисты подвергнуть сомнению российскую идентичность, выраженную в самом слове россиянин, как некий уродливый эвфемизм. В главе 3 доклада существование и целенаправленное формирование множественных и взаимодополняющих идентичностей в рамках единого государственного сообщества раскрываются на примере таких стран, как Испания, Бельгия, Индия. Именно такая стратегия формирования нации признается оптимальной и наиболее перспективной. Для Российской Федерации она является единственно возможной.

Важно понять, что культурное многообразие и политика многокультурности – это не просто другие слова для замены привычных отечественных понятий-концептов «многонациональность» и «национальная политика», или их более современных языковых вариантов – «многоэтничность» и «этническая политика». К категории культурных различий, которые существуют среди человеческих коллективов и которые необходимо учитывать в управлении, относятся и другие, с этничностью жестко не связанные. Основанные на них сообщества также требуют признания и регулирования их отношений с другими сообществами, как и обеспечения их членам должного статуса в обществе и государстве. Такое, более широкое понимание культурного многообразия, во многом поможет российским ученым и политикам выйти из тупика научных, правовых и политических споров по поводу того, является та или иная группа «отдельным народом», «коренным народом» или нет, имеет ли

она право на отдельную фиксацию в переписи или нет, можно ли ей создавать свою национально-культурную автономию или нет, можно ли принимать законы и другие правовые акты по поводу групповых сообществ, не отвечающих привычным критериям «народа» или «этноса».

Если мы разделяем более широкий и свободный взгляд на то, что есть культурное многообразие, тогда такие формы культурной идентификации среди россиян, как кряшены (православные татары), поморы (приверженцы историко-региональной традиции), казаки (сословно-историческая идентификация), кубачинцы (культурно отличительное местное сообщество в Дагестане) и многие другие самообозначения не будут предметом ожесточенных дебатов и причиной обострения отношений между людьми с разной культурной идентичностью, между властью и населением, между центром и регионами. *Культурное многообразие России – это не просто номенклатура проживающих на территории страны народов, а многообразные, в том числе множественные и многоуровневые формы идентичности в рамках российского народа.*

В связи с наличием в России разных форм псевдонаучного и улично-бытового расизма принципиальным является представление о расовых различиях как об одной из форм социокультурного (а не биологического) многообразия. В современном общепринятом представлении раса – это социальнокультурная категория и академическая конструкция, т.е. раса как чисто биологическая реальность не существует. Зато основанные на биологизаторском представлении о расе расалистское мышление и расизм как практика суть самые жесткие реальности. Для России это положение представляется актуальным, ибо пропаганда замшелых расовых теорий имеет массовое распространение в российском обществе. У расистских взглядов имеются сторонники в научной среде и в политическом истеблишменте, не говоря уже о рядовых милиционерах, судьях, преподавателях школ и вузов. Доказывать несостоятельность расизма сугубо рациональными аргументами или научными фактами необходимо, но этого явно недостаточно. В случаях с расистскими взглядами и действиями арсенал воздействия должен включать эмоционально-этические, правовые и другие методы, помимо рациональных аргументов научного характера.

В последнее время понятие «культура» как синоним слова «народ», а также положения об однородности, целостности и нераздельности этнических культур были во многом пересмотрены. Культурные различия больше не воспринимаются как нечто постоянное и шокирующе непохожее (о мифическом «культурном шоке» в общении между собой россиян отечественные специалисты до сих

пор рассуждают с упоением). Отношения по типу «свой – чужой» все больше рассматриваются как вопрос соотношения сил и связанной с этим соотношением риторики, а не сущности человеческого сознания и поведения. При этом культура все больше воспринимается как отражение процессов изменений, внутренних противоречий и конфликтов. По-видимому, внедрение толерантности должно начинаться с привнесения новых подходов в обществоведческую экспертизу, а уже затем – в остальное общество.

ЭТНОДЕМОГРАФИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ

ПОЛИТИКА ЦИФР В ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2002 ГОДА**

В связи с принятием 27 декабря 2001 г. закона «О Всероссийской переписи населения» считаем необходимым внести коррективы в подготовку и проведение этой важнейшей государственной акции в 2002 г. Главное в переписи – это о чем собираются сведения и какова их государственная, общественно-политическая и научная значимость. В нынешнем его виде содержание вопросника недостаточно отражает важнейшие стороны жизни современного российского общества и потребности эффективного управления. Со ссылкой на необходимость преемственности и на принятые международные рекомендации вопросник переписи составлен архаично. Фактически, повторяя вопросник последней советской переписи 1989 г., он не сможет отразить ряд важнейших преобразований российского общества и содержит установку на воссоздание образа бедной страны, переживающей демографическую катастрофу, с неясным этнокультурным и языковым составом населения, – другими словами, своего рода не самоопределившейся страны – государства.

КОГО ПЕРЕПИСЫВАЮТ?

Единственной и неудачной новацией переписи 2002 г. пока является установка переписывать только одну категорию населения, так называемое постоянное население со сроком проживания в стране не менее 12 месяцев (в переписи 1989 г. – шесть месяцев). Это решение, возможно, принято под воздействием прогнозировавшегося Госкомстатом глубокого демографического кризиса в России с расчетами на полвека, а также под воздействием антииммигрантских установок.

Между тем в ходе именно этой переписи крайне необходимо учесть так называемое непостоянное население, которое составляет не менее 2–3 млн человек, большинство которых рано или поздно станут гражданами России. Именно эта часть временных

* Опубликовано: Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюллетень. 2001. № 40.

жителей-мигрантов вместе с примерно 3 млн зарегистрированных и окончательно осевших в России компенсирует сокращение численности населения страны в результате отрицательного естественного роста. Поэтому крайне важно знать состав, расселение и другие характеристики этой категории населения, как бы трудно не было их получить. Жители бывшего единого государства – СССР – еще долго будут мигрировать по его территории, и у России есть возможность забрать часть культурно близкого населения из постсоветских государств. Это предпочтительнее, чем завозить мигрантов из Китая, других стран Азии и даже Африки. Потребность в этом будет сохраняться не менее полувека. Иммигранты – важнейший источник развития страны, прежде всего экономического, но еще и социально-культурного. Это и вопрос безопасности, только трактуемый не с точки зрения противников иммиграции в Россию.

Таким образом, следует хотя бы вернуться к принципу переписи 1989 г., что даст возможность зафиксировать пребывание в стране не менее 1 млн человек, которые в середине октября еще остаются в России, приехав весной для выполнения строительных работ или торговых операций. Сюда же попадут осевшие в стране мигранты, последний срок постоянного проживания которых в России составляет менее 12 месяцев. Но дети-то их ходят в российские школы, и сами они работают в России, в том числе и на государственных предприятиях! Тогда почему они не попадут в «основную категорию» населения страны? Кстати, лет через 15–20 именно прибывшие в 1990-е годы и их дети будут составлять наиболее динамичную часть населения России, и унижение переписью 2002 г. обязательно припомнят отторгающему их ныне обществу.

КАК ПЕРЕПИСЫВАЮТ?

Закон определяет участие в переписи как важнейший общественный долг гражданина и жителя страны, но эта запись совсем не гарантирует выполнение основного условия проведения переписи – ее всеохватности. Перепись 2002 г. будет проходить в других общественно-политических условиях и в стране с другим уровнем жизни. Десятки миллионов граждан реализовали свое право на частную жизнь и дополнительные средства тем, что не только улучшили убранство своих квартир и домов, но и установили десятки миллионов металлических дверей, через которые будет не просто проникнуть переписчику. Более того, в октябре миллионы граждан, особенно в южных регионах, продолжают жить в загородных домах или на дачных участках, и их городские квартиры пусты. Перепись может недосчитать с десятков миллионов жителей, учитывая, что в стране 40 млн земельных участков и немногим меньше семей

имеют жилищные постройки, пригодные для сезонного или круглогодичного проживания. Как снизить этот неизбежный недоучет населения – это огромная проблема, не говоря уже о том, что непереписанные дачи, но тщательно описанные остатки коммунальных квартир (на это отводится почти четверть пространства одного из опросных листов!) создадут образ населения, который не соответствует его реальному жизненному уровню. Данные о сохраняющихся коммунальных квартирах можно получить в органах, собирающих сведения об очередниках на жилье, и нет нужды тратить огромные средства, задавая в принципе пустой вопрос.

Кстати, такими же пустыми являются вопросы о знании русского языка и о владении иностранными языками (инструкцию к последнему вопросу невозможно понять даже профессору!). Такой вопрос имело смысл задавать в СССР, где почти 20 млн жителей Средней Азии не говорили или плохо знали русский язык. Сейчас в России вопросы о языке следует задавать в современном и в более практичном ключе: язык детства (или материнский, родной язык), язык домашнего общения и язык общения на работе. Эти вопросы просты для понимания, на них будут даны ясные ответы, и это важно для политики государства в информационно-языковой и образовательной сферах. Именно так спрашивают в переписях других стран мира, включая страны бывшего СССР. Почему Госкомстат отошел от практики промежуточной переписи 1994 г. и вернулся к вопроснику переписи 1989 г., непонятно. Ответы на ныне предлагаемые вопросы о языке достоверной информации о языковой ситуации в стране не дадут, кроме путаницы и занижения доли носителей русского языка как основного (т.е. родного) для населения страны.

Есть еще одна проблема: хорошо известно, что село перепишется более дружно и дисциплинированно, чем город. Это всеобщая закономерность. Но в России она может обрести серьезные этнополитические проекции. Если в той или иной республике в сельской местности проживает главным образом так называемое титульное население, а в городах – русские и другие «нетитульные», тогда произойдет перекосячение этнического состава в пользу представителей менее урбанизированных национальностей. И без того сложная ситуация в ряде республик с узурпацией власти и других престижных позиций в пользу титульного населения получит благодаря переписи дополнительный аргумент в пользу этнократического правления.

Установка осуществить перепись федеральными органами власти и за счет федеральных средств, так же, как и привлечь студентов в качестве переписчиков, вполне оправдана. Но реально проводить перепись и даже осуществлять первичный ввод материалов

будут местные органы власти. И это внушает определенные опасения. При всем желании даже на самом первичном уровне сбора информации трудно будет соблюсти нейтральность. Такие опасения небеспочвенны, о чем свидетельствует уже проявившаяся реакция на вопросы об этническом составе населения. Не лучше ли поставить проведение переписи под более жесткий контроль полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, а состав переписчиков и обработчиков данных в республиках сделать более сложным по составу и самоконтролируемым?

СКОЛЬКО НАРОДОВ ЖИВЕТ В РОССИИ?

Обсуждение законопроекта «О Всероссийской переписи населения» накануне его принятия в первом чтении 29 ноября 2001 г. началось с нервных требований некоторых депутатов предоставить «список народов» и с необоснованных заявлений, что в этом списке заложен некий замысел «раздробить народы, чтобы потом их ассимилировать» (депутат Ф. Сафиуллин). Попытаемся разъяснить некоторые действительно важные вопросы, связанные с фиксацией этнического состава населения в предстоящей переписи.

Подготовленный Институтом этнологии и антропологии РАН по заказу Госкомстата России «Перечень национальностей для разработки материалов Всероссийской переписи населения 2002 г.» – это рабочий документ, который будет использован только при обработке уже полученных материалов. Этот список не носит окончательного характера и не требует никакого законодательного утверждения. Перечень содержит 156 категорий учета и 23 подкатегории. По сравнению с переписью 1989 г. в нем на 28 названий больше, но на самом деле – больше почти на 60, ибо из этого списка исключены такие «народы России», как, например, австрийцы, американцы, англичане, испанцы, кубинцы, французы и т.д. (всего около 30). Их включение неоправданно расширяло список за счет небольшого числа проживающих в стране главным образом иностранных граждан. К тому же значительная их часть уехала из страны в последнее десятилетие (испанцы, кубинцы и т.п.) или же после распада СССР осталась за границами России (например, венгры в Украине).

Ожидается, что перепись 2002 г. отразит более сложную и более современную этнокультурную мозаику России. Это отвечает требованиям 26 статьи Конституции РФ, международно-правовым нормам и рекомендациям, предусматривающим противодействие ассимиляции и дискриминации, особенно малых этнических групп населения.

Обновленные подходы к регистрации данных об этничности и языке представляют собой определенный компромисс между

потребностью сохранить полезную преемственность с предыдущими национальными переписями и необходимостью отразить новые, возникшие в период глубоких трансформаций последнего десятилетия, этнические диспозиции, а также между более чувствительным и современным пониманием этнического феномена и инерцией общественного менталитета. Мощное влияние политических интересов и эмоций, наряду с резонным консерватизмом переписных процедур, делают нереальным осуществление идеального, с точки зрения науки, подхода к переписи, по крайней мере, применительно к данным сюжетам.

Список национальностей и языков для переписи 2002 г. был подготовлен исключительно для удобства обработки полученной информации, основанной на личностном выражении. Такие списки готовились и к предыдущим переписям для облегчения выделения групповых этнических принадлежностей среди разного рода локальных, клановых, религиозных, диалектных и других идентификаций. В этой процедуре содержатся элементы предписания и ограничения, но это внешнее вмешательство в российской переписи намного меньше, чем во многих других переписных практиках, и оно не столь мотивировано, как мы надеемся, идеологическими и политическими соображениями, как это часто бывало в советских переписях.

Имеются три основных инновации в списке национальностей: а) нет иерархии в группировке национальностей («в основном проживающие», «северные малочисленные» и т.п.); б) заметно (со 128 до 156) увеличено число «признанных» категорий, чтобы исправить предыдущую политику отрицания и непризнания в отношении определенных культурно, языково отличающихся групп населения; в) частично признана «вертикальная» множественная этническая идентичность через регистрацию примерно трех десятков дополнительных категорий учета «внутри» более крупных национальностей. Наконец, новая «этническая номенклатура» исправляет ошибки в названиях нескольких малочисленных групп и дает значительно расширенный и обновленный перечень территорий преобладающего проживания в России (не только на уровне республики или области и края, но также административного района).

Список языков также включает некоторое число инноваций, основанных на недавних исследованиях и современной динамике языковой ситуации: некоторые языки показаны как диалекты, некоторые бывшие диалекты – как отдельные языки, некоторые языки не включены в перечень по причине ошибочности предыдущей записи или исчезновения языка (точнее, его носителей на территории РФ). Определенные экстраязыковые факторы повлияли на составление списка языков, включая меняющийся языковой репертуар и установленные в региональных конституциях правовые нормы.

Перепись 2002 г. в России – шаг вперед в процессе демократизации и с точки зрения современной науки, но в этом направлении еще потребуются дополнительные усилия, хотя бы к переписи 2012 г. Вопрос кардинального значения – это признание не взаимоисключающей сложной этнической принадлежности «горизонтального» характера (например, «русский еврей» или «татарин-башкир») или отсутствия таковой в пользу гражданских/региональных идентичностей («россиянин», «дагестанец», «татарстанец»), которые также культурно значимы и могут сосуществовать друг с другом и с этническими идентичностями. В 2002 г. такая процедура оказалась преждевременной. Однако «вертикальная» двойная идентификация в ряде случаев будет возможной, чтобы обеспечить самовыражение и не разрушать в то же время более крупную общность. В Поволжье, например, в составе мордвы будут подсчитаны и выделены в подгруппы мордва-эрзя и мордва-мокша, в составе марийцев – горные марийцы и лугово-восточные марийцы, в составе татар – мишари и астраханские татары.

Коснусь специально только одного острого вопроса о татарах, чтобы не разжигать напрасные страхи и предостеречь политиков и активистов от преждевременных заявлений. Татары – исторический термин, использовавшийся в России для обозначения любых групп тюркоязычного населения, а в некоторых случаях даже немусульманских тюркоязычных групп «восточного» происхождения. Значительное число этнических общностей, именовавшихся в прошлом татарами, в разные периоды российской истории стали именоваться иначе и фигурировать в качестве самостоятельных единиц учета в переписях. Примеры: кузнецкие татары были учтены как шорцы, чулымские татары – сначала как хакасы, а в переписи 2002 г. будут учтены как чулымцы. Ряд групп Северного Кавказа, носивших прежде наименование «татары», уже давно стали самостоятельными народами (карачаевцы, балкарцы и др.). Этот процесс продолжается и поныне. Так, в переписи 1989 г. по требованию крымских татар они были выделены в самостоятельную категорию учета. Аналогичные требования были выдвинуты сибирскими татарами и кряшенами в период после переписи 1989 г. В переписи 1926 г. было зафиксировано около 260 тыс. кряшен, а после их насильственно переписывали как татар. Если сейчас кряшены назовут себя именно так – значит, у них должна быть возможность считаться отдельной группой.

В то же время некоторые формы идентификации части тех, кого до этого записывали татарами, будут учтены как подгруппы внутри татар. Мишари и астраханские татары (а среди них есть еще юртовские и алабугатские астраханские татары) обладают культур-

ной и языковой спецификой (лингвисты выделяют язык астраханских татар в качестве самостоятельного и отмечают значительную специфичность мишарского диалекта; кстати, мишари в переписи 1926 г. фиксировались как отдельный народ). Предлагаемый вариант перечня позволяет учитывать эти две группы как субкатегории в составе татар.

Только ли одни татары становятся «жертвами разукрупнения»? И как к этому относиться? Почти все выделения малочисленных групп происходят за счет более многочисленных. Иначе и быть не может. Как отдельные группы в список включены бесермяне, которых до этого записывали удмуртами, сойоты, считавшиеся бурятами, водь и камчадалы, которых приписывали к русским. В численном отношении больше всех потеряют алтайцы, отдельно от которых теперь будут учитывать теленгитов, телеутов, тубаларов (когда-то их называли черневыми татарами), кумандинцев и челканцев. Алтайцы, кстати, воспринимают это спокойно. Но, пожалуй, самое серьезное и обоснованное «разукрупнение» предстоит пережить аварцам, из которых в ходе переписи выделятся (если, опять же, они того пожелают) около десятка андо-цезских народов (андийцы, ахвахцы, ботлихцы, цумандинцы и др.). Силой не удержишь! Чем больше будет ассимиляторских амбиций более многочисленных народов в отношении малых групп, тем больше будет сопротивление. Поэтому не стоит политизировать данный вопрос. Татары все равно останутся на долгую перспективу вторым по численности народом России.

ЯЗЫК И ПЕРЕПИСЬ*

Международных стандартов выяснения языковой ситуации и этнической идентификации населения в ходе всеобщих переписей населения не существует. Именно поэтому рекомендации ООН и Евростата по вопросу о языке не носят четкого характера и предоставляют странам возможность определяться по собственному разумению и потребностям. В России это разумение и потребности, естественно, меняются, но гораздо медленнее, чем необходимо. Но сначала о том, что есть языковая практика и политика, и почему это важно для государства и для его населения.

Язык – это система коммуникации человеческих коллективов и одна из важных черт, отличающих этнические общности. Государства всегда заинтересованы в том, чтобы население могло общаться на одном общем языке. Особенно это важно для функционирования системы образования, государственного управления, армии. Поэтому и существуют официальные или государственные языки (один, два или несколько), за которые несет особую ответственность государство. Обычно это язык, которым пользуется большинство населения той или иной страны. В Российской Федерации таковым является русский язык, которым владеет фактически все постоянное население. Тем не менее в программе переписи присутствует вопрос о владении русским языком. Ответы на этот вопрос помогут выяснить ситуацию с теми крайне немногочисленными жителями северокавказских или поволжских сел, которые не владеют русским языком, хотя этнографы и социолингвисты могли бы это сделать лучше и дешевле. Самое важное – будет получена информация о количестве и расселении не владеющих русским языком мигрантов и иностранных граждан, которых может насчитываться несколько миллионов. Но опять же, если только переписчики доберутся до этой категории населения и зададут вопросы о языке.

В России сохраняется высокая степень языкового разнообразия. Хотя большинство представителей нерусских народов перешли на русский язык, многие россияне из числа нерусских знают язык своей или другой национальности. Немногие русские также знают

* Опубликовано: Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюллетень. 2002. № 44.

другие языки российских национальностей. Чтобы сохранять языки больших и малых групп и проводить политику свободного выбора в вопросах языка, т.е. политику в интересах самих граждан, важно знать языковую ситуацию в стране. А именно: какими языками владеют жители страны. Еще лучше спросить: какими языками жители страны пользуются дома и на работе, но, к сожалению, этот вариант языковых вопросов (он использовался во время промежуточной переписи 1994 г.) не был принят организаторами переписи. Только получив ответы на эти вопросы, можно оценивать и планировать образовательную, информационную, издательскую, культурную политику как в стране в целом, так и на уровне отдельных регионов и местных сообществ. Получают такую информацию прежде всего в результате переписи населения.

О МИРОВОМ ОПЫТЕ ПЕРЕПИСЕЙ

В ходе переписей в некоторых странах задают вопрос о языке, а в некоторых – нет. Решение, включать этот вопрос или не включать и в каком виде, принимается по общественнополитическим мотивам. Существует и некоторая инерция прошлого опыта, а также внешние влияния. Так, например, опыт советских переписей и статистическая методология оказывали огромное влияние на страны геополитического господства СССР. Конституция РФ и ряд законов устанавливают языковые права граждан и определяют русский язык как государственный. Конституция предоставляет субъектам федерации право законодательно определять основы общественного употребления языков и даже провозглашать другие языки, кроме русского, государственными языками. По этой причине имеет смысл включать вопрос или вопросы о языке в программу всеобщей переписи. Это необходимо для того, чтобы выяснить языковую компетенцию и языковую практику населения: какими языками владеют граждане (и неграждане), и какими языками они пользуются.

Бюрократия должна говорить на языке большинства налогоплательщиков, а государство должно знать, где на каком языке осуществлять обучение, информационную деятельность, культурную политику. Федеральным и региональным властям важно иметь информацию об уровне знания населением государственного языка, ибо незнание или плохое знание – это ограничение возможностей и прав гражданина, а также ограничение возможности воздействия государства на собственных подданных. Существенной является и забота о сохранении языкового разнообразия в стране как фактора обеспечения культурного многообразия и условия сохранения общемирового культурного достояния. Не будем забывать, что в мире

200 государств и около 4 тыс. разных языков. В государственной поддержке особо нуждаются так называемые малые языки с молодой письменностью или вообще без письменности. Однако эта важная и благородная задача является второстепенной по отношению к заботе о знании и поддержке государственного языка.

Другими словами, первоочередная задача российского государства – обеспечить должное преподавание русского языка на всей территории страны, а также изучение русского языка новожителями-мигрантами, чтобы граждане могли понимать тексты законов и военных приказов в армии, общаться в суде и государственных учреждениях, обретать чувство гражданской общности через русскоязычное культурно-информационное пространство. Только после этого или наряду с этим и в меру финансовых возможностей государство может поддерживать усилия культурно отличительных общностей, направленные на сохранение и развитие собственных языков, отличных от государственного. В большинстве стран мира эта забота полностью лежит на представителях самих этнических или языковых групп. Часто это делается через региональные или местные органы власти территорий основного проживания той или иной группы.

Можно сформулировать приоритеты языковой политики на трех уровнях власти следующим образом:

- *задачи федеральной власти* – обеспечивать условия функционирования государственного языка как фактора существования гражданской общности, ее национальной целостности и безопасности, поддерживать языковое многообразие как элемент культурной политики и обеспечения гражданских прав;
- *задачи региональных органов власти*, наряду с вышеобозначенным, – обеспечивать условия функционирования второго (или вторых) государственного языка как фактора существования этнокультурной целостности, условия обеспечения гражданских прав и сохранения культурного многообразия;
- *задачи местных властей* – поддерживать языковое многообразие, исходящее от местных общин, создавать условия для осуществления государственной политики в области языка.

Все эти функции государственной власти можно осуществлять при наличии более или менее точного представления о языковой ситуации. Наиболее полные и современные данные можно получить во время переписи, но иногда ситуация замеряется «по жизни», а не по переписи, ибо в силу плохой формулировки вопросов перепись не дает данных о языковой практике. В советских переписях именно так обстояло дело с нерусскими языками, которые назывались «родными» или «национальными». Вопрос «Ваш род-

ной язык?» спрашивал об ощущении, т.е. о так называемом «языковом самосознании» – какой язык человек считает своим родным. Нечеткая и допускающая различные толкования категория «родной язык» приобрела вполне определенный смысл. Формулирующие его постулаты были и остаются достаточно простыми, хотя и несостоятельными.

А. У человека обязательно должен быть родной язык, и при том только один.

Б. Нормой является совпадение языка и национальности (само разъяснение для переписчиков: «Может не совпадать с национальностью» уже говорит о многом).

В. Невладение родным языком или расхождение между родным языком и национальностью свидетельствуют о процессе ассимиляции и являются отклонением от нормы.

Ответы на вопрос о родном языке в советских переписях создавали фантастическую картину итоговых данных в виде таблиц «Родной язык российских национальностей», которые трактовались не только политиками-практиками, но и учеными как реальная картина языковых процессов или «национально-русского двуязычия». На эту тему защищались докторские диссертации и публиковались многочисленные труды, в которых отношение человека к языку выдавалось за языковую компетенцию и языковую практику двуязычия.

Обученный пропагандой и подсказками переписчиков, советский человек упорно и убежденно называл родным язык по своей крови (украинский, татарский, армянский и т.п.), даже если он не знал этого языка и тем более им не пользовался. Только в исключительных случаях, например, ростовский или московский армянин, или дальневосточный украинец, или выросший в интернате представитель малочисленного северного народа, не знающие соответственно армянского, украинского или чукотского языков, назвали родным русский язык. Из таких случаев и образовывался небольшой «зазор» в 5,4% населения СССР, которые в переписи 1989 г. назвали родным язык не своей национальности. А поскольку другого вопроса о языковой компетенции (кроме владения другими нерусскими языками, помимо родного) в переписи не ставилось, то это была выдающаяся фальсификация, точнее – разрыв с языковой реальностью.

Если считать родным язык, которым человек лучше всего владеет и которым обычно пользуется (именно так объясняет понятие «родной язык» Словарь Ожегова, такая же трактовка принята в мире), тогда около 70% нерусского населения назвали бы русский родным языком. Если бы данные переписи говорили о том, что в таких позднее самоопределившихся государствах, как Белоруссия,

Украина, Латвия, Казахстан, Киргизия для большинства населения, т.е. для большинства налогоплательщиков, русский язык является родным языком (основным и даже первым выученным), тогда не только было бы невозможно лишить этот язык должного статуса в рамках официального двуязычия, но и сам распад СССР был бы более проблематичным.

Радикальное занижение в материалах переписи степени распространения и реального использования русского языка в бывшем СССР было основой для неадекватных научных, общественных и пропагандистских оценок. Языковая ассимиляция в пользу русского языка была в СССР и остается в России и в других новых государствах гораздо значительнее, чем это представляют данные переписи. На вопрос: хорошо это или плохо, ответить можно по-разному. Ученые-лингвисты и этнографы сожалеют об исчезновении носителей тех или иных, особенно малых языков. Лидеры национально-культурных автономий в России, ссылаясь, например, на тот факт, что 90% украинцев считают своим родным украинский язык, ставят вопрос об открытии украинских школ в Москве и в других городах России. Однако родители из числа российских украинцев хотят, чтобы их дети говорили без акцента и писали без ошибок на русском языке, на том языке, на котором они говорят дома и на котором говорит их страна. Для них родной язык – это русский язык, хотя все подсказки направлены на то, чтобы назвать таковым украинский.

В процессе распада СССР и после него натасканные на «родной язык» специалисты-ученые и националисты «титulyного» толка подвергли наказанию как русский язык, так и языки малых групп, чтобы использовать «возрождение национального языка» (советское понятие «национальный язык» – это тоже из переписи и из научных текстов) для обеспечения преимущественного доступа к власти и к ресурсам для представителей так называемой «титulyной нации».

Присутствие в переписи категории «родной язык» без выяснения языковой компетенции специалистами по языковым проблемам считалось важным показателем выражения «национального самосознания» или «этноязыковой идентичности».

На самом деле, это было дополнительным катализатором этнонационализма, фактором, ужесточающим групповые границы между гражданами одной страны и говорящими преимущественно на одном языке. Благо вся реальная политика в области образования, информации и культуры строилась не на основе данных переписи и их научных комментариев, а на основе реальной жизненной стратегии граждан, прежде всего родительского выбора и выбора молодых людей: в какую школу или вузовское отделение идти учиться, какие покупать и читать книги и газеты, на каком языке слушать радио и т.д.

Но это не означает, что так же будет и в будущем. Если, скажем, лидеры украинской национально-культурной автономии в России или власти Башкирии получат данные о родном языке по старым лекалам (т.е. что для 70–80% украинцев и башкир родной язык – соответственно украинский и башкирский), тогда они будут требовать, чтобы примерно такая же доля средств, учебного и эфирного времени и печатного пространства шли на обеспечение данных языковых потребностей. Требовать будут лидеры и активисты, несмотря на то что родители – украинцы или башкиры не отправят своих детей в украинские и башкирские школы. Неточные данные переписи о ложно понимаемом и ложно называемом родном языке приводят не только к неэффективным затратам государственных ресурсов, но и становятся аргументом для осуществления косвенного насилия в области языкового выбора и языковых прав граждан. Почему считается, что осуществлять право башкира на башкирский язык – значит обеспечивать права гражданина, а осуществлять право башкира на русский язык – значит поощрять некую аномалию и даже насилие?

Итак, родной язык – это язык, которым человек лучше всего владеет и на котором обычно говорит, это первый выученный в детстве язык, знание которого сохраняется. А это означает, что в ходе переписи нужно спрашивать не о том, что человек считает родным языком, и даже не о том, какими он владеет языками, а о том, на каком языке он разговаривает. Это подразумевает также и владение. Лучше вообще уйти от вопроса о родном языке, если он всего лишь дополняет вопрос о национальной принадлежности. Выяснить, сколько российских армян или чукчей настолько крепки в своем самосознании, что считают родным язык данной национальности, а сколько пребывают в состоянии «этнической двойственности», нет никакой необходимости. Это можно сделать с помощью социологических опросов и других специальных методик, если это имеет значение для того или иного исследователя.

Лучше всего было бы оставить вопросы о языке в том виде, как они задавались во время промежуточной переписи 1994 г.: помимо «родного языка», выяснить, какими языками люди пользуются в домашнем общении и на работе. Но что-то не понравилось нашим статистикам и некоторым специалистам в таком подходе, который широко используется в переписях других стран. Стали возвращаться назад к 1989 г., затем срочно и неудачно править вопросник перед финальным заседанием Государственной комиссии с участием президента (так появился вопрос «Знаете ли Вы родной язык» и прочая чепуха), и, наконец, остановились на варианте без родного языка. В итоге вопрос 9.1 должен выявить владение государственным

ным (русским) языком. Вполне резонный вопрос, хотя для России не очень актуальный, если сравнивать с бывшим СССР или с другими странами, где значительная доля граждан не владеет государственным языком (например, большая часть населения штата Чиапас в Мексике). В России специалисты почти точно могут сказать, где и в каких деревнях и аулах в ряде российских республик жители не знают русского языка. Задавать этот вопрос, чтобы выяснить знание русского языка негражданами или недавними иммигрантами, также нет большой необходимости: во-первых, доля иммигрантов мизерна по сравнению с другими странами, во-вторых, почти все они из одного с нами государства и часто говорят на русском языке лучше коренных жителей.

Однако ценность этого вопроса заключается не просто в выяснении, сколько жителей страны не знают русского языка, но и в том, что в сочетании с вопросом 9.2 «Какими другими языками Вы владеете?» и в соотношении с вопросом о национальности предоставляется возможность выяснить достаточно полно языковую ситуацию в стране. Но сначала о вопросе 9.2. Он повторяет формулировку вопроса предыдущих переписей: «Какими другими языками народов СССР Вы свободно владеете?», но новая редакция и форма ответа гораздо лучше. Во-первых, наконец-то устранена субъективно-оценочная категория «свободно владеть», которая в прошлых переписях опять же приводила к занижению уровня языковой компетенции части жителей страны. Учитывая, что и при формулировке вопроса о русском языке также выяснялось «свободное владение», занижалась и численность владеющих русским.

Но самая важная новация заключается в возможности указать при ответе знания других языков, кроме русского, не один, а два и даже три языка, ибо для этого имеются три свободные линии в зоне ответа. Первой нашей реакцией на данное предложение было уточнить формулировку в пользу ограничения возможного круга указываемых языков: по большому счету, для переписи не столь важно выяснять, сколько жителей страны владеет французским, итальянским или китайским языками. Однако сделать такое ограничение так, как это делалось в последних советских переписях (только языки народов СССР), оказывается, не так просто. Что такое «языки народов Российской Федерации»? Видимо, это языки тех этнических групп, которые появляются в итоговом списке народов или национальностей с учетом того деления, которое имелось в этом списке: «народы, проживающие преимущественно на территории СССР» и «народы, проживающие преимущественно за пределами СССР». Этот список и в советские времена был несовершенен (куда, например, относить евреев или эвенков?). С распадом

СССР такое деление вообще потеряло свой смысл. Ясно, что проживающие в России армяне или украинцы – это российские народы. Но как быть с английским или испанским и другими иностранными языками, если в списке народов останутся американцы, англичане, испанцы, кубинцы и еще около 25 «народов», которые и всего-то представлены несколькими сотнями потомков мигрантов или иностранцами? Придется, видимо, считать все языки, которые будут указаны в переписных листах. Кстати, сложнейшая задача для кодировщиков, ибо языков больше, чем этнических групп, а список, который готовился для методического обеспечения переписи, не включает полного списка языков.

Отсутствие уточняющего определения «языки народов Российской Федерации» позволяет довольно большому числу жителей, особенно молодых россиян, указать владение так называемыми иностранными языками, т.е. языками других стран. Но главное не в этом. Вопрос о владении «иными языками», как бы он ни воспринимался эмоционально-идеологизированной публикой, впервые позволяет собрать данные о владении языком, который совпадает с национальностью опрашиваемого. Только на этих данных можно строить анализ сохранения или утраты языков, а также распространения двуязычия и многоязычия. К большому сожалению, эта уникальная возможность была упущена по причинам, о которых речь пойдет ниже.

УРОКИ ПЕРЕПИСИ*

Перепись населения в России еще не закончилась. Прошел ее важнейший этап – опрос населения. По международным стандартам перепись считается завершенной только после публикации ее результатов. Поэтому предстоит еще большая и сложная работа по обработке и публикации данных. Однако некоторые выводы по прошедшему этапу можно и нужно сделать как в целях успешного завершения переписи, так и в качестве уроков на будущее. Наши наблюдения основаны как на личном опыте и знании антропологии переписей, так и на результатах осуществляемого в сотрудничестве с Браунским университетом (США) и Домом наук о человеке (Франция) международного научного проекта «Идентичность и язык в переписи населения России 2002 года». В ходе осуществления проекта к мониторингу ситуации накануне и в ходе переписи были привлечены группа ведущих специалистов Института этнологии и антропологии РАН, более 20 экспертов Сети этнологического мониторинга из российских регионов и около 15 человек иностранных ученых-обществоведов, занимающихся проблемами России. Мониторинг переписи прошел примерно в 25-ти регионах, включая Москву и Подмоскowie, Чечню и Дальний Восток, республики Адыгею, Алтай, Башкортостан, Дагестан, Карелию, Марий Эл, Мордовию, Северную Осетию, Татарстан, Чувашию.

Первый и основной вывод: главный этап переписи прошел лучше, чем об этом можно было судить из сообщений средств массовой информации или из обыденных разговоров. Власти, прежде всего статистические органы, а также общество в целом смогли собраться и даже консолидироваться вокруг проведения мероприятия. Масштабная и дорогая кампания агитации через СМИ и плакатную продукцию помогла уменьшить ущерб от дефектного закона о переписи населения, объявившего участие в этом важнейшем общегосударственном деле добровольным. Больше этот принцип работать не будет, и поэтому закон о переписи нужно исправлять обязательно, и лучше заранее.

Второй урок касается государства в лице его органов власти, в том числе специальных ведомств и комиссий. Учитывая смену

* Опубликовано: Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюллетень. 2002. № 45.

правлящей элиты и госаппарата после 1989 г., перепись населения стала непростой задачей, для решения которой недостаточно одних только административно-волевых методов и финансовых вложений. Задача оказалась не проще, а сложнее организации выборов или других общенациональных кампаний, однако понимание этого до сих пор не пришло.

Государство, прежде всего в лице бюрократического аппарата и высших должностных лиц, показало себя не с лучшей стороны в данном вопросе. Шапкозакидательство вместе с игнорированием научной проработки принятия решений (теперь сами депутаты, министры и начальники департаментов стали докторами наук и даже академиками) проявилось в том, что созданная госкомиссия по проведению переписи была чисто декоративным органом. Сложнейшие вопросы программы переписи и конкретных формулировок вопросника могли решаться на случайных междусобойчиках с участием работников аппарата, которые затем сами же утверждали эти решения у премьер-министра или вообще никак не оформляли их, информируя Госкомстат России о том, что нужно делать с вопросником или как фиксировать получаемые в ходе опроса материалы.

Парадоксально, но основной документ переписи, а именно – опросный лист – ни разу не был представлен широкой общественности, а тем более не объяснялось, как следует отвечать на вопросы. Думаю, что большой неожиданностью на фоне запугивавшей кампании в СМИ, для жителей страны стало то, что вопросы переписи – довольно незатейливые, и они никак не могут быть использованы во вред человеку, а тем более раскрыть его личные тайны.

Государство не смогло достойно определить программу переписи. Госкомстат России предложил список вопросов, который отражал старые установки и реалии. Так, по всей стране переписывались коммунальные квартиры, которых уже осталось крайне мало, причем данные о проживающих в коммуналках хорошо известны. Зато не переписывались загородные участки и дачи, вторые квартиры, автомобили, которые стали важной стороной жизни населения за последние десять лет. Исходя из общей установки, озвученной президентом Путиным, что «Россия – очень бедная страна», Госкомстат и предложил переписывать бедную страну.

По указанным источникам доходов судить о благосостоянии россиян будет сложно. Ибо даже президент страны в своем ответе указал только заработную плату, хотя подарил переписчице изданную им книгу, за которую наверняка ему был начислен гонорар. В будущей переписи необходимо решать кардинальный вопрос о фиксации уровня жизни. Если жители страны не созреют до указания не только источников, но и размера доходов, можно найти

другие способы оценки их материального благосостояния. Сегодня мы живем в разрушающей атмосфере психологической бедности, и перепись, к сожалению, восприятие нашей социальной жизни не сможет поправить. Так и будем восхищаться разрекламированным благополучием Китая, где на самом деле царит бедность по сравнению с Россией. Этот разрыв очевиден по одной только детской смертности, которая в три раза выше в Китае, а также по десятикратному отставанию в потреблении энергии на душу населения.

Государственные чиновники в союзе с ретроgrадами от науки плохо сформулировали ключевые вопросы о национальности и языке как в тексте закона, так и в вопроснике переписи. Они заняли конъюнктурную позицию под давлением разных политических сил. В тексте закона при определении программы переписи среди прочих были перечислены вопросы «национальность» и «родной язык». Оба вопроса в их принятой формулировке и по форме возможного ответа крайне уязвимы.

Все большее число граждан нашей страны, а тем более иностранцы, воспринимают вопрос «национальность» как вопрос о гражданстве, а не об этнической принадлежности, как это подразумевают организаторы переписи. Естественно, иностранцы отвечают, например, – «афганец», «американец» или «швейцарец», хотя те же самые люди у себя в странах на вопрос об этнической принадлежности отвечают «пуштун» или «узбек» (в Афганистане), «ирландец», «еврей» или «русский» (в США). Организаторы переписи не решились поставить формулировку об этнической принадлежности, ссылаясь на букву закона, и тем самым осложнили ситуацию. Во-первых, как и в советских переписях, в графе «национальность» большинство россиян запишет свою этническую идентичность, а мигранты и иностранцы запишут гражданство. Опять среди «народов России» появятся американцы, англичане, испанцы, мексиканцы, французы и прочие, но вот россиян не будет, а будут «национальности». Во-вторых, организаторы не решились дать возможность жителям страны указать свою множественную этническую идентичность (хотя бы по отцу и по матери для потомков смешанных семей). Это чудовищный тупик, уже породивший в новой более свободной общественной среде острые споры о том, кто кому принадлежит и кого как нужно записывать. Теперь из него выбираться придется только через десять лет во время следующей переписи. Миллионы россиян, которые одновременно считают себя русскими и украинцами, русскими и армянами, татарами и башкирами (таковых «смешанных национальностей» – десятки возможных сочетаний) опять подвергнутся неоправданному испытанию: перед ними стоит выбор – как себя записать в единственной строке для

ответа на этот вопрос. Получается, что смешанных семей в стране добрая четверть, а людей смешанной этнической принадлежности не существует. Вот и приходится эвенкийско-русским родителям записывать своих детей по разным национальностям, хотя можно было бы записать двойную национальность (этническую принадлежность).

Именно жесткая формулировка о национальности и возможность единственного ответа с целью приписать все население страны к четко очерченным группам становятся основным препятствием на пути формирования национальной российской идентичности. В ходе переписи ответы записывались в свободном режиме, хотя были и нарушения (коми-ижемцев записывали как просто коми, детей из смешанных семей в Башкирии и Татарстане однозначно – в пользу титульной группы, на некоторые ответы переписчики заявляли, что «такой национальности нет» и пр.). Но в целом собран достаточно интересный материал, особенно по нерусскому населению. Теперь главная проблема: что делать с этими ответами?

Лучше всего кодирование и ввод материалов в машиночитаемую форму осуществить на уровне федеральных округов, но аппарат последних не имеет ресурсов и компетенции для этого. Статорганы субъектов федерации способны это сделать, но нужны гарантии невмешательства и федеральный контроль. Иначе будут осуществляться манипуляции и политические уступки, уже сделанные накануне переписи, как, например, обещание руководству Дагестана считать этнический состав по утвержденному правительством РФ списку коренных малочисленных народов Дагестана, куда вошли все самые крупные группы, включая русских, но не вошли действительно малые группы. Примерно известно, где возможны фальсификации, и этого нужно по возможности избежать, чтобы не столкнуться с волной послепереписных жалоб и с недоумением специалистов.

Очень жаль, что множественная идентификация не признана переписью, но ее можно осуществить хотя бы на уровне некоторых групп и подгрупп, которые уже были выделены в первоначальном списке. Над этим списком еще нужно поработать уже с учетом мониторинга хода самого опроса. Так, например, в самый последний момент активизировались представители некоторых групп казачества, и казаками, вероятно, записалось несколько десятков тысяч человек, что не позволит отнести этих лиц к категории «другие национальности». Значит, возможно решить вопрос о двойной принадлежности, записав, скажем, русскоязычных казаков в подгруппу русских, а украинскоязычных – в подгруппу украинцев. Но эти вопросы нужно решать вместе со специалистами по ходу обработки данных.

Главное – не переписывать так, чтобы не осталось следа от первичной записи! Записавшийся мокшей не может стать только мордвой в итоговых данных. Он может стать только мордвой-мокшей или остаться просто мокшей. Записавшийся арчинцем не может стать аварцем. Он может стать только аварцем-арчинцем или остаться арчинцем. Записавшийся кряшеном не может быть переписан как татарин. Он может быть посчитан как татарин-кряшен или как просто кряшен. Еще лучше – не конструировать дефисные группы, если они изначально не были предусмотрены и не были зафиксированы. Лучше придерживаться принципа «категория-подкатегория», но и здесь нужны консультации и тщательная оценка данных.

По той же причине некомпетентных установок и устаревших принципов драматически сложилось дело с фиксацией языковой ситуации в стране. Отечественная наука и практика внедрила в переписной лист категорию родного языка, наполнив в последние десятилетия это понятие искаженным смыслом: родной язык понимается не как основной язык, который человек знает с детства и которым пользуется, а как язык, совпадающий с этнической принадлежностью (национальностью) индивида. Но беда даже не в этом, а в том, что вопрос ставился не о владении или пользовании языком, а о том, какой язык человек считает родным.

На основе этих данных, которые к реальной языковой ситуации имели косвенное отношение, писались книги и защищались диссертации о двуязычии в СССР и вообще о языковых процессах. В то время как большинство белорусов и украинцев, например, говорили на русском языке, т.е. он был их родным языком, данные переписи и научные труды демонстрировали иную картину. Именно по этой причине оказалось возможным столь масштабное «наказание» русского языка в постсоветских государствах, ибо его реальное место, т.е. его статус как родного языка значительной части населения вновь созданных государств не был нигде зафиксирован: ни в переписях, ни в трудах социолингвистов.

Что получилось с переписью 2002 г.? Сначала был принят вариант вопросов о языке в редакции переписи 1989 г., менее удачной по сравнению с промежуточной переписью 1994 г., когда выявлялось пользование языком дома и на работе. Но все-таки этот вариант был не таким плохим с точки зрения возможности сравнения с предыдущими данными (этот фактор приходится учитывать при определении программы переписи). На одном из завершающих этапов кто-то непрофессионально вмешался в вопросник и добавил еще один вопрос о родном языке («Владеете ли Вы родным языком?»). Именно это вызвало мою и члена правительственной комиссии по прове-

дению переписи А.Г. Вишневого негативную реакцию и побудило направить письмо президенту В. Путину по поводу уже утвержденного премьер-министром М. Касьяновым вопросника. В итоге формулировки вопросов о языке были существенно изменены, стали более современными и реалистичными. Вопросы касались знания русского языка и других языков (возможно было указать три языка). В принципе вопрос о русском языке был лишним. Хватило бы двух вопросов: «Какими языками Вы владеете (по степени владения)» и «Какими языками Вы пользуетесь (по степени использования)», или даже одного первого вопроса с возможностью заполнения до трех вариантов.

Наконец, вариант о владении русским и другими языками был напечатан в тираже вопросника. Так, впервые за многие десятилетия в стране создавалась возможность выяснить реальную языковую ситуацию для определения более адекватной образовательной, культурной и информационной политики. Но этот шанс был упущен в результате истеричных заявлений некоторых ученых, политиков и активистов «национальных движений» о том, что у них «украли родной язык». На самом деле, именно предложенный вариант вопроса позволял выяснить, владеет или не владеет человек языком той национальности, принадлежность к которой он указал, и уже из этого строить заключения и политику. Старый вариант «Ваш родной язык?» о владении языком судить не позволял, а только подтверждал указанную национальность и выявлял мизерное число людей, которые ни слова не знали на языке своей национальности и не могли указать его родным, даже если все установки были в пользу этого ответа.

Что получилось в итоге? Госкомстат в последний момент дал переписчикам инструкцию: в графе «Владение иными языками» первой из трех делать запись о родном языке, если этот язык нерусский. В итоге в эту графу рекомендовали записать сведения не о владении языком, а о том, какой язык человек считает родным. Часть переписчиков следовали инструкции Госкомстата, как, например, это сделала переписчица президента Путина. Но уже другая переписчица с того же самого переписного участка меня лично спрашивала так, как было напечатано в вопроснике. Эта путаница прошла по всей стране, и данные о владении нерусскими языками оказались испорчены поправкой Госкомстата, принятой под давлением части ученых, политиков и активистов.

Почему при подготовке переписи так и не прошла профессиональная дискуссия по вопросу фиксации языковой ситуации в стране, мне не понятно. Единственный международный симпозиум, посвященный российской переписи, состоялся в Российской

академии государственной службы в ноябре 2001 г. На нем вопрос о программе переписи даже и не ставился. Все уже казалось ясным и решенным! Что касается Госкомстата, то его положение было незавидным. С одной стороны, в подготовку переписи вмешивались работники администрации президента и правительства, которые не имели должной компетенции, но имели власть. С другой стороны, Госкомстат и перепись в целом всячески порочила российская пресса. Большинство журналистов понимало критику организации переписи как выступление против переписи вообще. Путали понятия «источники доходов» и «размеры доходов», анонимность переписи и добровольность переписи и т.п.

Важной проблемой стала степень подготовленности и поведения части служащих Госкомстата, ответственных за перепись. Некоторыми из них была занята изоляционистская позиция, трудно воспринимались новации по части формулировки вопросов, отсеклось предлагаемое международное содействие, если только оно не сводилось к тому, чтобы восславить славные традиции советской статистики. Проявлением неразумности было разосланное председателем Госкомстата по всем субъектам федерации письмо, налагающее запрет на осуществление какого-либо мониторинга переписи со стороны ученых. Закон запрещает проводить вместе с переписью (т.е. вместе с опросом) какие-либо опросы или референдумы, а также не позволяет нарушать конфиденциальность при процедуре опроса. Но закон не запрещает наблюдать, как ведет себя население в ходе переписи, какие возникают проблемы с ответами, какие трудности испытывают переписчики, какие имеют место внешние вмешательства и какие случаются казусы. Все это называется этнографией переписи. И все это было нами сделано в рамках закона и научных принципов, к сожалению, не в сотрудничестве с Госкомстатом, но для его блага, ибо процедура мониторинга с участием ученых повысила доверие к российской переписи и ее легитимность.

РОССИЙСКАЯ ПЕРЕПИСЬ 2002 ГОДА В ЭТНИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ*

ОБЩАЯ ОЦЕНКА ПЕРЕПИСИ

За несколько лет до и даже в самый канун проведения первой российской переписи 2002 г. многие эксперты и пресса предсказывали ее провал. Политики и общественные активисты заявляли, что сама процедура всеобщего опроса является вторжением в частную жизнь и нарушает права граждан. А работники российского статистического ведомства (Госкомстат России) боялись, что значительная часть населения страны откажется давать ответы на вопросы переписного листа. Причем, как полагали, люди будут настроены не только против вопросов о доходах, но и не захотят, чтобы их спрашивали об этнической идентичности. Такой феномен отторжения переписи, главным образом со стороны элитных слоев общества, был новым для страны. Это явление невозможно объяснить только фактом утверждения в России демократии и пока еще недостаточной культурой гражданской ответственности. Скорее всего, здесь проявили свое воздействие и такие факторы, как:

а) более чем 13-летний период после последней переписи, когда в политическом и массмедийном пространстве произошла радикальная смена действующих лиц (акторов), которые имели смутное представление о том, что такое перепись населения;

б) существование в стране как бы второй действительности в форме серой экономики, нерегистрируемой властями массовой миграции, обладание частью общества скрываемыми источниками доходов и личной собственностью;

в) изначально неверная PR-стратегия с упором на полную демократичность и добровольность процедуры, а также на проблемы обеспечения конфиденциальности.

Этот интересный сюжет восприятия обществом процедуры переписи пока никем еще не анализировался, и к нему мы намерены

* Работа написана в соавторстве с В.В. Степановым и опубликована. См.: Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад 2003 г. Сети этнологического мониторинга / Под ред. В. Тишкова и Е. Филлиповой. М., 2004. С. 37–47.

обратиться позднее. В данной статье наша задача дать оценку предварительных итогов переписи в этническом аспекте.

Несмотря на критику с нашей стороны организаторов переписи, мы полагаем, что в целом перепись населения России 2002 г. прошла на должном уровне, ее результаты легитимны, и они заслуживают детального анализа. Один из фундаментальных вопросов – оценка степени охвата населения и характер возможного недоучета населения. Оценки специалистов здесь различны, но, видимо, только работники Госкомстата и непосредственные исполнители переписи могут дать более или менее точный ответ. По нашему мнению, недоучет населения в ходе переписи составил 5–7%. Это главным образом три категории населения, не охваченных переписью: а) жители крупных мегаполисов; б) мигранты из стран бывшего СССР, Китая и Вьетнама; в) обитатели закрытых или трудно доступных загородных особняков.

На данной стадии можно только сказать, что самая высокая вероятность приписок (т.е. заполнение вопросников по данным паспортных столов) могла иметь место в трех случаях:

1. В крупных городах, которые стремились сохранить или обрести статус городов с миллионным и более населением.

2. На территориях межэтнического соперничества за получение этнически выгодных «правильных цифр», т.е. больших, чем у этнических соперников.

3. В этнотерриториальных автономиях с целью утверждения или «улучшения» демографического статуса титульных групп.

На принципиальный вопрос: с избытком или дефицитом посчитано население, однозначно ответить нельзя. Как и до переписи, по этому поводу продолжается спор. Одни говорят о недоучете населения, другие – что численность жителей страны оказалось завышенной. На самом деле имело место и то, и другое. В одних регионах преобладал недоучет. Например, на Дальнем Востоке китайцев посчитали, но далеко не всех. И не то чтобы китайцы уклонялись, просто местным властям не очень-то хотелось их учитывать. Окажись выходцев из Китая очень много, федеральный центр усилил бы пограничный режим, и это негативно сказалось бы на экономике региона. В других случаях, например, в республиках Северного Кавказа, имели место приписки или двойной счет. В Москве значительную часть приезжих не учли, но в подсчете местных жителей явно перестарались. Поэтому трудно разобраться, что получилось в целом.

Не только мигранты, но и некоторые этнические категории населения представлены в переписи с явным искажением. Причины разные, не только технические, но и политические. Очень трудно

выделить один ведущий фактор. Даже, казалось бы, в очевидных случаях, искажения не являются только продуктом намеренных манипуляций. Некоторые случаи занижения численности вполне очевидны. Например, перепись зарегистрировала всего 3,3 тыс. турок-месхетинцев. Ранее такая категория в советских переписях не учитывалась вообще. Однако известно, что только в одном Краснодарском крае их в несколько раз больше. Известно также и нежелание властей Краснодарского края видеть в турках-месхетинцах полноправное население: этой категории жителей уже более десяти лет власти региона отказывают в социальных правах. Перепись почти «не заметила» представителей этой национальности, хотя с первых лет пребывания в крае (конец 1980-х) ведется административный учет турок-месхетинцев. В данном конкретном случае следует иметь в виду несовершенство методики переписного учета и итоговых подсчетов. Многие записались просто турками, и их месхетинская принадлежность осталась неучтенной. Кто-то назвал так себя умышленно, ориентируясь на выезд в Турцию, часть же не пожелала называться месхетинцами из личных убеждений.

Во многом этнодемография переписи складывалась на основе стойких представлений советского времени о том, что есть *национальность*. В России, как и раньше в СССР, по-прежнему распространено мнение, что «национальность» – это принадлежность к «своему народу» в смысле этнической общности, национальность является непременным атрибутом любого человека, причем у каждого она единственная и дана с рождения. Однако еще статистика советской поры показала, что реальность намного сложнее. По данным переписи 1989 г., четверть населения жила в семьях со сложным этническим составом, а это – весомая причина распространения двойной этнической идентичности. Так, известно, что почти 76% украинцев в России живут в смешанных семьях, в основном – в русско-украинских. То же характерно и для российских немцев. Часто человек осознает себя не только немцем, а русским немцем, или русским и немцем одновременно, или ситуативно: в одних случаях русским, а в других – немцем. По этой причине, несмотря на жесткие установки, от переписи к переписи миллионы советских людей совершали «переходы» из одной группы в другую. Наиболее очевидные примеры таких переходов – это «превращение» украинцев в русских в период между переписями 1926 и 1937 г., евреев в русских в первых советских переписях и наоборот – русских в евреев в переписях 1979 и 1989 г., татаро-башкирские дрейфы во всех советских переписях. Феномен этнического дрейфа проявил себя и в переписи 2002 г., но зафиксирован он был только столь же жестким образом на основе принципа единичной и взаимоисключающей идентичности.

Вопреки распространенному убеждению, некоторые люди в России никогда не задумывались над тем, кто они по национальности, тем более что в гражданском паспорте с 1997 г. нет графы «национальность». Они просто не готовы дать определенный ответ переписчику, а статистика фиксирует их как уклоняющихся от ответа. Таких «уклонившихся» Госкомстат более всего насчитал в Москве и Петербурге. В целом среди тех, кто был учтен переписью, не смогли заявить свою этническую идентичность лишь 1%.

По нашим наблюдениям, около 10–15% вообще трудно воспринимали вопрос о «национальной принадлежности». А инструкция запрещала переписчикам что-то объяснять. Как и в прошлых советских переписях, перепись 2002 г. не учитывала возможность двойной этнической идентичности, и около 10% населения были вынуждены делать жесткий выбор в пользу национальности одного из родителей. Как и во все времена, предпочтение отдавалось наиболее престижной и статусной форме идентичности – русской. Именно поэтому в России статистически стало меньше украинцев и белорусов, хотя они не «вымерли» и не уехали. То же самое имело место в отношении таких численно крупных категорий, как марийцы, удмурты, чуваша, мордва. Перепись как бы забежала вперед, отразив факт этнической ассимиляции представителей этих и ряда других групп, хотя на самом деле процесс развивается медленнее и не столь однозначно.

ОБ УВЕЛИЧЕНИИ КОЛИЧЕСТВА «НАРОДОВ» ПО ИТОГАМ ПЕРЕПИСИ

В 1989 г. в СССР было 128 национальностей. Сейчас только в России их более 150. Весь вопрос в методике: как группировать и показывать в окончательном списке этнические группы. К переписи 1989 г. в СССР заранее был разработан список из 800 возможных этнических самоназваний, которые могли встретиться в переписи. После опроса все ответы 250-миллионного населения были сгруппированы в 128 категорий. Именно столько получилось «народов СССР». Не меньший предварительный список возможных самоназваний был подготовлен для переписи 2002 г. По ее итогам произведена группировка из 158 этнических наименований первого уровня и двух-трех десятков категорий второго уровня, статистически объединяемых с первым.

Политический аспект списка национальностей имеет место и в нынешней переписи. Одной из наиболее очевидных политизаций был вопрос о татарах. Националистически настроенная часть татарского экспертного и политического сообщества, а за ней и власти

Татарстана обвинили Госкомстат России вместе с Институтом этнологии и антропологии РАН в заговоре по расколу татарской нации. Сильное давление было оказано на президента В.В. Путина во время посещения им республики в конце августа 2002 г.

Перепись 2002 г. выделила в отдельную этническую категорию десять тысяч *нагайбаков* – теперь их не учитывают в составе татар. Появились ранее вовсе не учитывавшиеся *кряшены* и *сибирские татары*. Отдельно были подсчитаны *бесермяне*, которых до этого перезаписывали в удмуртов. Среди дагестанских аварцев теперь различают свыше десятка малочисленных групп, говорящих на андо-цезских языках. Среди даргинцев выделяются *кайтагцы* и *кубачинцы*. Лишь теперь статистика их «увидела», хотя науке эти группы были хорошо известны. Всего перепись выделила 68 новых этнических категорий. В их числе 22 самостоятельных наименования. Численность остальных учтенных по отдельности подсчитана в совокупности с демографически более значительными категориями.

Примененный в переписи 2002 г. статистически ступенчатый, ранее не применявшийся способ учета нуждается в тщательном анализе. С одной стороны, ступенчатость списка категорий предоставляет возможность более разнообразного учета форм этнической идентичности. И в этом – большое достижение переписи 2002 г. С другой стороны, не ясна дальнейшая судьба такого списка. Будет ли его двухступенчатая структура сохранена во всех публикациях итогов, или так называемый второй уровень исчезнет из дальнейших статистических сводок. Это зависит от того, каким будет отношение ко второму уровню в обществе и, прежде всего, среди управленцев. Даже в научной среде двухуровневый список пока что воспринимается с позиций догматического подхода о «самостоятельных» народах-этнусах и входящих в их состав «субэтнусах». На этом зиждется убеждение, что только статистическая «независимость» какой-либо этнической категории, обозначенной в материалах переписи, может свидетельствовать о «настоящем народе».

Уже не раз возникал спор между московскими специалистами Института этнологии и антропологии РАН и представителями властей и научных кругов из регионов. Первые настаивали на том, чтобы не признанные в советские времена малочисленные этнические категории были подсчитаны отдельно. Например, андо-цезские группы должны быть статистически оторваны от аварцев, а кряшены – от татар. Оппоненты квалифицировали это как волюнтаристские попытки раздробить существующие народы-нации.

Задача составить непротиворечивый список действительно сложна, ведь в ходе переписи впервые была сделана попытка не

только отразить многообразие населения России, но и показать реалии культурно-интегративных и ассимиляционных процессов. Наиболее труден случай с Дагестаном. Избегая возможной межэтнической напряженности в вопросах доступа к власти, правительство Дагестана требует учесть малые группы дагестанцев не только в качестве отдельных категорий, но и приплюсовать их к общей численности аварцев или даргинцев. Рабочая комиссия по подготовке материалов переписи к публикации на своем заседании в марте 2004 г. приняла решение пойти навстречу требованию Дагестана. Это означает, что число «основных народов» сократится примерно на 15 названий, а число «подгрупп» увеличится. По тем же причинам в переписи 2002 г. нет статистически самостоятельных категорий «*кряшены*» и «*сибирские татары*». Они будут указаны как подгруппы татар.

В тех случаях, когда заметного политического давления из республик не было, новые этнические категории «появлялись» безболезненно. Речь идет, к примеру, о *бесермянах*, численностью 3,2 тыс. Против их выделения не выступали власти Удмуртии. То же – в отношении *кумандинцев*, *теленгитов*, *телеутов* и других, учтенных независимо от алтайцев. Переписью выделены отдельно от адыгейцев *шапсуги*, от украинцев – *русины*, от тувинцев – *сойоты*.

О ДЕПОПУЛЯЦИИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РОСТЕ

Тема депопуляции, присутствующая практически во всех обсуждениях проблем численности населения страны, проявилась и при обращении к этническим аспектам. В целом перепись показала несостоятельность многих страхов и разговоров об «этноциде», якобы имевшем место в 1990-х годах, а также о радикальных изменениях в демографическом соотношении основных российских национальностей. Данные по 23 самым многочисленным группам (96% населения страны) выглядят следующим образом (см. Прил., табл. 1).

Перепись показала несостоятельность страхов о катастрофическом сокращении численности этнических русских. Накануне переписи СМИ публиковали прогнозы, согласно которым численность русских упала на 15–19 млн, т.е. чуть ли не на 15% по сравнению с последней советской переписью. Сокращение действительно имело место, но на гораздо меньшую величину – на 3%, а доля в составе населения страны снизилась на 2%. Основная причина сокращения – демографическое постарение населения, большая часть которого – городские жители. С этим связана малая детность и высокая смертность. Что касается миграции, то она играла позитив-

ную роль, компенсируя падение численности русского населения. Дополнительным источником демографического пополнения является ассимиляция в пользу русского языка и этнической идентичности среди иных групп. В целом речь можно вести о численной стагнации русских с тенденцией к сокращению по причине демографического старения.

Зафиксировано также незначительное сокращение численности марийцев, удмуртов, чувашей, мордвы, хакасов, коми и др. Некоторые категории, наоборот, численно выросли (аварцы, азербайджанцы, армяне, башкиры, буряты, даргинцы, кабардинцы, кумыки, лезгины, осетины, чеченцы, ингуши, якуты). Однако это не вызвало каких-то радикальных изменений в этническом составе населения страны, если не считать сильное уменьшение численности украинцев, евреев и немцев.

В отношении самых крупных этнических категорий, насчитывающих *свыше миллиона человек*, перепись обнаружила следующие тенденции. Имеются категории, численный состав которых сильно возрос. Это, прежде всего, армян, их численность удвоилась (по отношению к численности в России в 1989 г.). Ранее их насчитывалось 532 тыс., сейчас – 1,1 млн человек. Причины роста численности очевидны – во-первых, интенсивная миграция с конца 1980-х годов из Армении (землетрясение) и Азербайджана (карабахский конфликт). Вторая причина – положительный демографический рост, особенно в среде выходцев из сельской местности.

На втором месте по уровню прироста – чеченцы. Данные показывают 50-процентное увеличение (было 899 тыс., стало 1,3 млн). О завышенной переписью численности чеченцев немало говорилось в СМИ. Еще предстоит анализ демографических итогов после опубликования региональных данных. Однако уже сейчас расчеты показывают, что при сохранившемся довольно высоком уровне естественного воспроизводства, заметный прирост численности действительно должен был иметь место. Прямые и косвенные потери чеченцев в ходе войны, видимо, были намного меньше, чем принято считать.

Среди крупных народов перепись показала численный рост башкир, который объясняется не только демографическими причинами, но и факторами политического характера, а также административного воздействия. Численность татар практически не изменилась. Было 5,52 млн, стало 5,53 млн. Процессы демографического старения – не единственные причины замедления роста. Отчасти проблема связана с процессами ассимиляции, отчасти – с неточностями учета этнической идентичности. В отношении татар, проживающих в Башкортостане, говорят даже о подлоге пере-

писных данных. Теперь ясно, что если бы Госкомстат не включил в состав татар кряшен и сибирских татар, тогда не было бы и этого минимального прироста. Ранее, в микропереписи 1994 г., сибирские татары уже были подсчитаны отдельно от татар. А что касается кряшен, то вокруг этой группы накануне переписи разгорелись жаркие общественно-политические дискуссии, вышедшие далеко за рамки научного спора. Кроме того, в нынешней переписи Госкомстат посчитал отдельно этническую группу нагайбаков, которая раньше также учитывалась в составе татар.

Тем не менее эти исключения не являются статистически значимыми на фоне более 5 млн человек, определивших себя как татары. Речь, на самом деле, должна идти не о демографическом сокращении численности татар, а о достоверности произведенного учета населения в Башкортостане, где, как показала последняя советская перепись, татар насчитывалось больше, нежели башкир. Даже при низком уровне естественного прироста, не считая миграционного притока, численность татар, по сравнению с 1989 г. должна была вырасти на полмиллиона. А это во много раз больше, чем упомянутые группы сибирских татар, кряшен и нагайбаков вместе взятых.

Что касается опережающего роста башкир по сравнению с татарами, то это не результат одних только «демографических игр» политиков Башкирии. Если сравнить результаты нескольких переписей, то получается такая картина: в 1989 г. численность тех, кто назвался татарами, составила по отношению к численности 1979 г. 110,3%, а количество назвавшихся башкирами – всего лишь 104,2%. Если не учитывать феномен смены идентичности, результаты кажутся странными. Ведь известно, что среди башкир больше сельских жителей и более значительна рождаемость. В нынешней переписи взят своеобразный реванш: у татар прирост мизерный – всего 100,7%, а у башкир – заметный, 124,4%. Истина находится где-то посередине.

Незначительно сократилась численность чувашей: было 1,77 млн стало 1,64 млн. Процессы демографического старения имеют место, но основной фактор – смена этнической идентичности. Вторая причина снижения численности характерна и для украинцев. Известно, что в первые годы после распада СССР значительное число украинцев, особенно из дальневосточного региона, переехало в Украину. Но очень скоро наметилось обратное миграционное стремление с Украины в Россию, особенно во второй половине 1990-х годов. До настоящего времени Украина является основным источником российского миграционного прироста. Накануне публикации первых итогов переписи СМИ давали прогнозы, по которым численность украинцев в России должна была сильно

возрасти. И тем не менее перепись зафиксировала сильное и никем не прогнозируемое снижение численности украинцев – с 4,3 млн до 2,9 млн, т.е. почти на треть. Наличие фактора смены идентичности в таком колебании представляется очевидным.

Среди других крупных этнических категорий *численностью менее миллиона, но не менее 500 тыс. человек*, увеличение характерно только для кавказских групп. Наиболее заметны азербайджанцы. Нынешняя перепись насчитала их 622 тыс. против 336 тыс. в 1989 г., т.е. произошло 85-процентное увеличение. Факторы быстрого увеличения численности те же, в основном миграционного свойства. При этом перепись развенчала миф об огромных масштабах переселения азербайджанцев в Россию. Очевидно, еще будет немало публикаций о том, что численность азербайджанцев в переписи сильно занижена. СМИ писали о «миллионах» азербайджанцев в России, о большой диаспоре в Поволжье и на Урале, о «миллионе» в одной только Москве.

Возможно, занижение действительно имеет место, но оно не может быть значительным. Дело в том, что за пределами Азербайджана не может находиться несколько миллионов выходцев из этой страны. Это показывают простые расчеты. По переписи 1989 г. в республике было 7,02 млн человек, а по переписи, проведенной в 1999 г., – 7,95 млн. Если исходить из гипотетически высоких показателей естественного прироста, тогда в 1999 г. в стране должны были насчитать примерно 8,8 млн человек. Перепись же дала на 850 тыс. меньше от ожидаемого числа. Следует, конечно, принять во внимание демографические последствия конфликтов, произошедших в конце 1980 и начале 1990-х годов, почти все армяне покинули Азербайджан, и, кроме того, азербайджанская перепись не смогла достоверно учесть население Карабаха. Но она учла большую численность вынужденных мигрантов, прибывших из Армении и Средней Азии, что в демографическом отношении в значительной мере компенсировало результат. Очевидно, что разница между итогом и ожидаемой численностью возникла в результате других миграционных процессов, а именно – оттока населения. Среди покинувших Азербайджан порядка 250 тыс. – это русские. Какое-то количество уехавших составляют украинцы, татары, евреи. Но большинство из переселившихся за рубеж – азербайджанцы, т.е. порядка 600 тыс. человек. Многие обосновались в Турции, а также в государствах бывшего СССР, какая-то часть – в странах дальнего зарубежья. Большинство же переехало в Россию, и это согласуется с данными переписи 2002 г. (численность азербайджанцев в РФ увеличилась на 285,6 тыс.). Конечно, нельзя не согласиться с тем, что численность азербайджанцев на момент российской переписи

была большей. Но это за счет временных трудовых мигрантов, которые по правилам переписи не учитываются в этническом составе населения. Хотя и в этом случае речь не идет о миллионах человек. По разным причинам государственные миграционные службы постоянно завышают численность мигрантов из-за двойного-тройного статистического учета в течение года, что и вызывает многие несоответствия в цифрах.

40-процентное увеличение численности зафиксировано среди даргинцев и аварцев, что соответствует значительному естественному приросту в Дагестане. Увеличение стало даже более высоким, нежели можно было предполагать по расчетам. С учетом существовавших на рубеже 1980–1990-х годов тенденций, рост численности аварцев должен был составить порядка 120–150 тыс., а перепись показала более чем 200-тысячное увеличение. И это при том, что в нынешнем подсчете не учтены, как это было в предыдущей переписи, андо-цезские группы общей численностью примерно 58 тыс. человек. Предполагаемый рост даргинцев не должен был превысить 90 тыс., а оказалось, что он составил более 150 тыс. Скорее всего, мы имеем дело с приписками в пользу двух групп, доминирующих в республике.

Удивление вызывает и опережающий, по сравнению с расчетным уровнем, рост кабардинцев. Можно было полагать, что увеличение составит порядка 80 тыс., тогда как перепись дала более чем 130-тысячный прирост.

Следует учесть, что перечисленные северокавказские группы не могут расти за счет миграции, а также за счет интегративно-ассимиляционных процессов. Естественный прирост – практически единственный источник в данном случае. Поэтому полученные результаты еще требуют специального анализа, ибо не исключено намеренное завышение статистических данных.

Среди крупных групп, возросших численно, перепись показала осетин. Их 28-процентное увеличение, далеко не столь разительное как у выше упомянутых кабардинцев или аварцев, не вызывает сомнений. Известно, что десятки тысяч осетин переселились в Россию, в частности, в Северную Осетию из соседней Грузии. Без учета миграционного притока численный рост осетин, исходя из демографических критериев, можно было бы назвать замедленным (порядка 1% в год).

В отношении казахов наблюдается феномен, противоположный северокавказскому: не завышение, а занижение численности. Их численность возросла всего лишь на 3%, тогда, как известно об их интенсивном миграционном притоке из соседнего Казахстана, основная масса селится в южных областях Поволжья и Урала

в сельской местности. В предыдущий межпереписной интервал увеличение численности казахов в Российской Федерации по темпам отставало лишь от быстро растущих северокавказских групп.

Остальные крупные этнические категории – белорусы, марийцы, мордва, немцы, удмурты – сократили свою численность (хотя сокращение марийцев не было значительным, их численность можно охарактеризовать как стабильную с наметившейся тенденцией к сокращению). Главные причины – демографическое постарение и смена этнической идентичности. Численность белорусов и немцев снизилась также за счет миграции, хотя миграция на разных этапах играла неоднозначную роль. На протяжении 1990-х годов Россия была своеобразным перевалочным пунктом для миграционных потоков в Германию. Хотя приезжало немалое число немцев из Казахстана и Средней Азии, ежегодно страну покидало по 30–50 тыс. российских немцев. В конце 1990-х миграция была, скорее, фактором роста численности немцев в России, нежели причиной их сокращения. Но итоговый баланс оказался все же отрицательным – снижение произошло почти на треть.

К следующей численной категории – *от 100 тыс. до полумиллиона* – относится гораздо большее количество групп. В их состав входят евреи, численность которых, по данным последней советской переписи, превышала полумиллионный рубеж, а теперь составила 230 тыс. Произошедшее уменьшение за счет интенсивной эмиграции в страны дальнего зарубежья и демографического постарения составило самую большую величину – почти две трети. Заявления со стороны лидеров российского еврейства, что евреев в России в несколько раз больше, не имеют оснований.

По причинам ассимилятивного характера сократилась численность коми и коми-пермяков. Незначительно возросла, а, по сути, осталась неизменной численность таких групп, как буряты, калмыки, адыгейцы. Несколько более заметен рост числа якутов и тувинцев. Прирост якутов объясняется не только демографическим увеличением, но и невозможностью в ходе переписи учесть двойную идентичность (якутско-русскую, якутско-эвенскую и др.), увеличение численности тувинцев объясняется в основном значительным демографическим приростом.

Перепись показала почти 20-процентное увеличение цыган. Их учтено 183 тыс. против 153 тыс. переписи 1989 г. В достоверности такого учета можно усомниться. Как советская перепись, так и нынешняя вряд ли смогли учесть адекватно эту категорию населения. Известно, что общая численность российских цыган пополнилась выходцами с Украины и из Средней Азии. Перепись 2002 г. учла отдельную категорию «цыгане среднеазиатские», но под этим наименованием записалось лишь несколько сотен человек. Пере-

селившиеся, если и попали под учет, зафиксированы как просто «цыгане», или вообще в другой категории, например, как «узбеки» или «таджики» – по названиям страны исхода. Учитывая значительный естественный прирост цыган, вряд ли стоит доверять результатам переписи, согласно которым их ежегодный прирост, включая и миграцию, составляет малую величину в 1,4–1,6%. Возможно, ответ в отношении низкого прироста цыган кроется в цифрах о других группах. Так, перепись показала, что в России довольно сильно увеличилось число таджиков.

Таджики – одни из первых в России по скорости прироста населения. Их численность увеличилась с неполных 40 тыс. до 120 тыс., т.е. в 3 с лишним раза. Основным фактором, безусловно, является миграция. Но естественный прирост, по всей видимости, играет все возрастающую роль. В отношении таджиков, как и в отношении азербайджанцев, СМИ распространяют мифы об их невероятно большой численности, чуть ли не о тотальном переселении в Россию. Реальные масштабы совершенно иные, хотя, если считать вместе с трудовыми мигрантами, численность таджиков больше, нежели представила перепись.

Очень сильно возросла также численность ингушей, лезгин, корейцев, кумыков, табасаранов, лакцев, балкарцев, карачаевцев, грузин. Численность лезгин увеличилась почти на 60%, что объясняется не только значительным естественным приростом, но и притоком извне – из Казахстана и Азербайджана. 40-процентный рост корейцев и 50-процентное увеличение численности грузин объяснимо теми же причинами. Что касается ингушей, то относительно высокий естественный прирост (самый высокий в России, если не считать Дагестан) едва ли мог дать такой значительный рост, как 92%. Источников миграционного пополнения для ингушей почти нет. Здесь возможны тривиальные приписки в ходе переписи, ибо смена самосознания в пользу ингушей за счет какой-либо другой национальности маловероятна. Желание властей Ингушетии сохранить численность населения на уровне предыдущих лет понятно, ведь с уменьшением в республике числа чеченских беженцев сокращаются и дотации из федерального бюджета. Об искусственной природе чрезмерного увеличения численности или же ошибочности подсчетов можно сказать и в отношении балкарцев.

КОНЕЦ МИФА О ВЫМИРАНИИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Еще в 1920-е годы в СССР была выделена особая группа населения, которая проживала в особо трудных климатических условиях и отличалась малой численностью и традиционным образом жизни.

ни. Это так называемые малые народы Севера, общим числом 26. В 1990-е годы в эту категорию были включены еще несколько групп. В России в настоящий момент насчитывается около 40 коренных малочисленных народов Севера (КМНС), которые проживают в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Федеральным законом 1999 г. «О государственной поддержке коренных малочисленных народов Российской Федерации» определено, что к данной категории населения относятся этнические группы численностью менее 50 тыс. человек, представители которой ведут традиционный образ жизни (охота, рыболовство, морской промысел). Социально-экономическое положение и состояние культуры этих групп находится в кризисном положении. В начале 1990-х годов, с распадом СССР и развитием рыночных отношений, КМНС оказались в довольно тяжелом положении – без опеки государства и материальной поддержки, налаженной системы здравоохранения, образования и снабжения, а также других мер социальной защиты, к которым они привыкли за годы советской власти. Многим пришлось перейти на натуральное хозяйство, чтобы прокормить семью и выжить. Часть семей переселилась из городов в поселки, из поселков – в тайгу и тундру, на места прежних сезонных селений и стойбищ. Ожидания малочисленных аборигенов связаны с надеждой на социальную поддержку со стороны государства. За это выступают ассоциации коренных малочисленных народов, а также многие ученые и общественные деятели.

Материалы переписи могут способствовать более эффективной государственной политике в этой области. Прежде всего, само наличие того или иного малочисленного народа в переписном списке является отправной точкой для разработки соответствующих государственных программ поддержки этнической культуры и языка. В 2000 и 2001 гг. в России были приняты два закона об общинах коренных народов и о выделении аборигенам земельных угодий («территории традиционного пользования»). Кроме того, согласно российскому законодательству, для представителей коренных малочисленных народов предусмотрены многие преференции, включая освобождение от армейской службы и возможность представительства в региональных и местных структурах власти на основе специальных квот. Поэтому очевидно, что статистические сведения о численности северных аборигенов очень важны.

Перепись 2002 г. определила численность коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Эта численность выросла по сравнению с 1989 г. на 17% (см. Прил., табл. 2). Примерно такой же прирост наблюдался и в предыдущий межпереписной период (1979–1989 гг.). Из 26 КМНС уменьшились в чис-

ленности четыре народа – алеуты, нганасаны, ульчи, чуванцы. Сокращение числа удэгейцев следует объяснить выделением тазов (общее число удэгейцев и тазов – 1956 против 1902 в 1989 г.). Почти в 2,5 раза выросло число ороков (ульта). В большей степени это связано с более точным учетом при переписи (использовалось более точное самоназвание улты) и ростом самосознания. Значительно (от 20–30 до 70%) увеличилась численность ненцев, селькупов, хантов, юкагиров, негидальцев, тофаларов, ительменов, кетов. Если же рассматривать численность 30 КМНС (с кумандинцами, телеутами, тувинцами-тоджинцами и шорцами), то теперь их насчитывается 268 831. Сравнение с 1989 г. можно провести лишь по шорцам и тазам: численность шорцев уменьшилась на 11%, тазов – увеличилась на 37,5%. Численность всех малочисленных народов Севера и Сибири Российской Федерации (включая также вновь выделенных камчадалов, теленгитов, тубаларов, челканцев и чулымцев) – 279 797 человек.

Эти данные опровергают многие экспертные оценки и текущие данные Госкомстата России, касающиеся проблемы «вымирания КМНС», которые делались последние 10–15 лет. Так, по данным Института цитологии и генетики СО РАН и Института проблем малочисленных народностей Севера СО РАН, свыше 10 народов находятся «на грани потери генофонда, языка и культуры, т.е. накануне исчезновения как народы». Сотрудниками этих институтов был сделан вывод о снижении естественного прироста КМНС с 1990 к 1998 г. в среднем в 2,3 раза. Текущие данные Госкомстата также давали искаженную демографическую картину КМНС, так как, во-первых, они не учитывали сведения о численности городского населения среди аборигенов, а во-вторых, они основывались на данных естественного роста и не учитывали фактор роста самосознания. Таким образом, многие из этих данных (чаще всего это оперативные данные местных администраций) оказались недостоверными. Под вопросом теперь уже и некоторые академические труды, которые основывались на этих данных.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Этнический состав населения Российской Федерации в 2002 г.

	2002 г. тыс. человек	% к итогу	1989 г., тыс. человек	% к итогу	Рост в % к 1989 г.
Все население	145 164,3	100,00	147 021,9	100,00	98,74
Русские	115 868,5	79,82	119 865,9	81,54	96,67
Татары	5558,0	3,83	5522,1	3,76	100,65
Украинцы	2943,5	2,03	4362,9	2,97	67,47
Башкиры	1673,8	1,15	1345,3	0,92	124,42
Чуваши	1637,2	1,13	1773,6	1,21	92,31
Чеченцы	1361,0	0,94	899,0	0,61	151,39
Армяне	1130,2	0,78	532,4	0,36	212,28
Мордва	844,5	0,58	1072,9	0,73	78,71
Белорусы	814,7	0,56	1206,2	0,82	67,54
Аварцы	757,1*	0,52	544,0**	0,37	139,17
Казахи	655,1	0,45	635,9	0,43	103,02
Удмурты	636,9	0,44	714,8	0,49	89,10
Азербайджанцы	621,5	0,43	335,9	0,23	185,03
Марийцы	604,8	0,42	643,7	0,44	93,96
Немцы	597,1	0,41	842,3	0,57	70,89
Кабардинцы	520,1	0,36	386,1	0,26	134,71
Осетины	514,9	0,35	402,3	0,27	127,99
Даргинцы	510,2*	0,35	353,3**	0,24	144,41
Буряты	445,3	0,31	417,4	0,28	106,68
Якуты	444,0	0,31	380,2	0,26	116,78

Таблица 1 (окончание)

Кумыки	422,5	0,29	277,2	0,19	152,42
Ингуши	411,8	0,28	215,1	0,15	191,45
Лезгины	411,6	0,28	257,3	0,18	159,97
Другие и не указавшие национальность	5780,0	3,98	4036,1	2,70	143,21
<p>* Для аварцев приводится цифра без учета численности андо-цезских групп и арчинцев, а для даргинцев – без учета кайтагцев и кубачинцев. ** В 1989 г. в составе аварцев учтены андо-цезы и арчинцы; в составе даргинцев – кайтагцы и кубачинцы.</p>					

Таблица 2

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока

Группа	Численность всего населения				
	всего 1979 г.	всего 1989 г.	% к 1979 г.	Всего 2002 г.	% к 1989 г.
Алеуты	489	644	131,7	592	91,9
Долганы	4911	6584	134,8	7330	105,0
Ительмены	1335	2429	181,9	3474	143,0
Кеты	1072	1084	101,1	1891	174,4
Коряки	7637	8942	117,1	9077	110,0
Манси	7434	8279	111,4	11 573	133,9
Нанайцы	10357	11 883	114,7	12355	104,0
Нганасаны	842	1262	149,9	879	69,6
Негидальцы	477	587	123,1	806	137,3
Ненцы	29 487	34 190	115,9	41 454	121,2
Нивхи	4366	4631	106,1	5287	114,0
Ороки (ульта)	–	179	?	432	241,3
Орочи	1040	883	84,9	884	100,1
Саамы	1775	1835	103,4	2132	116,2
Селькупы	3518	3564	101,3	4367	125,5
Тофалары	576	722	125,3	1020	141,3

Таблица 2 (окончание)

Удэгейцы	1431	1902	132,9	1665	87,5
Ульчи	2494	3173	127,2	3098	97,6
Ханты	20 743	22 283	107,4	28 773	129,0
Чуванцы	–	1384	?	1300	93,9
Чукчи	13 937	15 107	108,4	15 827	104,7
Эвенки	27 941	29 901	110,6	35 377	118,3
Эвены	12452	17 055	137	19 242	112,8
Энцы	–	198	?	327	165,0
Эскимосы	1460	1704	116,7	1798	105,5
Юкагиры	801	1112	138,8	1529	137,5
<i>Итого</i>	156575	181 517	116,4	212 489	117,0
Кереки	–	–	–	22	–
Тазы	–	210	–	291	138,5
<i>Итого</i>	181 727	181 727	–	212 802	117,0
Кумандинцы	–	–	–	3123	–
Телеуты	–	–	–	2658	–
Тоджинцы	–	–	–	36 230	–
Шорцы	–	15 745	–	14 018	89,0
<i>Итого</i>	–	183 272	–	268 831	–
Камчадалы	–	–	–	2422	–
Сойоты	–	–	–	2833	–
Теленгиты	–	–	–	2614	–
Тубалары	–	–	–	1569	–
Челканцы	–	–	–	864	–
Чулымцы	–	–	–	661	–
<i>Итого</i>	–	–	–	279 794	–

СМУТНЫЙ ЯЗЫК ПРИВОДИТ К СМУТНОЙ ПОЛИТИКЕ*

В июне 2001 г. президент В.В. Путин совершил краткую поездку в Уфу, где принял участие в праздновании сабантуя. Здесь же он сделал несколько важных высказываний по вопросам этнической политики и о значении сохранения этнокультурного разнообразия населения, проживающего в России. Итог поездки президента страны в столицу Республики Башкортостан имеет не только общественно-политический, но и лингвистический смысл. В лозунгах, в высказываниях политиков, в комментариях журналистов и экспертов определенную реакцию вызвали прежде всего слова по поводу «национальной политики» – термин, которым в нашей стране называется политика в отношении российских национальностей и в области межэтнических отношений. Наверное, лучше бы было в современных условиях, когда наступила пора ответственного отношения к смыслу слов (в советские официальные тексты и высказывания можно было записывать на этот счет многое, «вплоть до права на отделение»), использовать термин «национальная политика» для обозначения политики обеспечения государственных (национальных) интересов (*national policy*). А то, что до этого называлось «национальной политикой», лучше называть этнонациональной или этнической политикой. Никакого принижения значимости и сужения смысла при этом не произойдет, ибо данный термин включает не только этнокультурный, но и этнополитический аспект, в том числе и вопросы самоопределения, государственности и федерально-республиканских отношений. Как компромиссный вариант возможно употребление термина «политика в отношении национальностей» (*nationalities policy*), ибо внешний мир уже выучил советское определение «национальность» в его этническом значении, соответственно применяет его, когда речь заходит о России и других посткоммунистических странах. В России же данный термин может сохраняться в его привычном значении, хотя уже многие миллионы граждан, путешествующие за границу, научились писать в анкетах в графе «национальность» слово «Россия».

* Опубликовано: Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюллетень, 2001. № 37.

В любом случае внутреннее употребление данного термина в отношении этнических общностей (народов) менее конфликтно, чем термины «нация», «народность», «национальное меньшинство». Вопрос, конечно, не глобальный, но важный, особенно для официального языка и текстов.

Однако начнем с текстов приветственных лозунгов «Навеки с Россией!» и «Россия – наша судьба!», которыми встречали В.В. Путина в Уфе. Они, видимо, должны были убедить всех и лично президента в том, что Башкирия вместе с Россией никуда уходит от своей судьбы не собирается. Однако лозунги эти можно читать и по-другому: Башкирия не есть собственно Россия, республика всего лишь «вместе» с Россией. Так когда-то звучали аналогичные лозунги по поводу советско-китайской или советско-индийской «вечной дружбы». Но что есть Россия, если это не Якутия, Бурятия, Чувашия и другие регионы страны?

России как территории за вычетом российских республик никогда не было и быть не может. За внешней лояльностью фразы «вместе с Россией» кроется разрушительный смысл: около половины территории страны не есть собственно сама страна. Это есть «добровольно вошедшие» или решившие быть «вместе с Россией» государственные образования. Такой язык всегда можно использовать и в обратном смысле, не обязательно дожидаясь, когда закончится «вековая дружба». Примеров подобного более чем достаточно, начиная с бывших советских союзных республик, где сепаратизм начинался с лозунгов «Да здравствует ленинская национальная политика!», которыми приветствовали визиты советских лидеров, включая М.С. Горбачева.

Нелепой глупостью выглядели бы приветствующие президента США лозунги «Калифорния навеки с Америкой!» или «Аляска навеки с Америкой!». Почему же подобный лозунг проходит «на ура» в регионах, которые гораздо раньше стали частью российского государства, чем Калифорния и Аляска стали частью Америки? (Крепость Росс американцы купили в 1841 г., а Аляску – в 1867 г.) Гавайское королевство во главе с королевой Лилиокалане вообще было уничтожено и аннексировано в самом конце XIX в. Объяснить уфимские лозунги можно не только сохранившимся доктринальным наследием советского этнонационализма, но и современной политической нечувствительностью. Именно благодаря подобным штампам «Россия и Татарстан», «Россия и Якутия» и содержащейся в них возможности разночтения нашу страну наказывают международными резолюциями под названием «Агрессия России в Чечне».

«Вторжение Америки в Калифорнию» представляется языковым абсурдом, а вот «вторжение» России в Башкирию, Татарстан

или Якутию возможно, если вдруг лозунг «навек вместе» местные политики поменяют на противоположный. Кстати, всего год назад улицы Уфы украшали нарисованные не без санкции властей лозунги типа «Умрем за суверенитет!»

Кстати, в момент поездки российского президента в Уфу мне пришлось выслушивать в Вашингтоне на конференции, посвященной России, очередное параноидальное заявление Збигнева Бжезинского, что нашей стране давно пора «самоопределиваться как собственно России», т.е. без Чечни и других этнотерриториальных автономий (республик). Эту позицию смутным лозунгом «навек вместе» не перекроешь, ибо при разных оценочных знаках за ними скрыта одинаковая логика. Поэтому радостными и сверх лояльными транспарантами лучше не подвергать сомнению то понимание России, которое заложено в ее Конституции и которое разделяет подавляющее большинство жителей республики: Башкирия и есть Россия, и в Башкирии живет часть единого российского народа.

За несколько дней до поездки в Уфу, на приеме по случаю празднования Дня России президент произнес замечательный и точный по своему смыслу тост: «За российский народ!» Это определение включает в себя всех граждан страны независимо от их этнической принадлежности, в том числе, конечно, и жителей Башкирии. По своей этнической принадлежности местные россияне состоят не только из русских, татар и башкир. Едва ли не треть – это люди смешанного этнического происхождения. Кроме того, исторически в этом регионе существует особый татаро-башкирский этнокультурный симбиоз, когда разделительные линии между двумя общностями провести практически невозможно.

Советская и постсоветская этническая «инженерия» была построена на принципе исключения (или татарин, или башкир, но никак не то и другое вместе), и на протяжении десятилетий государственная процедура заставляла десятки тысяч жителей этой республики «переписываться» то одними, то другими. Давно уже пора было бы встать на позиции современного понимания природы этнической идентичности, которая может носить множественный и не взаимоисключающий характер. Однако этого до сих пор не произошло. Не позволяют мышление и политическая практика, построенные на этническом национализме (как от имени нерусских, так и от имени русских националистов).

Признать бесспорный факт существования многоэтнической гражданской нации (как это делается в других странах мира со сложным составом населения) слишком непривычно. Гораздо легче сослаться на «уникальность» России (хотя наша страна мало чем отличается от других крупных государств по числу проживаю-

щих в них этнических общностей) и повторить избитую формулу: «в нашей республике (городе, заводе, библиотеке) живут (работают, читают) представители более ста национальностей (наций, народностей)».

В современных условиях приоритета гражданских свобод и равноправия, а также мощных культурных взаимодействий риторика и политика, основанные на доходящем до одержимости спонсировании этнических различий в ущерб гражданской и культурной общности жителей страны, себя уже исчерпали. Эти подходы были порождены уязвимой марксистско-ленинской теорией наций и советской теорией этноса в разных ее вариантах, вплоть до гумилевских паранаучных конструкций «жизни и смерти этносов», «пассионарности этносов», «суперэтносов» и т.п. Этносов как коллективных тел с жестким членством и с исключительными (только им присущими) характеристиками в природе не существует. Современная мировая наука (за исключением постсоветской) таким термином даже и не пользуется. Тем более им не пользуются президенты стран, да еще в отношении собственных граждан.

Чувство этнической принадлежности и даже культурный материал, заключенный в понятиях «башкир», «татарин», «русский», «еврей» и других, исторически подвижны. Это чувство составляет только одну и не самую главную из форм человеческой идентичности. Идентификация с собственным государством (гражданская, точнее, «национальная принадлежность» в общемировом смысле) гораздо важнее и повседневно значимее, чем идентификация по принадлежности к этнической культуре (или общности). Если, конечно, последняя принадлежность не используется в утилитарных целях достижения преимуществ в доступе к власти и ресурсам на индивидуальном и коллективном уровнях. Этнические предприниматели (или так называемые «профессиональные» башкиры, евреи, татары, русские и другие этнонационалисты) с этим никогда не согласятся, а федеральные политики и эксперты к такому пониманию придти пока не могут, растрачивая эмоции и энергию общества и постоянно порождая напряженность.

Достаточно сказать, что на доктринальном этнонационализме тщетно пытаются выстроить свою деятельность и современные законодатели, сочиняя законы для «этносов», как будто последние можно доставить в суд или к кассе по выплате государственных пособий. Этнос не может быть субъектом права, субъектом права может быть гражданин, а объектом законодательного регулирования – его интересы и запросы, связанные с принадлежностью к той или иной культуре, а не «национальные интересы народов», как это записано в некоторых законопроектах и доморощенных

«хартиях». В этом плане прозвучавшие замечания о необходимости уважать и развивать культурное многообразие населения России как на уровне федерального центра, так и на уровне регионов, представляются бесспорными. Вот только смысл всей этой политики должен идти от человека, а не от этноса, право говорить от имени которого чаще всего узурпируют безответственные манипуляторы.

Бесплодность старого подхода к этническому фактору отражена в бесконечных жалобах по поводу отсутствия в стране «национальной политики» и в усилиях выработать такую политику. Каждый новый состав парламента, каждый новый правительственный кабинет и даже каждый новый министр или президентский советник начинают с плача по концепции и с отрицания предыдущих работ. Кстати, одобренная президентским указом концепция 1996 г. является достаточно современным документом, согласованным со всеми субъектами РФ, в том числе и республиками. основополагающие принципы и подходы в этом документе прописаны добротно (кстати, без употребления слова «нация»), хотя определенные коррективы всегда возможны.

Кому-то хочется написать что-то новенькое, вспомнить про «государствообразующий русский народ», принять для него особый закон, чтобы проложить самый глубокий раздел в российском народе. Эти радетели, как правило, сами выходцы из числа нерусских или же откровенные популисты, подталкивают соответствующие комитеты вносить законопроекты и устраивать парламентские слушания с распространением в зале расистских и неонацистских текстов и заявлений. Если бы в Испании приняли закон о кастильском народе, составляющем большинство испанцев, а в Китае – закон о ханьском народе, составляющем большинство китайцев, то это могло бы означать начало распада данных государств.

В стране всегда найдутся политики, общественные активисты и обслуживающие их (или искренне убежденные) идеологи, которые будут заявлять президенту страны, что «русские чувствуют себя в республике комфортно, имея возможности развивать традиции и обычаи» (слова, сказанные Путину на встрече с представителями Ассамблеи народов Башкортостана). Подспудно за этими словами скрывается смысл, что в «их» республике, помимо хозяев-башкир, другие тоже имеют «возможности». Хотя, казалось бы, по всем меркам гражданского и демократического общественного устройства самая большая группа населения Башкирии в лице этнических русских должна заботиться, чтобы у этнического меньшинства – башкир – были равные с другими права и условия для культурной деятельности. Но там, где правит идеология национализма от имени меньшинства, большинство занимает место тех, чье

равноправие нужно обеспечивать. Так быть не должно, но почему-то все же происходит в ряде республик России. А в ответ в Москве или в Краснодаре рождаются аналогичные политические абракадабры типа проекта федерального закона о русском народе.

В стране явный провал обществоведческой экспертизы в сфере государственного управления этническими проблемами, и прозвучавшие в Уфе предложения по этой линии заслуживают внимания. Особенно интересно предложение о специальном советнике президента по этническим проблемам. Здесь нужны особые опыт и знание, как они нужны, например, советнику по экономическим вопросам. Тогда к тостам за российский народ и к радостям праздника сабантуй могла бы добавиться и критика в адрес тех, кто в течение ряда лет препятствовал выдаче гражданского российского паспорта, используя аргументы национализма и расизма, в том числе и в официальном обращении Государственного собрания Республики Башкортостан в Конституционный суд России. В конечном итоге паспорта все равно стали выдавать без указания этнической принадлежности граждан.

Заметные успехи Башкирии в экономике и в социальном обустройстве населения по сравнению с соседними территориями не могут служить индульгенцией от неприемлемых для страны и для общества действий политиков, управленцев и идеологов этой республики. Сами по себе эти успехи налицо, и им справедливо радовались все участники сабантуя в Башкирии. Однако после праздника есть над чем задуматься более серьезно.

Возможно, мои замечания выглядят излишне придирчивыми. Но мне известно, что и президент Башкортостана Муртаза Рахимов остро реагирует на отличные от его представлений взгляды на то, как должна быть устроена наша общая Родина и ее отдельные регионы – будь это Москва, район подмосковных дач, Башкирия или мой родной Красноуфимский район Свердловской области, соседствующий с этой республикой.

ЗАКОН О ГРАЖДАНСТВЕ, МИГРАЦИИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ*

Новый закон о гражданстве Российской Федерации, в случае его окончательного одобрения в нынешнем виде, не исправляет, а усугубляет некоторые совершенные ошибки и возникшие проблемы, связанные с распадом СССР. Ошибкой было отсутствие договоренности о введении исторического срока (например, десять лет) для определения бывшими гражданами СССР страны своего проживания и свободного обретения соответствующего гражданства. Распалась не империя, а историческое государство, в котором граждане были связаны многими социальными, культурными и личностными отношениями. Вполне естественным было их желание, в зависимости от ситуации в каждом из новых государств и собственных интересов, выбирать, где им удобнее, безопаснее и перспективнее жить. Никакой другой принцип (место рождения, этническое происхождение, языковая компетенция и пр.) не мог быть взят за основу обретения гражданства. Человек, родившийся в Алма-Ате, учившийся в Ленинграде, работавший в Харькове, имел полное право обрести гражданство не только Казахстана, России и Украины, но и любого другого государства, образовавшегося на территории бывшего СССР. К сожалению, такой подход в условиях быстрого распада и нового геополитического соперничества, а также в силу слабой компетенции новых лидеров и управленцев не был реализован, и эта возможность ушла в прошлое.

В таком случае нынешняя политика в сфере гражданства и миграции должна исходить из современных и будущих потребностей новых государств. В чем заключаются эти потребности, если исходить из задач развития и обеспечения наиболее благоприятных условий жизни населения? Почти для всех постсоветских государств, кроме Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, они состоят в привлечении внешних демографических ресурсов – одной из основ социально-экономического развития. Причина этого кроется в современном типе воспроизводства населения постсоветских государств, которое отличается низким или даже отрицательным естественным

* Опубликовано: Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюллетень, 2002. № 41.

ростом населения. Кроме этого, ряд стран (Казахстан, Азербайджан, Армения, Грузия, Молдова, Украина и страны Балтии) переживал в 1990-е годы заметную эмиграцию населения, которая направлялась в Россию или в страны Запада. В этом плане страной-получателем мигрантов была только Россия, которая благодаря данному обстоятельству почти компенсировала потери населения, если, конечно, считать всех иммигрантов, находящихся в стране.

В принципе, за человеческие ресурсы должна была бы вернуться конкуренция между государствами бывшего СССР. Тем более что советские граждане представляют собой вполне качественное и культурно схожее население, которое может относительно легко адаптироваться и приносить пользу стране нового проживания. Однако и этого вполне ожидаемого и рационального отношения к миграции не наблюдается. Главной помехой стала дискриминационная, основанная на неоправданных страхах, на сиюминутных личных расчетах и на намеренно разжигаемых фобиях, миграционная политика новых государств. Эта сфера государственного управления и эта сторона общественной жизни оказались новыми вызовами, совладать с которыми не позволило отсутствие должной компетенции и благоприятного общественного климата. Во многих случаях возобладал шкурный интерес: пожить в освобождающемся жилье или занять престижные должности отъезжающих на «историческую родину». В ряде государств верх взял патологический национализм, нацеленный на строительство этнически гомогенной нации с явным демографическим большинством. Потери, которые понесли от такой политики почти все постсоветские государства, намного больше, чем мифические выгоды с обеспечением становления независимых наций и их безопасности.

В выигрыше оказалась пока только Российская Федерация, которая была и остается наиболее притягательным местом жизненного обустройства, уступая в этом качестве, пожалуй, только странам Балтии. Тот трудовой вклад и те услуги, которые оказывают нашей стране постоянно проживающие или временные мигранты, поистине огромны, и эти дивиденды страна будет получать еще долго. Россия может и должна строить свою политику на дальнейшем привлечении иммигрантов из стран бывшего СССР. Ее территория и ресурсы, а также трудовые потребности вполне могут позволить принимать не менее 1 млн мигрантов в год. Селиться мигранты будут в городах, тем более что процесс формирования городских центров далеко не исчерпан. Именно города составляют источник роста страны и ее дальнейшей модернизации. Попытки направить мигрантов на подъем пустующих сельских территорий являются тщетными. Тем более что адаптация мигрантов в селах идет гораздо сложнее по ряду причин.

Что нужно сделать в связи с намерением государства реформировать миграционную политику и «навести порядок» в данной сфере? Прежде всего, срочно решить проблемы облегченной регистрации и трудоустройства уже находящихся в стране нескольких миллионов временных (или незарегистрированных) мигрантов. Это должно включать и быстрое предоставление российского гражданства. Сделать это нужно как можно быстрее, чтобы новые жители страны попали в учет так называемого постоянного населения в ходе российской переписи. Дополнительные 2–3 миллиона жителей смягчат апокалиптические прогнозы о вымирании россиян и не позволят России по численности населения уйти из первой десятки стран мира, позволив выйти вперед тому же Пакистану, где вообще с точки зрения учета населения – настоящий «проходной двор». Высокий ранг государства с точки зрения численности населения является не таким уж маловажным, и об этом следует заботиться.

Чтобы исправить негативную тенденцию нескольких последних лет, когда многие молдаване и украинцы стали предпочитать уезжать на заработки не в Россию, а в Турцию, Румынию, Болгарию, Грецию или Италию, нужно внести дополнение к принятому Закону о гражданстве и установить для жителей постсоветских государств облегченный режим въезда, получения права на работу и обретения гражданства. Этот вопрос имеет не только экономическое, но и политическое значение. Чем больше молдаван будет зарабатывать себе на жизнь в России, тем меньше будет антироссийских митингов в Кишиневе. Приравнивание граждан стран СНГ ко всем другим иностранцам по условиям въезда в Россию и проживания в ней – это ошибочный шаг с точки зрения как экономики, так и политики.

Наконец, есть проблема адаптации и восприятия мигрантов в российском обществе. Вопросы криминального поведения или неуплаты налогов мигрантами должны быть адресованы не столько самим мигрантам, которые в массе своей ведут себя послушно и даже покорно, терпя многие лишения и сверхэксплуатацию их труда, сколько российским работодателям. Обеспечить соблюдение правил и условий их пребывания обязаны соответствующие органы власти, а также работодатели. Именно последние, а не сами мигранты, являются неплательщиками налогов. С них и должен быть первый спрос. *Мигранты нуждаются в защите и поддержке со стороны остального общества, а не в презрении и отторжении. Для этого необходимо объяснять выгоды, которые страна и каждая конкретно местность получают от труда новых граждан и временных мигрантов.* К сожалению, в России имеет место обратное:

многие политики и средства массовой информации занимают антииммигрантские позиции, разжигая неоправданные страхи и ксенофобию, вплоть до поощрения деятельности экстремистских групп.

У России небогатый опыт приема большого числа мигрантов из других стран. В XX в. его вообще не было. Но в прошлые века массовые заселения мигрантов (немцев, поляков, корейцев) помогли освоению и развитию многих территорий страны. Сейчас наступил именно такой исторический период, когда без массовой внешней иммиграции страна не сможет развиваться. И благо, что эта иммиграция только формально является внешней, а на самом деле она остается движением населения в рамках исторического российского государства. Если Россия не воспользуется этой благоприятной ситуацией в ближайшие годы, тогда через десятилетие ввозить иммигрантов придется из стран Африки и Азии. Они тоже могут быть неплохими и даже очень полезными жителями страны, но «свои», бывшие советские все же лучше.

Мне представляется, что инициативу в обновлении иммиграционной политики могли бы взять на себя не столько Москва, сколько российские регионы, хотя в Москве и принимаются основные законы по части миграции и гражданства. Кто раньше поймет преимущества иммиграции, тот и выиграет в развитии и в обустройстве собственного населения. А на Закон о гражданстве было бы полезно наложить президентское вето.

ОБ ОБНОВЛЕНИИ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ*

Прошло семь лет после утверждения Указом Президента РФ Концепции государственной национальной политики Российской Федерации. Есть резон обновить этот документ с учетом изменений в реальной жизни и новых идей по поводу управления сложным многоэтничным обществом. Как обновить концепцию?

Во-первых, следует изменить само название данной сферы политики и государственного управления. «Национальная политика» – это политика обеспечения национальных (государственных) интересов страны и российского общества на внутренней и международной арене. То, что несколько десятилетий называлось «национальной политикой», на самом деле есть политика в отношении российских национальностей, или этнонациональная (точнее – этническая) политика. Именно так эта сфера общественной жизни и управления называется в других странах, даже в тех, кто пребывал под воздействием марксистско-ленинских концепций «национального вопроса». Взаимоотношения федеральных властей с республиками, конечно, гораздо шире, и они не ограничиваются сферой этнокультуры, но эти отношения – от экономики до политики – есть отношения государственно-административного образования (субъекта федерации) с федеральным уровнем власти и органами власти других субъектов. Сюда входят и общественные связи, скажем, населения Татарстана или Удмуртии с населением остальной страны или какого-то другого субъекта федерации (скажем, соседних). Все это не стоит делать предметом этнонациональной политики, тем более, что так оно и есть на практике: приезжая в Москву, президенты Татарстана и Удмуртии посещают и решают вопросы со многими руководителями – от президента страны до руководителей министерств.

Во-вторых, следует более четко определить цели и содержание политики. Действующая концепция содержит важные и значимые формулировки, но есть ряд проблем и направлений, которые в ней были обозначены недостаточно. Если говорить об общей стратегии,

* Опубликовано: Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюллетень, 2003. № 48.

то должен быть сформулирован основной принцип политики в данной сфере – это обеспечение условий для равноправной интеграции граждан любой этнической принадлежности в общероссийское социально-экономическое и культурное пространство, т.е. не только сохранение культурного своеобразия! Эта двойная стратегия больше отвечает интересам рядовых граждан разных национальностей, которые хотят, чтобы их дети разговаривали без акцента и писали сочинение без ошибок на русском языке, чтобы они могли поступить в хороший вуз и получить образование. Лидерам национально-культурных автономий и крайним националистам из числа интеллигенции это может не понравиться, хотя их собственные дети чаще всего ходят в английские спецшколы, а не учат удмуртский или марийский языки.

В-третьих, нужно концептуально обозначить такое направление, как противодействие разным формам крайнего национализма и экстремизма, включая вооруженную сепессию и религиозный экстремизм. В 1996 г., когда принималась Концепция эта угроза не была столь ясна, и политический ответ носил импровизационный характер. Теперь есть необходимость вспомнить положение документа 1992 г., который обсуждался на заседании правительства и не был одобрен, о том, что политика должна предусматривать меры по нейтрализации позиций крайних националистов и экстремистов. До сих пор никто «санитарией» межэтнических отношений не занимается кроме правоохранительных органов в самых крайних случаях.

В-четвертых, следует более широко представить направления собственно этнокультурной политики, начиная от концептов образования и языковой политики. Что есть «национальная школа», особенно «русская национальная школа»? В стране есть национальная (общероссийская) система образования, которая должна носить более богатый, с точки зрения разных наследия и традиций, характер, а также иметь региональный и этнокультурный компонент там, где это необходимо для той или иной общины. Кто спонсирует дополнительные усилия в этой сфере? Где пределы разнообразию и в чем состоят обязательные параметры государственного образования?

Насчет языковой политики нынешняя концепция не имеет четкого ответа, а проблем здесь много. Как бы ни было сложно, но нужно менять содержание понятия «родной язык». Родной язык означает основной язык владения и использования. Русский язык является родным для миллионов россиян нерусского этнического происхождения. Родных языков может быть два, если человек в равной степени владеет и пользуется обоими языками, считая их родными (и они не обязательно должны быть «языком своей национальности»).

В-пятых, следует обновить разделы, касающиеся миграции и соотечественников за рубежом. Сейчас существуют отдельные концептуальные документы по данным политическим сферам, но у миграционной политики есть этнические и религиозные аспекты, как и у диаспорных связей через государственные границы. Пока можно сказать одно: процесс «диаспоризации всей страны» должен быть остановлен. Граждане государства, проживающие на его территории, не могут считаться диаспорой, как не являются диаспорами татарская или чеченская общины в Москве. Иначе нам придется причислить к диаспорам половину населения страны.

Наконец, действующая концепция должна по-новому прописать ресурсы и механизмы исполнения этнонациональной политики, обозначив сферы ответственности многих министерств и ведомств: от Минфина до Главархива. Особо следует прописать координирующую роль ведомства, отвечающего в правительстве за эту политику.

Важно учесть, что действующая концепция не настолько плоха, она создавалась с учетом мнения всех субъектов федерации и федеральных ведомств и была ими одобрена. Пока обновленный документ не пройдет тот же самый процесс, старый остается в силе.

ТЕРРОР И МОРАЛЬ*

С террором невозможно мириться, потому что террор направлен против невинных людей и против человеческой жизни как высшей ценности. Трудно смириться с тем, что погибло так много красивых людей, большинство которых еще только начинали свою жизнь в этом скромном, но очень достойно выглядевшем городе Республики Северная Осетия. От имени всего сообщества российских этнологов и от имени членов Сети этнологического мониторинга выражаю глубокие соболезнования всему народу Северной Осетии, включая членов Сети этнологического мониторинга Александра Дзадзиева и Льва Дзугаева, которые потеряли своих близких в этой трагедии. Мы выражаем соболезнования и поддержку президенту республики Александру Сергеевичу Дзасохову.

Россия не смирится с террором и одержит победу в этой трудной борьбе. В равной мере невозможно мириться с позицией, которая провоцирует, поддерживает и оправдывает террор или которая использует терроризм в утилитарных политических целях. Две недели после Беслана были наполнены не только выражениями соболезнования, но и размышлениями о том, какие уроки должны извлечь из случившегося общество и государство. Помимо уже высказанного экспертами по терроризму, политиками и рядовыми гражданами, отметим несколько направлений, которые необходимо отслеживать и которым следует противостоять в борьбе против терроризма. Речь идет не о правовых и организационных мероприятиях и даже не о политических мерах, а об идеологических и морально-нравственных сторонах феномена современного терроризма. Речь идет о более широком круге косвенно участвующих в производстве террора, без воздействия на который с целью нейтрализации или хотя бы ограничения его влияния победить терроризм невозможно.

Трудно подвергать мониторингу террористические акты, а тем более – их предупреждать, но мониторинг терроризма как общественного явления необходим, и предупреждать его можно. А в случае уже совершенного акта важно не позволить террористам достичь своих целей и минимизировать нанесенный ущерб, чтобы не

* Опубликовано: Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюллетень, 2004. № 56.

поощрять продолжение террора. Эта ситуация реакции на терроризм также поддается мониторингу. Сеть этноконфессионального мониторинга должна выработать дополнительные индикаторы по этому направлению.

Беслан подтвердил, что у вооруженного конфликта и у террора есть не только исполнители и заказчики, но и более широкий круг сочувствующих, чья позиция поощряет террористов и ослабляет противодействие им. Терроризм против России и на территории России имеет моральную поддержку среди тех, для кого наша страна остается главным геополитическим соперником, и для тех, кто жаждет реванша в отношении бывшего «старшего брата». Воины «холодной войны» и бойцы против коммунизма никуда не исчезли: они просто стали борцами против России как «новой империи» или как страны – средоточия разных пороков. В составе «Американского комитета за мир в Чечне», особенно в его инициативной части, присутствуют более чем знакомые лица: Збигнев Бжезинский, Александр Хэйг, Макс Кампельман, Стефен Соларц, Гленн Говард, Мортон Абрамовиц, Николас Данилофф, Джон Данлоп, Пол Гобл, Пол Хенце, Ричард Пайпс, Питер Реддувэй, Маршалл Гольдман и еще пара десятков лиц, которые обязаны своей карьерой разного рода службам и занятиям, связанным с СССР и с постсоветскими государствами, включая новую Россию. Именно эти люди вместе с Американским институтом по исследованиям публичной политики (программа «Новая атлантическая инициатива» во главе с Радемом Сикорским) провели в декабре 2003 г. в Вашингтоне конференцию на тему «Катастрофа в Чечне». Отчет об этой конференции в Интернете вместе с биографиями выступавших – это программа продолжения вооруженной сецессии любыми средствами на Северном Кавказе и коллективный портрет ненавистников России, для которых прекращение войны в Чечне без ее отделения от России – это больше чем «трагедия чеченского народа», это – личная драма. Именно Бжезинский и Говард прибрали к рукам масхадовского пособника Ильяса Ахмадова и за материальное содержание манипулируют им в своих целях, именно они добились предоставления политического убежища этому активному участнику террористического сообщества Масхадова – Басаева. И это только два примера из деятельности так называемых общественных организаций в странах Запада, которые в изощренных академических и политических формах поощряют террор против нашей страны.

Ясно, что пожизненная русофобия Бжезинского останется с ним до конца, как и мало вероятно, что прекратят свою борьбу с Россией те, кто посвятили этому делу значительную часть своей карьеры, получив генеральские чины, профессорские позиции и известность

«ведущих специалистов». Но зачем нам, россиянам, будь это мои коллеги по экспертному сообществу, журналисты, издатели или чиновники, выдающие въездные визы, выражать подобострастие или простое равнодушие к взглядам и деяниям тех, кто отливает слова ненависти, убивающие не меньше, чем пули? Зачем переводить и издавать достаточно слабые научные и публицистические работы Пайпса, Бжезинского, Данлопа и других, если даже в самих США современное поколение считает их вымирающими мастодонтами «холодной войны»? Если бы автор настоящей книги позволил себе даже малую часть такого же отношения к США, а тем более занимался бы антиамериканской деятельностью, а не наукой, нет сомнений, что у меня были бы серьезные проблемы в отношениях с коллегами из этой страны и с получением американских виз. Почему нет никаких проблем у таких антироссийских параноиков, как американец Бжезинский или француз Андре Глюксманн? Мне это непонятно.

Могу подтвердить, что после событий 11 сентября в США многие российские эксперты и настоящий автор достаточно осторожно высказывались о причине и последствиях этой трагедии, дабы не затронуть патриотические чувства американцев. Эта нация, включая прессу и ученых, была консолидирована вокруг общей беды и обсуждала, как победить террористов, объявивших войну Америке. Подвергать сомнению эту установку было трудно, а извне – невозможно без того, чтобы не получить в ответ как минимум моральные санкции. Но тогда почему со стороны России столь аморфное отношение к тем западным ученым и политикам, кто до сих пор вещают, что ФСБ взорвали жилые здания в Москве, что Масхадов и Закаев не имели отношения к Басаеву, что террористический акт в Беслане не есть часть международного терроризма? Почему ведущий радиостанции «Эхо Москвы» в разговоре с корреспондентом CNN о происходившем в Беслане старательно заменял слово «террористы» на почти безобидные «захватчики», «боевики» и т.п., и это лицемерие не стало хотя бы предметом критики и более разборчивого отношения к размещению рекламы и к участию в передачах этой радиостанции?

Трагедия в Беслане стала моральным падением Запада, и не следует закрывать на это глаза. Западным экспертам и журналистам никто не дает установок, кроме их самих, их спонсоров и их боссов. Тогда правомерно задаться вопросом, почему газета «Уолл-стрит джорнел» 8 сентября 2004 г. опубликовала статью Гарри Каспарова «Путин должен уйти», а после убийства Ахмада Кадырова поместила на своих страницах мерзкую статью Глюксманна, в которой он назвал этот теракт справедливым возмездием «ставленнику

Москвы» и «подлинному террористу»). При этом в распоряжении газеты был текст совсем другого содержания, посвященный этим же самым сюжетам, но он не был опубликован. Кто, кроме самого автора Каспарова, несет ответственность за откровенную клевету о продолжающемся уничтожении чеченских сел российской армией и за вытекающий отсюда подстрекательский вывод о справедливости возмездия в Беслане: руководитель бюро этой американской газеты в Москве или его боссы в главной редакции? В любом случае журналистское сообщество в России должно было выразить свое отношение к грубому выпадку влиятельной западной газеты против России и ее президента. Или в России и по отношению к России все дозволено?

Большой внешний круг симпатизирующих и моральных пособников террора против России теперь дополнился представителями новых членов Европейского сообщества, которые вышли из состава СССР или из числа его сателлитов с родовой травмой антиросийскости. Беслан показал, что у новых врагов России есть свои особо изощренные аргументы. Как считает автор книг о Чечне, польский обозреватель Хенрик Сухар, Россия виновата в том, что более 120 лет Польша отсутствовала на картах Европы, и поляки не забыли расстрелы польских граждан в Катыни: «Поэтому события в России мы оцениваем с учетом нашего прошлого, в котором накопилось много «незакрытых счетов», связанных с российско-польскими отношениями» (Известия. 2004. 7 сент.). Кто же будет следующим в своем оправдании терроризма против России? Вполне возможно, это будут украинские националисты, требующие от России «закрыть счет» по вымышленной цифре в 5 млн жертв «голодомора» начала 1930-х годов, или прибалтийские энтузиасты получения репараций с России за осуществленную модернизацию этого региона в послевоенные десятилетия. С этими новыми реваншистами что-то нужно делать и им что-то нужно противопоставлять хотя бы на уровне научных аргументов и политического воздействия, а не оставлять без внимания опасные увлечения наказанием России через независимость Чечни.

Одним из аргументов внешних сторонников террора против России являются ссылки на мнения и писания самих россиян. «О том, что за взрывами домов в Москве и Рязани (?) может стоять ФСБ, писали российские газеты» – такими словами подтверждали свою правоту докладчики на вышеупомянутой конференции в Вашингтоне. «Но ведь об этом открыто пишут Политковская и Бабицкий?!» – часто можно услышать от западных коллег в дебатах по Чечне. И поэтому «Уолл стрит джорнел» не случайно опубликовала статью Каспарова: казалось бы, кому еще доверять, как не столь

известному гражданину России? В том и состоит драма российского общества, что его элита не консолидирована вокруг некоторых базовых ценностей, как, например, непреложное признание Конституции и легитимности законно избранной власти, которые являются обязательными для ответственного гражданина. Само понятие «ответственный гражданин» в нашем общественно-политическом языке фактически отсутствует. Отсюда развязная в отношении государства и власти обработка радиослушателей Андреем Черкизовым, слова которого через два дня почти дословно повторял мне московский таксист, выдавая их за собственное мнение. Вот уж где подлинный «рикошет», а не в телефонных звонках слушателей известной радиостанции.

С самого начала кризиса на Северном Кавказе более десяти лет тому назад высокопоставленные деятели, а не только ученые и журналисты, позволяли себе заявления, что «Чечню нужно отпустить», что «Чечня рано или поздно все равно уйдет», что «Дагестан мы можем потерять», что Северный Кавказ – это не Россия, и подобные разрушительные сентенции. Более того, российскую государственность подрывали не только вооруженные сепаратисты, но и местные националисты, сторонники разных «национально-самоопределяющих» проектов, «народных движений» и даже «народных ополчений». Кстати, последние снова вылезли в Беслане из полулегального состояния и фактически были признаны федеральными и республиканскими властями как «освободители собственных детей». Если Конституция России не позволяет насильственное отделение ее территории, и в ней не предусмотрены народные ополчения, то оба эти проявления (вооруженный сепаратизм в форме терроризма и народные освободители) есть вызов государственному порядку.

Автор настоящей книги не ставит в один ряд террористов и людей в тренировочных костюмах с автоматами, бегавших вокруг захваченной школы вместе с профессиональными бойцами спецназа. Но пока Северный Кавказ не станет жить строго по российским законам, его население будет страдать от хаоса и насилия, а его политикам не удастся обеспечить эффективное государственное управление, не говоря уже об успешной борьбе против террористов. Террор в Беслане снова обнаружил опасные проявления местных национализмов, которые могут спровоцировать вспышки межэтнического насилия – одной из целей террористов на Северном Кавказе. В газете «Известия» от 7 сентября 2004 г. уже появилась статья владикавказского профессора по поводу цивилизационной близости осетин к славянству и «решения снизу всех назревших проблем», связанных с «приходом с территории соседней

республики терроризма». Под соседней республикой имеется в виду Ингушетия, которую снова обвиняют в агрессии. Эти местные взгляды мало чем отличаются от взглядов внешних пособников терроризма: все они ведут к разрушению основ государственного порядка в стране и гражданского мира. События в Беслане должны раскрыть нам глаза на многое, что до сих пор оставалось незамеченным или воспринималось с благодушной терпимостью. События в Беслане не должны позволить возмущению и ненависти ограничиться верхушечными или низовыми трагическими глупостями.

КРИЗИС ПОНИМАНИЯ РОССИИ*

Бунты и революции происходили в прошлом далеко не в те моменты, когда низы не могли, а верхи не хотели жить по-старому (известная ленинская формула о причинах революций). Социальные катаклизмы потрясают государства чаще всего во времена глубоких перемен в жизни людей и во времена политического раскола элит в борьбе за ресурсы, а также идеологической сумятицы среди интеллектуалов. Все эти три фактора между собой связаны, хотя действуют по-разному. Но главное – это отсутствие того, что можно назвать *базовым согласием по поводу основных вещей*: каковы предназначение человека, его интересы и устремления, что есть страна и ее народ, какова наша жизнь и место страны в мире, почему нужно подчиняться закону и уважать Конституцию.

Если нет базового консенсуса хотя бы среди наиболее активных и управляющих слоев общества, тогда нет и самого общества. Есть некая метафора «народной массы», от имени которой манипулируют активисты социального пространства. Вот тогда по поводу малых причин и происходят большие катаклизмы с большими последствиями. Это уже потом историки находят исторические «закономерности» и «неизбежности», как, например, формула «распада последней империи» для объяснения дезинтеграции СССР. Распадись завтра Китай или Индия по схожим причинам этнорегионального сепаратизма и раскола элит, эти ныне считающиеся легитимными государства-нации также могут оказаться в категории «последних многонациональных империй».

ОБРАЗ СТРАНЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Собирательные образы страны и народа имеют огромное значение в структуре национальной идентичности граждан и для внешних восприятий. В наше время эти образы невозможно разделить на внутренние и внешние: как мы думаем сами о себе, так и думает о нас остальной мир. Хотя может быть и наоборот: как внешний мир по тем или иным историческим, геополитическим и культурным причинам конструирует и насаждает образ той или иной страны, так и сама

* Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Вып. 1. М., 2005. С. 50–60.

эта страна начинает жить в навязанном образе. Но чаще всего имеют место оба совпадающих или конкурирующих между собой процесса, в итоге которого и складывается образ со всеми его оттенками.

Как правило, тот или иной народ имеет позитивный самообраз и не ставит себя ниже соседей и представителей других миров. Все страны стремятся создать собственный позитивный образ. Он необходим для нормального социально-психологического самочувствия людей, для обеспечения лояльности и сплоченности населения, для благоприятных внешних контактов и для привлечения в страну капиталов и туристов. Если у большинства населения нет схожего и позитивного представления о стране и о государстве, тогда и нет этого государства. *Национальная идентичность есть общеразделяемое представление гражданина о своей стране, ее народе и чувство принадлежности к ним.* Она не менее, а даже более важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. Государства создаются людьми и существуют потому, что каждое новое поколение его жителей разделяет общее представление о государстве и признает его.

Это совсем не означает, что все поголовно и одинаково должны любить Родину, служить народу, выполнять еще какую-либо коллективистскую миссию. Любой человек на Земле, в том числе и россиянин, родился в этот мир прежде всего, чтобы исполнить собственную социальную миссию – благоустроить свою жизнь, как можно дольше прожить, родить и воспитать детей. Этические и мессианистские установки (служить нации, защищать свободу, каяться или гордиться, нести добро, помогать людям и подобные установки) – это скорее для политиков, чтобы собрать людей на митинг или на выборы; для религиозных проповедников, чтобы помочь людям в ситуациях перед лицом вечных вопросов ценности жизни, болезни и смерти; для воспитателей, чтобы здоровый эгоизм и личное преуспевание не вредили другим, чтобы человек осваивал нормы поведения ответственного гражданина. Те, кто пишет в научных трудах или взывает на митингах, что «человек рожден не для себя, а для нации», и в этом видит национальную идею России, сам в этой жизни ни одного дня по этому принципу не прожил. Так думают и живут только подвергшиеся идеологическому воздействию экзальтированные одиночки или обработанные спецметодами и религиозными проповедями незрелые и травмированные люди, готовые стать живыми бомбами.

Без позитивного образа страны и признания необходимости порядка никакое правление невозможно. *Порядок первичен по отношению к форме, в которой он осуществляется.* То есть сначала нужно установить и признать порядок в лице государства (других более универсальных и эффективных механизмов обеспечения порядка среди людских сообществ пока не придумано). Затем

общество вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и которому принадлежит это государство. Таковым может быть согражданство, территориальное сообщество, т.е. *демос*, а не этническая группа, которую в российской науке называют интригующим словом *этнос*, имея под этим в виду *некое коллективное тело или организм*. Эти представления, пришли к нам из советской идеологии и науки, которые, к сожалению, не исчезли вместе с другими ложными конструкциями. Этнонационализм умудрился занять место других развенчанных идеологем.

О РОССИЙСКОМ НАРОДЕ И ЕГО ОТРИЦАТЕЛЯХ

Как это бывает в периоды общественных трансформаций с но-вообращенными управленческими и экспертными элитами и в ситуации новых геополитических соперничеств, положение в России по части самопонимания сложилось драматическое. Представление о России построено на отрицании страны как аномалии, на мифах и на клеветнических вымыслах. От президентских советников и политических оппозиционеров до ведущих обозревателей и ученых — многие сегодня разделяют представление о крахе благополучной страны в результате неудачных реформ, об ухудшении жизни людей за последние 15 лет, о криминальном государстве и о «самой развитой из неразвитых» стран, как определил автор одного из общественнополитических еженедельников (Политический журнал. 2005. № 1. С. 40).

Профессиональные клеветники России типа Збигнева Бжезинского жаждут, когда Россия станет «собственно Россией» (без «колониальных владений»). Псевдострадатели по России типа Стивена Коэна полагают, что Запад своим «крестовым походом» намеренно уничтожил Россию и довел ее до краха. Среди россиян таких единомышленников много, а «Московские новости» вообще представили Бжезинского как «истинного патриота России», отведя его портрету всю первую полосу (2004. 24–30 сент.).

В отличие от повседневных проявлений общности в профессиональных, семейных и местных коллективах, элитные элементы (политики, ученые, журналисты, деятели культуры) как-то сторонятся представления о российском народе как об единой гражданской, исторической и социально-культурной общности. Отчасти, возможно, сказывается испуг от быстрого политического (но не гуманитарного!) распада советского народа. Но это напрасные страхи. Население нашей страны обладает высокой степенью единства в смысле общих ценностей, культурной гомогенности, межэтнического и религиозного взаимодействия, которым могли бы поза-

видовать многие крупные государства, утверждающие с разной долей успеха идею единой нации среди своего населения. Причем, население этих стран, в отличие от России, не может разговаривать между собой на одном языке и пребывает в состоянии гражданской войны десятилетиями. Достаточно назвать Индию, Испанию, Китай, Индонезию, Мексику, Нигерию, ЮАР и десятки других стран, где этнического и языкового однообразия нет, а концепция единой нации есть, и она реально сплавливает страну.

В России – наоборот: есть реальное единство при сохранении этнокультурного разнообразия среди россиян, но нет представления об едином народе, его национальных интересах и национальной культуре. У нас национальные интересы народа – это партикулярные запросы граждан татарского, осетинского, кабардинского, якутского, бурятского этнического происхождения. Национальная культура, национальное образование в России – это не российская культура и образование, а аварские, даргинские, марийские, мордовские и прочие культуры и школы. А далее сразу следует «выход в мировую культуру», как бы минуя российскую. Идеологи этнонационализма проводят линию, что татарский, башкирский, марийский, мордовский и другие культурные компоненты – не есть часть российского культурного арсенала, а это части полумифических «тюркского мира», «финно-угорского мира» и прочих «татарских миров».

Получается парадокс: люди живут веками в России, бок о бок с русскими, украинцами, немцами, коми и прочими, работают вместе, женятся и растят детей, общаются между собой на одном языке, а ученые и политики убеждают их в каких-то других мирах, помимо российского, – действительно древнего, реального, повседневного, жизненно важного для каждого. Следом за националистической идеологией принимаются государственные программы поддержки россиян, родные языки которых лингвисты поместили в одну так называемую языковую семью. А уже за ними следом, только с противоположным смыслом, эстонские политики вносят в ПАСЕ проект резолюции о нарушении прав финно-угорских народов в России. Обе эти *позиции спонсирования этнического партикуляризма есть по сути отрицание российского народа, а значит, и России.*

Помимо этнонационализма представителей российских меньшинств, не менее существенным разрушителем «российскости» выступает национализм шовинистического толка, для которого «россияне» – это некий эвфемизм, а Россия есть потому, что есть русские, хотя в разные исторические времена русскими называли или всех православных, или всех восточных славян (великоросов, малоросов и белорусов). Узко этническое содержание русские обрели только в период строительства «социалистических наций».

Нашу страну уже назойливо достало употребляемое множественное число «народы России», и пока мы не начнем наряду с этим утверждать понятие российского народа, ничего не получится. Не нужно ничего «формировать» и делать из татар или бурят россиян, а тем более – русских. Задача ответственных экспертов – терпеливо и настойчиво (пока не дойдет хотя бы до журналистов) объяснять, что *российскость как идентичность и российский народ-нация – не результат внутренней унификации, а естественное наложение на множество внутренних этнокультурных различий, которое существует среди населения страны.* Россияне – это свершившийся факт, и только малая просвещенность, узколобый национализм или политический интерес стоят за утверждением о провале проекта гражданской российской нации.

Итак, отказ в признании России как нормальной страны, восприятие российского народа в формуле «многонациональности», а не сложного единства, есть провал отечественной экспертизы. Это есть догматические и националистические заблуждения, намеренно поддерживаемые внешними противниками России. Национальную идентичность россиян нужно утверждать более последовательно, и не только редкими высказываниями президента. Нужно прежде всего признать, что она существует, а не есть просто благодушная мечта. Дальше отрицать и разрушать российскость недопустимо.

ПАРАДИГМА КРИЗИСА КАК УГРОЗА РОССИИ

Кризис саморазрушения начинает угрожать современной России и по другой причине. За последние 15 лет наша страна с точки зрения условий жизни людей пережила самые позитивные перемены в своей истории, с которыми не может сравниться ни один предшествующий период. В мире мало найдется других крупных стран, которые отличились столь мощным прорывом в своем развитии. Даже любимое нынешними отрицателями России сравнение с якобы более успешным Китаем представляется сомнительным. Подавляющее большинство населения нашего великого соседа продолжает ездить на велосипедах, а детская смертность среди китайцев (один из самых надежных показателей уровня жизни) в три раза выше, чем среди россиян.

Напомним, что по принятым мировым стандартам определения уровня человеческого развития в 2004 г. Россия вместе с Болгарией открывает длинный список стран со средним уровнем развития, а Китай и многие другие страны (Мексика, Бразилия и др.), похожие на Россию, прилично отстают от нашей страны. Причем, есть сомнение, что составлявшие Доклад ООН о человеческом развитии

за 2004 г. эксперты были точны. Их расчеты не позволили России замкнуть группу из 50 стран с высоким уровнем развития, ибо они пользовались нашей заниженной статистикой о доходах жителей страны, да и по политическим причинам не могли отвести «бедной» и «криминальной» стране, якобы потерпевшей крах своей модернизации, место среди самых развитых стран мира. Пусть это останется на совести авторов доклада. Но даже при этом Россия вместе с Болгарией занимает 51–52 места и входит в так называемый «золотой миллиард» (это легко считается), из которого мы сами себя исключили.

Чего нельзя простить, так это замалчивание российским экспертным сообществом вышеназванного вполне достойного международного заключения по поводу уровня развития России. Ибо признание означает крах многочисленных замеров, обследований, опросов, защищенных диссертаций и написанных книг и статей по поводу кризиса и краха России. А уж в журналистских и политических оценках по каким только показателям Россия не ставилась на последнее место в мире: и по темпам вымирания, и по числу бездомных детей, и по наркомании, и по заболеванию туберкулезом, и по угнетению меньшинств, и по краху культуры. Один из примеров – это отведенное нам недавно американской организацией «Фридом хаус» место в кампании с десятком азиатских и африканских режимов как «несвободных стран». Российская «несвободная пресса» сладострастно комментировала это заключение без всяких возражений, демонстрируя отсутствие того самого базового консенсуса внутри элит страны. Естественно, не пытаются разубедить нас в том, что якобы «мы лежим на дне», и зарубежные ученые-обществоведы. «Если вы сами заявляете, что построили криминальное государство под пиратским флагом, то какой нам резон убеждать вас в обратном», – сказал мне как-то американский коллега, занимающийся Россией. Действительно, зачем убеждать в обратном, если «бедные» и «слабые» в лучшем случае могут рассчитывать на сочувствие и помощь, но никак не на учет и уважение их интересов, прав, собственности, мнений, достоинства, достижений?

Лет пять тому назад автор гулял по Милану с еще одним зарубежным россиеведом. Коллега рассуждал, что Россия не европейская страна и таковой не будет по своему развитию и по своим ценностям. Так случилось, что мне на глаза попала афиша с репертуаром театра «Ла Скала», а на ней почти половина авторов и исполнителей – с русскими именами. «Получается, что пользоваться культурным достоянием страны можно, и без него невозможно представить культурную Европу, а пускать в свой клуб предпочитаете Турцию?» – спросил я. «Ну, Турция – это для Европы демографический насос, поставщик населения и не более, а вымирающая

Россия нам зачем?» – был ответ. – «У вас скоро вообще половина населения останется, если раньше не перебьете друг друга».

Эти слова все чаще вспоминаются в последнее время как тревожное предчувствие, что Россия может пойти по второму кругу саморазрушения в один из наиболее удачных периодов своего существования. Возможно ли такое? Да, возможно. Эту грозную возможность вижу не в выступлениях пенсионеров и думских радетелях. *Опасность возможного социально-политического краха видится в утвердившейся в головах людей парадигме кризиса. Образ кризиса в головах реален и опасен, хотя наша повседневная жизнь совсем не такая.*

ПРОИЗВОДИТЕЛИ И ПОТРЕБИТЕЛИ КРИЗИСА

Современный человек во многом создает свои представления не из каждодневной личной практики, а из газетно-телевизионной информации, политических призывов активистов, научных и литературных текстов, профессорско-учительских наставлений, и даже из слов эстрадной попсы. А здесь на все лады распевается главный мотив про «родину-уродину», про бедность и кризис. В зрелых обществах и в профессиональных экспертных сообществах достаточно хорошо знают про феномен субъективных предписаний, включая так называемую психологическую бедность.

Известно, что многие граждане развитых стран просто обязаны с утра прочитать в своей газете (будь это «Нью-Йорк таймс», «Уолл-стрит джорнел» или «Интернешнл геральд трибюн») прежде всего так называемые «эдиториэлс» (редакционные статьи или статьи-мнения), чтобы знать, «как нужно думать сегодня». Газетные боссы об этом осведомлены и стоят на страже политической конъюнктуры. Та же «Уолл-стрит джорнел» может поместить статью своего московского корреспондента о развитии российской экономики, но статью-мнение отдаст параноикам и русофобам типа американского политолога Бжезинского, французского философа Глюксманна или российского шахматиста Каспарова. Именно их образы «фашиствующего Кремля в океане бедности» и «бунтующих колониальных владений» остаются в памяти читателей, т.е. основной массы общества.

Примерно то же самое происходит и в нашей стране, где все население грамотное, смотрит телевизор, читает газеты, и по старой привычке верит им еще больше, чем жители западных стран (в странах Азии и Африки большинство населения газет не читает, а телевизоры далеко не в каждой семье). В России в языке всех телеведущих и газетных авторов стала обязательной присказка: «в наше трудное время». «Ну, разве может так быть, чтобы у вас

было хорошо, когда в стране так все плохо?», – отчитал радиослушателя Владимир Соловьев в своих «соловьиных трелях». «У нас, в России, с 1904 года идет столетняя гражданская война», – ставит предновогодний диагноз авторитетный обозреватель Виталий Третьяков. Не говорю уже о «желтой прессе» и о разных «патриотических», «общенациональных народных газетах», где язык саморазрушения и ненависти раскручивается в каждом номере и в каждой публикации. Талантливая и амбициозная, но недостаточно просвещенная и часто граждански безответственная отечественная журналистика почти вся представляет из себя те самые «эдиториэлс» – каждая статья и даже заметка о новостях содержат выводы-приговоры. А уж карауловский тележанр отрицания России – это вообще наказ прокурору и призыв к бунту.

Но откуда берутся многие факты, представления и оценки среди самих журналистов? Отчасти, кризисный дискурс уже сам по себе стал ловушкой, из которого не могут выбраться журналисты, политики и эксперты, если они не хотят «оторваться от масс». «Нет, про то, что жить стало лучше, мы писать никогда не будем. У нас не та аудитория, – сказала мне редактор газеты “Труд”, когда несколько лет тому назад автор настоящей книги предложил свои статьи по теме российских трансформаций. – Вот Римашевская – это наш автор». Известно, что Н.М. Римашевская, возглавлявшая академический институт по проблемам народонаселения, все эти годы выступала одним из основных экспертов по демографической катастрофе и обнищанию населения страны. И здесь скрывается одна из тайн производства кризиса, о которой необходимо сказать.

Многие кризисные мифы простой человек, а за ним и журналист (или наоборот) не видит в жизни и не может их увидеть! Он не видит как «вымирает народ», ибо в его доме и городе продолжают жить люди, в школах классов становится не меньше, в метро, в театрах и в магазинах людей даже больше, чем было десять лет тому назад. О вымирании он должен прочитать, увидеть статистику, что 700 тыс. или даже 1 млн «вымирает» (не умирает, а именно вымирает!) в год и только тогда это становится частью его собственного представления, озабоченности и даже страдания. Именно после прочтения текстов специалистов по народонаселению журналист «АиФ» пишет статью о переписи населения под названием «Пересчитают, сколько нас осталось!» А осталось оказывается столько же, сколько было в 1989 г., если прибавить минимум 3–4 млн не посчитанных мигрантов и запершихся людей в загородных особняках.

Не из жизни, а из газет, а газетчики от общественных активистов и специалистов по социальным проблемам узнали о том, что в стране 4–5 млн беспризорных детей – больше, чем в годы гражданской войны! Хотя, проживающий в столице (почти 8% насе-

ления страны) россиянин лично никак не может увидеть и малую часть, якобы, полмиллиона беспризорников. В итоге их оказалось всего лишь несколько тысяч на всю Москву! Но образ беспризорных детей России уже гуляет по стране и по всему миру. Под рубрикой БОБ «МК» (2000. 15 сент. С. 3) в статье «Каждый десятый беспризорник на земле родом из России» сообщала: «По данным ЮНИСЕФ, всего в мире 100 миллионов брошенных детей. Примерно каждый десятый из них – из России. Похоже – это единственное «достижение», по которому мы все еще «впереди планеты всей». Откуда идет весь этот бред, как не от «специалистов» и активистов детских фондов, собирающих деньги на свою деятельность? Посмотрели бы сколько беспризорных детей на улицах Мехико или других городов не самых бедных стран.

Именно ученые определили в нашей стране «зоны бедности» и не перестают писать о них, называя первой из таких зон Северный Кавказ, прежде всего Ингушетию. Судят только по статистике Госкомстата и по некоторым выборочным обследованиям, методика которых сложилась еще в советское время или же применяется совсем для других обществ. Создается фантом, который поддерживается политиками, чтобы выторговать федеральные трансферты в обмен на политическую лояльность и запугивание угрозами распада. Федеральный центр и российский налогоплательщик закачивают в «зоны бедности» огромные средства, а положение совсем не улучшается с точки зрения занятости и стабильности.

По всем позициям многое в оценках положения в стране и сути произошедших перемен идет от ученых и специалистов, от госорганов, которые собирают информацию, а также от экспертных общественных служб, которые замеряют реакцию опрашиваемых на вопросы и тиражируют через прессу эти ответы уже под названием «экономические и социальные перемены», т.е. выдавая их не за реальность восприятий, а за социальную реальность. Но если задавать такие вопросы, «как вы относитесь к празднику 7 ноября, который был установлен в другую историческую эпоху?» (время конца феодальной Смуты, видимо, считается нашей эпохой!) или «как вы относитесь к людям, которые разбогатели в последние годы?» или «как вам в жизни удается сводить концы с концами?», то станет ясно, какие можно получить ответы.

Именно по этой причине *проблема адекватного понимания России становится первейшей научной задачей отечественного обществознания*. Коллегам по науке обществоведения хотелось бы предложить начать более профессиональный разговор по конкретным проблемам вместо глобальных дебатов «куда идем и что строим?» Этот разговор обязательно подхватят дотошные журналисты и к нему прислушаются политики.

Глубокие и быстрые перемены в жизни общества, даже если они происходят к лучшему, воспринимаются многими, особенно старшим поколением, как нарушение привычного порядка вещей, а значит, чаще всего как негативные. Не лучше ведут себя и политики, ибо многие из них пребывают в оппозиции к тем, кто во власти занят управлением страны. Каждая новая пришедшая к власти команда также не очень жаждет признавать заслуги предшественников, чтобы потом возвеличить собственные результаты.

По профессиональному долгу и по призванию ученые-обществоведы подвергают анализу различные стороны происходящего в стране и в мире. Но часто они разобщены по узким дисциплинам, используют плохие фактические данные и устаревшие методы анализа, которые уже мало что отражают и которыми невозможно замерить новое общество. Скажем, что может сказать размер фиксируемой средней заработной платы о реальных доходах и жизни людей? В России полтора десятка лет скрытые экономика и зарплата, дополнительные заработки, включая домашние ремесла и собирательство, браконьерство и воровство, подношения и взятки, родственник обмен услугами и денежными средствами намного перекрывают фиксируемую сумму доходов у большинства населения. Даже выборочные обследования домохозяйств не могут дать адекватную оценку уровня жизни. Здесь социологию полезно дополнить этнографическими наблюдениями, когда размеры жилья и меняемой валюты, структура питания, проведение отпусков скажут гораздо больше про бедность и достаток.

Не стоит сбрасывать со счета неизбежную политизированность ученых. Они также живут в том же самом идеологическом климате, они также пребывают в сфере различных властных воздействий. Более того, ученые-обществоведы активно участвуют в политической борьбе, зачастую поставляя политикам и СМИ наиболее изощренные аргументы для самых противоположных оценок и предложений.

Тем не менее ситуация не столь безнадежна. На основе более профессионального анализа можно и нужно достичь нового консенсуса в понимании России. Иначе опасность разрыва между этнографией нашей жизни (повседневной реальностью, заботами и устремлениями) и макроанализом, теоретической схоластикой, опросами мнения и публицистической риторикой будет только возрастать. Уже сейчас этот разрыв достиг недопустимых размеров. В отечественных газетах и журналах о реальной жизни гораздо больше говорят не тексты, а рекламные публикации и объявления (это то, что покупают и потребляют в качестве товаров и услуг граждане,

а иначе бы все это не рекламировалось!) Только из рекламы в СМИ, на дорогах и в метро можно узнать, что люди строят, ремонтируют, покупают, какими они пользуются услугами, где учатся и отдыхают, как между собой общаются и многое другое, что научная экспертиза и журналистика не замечают и даже третируют. Если разделить эти два ряда – псевдоаналитический и рекламно-потребительский – то получатся две разных страны и две разных жизни. Такое не может продолжаться долго без разрушительных последствий.

РЕАЛЬНЫЕ УЛУЧШЕНИЯ

Драма состоит в том, что *страна себя разрушает в тот самый момент, когда она переживает беспрецедентный в ее истории период глубоких позитивных перемен*. Трудно переубедить тех, кто думает иначе. Однако напомним о некоторых моментах нашей жизни, обозначившихся в конце 2004 г. Объем потребляемых населением товаров и услуг, включая продукты и лекарства, намного превысил объемы предыдущих десятилетий. В выходные и предпраздничные дни рынки, торговые центры и магазины крупных городов, в которых проживает треть населения страны, были полны покупателей, а дороги забиты автомобилями. Запрограммированные на кризис отечественные газеты и еженедельники писали о предновогодних пробках в стиле «пир во время чумы» или «катастрофы дорожного движения», хотя через страницу сообщали о таких же явлениях в других странах как о демонстрации предрождественского благополучия.

Число выехавших на зарубежные курорты россиян в 2004 г. достигло 10 млн (это на 35 млн семей), чего не могут позволить себе бразильцы или мексиканцы, которые, якобы, находятся с Россией на одном уровне благосостояния. В России сейчас почти 30 млн автомобилей и, в отличие от Китая, где большинство населения продолжает ездить на велосипедах, в нашей стране произошла всеобщая автомобилизация – явление, которое всегда и везде рассматривалось как признак радикального улучшения жизни людей. В конце 2004 г. число пользователей мобильных телефонов составило 79 млн человек. Неужели это все проигравшие от реформ?

После 1991 г. построено жилья, муниципального, частного и второго загородного больше, чем за три предыдущих десятилетия. В 2004 г. 33 человека из 100 сделали в квартире ремонт. Число студентов в вузах в 1990-е годы выросло более чем в два раза, хотя численность населения сократилась. Напомню, что в бедных странах у многих подростков нет возможности окончить среднюю школу, не говоря уже об учебе в вузе: например, в Мексике или Бразилии уровень среднего образования составляет 50%, а не 97%, как

в России. Наконец, в бедных странах коэффициент младенческой смертности (число умерших детей из 1000 рожденных и доживших до одного года) составляет не 14, как в России, а 40 и выше, как, например, в Китае, который почему-то любят чаще всего приводить в пример России. «Китай действительно созидает, а Россия, как всегда, строит руины», – сказал мне один коллега по академии.

Из негативного восприятия общей ситуации в стране, особенно результатов политической либерализации и рыночных реформ, сформировался устойчивый образ рухнувшей, обобранной, отсталой, криминальной, а теперь еще и имперско-авторитарной, почти фашистской, России. Этот образ создается многочисленными «конструкторами» и «потребителями» парадигмы кризиса: помимо уже названных, есть частные потребители кризиса (от корпораций, региональных и местных властей до общественных объединений и частных лиц), которые используют его (не кризис, а образ кризиса!) для получения займов, трансфертов, грантов, социальной поддержки и эмоционального сострадания и даже для оправдания воровства и насилия («детей кормить нечем, вот и ловим осетра», – заявил один волжский браконьер с моторного катера стоимостью в тысячи долларов).

Создателями и потребителями парадигмы кризиса являются преимущественно люди старших возрастов, ибо молодое поколение уже интегрировалось в новую жизнь и в целом преуспевает не в пример, скажем, моему времени. Еще 20 лет тому назад в гардеробе МГУ висели однотипные суконные пальто и редко – кожаные дубленки. Сейчас – дорогая, удобная и разнообразная синтетика и натуральный мех. У здания не было ни одной принадлежащей студенту автомашины, а сейчас трудно найти место для парковки. И так не только в МГУ, но и в других вузах, и не только столичных. По причинам эмоционально-психологического и идеологического характера нынешние старшие «заедают век молодых». Они своими лекциями-наставлениями и публичными оценками искажают восприятие молодых россиян, которые прошлых времен уже не помнят и многие из них склонны доверять ностальгии старших. Многие из старших хотели бы вернуться назад, но желают все же оставить своих детей и внуков в нынешней жизни. Однако так не бывает. *Общепризнанным должно быть правило, что улучшение жизни детей есть общее улучшение.*

СТРАТЕГИЯ ЖАЛОБ

Стратегия жалоб приносит скорые дивиденды, но она разрушительна в более основательном плане и в перспективе. На уровне общества и отдельного человека создается комплекс психологической

безысходности, который оказывает отрицательное воздействие на людей, в том числе разрушая их здоровье. Стрессы и самоубийства не от того, что невыносимо голодать или смотреть как голодают другие (в России найти это фактически невозможно), а от невыносимости психологической индоктринации со стороны сытых и ухоженных телеведущих, которые только и говорят о «нашем тяжелом времени» и о «невыносимости так дальше жить».

Мифические, в том числе, якобы подсчитанные Всемирным банком (конечно, на основе российской статистики), 40 млн россиян, живущих за чертой бедности, создают пугающий образ страны и провоцируют чувство социального реванша и возврата в то время, когда, якобы, жить было лучше. Эти некомпетентные данные не учитывают многие скрытые и часто основные источники доходов наших граждан, в том числе и пенсионеров с низкой пенсией, которые по принятой классификации попали в категорию нищих. Девять из десяти близких или лично мне знакомых граждан (селян и горожан) из категории «ниже черты бедности» имеют дополнительные доходы (сдача жилья, репетиторство, вязание на продажу, сбор и продажа ягод и грибов, придорожная торговля с участка и огорода), которые превосходят размеры их пенсий, фиксируемых статистикой и используемой аналитиками. Эти мои знакомые совсем не являются бедными людьми: они даже жертвуют часть своих денежных средств и труда, помогая детям и внукам, в том числе и предоставляя свой бесплатный труд по уходу за внуками, особенно в летние месяцы. Кто-нибудь считал эту нашу российскую социальнокультурную специфику, в том числе и огромную роль реципрокального (взаимовыгодного) социального обмена? Никто не считает и масштабные родственные трансферты материальных средств и услуг, особенно такое новое явление, как помощь детей родителям.

БЕДНОСТЬ И НАСИЛИЕ

С подачи не очень глубоких аналитиков и местных политиков утверждается взгляд, что корни проблем Северного Кавказа, включая терроризм, заключаются в низком уровне жизни населения и в депрессивности экономики региона. Е.Ш. Гонтмахер и другие известные специалисты по социальным проблемам, включая местных специалистов, дружными усилиями создали образ бедного Северного Кавказа, от чего, якобы, проистекают нестабильность, криминалитет, миграция, сепаратизм и терроризм. В числе самых бедных числятся Ингушетия, затем – Дагестан и другие республики. Это один из мифов нашей обществоведческой науки и статистики.

В тексте проекта рекомендаций думского заседания трех комитетов по Северному Кавказу 30 сентября 2004 г. приводились цифры отставания валового регионального продукта Южного федерального округа на душу населения почти в два раза от среднероссийского, а среднемесячной заработной платы – в 1,5 раза ниже среднероссийской. Основной диагноз – «низкое социально-экономическое развитие, невысокий жизненный уровень, трудности в получении образования в немалой степени являются причиной, порождающей терроризм и проявления экстремизма среди части населения». Аналогичным образом высказывались наши высшие руководители и некоторые известные ученые. Позволю усомниться в этом диагнозе, а значит, и в рекомендуемой стратегии решения проблем Северного Кавказа.

Следует развести два понятия. Одно дело – недостаточный уровень развития и слабая занятость населения, что действительно есть, и всегда было на Северном Кавказе с его скромными природными ресурсами и трудоизбыточным населением. Другое дело – бедность, которой на Северном Кавказе нисколько не больше, чем в большинстве остальных регионов страны, и уж, конечно, меньше, чем в центральных российских областях и в южносибирских автономиях (Тува, Алтай, Хакасия). Экспертам по Северному Кавказу следует оценивать уровень и условия жизни не по данным Госкомстата, которые совсем не отражают доходы населения «серой экономики», индивидуального предпринимательства, отхожих заработков, изъятия природных ресурсов через браконьерство и воровство. Доля этой части доходов в северокавказских республиках выше, чем во многих других регионах. Достаточно привести пример с выловом осетровых рыб и добычей черной икры в Дагестане стоимостью в сотни миллионов долларов, которые никакой статистикой не фиксируются.

Такова ситуация в России, и судить бедно или небедно живет население, только по средним заработным платам или по «бюджетной обеспеченности», невозможно. Необходимо обратить внимание на такие показатели, как размеры и качество жилья, владение автомобилями, объемы меняемых иностранных валют, состояние здоровья, число студентов вузов и некоторые другие, которые лучше говорят о том, как реально живут люди. И тогда получится, что Северный Кавказ не есть «зона бедности». Несмотря на слабую экономику, политическую нестабильность и отсутствие инвестиций, его население умеет обустраивать жизнь своим трудом и предприимчивостью, включая внеправовую деятельность. Несмотря на наличие бедных горных селений в части Дагестана или Карачаево-Черкессии, большинство сел этих республик, а тем более сел Кабарди-

но-Балкарии, Северной Осетии, Адыгеи, Ингушетии могут служить примером для других сельских регионов России.

Если же брать показатели здоровья, то население северокавказских республик находится на одном из первых мест, а Ингушетия – на первом месте среди всех субъектов Российской Федерации. Надо сказать, что в зонах бедности такого быть не может. Так же как не может бедное население посылать подавляющее большинство выпускников своих средних школ обучаться в вузах, как это имеет место на Северном Кавказе, где, особенно среди нерусского населения, престиж высшего образования остается очень высоким.

Перепись населения 2002 г. выявила данные о жилищных условиях, которые также говорят в пользу северокавказского региона: средние размеры жилья на человека в регионе заметно выше, чем в России в целом; вторая квартира есть у 3,5% россиян, в Москве таких – 5,3%, на Северном Кавказе – 6,2%.

Но самое главное в оценке ситуации в контексте противодействия терроризму и обеспечения безопасности – это ошибочное мнение, что именно бедность порождает терроризм. Страна Басков в Испании и Северная Ирландия в Великобритании не являются бедными регионами этих стран, но терроризм там есть. Да и население арабских стран также далеко не самое бедное по мировым стандартам: Индия и Китай, не говоря о странах Африки, живут гораздо беднее. Более того, если опухоль терроризма разрастается на теле сравнительно благополучно живущего населения, то у терроризма появляется больше ресурсов, позволяющих использовать более дорогостоящие средства террора. Говорю это не для того, чтобы отрицать важность социального благополучия людей для предотвращения терроризма, а для того, чтобы не строить иллюзий, что именно здесь лежит решение столь сложной проблемы.

Что же касается причин терроризма, то отсутствие вознаграждающего мирного занятия для мужчины или обеспеченной полной семьи для женщины, конечно, могут служить толчком для того, чтобы начать путь в террор. Но все же гораздо более значимыми являются факторы идеологической индоктринации на основе фундаменталистских догматов, эмоционально-психологические мотивы мести и реванша, меркантильный расчет на совершение убийства, рекрутирование личностей в закрытые террористические сообщества, где нет цены жизни и террор становится единственным занятием. В этой ситуации не только социально-экономическое развитие, но и подчинение правопорядку принесут мир и стабильность в конфликтные регионы России.

КУЛЬТУРНАЯ СЛОЖНОСТЬ, НАЦИИ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО

НАЦИОНАЛИЗМ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ*

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА НАЦИОНАЛИЗМ

Одним из ключевых понятий современной общественной науки и политического языка являются «нация» и «национализм». Их использование имеет свою длинную историю, в течение которой их содержание неоднократно менялось. В мировом обществоведении существуют две доминирующие концепции национализма, при всем их внешнем различии во многом являющиеся сходными.

Первая из них представлена традицией трактовки национализма как явления, порожденного эпохой распространения массового образования и модернизацией. Согласно этому взгляду, суть национализма заключена в коллективистской идее нации как некоем архетипе, воплощающем высшие ценности и составляющем основу государственности и власти. Именно нации позволяют якобы создавать «нормальные» общественные устройства на основе своего «национального самоопределения». Национализм в данном случае оценивается как программа политической мобилизации, узурпирующая основополагающие индивидуалистские ценности и подчиняющая права человека коллективистскому служению нации, которая есть ничто иное, как конструируемая элитными элементами общность, имеющая мало общего с «реальной» этнографией или с социологической реальностью.

Сторонники второго, «критического», направления в изучении национализма склонны рассматривать последний, особенно в его манифестных политических формах, как политическую утопию и нереализуемый сценарий, вызывающий опасные и разрушительные последствия¹. Такой взгляд на национализм представляется более адекватным, хотя европоцентристская нормативность и жесткое отрицание национализма как некоего «вируса» являются уязвими-

* Вестник российской нации, 2008. № 2. (Статья подготовлена на основе вводной главы В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана в книге: Национализм в мировой истории. Под ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. Наука, 2007.)

¹ *Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1989; Hobsbaum E. Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990; Pfaff W. The Wrath of Nations' Civilization and the Furies of Nationalism. New York, 1993.*

ми. Как отмечают некоторые авторы «новой волны», в изучении национализма «главным в исследовательских подходах сейчас должен быть отход от нормативного космополитизма, функционализма и... узкоисторического взгляда, свойственных господствующей школе англофонных теорий национализма»².

Гражданский национализм, основанный на понятии «народа» как территориального сообщества и понятии «нации» как многокультурной политической общности, считается как бы нормой человеческого общежития, по крайней мере, с тех пор как оформилась современная система государств – наиболее мощная из крупных форм социальной группировки людей. Из этой посылки исходят как большинство государственных доктрин, так и международно-правовая практика. Например, безусловным принципом международного права, отраженным в многочисленных декларациях и хартиях по вопросам суверенитета и самоопределения, является дефиниция народа как субъекта самоопределения, именно как «демоса», а не «этноса», то есть как территориальной, а не этнической общности. Эту достаточно простую вещь никак не могут осознать и внятно объяснить политикам многие отечественные обществоведы, даже из числа тех, кто избрал эти сюжеты сферой своих профессиональных занятий³.

Во многих государственных доктринах в той или иной степени присутствуют и считаются морально приемлемыми основы гражданского национализма, причем независимо от степени культурной гомогенности и интегрированности политических сообществ. Иногда этот национализм может обретать гипертрофированные для внешнего наблюдателя, но приемлемые для потребителя формы, как, например, присутствие национальных флагов в классных комнатах и на фасадах частных жилищ, исполнение песни «Америка! Америка!» на похоронном церемониале жертв оклахомского взрыва или заявление лидера республиканцев в Конгрессе США Н. Гингрича: «Пришло для нас время изменить Америку и всю остальную человеческую расу!»⁴. США – далеко не единственный пример целенаправленных и довольно результативных усилий по насаждению идеологии государственного национализма. Хотя результа-

² *Smith D.* Nationalism and Peace: Theoretical Notes for Research and Political Agendas // *Innovation*. 1994. Vol. 7, No 3, p. 219.

³ Права и свободы народов в современных источниках международного права: Сб. документов / Сост. Р.А. Тузмухамедов. Казань. 1995. См. также опубликованные от имени Президиума Российской академии наук тезисы: Международный опыт регулирования национальных отношений // *Вестник Академии наук*. 1993. № 12.

⁴ О новом подъеме национализма в США см.: *Lieven A.* An Anatomy of American Nationalism. Oxford, 2004.

тивность – это не просто вопрос консолидации самосознания, но и вопрос социальных условий жизни, политики и даже географии. Но даже при, казалось бы, неблагоприятном социально-культурном фоне государственный национализм существует как доминирующая и общеразделяемая доктрина в большинстве стран, ибо без таковой эти страны просто не могли бы существовать. Примерами могут служить такие многоэтничные страны, как Испания, Мексика, Индия, Нигерия и многие другие.

В то же время в определенные исторические моменты, особенно после окончания Первой мировой войны и вслед за завершением холодной войны, этнический национализм обретал влиятельные позиции в мировой политике, в том числе и, прежде всего, как форма реализации политической воли геополитических соперников-победителей в отношении ослабленных или побежденных регионов и государств. Таковой была вильсоновская доктрина «права наций на самоопределение» применительно главным образом к Центральной и Юго-Восточной Европе в начале XX века. Этим же объясняются отход западного сообщества от хельсинкских принципов и поддержка этнонационализма в конце XX века в регионе бывшего коммунистического мира. В академическом и политико-доктринальном планах это нашло отражение в объяснительной модели «распадающейся империи», которая доминирует в интерпретации событий, произошедших и происходящих на территории бывших СССР и Югославии.

В западной науке, представленной до этого отдельными авторами из числа каталонских, баскских, квебекских, ирландских интеллектуалов⁵, комплиментарный взгляд на этнический национализм ныне нашел более мощную поддержку со стороны академического истеблишмента. Он рассматривает этот вид национализма как закономерную реакцию со стороны культурных сообществ и меньшинств на политический тоталитаризм или нивелирующее воздействие глобальных интеграционных процессов и распространение массовой культуры. Однако такой комплиментарный взгляд распространяется преимущественно на внешний мир и носит более осмотрительный характер применительно к действительности своих собственных отечеств. Мало кто из американских коллег-обществоведов готов отстаивать, скажем, право на самоопределение для гавайской или навахской наций (хотя движения с подобной фразеологией существуют в США), но почти все приемлют аналогичные политические проекты внутри России. Это касается как западной,

⁵ *Cardus S., Esfrich J. Politically Correct Antinationalism // International Social Science Journal. 1995. № 144. June. Pp. 347–355.*

так и, отчасти, российской общественной мысли. Для последней никакой «подвижки» и не требовалось в силу глубокой включенности основных постулатов этнонационализма в ведущиеся на протяжении многих лет общественно-политические дискуссии и широкой популярности так называемой советской теории этноса.

Попытки создания обеих типов наций – этногенеалогических и гражданско-территориальных – основаны на культуре и идеологии «национализма». Важно понимать этот дуалистический характер национализма, чтобы объяснить сохраняющуюся привлекательность и способность обслуживать более широкие запросы социально-экономического, политического и идеологического характера. Национализм означает одновременно идеологическую доктрину и обширную символическую субстанцию на основе самых разных сентиментов. Идеология национализма основана на постулате, что мир состоит из отдельных, четко различимых наций, каждая из которых обладает собственным характером. Нация есть единственный легитимный источник политической власти. Каждый индивид должен принадлежать и демонстрировать высшую лояльность одной и только одной нации. Нации должны быть автономны предпочтительно с собственными государствами. Только тогда могут быть обеспечены глобальные свобода и мир. К этой сердцевине националистической доктрины ее приверженцы добавляют самые разные темы и аргументы, отражающие особую историю и «характер» каждой нации. У немцев это выступает в виде представления о языковой чистоте, восходящего к германскому романтизму. У русских националистов мы нередко встречаем рассуждения о национально-религиозной миссии панславизма, у африканских – идеи негритуада.

Но есть нечто общее, что можно назвать *культурой национализма*, которая пронизывает политическую доктрину во всех ее вариациях. Это, во-первых, повторяющийся центральный мотив или идеалы автономии, единства и идентичности (самосознания). Во-вторых, это полный набор символов и ритуалов, связанных с драматической репрезентацией нации. Существуют как бы ключевые мотивы, проявляющиеся в писаниях и действиях националистов повсюду, хотя и в разной степени. Нам обязательно говорят, что нация должна иметь свой собственный характер и должна отличаться от всех других (похожих или идентичных наций не бывает). Нация должна быть аутентичной и индивидуальной в национальном смысле. По этой причине нация должна быть «свободной», т.е. действующей автономно на основе «внутренних законов» именно этой абстрактной общности и без каких-либо внешних ограничений. Эти законы и ритмы отражают или выражают безупреч-

ное единство гражданского сообщества, где все его члены якобы разделяют общий набор ценностей и представлений и скрепляются общей и единой волей. Братство, семейное равенство и интеграция членов нации являются социальным идеалом как и территориальное и правовое оформление (выражение) нации. Единение граждан в политическое сообщество основывается на мифе фиктивного происхождения и героической судьбы (иногда страдания). Как пишет Э. Смит, «из этих ключевых мотивов вытекает целая гамма символов, которые выражают культуру и вызывают к жизни драматический образ нации. В национальных флагах и гимнах, мемориалах и памятниках, парадах и церемониях, монетах и банкнотах, столицах и местах публичных собраний, искусствах и ремеслах, музыке и танцах, – во всем этом как бы вываривается и формируется гордость и надежда тех, кто обозначается как «общность по истории и судьбе» и кто стремится придать событиям и вылепить себя в образе этих самых идеалов. С этой целью современная нация сограждан должна всегда прибегать к идеализации собственного прошлого, обращаться к мифам об этническом происхождении, линиях преемственности и развитии, и, сверх всего, обретать свои «золотые века», которые определяют ее путь и наделяют ее уверенностью перед лицом неизвестного, а также национальных героев, чьи заслуги и достоинства вдохновляют подражателей и питают экзальтированную веру»⁶.

НОВЫЕ СМЫСЛЫ СТАРЫХ ПОДХОДОВ

Давняя традиция изучения национализма пережила два наиболее плодотворных этапа уже в новейшее время и в какой-то мере, казалось бы, дала исчерпывающий ответ на тот самый вопрос о неуловимой природе национализма, которую сравнивали с образом «двуликого Януса». Сначала М. Хрох, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Л. Гринфелд и другие в 1970–1980-е гг. раскрыли природу национализма как политического проекта (доктрина плюс основанная на ней практика) и его связь с процессом становления современного государства, развитием капитализма и модернизацией. Затем, отталкиваясь от Б. Андерсона, Р. Брубейкера, Р. Суни и другие последователи теории социального конструктивизма и интерпретативной антропологии убедительным образом показали дискурсивную природу национализма как одной из наиболее распространенных

⁶ *Smith A. The Politics of Culture: Ethnicity and Nationalism // Companion Encyclopedia of Anthropology. Humanity, Culture and Social Life. Ed. by Tim Ingold. L.-N.Y.: Routledge, 1998. P. 726.*

«практик», которая совсем не означает необходимость реификации (вызывание к жизни) социальных реалий, находящихся в центре националистического дискурса. Скорее, сама реальность национализма как форма интеллектуальных и политических дебатов порождает не менее жесткие реальности в форме коллективных мобилизаций на основе эмоций, убеждений, веры, рационального расчета и иррациональных побуждений.

Между тем, старые подходы 1960–1980-х гг., связанные, прежде всего, с именами Уолкера Коннора и Энтони Смита, не были сданы ими же самими, а последний произвел своего рода модификацию своей концепции «этнических корней» наций, придав дополнительный смысл понятиям культурной и эмоциональной приверженности «историческим корням». Интерес и уважение к работам У. Коннора продемонстрировали, в частности, организаторы ежегодного съезда «Американской ассоциации по изучению национальностей», когда в программу 2004 г. была включена специальная сессия, посвященная работам этого ученого. Кроме того, старые реалистские подходы оказались затребованными в новой геополитической ситуации, когда нужно было доказать легитимность так называемых «национально-освободительных движений» или борьбы за «национальное самоопределение» от имени «не самоопределившихся наций» в рамках бывших СССР и Югославии. Этот запрос сохраняется и поныне в западном экспертном сообществе, но с выборочной направленностью: в отношении одних наций можно допустить, что это «воображаемые сообщества», в отношении других вопрос ставится иначе. Этот вопрос сформулировал директор так называемой «Новой атлантической инициативы» Радек Сикорский на конференции по теме «Катастрофа в Чечне», прошедшей в Вашингтоне в декабре 2004 г. (уже после Беслана!): «В какой мере Чечня – это проблема терроризма, и в какой мере это есть традиционная национально-освободительная борьба?». Отсюда должно быть понятно, что не «воображаемые сообщества», а «примордиальные нации» типа чеченской нации ведут борьбу за свое национальное освобождение и самоопределение.

Следовательно, желание использовать трактовку национализма как программу и как орудие борьбы конкретных исторических субъектов под названием нации за свои освобождение, статус, интересы и права оказывается очень востребованным в новых геополитических соперничествах. Именно это политическое обстоятельство продлевает жизнь традиционным интерпретациям, которым обучены не только старые профессора и их студенты, но и политики и общественные активисты вышеупомянутых «движений» и «борьбы». «Мы стали называть себя единой “нацией Дене” вме-

сто старых племенных названий, чтобы все аборигенные группы Северо-Западных Территорий получили от канадского правительства территориальное самоуправление и другие права», – заявил автору статьи 20 лет тому назад индейский лидер Уильям Кафки, когда тот проводил свои исследования в Канаде. «У нас настроение революционное. Всю жизнь нас обучали, что такое национально-освободительные движения и революции», – сказал автору Таймаз Абубакаров, министр в правительстве Дудаева и руководитель чеченской делегации на переговорах в декабре 1994 г. Однако если тех, кто в Канаде и США посмел бросить вызов существующему государству, посадили в тюрьму как «сепаратистов», то тех, кто встал на путь вооруженной сецессии в России, назвали «борцами за свободу». Похоже, что политические симпатии в пользу избранных «борющихся наций» (грузин, украинцев, эстонцев и других бывших советских меньшинств) будут сохраняться еще очень долго, так же как будет сохраняться взгляд на аналогичные ситуации (абхазы, южные осетины, курды и другие) как на внешне манипулируемые мобилизации.

Есть еще одно важное обстоятельство, продлевающее жизнь традиционному взгляду на национализм. В рамках новой исследовательской парадигмы «постколониальности» многие историки, антропологи, политологи из стран Азии и Африки, а также западные ученые, выходцы из бывших колониальных стран, с большой пользой эксплуатируют концепт национализма для изучения ранних форм антиколониальных движений этнокультурного характера и тем самым для дополнительной легитимации нынешних зачастую достаточно неустойчивых национальных государств. Постколониализм как концепт оказался интеллектуальной подпоркой для обоснования этнических и других партикулярных корней новых национализмов в странах Азии и Африки, причем, в обеих его ипостасях – гражданской (индийский, индонезийский, ланкийский национализмы) и этнокультурной (бенгальский, сингальский, тамильский национализмы). Здесь исследовательское поле только еще разрабатывается, и сегодня число специалистов по национализму в Индии или в Индонезии уже превышает число их коллег в Великобритании или США. Безусловно, что развитие местных сообществ в зонах колониального мира или в протогосударственных сообществах неколонизованных регионов, включая некоторые формы «высокой культуры», как, например, письменность и газеты у индейцев Флориды до европейской колонизации или существование и деятельность бенгальской элиты в период британского колониального господства, представляют большой интерес для истории.

На 15 сентября 2005 г. поисковая система Google обнаружила в Интернете 13 800 000 ссылок на слово «nationalism», а русскоязычная система «Яндекс» дала более 400 000 страниц ссылок и около 1500 сайтов, содержащих понятие «национализм». Между тем, под изучение национализма (nationalism studies) все больше попадают темы и сюжеты, имеющие косвенное отношение к национализму и сами по себе представляющие самостоятельные исследовательские поля для разных дисциплин – от истории до политологии. Так, например, в исследовательское поле национализма оказался втянутым такой организующий концепт и политическая субстанция как «государство» по той причине, что все государства пребывают в категории «национальных государств» или «наций-государств» и, конечно, проводят политику национальной консолидации и обеспечения национальных интересов. В более ранней работе⁷ автор уже высказывался по поводу того, что возникшее в эпоху формирования современных государств понятие «национальное государство», как и понятие «государство-нация», имели смысл только в противопоставлении их уходящим с исторической сцены политическим образованиям, основанным на божественном происхождении верховной власти и на их имперской (точнее, императорской) форме. Станным образом это обозначение дожило до сегодняшнего дня, по сути, утратив свой сущностный смысл, ибо сегодня уже нет государств, которые не самоопределяли бы себя как национальные государства, имея при этом многоэтничный состав населения. Моноэтничных государств в мире не существует, как их не существовало и в прошлом. В тех редких случаях, когда используется термин «многонациональное государство», как, например, в Российской Федерации, это на самом деле означает «многоэтничное государство», ибо в России термин «нация» отдан в исключительное владение населяющих страну этнических общностей. Но в остальных своих базовых проявлениях (территория, гражданство, конституция, институты власти, законы, идеология, образование, символика, идентичность) Россия – есть национальное государство, образованное многоэтничной российской нацией (*россияне*), а не «государствообразующими» русскими, татарами, чувашами и другими этническими общностями. Равно, как Великобритания – есть национальное государство британской нации, а не англичан, шотландцев, ирландцев или уэльсцев, а Испания – есть национальное государство испанской нации, а не кастильцев,

⁷ См.: *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 134–174.

каталонцев или басков. Едва ли найдется хотя бы одно государство из входящих в состав Организации объединенных наций, готовых объявить себя или согласиться с тем, что оно является «не национальным государством» по той причине, что его население состоит из граждан разной этнической (расовой, религиозной) принадлежности.

Таким образом, многолетние и изнуряющие исследования того, как и когда формируются национальные государства и какие из них до сих пор ими не стали или не могут таковыми считаться («нация не сформировалась», «единый рынок не сложился» и т.п.), в силу изначально ошибочной задачи не могли принести удовлетворительные результаты. В действительности имеет место исторический процесс (или эпоха) формирования и редких случаев распада государств современного типа с разной формой политического устройства, в которых в разное время, с разной долей успеха и в разных формах совершаются политические и идеологические усилия по утверждению концепта единого народа или нации (кстати, в большинстве стран мира последнее слово даже и неизвестно). Делается это для обеспечения необходимой солидарности, лояльности и даже любви и преданности населения «своему государству» в целях более эффективного управления, организации общественной жизни, обеспечения внутреннего согласия и внешней защиты (без лояльности граждане не пойдут служить в армию, а без патриотизма не пойдут воевать). Эти усилия стали необходимы с момента ухода с исторической арены государств старого типа, когда источник власти и легитимность государства определялись «помазанником Божиим» и «хозяином земли Русской» (как это было в Российской империи). Именно с этим связано почти обязательное появление понятия народа (нации) как суверена и источника власти.

Некоторые исследователи возводят начало национализма в том или ином государстве не к появлению самого слова «нация», а к появлению в общественном дискурсе понятия «народ». Так, например, Лиа Гринфелд, американская исследовательница истории национализма в разных регионах мира, полагает, что в России национализм рождается с появлением объединяющего и внеэтнического понятия «российский народ», т.е. во времена М.В. Ломоносова и Н.М. Карамзина⁸. Последний, как известно, написал специальный очерк «О российском народе». Ясно, что это еще было время преобладающей неграмотности, многоязычия и многобожия, если говорить о массе населения, которое никак не могло осознавать себя единым российским народом. Но это было время именно появления элит-

⁸ *Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992.*

ных усилий по использованию и внедрению самого концепта, который подвергался постоянным вызовам со стороны приверженцев партикулярных (этнических, регионально-местных, религиозных) идентичностей. Если мы признаем дискурсивную природу *национализма без нации*, а не некую идеологию существующего коллективного тела под именем «нация», тогда такой подход к выявлению корней и природы национализма приемлем. Но, к сожалению, многие исследователи исходят из реалистского (эссенциалистского) мировидения: если есть национализм, то должна и быть реальная нация или же общность на пути к тому, чтобы стать нацией.

Например, бесплоден поиск ответа на вопрос (его задают исследователи или сторонники государственного/гражданского национализма), когда Франция стала национальным государством, обретя тем самым, якобы, некое новое качество по сравнению с прежним, или на вопрос в другом варианте (его задают исследователи и сторонники этнического национализма) – когда французская нация обрела «свое» национальное государство? Известно, что Франция больше, чем какое-либо другое государство, «озабочено» проблемой нации и в какой-то степени является родоначальником самого концепта нации как согражданства (так называемое якобинское понимание нации). Во время Второй империи и Третьей республики (вторая половина XIX века) вопрос об утверждении французской идентичности и своего рода пропаганда единой французской нации и ее культурного превосходства были одними из главных приоритетов власти и интеллектуальной элиты. Немецкий историк Вольфрам Кайзер убедительно показал это на примере французского участия во всемирных выставках: «В 1855 году, когда первая всемирная выставка прошла в Париже, французский язык на самом деле был чужим языком во многих частях Франции, где существовали региональные языки и местные диалекты. Многие французы были неграмотны, и национальная печать развивалась очень медленно. Короче, патриотические чувства не казались столь естественными для многих жителей страны, особенно за пределами Парижа. В 1855 году французская нация еще во многом оставалась воображаемой общностью и существовала, прежде всего, в умах политической и культурной элит»⁹.

Элитное происхождение национализма, казалось бы, сегодня признается всеми. Одновременно остаются популярными трактовки М. Хроха и Э. Геллнера об успешном рекрутировании

⁹ *Kaiser W. Vive la France! Vive la Republique? The Cultural Construction of French Identity at the World Exhibitions in Paris 1855–1900 // National Identities, Vol. 1, No. 3, 1999. P. 227. Самое обстоятельное и для своего времени пионерское исследование на эту тему см.: Weber E. Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France 1870–1914. Stanford, CA, 1976.*

массового сознания в пользу идеи нации и выдвигаемых от имени нации политических проектов. Приведем замечание одного из специалистов по проблемам этничности и национализма Томаса Эриксона: «На уровне самосознания национальная принадлежность – это вопрос веры. Нация, представляемая националистами как «народ» (volk), является продуктом идеологии национализма, а не наоборот. Нация возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порожаемое городской элитой. Тем не менее, чтобы стать эффективным политическим средством, эта идея должна распространиться на массовом уровне»¹⁰.

Действительно, судя по последним исследованиям, для «возникновения нации» одной элитарной идеи бывает недостаточно. Греческий историк Ставрос Бороз в своей статье в журнале «Национальные идентичности»¹¹ установил, что во второй половине XIX века внедряемая высшими слоями общества и бюрократиями национальная символика далеко не так уж и захватывала «массы». В Лондоне национализм и национальные символы связывались с респектабельностью и совсем не затрагивали интересы и чувства бедных и большинство неграмотного населения. В Афинах упор греческого национализма на неоклассицизм и на мобилизацию греческого классического прошлого совсем никак не отразился на простых людях, для которых все это классическое наследие, включая язык Гомера, были пустым звуком. Общность среди греков и афинян появляется только ко времени балканских войн и Первой мировой войны, когда простые солдаты узнали друг о друге, о других местах и обычаях и составили более широкое представление о том, что есть их страна «Греция». В Лондоне только миграция в центральную часть города из пригородов и из других мест благодаря дешевому транспорту породила ощущение общности и придала смысл национализму, ибо теперь он начал что-то значить конкретно для простого человека, чем просто распевание гимна или ношение Юнион-Джека.

Установление момента и характера «нации-образования» (nation formation) или «нациестроительства» (nation-building) – вопросы, которым посвящены сотни книг и тысячи статей. Но, по сути, это не вопросы состояния коллективных тел и определения их «зрелости» по неким признакам (как узнают по цвету, созрела ли тыква). Это есть вопросы изучения *дискурса по поводу нации*, прежде всего

¹⁰ Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspective. London, 1993. P. 105.

¹¹ Boroz S. National Symbols and Ordinary People's Response: London and Athens, 1850–1914 // National Identities. Vol. 6, № 1, 2004. Pp. 25–41.

элитных усилий по утверждению общегражданской идентичности под объединяющим словом «нация». Реальная культурная гомогенность населения страны или же характер власти (империя, монархия, республика, колония и прочее) к установлению того, «когда есть нация», отношения не имеют. Тем самым было бы целесообразно из современной исследовательской повестки исключить все эти устаревшие дебаты, которые лишь косвенным образом касаются вопросов изучения исторического характера и типологии государств.

ЭТНИЧНОСТЬ В ИЗУЧЕНИИ НАЦИОНАЛИЗМА

Под исследования национализма попадает также феномен этничности и обширное поле этнических штудий (ethnic studies). Причина здесь все та же: этничность в своей политической форме очень часто обращается к категории «нация», равно как и гражданские сообщества, в которых присутствует соответствующий дискурс, обращаются к образу единой культуры или единых этнических корней («этнические корни наций», если использовать название книги Э. Смита¹²). Первоначально это было характерно только для Европы, где родились сама эта категория и ее двойной смысл: яacobинский (как согражданство) и австро-марксистский (как этнонация). Правда, Б. Андерсон – один из наиболее проницательных исследователей национализма – использовал в своей известной книге исторический материал XVIII–XIX столетий по странам Западного полушария¹³. В XX веке «национализированная» этничность распространилась по всему миру, затронув как большие этнические сообщества, желающие обрести доминирующий статус в рамках существующего политического порядка или же стремящихся разрушить статус-кво и обрести собственную государственность, так и малые, включая так называемые «аборигенные» культуры. Так, например, метафору «первых наций» стали активно использовать аборигенные общины Америки, Азии и Австралии. Как только в политическом лексиконе этнической мобилизации появляется категория «нация», так почти все эти случаи оказываются объектом изучения национализма в его втором основном варианте – этнического национализма.

Однако в какой мере оправдано вовлечение в проблематику национализма изучение прошлых и современных форм коллективной

¹² *Smith A.* The Ethnic Origins of Nations. Blackwell: Oxford, 1986.

¹³ *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1991. Русский перевод: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

идентичности и солидарности, а также их политических проявлений, основанных на реальных или мифологизированных представлениях о культурном единстве и древних этнических корнях тех или иных групп населения и даже изолированных популяций? Э. Смит поместил в своей книге в качестве иллюстрации «древних европейских наций» карту политических и протополитических образований в Европе в начале XVII века. Это – сотни княжеств, городских и торгово-коммерческих образований, других административно оформленных территориальных сообществ, из которых со временем сложились разными путями, но чаще всего «огнем и железом», современные европейские государства. Однако прямого отношения к неким этнически гомогенным единицам, т.е. к социальным группировкам людей на основе одного языка и одной культурной традиции, эти образования не имеют. Они основывались, прежде всего, на принципах сеньориальных, династических, религиозных или же просто на политической воле завоевателей и той или иной степени лояльности рядовых членов этих образований, а также интересах протоэлит. При близком рассмотрении культурная схожесть оказывалась далеко не на самом важном месте, если только это не была приверженность вере.

Приведем один из примеров некорректности поиска корней наций и национализма в неких древних этносах, которые уже якобы имели не только коллективное самосознание, но и солидарное поведение и политические образования, т.е. представляли собой прото-нации. Многие отечественные историки и активисты современного национализма склонны как бы опрокидывать в прошлое представления о гомогенных этнических сообществах, которые достаточно легко устанавливаются в условиях нынешней политизированной этничности, пережившей эпоху модернизации. Татарская националистическая версия считает Булгарское государство и Золотую Орду ранними политическими образованиями татарского народа¹⁴. Русско-центристская историческая версия считает Новгородское княжество и Московскую Русь русскими государствами. Обе сходятся в том, что Куликовская битва 1380 года была битвой русских с татарами. На самом же деле Золотая Орда была многоэтничным образованием с преобладающим кипчакским (половецким) языком общения, и в ее состав входили десятки, если не сотни, различных этнических общностей. Новгородское княжество было своего рода конфедерацией славянских и угро-финских народов, а Московская Русь была еще более многоэтничным образованием. На Кулико-

¹⁴ Об этом см.: *Shnirelman V.A. Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia.* Washington D.C., Baltimore & London, 1996.

вом поле сражались не русские с татарами (такие коалиции были невозможны), а сторонники централизованного государства и его противники. В войске Дмитрия Донского были татары, в стане Мамаева были и русские¹⁵. При этом следует учитывать, кого именно считали русскими и татарами современники и какое меняющееся содержание в эти обозначения вкладывают последующие поколения обозревателей и аналитиков. Ясно одно, что этнически гомогенных государств на территории нашей страны не существовало, ибо этничность не была политически организующим принципом.

Еще меньшую роль этничность, а тем более этнические сообщества (если таковые вообще существовали как самосознающие себя по этому принципу социальные группировки людей) играли в древние времена, т.е. до эпохи средневековья. Тем не менее российская исследовательница В.П. Буданова составила обширный реестр встречающихся в античных и раннесредневековых источниках групповых названий, представив их как карту реально существовавших народов-этносов эпохи «великого переселения народов»¹⁶.

ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Безграничной экспансии исследовательского поля национализма способствуют некоторые «неаккуратные» научно-организационные формы в виде ассоциаций и журналов многочисленных специалистов по национализму. Так, например, созданная в 1990 г. при Лондонской школе экономики и политических наук «Ассоциация по изучению этничности и национализма» издает журналы под названием «Нации и национализм» и «Исследования по этничности и национализму». Хотя, как мы видели, этнонационализм действительно апеллирует к этничности, этническая тематика этим отнюдь не ограничивается, равно как национализм не сводится к одной из своих форм. Поэтому объединение двух смежных полей (государство и этничность) в рамках единой тематики национализма вряд ли оправдано. Издаваемый под редакцией Э. Смита журнал «Нации и национализм» вообще считает, что национализм – это центральная проблема современного мира, особенно после распада СССР. Тем самым, одна из центральных тем историографии нового

¹⁵ *Травин Н.* «В стане Мамаева были в том числе русские, в стане Дмитрия Донского – татары» // *Известия*, 16 сентября 2005. С. 17. См. также: *Хакимов Р.* *Метаморфозы духа* (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации). Казань: Идел-Пресс, 2005. С. 210.

¹⁶ *Буданова В.П.* *Варварский мир эпохи великого переселения народов*. М.: Наука, 2000.

и новейшего времени – формирование коллективных идентичностей по государству или по этнической общности, которая далеко выходит за рамки национализма как такового, попала в эту категорию. А причина для такой расширительной трактовки опять же кроется в языковой традиции обозначать вполне самостоятельную исследовательскую проблему идентичности с прилагательным «национальная».

В результате конкурирующее поле, обозначенное другим научным журналом «Национальные идентичности» (выходит с 1999 г.), его издатели обозначают следующим образом: «Исследование формирования и выражения национальной идентичности от античности до наших дней, выявление роли в конструировании идентичности как культурных (язык, архитектура, музыка, гендер, религия, медиа, спорт, контакты с «другими» и т.д.), так и политических (государственные формы, войны, границы) факторов и как эти факторы идентичности складывались и изменялись во времени. Историческое значение «нации» в политическом и культурном смыслах будет рассматриваться во взаимосвязи с другими важными и в ряде случаев противостоящими формами идентичности, такими, как религия, регион, племя или класс». Таким образом, энтузиасты исследования идентичности (*identity studies*) вполне обоснованно понимают под ними разные формы коллективных солидарностей, которые действительно обнаруживаются с античных и даже с более древних времен. Но только причем здесь прилагательное «национальные», если изначально слово «нация» означало в романских языках «рожденные в одном месте», а в германском средневековье – студенческие землячества и купеческие гильдии?¹⁷ Здесь налицо еще одна форма научной расширительности, окончательно запутывающая смысловое поле, к которому применяется категория «нации» и производное от нее прилагательное «национальный». Кстати, один из первых номеров этого журнала был посвящен именно репрезентации «национальных идентичностей» государств, участвовавших во всемирных выставках (ярмарках), начиная с середины XIX века.

Именно по причине «концептуальной трясины» (определение Клиффорда Гирца), в которой оказались современные штудии национализма, одним из нас было предложено в качестве одного из методологических выходов «забыть о нации»¹⁸, т.е. отказаться от

¹⁷ *Hobsbawm E.* Op. cit. Pp. 15–16.

¹⁸ *Тишков В.А.* Забыть о нации. Постнационалистическое понимание национализма // «Вопросы философии». 1999, № 1. На английском языке опубликовано: *Tishkov V.A.* Forget the «Nation»: Post-Nationalist Understanding of Nationalism // *Ethnic and Racial Studies*. 2000. Vol. 23. № 4.

данной категории анализа как несостоятельной и изучать государства как государства, этничность как этничность, идентичность как идентичность, а «нацию» воспринимать как политически и идеологически значимую метафору коллективного обозначения, за исключительное право пользования которой исторически состязаются две формы человеческих коллективов – государственные и этнические сообщества. Если же такой отказ невозможен в силу ментальной инерции и политической нагруженности, тогда следует признать возможность двойственного обозначения или двух типов наций – гражданской (политической) и культурной (этнической). Последнее, на наш взгляд, есть компромисс, с которым мы вынуждены согласиться, пока не сложился более широкий консенсус в научном сообществе. Из этого компромисса исходила идеология научного проекта, в котором приняли участие известные российские историки и этнологи, подготовившие коллективную работу под столь обязывающим названием «Национализм в мировой истории».

Мы исходим из того, что изучение национализма остается важной научной задачей не потому, что до сих пор не выяснена до конца природа этого исторического феномена или он не проиллюстрирован на достаточном количестве стран и исторических сюжетов. А потому, что в мире уже на протяжении почти двух столетий существует националистический дискурс, порождающий националистические практики, крайне значимые для общественной жизни многих стран и регионов. Исходя из этого, мы определяем национализм как *идеологический концепт и основанную на нем политическую практику, которые исходят из того, что коллективные общности под названием нации являются естественной и легитимной основой организации государств, их хозяйственной, социальной и культурной жизни, и члены нации должны демонстрировать свою преданность, а государство и лидеры – ставить выше всего и отстаивать интересы нации.* Между тем, как отмечал еще Геллнер, за националистическими лозунгами и идеологиями часто скрываются иные реалии.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (О СМЫСЛЕ ДЕБАТОВ)*

Я не философ, но хочу начать разговор об идентичности с корифея мировой философии Гегеля, у которого есть тезис, что *современное общество нашло свою разумную идентичность в суверенном конституционном государстве и философия должна представить эту идентичность как разумную*. «Только государство суверенное относительно других государств может иметь самостоятельность, которая необходима, чтобы общество в нем могло сформировать свою идентичность»¹. С тех пор, когда были сказаны эти слова, многое изменилось, и сегодня идентичность общества, а тем более отдельного человека, невозможно уместить в некой всеохватной и многофункциональной организации, какой является национальное государство, государственно-партийная машина или этническая группа. И все же, как считает другой выдающийся немецкий философ Юрген Хабермас, «государственная организация по-прежнему является тем уровнем, на котором общества формируют свою идентичность»².

Проблема национальной идентичности относится к числу горячо обсуждаемых и активно разрабатываемых обществоведами проблем. Достаточно сказать, что уже второе десятилетие выходит международный научный журнал «Национальные идентичности» (National Identities), проводятся многочисленные конференции, печатаются книги и статьи. В России сам термин «идентичность» не был распространен. Его аналогом в советском общественном сознании были понятия *национальное (само)сознание*. Различие здесь не в самих словах, которые действительно схожи. Различие было в смыслах, которые им придавались. В российском контексте смысл придается этнической идентичности, т.е. соотносению человека с определенной этнонацией и с коллективным образом этнической общности и ее культуры. В мировом контексте *национальная идентичность* – это один из видов групповой идентичности по принадлежности к нации. Последняя понимается как *государствен-*

* Вестник российской нации, 2008. № 1.

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 365.

² Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк: Изд-во «Донбасс», 1999. С. 34.

но-территориальная, политико-правовая общность на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-правовых характеристик.

Природа и содержание национальной идентичности динамичны и разнообразны, особенно в сложных по составу населения обществах, но есть некоторые общие моменты. Ю. Хабермас писал в этой связи: «Общество обладает приписываемой ему идентичностью не в том тривиальном смысле, в каком, скажем, ею обладает предмет, который может быть идентифицирован различными наблюдателями как тот же самый предмет, даже если они воспринимают и описывают его различным образом. Общество известным образом порождает свою идентичность; и тем, что оно не утрачивает своей идентичности, оно обязано своим собственным усилиям»³.

Собирательные образы страны и народа имеют огромное значение в структуре национальной идентичности граждан, а также для восприятия страны внешним миром. Эти образы трудно разделить на внутренние и внешние: как мы думаем сами о себе, так и думает о нас остальной мир. Хотя может быть и наоборот: как внешний мир по тем или иным идеологическим, геополитическим и культурным установкам конструирует и насаждает образ той или иной страны, так и сама эта страна начинает жить в навязанном образе. Но чаще всего имеют место оба совпадающих или конкурирующих между собой процесса, в итоге которых и складывается образ со всеми его оттенками. Как правило, каждый народ имеет позитивный самообраз и не ставит себя ниже других, а тем более – соседей. Все страны стремятся создать о себе положительное представление. Оно необходимо для нормального социально-психологического самочувствия людей, для обеспечения лояльности и сплоченности населения, для благоприятных внешних контактов и для привлечения в страну капиталов и туристов. Однако достичь этого достаточно сложно, а в ряде случаев просто невозможно. Тем не менее мы можем определить *национальную идентичность как общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним.*

Национальная идентичность не менее важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. *Процесс воспроизводства и сохранения национальной идентичности в мировоззренческой сфере, а в политике – отстаивание национальных интересов страны и ее народа составляет во многом то, что принято называть национализмом в широком смысле этого слова.* Когда российского президента В.В. Путина внешний мир

³ Там же. С. 8.

называл «президентом-националистом», то это действительно было близко к истине, ибо, в отличие от своих предшественников на посту главы государства – М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, он твердо отстаивал национальные интересы.

Государства создаются людьми и существуют потому, что каждое новое поколение его жителей разделяет общее представление о государстве и признает его. Это совсем не означает, что все поголовно и одинаково должны «любить Родину», «служить народу», выполнять еще какую-либо коллективистскую миссию. Человек на Земле, в том числе и россиянин, явился в этот мир прежде всего для того, чтобы исполнить собственную социальную миссию – благоустроить свою жизнь, как можно дольше прожить, родить и воспитать детей. Морально-этические установки типа служить нации, защищать свободу, каяться или гордиться и т.п. – это скорее для политиков, для религиозных проповедников, для воспитателей, чтобы человеческий эгоизм и личное преуспеяние не вредили другим, чтобы человек осваивал нормы поведения ответственного гражданина. Те, кто пишет в научных трудах или призывает на митингах, что «человек рожден не для себя, а для нации», и в этом видят национальную идею России, сами ни одного дня в своей жизни по этому принципу не прожили. Так думают и живут только подвергшиеся идеологическому воздействию экзальтированные одиночки или обработанные спецметодами и религиозными проповедями незрелые и травмированные люди, готовые или «очистить Россию от чужаков», или стать живыми бомбами. Еще этими же призывами широко пользуются ультра-националисты. Прочитирую А. Савельева (Кольева): «Вернуть себе национальную гордость можно только одним способом – вернуть себе отнятое у нас государство. Когда народ вернет себя государство, он станет нацией. Идея такой трансформации заложена в национализме: нация выше государства; выше нации – только Бог. Национализм – это путь к национальной демократии, к власти демоса»⁴.

Однако *первичность частной жизни не избавляет людей от общности, особенно по отношению к государству*, когда каждый живущий в нем имеет с ним взаимные обязательства, крайне важные для обоих. Можно существовать вне этнической группы и даже чувствовать себя более свободным, чем среди соплеменников, но в современном обществе нельзя обходиться без государства. Государство и его создатели, т.е. проживающий в нем народ, должны заботиться о поддержании этого института в порядке и благополучии. Среди разных ресурсов и механизмов государственно-

⁴ Савельев А.Н. Национальная гордость // «Золотой Лев». № 142–143, www.zlev.ru.

ства и поддержания государства в должном виде используется идеология и практика национализма в его гражданско-политическом понимании⁵. Инструмент старый и новый одновременно, и он сохраняет свою ценность поныне, а в некоторых исторических ситуациях становится ключевым.

Именно такая ситуация возникла во всех постсоветских государствах после распада СССР. В начальный период времени для нового нациестроительства здесь повсеместно (кроме России) была взята на вооружение старая советская концепция этнического национализма в варианте: нация – это титульный этнос, остальные – это меньшинства. О гражданской нации (латвийской, казахстанской и т.п.) иногда говорится вождями и некоторыми идеологами, но реальная политическая практика и общественный менталитет так и не дошли до необходимости утверждения гражданского нациестроительства. Что касается России, то новое государство – правопреемник СССР – также осталось на почве этнонационализма (нация – это этносы), но еще к тому же в первую статью Конституции была включена категория «мы – многонациональный народ». Страна многих наций сохранила этнический федерализм в форме этнотерриториальных автономий и даже укрепила его в период так называемого «парада суверенитетов».

С тех пор ситуация с нациестроительством изменилась достаточно серьезно, как в плане социологической реальности, так и в доктринальном отношении. Нынешняя Россия пребывает в процессе активного национального самоутверждения, и обращение к национализму в его гражданско-государственном варианте состоялось и оказалось полезным. Это относится прежде всего к образу страны и ее народа и к представлению о государстве, его происхождении и его интересах. Однако в вопросе о нации и национальной идентичности в России обескураживает пренебрежение дореволюционным историческим опытом, якобы, исключающим какое-либо прослеживание идеи нации и идеологии национализма в российской истории по причине имперской сущности дореволюционного государства. Попробуем исправить эту ошибку, начав с критического взгляда на историографию вопроса, то есть на то, как его понимают сами ученые-обществоведы.

Вся отечественная и зарубежная литература по проблеме нации и идентичности в дореволюционной России обращается к проявлениям национализма среди нерусских народов в форме так называемых *национальных движений* или же к национализму крайней

⁵ См. коллективный труд о национализме в различные исторические эпохи и в разных странах: Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007.

реакции шовинистического толка типа черносотенства. Государственный гражданский национализм с его постулатами народного суверенитета, национализм как идеология российской идентичности, да и сам феномен российского народа, частью которого на протяжении длительного времени были не только малочисленные «иногородцы», но и поляки, финны, прибалты, не говоря уже о русских (великороссах, малороссах и белорусах), этот феномен пребывает вне научной проблематики.

Национализм «покоренных народов» Российской империи остается одной из главных тем в области мировой историографии, а пределом теоретической новации стала концепция чешского историка Мирослава Хроха о стадиях (пробуждения, агитации и мобилизации) в развитии национальных движений в Европе⁶. Эта позитивистская и упрощенная трактовка национализма как исторически предопределенного «движения наций» от одной фазы к другой с объективными индикаторами для каждой из фаз была некритически использована в трактовке российской истории, в том числе такими видными специалистами, как немец А. Каппелер и россиянин Б.Н. Миронов. В фундаментальном труде последнего по социальной истории России позднеимперского периода государство рассматривается именно как «многонациональная империя», в которой проживали русские (20% населения в границах 1897 г.) и другие «старые» и «молодые» этносы, проходившие разные стадии самоопределения, а история «национального вопроса» сводится к истории все тех же национальных движений – русского и других этносов⁷. Авторы многих работ по «национальному вопросу в России» придерживаются именно имперского ракурса и позитивистско-примордиальной трактовки этнической субстанции как донациональной (племя или народность) или национальной общности.

Следует также учитывать, что те территории, которые со временем обрели независимость, первым делом постарались усилиями новых правящих элит *отринуть общую историю в общем государстве и представить ее в культурно изолированном от России виде*. Сначала вычеркнули себя из общей истории те, кто вышел из Российской империи в революцию 1917 года. Нынешняя польская и финляндская национальные истории рассматриваются сугубо как самостоятельные континуумы, а не как часть российской истории на протяжении нескольких веков пребывания в составе общего

⁶ Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge, 1985.

⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2000.

государства, когда существовали представления о «русской Польше» и о «русской Финляндии». Поэтому стоящий ныне в г. Хельсинки величественный православный храм воспринимается как некая историческая случайность. Затем последовали изоляционистские и сепаратистские версии прибалтов периода межвоенной независимости. Наконец, после 1991 г. родились этнонационалистические (ставшие государственными) исторические нарративы новых государств⁸.

Не признавали историю России как историю централизованного государства с элементами федерализма и культурной автономии и западные специалисты, которые в годы холодной войны разоблачали российский империализм как предтечу советского империализма. Они же после распада СССР стали критиковать новую «мини-империю» в лице Российской Федерации и обосновывать необходимость ее дальнейшего «досомоопределения». Из тех немногих, кто поддерживал взгляд на Россию как на национальное государство, будь это Российская империя или СССР, были отдельные западные историки-эмигранты, как, например, гарвардский профессор русского происхождения Михаил Карпович. Последний оказал некоторое влияние на послевоенное поколение американских историков, занимавшихся историей России. Как выказался известный историк Марк фон Хаген в адрес представителей этого направления, «никто из этих крупных историков не защищал империю как таковую; скорее, они пытались написать историю России в большей или меньшей степени как историю национального государства, или, по крайней мере, национального государства, находящегося в стадии формирования»⁹.

К сожалению, такой взгляд на российскую историю был отнесен на концептуальную периферию литературой в рамках так называемой постколониалистской парадигмы, когда история страны стала писаться как история метрополии и ее колоний. Интеллектуальная драма состоит в том, что современная отечественная историография также не рассматривает проблему российского национа-

⁸ На эту тему см.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999. Это коллективное исследование российских историков интересно также и тем, что для его авторов понятие «национальная история» объединяет в себе варианты как этнонационалистических версий истории (татарской или башкирской), так и постсоветских государственных историй (украинской, таджикской или узбекской), но исключает версии истории России, СССР и Российской Федерации именно как национальных историй, ибо эти образования авторы не относят к национальным государствам.

⁹ *Фон Хаген М.* История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 24.

лизма, ибо почти все исследователи последних двух-трех поколений были воспитаны как этнические националисты, хотя националистами сами себя никогда не считали. Национализм был и остается плохим словом для отечественных интеллектуалов и политиков, ибо другого национализма, кроме как «идеологии превосходства одной нации над другой», они не знают. Полагая, что национальные государства приходят на смену империям, многие отечественные историки не признают что-либо похожее на национальное государство в дореволюционной России. Тем более, среди историков и философов действовал мощный стереотип, что империя не может быть национальным государством. Точно так же советское и постсоветское многонациональное государство не может быть национальным, ибо оно состоит из многих наций.

Для отечественного историософского мэйнстрима и политологии длительное время оставались в силе ленинское определение России как «тюрьмы народов» и его теоретическая новация о «праве наций на самоопределение». Под нациями имелись в виду достигшие определенной исторической стадии этнические общности. В лучшем случае политика Российской империи описывалась в комплиментарных тонах как политика терпимости и патернализма по отношению к нерусским народам. Правда, следует признать, что доминирующая версия отечественной истории все же имела централистский характер. Она освещалась преимущественно в категориях и терминах, в которых обычно излагается история национального государства, а именно – как русского/российского государства. Этническое начало здесь было минимальным, а главным был взгляд с точки зрения Москвы и Санкт-Петербурга, т.е. с позиции центра власти и доминирующей русской (русскоязычной, православной и восточнославянской) культуры. Такой подход был и остается отличительным знаком национальных исторических нарративов, хотя именно как «национальная» отечественная история не называлась и не воспринималась. Она именовалась (в разных вариантах) «Историей Государства российского», «Историей СССР», «Историей России». Ничего подобного с названием типа «Национальная история России» из-под пера отечественных историков никогда не выходило.

Исторические трансформации двух последних десятилетий, кажется, окончательно затвердили взгляд на историю России как на историю «последней многонациональной империи». История завоеваний, колонизации и угнетения дополнилась детерминистскими нотами об исторической обреченности империй на гибель, о неизбывном стремлении угнетаемых ею народов к свободе, о древних корнях их «собственной государственности» и т.п. Однако объяс-

нительная модель «распавшейся империи», под которую когда-то охотно раздавались научные гранты и публиковались многочисленные труды, не способна дать ответы на многие вопросы прошлого¹⁰.

Марк фон Хаген прав, когда говорит, что в трактовке российской истории слишком грубо отождествлялись понятия «империя» и «империализм». Действительно, почему считаются признанными исторические версии таких «национальных государств», как Великобритания, Франция и Германия, которые до первой половины XX в. были империями с внешними и внутренними колониями и с неоднородным по этноконфессиональному составу населения (не следует забывать Северную Ирландию и Шотландию в составе Соединенного Королевства, Бретань и Корсику в составе Франции, а также «лоскутную империю» Бисмарка, названную Германией)? И почему Россия никогда не рассматривается как национальное государство? *Многие считающиеся национальными государства в прошлом и в настоящем типологически мало чем отличались и отличаются сегодня от России.* Тем не менее это радикальное отличие (Англия – уже давно национальное государство, а Россия – никогда) навязчиво утверждалось в мировой историографии при активном содействии отечественных специалистов. «О чем обычно забывают при изучении Российской империи, – это каким образом империи удалось просуществовать столь долгое время, как она эволюционировала с течением времени, как она примиряла друг с другом самые разнообразные сообщества и территории, вошедшие в ее состав и как сами эти сообщества и территории изменялись, оказавшись частью имперской системы», – задает вопрос Марк фон Хаген и формулирует одну из назревших задач в историографии России: «Возможен ли выход из той дилеммы, когда в одних случаях игнорируют многонациональный характер Российской империи и Советского Союза и тем самым интерпретируют прошлое России как историю национального государства, а в других случаях всячески подчеркивают многонациональный характер этих двух государственных образований лишь для того, чтобы во имя ценностей национального освобождения и национализма заклеить эти государства позором как анахроничные, приговоренные самой историей к неизбежному распаду? Существует ли промежуточная точка зрения – или несколько точек зрения – между этими крайностями, которая не была бы апологетикой ни империализма, ни кликушествоующего национального шовинизма?»¹¹.

¹⁰ Критику объяснительной модели «распавшейся империи» см.: *Тишков В.А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2005. С. 588–600.*

¹¹ *Марк фон Хаген. Указ. соч. С. 25–26.*

Я отвечаю на этот вопрос утвердительно. Да, возможна такая точка зрения, которая дает ответ на обозначенную дилемму. Причем, отмечу, что аналогичную задачу уже пробовали решить многие отечественные историки и философы. Ближе всего к ее решению, на наш взгляд, оказался П.Б. Струве. Так, например, в известной работе «Никита Муравьев и Павел Пестель. “Российская” (имперская) и “русская” (национал-центристская) идеи в политических проектах декабристов» Струве писал: «В политическом развитии России мы видим два процесса, тесно между собой связанные и в то же время в известной мере и в известном смысле расходящиеся. С точки зрения историко-социологической, нет в образовании государств различия, быть может, более основного и решающего, чем различия между единым национально-сплоченным, национально-целостным государством и Империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делало и сделали московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства и созданием Империи (подчеркнуто мною – В.Т.)»¹².

Вопросы амбивалентности, то есть сложной природы российского государства с точки зрения дилеммы «империя или национальное государство», положены в основу моих рассуждений по поводу российского народа-нации как в историческом, так и в современном контекстах. Напоминаю, что я подхожу к историческим явлениям не только как к социологическим данностям или как к проявлениям «исторических закономерностей», но и как к формам дискурсивных практик. Это позволяет говорить о степени распространенности или конкурирующей вариативности концепта национального государства, его производных или его подразумевающих. Никакой стадии или перехода от империи к нации в данном случае устанавливать нет необходимости. Конкурирующие дискурсы могли сосуществовать или присутствовать в камуфляжных формах без прямых обозначений. Российская идентичность, которую и можно назвать единственно надежным выражением нации, вообще существует давно и достаточно легко устанавливается даже без социологических опросов. В итоге, моя теоретическая посылка такова: *Российскую империю можно считать национализирующимся государством с «национальным ядром», так же как СССР заключал в себе имперскую и национальную ипостаси, не пользуясь ни одним из этих обозначений и провозглашая свое государство исторической уникальностью, а свой народ – новым типом исторической общности. Я не приемлю взгляд на российский народ как на безнациональную или наднациональную общность людей и считаю этот*

¹² Струве П.Б. Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С. 248.

взгляд заблуждением политиков и ученых, оказавшихся способными убедить в этом и часть простых обывателей.

Напомню в этой связи оценку СССР Р. Брубейкером: «Советский Союз не рассматривался ни в плане теории, и не был организован на практике как государство-нация. В то время, как государство и его граждане как целое не определялись в национальных терминах, составные части государства и его отдельные согражданства определялись в национальных терминах. Именно в этом заключалась отличительность советского режима национальности – в ее беспрецедентном устранении нации и национальности как организующих принципов социального и политического порядка с общегосударственного уровня на субгосударственный уровень. Ни одно государство не зашло так далеко в спонсировании, кодификации и институализации этнического, вплоть до конструирования в ряде случаев нации и национальности на субгосударственном уровне, и в то же самое время ничего не делая для их институализации на общегосударственном уровне»¹³.

Отсюда становится понятно, почему постсоветский отказ от терминологической национализации государства и его народа преодолевается столь трудно. В современной Российской Федерации национально-государственный дискурс утверждается при невнятности конституционноправовых основ, слабой политической теории и путанного общественного сознания. Два последних президента ясно и последовательно говорят о российской нации как об историческом и современном феномене. О российской идентичности как доминирующей форме коллективного самосознания говорят и авторитетные исследования социологов и этнологов¹⁴. Тем не менее неизбежный социологический эссенциализм (нация должна быть осязаемой вещью, как стул или стол, а не формой самосознания!) приводит к косвенному отрицанию получаемых данных, когда на их основе делается противоречивый вывод «о достаточно высокой степени внутренней интегрированности российского общества и даже возможности в обозримой перспективе (подчеркнуто мною – *В.Т.*) формирования в России гражданской нации»¹⁵. Ну почему же так не везет нашей стране по части самопонимания даже ее наиболее просвещенными гражданами?!

¹³ *Brubaker R.* Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 29.

¹⁴ См. серию социологических обследований Института социологии РАН под руководством М.К. Горшкова по вопросу российской идентичности и последнюю работу, выполненную экспертами Сети этнологического мониторинга по заказу Минрегиона России: Российская нация: становление и этнокультурное развитие. Под ред. В.А. Тишкова. М., 2008.

¹⁵ Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад Института социологии РАН. М., 2007. С. 35.

И РУССКИЙ, И РОССИЙСКИЙ*

Эта статья подготовлена мною на основе текста заключения к книге о российском народе и его национальной идентичности, которая была завершена еще в 2008 г. Академические дела не позволили опубликовать работу во время президентства В.В. Путина, как мне этого хотелось. За прошедшее время кое-что изменилось в российском обществе, хотя и не очень принципиально. Новый Президент Д.А. Медведев продолжил концептуальный курс утверждения в России национального российского самосознания на основе представления о российском народе как об исторически сложившейся гражданской нации. Тем не менее, как считают некоторые интеллектуалы, в стране остро выявилась «потребность во вдохновляющей идее, то есть идеале, образе того, какой мы хотим видеть Россию в ее своеобразии... и одновременно вписанности в общечеловеческую цивилизацию», «а идейный голод настолько всеохватен, что об этом кричит каждый публикуемый сегодня текст, каждая произносимая речь – вне зависимости от политических пристрастий их авторов, каждая даже самая скабрёзная реплика самого пошлого из наших юмористов». Автор считает, что «застенчиво безыдейные и абстрактноэлектичные речи системных политиков» ведут к тому, что на этом фоне «внесистемные идеи и их, если не идеологи и вожди, но уже апологеты множатся и крепнут... Атмосфера уныния и плюрализм безыдейности – вообще подобны условиям инкубатора для всего внесистемного и маргинального»¹.

Насчет крепнувшей маргинальности ректор Высшей школы телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова В.Т. Третьяков, пожалуй, прав. Одним из ее проявлений стало ожесточение разных форм национализма в его причудливых очертаниях, включая крайние формы ксенофобии и расизма. Но почему в современной России национализм в его этнографическом варианте (этнонационализм) остается политически выгодным и почему он находит отклик в сознании достаточно большого числа сочувствующих и явных последователей? Казалось бы, гражданско-политический национализм (включая вариант государственной державности или даже изоляционизма) –

* Вестник Российской нации. 2009. № 2.

¹ Третьяков В. Из кризиса – через Большой театр // Известия. 2008, 18 декабря.

также не менее привлекательная и, более того, вполне реализуемая и вознаграждающая стратегия. Курс президентов Путина и Медведева это хорошо продемонстрировал. Тем не менее *притягательность почвеннического, этнографического национализма остается в идеологическом и политическом репертуаре*, причем фактически без серьезной экспертной поддержки. Едва ли кто из опять-таки серьезных современных исследователей будет доказывать первичную значимость этнического и наличие у этнической идентичности некой биологической, генетической и другой природной основы. Хотя неофитов или неумных ортодоксов еще остается достаточно в отечественном общественном сознании. Особенно среди политических философов, культурологов, психологов, а теперь даже и генетиков, которые стали вычислять этногенофонд, этнический код и измерять генетические «дистанции между этносами».

Смыслы и сохраняющаяся живучесть национализмов разного толка – это большой вопрос для науки и для политики. Приведем высказывание известного немецкого философа: «Национализм – это вовсе не всегда субъективно рациональная или объективно успешная политическая стратегия. И не всегда возможно, а тем более, не так легко разжечь страх, недовольство, спровоцировать определенные восприятия и заблуждения, самоидентификации и идентификации другого – короче говоря, те диспозиции, то состояние сознания, при котором явная и рассчитанная националистическая позиция элит может быть выгодна политически. И вовсе не всегда легко поддерживать подобное националистически направленное состояние сознания после его успешного пробуждения»². Однако при всех безобразиях крайних форм национализма, национализм в современном мире жив, и главный интеллектуальный вызов, на мой взгляд, – это как придать ему немаргинальный и неэкстремистский характер, т.е. как сконструировать тот самый вознаграждающий «либеральный национализм», о котором уже много написано и сказано³. Возможно ли это? Отвечаю – да, возможно. Но только сначала нужно разобраться с несостоятельностью как государственного национализма мессианского и агрессивного толка, так и этнического национализма в его ксенофобском варианте, а уже затем вести речь о конструктивном гражданском национализме и о национальном самосознании, его идеях и ценностях.

² Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк: Изд-во «Донбасс», 1999. С. 252.

³ См., например: Lind M. In Defense of Liberal Nationalism // Foreign Affairs. Vol. 73-3. 1994.

Русский перевод см.: Линд М. В защиту либерального национализма // Пано-рама-форум. 1996/1.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И РИСКИ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМА

Четверть века тому назад американский ученый Дж. Ротшильд написал книгу «Этнополитика», в которой доказывал, что этнонационалистические позиции и стратегии, соответствующим образом оформленные и обеспеченные ресурсом, гарантируют преимущество перед другими политическими позициями и стратегиями. Люди как бы выбирают при всех прочих столкновениях кровную сторону: права она или не права⁴. Проявлений такого феномена этнополитической солидарности можно найти более чем достаточно в мире, а в России – тем более. Иногда этнонационализм в форме «зова крови» может раздражать и вызывать, как минимум, недоумение. Меня, например, удивляло все эти годы, как известные мне российские грузины не находили слов осуждения в адрес правивших последние двадцать лет в Грузии политиков. При этом российскость большинства известных мне московских грузин является для них, безусловно, первичной и им было и есть что сказать критического в адрес З. Гамсахурдия или М. Саакашвили. Точно также трудно услышать со стороны российских евреев критические слова в адрес Израиля, особенно его политики в отношении арабов или по поводу некоторых внутренних порядков. Одна из моих коллег по институту – латышка по национальности – всегда болезненно переносит критику в адрес Латвии, хотя политика этой страны в отношении нелатышского населения была осуждена повсеместно. И этот ряд можно продолжать.

Об элите титульных этнонаций постсоветских государств и говорить не приходится: они все как один избрали миссию служения своему «национальному государству». Очень многие эстонцы, узбеки, казахи, литовцы, украинцы и другие в «своих государствах» настроены этнонационалистически, и по-другому они ситуацию читать не способны или не хотят. Если это Украина, тогда в ней все принадлежит этническим украинцам, включая территорию, воздушное пространство, недра, власть, язык суда и образования и даже язык налоговых деклараций, половину которых заполняют граждане, говорящие на другом языке. И так фактически по всем постсоветским странам продолжают свое почти победное шествие бывшие социалистические этнонации.

В этой, казалось бы, стройной картине постсоветских национализмов не хватало только одного кирпичика – политики русского этнического национализма уровнем выше маргинального. Казалось, еще немного, и российский президент наконец-то скажет что-то не

⁴ *Rothschild J. Ethnopolitics. A Conceptual Framework. N.-Y.: Columbia University Press, 1981.*

о россиянах и не о российском народе, а о русских. О русском народе, который создал российское государство, как эстонцы создали Эстонию, казахи – Казахстан, украинцы – Украину и т.п. Всего-то нужно было бы сказать несколько слов или хотя бы произнести тост – «За русский народ!», как это сделал Иосиф Сталин, празднуя победу в Великой Отечественной войне. Молодые энтузиасты «нового русского проекта» уже посчитали, сколько раз слово «русский» встречалось в высказываниях президентского помощника В.Ю. Суркова. Им казалось, что словарь президента кем-то намеренно цензурировался. «Какие-то спичрайтеры постоянно вписывают президенту слово российский вместо слова русский», – жаловался Виталий Третьяков на семинаре по национальной стратегии в Общественной палате.

Российские президенты действительно до сих пор подводили русских националистов, хотя в высшем политическом эшелоне всегда были люди, ожидавшие озвучивания Кремлем русской темы. Это обстоятельство навело меня на мысль: возможно, в стратегии этнонационализма есть апробированный историческим опытом и человеческой природой позитивный смысл? Ведь взывают же татарские, башкирские и прочие этнонационалисты в России, что им очень не хватает русского национализма. Точно по тому же самому поводу сокрушаются и русские националисты. Чем вызваны эти настроения? Нет ли здесь элементарного человеческого соперничества за место под солнцем с использованием ссылки на этничность или реакции на обиды и несправедливости со стороны «других»?

Я уверен, что обращение к националистическому аргументу делается не для того, чтобы поддержать русский народ и даже русский национализм, а чтобы отыграть собственную программу, выделиться лично и, возможно, прихлопнуть всякие единство и целостность страны. А вместо этого сделать из России что-то другое – «Россию-3», по названию евразийско-дугинского манифеста. Одним из нынешней, якобы, несостоятельной «ЭрЭфии» (определение А. Севастьянова⁵) хочется сделать русское национальное государство, другим – нечто противоположное: еще более расцветшую «дружбу народов» и договорной федерализм вместе с многонациональностью. Но только как сделать из одной страны две несовместимые и нереализуемые конструкции?

Современная политическая теория показала, что «инвестировать в национализм в целом не более целесообразно, чем инвестировать в любую другую политическую позицию или идиому. В определен-

⁵ *Севастьянов А.* Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов»? // Политический класс. 2008. № 41. Май.

ные моменты, разумеется, национализм приносит большие выгоды. Но определить, когда такие периоды времени истекают, очень сложно. А когда такой момент наступает, политики и аналитики часто ошибаются, делая чрезмерные обобщения»⁶. Именно такой ошибкой чрезмерного обобщения на уровне мировой исторической закономерности была оценка националистических выступлений в советских республиках в период горбачевского правления. Именно социологи и этнологи квалифицировали переписывание «неформалами» друг у друга разных манифестов и программ и протестные акции как «национально-освободительные движения», а затем и как «революции».

Если бы элитные этнические национализмы (от армянского до эстонского) не соединились со стремлением разноэтничного населения республик отвалиться от Москвы и прибрать к рукам местные ресурсы, обрести свободный выезд во внешний мир, никаких «национальных революций» скорее всего бы и не произошло. *Идиома свободы была сильнее идиомы нации*. Но если националистическая стратегия еще сыграла свою мобилизующую роль на стадии распада СССР и создания новых этнократий, то последующая судьба постсоветского государствовоительства фактически блокируется тем же самым этнонационализмом от имени титульных этнических общностей фактически во всех новых государствах, кроме России.

Большая ошибка думать, что некая этническая украинская партия возьмет власть в стране и украинцы (без русских, поляков, крымских татар и других) будут признаны населением государствообразующей нацией. Хотя сегодняшняя украинская конституция читается именно таким образом, а украинские русские уже смирились считать себя меньшинством, а не частью нации. Тем не менее все это – переходная или преходящая ситуация. Русские, поляки, крымские татары и другие неукраинцы (но граждане Украины!) не позволят долго держать себя в дискриминируемом положении. Моновэтнической украинской Украины никогда не будет, как и не будет культурно-языковой украинизации русских, поляков или крымских татар. Украинский этнический национализм уже завел политическое развитие Украины в опасный для этой страны тупик. Сходная ситуация существует или может возникнуть в ряде других постсоветских государств.

Этнические националисты проиграли почти все предвыборные кампании 1990-х годов, но это не означает, что они не могут их выигрывать и проходить в парламенты. Случается, что этнонационалисты берут под контроль и центральную власть в государстве. Тогда

⁶ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 253.

получается совсем плохо. Им приходится воевать с теми, кто не соглашается с «главным народом», который все совершил и которому все должны быть благодарны: создал государство, развил культуру, завоевал независимость и т.п. Такие варианты не прошли и закончились войнами и политическими драмами в Югославии, Грузии, Молдавии. Не пройдут эти варианты и в других странах, имея в виду, что русские не станут казахами в Казахстане и в Казахстане будет не казахская, а казахстанская нация в качестве единственной держательницы государственности. И в Латвии будет не латышская, а латвийская нация. Как скоро? Гораздо быстрее, чем мы думаем, прежде всего, в силу ограниченности ресурсов этнонационализма.

Интересно отметить, каким образом недавно Президент Н.А. Назарбаев сформулировал новые приоритеты казахстанской внутренней политики: «...стабильное развитие нации, укрепление государственности, единство нации, уверенность в будущем». В выступлении 23 октября 2008 г. на XIV сессии Ассамблеи народа Казахстана (до этого она называлась Ассамблеей народов Казахстана – наподобие российской общественной организации «Ассамблея народов России») Н.А. Назарбаев сказал следующие важные слова: «Мы не случайно назвали нашу Ассамблею – Ассамблея народа Казахстана. Наша Конституция начинается словами – «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой». Все граждане нашей страны составляют один народ, устремленный в совместное будущее... Во-первых, мы должны разработать доктрину национального единства, которая определит основные цели дальнейшего развития казахстанского общества. Это должно усваиваться с детства. Идеи превосходства одной нации над другой противоречат вектору мирового развития и дискредитировали себя раз и навсегда. Ассамблея народа Казахстана внесла бесценный вклад в сохранение и укрепление мира и согласия в стране. Благодаря ее деятельности мы успешно прошли путь строительства общегражданской идентичности и при этом сохранили культурную самобытность всех казахстанских этносов. Теперь перед нами стоит следующая, не менее важная задача – укрепление единства народа, способного уверенно продвигаться к прогрессу и процветанию. Мы должны всегда помнить – у нас общее будущее. И оно зависит от единства всех казахстанцев! Не зря говорят: «Если народ един – он непобедим», «Дружба и братство – дороже богатства».

Конечно, у этнонационалистической политики есть свои интересы, но эти интересы узкие, неустойчивые и труднореализуемые. Одними манипуляциями и обещаниями здесь дело не выиграть. Периферийного этнонационализма Россия вкусила сполна в 1990-е годы. Его чеченский вариант переродился в вооруженный

сепаратизм с международно-террористическим компонентом. Затем на передний план вышел этнонационализм шовинистического толка. Один из его лозунгов – «Россию пора доверить русским!»⁷, или еще проще: «Россия – для русских!». Попробуем хотя бы гипотетически реализовать этот лозунг, начав с первых лиц страны и членов российского правительства. И станет ясно, что книгу с таким названием написать можно, и даже выдвинуть лозунг на выборах, прокричать его на митинге, но в жизнь воплотить нельзя, по крайней мере, в современной России.

Вот каким видел этнонационалист А.Г. Дугин следующего Президента России после В.В. Путина: «Русский народ и русская идея для меня священны. Русские не примут преемника без русской идеи. При росте реальных националистических настроений и при невозможности их воплотить в политику, русские могут сделать один жест (быть может, жест отчаяния) – это плюнуть в преемника. ... Путин дал на фоне разложившегося Ельцина и разлагающейся язвой Кавказа стране ясный русский жест, строгие желваки, холодный взгляд серых русских глаз. С ним все было понятно, и русский фактор был, не исключено, решающим. И харизма у Путина русская, и рейтинг у него русский. ... Менее “русского”, чем Путин, я полагаю, люди просто не выберут, нужен как минимум столь же русский»⁸.

Ну, а если бы президентом захотел стать один из самых любимых в народе политиков, который почти 20 лет тушит пожары и спасает население от разных катастроф, но не имеет «серых русских глаз», тогда что? А почему совсем недавно на том же самом фоне народ вполне спокойно воспринимал как возможного кандидата в президенты Е.М. Примакова, принимал премьер-министра М.Е. Фрадкова, у которых тоже не было «ясного русского жеста»? Одно могу сказать: подобными откровенно этнобиологическими аргументами эмоционально можно воздействовать и даже сильно воздействовать на обывателя и на политических маргиналов. Можно даже решить частную проблему, но для идеи российской государственности и для национальной идентичности россиян такие воззрения несут разрушительное воздействие. В таком случае, какая формула и какая идея могут быть оптимальными для России?

ФОРМУЛА ДЛЯ РОССИИ

Накануне 2009 г. Виталий Третьяков призвал к общенациональной дискуссии по общественному идеалу, «которым хочет, может

⁷ Так называется одна из книг известного философа и публициста А.С. Ципко: *Россию пора доверить русским. Критика национального нигилизма российских либералов*. М.: Алгоритм, 2003.

⁸ *Дугин А. Русский вопрос // Россия. № 7. 2007, 22–28 февраля.*

и должна руководствоваться страна в целом, ее граждане, особенно молодые». Он считает, что «чьими-то устами нужно поставить вопросы, на которые нужно ответить сообща» и называет речь митрополита Кирилла над гробом Патриарха Алексия II как один из возможных образцов⁹. Известный журналист сожалеет, что теперь нет Солженицына, который мог бы это сделать, а Общественная палата, по его мнению, переключилась на тактические и оперативные проблемы. Нужна новая интеллектуальная, или стратегическая палата, какой когда-то была Академия наук, считает Третьяков. «Увы, то время давно позади, а кто из наших сегодняшних крупнейших политиков или политических мыслителей читает академические журналы? Мне такие не известны». И далее последовал задорный вызов отечественным интеллектуалам: «Лично я собираюсь в новом году сформулировать хотя бы для себя то, что до сих пор не сделали мы сообща: наш общественный идеал – вдохновляющий и конструктивный»¹⁰.

Не относя себя к категории «гуманитарных мыслителей» (для этого в стране есть особая комиссия, которая сама из себя формирует список мыслителей), но, проработав почти всю жизнь в Академии наук и два срока в Общественной палате, попробую принять этот вызов хотя бы частично. Мне бы хотелось высказаться по формуле и по содержанию современной российской национальной идентичности.

Даже в относительно давние времена конца XIX – начала XX вв. некоторым отечественным мыслителям и политикам удавалось вполне разумно определить как внешнюю сложность, так и сущностную простоту формулы российской национальной идентичности. Удачно и даже современно по этому поводу писал русский философ Г.П. Федотов (1886–1951), уже используя модернистскую для того времени категорию многонациональности. Для лучшего понимания его слов напомним еще раз, что те, кто сегодня называются русскими, в те времена назывались великороссами, украинцы в свою очередь назывались малороссами, а вместе с белорусами они считались русскими. Но русскими могли считать или считали себя также представители других национальностей и вероисповеданий, в случае, если они принимали или были от рождения православными. Вот ключевая цитата из Г.П. Федотова: «Наше национальное сознание должно быть достаточно сложным и гибким,

⁹ Слово Местоблюстителя Патриаршего Престола, митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла перед отпеванием почившего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II опубликовано в журнале «Вестник Российской нации», № 1(3)/2009. С. 21–24. *Ред.*

¹⁰ *Третьяков В.* Из кризиса – через Большой театр // Известия. 2008, 18 декабря.

чтобы учитывать многонациональную специфику государства. Для народов великоросской ветви это сознание должно быть одновременно великорусским, русским и российским. В том случае, когда речь идет о малороссах, формула приобретает такой вид: малорусское, русское, российское. Учет единокровного сопутствует в этих формулах расширению национального сознания и его тяготению к заботе об общем для всех нас доме. Задача каждого русского состоит в том, чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его “русскости”) в сознание российское. Это значит воскресить в нем, в какой-то мере, духовный облик всех народов России»¹¹.

Современная ситуация, в принципе, осталась той же самой, даже стала проще в смысле иерархии идентичностей. Для сегодняшних россиян русской или украинской этнической принадлежности один из трех этажей ушел из речевой и обиходной практик в связи с тем, что исчезли категории великороссов и малороссов: первые стали называться русскими (т.е. взяли на себя некогда более широкую категорию), вторые стали называться украинцами (вместо малороссов) и тем самым перестали считать себя русскими. Широкая категория русского ушла из употребления, кроме ряда важных сфер и ситуаций. Такими сферами являются, прежде всего, русская культура и словесность на основе русского языка и все, что связано с языком. Такой сферой является религиозная жизнь – применительно к русскому православию и к официальному названию Русской православной церкви, которые и сегодня понимаются шире, чем этническое русское.

Русское в смысле лично-группового самосознания перестало быть синонимичным российскому, хотя уже и для времени Г.П. Федотова эта синонимичность не была общепризнанной. Выдающийся философ вполне точно выстраивал национальное сознание (идентичность) как множественное (тройное) и не взаимоисключающее, а как бы расширяющееся и включающее в себя все более высокие уровни вплоть до общегосударственного (российского).

Множественные и не исключают друг друга уровни национального сознания сохранились и в сегодняшней России. Причем, эти уровни также могут иметь разную «этажность». Представитель малочисленного дагестанского народа андиец или арчинец может ощущать себя также и аварцем, среди которых живет и язык которых знает, ему близко самосознание «быть дагестанцем», которое также имеет не только географическое, но и культурно-историческое содержание. И нет сомнений, что для подавляющего боль-

¹¹ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 2. С. 179–181.

шинства жителей Дагестана российская идентичность является одной из самых важных.

У этнических русских, составляющих подавляющее большинство населения страны, в ситуации с коллективным самосознанием также нет особого выбора. Существует много раз высказываемая позиция тех, кто считает себя русскими националистами: мы – русские и не какие мы не россияне, и Россия по своему названию и по своей истории есть наше национальное государство, а те, кто желает принадлежать к государствообразующей нации, должны считать себя русскими. Известны схожие, другими словами сказанные варианты этой позиции. У таких взглядов есть одна фатальная слабость, о которой также неоднократно говорилось.

Приведу только два высказывания по поводу ее несостоятельности. Все тот же Г.П. Федотов сто лет тому назад написал: «Россия – не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси. Если русские будут игнорировать их голоса, то и останемся в одной Велikorоссии, т.е. России существовать не будет»¹². А спустя столетие, в 2008 г. В.В. Путин в ответе на вопросы граждан сказал похожие слова: «Россия может оставаться великим государством, если каждый народ и каждый, даже небольшой, этнос будет чувствовать себя в России как в собственном доме. Те недалекие, просто глупые и тупые люди, которые нарушают этот принцип, полагая, что они действуют в интересах русского народа, наносят этому народу непоправимый ущерб»¹³.

Несмотря на радующие лично меня перемены в политической доктрине и в научном осмыслении того, что есть национальное, как его понимать и как им управлять, я чувствую, как трудно утверждается и входит в сознание *языковая ренационализация от этноса к демосу*. Вполне понятно, что этнические группы (народы) России в лице своих лидеров и интеллектуальных элит не желают расставаться с названием себя нациями. По этой причине они с настойчивостью воспринимают название нацией всего российского народа (а не захотят ли потом нас всех упразднить?). В этой ситуации важно предложить и разъяснить объединяющий вариант, который реально уже существует в стране. Нациями были и остаются все российские народы, обладающие таким статусным самообозначением. Русские, татары, чуваша, буряты, якуты, чеченцы, аварцы и многие другие из всего списка российских национальностей име-

¹² Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? Там же. С. 181.

¹³ Из ответов на вопросы граждан Председателя Правительства Российской Федерации, лидера Партии «Единая Россия» В.В. Путина в рамках специальной программы «Разговор с Владимиром Путиным», 4 декабря 2008 г. Источник: официальный сайт программы, www.moskva-putinu.ru.

ют основания считать себя нациями и таковыми являются. Прежде всего, в этническом и в культурном смыслах, но не только в этом.

У российских этнонаций (национальностей) есть внутреннее политикогосударственное самоопределение как в форме самой Российской Федерации, так и в форме этнотерриториальных образований (республики и автономные округа) и национально-культурных автономий для нерусских народов. У них есть своя историческая традиция, которая не всегда и не во все периоды ограничивается рамками общероссийской истории. У них есть свои диаспоральные сообщества за российскими пределами. У них есть своя идентичность, которую они также называют национальным сознанием. Среди них есть нации, язык и культура которых стали доминирующими (если сказать корректнее, *референтными культурами*) для всей страны. Это, прежде всего, русская этнонация и русский язык. Ведущая роль этого народа, его языка и культуры признается повсеместно, на всех уровнях и по всей России. Отдельные ультранационалистические активисты и даже группы из числа меньшинств не могут подвергнуть сомнению эту общую ситуацию, а, наоборот, служат ее подтверждением. Равно как неудачи квебекских сепаратистов провести референдум об отделении от Канады подтверждают национальное единство страны.

Также и в Испании. Есть кастильская культура и кастильская идентичность, которые составляют основу испанской нации. Но в составе испанской нации есть каталонская и баскская нации. Есть галисийцы и андалузцы. Все они испанцы. Также и в Великобритании. Есть шотландская нация, а также ирландская и уэльская национальные идентичности, а доминирующей этнонацией в стране можно назвать собственно англичан. Но все эти этнонации вместе составляют британскую нацию, которую ныне никто не подвергает сомнению, кроме пары сотен ольстерских бомбистов и самых упертых шотландских сепаратистов. И так по многим странам мы обнаруживаем формулу, которую можно с успехов отнести и к России: *«Россия – это нация наций»*.

ОТРИЦАТЕЛИ РОССИИ

Спросим откровенно: кому может быть неудобно или страшно от такой формулы? Только тем, кто хотел бы «отвалиться» от России или же оставить ее с территорией некой «Великороссии», которую вычертить на карте невозможно. З. Бжезинский называл этот желаемый для него вариант «досооопределения России» в пределах «собственно России» (по-английски это звучало как «*proper Russia*»).

Но неужели в России также есть сторонники варианта определения нашего государства территорией преимущественного или исторического проживания русского народа? Оказывается, есть такие «художники», которые вычерчивают на современной карте «русское национальное государство». Более того, у таких художников есть единомышленники и покровители. В 2008 г. журнал «Политический класс» опубликовал статью А. Севастьянова о русском национальном государстве¹⁴. О чем в ней идет речь? Цитирую: «Исторические закономерности действуют, однако, и в нашей стране, что побуждает политологов прогнозировать неизбежную трансформацию нынешней Российской Федерации с ее (по Конституции) нелепым “многонациональным народом” в Русское национальное государство... Задача русских националистов – повернуть государство лицом к тому народу, на котором оно стоит. Но именно этого очень не хочет хорошо устроившееся меньшинство, вовсе не собирающееся делиться с большинством ни собственностью, ни властью, ни значимостью. Поэтому в ход идут все средства, чтобы скомпрометировать модель Русского национального государства», – пишет автор.

Что это такое, по Севастьянову: «Национальное государство – не империя, тем более “многонациональная”, хотя может иметь колонии, доминионы, протектораты. Оно полиэтнично, ибо его населяют многие народы, но оно должно осознавать себя мононациональным государством и реально являться таковым. В доме должен быть один хозяин. А в стране – один государствообразующий этнос, самоопределившийся на всей ее территории. Суверенитет народа (этноса) приходит в этом случае на смену суверенитету монарха. Искусственное создание политической нации по франко-американскому типу (в нашем случае – нации “россиян”) не предполагается, да оно и невозможно в условиях России. “Лояльность русскому народу” – вот новый тест, обязательный для всех жителей нашей страны, коренных или пришлых – не важно. Но при этом гарантируется полное равноправие для всех коренных народов». Однако за русскими должен быть закреплен «естественно-исторический приоритет государственных, национальных интересов во всем – в политике, экономике, культуре, морали». А управлять страной должна не «партия власти», а «власть русской национальной партии».

Эта и другие публикации автора представляют собой верх сумасбродства, особенно по части деления населения страны на категории коренных народов и национальных меньшинств с раз-

¹⁴ *Севастьянов А.* Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов»? // Политический класс. 2008. № 41. Май.

ными правами и по части объединения «русских территорий» по принципу «один народ – одно государство». Одно можно сказать с уверенностью, что ни редактору журнала, ни членам редколлегии, принявшим этот текст к печати, места в управлении Русским национальным государством уже не будет. А может быть, и право проживать в стране будет поставлено под вопрос.

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ В РОССИИ*

О КУЛЬТУРЕ ПРЕЕМСТВЕННОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И О ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Современный период развития нашей страны – один из самых драматичных в богатейшей истории российского государства и его народа. Речь идет о времени с начала горбачевских реформ во второй половине 1980-х годов, распаде СССР и постсоветском развитии нового государства – Российской Федерации. Вместе это составляет четверть века. Это вполне солидный отрезок исторического времени, когда значительную часть современного населения страны составляют граждане, родившиеся после распада СССР и об этом, казалось бы, недавнем прошлом почти ничего не помнящие. Носителями советской исторической памяти остаются ныне живущее взрослое и старшее поколения, но и среди этой части населения часто проходит разлом по вопросу о том, как относиться к советскому периоду: одним кажется, что это были «лучшие годы нашей жизни», другие с содроганием вспоминают преступления сталинизма и жестокую несвободу при тотальном дефиците товаров и услуг периода правления Брежнева.

В последние годы эти ментальные разломы среди россиян дополнились линией на жесткое отторжение каждой новой правящей элитой того, что сделали их предшественники, даже если сами новые власть имущие были активными деятелями предыдущих правительств. Так, совсем недавно родился образ «хаоса 90-х годов», «кровавых девяностых». Цель этого образа – еще более возвысить бесспорно позитивные перемены в жизни страны после 2000 г. Но плохо, что общество, включая политический класс, лишается культуры преемственного мышления и пестует в себе нетерпимость и даже ненависть к тем, кто был до этого у власти. А это, в свою очередь, порождает ненависть и к действующей власти среди тех, кто желает прийти ей на смену или уже покинул властные позиции.

* Вестник Российской нации. 2009. № 6.

В этой политико-идеологической сумятице – отсутствии культуры преемственности – особая ответственность выпадает на тех, кто является профессиональными производителями знания о прошлом, то есть на историков. Только историки обладают необходимой подготовкой по части знания широких исторических горизонтов, обучены методам обращения к первоисточникам, обладают необходимыми навыками проведения проверочных процедур и внутривидовыми критериями достоверного толкования прошлого. При всем разнообразии мнений и даже ожесточенных дискуссий должен быть тот необходимый консенсус по поводу того, что есть достоверное в прошлом и что есть вымысел или заблуждение.

Однако с изучением современного периода истории есть некоторые трудности, которые делают это занятие не менее сложным, чем изучение античных времен или Древней Руси. Во-первых, историописание еще не оторвалось от живой исторической памяти, и эта память, включая личный опыт самого исследователя, противоречиво влияет на объективное воссоздание наиболее достоверного и полного исторического полотна. С одной стороны, свидетель или даже прямой участник событий помнит, что происходило, но, с другой стороны, он помнит только то, что происходило именно с ним. Его память связана с эмоциями и пристрастиями, которых не лишен каждый человек. Во-вторых, современная история гораздо в большей степени связана с текущим политическим процессом, и всегда есть искушение со стороны власти «подправить историю» в выгодном русле.

Наконец, по сюжетам новейшей истории, то есть недавножитого, в каждом обществе продолжают дебатов вокруг результатов перемен и реформ, сути происходящих процессов, роли политиков, партий и институтов. Недавнее прошлое – это то, что общество еще само помнит без услуг историков, помнит и использует в политике или как средство консолидации, или как средство раздора и обличения, а чаще всего используется элитой в прагматичных целях победы на выборах и прихода к власти. В изучении новейшей истории есть еще одно затруднительное обстоятельство – это налагаемые государством ограничения на обнародование архивных документальных источников, а также сугубо личностная мотивация в трактовке событий авторами разных воспоминаний и рассказчиками, которые не являются профессиональными историками. По поводу новейшей истории можно сказать: слишком мало документов и слишком много воспоминаний! Обычная проблема для недавно пережитой истории, но это решаемая проблема.

Данная статья посвящена только одной стороне общественно-исторического процесса за последние 25 лет. Речь идет о том, что

более привычно длительное время в нашей науке и практике называлось «национальным вопросом» и «национальной политикой». Суть этих проблем составляют вопросы состояния и развития этнического разнообразия населения страны (многонационального народа), системы государственной организации и управления в условиях многонациональности, учета и отправления прав, запросов и интересов граждан и этнических общностей, связанных с сохранением их культуры, традиций, языка в условиях единой страны и разного типа расселения. Наконец, сюда же входят проблемы межэтнических отношений, включая конфликты, а также усилия по их предотвращению или разрешению.

К этой же сфере в последние 15 лет, начиная с этнополитического конфликта в Чечне, добавились вопросы вооруженного этнического сепаратизма, религиозного фундаментализма, терроризма, которые почти всегда задействуют в программы индоктринации этнический и религиозный факторы. Этнический и расовый аспекты заключают в себе и такие явления российской жизни, как ксенофобия и экстремизм, направленные главным образом против иностранцев, но также и против собственных граждан или наших недавних соотечественников – выходцев из регионов Южного Кавказа и Средней Азии.

В понятие национальной политики в ее традиционном понимании входят также разработка и реализация конституционно-правовых норм, деятельность специализированных институтов государственного управления разного уровня, государственные программы и проекты в области развития, сохранения культуры и языка, просвещение и информация, общественные движения и организации этнокультурного направления, мониторинг и прикладные научные исследования.

ЭТНОПОЛИТИКА ПОЗДНЕГО СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Каковы были особенности этнополитики позднего советского периода?

СССР был одним из самых крупных многоэтничных государств, в котором фактически все нерусские этнические общности (народы, нации или национальности) имели автономные образования разного уровня, так называемые национально-государственные образования. Известная «советская матрешка» (союзные и автономные республики, автономные области и округа, национальные сельские советы в 1920-е годы) возникла еще в первые десятилетия существования СССР и с некоторыми изменениями просуществовала до его распада. Эта система основывалась на территориальной и го-

сударственно-политической нагрузке этнического фактора. Чего только стоило правовое понятие «территория своей национальной государственности», применявшееся внутри страны по отношению граждан той или иной национальности. Один из законов, принятых Съездом народных депутатов в 1989 г., так и назывался «О правах граждан СССР, проживающих на территориях не своей национальной государственности». Советская национальная политика была не столько политикой государственностроительства на основе гражданской общности, сколько политикой развития и сближения социалистических наций на основе формул интернационализма и дружбы народов. У этой во многом пропагандистской и умозрительной политики были свои серьезные риски по части спонсирования не только «национальных форм», но и потенциального изоляционизма и сепаратизма.

В СССР до начала либерализации положение спасали жесткий идеологический диктат и репрессивный партийно-политический режим, а также идеология советского патриотизма и концепция советского народа. Последний был более чем реальностью, несмотря на претенциозную квалификацию как «новый тип исторической общности людей». Советский народ представлял собой историческое продолжение российского (русского в широком смысле этого слова) народа, который существовал несколько веков, несмотря на утрату части территорий государства в 1917 г. и приобретение новых территорий в 1940 г.

После упразднения в 1923 г. специализированного ведомства – Народного комиссариата по делам национальностей – весь комплекс проблем в данной области государственной и общественной жизни находился в компетенции партийных органов, Совета национальностей Верховного Совета СССР, некоторых министерств (культуры и образования) и комитетов (теле- и радиовещания), а также правительств республик, автономных областей и округов. Всякие проявления этнического национализма и даже просто радикальные взгляды и действия в области «национального вопроса» жестко контролировались и пресекались КГБ. Так, среди политзаключенных позднего брежневского периода были активисты крымско-татарского движения, украинские и грузинские националисты, которые обычно проходили по другим статьям обвинений.

Только при М.С. Горбачеве в 1987 г. в аппарате ЦК КПСС был создан Отдел межнациональных отношений, который стал решать вопросы все более обострившихся отношений по линии «центр – периферия» и пытался урегулировать некоторые острые конфликтные ситуации в этнической сфере. С эпохи либерализации политической системы, или, как ее назвали, «перестройки», начинается

новейшая история национального вопроса в нашей стране. Сразу же отметим, что грандиозная геополитическая коллизия, произошедшая в период правления М.С. Горбачева, – а именно распад СССР, – была только частично связана с «национальным вопросом», а тем более с его нерешенностью. Напомним, что советское наследие в данной области имело противоречивые результаты. Наряду с жестокими массовыми репрессиями, в том числе насильственными депортациями целых народов с мест их проживания, а также централизаторско-ассимиляторскими тенденциями в пользу доминирующей русскоязычной культурной традиции, в советской национальной политике были позитивные тенденции поддержки и развития малых культур и языков, продвижения в разные сферы жизни, включая органы управления, представителей разных национальностей. В отличие от царской России, которую иногда называли «тюрьмой народов», Советский Союз стал своего рода колыбелью многих наций, которые в ходе так называемого национально-государственного строительства в 1920-е – 1930-е годы консолидировались на разнородной кланово-племенной основе вокруг «собственной государственности» и которые уже в послевоенные десятилетия обрели все необходимые институты для «национального самоопределения вплоть до отделения» (экономика, конституции, представительные органы власти, профессиональная культура и наука, полная система образования и т.д.).

Ослабление политико-идеологического диктата центра, хозяйственная самостоятельность, открытие советского общества для внешнего мира и иностранные воздействия не столько в пользу демократизации СССР, сколько в пользу его раздела по этнонациональным границам были однозначно прочитаны частью националистически настроенной интеллигенции и республиканскими бюрократиями как возможность осуществления самоопределения через сецессию. Общим лозунгом для всех этих программ была демократизация и децентрализация – цели, которые внешне вполне совпадали с целями горбачевской реформы. Однако националистическая политика со стороны периферии носила своего рода скрытый, поэтапный характер: хозяйственный расчет – суверенизация – новые договорные отношения – независимость. Эта поэтапность оказалась реализованной из-за грубых ошибок центральной власти и конфликта властной элиты в самом центре. Сыграли свою роль и внешние факторы поддержки дезинтеграционных сил внутри самого СССР.

Период Горбачева, то есть начиная с середины 1980-х годов до 1991 г., был отмечен попытками улучшить ситуацию в области национальной политики, хотя тогда приоритетными для Кремля были

реформы политической системы и экономики. К таким попыткам можно отнести проведение специального Пленума ЦК КПСС в 1989 г., посвященного вопросам межнациональных отношений, и обсуждение этих вопросов на XXVIII съезде КПСС в 1990 г. К важным шагам по сохранению СССР как многонациональной федерации можно отнести также работу над новым союзным договором, несмотря на явную концептуальную слабость этого процесса. Но противники реформирования СССР, с одной стороны, и сторонники предельной суверенизации, с другой, не позволили перестроить структуру государства на новой, более демократической и на более прочной, чем этнофедерализм, основе. Дефицит времени и компетенции, политические импровизации и личностные амбиции политиков взяли верх в том, как решился вопрос эпохально-исторического значения.

Еще до распада СССР центральная власть столкнулась с острыми кризисами в некоторых союзных республиках, вызванными радикально-националистическими силами, а также с рядом открытых этнических конфликтов, которые Кремль пытался решить в основном мирными средствами. Не получили жесткого отпора первые проявления этнически мотивированных погромов и других форм насилия в Сумгаите, Фергане, Оше и в других местах. Ни Верховный Совет, ни сам Горбачев не смогли принудить к согласию враждующие стороны в Карабахском конфликте. Использование армии против массовых выступлений в Литве, Грузии и Азербайджане дало противоположные результаты, а именно – мобилизацию радикально-националистических сил и сторонников выхода союзных республик из состава СССР.

Антицентристская позиция руководства РСФСР и прямое противостояние Горбачева и Ельцина довершили дело распада государства. СССР распался на 15 государств, казалось бы, по линиям так называемых «национальных образований», но «национальное самоопределение» было всего лишь одним из внушительных аргументов, за которым стояла гораздо более сложная действительность. Все новые страны оказались многоэтничными сообществами и могли построить свою государственность только путем демократического решения уже собственных «национальных вопросов», которые в подавляющем большинстве случаев были переведены в разряд проблемы меньшинств.

В данной статье не затрагиваются проблемы нациестроительства и политики многоэтничных сообществ, гражданских прав, сохранения культуры и языка русскоязычного населения в других постсоветских государствах. Эта проблема будет рассмотрена нами в следующей статье.

В Российской Федерации после 1991 г. начинается новый этап в истории «национального вопроса». В чем его суть и каковы были свершения и проблемы в период 1990-х годов? Период президентства Б.Н. Ельцина можно считать отличительным этапом по ряду причин. Во-первых, это было время сложного и ответственного формирования новой демократической государственности при необходимости сохранять некоторую историческую преемственность и учитывать опыт других многоэтничных государств. Конституция 1993 г. справилась с этой трудной задачей и успешно действует до сих пор. Некоторые важнейшие положения о российском народе как единственном суверене нового государства, о государственном устройстве и российском федерализме с учетом этнического фактора, о равенстве граждан независимо от расы, национальности и религиозной принадлежности, о государственной поддержке этнокультурного многообразия населения России и другие положения имеют важнейшее значение для нашей страны.

Принятие Конституции и оформление федеративного устройства, в том числе через систему Федеративного договора, заключенного в марте 1992 г., а также отдельных дополнительных соглашений с некоторыми республиками, лидеры и общественные движения которых желали большей децентрализации власти и больше полномочий в контроле над ресурсами, не позволили осуществиться второму раунду дезинтеграции страны, на сей раз за счет дальнейшего распада уже Российской Федерации по логике того же самого этнотерриториального самоопределения. Однако стране не удалось избежать возникновения открытого очага вооруженного сепаратистского конфликта в Чечне, где власть узурпировала националистическая вооруженная клика, которая объявила государственную независимость от России и совершила массовое изгнание нетитульного (преимущественно русского) населения из республики. Этот конфликт имел также мощную составляющую в виде деятельности международных террористических сил на территории Чечни.

При формировании нового правительства в 1991–1992 гг. позитивную роль сыграл факт создания нового федерального ведомства, ответственного за национальную политику, – Государственного комитета по национальной политике, который позднее претерпевал неоднократные трансформации по названию и содержанию своей деятельности. Но сам факт существования такого федерального ведомства до 2000 г. помогал решать многие проблемы и разрешать коллизии на уровне регионов, отдельных групп и общин. Данное министерство брало на себя функцию внешнего представительства

государства в вопросах имплементации международных деклараций и других документов по проблеме прав национальных меньшинств, противодействия расизму и ксенофобии, содействовало международному сотрудничеству этнически родственных народов и взаимодействию с российскими диаспорами. Госкомнац вместе с МИДом отвечал за сложную проблему российско-германского сотрудничества по вопросам российских немцев. В рамках этого сотрудничества, в частности, были созданы немецкие национальные районы – эксперимент, который был взят из опыта первых лет советской власти. Выбранный после 2000 г. вариант «министра без портфеля» также положительно воздействовал на область межэтнических отношений на протяжении нескольких лет вплоть до 2004 г.

Декабром 1994 г. заканчивается этап трудного, но мирного переустройства многонационального государства, отмеченный двумя противоположными по духу событиями: подписанием нескольких соглашений о разделении полномочий между органами власти Российской Федерации и органами власти Республики Татарстан и началом военных действий на территории Чечни. Последнее событие существенно изменило положение в стране и образ России в мире. Более ранний вооруженный конфликт осенью 1992 г. в Пригородном районе Северной Осетии не имел таких последствий, хотя также оставил глубокую коллективную травму среди конфликтующих осетин и ингушей.

Исторический этап 1991–1994 гг. в области национальной политики был отмечен еще рядом важных явлений и событий. До 1993 г. активно действовал Верховный Совет России, его Палата национальностей и некоторые профильные комитеты, особенно Комитет по проблемам депортированных народов. В апреле 1991 г. был принят важный Закон о реабилитации репрессированных народов, который имел огромное морально-политическое значение, ибо признавал незаконными (преступными) массовые депортации целых народов накануне и в период Великой Отечественной войны. Закон также предусматривал не только политическую реабилитацию, но и некоторые материальные компенсации пострадавшим гражданам и даже их потомкам.

Верховным Советом России были приняты некоторые другие законы, касающиеся статуса и границ этнотерриториальных автономий, что имело важные, хотя и неоднозначные последствия для истории межэтнических отношений и общей ситуации в стране (выделение автономных округов в качестве самостоятельных субъектов Федерации, преобразование Адыгеи в республику, раздел Чечено-Ингушетии в условиях невозможности проведения соответствующих политико-правовых процедур и создание в июне 1992 г. Республики Ингушетия без четко определенной территориальной основы).

В те же самые годы в правительстве и в профильных комитетах Верховного Совета России шла разработка новых законопроектов в области национальной политики, а также началась подготовка концептуального документа по национальной политике. Наряду с проектом Концепции государственной национальной политики в Российской Федерации были разработаны и начали внедряться со скромным финансированием специализированные государственные программы помощи финно-угорским народам, отдельным этническим движениям и творческим группам, массово-фольклорным мероприятиям и т.п. Тогда же, в первой половине 1990-х годов, возникла общероссийская общественная организация «Ассамблея народов России» и «Сенежский форум», ставшие авторитетной площадкой обсуждения проблем национальной политики.

Заметным направлением национальной политики еще с первых лет перестройки стала деятельность общественного движения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. К моменту распада СССР в стране проживали 26 официально признанных малочисленных народов общей численностью примерно 125 тысяч человек (по переписи 1989 г.). Эта категория населения проживает в специфических природных условиях тайги, тундры и арктических морских побережий, сохраняя многие элементы традиционного хозяйствования (охота на пушного и морского зверя, рыболовство, оленеводство). В условиях активного промышленного освоения арктических и других регионов проживания аборигенов в мире уже давно через международные инструменты и национальные законодательства действует система защитных мер этой специфической по своим хозяйственно-культурным запросам группы народов. В СССР также многое делалось для защиты малых народов Севера, что однако не спасло их от серьезных социальных проблем.

Первый Съезд народов Севера прошел в 1990 г. в Кремле с участием М.С. Горбачева, на котором была образована «Ассоциация народов Севера СССР» (в 1993 г. зарегистрирована как «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»), Конституция 1993 г. гарантировала права коренных малочисленных народов в соответствии с международным правом и международными договорами России. С началом работы Верховного Совета России в профильном комитете по проблемам Севера началась работа над соответствующим законом, который был принят только в 1999 г. как «Закон о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». В 2000 г. был принят еще один федеральный закон об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а год спустя – закон о территориях

традиционного природопользования, которые вместе с разработанным законодательством по этой тематике на уровне ряда субъектов Федерации сегодня составляют систему защиты прав коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока.

Однако вернемся к проблеме вооруженного конфликта на Северном Кавказе, который можно считать началом отдельного этапа в истории «национального вопроса» в современной России, хотя военные действия в Чечне и не носили всеохватного характера. Почему январь 1995 г., особенно дни новогоднего штурма города Грозного, стал рубежным в истории России с точки зрения международных отношений? Потому что это был масштабный вооруженный конфликт, когда от имени чеченского народа вооруженными незаконными формированиями при прямой поддержке международных террористических сил был брошен открытый вызов всей государственной системе и всей России, включая другие народы Северного Кавказа. Никакой правовой процедуры провозглашения независимости в Чечне соблюдено не было, да и Конституция Российской Федерации не предусматривает явочную сессию. Однако и со стороны государственной власти России не были соблюдены должные правовые процедуры, регулирующие масштабное применение силы внутри страны против собственных граждан. Снова надменность силы и амбиции двух лидеров (на сей раз Ельцина и Дудаева) привели к кровавой драме, стоившей в итоге двух ее этапов около 50 тысяч погибших российских военных и гражданского населения, не менее половины которого были русские жители города Грозного.

«Чеченская война» – это тяжелое поражение российской национальной политики, несмотря на героические усилия, которые предпринимались некоторыми российскими политиками, военными, общественными деятелями по завершению этой войны. Вторая «чеченская кампания», восстановление контроля федерального Центра в этом субъекте Федерации, образование легитимных временных органов власти Чеченской Республики и проведение конституционного референдума произошли в 2000–2003 гг. и связаны с первым сроком президентства В.В. Путина.

Однако следует отметить еще несколько важных моментов в истории национальной политики позднеельцинского периода. Это был период, когда продолжалась достаточно плодотворная законотворческая деятельность и общественная активность в сфере национальной политики. После принятия Государственной Думой в 1996 г. разработанного Правительством закона о национально-культурной автономии (НКА) открылась возможность своего рода внутреннего и экстерриториального самоопределения этни-

ческих общностей, особенно тех, кто имел дисперсный характер расселения или иммигрантское происхождение. В Российской Федерации стали возникать НКА разного уровня – от федерального до местного – из числа представителей различных российских национальностей (украинцев, российских немцев, евреев, азербайджанцев, армян и т.д.). Это был важный процесс самоорганизации в форме общественных объединений представителей разных национальностей с целью поддержки и развития собственных культур, укрепления групповой идентичности, защиты от возможных дискриминационных проявлений, продвижения своих интересов и прав через властные структуры и другие механизмы. Сегодняшние НКА представляют собой важный компонент и институт гражданского общества, через который реализуются многие вопросы межэтнических отношений и этнокультурного развития. Лидеры НКА представлены в общественных советах министерств и ведомств, в Общественной палате России, они активно позиционируют себя в СМИ и на международной арене.

Другим важным моментом национальной политики второй половины 1990-х годов было принятие в 1996 г. Указом Президента РФ «Концепции государственной национальной политики в Российской Федерации» (далее – Концепция). Этот документ имел принципиальное для своего времени значение, ибо в нем впервые после распада СССР были сформулированы цели, направления и механизмы политики государства в сфере национального вопроса. Документ содержал новые моменты в трактовке таких базовых категорий, как «нация», «самоопределение», «соотношение индивидуальных прав и прав этнических групп (народов или национальностей)», и некоторые другие. Цель национальной политики определялась как обеспечение прав и запросов граждан, связанных с их принадлежностью к той или иной этнической, конфессиональной, языковой традиции или общности. НКА определялась как форма внутреннего самоопределения российских национальностей наряду с формой этнотерриториальных автономий, каковыми были республики и автономные округа. Основными направлениями национальной политики назывались: обеспечение достойных условий социально-культурного существования, сохранение групповой идентичности, обеспечение справедливого доступа к ресурсам развития и к управлению, этнокультурная деятельность по сохранению культуры и языка.

Концепция была одобрена всеми субъектами Российской Федерации, Государственной Думой России, она до сих пор сохраняет статус действующего документа. Однако на последующем этапе развития страны возникли новые проблемы и исторические вызовы,

обнаружились новые задачи и появились новые возможности, которые не были сформулированы в Концепции 1996 г. В частности, более чем реальной стала угроза вооруженного сепаратизма, а также рост настроений ксенофобии и экстремизма среди части населения страны, которые вызывали напряженность в отношениях среди граждан и озабоченность власти за обеспечение национальной безопасности и сохранение гражданской стабильности и солидарности в российском обществе.

Наконец, в конце 1990-х годов проявились некоторые глубинные недостатки в системе федеративного устройства и проводимой в ряде этнотерриториальных автономий (республик) внутренней политики в сфере межэтнических отношений. Используя некоторые конституционные положения и законы, принятые в республиках в начале 1990-х годов, административный ресурс и политические манипуляции, в ряде республик так называемые титульные нации стали правящими группами меньшинства над большинством населения и проявляли недостаточную заботу о положении и запросах нетитульного населения. Это привело, например, к существенному оттоку русского населения из ряда республик, особенно Северного Кавказа. Используя возможности действовавшего федерального закона об образовании и местные правовые акты, в российских республиках, наряду с позитивными процессами возрождения местных языков и традиций, начался процесс принижения статуса русского языка и не создавались должные условия для языков малых групп меньшинства, которые имеются почти везде. В сфере массовой информации, в образовательной системе, в общественных и научных дебатах утверждались узкоэтнические и зачастую антироссийские установки и ценности. Становилось все более ясным, что в повестку национальной политики должны быть включены задачи не только сохранения этнокультурной самобытности и утверждения этнического (этнонационального) самосознания, но и обеспечения общероссийской солидарности и патриотизма на основе понимания российского народа как гражданской многоэтнической нации.

Еще одним новым фактором национальной политики стало усиление возникшей в период первых открытых конфликтов в СССР и его распада массовой иммиграции в Россию нескольких миллионов бывших советских граждан. Первоначально это были главным образом люди русской национальности или в более широком плане – русскоязычное население, которому не оказалось должного места и жизненных перспектив, а иногда и элементарной безопасности в новых независимых государствах, где они проживали к моменту распада СССР. Из более чем 25 миллионов русского населения в Россию переехали около 4–5 миллионов, подавляю-

щее большинство из которых получили российское гражданство и успешно интегрировались на своей исторической Родине. Более серьезной проблемой стала иммиграция вынужденных беженцев и переселенцев из зон конфликтов или из-за открытого или косвенного выдавливания отдельных групп нетитульного населения (армян из Азербайджана, азербайджанцев из Армении, осетин из Грузии, месхетинских турок из Узбекистана, представителей дагестанских и северокавказских народов из государств Средней Азии). Масштабное перемещение населения вызвали осетино-ингушский конфликт и «чеченская война». Помимо Чечни русские фактически покинули Ингушетию, много русских уехало из Дагестана и из других республик.

Однако наиболее серьезную проблему в сфере межэтнических отношений вызвала плохо контролируемая трудовая миграция коренных жителей новых независимых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. В Россию в 1990-е годы переехало в целом еще около 7 миллионов человек, часть – на временной, сезонной основе, часть – с целью постоянного проживания. На первом этапе в основном это были украинцы, молдаване, жители стран Закавказья. Позднее в этом потоке стали преобладать мигранты из Казахстана и Средней Азии (таджики, узбеки, киргизы, казахи).

Массовая иммиграция в Россию вызвала напряженность на рынке труда и конфликты в социально-бытовой сфере, чем воспользовались ультрарадикальные элементы и даже некоторые политические партии и общественные организации для разжигания чувств ненависти к мигрантам и провоцирования насилия. На антииммиграционных настроениях окрепли и распространились, особенно в молодежной среде, ультранационалистические и неофашистские группы и отдельные активисты, использовавшие разные средства мобилизации – от Интернета до организации так называемых «русских маршей». Одновременно неконтролируемая миграция несла с собой явные риски в области наркотрафика, торговли людьми, производства контрафактной продукции, неуплаты налогов и т.д.

Миграционный фактор стал одним из конфликтогенных в сфере национальной политики в начале 2000-х годов. В маленьком карельском городе Кондопога произошло массовое столкновение между старожильческим местным населением и мигрантами из региона Кавказа, которое сопровождалось убийствами и погромом. В этот период в стране от рук ультранационалистов и расистов погибало более сотни человек ежегодно. Это также требовало своей реакции со стороны власти и общества с учетом того, что иммиграция из стран бывшего СССР, особенно в форме организованных переселений соотечественников, являлась крайне важным факто-

ром для решения демографических проблем страны и для развития российской экономики. После принятия в 2001 г. нового закона о гражданстве с некоторыми последующими поправками, а также реформирования федеральной миграционной службы и обновления содержания миграционной политики ситуация в этой области стала улучшаться. Сокращению иммиграции способствовал также мировой финансовый кризис 2009 г.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

Реформы в сфере национальной политики на новом историческом этапе начались с инициативы Президента В.В. Путина привести в соответствие с федеральной Конституцией конституционно-правовые акты субъектов Российской Федерации, и прежде всего республиканские базовые правовые нормы, которые еще сохраняли в себе положения эпохи «неограниченного суверенитета» и слабые гарантии прав человека нетитульной национальности. Для решения этой масштабной задачи в 2000 г. была введена система семи федеральных округов во главе с полномочными представителями Президента России и сетью федеральных инспекторов непосредственно в субъектах Федерации. На протяжении ряда лет эта работа была выполнена через внесение поправок в республиканские конституции и законы, а также через другие механизмы. Федеральные округа сохраняются в системе государственно-административного устройства страны.

Еще одним важным шагом в сфере этнотерриториального устройства страны стало начало процесса укрупнения субъектов Федерации за счет слияния автономных национальных округов с более крупными областями и краями, куда они и входили в советское время. Этот шаг диктовался прежде всего экономическими факторами, а именно – необходимостью объединения ресурсов территорий для более успешного развития и улучшения социальных условий жизни населения. Этот шаг имел цель также уменьшить чрезмерно большое число субъектов Федерации, а следовательно, повысить эффективность управления. Меньше всего укрупнение субъектов преследовало цель лишить проживающие в автономных округах малочисленные народы атрибутов самоопределения, поддержки их традиционного хозяйства и культурно-языкового развития. Однако в ряде округов некоторыми общественными активистами, в частности бурятскими общественными лидерами, этот процесс был воспринят довольно негативно. Еще более болезненной и открыто конфронтационной была реакция со стороны

адыгской общественности на возможное возвращение республики в состав Краснодарского края. Всего на конец 2009 года было упразднено шесть автономных округов и общее число субъектов Федерации составило 83, из них 21 республика, одна автономная область и 4 автономных округа.

В этом же русле оптимизации государственно-административной структуры и повышения эффективности управления была изменена система выборов глав субъектов Федерации, включая и президентов российских республик, которые до этого избирались на прямых выборах, а с 2004 г. стали утверждаться Президентом страны по представлению региональных законодательных органов. Следует отметить, что отмена прямых выборов подвергалась критике и пока что не решила одну из важнейших задач – устранение клановости и коррупции региональных властей. Для российских республик вопрос качественного и эффективного управления на демократических, открытых принципах остается одним из наиболее труднорешаемых.

В доктринальном плане новые подходы в области национальной политики были сформулированы еще в сделанных по поручению Президента В.В. Путина предложениях по корректировке действующей Концепции государственной национальной политики, но они не были приняты скорее по причине ортодоксального подхода руководителей государственно-правового управления Администрации Президента России. Однако и без обновления Концепции в ряде ежегодных посланий Президента Федеральному Собранию и официальных выступлений Президента в последние годы было заявлено о новом понимании российской нации и возможности достижения национального единства при сохранении этнического и религиозного разнообразия населения страны. В 2004 г. В.В. Путин заявил следующее: «Мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом. Мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство». В 2008 г. Д.А. Медведев сказал: «Само историческое развитие российской нации в немалой степени основывалось на богатстве и сохранении этнокультурной и поликонфессиональной среды... Благодаря этому единство российской нации выдержало многие испытания. И в наши дни является важным фактором преодоления экстремистских настроений, национализма и религиозной нетерпимости».

Эти фундаментальные положения о необходимости осуществления в России формулы «единства в многообразии» отвечают не только насущной потребности обеспечения гражданского согласия

в крупном государстве, это также единственная реализуемая формула устройства многоэтнической страны. Новая идеология гражданского национализма ни в коей мере не означает отрицание или растворение российских национальностей (наций в этническом смысле слова) в некой монокультурной общности под названием российская нация. Последняя есть, прежде всего, форма надэтнической гражданской идентичности россиян, которые представляют собой по историческому и культурному наследию и по современным лояльностям и патриотизму представителей одного народа – русского народа, многообразного, но единого. Россия – это нация наций, и суть современной национальной политики становится двуединой: с одной стороны, это обеспечение национальных интересов русского народа внутри страны и на международной арене, в том числе и через национальные проекты, модернизационное развитие экономики, систему национального образования; с другой стороны, это сохранение и поддержка историко-культурного и религиозного разнообразия проживающих в России представителей разных национальностей и религий. Одно совсем не исключает другое, а, наоборот, возможно только в сложном единстве и при эффективном демократическом управлении.

Национальный вопрос и национальная политика в нашей стране прошли за последнюю четверть века непростой и полный драматических поворотов путь своего развития. Тот бесспорный факт, что Россия с начала либеральных реформ второй половины 1980-х годов и до конца 2009 г. развивалась в позитивном направлении, сохраняя свое многообразное единство, говорит о том, что в целом эта политика была успешной. Несмотря на трагические конфликты и сохраняющиеся проблемы.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ*

С самого начала существования национальных государств культурная, а тем более социальная однородность наций была своего рода идеей и политической доктриной. Эта доктрина воплощалась в политику ассимиляции и культурной переплавки неоднородного населения в некий желаемый «национальный тип». Со времен Французской революции и до Второй мировой войны ассимиляционные и интеграционистские модели вместе с принципами гражданского равноправия доминировали в нациестроительстве. Но демократия и равноправие даже в зоне евроатлантической цивилизации распространялись далеко не на всех. Дискриминация и сегрегация так называемого цветного и аборигенного населения существовали длительное время в странах Западного полушария. В других регионах мира господствовал колониализм через систему так называемого косвенного управления. О признании культурного разнообразия и прав меньшинств, а тем более о нациях в колониальной периферии вообще не было речи. Права меньшинств как категория права и политики появилась только в эпоху Первой мировой войны в целях обустройства пространства распавшихся Австро-Венгерской и Османской империй.

Во второй половине XX в., в условиях ликвидации мировой колониальной системы, образования десятков новых государств, массовых миграций, глобализации и демократизации, сложились новые доктрины самоопределения, нациестроительства, гражданства, индивидуальных и коллективных прав. Они включали набор национальных и международных механизмов по борьбе против расовой и других форм дискриминации, защите прав лиц, принадлежащих к этническим, расовым, религиозным и языковым меньшинствам. В науке и политической практике появились доктрины единства в многообразии, многокультурности, права на различия и идентичность и т.д. В СССР и зоне его влияния приразных политико-идеологических режимах реализовывалась схожая политика «расцвета и сближения социалистических наций», интернационализма и дружбы народов. В 1970-е годы она дополнилась концеп-

* Вестник Российской нации. 2013. № 5.

том единого советского народа – общности, которая была реальностью как форма идентичности на основе общей истории, культуры и идеологической индоктринации жителей страны.

В конце 1970-х и в 1980-е годы в странах западной демократии утвердилась политика *мультикультурализма* в разных ее вариантах – от Канады Австралии до Франции и Германии. Общим для всех вариантов было признание неоднородности гражданских наций, поддержка культурных различий, включая не только так называемые исторические меньшинства, но и разные по культуре и религии группы иммигрантов, ставших во многих случаях гражданами стран нового пребывания. Популярным становится концепт коллективных прав, который отходил от формального личностного равноправия в пользу членов групп меньшинства с приниженным положением. Эта политика дала позитивные результаты, но она заключала в себе риск ужесточения межгрупповых границ и возможность «дискриминации наоборот», т.е. ущемления прав большинства и его ответной реакции, в том числе в форме ксенофобии и шовинизма.

О противоречивом характере мультикультурализма и необходимости его дополнения политикой формирования общегражданской идентичности мы писали по итогам международной конференции на тему мультикультурализма, прошедшей в Москве в 1999 г.¹ Схожий анализ оценки концепции мультикультурализма были сделаны западными учеными, в том числе философом и политологом Сейлой Бенхабиб, которая попыталась ответить на вопрос, в какой мере и каким образом можно совместить притязания культур на сохранение своей самобытности с основополагающими либеральными ценностями западной демократии – свободой и равенством граждан². Что касается Российской Федерации, то после распада СССР заложенный в Конституции 1993 г. концепт «многонационального народа», принципы равенства представителей российских национальностей и поддержки их культур были в центре строительства нового государства. Политика поддержки *многонациональности* (или полиэтничности) проводилась в России, несмотря на то, что периферийный этнический национализм поставил страну под угрозу дезинтеграции. В 1990-е годы он проявился в «параде суверенитетов» российских автономий и вооруженном конфликте в Чечне.

Как показал опыт социальной жизни во многих регионах мира, демократическое и стабильное устройство многоэтнических обществ

¹ *Тишков В.А.* Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002.

² *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2003.

действительно составляет проблему мирового значения, ибо для современных государств и для мировой системы в целом всеохватный характер имеют не только проблемы ресурсов и экономики, безопасности и окружающей среды, но и проблемы культуры и самосознания (идентичности). Именно проблемы понимания и управления культурным разнообразием на уровне регионов, государств, местных сообществ и даже отдельной личности оказались сегодня трудно решаемыми. Получилось это оттого, что в них вовлечены не столько материальные ресурсы и их денежные аналоги, по которым почти всегда можно договариваться, а ценностные и мировоззренческие вопросы. В случае конфликтных ситуаций эти вопросы не так легко поддаются разрешению на основе количественных расчетов, торга или обмена, а требуют более тонких гуманитарных технологий. Ценностные и мировоззренческие вопросы труднее поддаются и компромиссным решениям. По этой причине конфликты на основе культурных (этнических, расовых, религиозных, языковых) различий могут обретать исключительно жестокий характер, а посеянная ими ненависть изживается зачастую через поколения.

Рассматриваемая проблема имеет важнейшие проекции в политику на всех ее уровнях: на глобальном, на национальном (государственном), на уровне регионов внутри государств, на транзгосударственном. Самое важное в политических функциях этничности, культуры в ее широком смысле – это выработка адекватной каждому обществу и каждой конкретной ситуации формулы управления культурным разнообразием, выработка механизмов обеспечения гражданского согласия и предотвращения конфликтов. Другими словами, какова должна быть государственная политика и позиция общества в данной сфере, чтобы общество и стране были вовлечены в межгрупповые распри, чтобы они не были поражены отравой ксенофобии и ненависти одних людей по отношению к другим по той причине, что они выглядят иначе, говорят на другом языке, молятся другому богу? Казалось бы, простой вопрос, но сколько он включает в себе непримиримых убеждений, труднопреодолимых узости мысли или жестокого расчета!

По мнению некоторых политологов, именно по причине этнического разнообразия и цивилизационных различий в России нет и общей нации. Отрицатели российской идентичности ссылаются также на то, что в России нет гражданского общества и демократических институтов, а значит, и нет гражданской нации. Как и в некоторых других европейских странах, в нашей стране доктрине полиэтничности (многонациональности) и проекту нациестроительства противостоят как леволиберальный тезис о гражданских равенстве и свободах, так и правоконсервативный взгляд на

преимущественное право большинства без особого внимания к малым группам и культурам («если хотят жить в России, тогда пусть все считают себя русскими»). Как можно демонтировать эти несостоятельные взгляды и как выстроить новое видение полиэтничных обществ, а вслед за этим обновить политику и систему управления?

Итак, неотъемлемой чертой современных человеческих сообществ и даже условием их развития является феномен культурной сложности. Эта сложность воспроизводится под воздействием разных факторов, вызывая проблемы межкультурных коммуникаций, межэтнических отношений, этнических конфликтов. Тогда в чем же уязвимость традиционных подходов в данном вопросе? В том, что мы склонны рассматривать культурные системы как своего рода карту-атлас, которая при всей ее наполненности и украшенности этнографическими типажамми на самом деле есть только условное и статичное отражение неповторимого обогатства рельефа. Взгляд на культуру как на архетип, а на этническую идентичность – как на биосоциальный организм отрицает движение и развитие культурных форм, игнорирует роль личностной стратегии выбора, проектной деятельности людей, политических предписаний и управленческих процедур.

Нам прежде всего следует признать, что биология, в том числе новомодная в России этногеомика, и этническое самосознание (национальная принадлежность) – это трудно соприкасающиеся субстанции, что культурный процесс можно организовать по-разному и даже повернуть вспять, если для этого есть достаточные аргументы и ресурсы. Напомним, как киевский историк М. Грушевский в конце XIX – начале XX вв. своими трудами сконструировал национальную версию для малороссов. С тех пор она стала украинской, о чем он сам писал после создания труда «История Украины-Руси». В этом сочинении было отчетливо проведено отделение украинцев от русских, Грушевский сделал это намеренно и разъяснил это следующим образом: «Литературное возрождение XIX в. принимает название “украинского” для обозначения... новой национальной жизни... В последнее время все шире употребляется и в украинской, и в других литературах простой термин “Украина”, “украинский”, не только в применении к современной жизни, но и к прежним ее фазам, и это название вытесняет постепенно все прочие... Это обстоятельство принудило украинское общество в последнее время твердо и решительно принять название “Украины”, “украинского”»³.

³ Грушевский М.С. Иллюстрированная история украинского народа. СПб., 1913. С. 4–5.

С конца 1980-х годов в России возникло много новых или возрожденных групповых идентичностей, и количество национальностей выросло за двадцать лет с 128 (1989 г.) до 182 (2002 г.), и в переписи населения 2010 г. еще добавилось около десятка наименований. Почти удвоился список коренных малочисленных народов, имеющих некоторые групповые права. *Мы не знаем, в какую сторону движется мир с точки зрения эволюции культурных форм и систем: в сторону унификации или в сторону воспроизводства и усложнения разнообразия, но мы знаем точно, что сама эта сложность стала другой.* Появились новые тенденции и каналы культурного усложнения, новые технические и информационные ресурсы разрушения культурной нормы или монокультуры без обязательной маргинализации ее носителей, появились феномен и концепты культурной гибридности. Процесс этот имеет глобальный и, скорее всего, необратимый характер. Те страны и регионы, которые найдут адекватные политические ответы, – выиграют, те, кто будет пятиться назад, – проиграют. А если это так, тогда по-другому нужно смотреть и на социально-культурную природу современных наций. Именно сообщества по государству (многоэтнические согражданства), а не этнические группы и религиозные общины являются в современную эпоху основными производителями культурного капитала. Именно они поддерживают, сохраняют и защищают от внутренних и внешних угроз этнокультурное разнообразие внутри страны и даже за ее пределами, когда речь идет о так называемых соотечественниках или о «разделенных народах». Созданные национальными сообществами экономические базы, образовательно-информационные институты, охранное законодательство, ведомства и общественные организации, высокая (профессиональная) культура и многое другое являются ключевыми факторами сохранения этнических, языковых, религиозных и других культурноотличительных систем в рамках национальных сообществ. В последние десятилетия к защитным факторам добавились международные механизмы, но они также создаются представителями наций-государств и существуют на их денежные взносы.

Что собою представляют современные нации? В отечественном общественном сознании по этому вопросу существуют методологическая путаница и политизированные дискуссии. В России долгое время существовало и сохраняется понимание нации сугубо в этническом смысле. Предложенное нами двадцать лет назад понимание и употребление этой категории в двойном (гражданско-политическом и этнокультурном) и невзаимно исключающем смысле⁴

⁴ Тишков В.А. Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2; См. также мою последнюю книгу: Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013.

только в последние годы стало в России признанным. И все же это признание имеет зачастую вымученную форму, граничащую с интеллектуальной шизофренией. Идеологическая труха и конфликтно-генные рецепты (например, учредить экстерриториальные «национальные советы» для всех этнонаций, включая русскую, вместо действующей по Конституции федерации с этнотерриториальным компонентом⁵) предлагаются с завидной настойчивостью, особенно в теледебатах и в Интернете. Одна из последних провокаций – это предложение в качестве национальной стратегии заменить лозунг «народов много – страна одна» лозунгом «стран много – народ один»⁶. Отвергая российский проект, автор имеет в виду первичную значимость создания нации из проживающих в разных странах русских, но за ним с аналогичным концептом тут же следуют украинцы, черкесы, татары, лезгины и другие «разделенные народы», подрывая тем самым целостность российского государства и его народа.

В России как бы все стороны «национального бытия» и национального дискурса существуют: от экономики и здоровья/нездоровья нации вплоть до национальных проектов и национальных спортивных команд, а самой нации как бы нет, и выговорить ее название многим довольно трудно. Одна из причин трудного признания кроется в неверном понимании и восприятии гражданских наций, как их понимали еще якобинцы или американские отцы-основатели. По их мнению, идеальная нация должна состоять из свободных и равноправных граждан, говорящих на одном языке, целиком солидарных и лояльных по отношению к создаваемому ими государству. Но якобинский идеал никогда не был реализован даже в самой Франции, а американская национальная идея претерпела метаморфозы, мало увязанные с расовыми и этническими реалиями. Трудное признание современных концептов «что есть нация?» наблюдается и в других странах. Во многих странах ведутся споры по поводу того, кого называть нацией, но самый распространенный случай – это отказ со стороны государства в лице центральной власти признавать этнические или региональные сообщества в качестве наций.

Но тогда что есть нация? *Это историческая, культурная и социально-политическая общность людей в рамках государственного образования, находящаяся под единой суверенной властью, облада-*

⁵ Попов Г.Х. Обойдемся без «священной коровы» // Московский комсомолец. 2011. 10 июня. С. 6.

⁶ Ремизов М. Пять причин быть русскими // Эксперт. № 36(769). 2011. 12 сентября.

ющая общими самосознанием и общими ценностями при сохранении культурной сложности. Последняя может сжиматься и уступать место гражданскому национализму (патриотизму) в годы политической централизации и общегражданских потрясений и обретать актуализированное старое и новое разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых миграций. Все это отражается в проверенной и широко распространенной формуле нациестроительства «единство в многообразии» (*Un pluribus unī, unity in diversity*), которая используется от Индии до Ямайки.

* * *

С языковым разнообразием в современных государствах схожая ситуация, ибо язык по-прежнему довольно жестко связывается с этничностью, особенно в отечественной научной и общественно-политической традиции. Российские ученые и практики до сих пор полагают, что у человека должен быть родной язык «своей национальности», и этот язык может быть только один. Оговорка для переписчиков во время переписей населения, что «родной язык может не совпадать с национальностью», в данном случае не спасает ситуацию. В обычном понимании языковая сложность – это существование в мире множества языков и наличие внутри языков многих вариантов. Языковые атласы и даже «красные книги» языков как вымирающих живых видов стали обыденностью гуманитарной науки. Тем более, что язык физически более осязаем через речь и тексты, чем этничность через свое во многих случаях только самосознание. В языке как важнейшем средстве коммуникации заключен интерес самых разных человеческих коалиций и институтов, ибо он обеспечивает их солидарность и функционирование. Без единого языка не могут существовать современные армии, и государственные бюрократии предпочитают общаться на одном официальном языке. Более гибко к языковой практике подходят религиозные институты в своей пастырской и миссионерской деятельности. Не случайно одними из пионеров составления этноязыковых атласов в виде известного «Этнолога» были религиозные институты или поддерживаемые христианскими церквями организации.

Традиционный взгляд на ситуацию с языками сводится к тому, что в современном мире под воздействием глобализации исчезновение языков идет быстрыми темпами. По поводу проблемы «вымирания языков» и составления «красных книг» исчезающих языков существуют многочисленные спекуляции и громкие политические заявления. На уровне ЮНЕСКО и Совета Европы приняты декла-

рации и хартии по вопросам сохранения и защиты языкового разнообразия. Наиболее известный международный документ в этой сфере – принятая кабинетом министров СЕ в 1992 г. в качестве конвенции Европейская хартия региональных языковили языков национальных меньшинств. Российская Федерация в 2001 г. присоединилась к хартии, но пока не ратифицировала ее.

Казалось бы, из-за глобализации мир все больше становится моноязычным. Такие доминирующие языки, как английский, овладевают мировым языковым пространством. Однако общая языковая ситуация положение с языками в разных странах имеют более сложный характер. Эта сложность заключается в следующих процессах. Первое – это *размывание и перемешивание языковых ареалов* настолько, что сегодня уже никто не рискнет составлять языковые атласы, как это делалось в XIX в. или как это еще можно было сделать с этничностью и религией в XX в. Второе – это повсеместное *усложнение языкового репертуара современного человека и распространение многоязычия* среди населениям ногих стран. Наконец, существует тенденция к *ревитализации языков*, т.е. языки возвращаются в жизнь после десятилетий умирания и (или) забвения. Бретонский язык во Франции, гэльский и корнуэльский в Великобритании, гавайский в США – одни из примеров.

Мы не разделяем взгляды сторонников концепта «вымирания языков». Несмотря на драматические прогнозы некоторых ученых и политиков, языковое разнообразие будет сохраняться при усложнении языковых ситуаций среди современных наций и при расширении языкового репертуара отдельных людей. В свою очередь, государственная языковая политика будет развиваться в сторону признания и поддержки многоязычия, в том числе официального, на уровне государства и его отдельных регионов, а также будут усложняться сферы языкового обслуживания. Бюрократия и службы все больше будут говорить на языке налогоплательщиков, а не наоборот. *Многоязычие как личностная установка и как политика наряду с официальным одно- или двуязычием будет все больше нормой языковой коммуникации граждан в рамках национальных сообществ.* Через это, кстати, смогут улучшить свое положение многочисленные русскоговорящие жители Украины, Молдавии, Латвии, Казахстана, Кыргызстана, Эстонии и других стран.

Для Европы, включая страны Балтии и Восточной Европы, а также для России и других стран СНГ вопрос сохранения языкового разнообразия имеет особое значение, включая его политические проекции. В странах Западной Европы значительная часть населения уже обладает знанием двух и более языков, но вопрос языковой политики в регионе ЕС далеко не решен. Об этом свиде-

тельствует затянувшийся процесс ратификации Европейской хартии региональных языков или языков национальных меньшинств. По этому вопросу у России формируется своя позиция. Подписав хартию, Россия рассматривает возможность присоединения к этому документу путем ратификации. Россия – не единственное государство, отложившее ратификацию. В России имеются особенности, которые могут препятствовать положительному решению вопроса. Это и огромное разнообразие языков, и неравномерное социальное и культурное развитие российских территорий, и нежелательность перевода темы языка в политическую плоскость в регионах, где есть конфликтный потенциал. Это, наконец, значительные финансовые затраты, которые последуют за ратификацией.

На современном этапе *язык (языки) представляет собой не только средство общения тех или иных групп населения, но и самостоятельную, автономную от ее носителей культурную ценность, которая, как и любая ценность, может быть утрачена, хотя при этом речь не идет о физическом вымирании людей или об «исчезновении народа»*. Переход на другой язык не означает утрату идентичности, т.е. сознания принадлежности к тому или иному народу. В качестве скреп самосознания могут быть религия, эмоционально-духовная связь со страной и ее культурой и другие компоненты идентичности. Проблема автономности культурных ценностей и их утраты без ущерба для социальной жизни людей еще более обострилась в эпоху глобализации. Вместе с тем многие государства уже осознают, что культурные утраты, такие как утрата недоминирующих языков, наносят ущерб наследию живущих и будущих поколений, создают атмосферу неудовлетворенности и деградации. К сожалению, на эти современные вызовы Россия пока еще не научилась реагировать должным образом. Ее законодательство и правоприменительная практика, как и действия в сфере языковой политики, по-прежнему базируются на концепции «языка этнической группы», «языка национальности» и порождают дебаты о равенстве и дискриминации одних групп относительно других. Между тем следует говорить о различиях в статусе и в уязвимости одних языков по сравнению с другими. Например, проблемы сохранения и использования осетинского или бурятского языка могут существовать, но при этом граждане осетинской и бурятской этнической (национальной) принадлежности быть во всех отношениях среди наиболее преуспевающих групп населения страны.

Что касается современной ситуации в ключевой области языкового образования, то условия преподавания так называемых родных языков в России в значительной степени соответствуют международным стандартам. Однако и в этом направлении государствен-

ные усилия должны быть более последовательными. То же можно сказать о ситуации в России со средствами массовой информации и с практикой поддержки культурных мероприятий на различных языках. И все же *с точки зрения национальной стратегии перво-степенная задача российского государства – обеспечить в полном соответствии с государственными стандартами изучение русского языка на всей его территории и для всех его граждан.* Одновременно государство, его региональные власти и органы местного самоуправления вместе с общественными организациями и частным бизнесом должны поддерживать языковые запросы граждан в области образования, правосудия, социальных служб, информации.

* * *

Важнейшую роль в утверждении национального самосознания и в воспитании ответственного гражданина в современных государствах продолжает играть система образования, хотя роль общей культурно-информационной среды и индивидуального опыта человека все больше возрастает. Современный образовательный стандарт предусматривает духовно-нравственное развитие и воспитание личности молодого человека, осознающего свою принадлежность к гражданской нации и вместе с тем знающего этнические культуры, традиции народов России, прежде всего своего народа и региона⁷. Правовые гарантии такой политики были обозначены еще в законе 1992 г. «Об образовании», статья 2 которого среди принципов государственной политики в области образования называла «гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, родине, семье... Защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства». По этому закону граждане Российской Федерации имели право на получение основного общего образования народном языке, а также на выбор языка обучения.

На уровне федерального законодательства долгое время эти положения представлялись достаточными. Однако на уровне регионального нормотворчества в области образования возникли проблемы.

⁷ См.: Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тихиков В.А. Концепция духовно-нравственногоразвития и воспитания личности гражданина России // Народное образование. 2010. № 1. С. 39–46.

Через «национально-региональный» компонент преподавались этноцентристские версии истории так называемых титульных наций. Российская молодежь получала недостаточные знания в области российской истории и русского языка, что ослабляло ее конкурентные возможности⁸. В 2007 и в 2009 гг. были приняты поправки к закону об образовании, которые сделали региональный компонент образования более подконтрольным федеральной власти, а также расширили возможности самих школ в выборе программ и предметов. Вступивший в силу 1 сентября 2013 г. новый закон «Об образовании» сформулировал задачи и принципы российского образования в несколько обновленном варианте. По целям и принципам это: «гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования». Это также: «единство образовательного пространства территории Российской Федерации, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства».

Относительно языка образования закон гласит, что в России «гарантируется получение образования на государственном языке Российской Федерации, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования». Образовательная деятельность осуществляется на русском языке, но в государственных и муниципальных образовательных организациях на территории республики Российской Федерации может вводиться преподавание и изучение государственных языков республик. Преподавание и изучение этих языков не должны осуществляться в ущерб преподаванию и изучению русского языка. Важным положением является предоставление гражданам права на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка. Реализация указанных прав обеспечивается созданием соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования.

Несмотря на эти коррективы, остается нерешенной проблема поликультурного воспитания и образования в регионах со смешанным составом населения и в стране в целом. В России, например,

⁸ Анализ ситуации в регионах см.: Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2010.

до сих пор нет школьных учебников, которые раскрывали бы поликультурную природу российского народа и вклад в историю страны представителей разных национальностей. В стране как бы сталкиваются две крайние точки зрения на прошлое: старая русскоцентристская и новая этнонационалистическая версии, что может вызывать напряженность и нетерпимость между учащимися разных национальностей.

В свое время ряд полиэтничных стран, а также страны Евросоюза произвели ревизию версий национальной истории в пользу более инклюзивных и мультикультурных образцов, а также в пользу устранения из учебных текстов образа врага в лице других народов и государств. Проблема канона (стандарта) в области исторического образования стала частью глобальной повестки международного интеллектуального сообщества⁹. Россия в настоящее время также предпринимает шаги по созданию более объективных и менее конфликтных версий прошлого, в том числе это делается на уровне двусторонних комиссий историков со странами бывшего СССР, Финляндией, Германией и Польшей. За последние полтора года российские интеллектуалы и политики дебатировали высказывание Президента РФ о едином учебнике по истории, и, кажется, они сошлись на более приемлемом варианте подготовки единого школьного стандарта (или концепции) преподавания истории России. Зная состояние гуманитарного знания в аспекте местных, региональных и этнических версий, можно сказать, что и эту задачу придется решать вдовольно трудных дискуссиях.

* * *

Современные нации отличает не только культурно-языковая и религиозная сложность, но и существование в их рамках отчетливо осознающих себя местных сообществ. Выскажем на этот счет некоторые предварительные суждения. Фундаментальный конституционно-правовой принцип разделения государственного и местного самоуправления остается в России, скорее, идеологической интенцией, нежели политической данностью. В полиэтничных государствах с элементами этнического федерализма невозможно рассматривать «местное управление» только в его конституционно-правовой дефиниции, т.е. применительно к уровню ниже субъектов федерации – регионов. Даже если республики определяются российской Конституцией как «государства», и их государственность составляет часть федеративной государственности, тем не менее, именно они и являют одно из главных средоточий пробле-

⁹ См. об этом: *Тишков В.А.* Новая историческая культура. Воронеж, 2011.

мы самоуправления местных сообществ, ибо территории республик и автономных округов – это территории проживания культурно отличительных от остального населения местных сообществ. Сложный этнический состав имеет и большинство российских краев и областей. В этой ситуации федерализм должен сочетаться с сильным местным самоуправлением. Через расширение прав, ресурсов и инициатив местных сообществ может решаться значительная часть проблем межэтнических отношений, а также задача сохранения культурных традиций и своеобразия. Но здесь есть ряд вопросов.

Во-первых, следует учитывать саму природу и культурную обусловленность формирования территориальных сообществ, а также их постоянную динамику. С этим тесно связаны и территориальные формы местной власти. Как образуется то, что можно назвать «местным сообществом», в историческом и социокультурном аспектах? Можно ли определить членство в местном сообществе по формальному признаку постоянного проживания или сюда должны быть включены и те, кто уехал в город или даже за границу, но, располагая ресурсами и символическим капиталом, а также имея интересы, продолжает осуществлять власть над сообществом и определять многое в его жизни, в том числе и через конкретное участие (спонсорство, культурная деятельность, политическая мобилизация в поддержку выходца или выходцев из сообщества, криминальные связи и действия и т.п.)? Что есть современное местное сообщество, если значительная доля средств, на которые существуют его члены, поступает от тех, кто связан с этим сообществом, но физически в нем не пребывает?

Во-вторых, с этим же связан вопрос о границах местных сообществ и границах муниципальных образований. Ясно, что это разные границы, и административные границы не могут совпадать с границами культурными и границами местных хозяйственных комплексов. Что в реальной российской практике определяет границы местных образований? Есть ощущение, что здесь сохраняется советская система местного административного деления. Если и появилось что-то новое, так это своего рода вариант американского *джерршпендеринга*, т.е. границы сельских или городских районов могли быть изменены только исходя из политических расчетов, ибо с административными границами связано определение границ избирательных округов. Встает вопрос: насколько сохраняющаяся советская система не только местного, но и республиканско-регионального административного деления была и остается оправданной и что можно ей противопоставить как «идеальные» принципы для определения территориальной основы местного самоуправления?

Современная антропология местных сообществ говорит о том, что они складываются под воздействием внутренних и внешних факторов, которые имеют динамическую взаимосвязь. То, что тридцать пятьдесят лет назад казалось и действительно было насилием в формировании и определении границ местных сообществ, сегодня становится частью идентичности и глубокой привязанности их членов, т.е. кажется исторической нормой и даже «традицией». Другими словами, адаптационные возможности современных людей велики, и они способны не только стихийно самоопределять пространственные границы локальных коллективов, но и приспосабливаться к внешним предписаниям, даже если они не учитывали местного волеизъявления. Для каждого нового поколения границы местного сообщества – это радиус тех местных дорог, по которым в юности можно было доехать на велосипеде или намотоцикле, чтобы сходить на дискотеку или погулять с девушкой. Следует отметить, что осваиваемое человеком пространство повседневной жизни скорее расширяется, чем сужается, чему способствуют прежде всего улучшающиеся транспортные пути и автомобильные средства передвижения.

Безусловно, в данной сфере социальной жизни сохраняются и могут заявить о себе в манифестной форме некоторые групповые (этнические) границы, которые при всей их изначально ментальной сущности могут обретать географические параметры. Представители некоторых этнических общностей (а точнее, хозяйственно-культурных комплексов) могли на протяжении длительного времени занимать определенные пространства для проживания и использовать другие пространства для ведения хозяйственной деятельности. Иногда представители двухразных культур могли использовать разные ресурсные ниши на одной той же территории и проживать смешанно или раздельно-смешанно (отдельные поселки/аулы, но единые поселения более широкого плана). Пространственные параметры этнических общностей сохраняются и в современной жизни, особенно в сельской местности и в некоторых малых городах (в крупных городах России пока еще нет «этнических кварталов»). Из всего этого и складываются образы «малой Родины», за которые иногда возникает межгрупповое соперничество и даже открытые конфликты.

В-третьих, в какой мере этнокультурный фактор может быть основой определения границ местных сообществ? Для сельских сообществ, безусловно, может, ибо культурная гомогенность мест проживания обусловлена не только давней историей, но и современными человеческими стратегиями: удобством языкового общения, схожестью систем хозяйственного жизнеобеспечения, быто-

выми нормами, ценностными ориентациями, обрядовой жизнью и т.п. Ценность культурной партикулярности не исчезает с модернизацией и нивелировкой хозяйства и быта под воздействием рынка и массовой культуры. Многообразие местных сообществ не будет исчезать, а его символическое значение (как одной из форм человеческой идентичности) даже может возрастать. Значит, *этнокультурный фактор должен быть признан среди приоритетных в определении границ местных сообществ, а сохранение культурного многообразия является одной из задач самоуправления и государственной политики в отношении местных сообществ*. Но насколько далеко может заходить культурный детерминизм в данном вопросе, если мы уже отмечали высокую адаптивность и мобильность человеческих коллективов?

Некоторые общественные активисты и этнологи высказываются за систему своеобразной низовой кантонизации культурно-сложных сообществ и организацию местных поселений и образований на этническом принципе. Такой вариант предлагается для Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и других регионов РФ. Аргументом в пользу данного варианта является необходимость защиты и должного представительства малых этнических групп в более широких многоэтнических образованиях, а также представление о мирной стабильности этнически однородных поселений. По поводу этого аргумента есть серьезные сомнения, но ясно, что данный вопрос заслуживает обсуждения. Причем, культурная основа пространственных границ местных сообществ – это не только проблема Северного Кавказа или республик, но и всей страны, ибо местное культурное разнообразие присутствует и воспроизводится повсеместно, хотя внешние наблюдатели его могут и не замечать. Эту значимость могут и, видимо, должны определять сами жители. Но в какой мере этот фактор первичен, чтобы быть основой решения о границах, и в какой мере решение принимается действительно в результате волеизъявления, а не манипуляций со стороны «этнических предпринимателей» и замороченных паранаучными текстами местных интеллигентов?

В-четвертых, анализ правоведческой и политологической литературы ставит еще одну проблему: в какой мере оправдана единая категория «местные сообщества» для сельских и городских образований? Для территории Аляски или Москвы с частью Подмосковья такое деление не носит принципиального характера (и там, и там фактически нет деревни). Но в России, дихотомия *город-село* имеет сложную природу, а жизнь в городе и на селе и характер городской и сельской власти существенно различаются. Анализ повседневной жизни и смысла власти для городского и сельского жителя поможет

выяснить эти различия, а значит, необходимость различий в правовых нормах и администрировании, не говоря уже о перспективе категоризации двух разных классов социальных явлений: городского и сельского (само)управления. Здесь нельзя обойти и вопрос о существовании в РФ смешанных муниципальных образований с объединением городских и сельских территорий. По имеющимся полевым наблюдениям¹⁰, в данном случае мы сталкиваемся с административным «выбросом» персоналистских властных и коммерческих соперничеств, а территория, как и во времена враждующих племенных групп, становится ресурсом выживания и безопасности.

В-пятых, существующая степень анализа и общего понимания игнорирует неформальную сторону природы власти. Сельские (деревенские) муниципалы продолжают тратить половину своего рабочего времени в кабинетных инстанциях районных муниципальных образований. Одна «местная власть» находится фактически в полном подчинении у другой «местной власти». На чем строятся это повседневное подчинение и зависимость, которые в Конституции, законах и указах не прописаны? Похоже, в ряде регионов нынешние администрации районов полностью подчинили себе власть деревень, поселков и сел, и последняя есть искусственное образование или инструмент осуществления иных функций. В любом случае в России наблюдается разрыв между заявленной реальностью (законы, уставы, решения, опросы и т.д.) и практикой повседневности, построенной на неформальных связях, жестких зависимостях, сугубо личных или корпоративных интересах и т.д., которые делают титовую оценку местного самоуправления гораздо менее оптимистичной. Приходится признать, что в современной России многие политические и культурные основы местного самоуправления отсутствуют, а в некоторых российских регионах нет условий для функционирования местной власти вообще.

Общий вывод: российская нация как форма коллективной идентичности в большей степени строится сверху, преодолевая как внутренние (верхушечные и низовые), так и внешние противодействия. Так всегда и было в истории современных государств, включая Россию. Таковым остается проект нациестроительства и в современном мире при всех его выше отмеченных особенностях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2003.

¹⁰ Малый город в современной России: Предварительные результаты полевых исследований / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2010; Мы здесь живем. Социальная антропология малого российского города. В 2-х книгах / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2013.

2. *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история украинского народа. СПб., 1913.
3. *Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // Народное образование. 2010. № 1.
4. Малый город в современной России: Предварительные результаты полевых исследований / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2010.
5. Мы здесь живем. Социальная антропология малого российского города. В 2-х книгах / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2013.
6. *Попов Г.Х.* Обойдемся без «священной коровы» // Московский комсомолец. 2011. 10 июня.
7. *Тишков В.А.* Что есть Россия? (Перспективы нацистроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2.
8. *Тишков В.А.* Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002.
9. *Тишков В.А.* Новая историческая культура. Воронеж, 2011.
10. *Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013.
11. Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2010.

О РУССКИХ:
ВВЕДЕНИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ
КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДА «РУССКИЕ»
В СЕРИИ «НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ»*

Прошло 20 лет после издания Институтом этнологии и антропологии РАН тома «Русские», который положил начало уже ставшей знаменитой серии историко-этнографических трудов «Народы и культуры». 25 вышедших томов посвящены народам России, а также народам бывшего СССР, ибо серия задумывалась и подготовка к ней велась еще до распада Союза. С момента выхода первого тома был накоплен новый научный материал по истории и этнографии русского народа. Кроме того, сама книга стала большой библиографической редкостью, а спрос на такой труд в нашей стране поистине неисчерпаем, ибо речь идет о самом крупном народе нашей Родины, культура и язык которого являются доминирующими, а сами русские, по словам Президента В.В. Путина, это в России «государствообразующий народ по факту самой истории», т.е. их вклад в создание и существование российского государства является определяющим.

В мире не так много народов, численность которых превышает сто миллионов человек. В эту категорию входят как этнические общности, т.е. народы одной культуры и языка (ханьцы, бенгальцы, русские, японцы и др.), так и многоэтничные и разноязыкие сообщества по государству (американцы, бразильцы, британцы, индонезийцы и др.). Все они общим числом около 40 проживают на разных континентах, как правило, в крупных государствах, имеют свои отличительные языки, культуру, традиции. Именно к таким народам относится и самый крупный народ Российской Федерации – русские. Из кого состоит этот один из самых известных в мире народов, или точнее, кого можно отнести к русским и что можно сказать о культуре и месте русских в мире, предваряя почти 1000-страничный труд большого коллектива коллег-этнологов?

О РУССКОМ САМОСОЗНАНИИ (ИДЕНТИЧНОСТИ)

Этот вопрос вызывает споры не только среди обычных людей, но и ученых и политиков, ибо не существует четкого перечня

* Вестник Российской нации. 2014. № 6.

признаков, по которым можно определить русского, а тем более установить это по биологическим данным (например, выявить «геном русского» как некую обобщенную формулу) не представляется возможным. Тем не менее, есть общие и существенные черты, которые свойственны русскому человеку, выделяют его среди других людей в России и в остальном мире. Это прежде всего русский язык, хотя в России и в ряде других стран бывшего СССР русский является родным языком для десятков миллионов нерусских граждан. Для верующего человека это, конечно, принадлежность к русской православной вере в ее разных толках. Но православными являются и представители многих других российских национальностей, а среди русских есть католики и протестанты. Это связь с Россией как своей Родиной и с русскоязычной культурой, хотя эту связь ощущают все россияне и для подавляющего большинства русскоязычная культура – то их основная среда и внутренний мир.

Но тогда что значит быть русским? По всем принятым в науке критериям главное – это самосознание или, как теперь говорят, идентичность, т.е. русский – то тот, кто ощущает себя русским и, как говорил академик П.Б. Струве, «тот, кто участвует в культуре». Конечно, на внутреннюю идентичность оказывают влияние внешние предписывающие факторы (физический облик человека – фенотип, звучание фамилии, нормы поведения и т.д.), но не они являются определяющими. А.С. Пушкин явно не вышел бы внешним обликом по «русскому стандарту», но едва ли можно найти более русского человека, чем гений русской поэзии. Предки Н.М. Карамзина родились не в самом сердце России, о чем говорит и звучание его фамилии, но именно он стал одним из летописцев российской истории. Ряд таких «несоответствий» в пантеоне известных русских людей, включая царские фамилии, знаменитых полководцев и духовных лидеров, можно продолжать долго.

В исторической перспективе имеет значение и меняющееся содержание понятия «русский». Слово «Русь» в смысле людей или народа, скорее всего, по мнению В.Я. Петрухина и Е.А. Мельниковой, скандинавского происхождения¹.

Оно означало с конца IX в. землю и живших на ней людей, единого восточнославянского народа (древнерусской народности). Однако есть авторитетные мнения, что «имя «Россия» имеет греческое происхождение и главным его значением было название Русской митрополии, основанной в конце X века»². В любом случае есть

¹ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории древнерусского государства (IX – XI вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38; Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. Под ред. Т.Ю. Красовицкой, В.А. Тишкова. М., 2012. С. 28, 29.

² Клосс Б.М. О происхождении названия «Россия». М., 2012. С. 16.

веские основания говорить, что в X в. сложилась общность – древнерусская народность – с общей материальной культурой и письменностью на основе разработанного Кириллом и Мефодием алфавита, а также с общей государственностью, которую олицетворяло княжеское правление выходцев из Скандинавии Рюриковичей³. В конце X в. Русь обрела дополнительное единство с принятием христианства в восточном (православном) варианте. Как отмечает Ю.А. Петров, события, описанные «Повестью временных лет» под 862 г., для всех восточнославянских государств являются равно началом общей – древнерусской – государственности⁴.

Русская земля существовала как государственное объединение и как предмет общей судьбы и защиты в период феодальной раздробленности и во времена ордынского нашествия. Веками все три восточнославянских народа называли себя русскими, а когда возникла Российская империя – все, кто родился на ее территории и принял православие, считались русскими. Вот почему в дореволюционных изданиях про традиции, обычаи и обряды русского народа присутствуют разделы о черемисской свадьбе, татарском сабантуе и т.д.⁵

В начале XX в. (особенно после первой советской переписи населения 1926 г.) к категории русских были отнесены исключительно великороссы, так что объединяющее самоназвание русские как бы сошло с исторической арены. Зато более определенными, а с 1991 г. и связанными с суверенными государственными образованиями стали украинская (бывшая малоросская) и белорусская идентичности.

Вот уже почти сто лет жители нашей страны и других государств определяют свою принадлежность к русским главным образом по самосознанию и по своей приверженности России и русской культуре. Правда, в последнее 20-летие в условиях роста интереса к историческим корням и более свободного выбора (иногда с религиозной спецификой) у русских проявились так называемые субэтнические идентичности, связанные с историко-культурной традицией, локально-региональными отличиями⁶. Эти возрожденные или заново конструируемые коллективные идентичности среди русских не носят взаимоисключающего характера и, назвавшийся казаком, помором или сибиряком, не перестает быть русским, если только

³ См.: *Петрухин В.Я.* Русь в IX–XI веках. От признания варягов до выбора веры. М., 2013; *Седов В.В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999.

⁴ Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. Под ред. Ю.А. Петрова. М., 1999.

⁵ *Забьлин М.* (Сост.). Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия, поэзия. М., 1880.

⁶ Этнокультурный облик России. Перепись 2002 года. Отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М., 2007.

он демонстративно не отвергает свою русскую принадлежность. На принципах самоопределения построена современная этнодемография, включая переписные процедуры.

По этим и другим данным можно определить численность русских на разных исторических этапах. Для дореволюционной эпохи эту численность установить более сложно, поскольку до 1920-х годов в переписных процедурах не существовало категории «национальность» в смысле этнической принадлежности. Ученые восстановили примерную численность русских по данным о вероисповедании и родном языке⁷. Советские и постсоветские переписи дают более точную статистику: в советское время граждан обучили смыслу слова «национальность», и этнический состав, включая численность русских, определялся довольно точно, а также их пространственное расселение и социально-культурные параметры⁸.

Сегодня главная проблема с российской переписью населения заключается в точности и полноте охвата опрошенных (хотя в 2010 г. получение данных о национальности оказалось все же серьезной трудностью), а также в признании за россиянами права на множественную этническую идентичность. В этом случае существующая напряженность – кто ты – русский, казак или помор – должна будет сойти на нет. Пока же по результатам переписного опроса и общественного лоббирования государство и ученые квалифицируют подгруппы внутри русского народа (казаки, поморы), хотя некоторые активисты претендуют на статус отдельных народов, не обладая для того какими-либо значимыми культурными отличиями. Иногда за этим стоит память о существовавшем в прошлом сословии (казаки), об особом хозяйственно-культурном типе (поморы), а иногда обычная мобилизационная агитация в пользу мифологической группы или сошедшего с исторической арены группового, регионального, социального самоназвания (например, «чудь белоглазая»). И все же русская идентичность ярко и уверенно осознается подавляющим большинством ее носителей, но в силу большого историкорегионального разнообразия и активного участия русских в межэтнических контактах, включая и брачные связи, имеет собственную динамику развития.

⁷ Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика численности и расселения русского этноса (1678–1917 гг.) // Советская этнография. 1982. № 4. С. 9–25; Первая Всеобщая Перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. LXXVII. Тетрадь 2. СПб., 1904. С. 34–41; Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революция в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010.

⁸ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012; Русские. Этносоциологические очерки. Под ред. Ю.В. Арутюняна. М., 1992; Кадио Ж. Лабораторная империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2009.

По результатам всеобщей переписи населения в РФ в 2010 г. учтено 111 млн русских. По сравнению с 1989 г. (последней советской переписью населения), это почти на 9 млн меньше, но с учетом 5,6 млн россиян, переписанных в 2010 г. без указания национальности (по административным данным без прямого посещения), из которых около 80% – то обязательно русские, сокращение числа русских в России будет не столь значительным (около 5 млн человек). Весной 2014 г. вхождение Республики Крым и Севастополя в состав РФ добавило 1,5 млн русского населения, и доля русских в составе населения России вновь составила 81,6% (в 1989 г. было 81,5%).

Таким образом, современная численность русских в России – около 117,5 млн человек, что почти равно их численности в РСФСР в начале 1990-х годов накануне распада страны. В этой связи важно отметить, что выстроенные по данным начала 1990-х годов долгосрочные демографические прогнозы о неизбежном вымирании русских, а вместе с ними всей России либо их замещении жителями других национальностей – ничто иное, как политизированная мифология, рисующая образ разрушения страны, гибельную перспективу ее основного народа. Для поддержки семейной политики и деторождения это, возможно, полезно, для морально-психологического климата и для адекватности оценок – вредно.

Русские как этническая общность, несмотря на трудные природные и социальные условия, на огромные жертвы, понесенные в войнах и от репрессивных режимов, во все исторические эпохи приумножали свою численность и всегда составляли самое многочисленное российское «племя». Тем не менее в период поздней Российской империи русские (великороссы) составляли менее половины населения страны, а в СССР немногим более 50%. После 1991 г. русские составили подавляющее большинство, и такая ситуация может сохраняться исторически долго, при условии поддержания благоприятного уровня естественного прироста, поощрения добровольной ассимиляции в пользу русских и иммиграции русскоязычного населения в Россию. Русская идентичность остается наиболее притягательной и близкой с точки зрения культурной ориентации для многих представителей других российских национальностей⁹. При низком, а порой и отрицательном естественном росте, русский народ пополняет свои ряды за счет добровольной культурно-языковой ассимиляции, которая обычно завершается и сменой само-

⁹ Арутюнян Ю.В. и др. Русские. Этносоциологические исследования. М., 2011; Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013.

сознания. Больше всего в русские переходят российские украинцы и белорусы, а также представители финно-угорских народов, издавна пребывающие в составе российского государства и обращенные в православие. В целом, в XX в. русские как народ пережили период демографической модернизации, перейдя к новому типу нуклеарной, преимущественно городской семьи, малой детности, новым межпоколенческим отношениям и семейно-родственным связям¹⁰.

Еще одна отличительная черта русского народа – его готовность и способность к освоению новых территорий, привыкание к разным природным условиям и неблагоприятным природным средам, а также к техногенным и социальным трансформациям, т.е. доказанная долгой историей способность к адаптации¹¹. Русские подтвердили это не только освоением грандиозного по размерам евразийского пространства. Немалую роль сыграли и заимствования опыта аборигенного населения, выработка уникальных систем хозяйственного жизнеобеспечения, основанного на модернизации традиционных укладов и образа жизни российских народов, проживавших за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке, Средней Азии, на Крайнем Севере. Именно великорусские первопроходцы и поселенцы, включая малороссов, распространили ценности и достижения христианской цивилизации в самые отдаленные регионы Российской империи, фактически донесли до берегов Тихого океана европейскую правовую норму.

С начала XX в., в силу разных обстоятельств, но главным образом по причине социально-политических катаклизмов, Россию покинули миллионы ее жителей, среди которых этнические русские составили отнюдь не большинство¹². Однако среди примерно 2 млн эмигрантов эпохи Революции и Гражданской войны самой заметной категорией были представители русского офицерства, деятели науки и культуры: это был настоящий исход цвета русской нации¹³. За рубежами России образовался так называемый Русский мир – условное сообщество русских по самосознанию людей, выходцев из России, ощущавших свою связь с исторической родиной, ее языком

¹⁰ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998 Демографическая модернизация России, 1900–2000. Под ред. А.Г. Вишневского. М., 2006.

¹¹ Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. Под ред. А.П. Деревянко, В.А. Тишкова. М., 2010; Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011; Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. Под ред. В.П. Захарова. М., 2012.

¹² Нитобург Э.Л. Русские в США: история и судьбы, 1870–1970. М., 2005.

¹³ Русский исход. Под ред. Е.М. Мироновой. СПб., 2004.

и культурой. Этот мир нашел себя в странах Европы и Америки¹⁴, захватил Турцию, Китай и даже Австралию¹⁵. Он пополнялся волнами эмигрантов и перемещенных лиц в годы Второй мировой войны, а затем – диссидентами и интеллектуальной эмиграцией¹⁶.

С точки зрения глобальной политической географии, русские оказались не только народом с большим пространством расселения, но и одним из народов, в большой степени разделенным границами разных государств. В 1991 г. возникло так называемое новое или ближнее зарубежье, в котором проживают русские, от которых «уехали» границы их собственной страны. В момент распада СССР их было около 25 млн чел.¹⁷ Распад СССР – крупнейший геополитический катаклизм в истории русского народа – был усугублен радикальной сменой правового статуса русских, переменами в общественно-политическом климате новых стран, в которых русофобия и дистанцирование от России стали одними из принципов нового национального строительства¹⁸. Приниженный статус русского языка, дискриминация в вопросах доступа к ресурсам и власти, правовые ограничения, сужение образовательных и информационных возможностей, иногда даже угрозы жизни и имуществу – все это пришлось пережить тем, кого в России стали называть зарубежными соотечественниками и по отношению к кому на их «исторической родине» выстраивалась, хотя и не всегда последовательная и щедрая, политика поддержки и скромных преференций.

За последнюю четверть века из бывшей советской этнической «периферии» в собственно Россию переехало около 8 млн русских. Приезжали, главным образом, из союзных республик, а ныне стран Центральной Азии, Южного Кавказа, Молдовы и Украины. Это стало одним из крупнейших пространственных перемещений русского народа в его истории. Если к этому добавить довольно значительное число русских, мигрировавших в центральные регионы России с Дальнего Востока и Севера, из республик Северного Кавказа, то

¹⁴ Комарова Г.А. Русский Бостон. М., 2002; Нитобург Э.Л. Русские в США: история и судьбы, 1870–1970. М., 2005.

¹⁵ Каневская Г.И. История русской иммиграции в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2008.

¹⁶ Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

¹⁷ Савоскул С.С. Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М.: Наука, 2001; Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013; Laitin D. Identity in Formation. The Russian-Speaking Populations in the New Abroad. Cornell U. Press, 1998.

¹⁸ Хоперская Л.Л. Нетитульная судьба. Российские соотечественники в Центральной Азии. М., 2013.

можно говорить о своего рода историческом повороте: русская пространственная экспансия сменилась «собираанием», концентрацией русского населения в исторических русских землях первоначального освоения. Этот процесс был бы еще более очевиден, если бы «возвратная миграция» не сопровождалась эмиграцией в страны Запада части наиболее квалифицированных кадров и учащейся молодежи из Москвы, Санкт-Петербурга, крупных городов. Эта новая эмиграция в форме «утечки мозгов», во имя жизненного преуспевания была достаточно ощутимой, хотя по численности она не стала масштабной (постоянно остались жить на Западе не более 1 млн чел.).

После распада СССР мир русского влияния, включая тех, кто говорил за рубежом по-русски, существенно изменился. Помимо уехавших в Россию, в украинцы перешли не менее 2 млн русских жителей Украины. Число русских в этой стране уменьшилось с 9 до 6 млн. Вхождение Крыма в состав России и вынужденная эмиграция русских из юго-восточного региона сделали русскую общину в этой стране еще меньше. В Казахстане и в странах Центральной Азии русских наполовину меньше, чем было до 1991 г.¹⁹

Еще драматичнее ситуация в странах Южного Кавказа. Разгул местных титульных национализмов и вооруженные конфликты еще в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов вытолкнули из Грузии и Азербайджана множество русских; в Армении их и до распада СССР было незначительное меньшинство – около 2%²⁰.

Выдавливает русских и из стран Балтии, но массового отъезда не наблюдается, а существует сложный процесс интеграции, включая элементы культурно-языковой ассимиляции или формирования сложной «балтославянской» идентичности.

В последнюю четверть века очевидно выросло русское население в странах западной Европы, в США и Канаде. Особенно много русских эмигрантов осело в крупнейших западных мегаполисах (Нью-Йорк, Лондон, Париж, Берлин, Прага) и в таких местах сосредоточения технической интеллигенции, как Силиконовая долина в США. Несколько сот тысяч русских ныне имеют собственность и проживают постоянно или часть времени в Черногории, Болгарии, Чехии, Франции. В последние два десятилетия продолжается рост числа русских эмигрантов (главным образом выходцев с Дальнего Востока) в Китае. В целом число русских за пределами России можно оценить примерно в 20 млн чел. Трудно предугадать будущее русского зарубежья, но ясно одно, что оно – важнейший связующий мост с ключевыми странами и регионами мира, ресурс для развития России и ее влияния в мире.

¹⁹ Хоперская Л.Л. Нетитульная судьба. Российские соотечественники в Центральной Азии. М., 2013.

²⁰ Лаценова Е.А. Политико-правовое положение русских в Армении // Московский журнал международного права. 2006. № 2. С. 46–56.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

С древнейших времен русские были народом политическим в смысле организации своей социальной структуры на основе политики – протогосударственных, раннегосударственных и современных государственных образований. Возможно, таковыми были все многочисленные и культурно гомогенные народы, которые имели общий язык, раннюю письменность, создали династическую власть и приняли какую-либо из мировых религий. Русские точно попадают под это определение, поскольку создали в симбиозе с другими славянами, финно-уграми и частью скандинавов (речь о княжеской верхушке скандинавского происхождения) «созвездие» княжеств под общей династической фамилией Рюриковичей²¹. Приняв более 1150 лет тому назад от Византии христианство, общие предки русских, украинцев и белорусов сохранили свою веру, хотя со временем она и распалась на разные течения и административные подчинения. Вот отчего и поныне во многих случаях русский означает православный. Обрусевшая династия в лице княжеских сановников и их дружин вместе с церковными иерархами олицетворяла русскую власть на протяжении нескольких веков, свой отпечаток на нее наложили двухвековая политическая и данническая зависимость от ордынцев с их государственно-правовыми и военными устоями. Русский народ в XIII–XV вв. был ограничен в своем суверенитете, социально разделен, ущемлен в правах и проявлении инициативы, но в его среде сохранялись культурно-языковые и религиозные устои, которые воплотились в такие героические фигуры русского сопротивления, как Дмитрий Донской и Сергей Радонежский. Следует заметить, что тогдашняя Европа, хотя и имела уже благодаря Гуттенбергу печатную Библию с более широким хождением, нежели древнерусские берестяные грамоты, но она оставалась регионом жестокости, мракобесия и междоусобных дрязг, ломавших людские судьбы не меньше, чем на Руси во времена «феодальной раздробленности».

Русская монархическая власть как власть централизованная и олигархическая оформилась при Романовых и оставалась таковой вплоть до ее свержения в феврале 1917 г. Она достойно служила интересам России, особенно ее привилегированным сословиям, хотя и была полуиностранного происхождения и незаслуженно обойдена вниманием историков из-за своего бесславного конца. Он наступил по причине патологического консерватизма, боязни пере-

²¹ Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. Под ред. Ю.А. Петрова. М., 2012.

мен, поощрения ксенофобии в стране с огромной этнической периферией²². При этом следует отметить, что в Российской империи после реформ середины XIX в. в русском обществе имели место развитие местного самоуправления, предпринимательства, массового образования и выдающиеся культурные достижения, сделавшие мировую славу русской культуре (литературе, музыке, живописи). Однако именно русская интеллигенция стала одной из основных сил радикальных революционных перемен в стране в начале XX в.²³

Радикалы в лице партий эсеров и большевиков свергли Романовых и, воодушевленные идей революционных ломок, осуществили громадный социальный эксперимент, круто изменив все сферы жизни – от экономики до идеологии. Эти события затронули русский народ не меньше, а пожалуй, больше других народов империи, и это воздействие было разрушительным. Само слово «Россия», с которым связано слово «русский», ушло из названия страны, вызвав определенный шок среди думающих об отчизне²⁴. Русский народ был объявлен «угнетающей нацией» по отношению к «ранее угнетенным нациям» и тем самым должен был взять на себя миссию ликвидации былого гнета и отсталости. Политика коренизации первых лет Советской власти выдавливала этнических русских (тогдашних великороссов) из сфер власти, управления, образования в пользу кадров из числа национальных меньшинств²⁵. Жестоким гонениям и унижениям подверглась такая опора русского самосознания, как православная вера: были разрушены тысячи храмов, репрессированы священнослужители, воинствующий атеизм стал частью официальной идеологии²⁶.

Политика и власть «простерли совиные крыла» над русской повседневностью: частная экономика (кроме подворья с коровой

²² Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011; *Каррер д'Анкосс*. Романовы. М., 2013; *Никонов В.А.* Российская матрица. М., 2014.

²³ Вехи; Интеллигенция в России: Сб. статей 1909–1910. М., 1991.

²⁴ *Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013.

²⁵ *Аманжолова Д.А.* Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР, 1920–1980. М., 2010; *Красовицкая Т.Ю.* Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. М., 1998; *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2009; *Мартин Т.* Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939; пер. с англ. М., 2011; Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. Под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина; пер. с англ. М., 2011.

²⁶ *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995; *Логинов А.В.* Власть в вера. Государство и религиозные институты в истории и современности. М., 2005.

и огородом) осталась в прошлом, крестьяне оказались в подчинении у колхозного начальства и без права передвижения, русские горожане, наравне с другими национальностями, были насильно рекрутированы в плановую и неэффективную экономику. Некоторой отдушиной для выживания русских как народа было положение советской интеллигенции, добивавшейся, кстати, выдающихся результатов в образовании, культуре и науке, но и больше всех пострадавшей от политических репрессий эпохи сталинизма.

Важнейшим элементом политической антропологии русских было осуществляемое по отношению к ним насилие со стороны государства. Сначала из страны был изгнан или физически уничтожен ее «образованный класс», уничтожено влиятельное сословие казачества с традицией самоуправления и отличительной культурной традицией. Прямое и косвенное насилие понижало советское общество на протяжении всей его истории. Советские традиции жесткой регламентации, низкой ценности человеческой жизни, нормы правовой и бытовой культуры сохранились частично и сегодня, после распада СССР, когда формируется новое российское общество.

Трудно уходят из жизни установки бездумного коллективизма (напоминающего русскую общинную взаимозависимость и взаимопокорность), слабого частного интереса к обустройству своей семьи, карьеры и собственного здоровья. Эти новые тенденции только формируются среди образованной городской молодежи и растущего среднего класса. При всем при этом в русском человеке остаются сильными коллективистское и одновременно политическое начала. Это объясняется длительной зависимостью жизни и судьбы от власти и государства, продолжительным проживанием в сложной природной и социальной средах, высоким уровнем образования, традицией участия в молодежных и взрослых общественно-политических организациях и кампаниях.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Социальные структуры русского общества были достаточно типичными для каждой из исторических эпох, но были и некоторые особенности. Как и во всем христианском мире, основой социальной организации русских была семья (сначала многопоколенная, расширенная, затем – обычная парная, а ныне часто и неполная семья). У русских есть свои богатые семейные традиции, обряды жизненного цикла от рождения до похорон, особенности взаимоотношений детей и родителей, а также родственных связей. Все это

менялось во времени, но что-то сохраняется достаточно устойчиво, в том числе и на уровне местнорегиональной специфики²⁷.

Не менее интересны и важны аспекты социальной организации за пределами семейно-родственного круга. Длительное время, вплоть до отмены в 1917 г., в России были официально признанные сословия граждан, до второй половины XIX в. значительная часть крестьянства была в системе крепостного права, до XX в. на селе существовала община, определявшая хозяйственные и правовые нормы жизни подавляющего большинства русских в Российской империи. Исключениями были северные и южные окраины, где русские селились или как свободные охотники и рыбаки, или как служилое сословие с полувоенной системой организации жизни. Свои особенности имела социальная организация русских в малолюдной Сибири, где было много ссыльных и их потомков, а также старообрядческих поселений²⁸. Только в конце XIX – начале XX вв. общинная Россия стала превращаться в государство с земским самоуправлением, а после 1905 г. – с появлением политических партий, обществ, товариществ и добровольных ассоциаций – в монархию западного типа.

Всепроникающим компонентом социальной организации русских в имперский период был религиозный приход и храм как символ жизненности местного сообщества, как центр общения. Большие храмы (соборы) и кремлевские сооружения означали ключевой компонент социальной группировки более обширных сообществ: района, города, епархии, страны. В позднеимперский период возросла значимость светских учебных заведений (школ и университетов)²⁹, нарождающейся деловой элиты в лице русского купечества со своим особым укладом и ценностями.

В советский период сословная социальная структура была радикально разрушена, зато возникла обладавшая реальной властью номенклатура – чиновничье-партийная прослойка и высший управленческий и военный персонал, который можно назвать новым советским сословием. Этнические русские занимали в нем в эпоху позднего СССР доминирующие позиции, хотя на более ранних этапах советского правления на этих позициях были внушительно представлены нерусские национальности, особенно выходцы с Кавказа и Прибалтики.

²⁷ *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины в XVIII веке. М., 2012.

²⁸ *Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории.* М., 2011; *Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства.* Под ред. В.П. Захарова. М., 2012.

²⁹ *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010; *Eklof B.* Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914. Berkeley, 1990.

Поскольку образование, наука и культура имели в СССР витринное значение, постольку слой людей, занятых интеллектуальной работой, был сравнительно широк, а когда речь шла об обласканной властью элите, то и весьма уважаем. Русский язык доминировал в профессиональной культуре, эта часть ее наименее пострадала от ущербоного экономического и политического строя. Неслучайно ностальгия по советской культуре охватила и современное российское общество, когда рыночные подходы, упор на развлекательность и формальную информированность в искусстве и образовании, господствующие в современном обществе, серьезно потеснили идеологический норматив и проверенную классику.

Мировые достижения русской культуры десятилетиями сосуществовали с более чем скромной советской повседневностью, с ужасными жилищными условиями, особенно в русской деревне и в малых городах центральной России, хроническим дефицитом товаров, включая продукты питания, с низким уровнем медицинского обслуживания и убогим коммунальным бытом горожан³⁰. Постсоветский период быстро изменил русскую повседневность: человек стал хозяином своего времени и статуса, для миллионов русских открылись возможности к личному предпринимательству, улучшению условий жизни своей семьи. Стремительно менялись представления о жилом пространстве в пользу просторного, многокомнатного частного дома, будь это дом в родительском селе или в дачном поселке.

За четверть века многие русские семьи в крупных городах воплотили желание иметь собственные дачи, редкостью стало проживание русских в коммунальных квартирах. На наших глазах идет процесс «всеобщей автомобилизации» (в середине 2000-х годов на 45 млн семей пришлось свыше 30 млн автомобилей), что изменило образ жизни русских, их пространственную и даже социальную мобильность, связь город-село, схемы отдыха. Переменялись пищевые привычки и сама пища русских; горожане стали чаще есть вне дома: только в одной Москве открылось более 5 тыс. новых ресторанов. Но куда же подевалась русская этнография? В ней произошли огромные позитивные перемены.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКИХ

Среди широких слоев современного русского населения появился мощный запрос не только на материальные блага, но и на поиск духовных начал жизни, знание истории страны, края,

³⁰ Утехин И. Очерки коммунального быта. М., 2004.

собственной семьи, на так называемую этнику, суть которой в возрождении и использовании фольклора, обрядов, традиционных предметов быта, элементов костюма, декоративно-прикладного искусства. Но самая значимая трансформация связана с возвращением и утверждением православной религии и ее институтов. В России после 1991 г. было построено 30 тыс. новых храмов, восстановлено около 300 монастырей, открылись десятки духовных учебных заведений разного уровня, родилась целая индустрия иконописания и росписи, производства религиозной утвари, сувениров, печатной продукции³¹. Вновь подавляющее большинство русских отмечают религиозные праздники – Пасху, Рождество, Крещение, сотни тысяч православных совершают паломнические поездки, участвуют в акциях социально-благотворительного плана. Регулярно проходят конгрессы Всемирного русского народного православного собора, присуждается ежегодная премия архиепископа Макария, издается фундаментальная православная энциклопедия, большой популярностью пользуются православные телевизионные каналы и передачи, а также периодические издания. Институт этнологии и антропологии РАН проводит регулярные чтения памяти Серафима Саровского³², продолжается издание научных трудов по истории церкви и роли православия в жизни русского народа. Это, безусловно, новый поворот в религиозной ситуации русских.

В последние годы в российском обществе наметился раскол по части оценки постсоветских трансформаций, тех ценностей, которые принесли с собой рыночная экономика и процессы политико-культурной и религиозной интеграции и унификации. Русские культура и идентичность и исследующая их этнография подвергаются многим и разным внешним и внутренним воздействиям. Но, несмотря на это, и вопреки всему некоторые институты и ценности сохраняются и поныне. Среди них христианство в его византийской православной традиции, язык на основе созданной Кириллом и Мефодием азбуки, богатый фольклор и народная мифология, уникальный опыт обустройства большого государства со сложным по этническому и религиозному составу населением, рано оформившееся представление об отчизне и Родине-матери России³³.

Одним из важных условий сохранения исторической памяти и преемственности культурных традиций остается научное знание,

³¹ Казьмина О.Е. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России. М., 2009.

³² Наследие 2008 – Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России. Материалы научной конференции 20–20 июня 2008. М., 2008.

³³ Война 1812 года и концепт «отечество». Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследование и материалы. Под ред. М.Ф. Строганова. Тверь, 2012.

которое собирают, хранят и объясняют ученые – историки и этнологи, культурологи и языковеды. Многие из них внесли выдающийся вклад; одни из них уже ушли от нас (Рыбаков, Лихачев, Чистов, Битов, Седов, Кабузан, Козлов, Власова, Александров, Рабинович), другие здравствуют поныне. Следует отметить труды известных зарубежных русистов, особенно западноевропейскую и североамериканскую научные школы (Биллингтон, Пайпс, Фицпатрик, Уортман, Эммонс, Данкосс, Хоскинс, Герке). Но самое важное – то плодотворно работающее нынешнее поколение отечественных специалистов по истории и этнографии русского народа, имена которых невозможно перечислить. Подготовленный труд «Русские», который выйдет из печати в издательстве «Наука» в начале 2015 г., – это результат многолетних усилий как прошлого, так и нынешнего поколения представителей российской академической науки. Этот труд будет важным источником сохранения русского национального самосознания, утверждения общероссийского патриотизма и просвещения всех россиян.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В.* Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998.
2. *Каррер д' Анкосс.* Романовы. М., 2013.
3. *Казьмина О.Е.* Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России. М., 2009.
4. *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революция в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010.
5. *Нитобург Э.Л.* Русские в США: история и судьбы, 1870–1970. М., 2005.
6. *Петрухин В.Я.* Русь в IX – XI веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013.
7. *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность. М., 2002.
8. Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. Под ред. Ю.А. Петрова. М., 2012.
9. Русские народные традиции и современность / отв. ред. Т.А. Листова. М., 1995.
10. Русские: Народная культура (история и современность) / отв. ред. И.В. Власова. Т. 3. Семейный быт. Т. 4. Общественный быт. Праздничная культура. М., 2000. Т. 5. Духовная культура. Народные знания / отв. ред. И.В. Власова М., 2002.
11. Русские. Этносоциологические очерки. Под ред. Ю.В. Арутюняна. М., 1992.
12. Русские: Этнотерритория, расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.) / отв. ред. И.В. Власова. Т. 1. М., 1999.
13. *Савоскул С.С.* Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М.: Наука, 2001.
14. *Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013.
15. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. Под ред. Т.Ю. Красовицкой, В.А. Тишкова. М., 2012.

О ГЛАВНЫХ АКТОРАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА: КУЛЬТУРНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИЙ

Чтобы воплотить в жизнь идею диалога цивилизаций, необходимо осознать векторы сегодняшней эволюции культурных форм и систем. А это требует от ученых нового взгляда на социально-культурную природу современных наций – всеохватных человеческих сообществ на основе суверенной государственности, которые сохраняют и защищают от внутренних и внешних угроз как свою целостность, так и свое этнокультурное разнообразие. Созданные ими экономические базы, образовательно-информационные институты, охранное законодательство, ведомства и общественные организации, высокая (профессиональная) культура и многое другое – ключевые факторы сохранения (или разрушения и эрозии) этнических, языковых, религиозных и других культурно отличительных систем, которые также никуда не сходят с исторической арены и существуют в рамках наций-государств повсеместно.

Что представляют собой современные нации? В России, несмотря на наличие «национального бытия» и национального дискурса, сама нация как бы отсутствует, ибо российский народ определяется как «многонациональный». Во многом это связано с традицией понимания нации как типа этнической общности – традицией, которая восходит к австромарксизму и к советской практике «национально-государственного строительства», под которым имелось в виду конструирование социалистических наций на основе этнических и даже племенных групп, существовавших в историческом российском государстве. Отказ от гражданского нациестроительства, а точнее его замена формулой «нового типа исторической общности» в лице советского народа позволила этническому национализму стать одним из факторов разрушения СССР. Понимание наций так этносов «со своей государственностью» не было реализовано в исторической практике, несмотря на кровавые коллизии, включая этнические чистки, насильственную ассимиляцию и политико-идеологические гонения против тех, кто отличался внешним видом, языком, верой и просто считал и называл себя по-другому.

* Полис. Политические исследования. 2012. № 6.

Как не хотели болгары признавать частью своей нации болгарских мусульман, но это им пришлось сделать. Как не хотели турки признавать курдов отличительной частью гражданской турецкой нации, это им пришлось сделать и т.д. Теория национальной «чистоты», «духа», «типа», а тем более – «генофонда» оказалась несостоятельной и нереализуемой, хотя и до сих пор не потеряла своих сторонников, отчаянно желающих соединить три субстанции: этнос, нацию и государство. Абсолютизация и огосударствление культурной отличительности (этничности) остается опасной утопией мировой политики.

Но не менее серьезные трансформации произошли в доминирующей на протяжении почти трех столетий якобинской трактовке нации как сообщества свободных, равноправных граждан, говорящих на одном языке, солидарных и лояльных по отношению к создаваемому ими государству. Якобинский идеал, который, наоборот, отрицал право на различия в рамках одной страны и одной нации, также никогда не был реализован даже в самой Франции, а схожая американская национальная идея переплавки иммигрантского населения претерпела метаморфозы, мало увязанные с расовыми и этническими реалиями, а тем более – с межрасовыми коллизиями. Разберем эти теоретические и практические трудности современного, постякобинского мира на основе концепта культурной сложности или «гибридности» [Bhaba 1994; Hannerz 1992; Тишков 2005], отметив, что трудный поиск ответов на вопрос «что есть нация?» продолжается как в России, так и в других странах. В повестке Родосского форума это более чем адекватная и актуальная тема, ибо в диалоге цивилизаций нормы и ресурсы обеспечивают прежде всего государственные образования, оставаясь самой мощной формой социальных коалиций людей.

* * *

Сначала несколько исторических примеров.

В Канаде рождавшийся в 1970–80-е годы концепт «первых наций» (*first nations*) применительно к аборигенным народам зазвучал на весь мир только во время зимних Олимпийских игр в Ванкувере, когда «вожди первых наций» участвовали в торжественных церемониях открытия и закрытия Олимпиады. В свое время премьер-министр Пьер Трюдо и многие канадские интеллектуалы настороженно отнеслись к переименованию «Братства индейцев Канады» в «Ассамблею первых наций». В конце 1970-х годов лидер нации, франкофон Трюдо с трудом убеждал соотечественников, в том числе и квебекских сепаратистов, что «мы все – одна нация канадцев» [Кошелев, Тишков 1982]. Прошло три десятилетия ин-

теллектуальных и политических усилий канадской элиты, и при закрытии Олимпиады в Ванкувере председатель оргкомитета заявил: «Эти игры еще больше укрепили единство нашей канадской нации!». Услышим ли мы подобные слова по итогам Олимпийских игр в Сочи? Надеюсь, что услышим или почувствуем.

Еще один пример современного дискурса о нации на спортивную тематику. Во время мирового чемпионата по футболу в ЮАР СМИ сообщили о массовой демонстрации в Барселоне против решения мадридского Верховного суда признать неконституционным обозначение в основном законе провинции Каталонии ее населения как нации. Это право было признано только за всеми испанцами, к которым относятся кастильцы, баски, галисийцы, каталонцы и другие культурно отличительные сообщества страны. Мадрид признает языковое разнообразие (в отличие от Франции, где французский – единый официальный язык), но отрицает этническое деление испанской нации на прочие нации (как во Франции).

Важное отличие Испании от России состоит в отсутствии так называемых этносов [Кожановский 2006]: каталонцы считают себя не этнической общностью, а самоуправляемым *регионом-нацией*. Каталонцы – это все жители Каталонии, а не только те, кто имеет каталанское происхождение и говорит на каталанском языке. Конфликт разрешил финал чемпионата: вся Испания праздновала победу *национальной* (!) сборной команды, в составе которой было много футболистов из каталонской столицы Барселоны и даже один игрок из Страны Басков.

Во многих странах есть споры по поводу определения нации, но самый распространенный случай – это отказ со стороны государства в лице центральной власти признавать этнические или региональные сообщества в качестве наций. В Китае, например, все 56 национальностей, включая ханьцев, не считаются нациями, а нацией (*Джонхуа миндзу*) являются все китайцы – граждане страны. Нациями в Китае не называют не только меньшинства, но и ханьское большинство (90% населения).

Однако все это не мешает использовать самоназвание нации уйгурским, квебекским, баскским, шотландским и другим этническим активистам и политикам. Поэтому случай отрицания и даже судебного запрета не универсален, а для России он не подходит вообще из-за укоренившегося и широко используемого слова «нация» в этническом смысле. Здесь нужно найти новую, инклюзивную по своему смыслу формулу, о которой речь пойдет ниже.

Обратимся к **Франции** – стране, казалось бы, с давно и успешно сложившейся нацией на гражданской основе. Во-первых, начиная с якобинских гонений против меньшинств и региональных языков,

французы как более или менее общая, хотя и рыхлая идентичность появились только спустя сто лет после Французской революции [Weber 1976]. Там нация существовала и продолжает существовать прежде всего как доктрина, правовая норма и коллективная договоренность. Считается, что все граждане страны есть один народ – французы – при большом историко-культурном разнообразии территорий и мест, которые порождают свои собственные идентичности. Но тогда что есть *французы как нация*? Это историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования, всегда обладавшая культурной сложностью, которая сжималась в годы политической централизации и общегражданских потрясений и обретала как актуализированное старое, так и вновь обретенное разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых миграций. Актуализированное старое – совсем не обязательно партикулярно-этническое (корсиканское или бретонское), хотя оно также имеет место. Старая Франция продолжает делиться по культурно-территориальному принципу, по местоположению или по малой Родине (*terroir* на месте этничности) [Филиппова 2010]. Такая культурная гетерогенность сводила с ума Шарля де Голля, который однажды в сердцах воскликнул: «Что это за нация, если в ней 450 сортов сыра!».

Спустя три десятилетия ситуация еще более усложнилась. Сегодня 65-миллионную нацию составляют не только «собственно французы», т.е. граждане, имеющие давнее французское происхождение, но и 13 млн других граждан: 5 млн имеют европейские корни (итальянские, испанские, португальские, польские, русские и др.), 5 млн – выходцы из групп берберо-арабских народов, 0,5 млн – турки, 0,5 млн – североафриканские евреи, более 700 тыс. – французы-выходцы из французских колоний. Усложняется и религиозный состав: из 70% французов-католиков только 10% ходят в церковь; 22% считают себя агностиками и атеистами; 5–10% населения составляют активно верующие мусульмане, чья численность быстро растет.

Монокультурность никогда не была реальностью во Франции. На деле существовала только доктрина монокультурности, позволявшая не признавать так наз. *этнии*. Антитезой этническим группам были регионально-местные культурные идентичности на основе различной специфики (от вина и сыра до исторических и протогосударстве иных отсылок). От французской монокультуры остается, пожалуй, только языковая система. Этот последний бастион охраняется конституционным законом 1992 г. о защите языкового наследия и другими декретами. Нет сомнения, что современная Франция и с ней остальной мир вступили в постъякобинскую

эпоху понимания нации и «нациестроительства» (*nation-building*). Даже сама личность Саркози, проклинавшего мультикультурализм, на самом деле демонстрировала более сложный состав современных французов.

В США яacobинский тип нации как некий интегрированный сплав также был лишь актом речи, выразившимся сначала в доктрине плавильного тигля, а затем – в особой избранности американской нации как эталона и гаранта демократии и равных прав. На деле в Америке всегда существовало множество этнических и расовых групп и языков, не говоря о прошлой и частично сохраняющейся дискриминации аборигенных жителей (индейцев), афроамериканцев и иммигрантов. Формула «единство в многообразии» реализовалась здесь не как социологическая реальность, а как форма самосознания в результате целенаправленной индоктринации. В какой-то мере она обеспечивает современное динамичное развитие нации, однако несет в себе определенные риски. Культурная сложность американцев растет, причем на фоне усиления американского мессианского национализма, а также укрепления религиозного фундаментализма среди американцев-христиан. Усложнение американской нации проявляется в сохраняющейся приверженности иммиграции и в возрастании доли населения иностранного происхождения (в большинстве развитых стран сейчас наблюдается уже обратная тенденция). Возможно, что американцы достигли такой степени этнической, религиозной и языковой мозаичности, что политические разговоры или научные штудии по поводу «культурного ядра» (*core culture*) в лице белых протестантов англо-саксонского происхождения, которое якобы составляет основу американской нации, утратили всякий смысл. Сегодняшние американцы – это нация меньшинств, нация культурной гибридности, или, как сказала Хилари Клинтон во время прошлой президентской избирательной кампании, «мы – нация наций».

Разберем пример Великобритании, более близкий к российскому опыту. Напомним, что из 62,3 млн жителей этой страны собственно англичане составляют 83,6% (примерно как русские в России), шотландцы – 8,6%, уэльсцы (валлийцы) – 4,9%, североирландцы – 2,9%, а все уроженцы Британских островов – 92%. Остальные – это африканцы (2%), индусы (2%), пакистанцы (1,3%) и лица смешанного происхождения. Известно о быстром росте числа русскоязычных жителей. Христиане разных исповеданий составляют 72%, мусульмане – 3%. Столь мозаичная нация называется *британской*, при этом смена английскости на британскость произошла в результате общественных дебатов и деятельности в 1980-е годы Королевской комиссии по вопросу о национальной идентичности [Липкин

2003: 30–41], хотя начало конструирования британскости относится к XVIII в. [Colley 1992]. Современная сложность этой нации проявляется в огромном этническом и религиозном разнообразии городского населения и в росте так называемых региональных языков: сегодня шотландским владеет около 30% населения Шотландии, шотландским гэльским – около 60 тысяч в Шотландии, уэльским около 20% в Уэльсе, ирландским – около 10% в Ольстере, корнуэльским – около трех тысяч человек.

Для Великобритании, как и для России, единственно возможная формула – это *нация наций*, хотя в отличие от России современная Британия – это больше нация мегаполисов, а не территориальных «национализированных» сообществ (шотландцы, пожалуй, единственное исключение). Именно эта тема британскости и смешанной природы современной нации всячески подчеркивалась организаторами последних Олимпийских игр в Лондоне. Ясно, что кто-то из представителей «старой доброй Англии» недоволен этой новой реальностью, но она есть данность, которую страна и общество стараются обратить к своей пользе. Лондонские медалисты от этой страны тому подтверждение.

* * *

Схожим образом обстоит дело и с *языковым разнообразием* в современных государствах, ибо язык по-прежнему достаточно жестко связывается с этничностью, особенно в отечественной научной и общественно-политической традиции. В традиционном понимании языковая сложность как культурный феномен – это существование в мире множества языков и наличие внутри языков многих вариантов. Языковые атласы и даже «красные книги» языков так вымирающих живых видов стали обыденностью гуманитарной науки. Тем более что язык физически более осязаем через речь и тексты, чем этничность через свое во многих случаях только самосознание. В языке так средстве коммуникации заключен также интерес разных человеческих групп и институтов, ибо он обеспечивает их солидарность и функционирование. Без единого языка не могут существовать современные армии, и государственные бюрократии предпочитают общаться на одном официальном языке. Более гибко к языковой практике подходят религиозные институты в своей пастырской и миссионерской деятельности, а также бизнес-корпорации: одним необходимо распространять религиозные тексты на доступных языках в целях обращения в свою веру, другим – важно произвести товар дешевле и продать его как можно большему числу людей.

Некоторые специалисты говорят, что к концу XXI в. в мире может остаться всего 400–500 языков вместо 4–5 тыс., которые были

зафиксированы в XX в. По поводу проблемы «вымирания языков» и составления «красных книг» исчезающих языков ведутся многочисленные дискуссии и делаются политические заявления. На уровне ЮНЕСКО и Совета Европы существуют декларации и хартии по вопросам сохранения и защиты языкового разнообразия. Наиболее известный документ – принятая кабинетом министров СЕ в 1992 г. в качестве конвенции Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств.

Казалось бы, мир все больше становится моноязычным. Такие доминирующие языки, как английский, все больше овладевают мировым языковым пространством. Для озабоченности есть причины. Однако ситуация имеет более сложный характер, заключающийся в следующих процессах. Первый – это размывание и перемешивание языковых ареалов, делающее невозможным составление атласов языков (как это делалось в XIX в.) или этничностей и религий (как в XX в.). Второй – усложнение языкового репертуара современного человека и распространение многоязычия среди населения целого ряда стран. Наконец, есть тенденция ревитализации языков, т.е. их возвращения после десятилетий умирания и(или) забвения. Бретонский во Франции, гэльский и корнуэльский в Великобритании, гавайский в США – тому примеры.

Несмотря на апокалипсические прогнозы, языковое разнообразие будет сохраняться при усложнении языковых ситуаций среди современных наций и при расширении языкового репертуара отдельных людей. В свою очередь государственная языковая политика будет развиваться в сторону признания и поддержки многоязычия, в том числе официального, на уровне государства и его регионов, а также будут усложняться сферы языкового обслуживания. Бюрократия и службы все больше будут говорить на языке налогоплательщиков, а не наоборот. Многоязычие как личностная установка и как политика наряду с официальным одно- или двуязычием будет все больше нормой языковой коммуникации граждан в рамках национальных сообществ. Тем самым смогут улучшить свое положение не только малые языковые группы, но и русскоговорящие жители Украины, Молдовы, Латвии, Казахстана, Кыргызстана, Эстонии.

Европейская языковая Хартия ставит своей целью защиту именно языков, а не стоящих за ними в обязательном порядке групп носителей, определяемых обычно по названию языка как самостоятельные народы или нации. Хартия не использует понятие родного языка и не привязывает жестко язык к этнической принадлежности, так как в реальности десятки, если не сотни миллионов людей совершают переход с одного языка на другой или овладевают и пользуются в равной степени несколькими языками. Подобная

ситуация широко распространена в европейских странах, но и Россия не является исключением по причине широкого распространения смешанных браков, совместного поселения и высокого уровня образования среди населения.

Еще один вопрос: насколько современное государство и его население ответственны за неизменность языковой карты своей страны и за языковое пространство обучения, культуры и информации? Нет сомнения, что сами носители и пользователи языка сохраняют и защищают свои языковые системы коммуникации, но здесь есть и новые диспозиции. Общественные активисты, ученые-лингвисты и этнографы, международные структуры с миссией сохранения нематериального культурного разнообразия озабочены тем, чтобы население продолжало говорить так же, как и сто лет тому назад и чтобы это разнообразие сохранялось, как разнообразие видов в живой природе – недаром появился феномен «красной книги языков». Есть и те, кто проводит политику языкового национализма, полагая, что суверенное государство вправе требовать от всех граждан обязательного изучения и владения языком, который объявлен государственным или официальным. При этом отсутствуют какие-либо компромиссы по части официального двуязычия или многоязычия, что приводит к косвенному насилию и дискриминации, особенно массовой в ряде государств бывшего СССР.

Наконец, существует проблема нивелировки языкового разнообразия в условиях глобализации, включая экономики, информационные системы и поведение людей. Но существует также проблема языкового романтизма и языкового национализма, когда вопрос о языке становится средством ограничения прав человека и даже гражданских прав, механизмом политического давления и манипулирования, элементом геополитических соперничеств, включая давление на те или иные страны и общества. Реальная языковая жизнь и частные стратегии людей в какой-то степени оказались заложниками романтических и политизированных взглядов на то, что есть язык и какова должна быть политика в отношении языкового вопроса. В конце XX в. языковыми утопиями и политизированными рекомендациями грешили постсоветские государства, а также международные организации, включая ЮНЕСКО и ОБСЕ.

Если мы признаем принцип культурной свободы, то должно быть признано и право на языковой переход (или ассимиляцию), а не только на сохранение языка, на котором говорит часть представителей той или иной группы населения (этнической, региональной или мигрантского происхождения). В этой ситуации языки мировых культурных систем (*top world languages*), к которым относятся как русский язык, так и английский, испанский и французский языки,

всегда будут выигрывать, даже при формальном равноправии всех языков. Объяснение здесь простое: владение и использование этих языков предоставляет больше возможностей для жизненного преуспевания, чем так называемые миноритарные языки. Поэтому требование «языковых паритетов» на межгосударственном уровне не всегда имеет справедливый и реалистичный характер, если учитывать прежде всего запросы и интересы самих людей.

В этом вопросе есть свои двойные стандарты, которые необязательно устанавливаются политиками. Например, переход российского эмигранта чувашского или чеченского происхождения на английский или немецкий языки в стране эмиграции (США, Великобритания, Германии, Австрии) считается приемлемой нормой интеграции, а сходный процесс перехода на русский язык в России представителями нерусских национальностей может трактоваться языковыми националистами и внешними наблюдателями как языковой геноцид или как политика насильственной ассимиляции. Для Европы, включая страны Балтии и Восточной Европы, а также для России и других стран СНГ вопрос сохранения языкового разнообразия имеет особое значение, включая его политические проекции. В странах Западной Европы значительная часть населения уже обладает знанием двух и более языков, но вопрос языковой политики в ЕС не решен. Об этом свидетельствует затянувшийся процесс ратификации и имплементации Европейской языковой хартии. По этому вопросу у России формируется своя позиция.

Подписав Хартию в мае 2001 г., Россия только рассматривает возможность присоединения к этому документу путем ратификации. В России есть особенности, препятствующие положительному решению вопроса. Это и огромное разнообразие языков, и неравномерное социальное и культурное развитие российских территорий, и нежелательность перевода темы «языка» в политическую плоскость в регионах, где имеется конфликтный потенциал. Это, наконец, значительные финансовые затраты, которые последуют за ратификацией. В чем же ценность для России самой Хартии?

Хартия ориентирует законодательство и политиков на решение проблем недоминирующих языков как таковых, а не на поддержку этнических общин. Для России такой подход непривычен. До сих пор главенствует представление о том, что объектом государственно-правового регулирования должны быть этнические (в терминах советской эпохи – *национальные*) сообщества. А язык есть обязательный атрибут таких сообществ («без своего языка нет народа!»). Здесь действует посылка: если государство посредством законодательства и других институтов поддерживает те или иные этнические общины, то это автоматически позволяет сохраняться их

самобытной культуре и языку. Такое понимание национальной политики как непосредственное поддержание этнических сообществ на определенном этапе было оправдано. Российское государство на протяжении первой половины XX в. прошло через огромные тяготы и лишения. Патерналистский подход советской национальной политики, субъектом которой являлись конкретные людские сообщества, выявляемые по признаку «крови и почвы», приносил на том этапе очевидные плоды. Однако в позднее советское время этот подход применять было гораздо труднее. Социальная жизнь в ту пору существенно изменилась. На огромном пространстве Советского Союза процессы модернизации и миграция из сельской местности в города способствовали тому, что потребности и интересы людей стали выходить за рамки «своей» этнической культуры, «традиционного» образа жизни, «своего» этнического языка. Исследования тех лет, а также переписи населения показали, что сообщества («нации», «национальности», «народности») не были однородными и культурно сплоченными, каковыми их рассматривала наука и политика. Значительная часть населения не признавала родным языком «свой» язык и пользовалась в повседневной жизни «чужим» языком, т.е. в большинстве своем – русским. Выяснилось также, что часть населения была склонна «переходить» из одной этнической идентичности в другую (в терминах той эпохи – «менять свою национальность»). Подобные явления рассматривались как своего рода издержки объективных процессов развития («расцвет и сближение») крупных «наций» и естественной ассимиляции мелких этнических сообществ.

На современном этапе язык(и) представляет собой не только средство общения тех или иных групп населения, но и самостоятельную, в известной мере, автономную от ее носителей культурную ценность, которая может быть утрачена, хотя при этом речь не идет о физическом вымирании людей или об «исчезновении народа». Переход на другой язык не означает утрату идентичности, т.е. сознания принадлежности к тому или иному народу. Скрепками самосознания могут быть религия, связь со страной или регионом, их историей и культурой и другие компоненты идентичности.

Проблема автономности культурных ценностей и риска их утраты без ущерба для социальной жизни людей еще более обострилась в эпоху глобализации. Вместе с тем многие государства уже осознают, что культурные утраты, такие как утрата недоминирующих языков, наносят ущерб наследию живущих и будущих поколений, создают атмосферу нетерпимости и дискриминации. На эти вызовы Россия пока еще не научилась реагировать должным образом. Ее законодательство и правоприменительная практика, как и дей-

ствия в сфере языковой политики, по-прежнему базируются на концепции «языка этнической группы», «языка национальности», «языка нации» и порождают дебаты о равенстве и дискриминации одних групп относительно других. В условиях растущего языкового плюрализма, порождаемого иммиграцией, а также интересом новых поколений к своему культурному наследию, новые подходы к языковой политике улучшат возможности социального управления и будут способствовать воспитанию у граждан России чувства целостности и единства общей Родины.

Таким образом, для современного государства в отношении языкового разнообразия наиболее эффективной и демократичной политикой является политика обеспечения статуса одного, двух или нескольких языков, которые объявляются государственными языками, и за счет средств государства государственный язык(и) получает необходимые условия своего развития и функционирования. Задача российского государства – обеспечить в соответствии с государственными стандартами изучение русского языка на всей его территории и для всех его граждан. Одновременно государство, его региональные власти и органы местного самоуправления вместе с общественными организациями и частным бизнесом должны поддерживать языковые запросы граждан, особенно в области образования, правосудия, социальных служб, информации.

ЛИТЕРАТУРА

- Кожановский А.Н.* 2006. Быть испанцем. М.
- Кошелев Л.В., Тишков В.А.* 1982. История Канады. М.
- Липкин М.А.* 2003. Англия или Британия? Дискуссия о национальной идентичности (История, культура и политика в Соединенном Королевстве). – В мире английской истории. Россия и Британия. Вып. 3.
- Тишков В.А.* 2005. О культурном многообразии. – Этнографическое обозрение, № 1.
- Филиппова Е.И.* 2010. Территории идентичности в современной Франции. М., 2010.
- Habha H.* 1994. The Location of Culture. L.-N.Y.
- Colley L.* 1992. Britons: Forging the Nation, 1707–1837. New Haven and L.: Yale University Press.
- Hannerz U.* 1992. Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning. N.Y.
- Weber E.* 1976. Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford University Press.

ЛИНИИ УСЛОЖНЕНИЯ:
ВВЕДЕНИЕ К КОЛЛЕКТИВНОМУ ТРУДУ
«КУЛЬТУРНАЯ СЛОЖНОСТЬ
СОВРЕМЕННЫХ НАЦИЙ»*

Как и вся живая и неживая природа, человечество обладает разнообразием, постоянно его воспроизводит, и оно есть условие его развития. Это разнообразие касается как биологической природы, так и культурных характеристик опять же многообразных форм человеческих коллективов: от семейно-родственной группы до национальных сообществ. Под культурными различиями современная наука имеет в виду не только сложившиеся в ходе исторической эволюции формы материальной (пища, одежда, жилище и пр.) и духовной культуры (язык, религия, фольклор, обряды, обычаи и т.д.), но и такие, казалось бы, «прирожденные» групповые характеристики, как расовые отличия и формы идентичности.

Современная гуманитарная наука относит к категории социальноконструируемых и такие понятия, как «нация», «народ», «общество», ибо без направленных человеческих усилий и без привития на индивидуальном и коллективном уровнях чувства сопричастности той или иной общности, т.е. без идентификации себя со страной, народом, нацией нет и самих этих, казалось бы, извечных реальностей. В их социальном конструировании важное место занимают, и даже являются его условием, не только деятельность «производителей субъективных представлений» (информационно-образовательная среда, элита, институты), но и система хозяйствования, природные условия, тип расселения, язык, коммуникации, накопленные веками культурный капитал и историческая память, поведенческие паттерны и мировидение – все это, как правило, передается от поколения к поколению и составляет так называемый образ жизни и облик нации. Именно этот «наличный» материал и повседневные инновации составляют основу социального конструирования, суть которого в осмыслении и переосмыслении того, что есть «Мы». Таким образом, «изобретенные традиции» и нации как «воображаемые общности» – это не сочиненные с чистого листа (хотя и такое

* Вестник Российской нации. 2016. № 5. Статья написана при поддержке гранта РФФ 15-1-8-00099.

может иметь место) и не «выдуманые» общности. Это результат усилий по созданию образа/идентичности на основе доступного культурно-исторического и политико-идеологического материала. Но этот результат не есть извечная данность. Он имеет свою динамику, меняется во времени, его кажущееся неизменное содержание переосмысливается. Поэтому могут меняться и границы-маркеры, по которым выстраивается та или иная общность.

Так было на протяжении длительного времени, с тех пор, когда не только кровные узы, вождеские авторитет и сила стали отправными точками для формирования социальных группировок людей, включая и политии. Со времени ранних протогосударственных образований и социальной стратификации больших коллективов не менее важной основой становится общность на основе культурной схожести. Это могли быть религиозные убеждения, кастовые различия, языковая однородность, близость нравов и др. Со временем на ведущие позиции по своей значимости выходят категории отечества, гражданства и страновая лояльность. Так возникают самые мощные и всеохватные социальные группировки людей, которые сначала в Европе, а затем и в остальном мире стали называться «нациями». По сути, это были сообщества (согражданства), находящиеся под одной суверенной властью, и таковой властью с момента Вестфальского мира и до самого последнего времени было и остается государство. Чаще всего называемое «нацией-государством» или «национальным государством».

Но с этих давних времен, а, возможно, даже ранее, манифестные и политизированные формы обрели и культурные сообщества, особенно религиозные и языковые, которые также во многих случаях стали называть себя «нациями», дабы обрести признание, политико-административный и правовой статус, доступ к ресурсам и власти. Этноконфессиональная структура населения мира и отдельных государств оказалась настолько сложной, динамичной и текучей по набору своих культурных маркеров, что обрести «свою государственность» каждому из культурно отличительных региональных сообществ не удалось, да это и в принципе невозможно. Именно это несоответствие государственно-административных и этноконфессиональных границ оказалось главной коллизией мироустройства, если не считать глобального противостояния идеологических систем и геополитического соперничества крупных держав и объединений государств. Именно стремление привести, казалось бы, в нормативное соответствие границы государственных и этноконфессиональных сообществ составило основу идеологии так называемого национализма, а точнее – национализма партикулярного, этнического толка. Ибо этому типу национализма стал

противостоять более успешный тип национализма гражданского, т.е. нациестроительства на общегражданской основе. Восходящий к якобинскому времени, он, на первый взгляд, одержал победу как основа всех современных государств, созданных на базе территориальных и, как правило, культурно гетерогенных сообществ.

Однако на деле якобинский проект формирования монокультурных согражданств также оказался во многих аспектах утопичным, а точнее – он реализовался в существенно иной форме. Действительно, суверенные гражданские сообщества (территориальные нации) стали нормой политической организации, но сама природа национального никогда и нигде не утвердилась в формате монокультуры. Действительно, в истории имели место языковая и религиозная унификации, выработка общенациональных культурных норм и институтов, в том числе и за счет ассимиляции, дискриминации и подавления локальных и малых культур и традиций. Но вместе с этим имело место и цепкое удержание в памяти и в повседневной практике как партикулярных традиций и обычаев, так и образов и героев былого группового величия или прошлых трагедий.

В современную эпоху мир наций вступил неоднородным, внутренне сложным, обремененным войнами и конфликтами, нередко ведущимися под знаменем культурных различий. В то же время этот мир наций выработал понимание того, что есть нации-государства и как должно достигаться их оптимальное управление к общей пользе. Такими уроками эпохи Нового и Новейшего времени стали осознание приоритета ценности человеческой жизни, прав человека, представительного правления, при котором допускается и поддерживается культурное разнообразие заключенного в границах государств населения.

Исторически устоявшиеся, успешные с точки зрения обеспечения условий жизни государства научились сдерживать противоречия и конфликты и организовывать внутреннюю жизнь на основе согласия, общих норм и ценностей. Это совсем не означало отсутствия внутренних напряжений, проявлений насилия и массовых беспорядков, но сила национального государства как раз и проявлялась в том, что оно оказывалось способным сдерживать такие разрушительные проявления, как открытые межобщинные конфликты в борьбе за исключительную власть в центре или в регионах. Национальные государства научились также более или менее успешно сдерживать сепаратизм со стороны групп меньшинства, неспособных контролировать центр и добивающихся выхода из общего социально-политического пространства.

Сложнее получилось с государствами, возникшими после распада колониальных систем после Второй мировой войны в регионах

Африки и Азии. Здесь этнический фактор (трайбализм) создавал препятствие для нациестроительства – задача, которую ставили все суверенные образования, особенно после их приема в Организацию Объединенных Наций. Здесь кросс-этнические коалиции и надэтническая (общенациональная) идеология помогали существовать сравнительно новым государствам, у которых не было длительного опыта суверенной государственности и этапа утверждения языка и культуры какой-либо одной общности в качестве доминирующей для всех остальных групп населения. Нациестроительство в этих условиях базировалось на межгрупповом балансе и на авторитарном правлении, что и позволяло сохранять согласие и сотрудничество, но далеко не всегда и не во всех странах. Слабый прогресс в социально-экономическом развитии постоянно питал недовольство и конфликты, которые почти всегда приобретали этноконфессиональный или расовый характер. Тем не менее именно хрупкие межэтнические и межрелигиозные балансы и авторитаризм власти удерживали эти страны от внутренних войн и разложения основ правления.

Что изменилось в последние два-три десятилетия? По каким линиям происходило усложнение как самого человечества, так и категорий его классификации и осмысления применительно к населению современных государств? Назовем наиболее значимые из этих линий.

Первая линия усложнения – это внутренняя мобильность населения, повсеместная урбанизация и, как результат, перемешивание и размывание границ некогда более определенных ареалов культурно-отличительных сообществ. В наиболее развитых современных нациях, к которым относится и Россия, а также большинство других стран бывшего СССР, сгладились привычные различия между городом и деревней, сельским и городским населением. В этой части мира сохранение и производство не только общенациональной культуры и ценностей, но и этнических составляющих этой культуры происходит совсем не в условиях сельской жизни, а в условиях городов и мегаполисов. Сюда вместе с этнически пестрым населением перекочевала и «этнография» – от шаурмы до этнографических музеев. Сельские ареалы, ставшие во многих случаях пригородами или поставщиками рабочей силы для городских агломераций, без традиционной хозяйственной деятельности обрели типовой облик, трудно различимый не только на внутрисоциальном, но даже и на межстрановом уровне. Зато город, как малый, так и большой, стал более этнографичен и культурно характерен, но именно мозаичной сложностью и невозможностью разделения пространства на «этнические кварталы», если не считать иммигрантские поселения.

Проживающее в городах большинство населения множества современных наций создало другую ситуацию в сфере брачных контактов, и эта ситуация направлена на усложнение этнорасового состава населения, в пользу возрастающей доли людей смешанного происхождения и отсюда – смешанной идентификации. Современный город и новые типы занятости работают на усложнение и уплотнение межкультурных контактов людей, способствуют изменению набора жизненных правил и установок, а также конкретным культурным модификациям и заимствованиям.

Вторая линия – это радикально изменившаяся трансграничная миграционная активность современных людей. Достаточно сказать, что только число временных мигрантов в мире ныне составляет не менее 200–300 млн человек. Трудовая временная миграция обрела глобальный характер и захватила практически все регионы мира и страны: одни – как доноры миграции, другие – как реципиенты. В отличие от миграций предыдущих эпох, которые порою были не менее масштабными и даже составили основу формирования так называемых переселенческих наций, нынешние миграции имеют многовекторный характер, не сводимый к линии «бедный Юг – богатый Север». Появились своего рода «региональные центры» миграционной активности, которые вовлекают в процессы миграционного перемещения население государств миграционной периферии – например, Россия, принимающая миллионы мигрантов из стран бывшего СССР. Значительное число мигрантов из соседних центрально-азиатских стран и из Китая принял Казахстан. Странами-донорами миграции стали среднеразвитые страны Балтии, Украина, Грузия, Армения, Молдова. В последних странах выезд на временное и постоянное жительство за границу был столь значительным, что он сначала поменял состав новых гражданских наций в пользу так называемых титульных групп, а затем сами эти титульные национальности стали выезжать из «собственного» национального государства в таких масштабах, что желаемая сразу после распада СССР этническая гомогенность новых государств опять оказалась под вопросом. Так, например, 30% этнических латышей выехали из Латвии после обретения ею независимости и не менее половины из них не собираются возвращаться обратно. В свою очередь отъезд русскоязычного населения приостановился, и демографический баланс в этом двухобщинном национальном государстве перестал изменяться в пользу титульной группы. Похожая ситуация в Эстонии и Молдове. Таким образом, масштабные миграции даже на временной трудовой основе меняют облик наций-доноров, и часто совсем не в пользу доминирующего большинства, а в пользу «нетитульных» меньшинств, избавления от которых так жаждали постсоветские нациестроители.

Но самые радикальные изменения состава и самоощущения современных наций миграция принесла в принимающие страны. Речь прежде всего идет о европейских нациях и, частично, о некоторых странах Азии. К числу принятых на постоянное жительство мигрантов периода 1960–1990-х годов добавились десятки миллионов мигрантов двух последних десятилетий, для которых не было характерно стремление к однозначной ассимиляции и растворению в принимающем обществе и его культуре. Демократические порядки и установки мультикультурности, наличие уже сложившихся диаспор, цепкое и продолжающееся влияние религиозной принадлежности в местах нового проживания, новые коммуникационные возможности со странами исхода и некоторые другие факторы поменяли установки и поведение мигрантов, пожелавших стать членами более богатых европейских или североамериканских наций. Очень многие захотели стать французами, немцами, англичанами и т.д., не меняя ни язык, ни религию, ни нормы жизненного поведения и другие культурные ориентации. Это вызвало во многих случаях драматические и даже трагические ситуации, а также привело к кризису самосознания прежде всего среди населения так называемого культурного ядра современных наций, а также среди новых жителей новых членов старых наций.

Среди «ядра» более резко оформились две крайности. Значительная часть образованного населения была готова воспринимать изменившийся облик нации и демонстрировала толерантность к бывшим иммигрантам, которые стали теперь их равноправными согражданами, но разными по культуре и вероисповеданию. Но не менее значительная часть населения обратилась к уходящим или меняющимся устоям жизни, которые достались им от прошлых поколений и составляли основу нации. Так, наметился обратный ход от британскости к английскости, у французов усилились позиции Национального фронта – давнего поборника чистоты французской нации и противника иммиграции, в скандинавских странах антимиграционизм и исламофобия вызвали проявления насилия и террора. Фактически во всех европейских нациях пробудилось движение вспять – от усложнения к возврату старых национальных образов. Только похоже, что это уже запоздалая реакция на состоявшуюся или еще не завершенную смену этнокультурных обликов старых наций. Посеянные массовой иммиграцией социальные, религиозные и этнические разделительные факторы завели в тупик сам вопрос «Что есть нация?» И к этой новой сумятице добавилось переоформленное новыми активистами и теоретиками движение старых меньшинств в составе старых наций.

Третья линия – это рост партикулярных (этнических, региональных) форм самосознания (идентичностей) среди аборигенного или старожильческого населения, которое казалось интегрирован-

ным в состав наций, за исключением радикальных элементов, исповедующих крайние формы коллективного самоопределения. Некоторым современным пассионариям самоопределения в рамках национальных государств традиционных охранных мер или особых групповых предпочтений стало недостаточно. Условие сохранения себя в составе наций этнорегиональные сообщества, как, например, в Испании и Франции, или аборигенные народы в скандинавских странах и в Канаде, видели в конституционном признании в качестве равноправной составляющей гражданской нации или в качестве отдельной нации в рамках одного государства или крупного региона. Известные всем декларации и хартии о правах лиц, принадлежащих к меньшинствам (подход ООН), или о правах национальных меньшинств (подход ОБСЕ) в последние годы начинают утрачивать свою значимость по причине как новых вызовов со стороны иммиграционных сегментов национальных сообществ, так и по причине более рьяного выступления в последние пару десятилетий за права большинства. Лозунг «small is beautiful» теряет свою актуальность, ибо статус и положение традиционных меньшинств, включая аборигенные группы, выглядят приемлемыми и даже благополучными, если сравнивать их с населением депрессивных регионов в некоторых странах (например, в России, Италии, Испании, Канаде) или с недавними мигрантами, которые интегрируются в современные нации в роли новых граждан.

Четвертая линия заключается в формировании новых трансграничных, космополитических форм идентичности, особенно у людей, занятых в международных корпорациях и организациях или проживающих и осуществляющих свою деятельность не только в одной стране. Про «разделенные народы» было известно давно, и это о тех этнических группах, ареалы расселения которых разрезаны государственно-административными границами. Но дело в том, что сегодня фактически нет разделенных народов, если учесть наличие многочисленных диаспор, порою превышающих численность той или иной этнической группы на ее «собственной этнической территории». Как можно говорить о нациях в этническом смысле, если часть и даже большинство носителей данной этничности проживают вне того образования, где данная этнонация имеет или добивается признания и особого статуса? Или же мы должны признать право этнических армян государства Армения, этнических украинцев Украины, этнических грузин Грузии, этнических венгров Венгрии считать именно себя нациями, и на этом можно будет поставить точку в академических дебатах о нации по причине их бессмысленности, ибо российские и американские армяне, канадские и российские украинцы и т.д. не считают себя

членами наций других суверенных государств, гражданами которых они не являются. Сегодняшние диаспоры, как и в недалеком прошлом, – это составные части суверенных наций своего гражданства, сохраняющие связь со своей Родиной, страной исхода.

Что появилось нового, так это гораздо более высокая степень сохранения двойных идентичностей и лояльности как нации исхода, так и принимающей нации. Интегрируясь в новые согражданства и принимая все гражданские права и обязанности, мигранты (или те, от кого мигрировали сами государственные границы) предпочитают не порывать основные связи (работа, жилье, круг знакомых и т.д.) с нацией исхода. Другими словами, современная сложность наций позволяет рассматривать вопрос о возможности членства не только в одной нации. На правовом уровне при регулировании норм гражданства все более распространяется и признается право на двойное (или множественное) гражданство, а фактически держателей нескольких паспортов сегодня гораздо больше, чем отражает официальная статистика.

Именно в силу обозначенных выше явлений происходит изменение представлений о национальном в сторону признания сложности и подвижности критериев определения содержания «Мы», а вместе с этим установление новых правил категоризации населения в ходе различных государственных и общественных процедур, а также измененных правовых норм. Все эти фундаментальные процессы становятся более ясными и доступными для объяснения, если спустить вопрос с глобального уровня на уровень индивидуальных примеров. В дни, когда автор писал этот текст, его знакомый П. Броше, известный телеведущий, женатый на Аннушке Голицыной и проживающий последние 20 лет в России, задал вопрос: «Если я в своих передачах и книгах рассказываю о природе и культурах народов России и если я собираю и пропагандирую русское искусство, могу ли я считать себя патриотом России?» «Конечно, да, – был ответ. – Более того, вы можете считать себя россиянином, если ощущаете свою связь с Россией как страной и ее народом». В таких случаях было бы верно иметь право на российское гражданство без отказа от французского. Культурная сложность современных наций разрушает жесткие нормы гражданства, а некогда устойчивые образы-мифы о той или иной нации уже основательно разрушены.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брубейкер Р.* Этничность без групп / пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2012.
2. Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей. Отв. ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

3. Культурная сложность современных наций. Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016.
4. Национализм в мировой истории. Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2009.
5. Нации и национализм на мусульманском Востоке / отв. ред. В.Я. Белокрицкий, Н.Ю. Ульянов. М.: ИВ РАН, 2015.
6. *Тишков В.А.* Языки нации // Вестник Российской академии наук. Т. 86. № 4. 2016. Апрель. С. 291–303.
7. *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
8. Этничность и религия в современных конфликтах. Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2012.
9. *Khilnani Sunil.* The idea of India. N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1999.
10. The New Russian Nationalism. Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015 / ed. by P. Kolsto and H. Blakkisrud. Edinburgh: University Press, 2016.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ЭТНОПОЛИТИКИ В РОССИИ (ОТ ГОРБАЧЕВА ДО ПУТИНА)*

ВВЕДЕНИЕ

В истории отечественной этнополитики 2018 г. отмечен декабрьским указом Президента страны, которым была утверждена новая редакция Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г. Этому предшествовали довольно острые дебаты по ряду принципиальных положений документа, которые сопровождались к тому же напряженной политической борьбой вокруг вопросов языковой политики. Прошло уже более 20 лет, когда была принята первая постсоветская концепция национальной политики, которая подытожила начальный ее период в постсоветской России¹. Ныне есть смысл напомнить некоторые наиболее важные моменты в истории национальной политики в нашей стране и определить те рубежи, на которых сейчас находятся отечественная этнополитическая мысль и ее отражение в стратегических документах государства.

СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДСТВО И НАЧАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Когда во времена горбачевской перестройки наши научные интересы в большей степени сконцентрировались на актуальных вопросах советской национальной политики и межнациональных отношениях, то самым главным мотивом в общественно-политическом дискурсе вокруг этой темы был мотив новой концепции. Запрос на обновление как теоретико-методологического багажа, так и политической линии был явно налицо. Хотя, если говорить о состоянии научного знания, то, на первый взгляд, советская этнография пребывала в приличном состоянии. Институтом этнографии до 1989 г. успешно руководил академик Ю.В. Бромлей, который своими трудами вместе с рядом ведущих ученых института создал так

* Вестник Российской нации. 2018. № 6.

¹ См.: *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М: ИЭА РАН, 1996. № 100.

называемую советскую теорию этноса². Не вдаваясь в разбор теоретических основ позднесоветской этнографии (до 1960-х годов категория *этноса* редко упоминалась в науке), следует отметить, что глубоко примордиалистская трактовка феномена этничности в чем-то заключала в себе и подкупающие моменты как для советского общественнознания, так и в плане общественного запроса со стороны политико-идеологической элиты и полиэтничной страны в целом. Не ортодоксально мыслящих ученых подкупала своего рода внеклассовая и даже внеформационная трактовка одной из основополагающих субстанций нашего бытия, а именно – этнических общностей, которым предписывались собственные исторические траектории, независимые от смены общественных укладов и от характера классовой борьбы.

Согласно этой теории, в результате так называемого этногенеза на ранних стадиях человеческой эволюции (почти что в верхнем палеолите, если верить В.П. Алексееву³) на карте мира появились этносы как некие социальные организмы (ЭСО – этносоциальные организмы – по Бромлею, социальные организмы – социоры – по Ю.И. Семенову, биосоциальные организмы – по Л.Н. Гумилеву⁴). Эти организмы отличались набором определенных черт/свойств/характеристик/признаков, из которых составлялись дефиниции-определения, а также типология этносов, в которой мог содержаться принцип стадиальности (*племя* – для первобытности, *народность* – для феодализма, *нация* – для капитализма и социализма). Эти социальные организмы как коллективные тела переживали внутренние трансформации, взаимодействия между собой и внешние воздействия, особенно со стороны экономики, политики и культуры. Все это называлось «этническими процессами» (у них также была своя типология) и, применительно к СССР, «межнациональными отношениями», а область политического менеджмента данной сферой государственной жизни называлась «национальной политикой». Расхождения между советскими учеными-этнографами по поводу теоретической базы были минимальными, за исключением взглядов Л.Н. Гумилева, который довел до абсурда происхождение этносов от некоего внешнего пассионарного толчка и рассматривал их как биологические по изначальной природе субстанции, которые проходят разные жизненные стадии, включая молодость, рас-

² См. один из вариантов критического разбора: *Филиппов В.Р.* «Советская теория этноса». Историографический очерк. М.: Ин-т Африки РАН, 2010.

³ *Алексеев В.П.* Этногенез. М.: Высшая школа, 1986.

⁴ См.: *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1981; *Семенов Ю.И.* Философия истории. М.: Современные тетради, 2003; *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

цвет и смерть, а также обладают своего рода средним жизненным циклом в 1500 лет.

Что позволяло таким научным подходам существовать и пребывать в согласии с существующей политико-идеологической системой? Конечно, само так называемое национально-государственное устройство СССР, при котором основополагающая для любого современного государства идея нации была передана в исключительное пользование этнических общностей, и эти «социалистические нации» были сконструированы тандемом науки и политики из наличествующего этнографического материала. Важно, что, согласно декларируемому «социалистическому федерализму» (в отличие от «буржуазного федерализма»), в основе решения национального вопроса в СССР лежал принцип самоопределения наций на территориально-государственной основе, а разного рода национально-культурные или персонально-культурные автономии объявлялись буржуазными изобретениями в целях избежать подлинно «национального» (читай «этнического». – *В.Т.*) самоопределения. В ладу с масштабным спонсированием этнонациональных культур и их научным изучением строилась и государственная национальная политика, целью которой в партийно-государственных документах последних советских десятилетий провозглашались расцвет и сближение советских социалистических наций.

Первые существенные подступы к обновлению или пересмотру научных и политических позиций в этой области можно отнести к концу 1980-х годов и это было связано с рядом обстоятельств. В области науки – с более свободным научным обменом и влиянием зарубежной этнологии, в которой давно утвердилась концептуальная парадигма социального конструктивизма, и социально-культурная антропология плодотворно разрабатывала феномен этничности как форму самосознания, организующую культурные различия, и другие формы идентичностей без обязательного «группизма», территориализации и институционализации этничности. В те годы кризис в советской этнографии был налицо, хотя наши основанные на полевых этнографических материалах труды не подверглись девальвации в такой степени, как это случилось с рядом более политизированных общественно-научных дисциплин⁵. Более того, некоторые представители старшего поколения считали, что никакого кризиса нет и что советская этнография – это «наука и еще какая наука!» (см. интервью автора с представителями старшего поколения). Наш доклад на заседании Секции общественных наук Президиума АН СССР о новых подходах в сфере межнациональных отношений и его последующая

⁵ *Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–19.

публикация под названием «Да изменится молитва моя...», а также журнальные публикации были одними из первых ревизионистских шагов в академической науке⁶. Еще более серьезные переоценки отечественного теоретического арсенала были предприняты в середине 1990-х годов, когда было прямо сформулировано, что категория нации должна использоваться также и в гражданско-политическом смысле, и для этого есть не меньше оснований, чем для ее этнического варианта⁷. Но самое главное – это была трактовка России как состоявшегося государства-нации, а российского народа – как полиэтничной гражданской нации⁸.

Гораздо в более драматической форме, по сравнению с научной средой, происходили события в реальной жизни страны. Синонимом демократизации стали мощные движения в пользу политической, хозяйственной и культурной самостоятельности «национальных республик», движение за «национальное самоопределение» разных этнических групп населения, включая и тех, кто не имел «своей национальной государственности» или был ее лишен в годы сталинской диктатуры (например, российские немцы, крымские татары, месхетинские турки). Мощными стали также политические требования реабилитации ранее депортированных народов. Периферийный этнический национализм в форме сепаратизма постепенно захватывал все новые и новые регионы и прежде всего – союзные и некоторые автономные республики. Произошли открытые межэтнические конфликты в азербайджанском Сумгаите, узбекской Фергане, киргизской Оше, силой были подавлены массовые выступления в Литве, Грузии, Азербайджане.

Тогдашнее партийно-государственное руководство во главе с М.С. Горбачевым попробовало обновить национальную политику. В 1988 г. была принята специальная резолюция «О межнациональных отношениях» на XIX Всесоюзной партийной конференции,

⁶ Тишков В.А. Да изменится молитва моя...: О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1989; *он же*. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Советская этнография. 1989. № 1. С. 73–89; *он же*. Народы и государство // Коммунист. 1989. № 1. С. 49–59; *он же*. Народ, нация, государственность // Советская культура. 1989. 1 июля; *он же*. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 3–15; *он же*. Об идее нации // Общественные науки. 1990. № 4. С. 83–95; *он же*. О новой Конституции СССР // Советская этнография. 1990. № 5. С. 10–14.

⁷ Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1–2. С. 3–38.

⁸ Тишков В.А. Россия как национальное государство // Независимая газета. 1994. 26 января; *он же*. Что есть Россия? (перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 3–17; *он же*. Забьт о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

в которой опять же говорилось о «сближении наций» (но не об их слиянии!) и укреплении «новой исторической общности советского народа». В 1989 г. был проведен специальный Пленум ЦК КПСС по вопросам межнациональных отношений. В принятой Платформе КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» речь шла о «последовательном отстаивании принципа национального самоопределения», «удовлетворении многообразных потребностей всех советских наций» в рамках «полнокровной советской федерации».

Наконец, на XXVIII съезде КПСС в 1990 г., в работе которого автор принимал участие, нам удалось предложить и провести в тексте резолюции Съезда новую формулировку целей национальной политики. Вместо обычной фразы об укреплении интернационализма и дружбы народов было записано: «всяческое содействие и создание условий для свободного развития и обеспечения прав граждан, принадлежащих к национально-культурным общностям». Важно также, что в резолюции термин «нация» не использовался в его этническом смысле вообще, что открывало перспективу для наполнения его обновленным гражданско-политическим смыслом. Отметим однако, что это «наполнение» продолжается уже почти 30 лет, и его актуальную стадию мы обозначим в конце настоящей статьи.

Драматические годы распада СССР по этнотерриториальным границам (больше по причине раскола элит, борьбы за власть в Кремле и внешних разрушительных воздействий⁹) были отмечены «национальным возрождением», «парадом суверенитетов», когда союзный парламент больше напоминал «ассамблею наций», а принимаемые им законы были о «свободном национальном развитии граждан», проживающих на территориях «своих» или не «своих национально-государственных образований».

Молодая российская демократия добавила к правовым несуратицам этнического самоопределения еще и антиимперский мотив. На I Съезде народных депутатов РСФСР в мае 1990 г. Б.Н. Ельцин заявил: «Многoletняя имперская политика центра привела к неопределенности нынешнего положения союзных республик, к неясности их прав, обязанностей, ответственности». Страдает от этого диктата и Россия (имелась в виду РСФСР. – *В.Т.*), которая и должна объявить собственный суверенитет». К этому добавились призывы «обустроить Россию» и таких властителей дум, как пи-

⁹ *Тишков В.А.* Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 2005. С. 588–600.

сатель А.И. Солженицын: «Нет у нас сил на окраины», «нет у нас сил на Империю!»).

Таким образом, концептуально национальная политика не смогла вырваться из дискурса самоопределения этносов и антиимперской парадигмы. Тем самым распад СССР можно считать и поражением старых доктринальных подходов, хотя в советском наследии было много позитивных моментов по части этнокультурного развития больших и малых народов СССР. Многие авторитетные исследователи этого вопроса справедливо считали, что СССР был не столько «тюрьмой народов», сколько «колыбелью наций» или «империей наций», «империей позитивного действия»¹⁰. Многое из опыта советской национальной политики было заимствовано другими странами, особенно в плане сохранения малых культур и языков, а также развития этнической периферии полиэтничных обществ.

НОВАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

С 25 декабря 1991 г. РСФСР стала именоваться Российской Федерацией. Смысл нового названия означал отказ от двух идеологем: «советский» и «социалистический», но сохранял форму государственного устройства – федерацию. Старое заявление Ельцина в период борьбы с Горбачевым за власть в Кремле «Берите суверенитета столько, сколько можете проглотить» стало вдохновляющим моментом в эскалации этнического сепаратизма внутри самой России. Вопрос о новом содержании федерализма в противовес старому советскому как сугубо «национально-территориальному устройству» (именно к отношениям центра и этнотерриториальных автономий и сводился советский федерализм) стал основным в выработке новой концепции национальной политики. В 1990 г. автором была опубликована в газете «Правда» статья, в которой подвергался сомнению сам принцип построения государства, его внутреннего устройства на этнической основе. Высказывалась мысль, что в условиях развития демократии и стремления к суверенитету советские республики не могут категоризоваться как «национальные» (читай – этнонациональные) государства, как это было определено Конституцией СССР 1977 г. Это была открытая попыт-

¹⁰ Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 4–24; Мартин Т. Империя «положительной деятельности» // Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011; Кадио Ж. Лаборатория империи. Россия/СССР, 1860–1940. М.: НЛО, 2010; Hirsch K. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Chichester – Ithaca: Cornell University Press, 2005.

ка провести мысль, что права гражданина выше прав нации. Еще ранее в выступлении на Съезде партии нами было сказано о вмонтированном в общественное сознание и в государственно-правовую практику страны доктринальном этнонационализме, который «проявился в объявлении одних народов нациями, других – народностями и национальными группами, в создании иерархии национальных государственных образований с центром, через который насаждался русскоязычный официоз, в дележе народов на коренные и некоренные со своей и не своей государственностью, в государственной фиксации национальной принадлежности граждан, причем только по одному из родителей...»¹¹

Первые годы существования РФ ушли на «успокоение» ситуации в новом государстве, ибо инерция «парада суверенитетов», межнациональных конфликтов затронула в полной мере и Россию. Как и в первые годы советской власти, самым важным было сохранить целостность страны, избежав массовых беспорядков и кровопролития. По этой причине 31 марта 1992 г. был заключен Федеративный договор со всеми субъектами Федерации (его не подписали только Татарстан и Чечено-Ингушетия). С концептуальной точки зрения, Договор был важен самим фактом обозначения составных частей федерации, хотя в нем сохранилась установка на «суверенность» республик с правом принятия конституций, т.е. неравенство субъектов Федерации. Тогда же был создан и орган исполнительной власти – Государственный комитет РФ по национальной политике. Однако вплоть до принятия Конституции РФ 12 декабря 1993 г. политика в национальном вопросе больше сводилась к реагированию на кризисы и к принятию ряда законодательных актов в отношении репрессированных народов.

Отметим наиболее важные положения и новации Конституции 1993 г. применительно к этническому фактору. В отличие от советских конституций в ней нет раздела «Национально-государственное устройство», как и нет градации субъектов на национально-государственные и административно-территориальные. Конституция не предоставляет права на выход из состава Федерации, делая тем самым право на самоопределение как самоопределение в составе РФ. Более свободным стало толкование национальной принадлежности, граждане обрели право самостоятельно определять и указывать свою национальность. Основной закон обогатился терминами, относящимися к понятиям «народ», «нация», «национальность», что расширяло возможности правового регулирования процессов

¹¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Заседание секции «Национальная политика КПСС». Бюллетень для делегатов съезда. М., 1990. С. 30.

этнокультурного и этнонационального развития, нациестроительства в политико-гражданском смысле. Преамбула Конституции позволяет трактовать понятие «многонациональный народ» как тождественное понятиям «*российская нация*», «*россияне*» в смысле политической нации и согражданства.

Употребление термина «*народ*» в Конституции имеет два смысла: народ как согражданство, население страны и народ как этническая общность. При этом понятие «*многонациональный народ*» раскрывает себя как политическую сущность – согражданство, но имеющее также и этническую сущность, а именно – культурно-сложную полиэтническую общность. Выявление этого смысла расширило методологическую и правовую базу восприятия множественной природы идентичности в их не взаимоисключающем единстве. Тогдашняя юридическая недосказанность в этом вопросе привела к тому, что в некоторых конституциях республик в качестве субъекта самоопределения признавался не народ республики в целом, а только так называемая титульная нация. Трактовка принципа самоопределения так и осталась запутанным сюжетом конституционного права в РФ.

Последующие годы принесли обострение вооруженного конфликта в Чечне и сложные переговоры с республиками по части заключения договоров о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Федерации. Это было своего рода продолжением старого курса государственного строительства на этнонациональной основе. Всем хотелось стать республиками, даже некоторым «русским» регионам, а за создание «Русской республики» выступали не только ультранационалисты шовинистического толка, но и некоторые влиятельные федеральные политики. Но все эти годы в общественном климате присутствовала идея и реальная потребность выработать новую концепцию национальной политики.

Самый первый проект такого документа был подготовлен в 1992 г. в тогдашнем Госкомнаце, и он был доложен автором как тогдашним Председателем Госкомнаца на заседании Правительства. В проекте концепции содержались новации в рамках тех подходов, которые уже озвучивались в научной литературе и в политических дебатах. Особо важной представлялась идея введения в России института НКА как одной из форм самоопределения наряду с этнотерриториальной формой внутреннего самоопределения. Тогдашние ключевые в этой области политические фигуры (Р.Г. Абдулатипов, Г.В. Старовойтова) выступили против предложенной концепции, и проект был отправлен на доработку. Однако в обществе сохранялся запрос на обновление национальной политики (своего рода

«плач по концепции»). В итоге в июне 1996 г. Указом Президента РФ была утверждена Концепция государственной национальной политики РФ, разработанная Миннацем России совместно с научным сообществом. Она стала своего рода «договором согласия», ибо ее одобрили все субъекты Федерации, комитеты Государственной Думы и общественные организации.

КОНЦЕПЦИЯ 1996 г. И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Практика оформления государственной политики в наиболее важных сферах общественной жизни в форме доктрин, концепций или программ является общепризнанной. В отличие от текстов законов, а тем более основного закона – Конституции, доктринальные документы являются официальными ориентирами, а не обязательными предписаниями для властей и граждан. Однако в ситуациях общественных трансформаций значимость такого рода ориентиров велика: закон обычно оформляет уже существующую практику; концепция – это официальный трактат, нацеленный на перспективу и определяющий рамки и цели происходящих перемен, иницирует и рекомендует. Концепции имеют свойство меняться и изменяться чаще правовых актов, и не следует преувеличивать их первичную значимость. О концепции государственной национальной политики разговор шел со времен «позднего Горбачева», и была масса высказываний политиков и ученых, что межнациональные проблемы и конфликты – это прежде всего результат отсутствия продуманной и подлинно научной концепции.

Как мы уже отметили, бурная жизнь последнего десятилетия XX в. во многом разрушила старые догмы, возникли новые проблемы, а самое главное – новые глобальные реалии в виде постсоветских государств, в том числе и Россия с ее огромным этнокультурным разнообразием, новыми формами культурного и политического национализма, старыми и новыми проблемами межэтнических отношений, отношений Центра и регионов. Поэтому стремление специалистов и политиков объяснить происходящее и выработать новые подходы к этой сфере общественной жизни и управления были понятны, хотя порою трудно объяснить страсти и амбиции, которые разгорались и сохраняются до сегодняшнего дня вокруг принятия концепции (или стратегии) национальной политики.

В чем было значение принятого в 1996 г. документа? Были уточнены малопонятные и провоцирующие конфликты понятия и категории, хотя, повторим, концепция – это не текст законодательного акта, где требуется еще большая строгость. В тексте концепции на-

циональной политики не употребляется термин «нация», а употребляются и специально объясняются понятия «народы», «национальности», «этнокультурные» или «национальные общности», скорее, как синонимы, а не как жесткая иерархия, существовавшая в прошлом политическом языке. Сделано это было не для того, чтобы «упразднить нации» или «бороться с нациями», как пугали некоторые догматики. Концепция не навязывала понятие гражданской «русской нации», но ограничивала официальный язык такими достойными понятиями, как «народы» или «национальности». Концепция не накладывала запрет на употребление понятия нации в его этническом значении для лидеров республик или активистов национальных общин, и даже для специалистов, но федеральная власть была обязана оставить некоторое доктринальное пространство для процесса гражданского нациестроительства, без чего не может существовать ни одно государство.

Концепция делала уступку в пользу этнического понимания термина «народ», хотя его наиболее распространенное значение – это общегражданская общность, население страны (например, указание в ст. 3 Конституции РФ о «многонациональном народе Российской Федерации»), В Концепции под понятием народа имеется в виду общность людей, члены которой разделяют общее название и элементы культуры, прежде всего язык, имеют общее происхождение и историческую память, обладают чувством солидарности. Среди этих признаков определяющую роль играет самосознание. Кстати, гражданское и этническое значения понятия «народ» не противоречат друг другу и принадлежность конкретного человека к обоим типам общностей не является взаимоисключающей. Концепция более глубоко трактовала понятие *самоопределения* как формы обеспечения права гражданских и этнокультурных общностей на выбор самостоятельных путей национального и культурного развития, форм политического управления. Самоопределение в рамках многоэтнических государств осуществляется в двух основных формах: территориальных образований и НКА. Поэтому существование республик в составе РФ признавалось важнейшей формой национально-территориального самоопределения, а развитие федерализма и разнообразных взаимоотношений с федеральным Центром и другими субъектами Федерации формулировались как приоритетные задачи государственной национальной политики федерального и республиканского уровней.

Важной формой самоопределения Концепция объявляла экстерриториальную *национально-культурную автономию*. Ее субъектом могли быть любые народы и этнокультурные общины независимо от территории расселения и статуса. Это прежде всего право на

отправление разнообразных запросов граждан, которые возникают на основе их этнической принадлежности и самосознания. Концепция трактовала НКА шире фольклорно-этнографического варианта. Предусматривалась возможность, помимо образовательно-культурной деятельности, культурно ориентированной предпринимательской деятельности, право общинной собственности и самое важное – право на особые формы политического представительства и законодательную инициативу. Экстерриториальное самоопределение было ближе к универсальному понятию внутреннего самоопределения – это право на участие в более широком общественно-политическом процессе, включая управление государством и конкурентную социальную мобильность.

В Концепции проводился принцип гражданского равноправия и равных прав народов. Во-первых, все народы России определялись как государствообразующие, если речь идет о всей стране, хотя отмечалась историческая роль русского народа и определяющее значение русского языка и культуры для населения всей страны. Именно через эту культурную систему граждане России, независимо от их национальной принадлежности, способны в полной мере реализовать свои социальные возможности и политические права в общероссийском общественном пространстве. Концепция тем самым не ориентировала на культурный и политический изоляционизм как тормозящий фактор модернизации, но отдавала должное и всячески поддерживала этнонациональное многообразие страны через развитие не только отдельных культур, но и многокультурности, дву- и многоязычия.

Концепция ставила определенные ограничители для возникновения местных этнократий и нарушений прав человека на основе этнической дискриминации. Наконец, Концепция, чтобы избежать ненужной градации граждан на разностатусные категории по этническому признаку, не использовала понятие «меньшинства». Это не от того, чтобы обойти проблему мирового значения и зафиксированную в ряде международных деклараций, а по той причине, что во многом Россия ушла дальше того, чего требуют эти декларации. Международное понимание «меньшинства» – это численно не доминирующие в государстве группы, т.е. строго говоря, к ним должны быть отнесены все нерусские народы. Для них международно-правовыми документами предусматриваются разнообразные права, но они никак не идут дальше культурно-образовательных и антидискриминационных прав. Едва ли было бы резонно зачислять в категорию меньшинств чувашей, татар, якутов, осетин и многие другие народы, имеющие территориальную автономию в виде республик-государств и мощные культурные институты.

А для коренных малочисленных народов (главным образом, народов Севера), которые проживают в особых экологических средах и сохраняют традиционное хозяйство, необходимы другие подходы, и они были предусмотрены Концепцией в соответствии с международными требованиями.

Концепция 1996 г. получила позитивный отклик в российском обществе, и ее реализацией федеральные и региональные органы власти, а также институты гражданского общества занимались почти десятилетие, пока Президентом страны не были сформулированы предложения по ее корректировке. Подготовка нового варианта документа продолжалась несколько лет. За эти годы действующие президенты В.В. Путин и Д.А. Медведев изложили важные стратегические положения в своих выступлениях и в ежегодных посланиях о положении нации.

СТРАТЕГИЯ ГОСНАЦПОЛИТИКИ И ДВЕ ЕЕ РЕДАКЦИИ

В последнее десятилетие идея гражданской интеграции российского общества вышла на передний план в сфере публичного дискурса. Многие эксперты, политики, журналисты указывали, что для упрочения государственного единства страны необходима выработка программы интеграции российского общества, которая должна стать и ключевым элементом государственной национальной политики. С начала 2000-х годов российские власти стали предпринимать масштабные акции, направленные на формирование единого политического, правового и экономического пространства страны. С 2004 г. лидеры государства заговорили о российской нации как о политической реальности и о необходимости обеспечения гражданской солидарности россиян.

В середине 2000-х годов стало ясно, что суть национальной (этнической) политики должна состоять в укреплении государственного единства, координации усилий государственных органов при решении проблем этнических общностей, в организации их диалога с властью, согласовании действий всех заинтересованных сторон при решении проблем культурного развития этнических групп, гармонизации межэтнических отношений и урегулировании этнополитических конфликтов. Осознание этого факта привело к тому, что в 2012 г. был создан Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям, в состав которого вошли специалисты в области этнополитики, представители общественных движений, основных конфессий, журналисты. Тем самым было продемонстрировано, что этническая политика должна представлять собой синтез усилий различных государственных ведомств и общественников в ре-

ализации цели построения стабильного и интегрированного гражданского общества.

Значимость координации между институтами власти и гражданского общества при проведении этнополитики была особо подчеркнута в утвержденной В.В. Путиным 19 декабря 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Данный документ не был лишь декларацией намерений, а был построен как руководство к действию по следующей схеме: оценка проблемных ситуаций – постановка политических целей и задач – определение механизмов реализации сформулированных целей.

Важным изменением в доктрине российской этнополитики стал тот факт, что руководство государством не только признало политическое значение, но всячески утверждало идею российской нации. В 2004 г. на встрече в г. Казани по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений В.В. Путин впервые заявил, что «есть все основания говорить о российском народе как о единой нации» и о необходимости укреплять исторически сложившееся национальное единство россиян. В 2008 г. Д.А. Медведев сказал похожие слова, подтвердив тем самым линию высшего руководства страны на формирование общероссийской национальной идентичности. Во время президентской кампании 2012 г. основной кандидат в президенты страны В.В. Путин уже в первой программной статье изложил свое видение вопроса, ибо, по его мнению, «для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер»¹². Одним из важных положений статьи была оценка праздника 4 ноября – Дня народного единства. Этот день есть праздник победы «над внутренней враждой и распрями, когда сословия, народности осознали себя единой общностью. Мы по праву можем считать этот праздник днем рождения нашей гражданской нации»¹³.

Принципиально важным было то, что такой весомый документ, как Стратегия, принятая в первый год нового президентского срока В.В. Путина, имела однозначную общегражданскую направленность. Важнейшим ее положением была нацеленность на «укрепление гражданского самосознания и духовного единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации)». «Русская нация» и «многонациональный народ Российской Федерации» рассматривались в названном документе как синонимы, что демон-

¹² Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Вестник Российской нации. 2012. № 1.

¹³ Там же.

стрировало намерение властей не противопоставлять этничность согражданству, а добиваться того, чтобы «политика согражданства» сопровождалась сохранением культурного многообразия страны, тогда как гражданская российская идентичность не противопоставлялась бы этнической (культурной) идентичности, а сосуществовала вместе с ней. Для реализации идеи гражданской интеграции предусматривался комплекс мер. Причем важную роль в укреплении единства российской нации должны играть такие институты, как армия, школа, учреждения культуры, а деятельность по укреплению «государственного единства» и «единства народа» должна быть межотраслевой и стать общей заботой всех структур власти.

Важной частью этнополитики было не только формирование российской гражданской идентичности и оптимизация межобщинных отношений, но и профилактика межнациональной напряженности через формирование системы мониторинга, борьба с различными проявлениями межэтнической вражды и экстремизма, а также «гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений».

В числе важнейших целей национальной политики в Стратегии были обозначены сохранение этнокультурного многообразия России и обеспечение успешной социальной и культурной адаптации мигрантов. Стратегическая линия в этой сфере обрела не только ясные цели, но и идейную определенность, ибо российские лидеры заявили, что государственная национальная политика должна носить сбалансированный характер и избавиться от тех дисбалансов, которые прежде имели в ней место, в первую очередь это касается усиления роли интеграционного подхода.

Одна из первоочередных задач интеграционной политики – формирование культурного образа российской нации, превращение политической идеи в зримые и привлекательные «продукты», являющиеся результатом художественного и научного творчества. Отсюда вытекает задача усиления гражданских начал в школьном воспитании, ибо школа есть один из важнейших институтов социализации личности. У молодежи необходимо воспитывать понимание того, что Россия исторически формировалась как поликультурное и поликонфессиональное сообщество, а также формировать, как сказано в Стратегии, «общероссийское гражданское самосознание».

Стратегия есть политический документ, в котором излагаются политико-правовые взгляды, определяются цели и задачи политики в сфере государственного регулирования межэтнических отношений и отношений между государством и этнокультурными сообществами. Но чтобы обеспечить эффективную реализацию целей и задач, необходимо соответствующее кадровое обеспечение государственной национальной политики. Это в свою очередь требует

расширения подготовки и переподготовки государственных служащих в плане их этнологического и этнополитического просвещения, а также просветительской работы среди населения, превращения таких институтов, как армия и школа, в инструменты формирования российского патриотизма, гражданственности и толерантности.

Спустя шесть лет можно уверенно сказать, что Стратегия 2012 г. «ушла в народ», ее содержание начали изучать и использовать в системе региональных и муниципальных органов власти, пропагандировать в СМИ, преподавать в вузах. В поддержку и в развитие ее основных идей отечественными этнологами, социологами, психологами, политологами были выполнены многочисленные научные исследования российской идентичности, осуществлялся мониторинг межэтнических отношений. За последние годы вышла целая библиотека академических изданий и публицистических работ по вопросам национальной идентичности, гражданскому национал-строительству, российскому патриотизму, состоянию межэтнических отношений¹⁴.

Согласно установленному порядку обязательного обновления каждые пять лет документов государственного стратегического планирования, в 2017 г. был инициирован процесс подготовки новой редакции Стратегии государственной национальной политики. Проект документа был основным вопросом заседания Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 26 октября 2018 г. в Ханты-Мансийске, где он был одобрен членами Совета. После многочисленных обсуждений и согласований с субъектами Федерации и органами государственной власти, после серии общественных обсуждений и научных экспертиз 7 декабря 2018 г. был опубликован Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года». Чем примечательна новая редакция Стратегии, если к ней подходить как к наиболее цельной презентации государственной доктрины в настоящий момент?

¹⁴ См. обзорную публикацию: Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., г. Москва / под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов. М.: ИЭА РАН, 2018. Среди коллективных трудов отметим: Этническое и религиозное многообразие России. 2-е доп. издание / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭАРАН, 2018; Российская идентичность. Психологическое благополучие. Социальная стабильность / под ред. Ю.П. Зинченко. М.: Изд-во МГУ, 2017; Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2017; Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / под ред. Л.М. Дробижевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2018.

Документ открыто заявляет, что его цель – это обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление государственного единства и целостности Российской Федерации, сохранение этнокультурной самобытности ее народов, обеспечение конституционных прав и свобод граждан. И основывается Стратегия на принципах демократического федеративного государства. При этом учитывается многовековой историко-культурный опыт становления и развития российской государственности, основанный на взаимодействии и сотрудничестве народов, населяющих Российскую Федерацию. При наличии в стране противников концепции российской нации из числа этнонационалистов разной категории, а также отрицателей российского национального проекта в пользу православно-цивилизационного подхода, важно, что новая редакция Стратегии закрепляет концепт российской нации, развивая содержание этого понятия и других базовых понятий, которые используются в документе.

Отметим, что впервые в доктринальном документе о государственной национальной политике формулируются основные дефиниции как результат выполнения поручения Президента РФ Российской академии наук о создании Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. В новой редакции Стратегии используются следующие предложенные Научным советом основные понятия:

а) *государственная национальная политика РФ* – это система стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленными на обеспечение межнационального согласия, гражданского единства, поддержку этнокультурного и языкового многообразия в РФ, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, предупреждение конфликтов и проявления экстремизма на национальной и религиозной почве;

б) *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* – сообщество свободных, равноправных граждан РФ различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием;

в) *гражданское единство* – основа российской нации, признание гражданами РФ ее суверенитета, государственной целостности, единства правового пространства, общегосударственного исторического и культурного наследия, этнокультурного и языкового многообразия, равных прав на социальное и культурное развитие, на доступ к социальным и культурным ценностям, солидарность в достижении целей и задач развития общества;

г) *общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)* – понимание гражданами их принадлежности к своей стране, ее народу, государству и обществу, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, ответственности за судьбу страны, а также приверженность базовым ценностям;

д) *межнациональные (межэтнические) отношения* – взаимодействие людей (групп людей) разных национальностей (этнической принадлежности) в различных сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни РФ, оказывающих влияние на ее этнокультурное и языковое многообразие и гражданское единство;

е) *национально-культурные потребности (этнокультурные потребности)* – потребности людей (групп людей) в самоидентификации, сохранении и развитии своих культуры и языка;

ж) *народы, национальности, этнические общности в РФ* – национальный и этнический состав населения РФ, образующий этнические общности, свободно определяющих свою национальную и культурную принадлежность людей;

з) *этнокультурное и языковое многообразие* – совокупность всех этнических культур и языков народов РФ.

Включение в текст Стратегии раздела с основными понятиями было продиктовано тем, что обновленный язык государственной национальной политики, который в большей степени отражает российскую реальность и современное научное знание, далеко не всегда адекватно понимается «потребителями» Стратегии из числа государственных служащих, медийных работников, общественников. Кроме того, как показал опыт предыдущей редакции документа, где не было основных дефиниций, скрытые и явные противники и критики концептуального содержания Стратегии намеренно искажали или оглупляли ее основные положения. Больше всего, конечно, доставалось понятию *«российская нация»*: одни считали, что в России не может быть гражданской нации, ибо еще нет и настоящего гражданского общества, другие запугивали угрозой отмены всех других наций, их переделкой в одну нацию типа советского народа, который «приказал долго жить». Раскрытие подлинного содержания этого фундаментального концепта призвано ослабить позиции отрицателей гражданской нации в России и развеять необоснованные опасения насчет судьбы этнонаций в РФ. Точно так же важны предложенные определения и для раскрытия других используемых в тексте категорий национальной политики.

Стратегия определила цели государственной национальной политики:

а) укрепление национального согласия, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов;

б) укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа РФ (российской нации);

в) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств;

г) сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия РФ, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества;

д) гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений;

е) успешная социальная и культурная адаптация иностранных граждан в РФ и их интеграции в российское общество.

Помимо целей в Стратегии прописаны также приоритеты госнацполитики, среди которых:

а) сохранение русского языка как государственного языка РФ и языка межнационального общения;

б) профилактика экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве;

в) создание дополнительных социально-экономических, политических и культурных условий для улучшения социального благополучия граждан, обеспечения межнационального и межрелигиозного мира и согласия в РФ, прежде всего в регионах с высокой миграционной активностью, со сложным этническим и религиозным составом населения, а также на приграничных территориях РФ;

г) соблюдение прав коренных малочисленных народов РФ;

д) поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с РФ и добровольному переселению в РФ.

Вместе взятые цели и приоритеты создают широкое поле для реализации государственной национальной политики, сохраняют высокие стандарты обеспечения прав и запросов граждан разной этнической принадлежности и религиозных убеждений. В тоже время это документ с социальной направленностью и с установкой на вовлечение в его реализацию не только властей разного уровня, но и институтов гражданского общества.

Раздел Стратегии с оценкой состояния межэтнических отношений изменился незначительно по сравнению с прежней редакцией, хотя именно вокруг одного из его положений было больше

всего эмоционального накала в ходе подготовки документа. Речь идет об оценке роли русского народа и русской культуры в истории российской государственности и их месте в современной России. Среди сторонников русского национализма в его наиболее радикальных формах есть давняя позиция о необходимости конституировать доминирующий статус представителей этнического большинства, самого крупного народа РФ, и определить его место как государствообразующего народа по сравнению с другими народами страны. С этой позицией сталкивались также разработчики Концепции 1996 г. и первой редакции Стратегии 2012 г., но при этом они ограничивались формулировкой о ведущей роли русского народа и русской культуры.

С учетом отрицательного мнения по данной позиции представителей нерусских народов, прежде всего мнения российских республик, которые согласовывали проекты всех этих документов, разработчики новой редакции считали, что запись об одном государствообразующем народе может вызвать неблагоприятные последствия в сфере межэтнических отношений, не говоря уже о том, что она противоречит Конституции. В итоге в настоящем тексте изложены следующие очень важные оценки относительно так называемого русского вопроса. В разделе II (п. 11) записано: «Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов, приверженных единым принципам и ценностям, таким как патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь, коллективизм».

В этот же ряд концептуальных положений в новую редакцию включена и следующая запись относительно содержания российской гражданской идентичности: «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру».

Последняя запись является новацией, и за нее особенно ратовали активные сторонники т.н. цивилизационного подхода, которые, если быть откровенным, видят Россию не как государство-нацию, а как «государство-цивилизацию». Как хорошо известно, вокруг метафоры цивилизаций выстроена масса давних и разных историософских суждений, которые с трудом выдерживают научную критику (чего стоит, например, концепт «конфликта цивилизаций»). Однако, само по себе понятие «цивилизация» широко используется в политике и публицистике. Целый ряд стран с богатым историко-культурным наследием мирового значения и с высоким современным статусом позволяют называть себя и называться не только нациями, но и цивилизациями. Поэтому можно говорить, например, о китайской, индийской, американской цивилизациях, в тоже время не отрицая существование этих крупнейших современных наций. Естественно, что имеется более чем достаточно оснований говорить и о российской (или русской) цивилизации в ее культурном значении без противопоставления этого обозначения феномену полиэтничной российской нации. На наш взгляд, в Стратегии найден этот непротиворечивый баланс двух концептов в оценке российской государственности, русского народа и русской культуры мирового значения. В то же самое время текст не допустил поверхностную риторику насчет «приоритета духовного над материальным», особой значимости соборного коллективизма и т.п.

В Стратегии подчеркивается задача создания организационно-правовых и экономических условий для расширения участия институтов гражданского общества, в том числе и межнациональных объединений, НКА, иных некоммерческих организаций, специализирующихся на проектах в области гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, в решении задачи государственной национальной политики РФ.

Особое внимание в документе уделено муниципальному звену, особенно вопросам повышения квалификации служащих. Еще один новый пункт – ожидаемые результаты от реализации Стратегии. Это укрепление единства страны, мирное разрешение межнациональных конфликтов, сохранение языков российских народов, поддержка коренных малочисленных народов РФ, создание условий для адаптации мигрантов. Среди проблем в этой сфере названы: распространение терроризма и экстремизма, возникновение межнациональной и межрелигиозной розни, гиперболизация региональных интересов и сепаратизм, незаконная миграция, социальное неравенство населения, частичная утрата этнокультурного наследия, последствия этнотерриториальных конфликтов, отток русского и русскоязычного населения из регионов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока.

Таковы основные этапы дискурса вокруг концептуальных основ национальной политики в нашей стране, начиная с момента ее новейшей истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Это изложение мы начали с конца 1980-х годов и заканчиваем декабрем 2018 г., обратив особое внимание на принципиально новый этап с начала 2000-х годов, который можно назвать периодом утверждения концепции российской нации и общероссийской идентичности. Последнее и есть то, что в мировой науке и политической практике называется *нациестроительством*. Надо сказать, что эта проблема и данный аспект постсоветской истории стали предметом рассмотрения и наших зарубежных коллег. Уже есть труды по проблеме нациестроительства в странах бывшего СССР, от Прибалтики до Средней Азии¹⁵.

Как и в России, в этих странах с одинаковым доктринальным наследием и с этнонационалистической выучкой ученые и политики зажаты между двумя полюсами, между двумя концептами нациестроительства: на этнической или на полиэтничной гражданской основе строить новую государственность. Другими словами, какую нацию строить и как ее называть: казахской или казахстанской, латышской или латвийской?

К сожалению, этнонационализм пока правит бал на постсоветском пространстве. Хотя фактически все страны бывшего СССР – полиэтничные по составу своего населения (единственным исключением можно назвать Армению и Туркменистан) и имеют существенные регионально-культурные различия, только Россия избрала путь федеративного устройства с этническим компонентом и ввела институт НКА. В то же самое время только РФ сделала существенный шаг в пользу полиэтничной гражданской нации при сохранении и поддержке этнокультурного многообразия, хотя сходные попытки и доктринальные установки есть в Казахстане, Литве, Молдове. К сожалению, местные и зарубежные интеллектуалы редко когда подвергают критике постсоветские этнонационализмы, ибо считают их оправдывающей реакцией на «советский колониальный режим» как стремление преодолеть имперское прошлое. Единственный тип этнического национализма, который подвергается критике, – это русский национализм. Он представляется исключительно как синдром того самого «великорусского шовинизма», который еще на

¹⁵ *Kolsto P.* Political construction sites: Nation-building in Russia and the post-Soviet States. Boulder: Westview press, 2000; *Brubaker R.* Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States // *Ethnic and Racial Studies*. 2011. № 34.

заре советской власти клеймили большевики по главе с Лениным и Сталиным. По теме русского национализма написано большое число работ как западных, так и российских специалистов. Все они фактически носят осуждающий характер. Они игнорируют защитную составляющую (как реакция на нерусский этнонационализм в России и на дискриминацию русскоязычного населения, русского языка и русского православия за пределами России), а также патриотическую компоненту этого направления общественной мысли и политического спектра (как реакция на русофобию, внешнее давление на страну и принижение ее роли в мире).

Частично отсюда проистекает и настороженность внешних обозревателей к российскому национальному проекту – утверждению понимания российского народа как полиэтничной гражданской нации. Отсутствие в английском языке двух разных обозначений – «русский» и «российский» (все это обозначается одним словом «*Russian*») – затрудняет понимание российской ситуации или же намеренно искажается теми, кто понимает, о чем идет речь, но не желает это принимать по сугубо политико-идеологическим соображениям. Когда в 2016 г. в Астрахани на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям В.В. Путин сказал о возможности выработки закона о российской нации, то самая оголтелая критика последовала от западного зарубежья, где перевод этого высказывания на английский язык звучал как «закон о единой Russian nation», что действительно могло озадачить и даже напугать несведущих. К тому же часто используемое прилагательное «единая» воспринимается некоторыми как «единственная», что уже вносит напряжение в восприятие этого концепта среди россиян нерусской национальности. Все это требует последовательной работы по разъяснению и отстаиванию ныне общепринятой и общегосударственной концептуальной линии.

И еще одно важное заключительное положение нашей статьи. Некоторые зарубежные специалисты по теме нацистроительства и национализма в России ошибочно полагают, что проект российской нации – это дело исключительно только одного человека, и называют имя автора настоящей статьи¹⁶. Более того, как и другие зарубежные эксперты по России, они считают, что российская нация, как и российская идентичность – это химера сравни проекту советского человека. По мнению зарубежных специалистов, в России до

¹⁶ Вот что пишет норвежский специалист по проблемам нацистроительства и национализма в постсоветских государствах П. Колсто: «Теоретическая подпитка проекта нацистроительства на основе Российской Федерации – это практически работа одного человека – Валерия Тишкова» («The theoretical underpinnings of the Russian Federation-centered nation-building project are practically the work of one man, Valery Tishkov») (цит. по: *Kolsto P., Blakkisrud H.* (ed.). *The new Russian nationalism: imperialism, ethnicity and authoritarianism, 2000–2015.* Edinburgh University Press, 2016. P. 32).

сих пор недосамоопределились нации, и это стоит в повестке будущего развития нашей страны. Это, конечно, глубокие заблуждения или намеренные искажения нашей современной действительности.

Концепция российской нации охватила сознание россиян, несмотря на наличие внутренних коллизий и критиков из числа сторонников старых подходов. Российская идентичность вышла на первый план среди других форм коллективных идентичностей. Эти показатели выше, чем среди таких «старых наций», как британская или испанская, в среде которых отторжение общенационального самосознания более чем налицо среди этнорегиональных сообществ. По теме российской нации и идентичности выполнены многочисленные исследования российских ученых, и эта тема – одна из основных в современном отечественном общественном сознании. Концепция вошла в школьные и вузовские учебники. Попытки дискредитировать или подменить ее другими, в основном историческими конструкциями являются, на наш взгляд, бесперспективными.

Если же говорить о главном итоге нескольких десятилетий, полных научных поисков и дебатов, общественных обсуждений, политических решений, то автор бы осмелился высказать следующее заключение. Главное состоит в том, что общими усилиями мы предложили единственно возможный вариант существования и развития нашей страны как полиэтничного и поликонфессионального государства на основе *российского национального проекта* и его основной формулы «единства в многообразии». А вместе с этим само понятие *национальной политики*, которая до этого фактически понималась только как этническая политика, наполняется новым и более адекватным содержанием – как политики общенационального строительства и обеспечения национальных интересов нашего народа как полиэтничной гражданской нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тишков В.А.* Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. Москва, Алетей, 2008.
2. *Тишков В.А.* Тупики национальной государственности. Правда, 1990, 4 сентября.
3. *Тишков В.А.* Плач по концепции. Московские новости, 1996, 16 июня.
4. *Зорин В.Ю.* Тексты и политика: к истории формирования постсоветской модели этнополитики. SCHOLA-2016. Политическая текстология и история идей. М., Изд-во МГУ, 2016, сс. 217–225.
5. *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., ИЭА РАН, 2014, вып. 236.
6. *Зорин В.Ю.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: промежуточные итоги и новые ориентиры. Вестник Российской нации, 2018, № 1, с. 13–30.

НАЦИЯ, НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО. ПОЧЕМУ ЭТО ВАЖНО ДЛЯ РОССИИ*

Выявление и осмысление динамики культурного и религиозного разнообразия российского общества важно для обеспечения его стабильности и развития, для национальной безопасности страны. Один из центральных сюжетов заключается в поиске ответа на ряд вопросов. Сложный этнический и религиозный состав населения России есть слабость государства и фактор риска или же это обстоятельство, наоборот, является ресурсом развития? В чем нынешняя «идея России»? Возможен ли общенациональный российский проект и каков смысл нациестроительства?

Предлагаемая статья раскрывает эту проблему как в глобальном контексте, так и в свете новейших трендов общественно-политической жизни России с учетом существующих внутренних и внешних вызовов.

ОТРИЦАТЕЛИ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

Некоторые ученые, а вслед за ними поверхностные пропагандисты и слабо думающие политики пытаются представить Россию как некую аномалию в концерте современных наций-государств или как уникальную цивилизацию «между империей и нацией». Утверждение, что Россия – это не национальное государство и не может им стать, представляется ошибочным.

Вот к каким заключениям пришли участники обсуждения этой проблемы, организованного журналом «Россия в глобальной политике» в 2017 году: «Что же есть сегодня Россия: нация или империя? Не империя, потому что это пройденный этап. Не нация, потому что в современных российских реалиях невозможно построить государство-нацию. Проблема – в отсутствии политического учас-

* Россия в глобальной политике. 2021, март-апрель. Том 19. № 2 (108). Статья подготовлена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-910).

тия. Гражданская нация обязательно сопровождается демократией. Если нет демократии, нет и разговора о гражданской нации. Россия – даже не федерация в полном смысле этого слова, потому что такая форма устройства требует региональных политических акторов, обладающих высокой степенью автономии. Их у нас пока тоже нет, как нет оснований ожидать, что скоро появятся. Между нацией и империей есть понятие “цивилизация”. Страна-цивилизация, как говорит патриарх Кирилл – единственное понятие, в котором учтена и национальная идентичность, то есть преобладание русского культурного элемента, и, с другой стороны, толерантность по отношению к представителям других культур. И нет жесткой связки с экспансией¹.

Из этой и других публикаций можно сделать удручающий вывод. Доктрина и практика национального строительства в России застряли в трясине еще советского нравоучения о «национально-государственном строительстве» и «национальном самоопределении» или же утопают в историософских дебатах, замешанных на паранаучных высказываниях о неких «цивилизационных кодах», «традиционных духовно-нравственных ценностях» и представляющих собой больше осадную, эмоциональную терапию от угроз «враждебного мира», а не реальную экспертизу и политическую практику².

Такая поверхностная индоктринация по части уникальности страны, ее всемирного призвания, досаждающего враждебностью внешнего мира долго длиться не может. Хотя следует признать, что схожие характеристики нового изоляционизма и неоконсерватизма присущи миру национальных государств, международному научному и общественному дискурсу в целом. И значит – дело обстоит еще хуже. Похоже на глобальный кризис понимания, разрушение норм взаимоотношений и взаимной ответственности национальных государств, не говоря уже о международном праве и межгосударственных договоренностях. В России в последнее время разговоры на эту тему пошли в разные стороны, что было бы не так плохо, если бы за этим не следовала политическая стратегия высокого уровня, сказавшаяся в том числе и на характере последних конституцион-

¹ Между империей и нацией // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. С. 38. См. также: *Миллер А.* Нация или могущество мифа // Полит.ру, 2020. URL: <https://polit.ru/article/2020/07/06/natioormyth/>; *Паин Э.А.* Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое изд-во, 2004; *Паин Э.А., Федюнин С.Ю.* Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017.

² О смутно понимаемом нацистроительстве см.: *Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В.* Нацистроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014.

ных поправок, когда в обновленном тексте Конституции не оказалось такого фундаментального понятия, как «российский народ».

Напомним позицию активно пишущего на тему нации историка Алексея Миллера: «На самом деле идея, что нация – это норма и что *nation-state* – это норма, серьезными политологами уже давно оставлена. Есть масса различных форм государственных образований, которые в той или иной степени мимикрировали под национальное государство просто потому, что до недавнего времени Запад абсолютно доминировал в международных отношениях. Действительно, приходилось верить в, казалось бы, незыблемое, что демократия, нация и благосостояние – это такой пакет, причем благосостояние идет за демократией как ее результат. Но от этого мало что осталось сегодня». Также Миллер считает, что «миф все включающей нации, каковая якобы существует в западных странах, уже умер. Миф о том, что *nation-state* – обязательно самая успешная форма, тоже умер, и что это непременно ведущая к демократии форма»³.

Но тогда что же осталось как вариант для России и для остального мира? Миллер пишет, что Россия – «это просто не национальное государство. Это государство, в котором существует целый ряд политически мобилизованных групп, которые считают себя нациями. Если это случилось, то уже “фарш невозможно повернуть назад”. Значит, с этим надо как-то выстраивать какую-то конструкцию. Если мы только поймем, что национальное государство не является абсолютной нормой, если мы, кстати, поймем, что демократия никогда не была преобладающей по численности, по распространению формой политической организации человеческих обществ, никогда, – то тогда мы поймем, что у нас есть довольно широкое поле для экспериментов. Лишь бы разумных. При строительстве государства и при использовании дискурса нации»⁴. При этом Миллер в своих публикациях и публичных лекциях так и не сформулировал понимание столь важной категории, потому что считает, что «определить нацию как нечто стабильное очень трудно» и социальные науки только сейчас «постепенно начинают нащупывать» способы изучения ранее невиданных вещей.

В этих рассуждениях лишь упоминание Запада как родоначальника концепта нации и национального государства трудно оспоримо. В остальном суждения уважаемого коллеги крайне спорны. Прежде всего, никакой незыблемой веры в то, что «демократия, нация и благосостояние» есть некая неразрывная субстанция, среди специалистов и политиков не было и нет. В России эта увязка присутствовала

³ Миллер А. Нация или могущество мифа // Полит.ру, 2020. URL: <https://polit.ru/article/2020/07/06/natioormyth/>

⁴ Там же.

среди экспертов фонда «Либеральная миссия», и нами уже неоднократно опровергалась⁵. Напомним, что даже в Европе в XX веке существовали далекие от демократии режимы (франкистская Испания, Греция времен «черных полковников», Германия и Италия при фашистском правлении), когда соответствующие европейские нации никак не упразднились и даже переживали стадии консолидации, пусть и навязанной сверху. В остальном мире, от Турции до Китая, о данном обязательном «пакете» не может быть и речи.

Что касается благосостояния, то эта сторона общественной жизни вообще не имеет отношения к нациестроительству, которое, по сути, можно назвать «дискурсом о нации». Низкий уровень благосостояния и даже проблемы бедности, социальные, религиозные, расово-этнические и другие разрывы внутри наций-государств – это почти константа их существования на протяжении всей истории, включая и сегодняшний день. Да, Сунь Ятсен на заре XX века в своей программе строительства китайской нации «Три народных принципа» называл национализм, народовластие и народное благоденствие главными целями, но это совсем не означает, что китайской нации не существовало до тех пор, пока в Китае не стало возможным говорить о благосостоянии народа. Не думаю, что бедняцкие фавелы бразильских городов или несколько десятков миллионов живущих на улицах индийцев исключают существование бразильской или индийской наций. И это обстоятельство в разной степени и в разные временные периоды касается всех стран мира. Если условно признать, что «обязательный пакет для нации» состоялся только в «демократической и благосостоятельной» Европе, тогда весь остальной мир, по словам Миллера, есть «масса различных форм государственных образований, которые в той или иной степени мимикрировали под национальное государство». Это явно не так. О глобальном контексте современного нациестроительства и о культурной сложности современных наций речь пойдет ниже.

Последнее замечание относительно теории Миллера и его коллег по дискуссии в журнале «Россия в глобальной политике» касается вопроса, можно ли «провернуть фарш назад» – речь о том, что в России целый ряд «политически мобилизованных групп» считают себя нациями. Это крайне слабый, хотя и воздействующий на обыденное сознание и на политико-правовое мышление, аргумент. Значение понятия «нация» менялось исторически, что зафиксировано всеми энциклопедическими изданиями, и в современном мире

⁵Тишков В.А. Об идее нации // *Общественные науки*. 1990. № 4. С. 83–95; Он же. *Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 558–601; Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 2011.*

существуют два концепта нации, различающихся по их бытованию и политическому использованию: гражданская/политическая нация и этническая/культурная нация. Элементы того и другого могут пронизывать друг друга, трансформироваться из одной формы в другую, тем не менее это разные, хотя и сосуществующие концепты. Между ними в зависимости от форм проявления были и есть и соперничество, и даже, казалось бы, непреодолимые конфликты. Именно по этой причине я еще в 1990-е годы предложил трактовку нации как политически и эмоционально нагруженной *метафоры самообозначения*, за исключительное обладание которой борются две формы социальных коалиций: сообществ по суверенному государству и сообществ по культурной схожести⁶.

Примеров существования наций внутри наций более чем достаточно, причем это далеко не обязательно вариант борьбы подчиненной нации против господствующей за самоопределение, понимаемое как выход из общего социополитического пространства, и за «свою государственность». Такие «политически мобилизованные группы», а точнее – этнические общности или регионально-культурные сообщества существуют не только в России, но и во всех современных крупных государствах, где есть свои «внутренние нации». Как эти ситуации разрешаются, регулируются, управляются без «мясорубки и фарша», достаточно хорошо известно. Здесь вполне подходит предложенное мною выражение «нация наций»⁷, которое используется и в других странах, а механизмы управления культурной сложностью применительно к России, помимо экспертных разработок, изложены в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, принятой в 2018 году.

ГРАЖДАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Обратимся к «массе различных государственных образований», которые якобы мимикрировали под национальные государства из-за навязанной им европейской модели. Это те, для которых концепт нации не подходит. У них «широкое поле для экспериментов»

⁶ Тишков В.А. Что есть Россия? Перспективы нациестроительства // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 3–17; *Он же*. Забыть о нации: Постнационалистическое понимание национализма // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

⁷ Тишков В.А. Россия – это нация наций (в связи с новой концепцией национальной политики) // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2008. № 78. С. 10–16; *Он же*. Россия – это нация наций // Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург, 2011. С. 6–9.

и есть свои варианты, которые наши специалисты пока никак не могут выявить, а тем более предложить России. Главное, как пишет Миллер, чтобы варианты строительства государства «были разумными». К «неразумным» ученый обоснованно относит пример Украины и в этой связи делает противоречащий его собственным позициям вывод: «Попытка построить нацию и государство там, где она не строится, не получается ее построить, чревата обострением, потенциальными расколами... Попытки у нас реализовать такой же проект тоже приведут к неприятностям».

Здесь явная путаница с пониманием двух совсем разных проектов нациестроительства. На Украине делается попытка построить нацию на исключительно этнической основе, сведя несогласное население в категорию меньшинств, в нацию не входящих. В этой сложной по этническому, религиозному и регионально-историческому составу населения стране не предпринималось никаких попыток построить нацию на полиэтничной основе с федерализмом и официальным двуязычием. Хотя только такой вариант и мог бы получиться – по крайней мере, он был возможен до стадии открытого вооруженного конфликта внутри страны после 2014 года. В России такой проект государственного строительства, как «нация русского народа», собственно говоря, никто серьезно и не пытается реализовывать, кроме поборников радикального русского этнонационализма. Таким образом, если концепт нации и сама реальность национального государства – уходящая натура даже для прародительницы Европы, то и для России это также вариант неподходящий. Если остальная «масса государственных образований» только мимикрирует под национальную идею, а на самом деле представляет собой некие иные, неназываемые сущности, тогда что же остается в качестве идеи и варианта государственностроительства для России? Или же это вообще вариант государственного устройства, который уже умер вместе с национальными государствами и их основой – национализмом?

Здесь у нас фундаментальные расхождения с могильщиками нации и национальных государств, а заодно и гражданского национализма как идеологии и практики государственного устройства и управления культурно сложными нациями современности. Наша позиция заключается в том, что *на горизонте эволюции человеческих сообществ нет более значимой и всеохватной социальной коалиции людей, чем национальные государства*. Именно они обеспечивают важнейшие экзистенциальные потребности и права современного человека: от территориально-ресурсного и организационно-хозяйственного жизнеобеспечения до устройства и поддержания социальных институтов, правовых норм общежи-

тия, воспитания, просвещения и окультуривания населения через системы, поддерживаемыми государством. Государства обеспечивают гражданскую солидарность, предотвращают конфликты и насилие, защищают от внешних угроз и глобальных вызовов.

Более того, в условиях таких глобальных катаклизмов, как пандемия коронавируса, рассуждения о кризисе и исчезновении наций-государств выглядят наивными и саморазрушительными. Как пишет британский антрополог Дэвид Геллнер, «события 2020 г. стали мощной демонстрацией, что упадок наций-государств в век сверхглобализации или так называемого “потепления”, как и известие о смерти, используя высказывание Марка Твена, было “очень сильным преувеличением”. По всему миру, с характерными местными отличиями в Северной Америке, Восточной Азии, Скандинавии и Южной Азии, в реальном времени происходит масштабный транснациональный эксперимент в области обществоведения и в реализации разных стратегий разными странами». По мнению ученого, мы проживаем момент радикального исторического поворота, когда перед лицом экзистенциальной угрозы «старые боги неolibеализма летят в печку на сжигание».

Пренебрегая «законами рынка», который, как полагали, должен всем и всеми управлять, именно государства берут на себя главную ответственность. В Великобритании, например, «одним росчерком пера было выделено 15 млрд фунтов стерлингов, чтобы решать вызванные *COVID-19* проблемы»⁸. Нам нечего добавить к этому заключению, кроме сотен других подобных примеров, которые иллюстрируют возросшую роль государства в период пандемии – в том числе и в России.

О возвращении национальных государств на мировую арену на фоне глобальных кризисов, а также кризисов межгосударственных и блоковых образований, о жестком отстаивании ими национальных интересов и суверенитета, о возвращении национализма в его гражданско-государственной форме писал известный политолог Анатолий Ливен. Он особо отметил значение общественных мотиваций и мобилизации на основе идей нации, лежащих в основе легитимности и успешности современных государств: «Величайший источник и залог силы государства – не экономика и не размер вооруженных сил, а легитимность в глазах населения и всеобщее признание морального и юридического права государства на власть, на исполнение его законов и установлений, на способность призвать народ к жертвам, будь это налоги или, если понадобится, воин-

⁸ Gellner D.N. The nation-state, class, digital divides and social anthropology // Social anthropology. 2020. Vol. 28. N. 2. P. 270–271.

ская повинность. Не имеющее легитимности государство обречено на слабость и крах; или же ему придется прибегать к жестокости и устанавливать правление на основе страха»⁹.

Напомним, что в основе легитимности государств лежат разные факторы и обстоятельства. Среди них важен сам факт их длительного существования и преемственности так называемой исторической государственности, создающий «впечатление, будто данное государство есть неотъемлемая часть естественного порядка вещей»¹⁰. Важна также успешность правления, которое население признает и поддерживает. Особое значение имеет то, как институты и правители справляются с задачами сохранения порядка и внутренней безопасности, а также с внешними угрозами. После Второй мировой войны определенную легитимность государствам придавала демократия как власть большинства и законно избранных правителей. «Но, как обнаружили для себя многие демократические и полудемократические государства в прошлом столетии, одна лишь демократия не может бесконечно сохранять государство, если в обществе есть глубокий раскол и власти не добиваются жизненно важных для населения целей. Для легитимности государства необходим более основательный источник легитимности, коренящийся в общем чувстве национальной принадлежности. В современном мире величайшим и наиболее долговечным источником этих чувств и легитимности государства является национализм»¹¹, — пишет Ливен.

Мы также неоднократно высказывали мысль, что государство создают не просто территории с охраняемыми границами, не только столицы с госучреждениями, конституции и символика, государство делает легитимным и жизнеспособным прежде всего население, обладающее чувством национального самосознания, когда каждое поколение проходит через своего рода повседневный референдум на приверженность и сопричастность к этому государству как к своему Отечеству. Можно все это назвать страновым или гражданским национализмом, можно назвать патриотизмом, а можно национальным самосознанием (идентичностью)¹². Различия здесь несущественные — они лежат в традициях странового обществознания и обыденного словоупотребления.

⁹ *Анатоль Ливен*. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // *Россия в глобальной политике*. 2020. № 5. С. 25.

¹⁰ Там же. С. 25.

¹¹ Там же. С. 26.

¹² См.: *Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

КАКОЙ НАЦИОНАЛИЗМ НАМ НУЖЕН

Учитывая историю трактовки понятия «национализм» в нашей стране, необходимо сделать некоторые уточнения о том, что же это все-таки такое¹³. Под национализмом в данном случае понимается идеология и политическая практика, основополагающим принципом которой является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства, ее первичности в государствообразующем процессе. Как политическое движение национализм стремится к созданию государства, которое охватывает территорию проживания нации и отстаивает ее интересы. В зависимости от понимания, что такое нация, национализм имеет две основные формы – гражданский (или государственный) и этнический. Гражданский национализм возник в эпоху становления современных государств, основанных на представлении о нации и народе как согражданстве с общими самосознанием и историко-культурным наследием. Эта форма национализма направлена на обоснование легитимности государства, на консолидацию гражданской нации, но зачастую содержит в себе установки на дискриминацию и ассимиляцию меньшинств, а также на государственную экспансию (мессианизм)¹⁴. Этот вид национализма широко используется государствами через официальную риторику, символику и идеологические институты (образование, социальные науки, СМИ) для утверждения общегражданской лояльности («служение и любовь к Родине», «уважение к стране и прошлому») и распространения общегосударственных правовых норм и культурных ценностей.

Национализм предполагает, что каждая страна должна управлять собой без вмешательства извне, нация является основой государственного устройства, а народ – единственным законным источником политической власти. Национализм выступает за утверждение единой национальной идентичности на основе общих социальных характеристик, таких как историческая память, ценности и традиции, культура и язык, а во многих случаях также религия и политическая философия («идея нации»). Именно последняя во многих трудных случаях нациестроительства обеспечивает солидарное единство нации, преодолевая противоположные интересы социальных страт, региональных и этнических сообществ, расовых

¹³ См., например, статью «Национализм» в Большой российской энциклопедии, а также: Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007.

¹⁴ Одна из книг Анатолия Ливена посвящена анализу американского национализма как национализма гражданского типа с мессианистскими установками глобального лидерства американской нации (*Ливен А. Анатомия американского национализма*. М.: ЭКСМО, 2015).

и кастовых групп. Ливен справедливо пишет, что «ничто в современной истории не может сравниться с национализмом в качестве источника коллективных действий, добровольных жертв и, конечно, государственного строительства. Элементы личной идентичности могут быть важны для каждого человека в отдельности, но они не создают крупных и долговечных институтов (за исключением мусульманского мира, где религия сохраняет сильные позиции)»¹⁵.

Национализм в его проявлениях в экономике, политике, культуре и идеологии оказался и в новейшее время спасительной стратегией сохранения государственности, обеспечения солидарности народа в условиях кризисов и внутренних конфликтов. Большинство политических руководителей («лидеров нации») являются по своим убеждениям и действиям в разной степени националистами, то есть национальные интересы страны служат для них приоритетами, и они их отстаивают всеми доступными средствами. Президент США Дональд Трамп наиболее ярко демонстрировал это в экономике и геополитике. Президент России Владимир Путин отстаивает интересы страны в сфере стратегической безопасности и обеспечения благополучия российской нации. Лидер коммунистического Китая Си Цзиньпин на первый план выдвигает достижение мирового лидерства китайской нации и обеспечение общекитайского единства. Поэтому, когда Путин называет себя националистом, он имеет в виду не узко этнический вариант, а именно российский национализм как политику отстаивания и защиты интересов России и российского народа.

Именно этот вариант национализма и его сердцевина – общероссийский патриотизм – оказались важнейшей опорой для преодоления кризисных и чреватых дезинтеграцией явлений 1990-х годов. Невозможно игнорировать значение патриотической мобилизации народа всей страны и ее отдельных регионов (например Дагестана) в ситуации внешних вторжений международных террористов, олимпийских мероприятий, общероссийского консенсуса в отношении присоединения Крыма, почитания Дня Победы и павших в Великой Отечественной войне. Это, по сути, массовые проявления национализма гражданского толка, хотя мы предпочитаем называть это более нейтрально – патриотизмом.

Многообещающей стратегия общенациональной (можно также сказать «националистической») мобилизации оказалась и в современном Китае. После того, как Китай начал проводить новую государственную стратегию – своего рода «авторитарный социально-

¹⁵ Ливен А. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 26.

ориентированный рыночный капитализм», именно общекитайский (не ханьский!) национализм пришел на смену коммунизму в качестве идеологии, придающей легитимность государству. Более того, «подобно тому, как в Китае сохраняется коммунистическое государство, но с националистическим содержанием, так и на Западе демократия может сохраниться, если на смену либерализму придет национализм. По крайней мере в 2020 г. этот процесс изменения парадигмы идет полным ходом в некоторых странах ЕС»¹⁶.

Так что в противоречие тезису, что *nation-state* уже отжившая норма, которую якобы давно оставили серьезные обществоведы, проблема нации и национализма остается одной из центральных в мировом идеологическом багаже и одной из основ организации суверенных сообществ-государств. И в сегодняшнем мире и, возможно, еще очень длительное время единственной по-настоящему популярной силой, сохраняющей привлекательность и дающей возможность перспективного мышления, является и будет являться идея нации и идеология национализма. Никакой смерти нации, национализма и *nation-state* ни в старой и давно национализированной Европе, ни в остальном, пока еще не до конца национализированном мире не наблюдается. Никакая из известных нам стран не снимает концепт нации с повестки дня государственного строительства. Чтобы избежать упрощенной, рассчитанной на испуг критики общероссийского национального проекта под тем предлогом, что концепт гражданской нации для России не подходит и его пора пока еще не наступила, можно рассмотреть опыт нациестроительства в других крупных странах и регионах мира. Интеллектуальный изоляционизм и высокомерие здесь не помогут. При нынешнем антизападничестве, видимо, лучше брать в качестве примера опыт больших стран и наций регионов мира, история и культура которых позволяют применять к ним полюбившийся многим в России в последнее время термин «цивилизация».

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИЛИ НАЦИЯ-ГОСУДАРСТВО?

Итак, все государства, независимо от состава населения и формы правления, в политике и общественном сознании которых присутствует представление об общности страны, достигается лояльность и солидарность населения, проявляется патриотизм как чувство сопричастности своей Родине, имеют основания считать себя нациями. Другое дело, что в ряде случаев сам этот термин, заимствованный

¹⁶ Ливен А. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 27.

из Европы, может заменяться другим схожим по смыслу. Он может быть связан с религией (например, в мусульманских странах с понятием «уммы») или с идеологией так называемого национального вопроса (например, в Китае есть понятие «чжунхуа миньцзу» – «нация народностей»). Наконец, в СССР «советский народ» можно считать гражданско-политической нацией, но только сам этот термин был отдан в пользование этническим общностям, а народ объявлялся «новым типом исторической общности людей».

Нациестроительство на основе идеи нации и гражданского национализма остается фундаментом существования любой страны.

Нынешний дискурс о возврате наций и национального государства – это ответ на неолиберализм и постмодерн с их отрицанием довольно строго организованной формы социальных коалиций в пользу свободы личности, мирового правления и частного интереса. На самом деле эти самые важные и значимые коалиции в форме суверенных согражданств никогда и не сходили с исторической арены три последних столетия. Нациестроительство на основе идеи нации и гражданского национализма (зачастую с примесью этнонационализма или в симбиозе с ним) было и остается фундаментом успешного и безопасного существования той или иной страны. Всеякие разговоры об отмирании наций-государств исходят от тех, кто уже имеет такую государственность в достатке и даже в избытке. Зато десятки стран мира многое отдали бы, чтобы иметь сильное национальное государство, не страдать из-за того, что в стране нет представления о нации и отсутствуют необходимые атрибуты – прежде всего, суверенитет. В итоге можно определенно сказать, что *nation-state* является нормой мира современных государств, и сама эта тема остается актуальной для обществоведов и политиков.

Однако как быть с цивилизационным подходом, который овладел умами части экспертного и политического сообщества в России? Что есть «цивилизация» и как к ней относится наука? Едва ли есть более многозначное понятие, чем это. Именно многозначность и смутность содержания обеспечивают его выживание в общественно-политическом языке. Известно использование термина в стадильном смысле, когда речь идет об эпохах после первобытности и варварства; более современный вариант стадильности – это выделение индустриальной, постиндустриальной, информационной цивилизаций. Одновременно цивилизациями называют страновые и регионально-культурные сообщества, которые обладают мощными и уникальными культурами. Последние смыслы потеснили линейно-стадильные схемы исторического развития.

Критики цивилизационного подхода отмечают, что под цивилизациями во всех случаях понимаются разные сообщества:

этнические, религиозные, социальные, политические, а чаще всего вообще конгломерат различных обществ с некоторыми схожими культурными характеристиками¹⁷, в результате чего ни британский историк Арнольд Тойнби, ни его предшественники и последователи не смогли назвать критерии вычленения цивилизаций и их число. Востоковед Леонид Алаев отмечает, что все критерии выделения цивилизаций (генетический, природный, религиозный) крайне уязвимы. А раз отсутствуют критерии, то невозможно сформулировать и понятие «цивилизация», которое до сих пор остается предметом споров. Кроме того, цивилизационный подход апеллирует к понятиям, выходящим за рамки науки и, как правило, связанным с «духовностью», «миссией», «судьбой» и тому подобным. Такие идеи обычно поднимают на щит элиты стран мировой периферии, предпочитающие вместо отсталости говорить о «самобытности» и «особом пути», противопоставляющие «духовный» Восток «материальному, гниющему, враждебному» Западу¹⁸.

Последовательный критик «цивилизационистов» Виктор Шнирельман пишет, что в цивилизационном подходе акцент делается на культуре, и в силу расплывчатости и сложности понятия критерии выделения цивилизаций установить невозможно. Популярность цивилизационного подхода в постсоветской России (в том числе и в научных кругах) ученый объясняет кризисом идентичности, охватившим общество после распада СССР. Расцвет популярности цивилизационного подхода в России совпал с периодом доминирования неоконсервативных, националистических идеологий¹⁹. В итоге тезис «Россия как цивилизация» обрел новое дыхание в отечественном дискурсе: от ведущего сообщества политологов до экспертов при Русской православной церкви, а «цивилизационный код» даже попал в документы стратегического планирования Российской Федерации.

Следует сказать, что зарубежная наука давно не признает «учение» о цивилизациях, хотя после знаменитой книги Дениэла Бурстина «Американская цивилизация»²⁰ курс с таким названием можно встретить в учебных программах американских колледжей. Но

¹⁷ См. раннюю критику Арнольда Тойнби: *Сорокин П.* Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект пресс, 2014.

¹⁸ *Алаев Л.Б.* Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2.

¹⁹ *Шнирельман В.А.* Слово о «голом (или не вполне голым) короле» // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2.

²⁰ *Daniel Boorstin.* American civilization; a portrait from the twentieth century. McGraw-Hill, 1972.

не более того, ибо никто не отважится предложить этот концепт в качестве замены идеи американской нации, как это пытаются сделать российские «цивилизационисты» в отношении своей страны. В этой связи трудно не согласиться с точкой зрения американского ученого Иммануила Валерстайна, который охарактеризовал цивилизационный подход как «идеологию слабых», как форму протеста этнического национализма против развитых и сильных государств, определяющих процессы мирового устройства.

Однако научная критика не ослабила интерес к цивилизационному подходу среди части российских историософов и публицистов. Одними из последних стали попытки описать крупные страны или регионы в парадигме цивилизаций, а не наций-государств или региональных сообществ со своими схожестями и конфликтами²¹. Под эгидой ИМЭМО РАН в 2000-е годы осуществлен проект «Цивилизации в глобализирующем мире», в рамках которого издана серия коллективных трудов²². Руководитель проекта Владимир Хорос при определении цивилизации исходит из того, что «цивилизация – это как бы “оплотневшая”, кристаллизовавшаяся культура, “осевшая” в некоторых долговременных ценностях и мыслительных парадигмах, прошедших тест на прочность, на длительность, а стало быть, некоторую усредненность и, соответственно, в той или иной степени общезначимость»²³. По мнению ученого, участникам проекта «удалось настроиться на собственно цивилизационный анализ», выработать унифицированный подход и на его основе составить представление о «механизме» (или «организме») функционирования цивилизации и этапах ее эволюции, получить материал для сравнения различных цивилизаций²⁴.

Вот как выглядит этот унифицированный подход применительно к китайской цивилизации: «Говоря о сроках жизни отдельных цивилизаций и связывая их с определенными этносами, то есть народами, развивавшимися в известном географическом пространстве, или людях и вмещающем ландшафте, Л.Н. Гумилев на основе

²¹ Россия в многообразии цивилизаций; под ред. Н.П. Шмелева. М.: Изд-во «Весь Мир», 2011.

²² Индийская цивилизация в глобализирующемся мире; отв. ред. С.И. Лунев, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2005; Африканская цивилизация в глобализирующемся мире. В 2 т. Отв. ред. Э.Е. Лебедева, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2006; Латиноамериканская цивилизационная общность в глобализирующемся мире. В 2 т. Отв. ред. Е.Б. Рашковский, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2007; Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. Отв. ред. Д.Б. Малышева и В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

²³ Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. В 2 т. Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т. 1. С. 5.

²⁴ Там же.

многолетних изысканий определил сроки существования отдельной цивилизации примерно в полторы тысячи лет. При этом этнос проходит стадии становления, расцвета его пассионарности, то есть активной деятельности – национально-исторического подъема, толчок которому сообщает космическая энергия, так сказать, подключение к энергии космоса, спад пассионарности, или упадок цивилизации, и, наконец, ее гибель, ее прекращение... И новая эпоха уже современной китайской нации открылась со временем Мин, XIV в.н.э. и продолжается до сего дня, приблизительно 700 лет»²⁵. Не сложно заметить, что эта трактовка мало чем отличается от того, что писали в XIX веке о жизни и смерти цивилизаций. Нет сомнений, что в отношении Китая как крупнейшего в мире государства-нации вполне возможно употребление философского-культурологического обозначения «цивилизация». Причем с учетом древности и культурного богатства этой страны – не только в единственном числе. И все же как понимать и трактовать современный Китай: как нацию-государство или как цивилизацию? Ответ прост: и то, и другое, ибо это две не исключающие друг друга характеристики страны.

Заметим, что натурфилософский подход «цивилизационистов» обнаруживает диссидентов и в собственных рядах. Один из авторов тома о китайской цивилизации, призывая «быть проще и точнее», пишет: «Раньше как-то неплохо обходились “мировой цивилизацией” и национальными культурами. Как реакция на практические неудачи в модернизации и глобализации отдельных стран “цивилизационный дискурс” вполне объясним, равно как и желание защититься от культурной и информационной экспансии Запада. Но это – реакция оборонительная, консервативная, что неплохо, но грозящая фундаментализмом и отступлением от научного подхода». Действительно, хорошие абстракции и четкие научные определения имеют свойство облегчать существование человечества. Но из этого не следует, что введение категории «цивилизации» (во множественном числе), ставшее особенно популярным после работы американского социолога Сэмюэля Хантингтона, необходимо для анализа социально-экономического развития и особенно – международных отношений. *«Работа с “цивилизациями” в означенной сфере таит не только теоретические опасности, вытекающие из принципа экономии мышления. Есть политическая опасность избыточного применения цивилизационного подхода* (курсив мой – В.Т.). Представляя мир в качестве совокупности “цивилизаций” – китайской, индийской, западноевропейской, американской, российской, – мы рискуем. Можно не заметить в этой совокупности отдельные

²⁵ *Лычагин А.И.* Китайская цивилизация как лестница цивилизаций // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. Т. I. С. 65–71.

страны – из-за неопределенности их “цивилизационного” положения, небольшого размера, смешанности существующих в них культур, этносов и тому подобного... В какой-то мере С. Хантингтон нас “купил”, заставив копаться в этнокультурном, а также “духовном и возвышенном”»²⁶. Мы согласны, что без слова «цивилизация» можно обойтись при строгом анализе явлений окружающего мира. «Не думаю, – пишет ученый, китаист Александр Салицкий, – что дядюшка Сэм Хантингтон специально совершил интеллектуальную диверсию. Но то, что вы, господа российские гуманитарии, *were taken in* “цивилизационным дискурсом”, не подлежит никакому сомнению»²⁷.

В противовес отечественным «цивилизационистам» в Китае не дали себя запутать фразеологической шелухой. Китайские мыслители и политики справились с решением этой задачи, маневрируя и используя «цивилизационную» риторику, но предпочитая простые и практичные формулировки задач самоопределения и развития, в том числе и для корректировки идеи китайской нации, выдвинутой еще Сунь Ятсеном. Кстати, ныне основополагающий термин «чжунхуа миньцзу» (нация народностей) был введен сравнительно недавно, в XX веке, а о «китайской мечте» и вовсе объявил нынешний лидер Китая Си Цзиньпин.

В чем смысл китайской национальной идеи и каков пример «работы с идеей нации» и нациестроительства, который заслуживает нашего внимания в работе над идеей России? В последние годы экономические успехи и политика общекитайской интеграции дали результаты. Помимо поддержки этнических меньшинств, главное внимание уделяется конструированию национальной идентичности. Российский этнолог Алексей Закурдаев пишет: «Национальный вопрос, обнажающий противоречия между однородной властью и разнородным по этническому и социальному составу обществом, напрямую связан с конструированием национальной идентичности как совокупности общих культурно-психологических черт, формирующихся у граждан страны в ходе деятельности политических и социальных институтов»²⁸.

Китайское научное сообщество пытается осмысливать разные варианты решения проблемы нации и национального вопроса, используя зарубежный опыт, в том числе и российский²⁹. Выда-

²⁶ Лычагин А.И. Китайская цивилизация как лестница цивилизаций // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. Т. I. С. 150–151.

²⁷ Там же. С. 150.

²⁸ Закурдаев А.А. Национальная идентичность как продукт управляемых этнических процессов в КНР // Культурная сложность современных наций; под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016. С. 314–316.

²⁹ Не случайно три мои книги по проблемам этничности и нациестроительства переведены и изданы в КНР.

ющийся китайский ученый Фэй Сяотун считал, что, несмотря на структурную сложность национальной идентичности, ее разные этнические составляющие необязательно ведут к антагонизмам и конфликтам: «Китайская нация – это одно целое, которое составляют 56 народов. Китайская нация – это высший уровень организации, а каждый из 56 народов – базовый уровень. Идентичность высшего порядка вовсе не заменяет или исключает идентичности базового звена. Идентичности разных уровней могут сосуществовать и без противоборства. Более того, в основе идентичностей разного порядка лежит оригинальная специфика этнического саморазвития, что формирует многоязыковую и поликультурную национальную целостность»³⁰.

Это именно то, что мы называем *множественной и не взаимоисключающей идентичностью*, когда членами китайской нации (китайцами) считают себя как ханьцы, так и уйгуры, маньчжуры, тибетцы и еще несколько десятков народностей (миньцзу).

В России точно такая же ситуация. Наличие радикальных националистов среди татар, чеченцев, якутов или других российских национальностей не отрицает доминирование среди них общероссийской идентичности, отнесение себя к российскому народу. То же распространяется и на русских, для которых нет дилеммы «русский или россиянин»: и русский, и россиянин³¹.

Размер нашей статьи не позволяет рассмотреть опыт нациестроительства в Индии, где «идея Индии» как сложной и единой нации была выдвинута Махатмой Ганди и Джавахарлалом Неру на старте эпохи независимости от британской короны и утверждалась все последующие десятилетия, создав самую крупную и самую сложную по этническому, религиозному, расовому и кастовому составу нацию современного мира. Однажды президент Путин посетовал, что после смерти Ганди не с кем и поговорить о больших вопросах мироустройства. Опыт воплощения в жизнь гандийской идеи нации здесь был бы очень к месту.

Схожие и полезные для России опыты нациестроительства можно привести еще по десятку крупнейших стран мира на разных континентах. И вопрос не столько в просвещенности, а в инерции этнонационалистического мышления и построенных на нем общественных практик. Эту инерцию, как и некоторые актуальные политические заданности действующего правления в России, невозможно игнорировать. Но и нет особого научного и политического

³⁰ Фэй Сяотун. Рассуждения об антропологии и культурном самосознании. Пекин, 2004. С. 163.

³¹ Тишков В.А. И русский, и российский // Вестник российской нации. 2009. № 3. С. 85–97.

смысла громоздить русскую/российскую/славянскую цивилизацию с ее неустановленным «цивилизационным кодом» как первичное, а тем более – политически-правовое определение для Российской Федерации. Заменителем национального самоопределения как государства-нации это никогда не будет работать. Хотя в историческом смысле использовать данную самоидентификацию в публицистике и в учебно-просветительских курсах вполне возможно. Другими словами, *Россия – это и нация, и цивилизация.*

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ ДЛЯ РОССИИ*

Каждая сильная и состоявшаяся нация имеет свою историю, которая не есть простая череда событий, а профессионально организованный «национальный нарратив», т.е. основанная на достоверном знании и общеразделяемая членами нации версия прошлого страны и ее народа. Историческая память общества основывается на этом знании, и она составляет важнейший компонент национального самосознания (идентичности). В извечной дилемме, что первично – историческая память или историописание, мы отдаем приоритет последнему, за исключением тех событий, непосредственными участниками или свидетелями которых было большинство ныне живущих граждан. Здесь у профессиональных историков есть конкуренция с теми, кто «видел Ленина», но и в этом случае непосредственные свидетели истории не могут обойтись без профессиональных исследователей, которые реконструируют и интерпретируют канву исторических событий в их полноте и сложности.

За последнее время историческая тематика вышла на передний край общественно-политической жизни нашей страны. Это не может не радовать профессиональных историков и одновременно вызывать дополнительную озабоченность за состояние отечественной исторической науки и профессионального сообщества историков. Здесь есть проблемы как теоретико-методологического характера, так и сугубо институциональные моменты: как организовано общество, как оно себя позиционирует и как оно воспринимается окружающим обществом. Можно говорить о своего рода «актуальном моменте», когда завершается почти 25-летний период глубоких интеллектуальных трансформаций и выстраивания новой постсоветской историографии, включая почти полную смену поколений. Остроту этому моменту добавили политико-идеологические факторы, когда трактовка прошлого оказалась одним из ключевых моментов нациестроительства и внешнеполитических стратегий

* Вестник Российской нации. 2010. № 1–2.

Статья подготовлена на основе выступления академика В.А. Тишкова на международном круглом столе «История, историки и власть» (Москва, 2 февраля 2010 г.).

государств, образовавшихся после распада СССР. На актуализацию истории как сферы гуманитарного научного знания, как предмета просвещения и объекта массового интереса оказывают воздействие более общие процессы модернизации. Они включают новые формы культурного производства и коммуникации, особенности восприятия современным человеком событий и явлений быстротекущей действительности, новые возможности и формы презентации собственного мировидения. Насколько историописание вместе с другими сферами гуманитарного знания приспособилось к этой новой реальности? Каково сегодняшнее место академической науки и каков запрос общества на историческое знание?

Задача моей статьи – это всего лишь предварительные рассуждения, ибо масштаб проблемы таков, что давно назрел большой разговор российских историков о состоянии профессии, а вместе с этим – еще более важный разговор о роли исторической памяти в формировании национального самосознания (идентичности). Мне кажется, что схожий момент большой профессиональной дискуссии переживала американская историческая наука в 1970–1980-е годы¹, большие дискуссии о роли исторической памяти в представлениях о нации происходили в последние десятилетия также и во многих странах. Например, в последние годы идут серьезные дебаты среди французских и итальянских историков, особенно вокруг проблемы политизации истории и принятия законов об «исторической памяти». Собственно говоря, похожий момент наступил и в России, и проведенный в феврале 2010 г. по инициативе французских и российских историков международный круглый стол стал тому свидетельством. Годом раньше в Москве прошла организованная издательством РОССПЭН крупная международная конференция по истории сталинизма, которая также положила начало новому этапу в переосмыслении истории советского периода². В год 65-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне в России развернулись острые общественные дискуссии и научные обсуждения вокруг целого ряда вопросов прошлого нашей страны.

При определенных условиях общие усилия ученых, общественных активистов и политиков должны дать позитивные результаты, несмотря на жесткие противостояния поколенческого и политического свойства. Одним из таких условий является обеспечение фундаментальных научных исследований в России на принципах профессионализма, академической свободы и гражданской ответственности, а также уважительное отношение к научному знанию

¹ См.: *Тишков В.А.* История и историки в США. М.: Наука, 1985.

² Это издательство уже выпустило в свет более 40 томов новейших исследований по истории сталинского периода СССР.

и к исторической правде. Несмотря на многие издержки и даже преступления прошлых режимов, а также на драматическую судьбу самих ученых-историков, российская историческая наука сегодня представляет собой одну из авторитетных национальных школ в мире. Могут это засвидетельствовать как участник почти всех всемирных конгрессов историков после 1970 года. Хотя жесткое идеологическое противостояние прошлых конгрессов ушло в прошлое, а их научный уровень не особенно повысился, тем не менее всемирные конгрессы остаются наиболее заметными международными собраниями профессиональных историков, и участие в них российских специалистов остается значимым. Важно, чтобы эти стандарты были сохранены и приумножены нынешним поколением исследователей при условии, что старшее поколение не будет «заедать век» молодых и предоставит им возможности для профессионального роста и выражения, а молодые, в свою очередь, не будут исповедовать принцип *tabula rasa*, а сохранять преемственность в производстве нового знания. Здесь есть некоторые обещающие тенденции, но есть и проблемы, которые следует обсудить.

Во-первых, демократизация общества, отмена цензуры, открытие архивов и вместе с этим своего рода «открытие прошлого», особенно недавнего советского прошлого, вызвали взрывной интерес к истории среди профессиональных исследователей, деятелей культуры, масс-медиа и рядовых граждан. Это в целом позитивный процесс. За последние 20 лет по истории издано архивных документов, переиздано старых трудов, переведено книг зарубежных авторов, написано новых академических монографий и публицистических сочинений больше, чем за предыдущие полвека. Особенно это касается российской истории, в том числе истории краев, мест, этнических групп, церкви, эмиграции и т.д. В стране родилось новое краеведение как особое направление исторических занятий просветительского, рекреационного и патриотического направлений. Огромный объем нового знания был введен в общественное пользование по истории советского периода, многие тайны которого, связанные прежде всего с насилием против людей, были закрыты для изучения.

В последние годы появились разнообразные, в том числе и частные источники поддержки исторической науки, профильных музеев, телепрограмм, генеалогических разработок. Только по линии РГНФ ежегодно получают поддержку сотни исследовательских, экспедиционных, издательских проектов на общую сумму около 300 млн рублей. Сегодняшний ежегодный бюджет научно-исследовательских институтов исторического профиля в системе Российской академии наук составляет суммарно более 600 млн рублей.

В рамках общего бюджета РАН более 50 млн рублей выделяется на выполнение программ фундаментальных исследований, и эти средства идут непосредственно на исследовательские проекты. В целом по стране выросло число профессиональных историков и научных центров, особенно в системе университетов. Совсем другой – открытой и разнообразной – стала сфера международных научных связей, в основе которой лежат прежде всего личный научный интерес ученого и выстраиваемые им контакты. По многим параметрам последние два десятилетия могут считаться наиболее плодотворными для российской исторической науки.

Однако мне бы больше хотелось вести речь прежде всего о проблемах и о вызовах, с которыми столкнулась современная историческая наука. Во-первых, это слабая самоорганизованность профессионального цеха отечественных историков. Историки, пожалуй, единственные среди российских обществоведов не имеют национальной профессиональной ассоциации, не проводят регулярных научных съездов, которые всегда есть смотр научных достижений, площадка для дискуссий и для передачи межпоколенческого опыта, а также важный барьер на пути лженауки. Возможно, что Франция здесь не пример, но опыт США и Американской исторической ассоциации может быть поучительным для больших профессиональных сообществ. Ежегодные съезды американских историков собирают тысячи профессиональных исследователей прошлого. В содержательном плане эти собрания, пожалуй, даже мощнее международных исторических конгрессов. Помимо европейских, родились сильные научные историографии в Индии и Китае.

Российские историки не имеют национального научного журнала общего профиля. Журнал «Вопросы истории» в начале 1990-х годов стал собственностью общества с ограниченной ответственностью и фактически перестал быть ведущим академическим изданием по уровню и по содержанию публикуемых в нем материалов. Правда, появилось несколько новых ежегодников и исторических журналов, в том числе и журнал «Родина», рассчитанный на широкую аудиторию. Но в целом в российской науке ощущается недостаток подлинно академического журнала общего профиля, где бы ставились вопросы теории истории, презентовались наиболее важные результаты исследований и рецензировались значимые научные издания.

Отметим, что в последние два десятилетия число получателей ученых степеней по исторической науке выросло десятикратно, но особой радости от этого мало. Многие из защищенных диссертаций – это купленные суррогаты или результат явных протекций. Высшая аттестационная комиссия не справилась с напором частного интереса, подкрепленного материальным или другим ресурсом.

Профессионализму историка-исследователя нанес большой ущерб бизнес на оплаченных публикациях, нужных для защиты, а также бесчисленные анонимные тексты-компиляции в Интернете. В целом корпоративная идентичность отечественных историков находится в разобранном состоянии. По большому счету, от имени российских историков сегодня некому заявить какую-либо позицию, что, конечно, наносит ущерб профессиональному цеху.

Вторая проблема заключается в том, что при сегодняшней материальной возможности напечатать любой текст у многих людей складывается впечатление о возможности всем желающим заниматься историей и считать себя историками. Эти многочисленные неофиты полагают, что историописание – это не есть особое профессиональное ремесло, которому нужно обучаться, а всего лишь вариант любительского занятия (как туризм и рыбалка) или вид коммерции, на которой можно заработать продажей макулатуры на историческую тему. Для некоторых авторов доставляет удовольствие и приносит дивиденды сочинение политизированной лжеисторической мифологии.

В России расплодилось в большом количестве авторы, центры и даже фонды, которые выбрали историю своей профильной деятельностью. Некоторые из этих центров, фондов и издательств (например, фонды «Историческая перспектива» и «Историческая память. XX век», издательство РОССПЭН) доказали свой профессионализм. Но в целом исторической науке противостоит предпринимательство на истории и историческое любительство, и обе стороны пока не нашли между собой механизмов взаимодействия. Серьезные исследователи чаще всего не хотят связываться с шарлатанами, апологетами этнонационалистических и расистских трактовок, с теми, кто вдруг разом решил перевернуть все представления о прошлом, о великих событиях и явлениях, в том числе в отечественной истории. Среди лжеисториков в отношении профессионалов стал употребляться пренебрежительный термин «традиционные историки», которые якобы состоят из старых догматиков, не желающих признавать новое в интерпретации прошлого. Так, например, съездил известный писатель-сатирик на один день в Аркаим, написал, как сам признался, целых три статьи по данной теме и после этого бесчисленное количество раз на миллионную аудиторию доказывает бредовую версию рождения белой расы от славян на территории нашей страны, а русский язык объявляет праязыком всех мировых языков. Биологизаторские, расистские и эсхатологические трактовки прошлого подрывают веру в основанную на знании национальную версию истории страны и народа. Изучение подлинной истории становится ненужным занятием, а в головы людей

закладываются фантастические, изоляционистские или, наоборот, гегемонистские представления о прошлом собственного народа.

Как решать проблему охраны профессиональных стандартов и противодействия паранаучности и историческим спекуляциям – вопрос, требующий особого обсуждения. Среди российских историков встречаются специалисты, которые берут на себя труд критики разных вариантов «фоменковщины» или этногенетической мифологии³, но таких авторов очень мало и тиражи их книг – это капля в море по сравнению с тиражами книг по «новой хронологии», «беломорью», разного рода националистических изданий.

НОВЫЕ ГОСУДАРСТВА – НОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ

Наиболее серьезная проблема в сфере исторического знания в России связана с распадом СССР и появлением не только новых государств, но и 15 новых национальных нарративов, своего рода официальных версий прошлого каждой страны. Прошлое составляет необходимый компонент национального самосознания, и это есть преобладающая собственность и ответственность страны и ее народа за так называемую «национальную историю». Не могут российские историки быть создателями национальных версий германской или французской истории, и наоборот. Хотя такие претензии могут быть. Но все-таки каждая страна стремится через историческую версию обеспечить веру в собственную общность судьбы, стимулировать гражданскую солидарность и патриотизм, укреплять легитимность государства, обосновывать его достоинства и отличительную привлекательность для внешнего мира. В конструировании такой версии используются как достижения и победы, так и исторические драмы и несправедливости. Как правило, национальные истории строятся на основе изоляционизма и исключительной представленности доминирующей культурной традиции и ее носителей, на основе удревнения исторических корней, непрерывности культурной традиции и государственности. К данной проблеме историки привыкли, и по этому вопросу ведутся острые и давние споры. В России к этой проблеме еще и добавляется терминологическая сумятица по поводу самого понятия

³ См., например, публикации с критикой сочинений академика-математика А. Фоменко: *Володихин Д., Елисеева О., Олейникова Д.* История России в мелкий горошек. М., 1998, а также книги В.А. Шнирельмана по этногенетической мифологии: *Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье.* М.: Академкнига, 2003; *Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке.* М., 2006.

«национальное». Для части моих коллег «национальная история» – это частные этноверсии (история татар, история башкир, история осетин и т.п.), а также новые исторические версии в постсоветских государствах (грузинская, узбекская, украинская и т.д.)⁴. Национальной истории России как бы и не существует.

С советских времен в исторических учебниках излагается история центра (также, кстати, всегда многоэтничного) как своего рода русская история и в качестве дополнительного раздела «история народов и государств на территории СССР» или история этнической периферии. Проблема общей версии и представленности носителей разных культурных традиций в большом российском нарративе до сих пор не решена, как она была решена в последние десятилетия в ряде стран Европы и Америки. Для создания полнокровной и открытой версии истории России это имеет особое значение. К сожалению, большинство наших граждан не знают, какие древние культуры и города, кроме Киева, Москвы и Новгорода, имеют отношение к формированию российского государства. По крайней мере, древнейший российский город Дербент едва ли кто назовет. При наличии серьезных наработок по части истории отдельных групп и регионов эти проблемы можно решить через более адекватные учебные тексты и через хорошо подготовленные популярные презентации (ТВ, музеи и прочее). Трансляция документальных фильмов «Би-Би-Си» по истории и некоторые наши сериалы, в том числе «Исторические хроники» Н. Сванидзе, историко-культурные фильмы Н. Парфенова, исторический цикл на 5-м канале Санкт-Петербурга, исторические передачи на радиостанции «Эхо Москвы» показывают, как это можно делать.

Более серьезной проблемой историописания представляется вариант создания национальных версий истории на основе игнорирования общего прошлого с другими народами. При такой версии иногда может показаться, что православный храм в центре Хельсинки свалился с неба, если, например, в национальной исторической версии игнорируется период пребывания Финляндии в составе Российской империи. Ясно, что единой версии прошлого для всех 15 государств уже никогда не будет, но это не означает, что политикам нужно вычеркивать общую историю, а историкам – отказываться от ее совместной разработки или от простого сотрудничества.

Однако самое худшее – это конструирование национальных версий прошлого на основе создания враждебного образа других народов и государств или на основе коллективной травмы, ответ-

⁴ См. издание, подготовленное молодыми историками, но со старым подходом, который отражен в самом названии коллективного труда: Национальные истории в советских и постсоветских государствах. Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1999.

ственность за которую возлагается исключительно на внешние факторы. Советская эпоха оставила много таких травм, но и не меньше достижений. Все это есть наша общая история и наша общая ответственность. Правопреемственность России по отношению к внешним долгам, посольской собственности или международным соглашениям совсем не означает, что, например, мои пострадавшие от сталинизма уральские родственники и я как их потомок несем ответственность за жестокие ошибки или преступную политику, которую проводила советская верхушка, состоящая в значительной степени из выходцев из Грузии и Украины. Сама проблема исторической ответственности во всех ее аспектах требует нового обсуждения. Как, кстати, и проблема так называемых исторических несправедливостей.

Применительно к советскому периоду российские историки позволили втянуть себя в малопродуктивные дискуссии, пытаясь, в свою очередь, доказывать, что русские и центральные территории страны пострадали от голода, репрессий, войны не меньше, а даже больше. Здесь почти всегда идет нагнетание недостоверных цифр о жертвах репрессий или умерших от массового голода. Идет своего рода соревнование исследователей, задача которого – показать «кому было хуже». К профессиональной истории это имеет мало отношения. Нам необходимо обсудить проблему инфляции демографических и других цифр, имеющих большую общественную, прежде всего эмоциональную, значимость. Франция, например, до сих пор верит Андре Глюксману, что чеченский народ потерял в ходе вооруженного конфликта около 200 тыс. человек, и никто из специалистов не считает возможным опровергать эту почти десятикратную ложь по соображениям политкорректности или солидарности с соотечественником. Тем временем названная цифра уже переходит в тексты западных учебников.

КОНСЕНСУС ПО ПОВОДУ НАЦИОНАЛЬНОГО НАРРАТИВА

Известный специалист по исторической эпистемиологии Алан Мегилл считает, что «общей чертой большинства современных проявлений мемориальной мании является трансформация представлений об идентичности. В мире, в котором альтернативные реальности постоянно входят друг с другом в конфликт, и в котором множество возможных идентичностей выставлено напоказ, неопределенность идентичности, возможно, является неизбежным побочным продуктом. В такой ситуации для «памяти» вполне достаточно причин выдвинуться на первый план. Можно даже постулировать одно правило: когда идентичность становится сомнительной,

повышается ценность памяти»⁵. В современную эпоху теологический догмат и религиозное чувство уже не всегда составляют основу идентичности человека. То же самое произошло с другими тотальными основами личностных и коллективных идентификаций (например, по племенной, сеньориально-монархической, расово-этнической и кастовой принадлежности). В эпоху модерна индивиды и сообщества получили больше возможности моделировать свои собственные идентичности по другим опорным основам, среди которых политика и идеология оказались на первом месте. Среди теоретиков модернизма рождается феномен «само моделирования», прежде всего как чувство творческой самоуверенности. Так появляется «свободный дух Гете» и самоуверенность Ницше. Современным ярким выражением этого само моделирования стала концепция «Я сам себе государство» у Александра Зиновьева⁶. Это, конечно, не всеобщий принцип, и религиозная идентичность, например, до сих пор остается среди первых для многих истинно верующих. Точно так же во многих обществах сохраняются железные клетки расовых и кастовых категорий как в самообозначении, так и во внешнем определении человека и групп. И все же основой коллективной памяти и важнейшим компонентом идентификации человека по государственному сообществу (именно это мы называем национальной идентичностью) является общепрожитая история собственного и предшествующих поколений. При этом речь идет не о некой мифической «генетической памяти», а о добытом и оформленном профессиональным методом историческом знании.

Но как неизменно это профессиональное знание? Колингвуд считал, что никакой результат в истории не является окончательным, что свидетельство меняется «с каждым изменением исторического метода», что «принципы, которыми это свидетельство интерпретируется, также меняются» и что, следовательно, «каждое новое поколение должно переписывать историю его собственным способом»⁷. Могу также добавить, что меняются не только метод и принципы интерпретации, но и социальная среда, интересы и устремления людей, социальных групп, политиков, интеллектуалов. Тем самым каждое поколение желает видеть или находить в истории то, что наиболее значимо для него в сегодняшнем дне. Эта потребность может радикально меняться в случае смены общественного устройства и политико-идеологического режима, что имело место в СССР с приходом М.С. Горбачева и после него.

⁵ Мегилл А. Историческая эпистемиология. М., 2008. С. 138.

⁶ См. раздел «Зиновьев» в книге: Гусейнов А.К. Великие мудрецы и пророки прошлого. М., 2009.

⁷ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.

Мы знаем, что бывают ситуации, когда исторические катаклизмы уничтожают государство вместе с его национальным нарративом прошлого. Так случилось, например, с версией истории СССР, создаваемой несколькими поколениями еще ныне живущих историков. На место приходят своего рода «нулевые поколения» – новые граждане новых государств, которые или пытаются продолжать старый «большой нарратив» (как это имеет место в России среди части историков и публицистов), или начинают все с отрицания предшествовавшей версии истории (как это имеет место в России среди малой части историков и среди большинства историков в других странах бывшего СССР), или же обращение идет к древней, наиболее мифологизированной части прошлого в попытке выстроить легитимный континуум и тем самым создать опору современной идентичности, как бы пропуская недавнее прошлое. Такое происходит среди многих российских историков и среди многих историков стран бывшего СССР. «Мы в СССР никогда не были, и поэтому нас нельзя называть частью бывшего Советского Союза», – полагают, например, прибалтийские коллеги.

Какую позицию я считаю наиболее приемлемой в этой ситуации, казалось бы, безнадежного релятивизма и субъективности? Во-первых, неправильно считать, что каждое поколение начинает с чистого листа и каждому поколению выдается своего рода карт-бланш на собственный способ историописания и на отрицание накопленного предшественниками знания. Это же условие распространяется и на разные теоретико-методологические парадигмы, группы и школы, участвующие в процессе историописания. При всех обстоятельствах и даже при полной неудовлетворенности статус-кво энтузиастов радикальных ревизий существуют профессиональные проверочные нормы и сохраняется способность оценивать компетентность историков, которые предохраняют от разрушения само здание профессиональных исторических знаний.

В моменты смены парадигм и радикальных ревизий аргументы и обоснования, т.е. собственно историческая эпистемиология, выходят на первый план в профессиональном сообществе и делают тем самым возможным диалог между сторонниками разных версий. Именно здесь история, как пишет А. Мегилл, «должна быть не только (в некоторых ее аспектах) эстетической практикой, но также и научной дисциплиной, т.е. организованным получением знаний теми коллективами, которые разделяют принципы и практику точного, методического и непрерывного конструирования, деконструкции и реконструирования исторического прошлого»⁸. Историк

⁸ Мегилл А. Указ. соч. С. 197.

должен пытаться дойти в своем анализе до истинного понимания вещей, хотя нам очевидно, что понятие истины, в том числе исторической истины, относится к категории постоянных дебатов теологов и гуманитариев. И здесь я задаю один из старых вопросов: каковы условия приближения к истине, интеграции нового знания в существующий корпус достоверных знаний и сохранения исторического знания от внедисциплинарных воздействий политиков, идеологов, намеренных шарлатанов и поверхностных энтузиастов?

В целом, должен сказать, что как каждое новое поколение будет открывать в истории те ее стороны, которые наиболее значимы для его сегодняшнего существования и восприятия мира, так и каждое новое государство будет выстраивать свою собственную непрерывную историческую версию. Главное, чтобы эти версии имели в основе профессиональное историческое знание и не были заточены на создание образа врага и на разжигание межгрупповой и межгосударственной вражды. По этому вопросу среди историков разных стран возможны договоренности. Даже в худые времена холодной войны в 1970-е годы действовала советско-американская комиссия историков по устранению из исторических учебников идеологизированных и необоснованных оценок и фактов истории одной страны в учебниках другой страны. В моем архиве сохранился текст заключительного доклада, который хотя и не был обнародован, но был использован профессионалами.

В национальных историях и в мировой истории есть морально-ценностные моменты и общеразделяемые трактовки прошлого, которые имеют особое общественно-политическое и эмоционально-нравственное значение для той или иной страны, этнической, религиозной или расовой общности и даже для населения целого континента. При всем разнообразии мнений и дебатов среди профессионалов на уровне массового потребления исторического знания и исторических оценок существуют определенные ограничители и сдерживающие факторы публичных интерпретаций. Профессиональные историки не могут считать себя исключительными владельцами знания прошлого без учета общественных настроений, символических ценностей, группового достоинства, интересов формирования национального самосознания или идентичности. Если это было бы не так, то едва ли бы стало возможно создание в Великобритании королевской комиссии по национальной идентичности в 1970–1980-х годов или «больших дебатов по национальной идентичности», которые сейчас начаты французским президентом Н. Саркози. Хотя часть академического сообщества историков Франции и Италии выступают против попыток Берлускони и Саркози довести подобные дискуссии до принятия правовых актов относительно исторических

версий, тем не менее дебаты и целенаправленные усилия элит по конструированию идентичности на основе исторического материала сами по себе уже стали фактом истории.

Для меня, как ученого-историка, нет непререкаемых постулатов, но своим опытом и гражданским чувством я понимаю, что едва ли можно исторически необоснованными фактами подвергать ревизии, а тем более оправдывать такие мировые явления, как колониализм, религиозная вражда, расизм, нацизм, терроризм, ксенофобия, а также такие конкретно-исторические события, как холокост, сталинские репрессии, погромы китайских хунвейбинов и афганских талибов, полпотовский или руандийский геноциды. В то же самое время нуждаются в защите с участием профессиональных историков (при наличии среди них базового консенсуса) такие исторические явления и факты, как правовое дело антигитлеровской коалиции, миротворческая и другая гуманистическая деятельность отдельных лиц, организаций и даже стран. Но только кто и как определяет формы и нормы такой деятельности? Где здесь пределы политического и правового вмешательства и что составляет исключительный домен самих историков-профессионалов? Как по этим вопросам должны взаимодействовать историки разных стран между собой?

Мне кажется, что мы утрачиваем способность к взаимодействию и возвращаемся к временам конструирования изгоев и непримиримых идеологических противников. У меня, например, вызывает беспокойство отсутствие какой-либо реакции со стороны организованного исторического сообщества или хотя бы того же итальянского Общества по изучению современной истории на указы и законы в Украине, в которых содержится политизированная оценка массового голода 1932–1933 гг., включая число погибших, и предусматривается уголовное наказание за сомнения по поводу этой оценки. В то же самое время мы имели недавно со стороны упомянутого научного общества попытку с подачи радио «Свобода» оказать давление на российских историков в связи с внутренним письмом-просьбой в рамках исторической секции РАН по проблеме исторических фальсификаций. Это можно расценивать как рудимент холодной войны, когда идеологически разделенные исторические сообщества вели открытую борьбу друг с другом. Уважающим себя профессиональным историкам предпочтительнее общаться и выяснять вопросы в прямом диалоге, а не устраивать флэшмобы в Интернете и памятные нам по советским временам кампании позора.

ПРО РАЗНЫЕ ИСТОРИИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ СЕРГЕЯ НАРЫШКИНА)*

ЧТО ПИШУТ ИСТОРИКИ И ЧТО ЧИТАЕТ НАРОД?

Для внешнего обозревателя историческая наука представляется меньше всего наукой, а некоей разновидностью хобби или интеллектуального предпринимательства. Историю в той или иной степени знают многие, причем лучше, чем физику, астрономию или языкознание. Несколько меньше, но также много людей, которые занимаются историей в любительско-краеведческом или в публицистическом плане. И, наконец, в стране есть несколько десятков авторов, которые пишут на историческую тему коммерчески выгодные книги, как это делает «Малахов-плюс» по проблеме здоровья или Мулдашев по эзотерике. В последней, кстати, многое замешено на псевдоисторической аргументации. В то же самое время в России есть достаточно развитое школьное и вузовское историческое образование, а также система подготовки кадров высшей квалификации (кандидатов и докторов наук). Общая численность дипломированных российских историков составляет десятки тысяч человек, из которых не менее 4–5 тысяч профессионально занимаются исследовательским трудом. Только в 18 научно-исследовательских институтах, входящих в Секцию истории Отделения историко-филологических наук РАН, трудятся более 2 тысяч историков. Не меньшее число составляют университетские профессора исторических факультетов, многие из которых также занимаются научным трудом, а не только читают лекции. По крайней мере учебники и учебные пособия по истории пишут в основном они, оттеснив в последние годы от этого занятия историков сугубо академического профиля.

Возможно, что так оно и должно быть, но вот то, что ученые-исследователи фактически перестали писать книги научно-популярного толка вместе с кончиной соответствующей серии в издательстве «Наука», это плохо. Кстати, свою первую книгу «Страна кленового листа. Начало истории» (М.: Наука, 1977) я опубликовал именно в этой серии тиражом 83 тысячи экземпляров. Один канадский коллега в те годы как-то заметил в разговоре со мною:

* Вестник Российской нации. 2010. № 4–5.

«Этого не может быть, и все эти экземпляры где-то лежат на складе». А у меня у самого не осталось ни одного экземпляра, даже чтобы сканировать для собственного сайта в Интернете! Надо сказать, что моя первая книга про раннюю историю Канады была далека от занимательной истории или яркой исторической публицистики, но тем не менее у нее в те годы был свой читатель. Точно так же разошлась 60-тысячным тиражом книга про современных индейцев США и Канады «Тропую слез и надежд». (М.: Мысль, 1990), хотя этот текст был совсем не «а ля Кастанейда», о котором советский читатель тех лет фактически еще ничего не слышал.

Серьезную историческую литературу отечественная публика вполне уважала, предпочитала читать и держать в своих библиотеках. Книги моих старших коллег по академии, ныне уже покойных, Е.В. Тарле, В.П. Волгина, И.И. Минца, Б.А. Рыбакова, В.Г. Трухановского, И.Р. Григулевича, М.В. Нечкиной, А.М. Самсонова и других расходились по стране тиражами в десятки тысяч экземпляров. Сейчас вместе со мною в РАН работают не менее выдающиеся мастера, но тиражи их книг не превышают одной тысячи экземпляров: ровно столько издательство «Наука» печатает копий на получаемые по издательским грантам средства из РГНФ, РФФИ и Президиума РАН. Продажей и получением прибыли за счет тиражей главное научное издательство страны не занимается, нет даже собственного магазина в Интернете. В результате изданный нашим институтом в серии «Народы и культуры» замечательный историко-этнографический том «Русские» был опубликован тиражом одна тысяча экземпляров и допечатан после получения нового гранта. Хотя только одна эта книга могла бы приносить большую и постоянную прибыль издательству, а российская читающая публика имела бы наиболее достоверное и полное изложение истории материальной и духовной культуры русского народа. Вместо дореволюционных переизданий или современных подделок под «русскую тематику». Лежит, например, на книжных полках изданная в крупнейшем издательстве ОЛМА-ПРЕСС книга университетского профессора под названием «Русские в XX веке», но в ней совсем не про русских, а про тех, кто им постоянно строил в истории разные козни. Таким образом, начнем с того, что профессиональная академическая наука отчасти сама сдала свои позиции из-за слабой квалификации, идеологической заангажированности или тривиальной лености как авторов, так и издателей.

Поле профессиональных текстов стало за последние 20 лет гораздо более разнообразным и привлекательным по форме и по содержанию, но этого оказалось недостаточно, чтобы просвещенный народ сохранил привычку читать и доверять профессионалам исто-

риописания, а тем более иметь качественные книги в доступности на книжных полках и в библиотеках. Отыграть эту ситуацию достаточно сложно, но возможно. Добротные и новаторские исторические исследования, особенно с элементами открытий и новизной интерпретаций, становятся бестселлерами во многих странах, где средний читатель даже менее грамотен и любознателен по сравнению с россиянами. Необходимо возродить своего рода «народную библиотеку по истории» и сделать книги в этой серии доступными на уровне так называемого аэропортного чтения. Посмотрите, ради интереса, какие книги и каких авторов продают в зарубежных международных аэропортах и что продается в «Шереметьево» и «Домодедово». Сравнение будет явно не в нашу пользу, хотя на Западе печатной мурой также хватает, но языческо-эзотерические и расистско-националистические бредни или откровенная политическая заказуха на лицензионных печатных станках не печатаются и на полки не выставляются.

Для того чтобы просветиться по части того, «что читает народ» по истории, достаточно подойти к любому книжному магазину-развалу на улицах российских городов, к книжно-газетному киоску в российском аэропорту или зайти в московский «Библио-глобус». Здесь разница будет невелика: сегодня, как пять и десять лет назад, и повсеместно – от Москвы до самых до окраин – продаются книги на одни и те же темы и примерно тех же самых авторов. Не буду называть фамилии: среди них есть известные политики, писатели и журналисты, но не меньше шарлатанов и человеконенавистников, против которых возбуждались уголовные дела и даже выносились решения. Темы, которые «продаются», – это выдуманные праистории велесо-ведического цикла и протославянские фантазии, это ратные дела и оружие древних предков, это про евреев и про разные заговоры против России, это про генералиссимуса Сталина и про подвиги-козни спецслужбы, это про «исламские» и «оранжевые» угрозы. Наконец, это про чудесных царей и цариц, про Горбачева с Ельциным – могильщиков великой державы СССР.

Еще совсем недавно мне было довольно стыдно смотреть на книжный прилавок в здании Государственной Думы. Сейчас там продаются книги немного посOLIDнее и во много раз дороже из-за их золотых обзоров и золотых букв с гербами на обложках. Но вся эта низкопробная макулатура на историческую тематику расплодзилась по стране, тиражируется самыми известными издательствами и уже красуется на полках районных, университетских и даже школьных библиотек. Фоменко, Пикуля, Гумилева, Радзинского, Кастанейду и подобных авторов будут издавать еще долго, и противостоять новой рыночной истории фактически невозможно. Здесь

можно предложить только две стратегии привития навыка к качественной литературе по истории у читателя и повышения критериев отбора у издателя. Первая – это грамотное и ответственное преподавание истории в школе и в вузе. Вторая – это уже упомянутое пробуждение академических историков от неспешного писания исключительно для самих себя. Наконец, срочно необходим диалог профессионалов и любителей историописания с участием издателей. Но как сформировать новый спрос на качественную историю, мне сказать трудно. По крайней мере, я не думаю, что государственные реестры по защите главных тем отечественной истории и тем более правовые нормы по поводу того, как писать и даже как преподавать историю, могут радикально улучшить ситуацию.

В России действительно «умственный разброд» по поводу того, что было в прошлом. Как пишет С. Нарышкин, «в итоге – всеобщая историческая путаница, разруха в головах, как сказал классик. Учителя в школе и преподаватели в вузах подчас затрудняются в трактовках тех или иных исторических событий, боятся и не хотят отвечать на «неудобные» исторические вопросы, отсылают учащихся к противоречивой литературе и текстам сомнительного содержания. И без того в целом ряде сюжетов и персонажей нуждающаяся в дальнейших серьезных исследованиях отечественная история покрывается еще большим туманом субъективных интерпретаций, завесой фальши и невежества. В общем, получается замкнутый круг: историческая неразбериха питает почву для исторических фальсификаций, которые, в свою очередь, еще больше усиливают историческую неразбериху». Но тогда, может быть, просто нужно пережить этот момент и подождать прихода нового поколения историков и их читателей? Ну, а если это надолго? Тогда где же выход? Сергей Нарышкин предлагает искать его в создании новых эталонов общенациональной истории. На этот счет необходим более чем серьезный разговор.

КАК ПРЕПОДАЕТСЯ ИСТОРИЯ И В ЧЕМ СУТЬ ПРОБЛЕМЫ?

Преподавание истории – одна из самых острых и постоянно обсуждаемых проблем среди ученых-гуманитариев и среди общественности. В истории нашей страны было несколько известных дебатов и даже партийно-правительственных решений по поводу преподавания истории в школе. В начале 1930-х гг. было даже решение о создании единого учебника по истории для советской школы, и по конкурсу таким образцовым учебником для младших классов был признан учебник истории автора Шестакова. Мои школьные

1950-е годы прошли с учебником истории, написанным академиком А.М. Панкратовой. Затем были учебники академиков Б.А. Рыбакова и М.В. Нечкиной, профессора А.А. Преображенского. По всеобщей истории авторами учебников были академики С.Д. Сказкин, В.М. Хвостов. Скажем откровенно, что эти учебные версии были не просто «идеологически выдержанны», но они были националистичны и этноцентричны в том смысле, в каком обычно и пишутся школьные учебники. Их слабой стороной было обеднение самой живой ткани истории в ущерб догмам, а также замалчивание важнейших событий, героев и вклада в российскую историю разных народов и групп населения. Но в любом случае эти учебники были написаны профессионалами высшей пробы, довольно хорошо владевшими писательским пером. Этот опыт школьного историописания стоит вспомнить для извлечения из него кое-чего полезного для нынешней дискуссии.

Что же касается моего обучения на историческом факультете МГУ в 1959–1964 гг., то это было довольно жесткое время, когда высокий профессионализм многих профессоров сочетался с начетничеством, постоянными разоблачениями «буржуазных фальсификаторов», конъюнктурными исправлениями оценок этапов советской истории после смерти очередных вождей. Я еще застал отголоски «дела Краснопевцева», когда за два года до моего поступления на истфак был арестован и получил 10 лет мордовских лагерей студент-историк Лев Краснопевцев (ныне здравствующий директор одного из участвующих московских музеев истории предпринимательства). И всего-то вместе с группой единомышленников он составил листовку по поводу «кризиса социализма». Во время моей учебы был изгнан из университета мой сокурсник Андрей Амальрик также всего лишь за симпатию к норманнской теории происхождения Руси. Хорошо помню это позорное комсомольское собрание факультета, когда исключали из комсомола Амальрика и где с жестокой речью выступил Б.А. Рыбаков. Нет, такого времени нам больше в исторической среде не надо, хотя, к большому сожалению, и сегодня могут найтись молодые хунвейбины-погромщики и идеологически строгие профессора. На это можно сказать только фразой почти забытого Юлия Фучика: «Люди, будьте бдительны!»

В последние десятилетия вопрос о школьной истории и о национальных версиях прошлого тесно переплелся с проблемами глобальных переоценок после окончания холодной войны или периода «большого противостояния», с проблемами государственностроительства после распада СССР и Югославии, с причудливыми трансформациями национализма и поисками национальной идентичности.

Сразу же скажу, что не следует все эти вопросы и проблемы сваливать в одну кучу. Сначала полезно разобраться хотя бы в вопросе преподавания истории и возможности «эталонной истории».

Следует признать, что в обществе существуют как бы несколько вариантов обращения к истории. Один из них – это научная историография, т.е. академическая версия прошлого, созданная профессионалами на основе документальных источников и дисциплинарных критериев историописания. Но есть и так называемая фольклорная история (народная, или устная, история), есть история, воплощенная в местах памяти, музейных экспозициях, календаре и топонимике. Есть история национального и этноконфессионального самосознания – своего рода история формирования, конструирования, эволюции идентичности народа или регионально-этнических сообществ в рамках одного государства. Наконец, сегодня можно говорить о медийном варианте исторической презентации, которая воплощается в многочисленные исторические сериалы, блокбастеры, телевизионные шоу типа нового проекта на Пятом канале РТ «Суд истории». Скорее всего, правильнее было бы назвать все эти варианты жанрами исторических презентаций, но в некоторых аспектах это больше, чем жанр. Так, например, создатель фильма на историческую тему может пренебречь фактической точностью, исторической повествовательностью и даже позволить себе чистый вымысел, если того требует художественный замысел. В какой-то мере драматическая сторона телевизионных шоу также представляет собой антипод академической трактовки тех же самых тем и проблем. Но нужно сказать одно, что все названные варианты историй имеют прямое отношение к формированию и существованию национального самосознания.

В каком-то смысле школьная история есть одна из особых форм бытования и использования исторического знания. Ее отличительная черта – это наличие в гораздо большей степени политического воздействия и правительственного контроля прежде всего через таких два механизма, как учебные планы и программы (курукулумы) и через систему экзаменования (сейчас она «единая государственная»). Казалось бы, такой нейтральный механизм, как план и сетка учебных часов, на самом деле может значить очень многое: а именно сколько физического времени отводится в школьных классах на изучение истории, и прежде всего национальной истории. Объем и глубина знаний о собственной стране напрямую зависят от того, насколько подробно или селективно преподается соответствующий предмет. Есть и самый непосредственный путь вмешательства власти в школьные версии истории – это через учебные материалы, которые получают своего рода сертификаты на использование

от государственных образовательных структур разного уровня. В некоторых странах школьные исторические учебники должны быть «допущены» центральным министерством. В некоторых странах это прерогатива регионов (штатов, провинций и т.п.).

В некотором смысле школьная история – это своего рода вариант официальной истории. Во многих странах содержание программ решается правительствами, и учителя обязаны по закону обучать темам, которые всегда включают национальную историю с некоторыми различиями. В демократических странах по этому поводу происходят общественные дискуссии, но все равно учебные версии – это не рыночный продукт. Последним можно назвать телевизионные исторические сериалы, которые могут иметь широкую популярность и даже воздействовать на обучающихся не меньше школьных версий. И все же, при всей критике исторических учебников для школы они остаются основным инструментом обучения истории.

Давление на школу и формы контроля преподавания истории исходят не только от правительства, но и от разных сегментов общественности (политических партий, общественных организаций, родительских сообществ, церкви и т.д.). Цель этих устремлений – озабоченность тем, чтобы история вносила свой вклад в обучение социальным нормам и моральным ценностям, которые в тот или иной момент доминируют в обществе или которые хотели бы внедрить в общество те или иные влиятельные институты, а иногда – даже отдельные личности или группы. В настоящее время история должна доказывать свою полезность и необходимость в условиях ограниченного школьного времени и при конкуренции таких новых дисциплин, как граждановедение, краеведение, обществознание. Обсуждение этой проблемы имело место на страницах многих журналов, в том числе и таких, как «*Teaching History*». В 1999 г. обсуждалась тема *History, Identity and Citizenship*. В России эта проблема постоянно обсуждается на страницах старейшего журнала «Преподавание истории в школе», который, кстати, в рознице купить сегодня невозможно.

Эмпирические данные о влиянии преподавания истории в школе на национальную идентичность довольно ограничены. Английский историк П. Бриндл показал, что даже в начале XX в. традиционные национальные истории подвергались постоянной критике. К тому же в классных комнатах малоквалифицированные учителя часто учили совсем не тому, что было заложено в программы и что было написано в учебниках¹. Заслуживает внимания и такой аргумент: в Шотландии, например, история собственно Шотландии

¹ *Brindle P. History and National Identity in the Classroom // History Today. 1997. Vol. 47. № 6. P. 6–8.*

преподавалась в школах всегда в урезанном виде, но это никак не отразилось на сохранении сильной шотландской идентичности. То же самое можно сказать о национальных версиях школьной истории в других странах, где чаще всего версии истории крайне централистские или этноцентричные, и они не оставляют места для мини-национальных версий (например, каталонской, корсиканской, бретонской или ирландской). Здесь почти всегда идет жесткая борьба за исторические интерпретации, и этот опыт для России может быть полезен. По крайней мере, с учетом многоэтнического состава населения и федеративного устройства этот опыт более интересен, чем провальные проекты единых европейских учебников.

В 1970–1980-е годы, изучая проблемы преподавания истории в США и Канаде, столкнулся с жестокими баталиями по этим вопросам. В США бестселлером была книга Фрэнсис Фитцджеральд «Пересмотр Америки», посвященная искажениям в школьных трактовках американской истории², а в Канаде скрыто обсуждалась и тайно рекомендовалась книга квебекского интеллектуала Луи Бержерона «Учебник патриота», в котором история французской Канады излагалась совсем по-иному и с отчетливо сепаратистских позиций³. Кстати, такие «учебники патриотов» появились сначала и до сих пор существуют в большом количестве в США. Их некое подобие есть теперь в России, Украине, странах Балтии.

ИСТОРИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Школьная история и национальная история – это связанные понятия, ибо курсы отечественной истории попали в школьные учебные программы многих стран еще на заре становления национальных систем образования именно в качестве обязательных предметов обучения. Введение этих курсов было связано с системой всеобщего обучения и с расширением круга обладателей избирательного права. По крайней мере, так было в Великобритании во второй половине XIX в.⁴, а также в других европейских странах. История становилась обязательным школьным предметом во всех новых независимых государствах как в эпоху деколонизации после Второй мировой войны⁵, так и после распада СССР, когда в новых

² *Тушков В.А.* История и историки в США. М.: Наука, 1984.

³ *Bergeron L.* The Patriot's Handbook. Toronto, 1979.

⁴ *Marsden W.* All in a Good Cause: Geography, History and the Politicisation of the Curriculum in Nineteenth and Twentieth Century England // *Journal of Curriculum Studies*. 1995. Vol. 21. № 6.

⁵ *Bergahn V., Schissler H.* Perceptions of History // *International Textbook Research on Britain, Germany and the US*. Oxford, Berg, 1987.

постсоветских государствах введение обязательных курсов не было новинкой, но новой была задача создать версии национальной истории для каждого из государственных образований⁶.

Не менее значимым моментом в истории вопроса был интерес Европейского совета к школьному преподаванию истории на континенте, который проявился почти одновременно с самыми первыми европейскими институтами и формами интеграции. С конца 1950-х годов. Совет Европы спонсировал много конференций и семинаров для учителей, а также заказные исследования. Эти исследования показали, что национальные истории безраздельно доминировали в школьных курсах повсеместно. Кроме этого, национальные ориентации мировидения влияли и на то, чему обучали учеников по предмету мировой истории. Например, тема Великих географических открытий XIV–XVI вв. присутствовала во всех школьных европейских версиях истории, но выбор путешественников и первооткрывателей почти всегда делался в пользу соотечественников. Нам это хорошо известно по шуточной поговорке «СССР – родина слонов».

В западноевропейских версиях национальный уклон особенно затрагивал трактовку средневековой истории Европы, а также религиозную историю, в которой совсем не замечалось присутствия ортодоксального (православного) христианства. История Китая, Индии или африканских стран рассматривалась исключительно в контексте колонизации и в крайне урезанном виде. Точно так же с выборочных позиций в каждой стране рассматриваются важнейшие международные события и многосторонние договоры, как, например, Первая мировая война и Версальская система устройства послевоенного мира.

Спустя полвека ничего особенно не изменилось. Национальные исторические нарративы доминируют в школьном обучении и определяют школьные исторические программы. Это показало обследование школьных программ в 12 западноевропейских странах в 1990-е годы⁷, а также более поздние доклады в рамках Совета Европы, которые охватывают довольно широкий круг стран. Попытки ввести в европейские школы больше материалов по

⁶ По этому вопросу см. изданную Институтом им. Георга Эккерта по международным исследованиям школьных учебников книгу нескольких авторов: Многоликая Клио: бои за историю на постсоветском пространстве. Брауншвейг, 2010, а также более ранние публикации под редакцией Г. Бордюгова и книгу В.А. Шнирельмана «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье». М., 2003; Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках новых независимых государств. Под. ред. А.А. Данилова и А.В. Филиппова. М., 2009.

⁷ *Stradling R. History and the Core Curriculum 12–16 // Consortium of Institutions for Development and Research in Education in Europe. 1993. Vol. 6. Enschede, The Netherlands.*

всеобщей истории вызвали ответную реакцию, и многие страны пересмотрели свои учебные программы по истории именно под углом укрепления национальных версий и придания им большей целостности и последовательности вместо разных увлечений междисциплинарностью и прочими методическими новациями.

В странах бывшего СССР вообще поступили более чем определенно: национальные нарративы были сконструированы на постколониальной парадигме, избавлении от имперского господства и восстановлении древней исторической государственности титульной этнонации. Все это сейчас вызывает недовольство многих людей и групп населения, как внутри государств, так и на межгосударственном уровне. Серьезные разборки, видимо, еще впереди. Но одно можно сказать уверенно: эталонных версий для стран Средней Азии, Закавказья и даже стран Балтии создать не удастся. Даже в советское время мой ныне покойный учитель академик А.Л. Нарочницкий, возглавляя Институт истории СССР, не смог реализовать свой самый амбициозный проект – написание четырехтомных региональных историй Средней Азии и Закавказья. Максимум, что вышло, так это два тома из четырех по истории Северного Кавказа. Но это отдельная тема, требующая особого анализа и обсуждения.

Тем не менее за последние полвека, к началу XXI в., содержание школьных историй изменилось. В центре осталась история собственной страны, но это уже была не только политическая, но и социальная история, включая историю всех основных групп (этнических, расовых, религиозных) и категорий населения (женщины, молодежь, старшее поколение, инвалиды и т.д.). Изменился метод обучения истории, который сделал предмет истории менее авторитарным и монолитным как катехизис. В ряде стран внедрили историко-исследовательский метод, когда ученик больше задумывается над историческими свидетельствами и рассматривает их с разных точек зрения. В 1970–1980-е годы был популярен «ценностный подход», когда детей обучали не столько на основе хронологической последовательности событий, сколько на том, чему учат те или иные исторические события (неравенство, насилие, патриотизм, толерантность и т.п.). Однако хронологический подход остался доминирующим, по крайней мере, в европейской школьной истории. Новейшие периоды истории обычно имеют более всемирный характер изложения, хотя эта всемирность ограничивается чаще всего показом роли немногих великих держав и не более того.

Существенной новацией школьных версий национальных историй стало появление их различных региональных вариантов. На Британских островах, в Швейцарии, Бельгии, Испании, Германии

монолитным интерпретациям пришли на смену более открытые и сложные по набору фактов и героев истории. Другими словами, каталонский вариант школьной истории Испании отличается от мадридской (кастильской) версии, равно как ольстерцы и шотландцы имеют отличительные варианты национальных историй⁸. Но вот только, что есть национальная история для дублинского школьного учителя? Этот вопрос остается без ясного ответа: для одних – это британская история, для других – это история Шотландии и шотландцев. Фактически региональная история Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии преподается как национальная в пику или в дополнение к общебританской версии прошлого. И все же главная причина сдвига в содержании национального нарратива для школьников заключается в том, что сами нации рассматриваются теперь не как культурные монолиты, а как сложные сообщества, включающие в себя разные этноконфессиональные традиции.

Степень изоляционизма национальных версий разная в различных странах. Во французских или итальянских школьных учебниках можно встретить ссылки на Великобританию при изучении истории индустриализации, парламентской демократии или конституционной монархии, но из английских учебников ученики мало что узнают об истории Италии и Франции. Сравнительный контекст – это один из критериев открытости или изоляционизма школьной истории. В этом отношении российские учебники выглядят гораздо предпочтительнее: уж про революции и про национально-освободительные и социальные движения, а также про войны российские школьники получают вполне приличные сведения не только на отечественных материалах.

Почему в школьных историях национальная версия прошлого стоит на первом месте, казалось бы, вполне ясно: свою историю нужно знать и передавать следующим поколениям. Отечественная история – это существенный компонент национальной идентичности. Считается, что общество, которое не интересуется его прошлое и которое не озабочено его содержанием, рискует потерять свою идентичность. Но на этот резон иногда выдвигаются противоположные аргументы. Так, например, известный историк Эрик Хобсбаум предупреждал о риске связывать историю с национальной идентичностью или же строить последнюю на основе исторического материала: «Все человеческие индивиды, коллективы и институты нуждаются в прошлом, но исторические исследования раскрывают только его случайные моменты. Стандартный случай культурной

⁸Phillips R., Goalen R., McCully A., Wood S. Four Histories, One Nation? History Teaching, Nationhood and a British Identity // Compare: A Journal of Comparative Education. 1999. Vol. 29. № 2.

идентичности, привязанной к прошлому через мифотворчество, облаченное в одежды истории, есть не что иное, как национализм»⁹. По мнению историка, именно школьная история есть то самое место, где и когда чаще всего из истории рождается миф. «Почему все режимы принуждают молодых людей изучать в школе историю? Не для того, чтобы понимать свое общество и как оно меняется, а для того, чтобы принять это общество как свое, гордиться им и стать хорошим гражданином США или Испании, или Гондураса, или Ирака... История как форма вдохновения и как идеология включает в себе способность становиться самооправдательным мифом»¹⁰.

В настоящее время концепции национальной идентичности уже не рассматриваются как сугубо основанные на прошлом опыте страны и ее народа. Важные компоненты формирования национального самосознания – это религия, язык, символичные ритуалы и памятные места, праздничные дни, художественная культура и СМИ. Сегодня влияние телевизионных спорта и кино не менее значительно, чем школьная история, которую зачастую подвергают жестокой критике те же самые популяризаторы, питающиеся от профессионального знания и от собственного воображения. Да и саму школьную историю некоторые ученые считают основанной на мифических интерпретациях. Как пишет Э. Смит, национальное прошлое в качестве компонента идентичности «содержит зерна исторических фактов, вокруг которых вырастает опухоль преувеличений, идеализации, аллегорий и искажений, а вместе они составляют широко разделяемый исторический рассказ о героическом прошлом, который служит коллективной потребности в настоящем и в будущем»¹¹. Подобные школьные версии характерны для большинства национальных сообществ и культурно отличительных общин. Нейтральные и неэтноцентристские версии представляют собой скорее исключение, чем правило.

Аналогичной позиции придерживается исследовательница вопроса о школьном преподавании Энн Лоу-Бир, которая относится к энтузиастам нормативного общеевропейского подхода к школьной истории.

Она пишет следующее: «Возможно, пришло время освободить школьную историю от установки, что ее главная цель – это формирование чувства национальной идентичности или же обучение гражданским нормам и ценностям, или же ознакомление с наследием... Для этого имеются другие школьные предметы, включая географию, литературу, музыку, но почему-то формирование нацио-

⁹ *Hobsbawm E.J.* On History. L.: Weidenfeld and Nicholson, 1997. P. 357.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Smith A.D.* Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge: Polity, 1995. P. 53.

нальной идентичности не является их главной целью. Их цель – это получение представлений и понимание данных форм знания и расширение культурных горизонтов обучающихся. Правительственный контроль за школьной историей делает ее легкой жертвой националистической пропаганды. История в ее многих формах легче всего подвергается деформации в школьных классах. Изучение «национальной» истории в школе является всеобщей практикой, но оно должно представлять собой введение в «историю» общества, в котором живут ученики, а также давать навыки исторического мышления. Чувство идентичности, личностное или национальное, есть то, что ученики в конечном счете вырабатывают для себя сами из самых разных источников»¹².

Мне обе выше обозначенные позиции представляются своего рода проявлением общеевропейской кичливости изошренных интеллектуалов. Не называю их взгляды космополитичными, но в чем-то они схожи с таким мировидением, к которому, по крайней мере, страны-новообразования или пережившие геополитические катаклизмы не готовы.

Есть еще один важный вопрос: как развести два фундаментальных понятия: история как описание прошлого и историческое наследие как часть культурного капитала человека и нации. Эти два понятия связаны друг с другом, но не полностью идентичны. Как пишет на это счет Д. Лоуэнталь, «наследие вообще не является историей, хотя оно пользуется и одушевляется историческим исследованием. Наследие – это не экскурс в прошлое, а прославление прошлого, это не попытка познать, что действительно было, а исповедание (практика) веры»¹³. Историческое наследие чаще всего выглядит и воспринимается как домашняя версия мифического прошлого, столь важного для чувства идентичности. Именно эта версия важна для воспитания ответственного гражданина, и потому школьная история в большой степени – это версия исторического наследия.

¹² *Low-Beer A.* School History, National History and the Issue of National Identity // www.heimet.org/IJHLTR/journal5/Low-Beer.pdf

¹³ *Lowenthal D.* The Heritage Crusade and the Spoils of History. L.: Viking, 1997. P. X, 110–111.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И СОВЕТСКИЙ НАРОД: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Я родился на Урале в ноябре 1941 г. – самые тяжелые дни Великой Отечественной войны, когда мой отец – младший лейтенант Тишков Александр Иванович сгинул в Уманском котле под Белой Церковью в самом начале войны и провел три с половиной года в немецком плену, а моя мама – Тишкова Раиса Александровна проработала всю войну учителем начальных классов и узнала, что ее муж жив только летом 1945 г. К моменту возвращения отца с войны относятся и мои первые детские воспоминания, особенно его гимнастерка (без орденов!), широкий ремень с португеей и жестяная коробка трофейных немецких леденцов. Память о переживших войну родителях и о войне, а также нынешние острые дебаты побудили меня написать эту статью.

Начну цитатой из текста «Истоки народного подвига», который мой старший коллега, ныне покойный академик Ю.А. Поляков, подготовил для многотомного труда по истории Великой Отечественной войны. Ю.А. Поляков спрашивает: «Что защищали советские люди?» и дает такой ответ: «Победу СССР в Великой Отечественной войне обусловила группа взаимосвязанных факторов... Бесспорно, существенную роль сыграли пространства страны, ее огромные материальные и людские ресурсы, помощь союзников, просчеты противника. Но главная заслуга принадлежит советскому народу. Именно он сплотился перед общей бедой, забыв или отодвинув в тень свои обиды и невзгоды. На борьбу с германским нашествием поднялись все: стар и млад, мужчины и женщины, все нации и народности СССР» [Поляков 2014, 58]. Чем же был вызван патриотизм советских людей? Как считает историк и свидетель советской эпохи, вопрос этот в настоящее время чрезвычайно запутан. «Прежние, ставшие стереотипами постулаты о том, что народы СССР защищали “советскую социалистическую Родину”, “идеалы социализма”, в результате распада республик утратили во многом прежнюю убедительность, а новых, достаточно вразумительных ответов пока не дано» [Там же, 59].

За последнее время этот вопрос стал еще более острым, несмотря на завершение названного выше фундаментального

* Вопросы философии. 2020. № 8

труда¹ и появление многих документальных публикаций и монографических исследований о войне. Антропологи эту тему обходили своим вниманием, за исключением, возможно, таких сюжетов, как плен, депортации, военный фольклор [Пушкарев 1995], «окопные» темы. Некоторые социально-антропологические вопросы войны: мобилизации, участие и неучастие, патриотизм и жертвенность, цена жизни и духовные ценности, страдания и сострадание, эмоции и вера – все эти вопросы остаются главным образом доменом художественных осмыслений в литературе и кино. Повседневность войны только недавно стала предметом междисциплинарного подхода [Ковалев 2011; Михайлов, Плампер 2014]. Психологи и социологи не числят эту тему в своем основном репертуаре.

Едва ли кто будет отрицать, что одним из очевидных проявлений национального самосознания советского (российского) народа был гражданский патриотизм в годы Великой Отечественной войны [об этом см.: Аманжолова 2010; Бугай, Зубкова 2012]. Под гражданским патриотизмом мы понимаем чувство сопричастности со страной гражданства, которая обычно и называется Родиной. При чем эта сопричастность в отличие от более широкой категории национального самосознания имеет однозначно позитивные чувства и привязанности, называемые часто «любовью к Родине». Национальное самосознание может охватывать более широкий спектр чувств сопричастности, включая критическое отношение и даже «любовь через ненависть» (В.Г. Белинский: «ненавижу Россию, потому что я ее люблю»). Патриотизм же имеет исключительно позитивный спектр сопричастности, хотя не исключает как критического отношения, так и безоговорочного оправдания типа «Родина всегда права». Последнее особенно свойственно так называемым ультрапатриотам или ура-патриотизму. Патриотизм – это сложный комплекс чувств и эмоций. Он – результат как примордиальных ощущений, связанных с местом рождения и ранней социализацией личности, так и с целевой индоктринацией через воспитательный процесс, пропаганду и разнообразные социально-политические воздействия, включая воздействие во взрослом возрасте. Но в любом случае патриотизм – это важный компонент национальной идентичности, и сам процесс нациестроительства (в его гражданско-политическом смысле) есть утверждение общего представления о собственном народе как нации и связи с ней на личностном и коллективном уровнях².

В случае войны речь идет не просто о патриотизме, а о массовом героизме как коллективном жертвенном поведении во имя

¹ К нашей теме прежде всего относится 10-й том [Журавлев и др. 2014].

² О нации и идентичности см.: [Тишков 2013].

потребностей фронта и во имя военных побед. Здесь мы исходим из постулата, что чувство сохранения жизни является первичным по отношению к другим экзистенциальным ситуациям, а сама жертвенность вызвана особым, критическим сочетанием факторов, включая психоэмоциональное состояние личности. Война является именно таким сочетанием факторов, при которых явление коллективной и индивидуальной жертвенности становится почти нормой. Однако не каждая война и не каждая коллективность (в данном случае речь идет о народе) взывают к жертвенности и вызывают ее проявления.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. была чрезвычайной ситуацией внешнего вторжения агрессора на территорию страны, имевшего целью разрушение государства, низведение славянского и другого населения на низшие позиции, физическое уничтожение представителей некоторых национальностей (евреев, цыган). И хотя в военное время в СССР еще более ужесточился тоталитарный режим партии большевиков во главе с И.В. Сталиным, хотя существовала безграничная власть одной личности и всевластие безжалостных спецслужб, все же есть основания говорить о свободном проявлении лояльности и любви к Родине, чувстве советской общности среди граждан СССР.

* * *

Мы берем период войны как время, выпадающее из нормы существования той или иной нации, когда сама нация подвергается особому испытанию. Известно, что оккупация гитлеровской Германией некоторых европейских стран, например Австрии и Норвегии, фактически привела к разрушению самих институтов государственности и к кризису национальной идентичности граждан этих образований. Послевоенное воспевание австрийского патриотизма через голливудский фильм «Звуки музыки» был в большей степени послевоенным искуплением, чем отражением реального австрийского патриотизма в период войны. Норвегия также могла похвалиться только стойкостью представителей королевской короны, сохранившей власть в эмиграции, но особых проявлений национальной солидарности неизвестно, да и сама норвежская нация консолидировалась только в послевоенное время.

Эти примеры подтверждают, что процесс складывания нации и ее консолидации имеет к этническому составу населения страны далеко не самое прямое отношение. Население довоенной Норвегии было этнически гомогенным (если не считать саамское меньшинство), но общее чувство норвежскости было в нем развито слабо. И другие, уже, казалось бы, сложившиеся европейские нации выбрали (или им

уготовили условия войны) разные варианты коллективного поведения перед внешней угрозой. Некоторые, вполне консолидированные и даже примерные гражданские нации (например, французы), предпочли конформизм и официальное сотрудничество с врагом, а власть и население совсем не пребывали в согласии. Другие, менее гомогенные нации (например, британцы) и даже не до конца сложившиеся нации (например, в большинстве своем югославы), наоборот, выбрали жесткое сопротивление и проявили солидарность.

Советский «многонациональный народ» в Отечественной войне – явление во многих отношениях уникальное и, возможно, не до конца еще понятое и объясненное в силу его сложного и радикально меняющегося состава, особой эмоциональной окрашенности темы и ее всегда актуальной политичности. В Советском Союзе патриотизм, как и идея защиты Отечества, имели исторические корни. Они были наследованы от дореволюционного времени, и в своих разных временных и идеологических ипостасях нашли отражение в научном, публицистическом и художественном творчестве³. Но коммунистическая идеология наполнила патриотизм новыми концептами. Большевики отринули прошлое страны как «тюрьмы народов» и как «мир насилия». Они отвергли и разрушили многие культурные и религиозные основы российскости, уничтожив само слово «Россия» в названии страны. Но им удалось в ходе радикальной революции и построения новой советской страны представить ее как «авангард человечества», как «надежду мира». Что касается этнонационального фактора, то к новым идеологическим концептам добавились формулы «союза народов», а уже в годы войны рождается и утверждается концепт «советского народа». И все же отправным моментом при формировании гражданского самосознания служил исторический опыт контактов в целом толерантных по отношению друг к другу представителей российских национальностей, а также последователей разных мировых религий, которым импонировали коммунистическая идея равенства граждан и народов, установление справедливого порядка, а также усилия большевистской власти сохранить страну – историческую Россию.

После образования СССР появляются новые компоненты советского официоза: это «интернационализм», понимаемый как солидарность трудящихся в стране и во всем мире, а также «дружба народов» как взаимоуважение и сотрудничество представителей

³ См. мои рассуждения в книге «Российский народ...», а также книги, изданные к 200-летию Отечественной войны 1812 г. и 1150-летию российской государственности в рамках целевого конкурса РГНФ, особенно [Строганов 2012; Буганов 2012]. Одними из первых этнологов эту тему в аспекте русского этнического самосознания начали разрабатывать М.М. Громыко и ее ученики [Громыко, Буганов 2007].

разных национальностей. Эти идеологические скрепы были задействованы быстро и эффективно⁴. Уже в довоенный период существенными для формирования солидарности и патриотизма жителей страны становились повседневные социальные и культурные практики. Совместный труд и творчество, обмен хозяйственным и культурным опытом, семейно-родственные связи и привязанности, увлечения и досуг, художественная литература и изобразительное искусство, этика коллективизма – все это создавало основу для чувства принадлежности к «советской Родине»⁵.

Однако в какой мере все это было уже укоренено в обществе, чтобы проявиться в годы войны? Ведь слишком мало времени прошло с момента ухода с исторической сцены старой России, и слишком много страданий и травм уже успел нанести гражданам, целым этническим и социальным группам советский режим, чтобы можно было рассчитывать на отсутствие в СССР антисоветских и антибольшевистских настроений, на якобы полное искоренение идеологии национализма и межэтнических проблем. Отторжение советской власти и идеологии большевизма частью населения имели разную окраску (в том числе этническую и религиозную). Наиболее критические и сепаратистские настроения были среди жителей присоединенных накануне войны территорий, а также среди мусульманской части населения и тех социальных и этнических групп, которые подверглись сталинским репрессиям в 1920–30-е годы, а также в ходе самой войны.

Духовная жизнь в предвоенные годы представляла собой сложное и противоречивое явление. «С одной стороны, за годы советской власти компартии удалось воспитать у советских людей политическую сознательность и преданность идеалам социализма. Советский народ был готов самоотверженно и стойко защищать свое социалистическое Отечество. С другой стороны, говоря о духовной сплоченности советских людей в предвоенные годы, следует помнить, что на морально-политической атмосфере негативно сказывались ускоренная индустриализация, принудительная коллективизация, а также духовное принуждение людей. Произвол и беззаконие, всевластие Сталина породили обстановку подозрительности и недоверия, которая мрачной тенью ложилась на общественное сознание» [Мельников и др. 2014, 273].

⁴ О рождении «дружбы народов» как концепта см.: [Мартин 2011; Аманжолова 2010; Красовицкая, Тишков ред.2012].

⁵ По антропологии советскости имеется солидная литература. См., напр., историографический обзор [Кип, Литвин 2009]. Среди работ отечественных и зарубежных авторов см.: [Лившин 2010; Орлов, Юрчикова 2010; Суни, Марган 2011; Фицпатрик 2011].

Этот вывод созвучен размышлениям Ю.А. Полякова, который, отметив суть гитлеровского плана физического уничтожения самой страны и части ее населения, писал: «Советские люди поняли это уже в самом начале войны. И тогда стало ясно, что большая, единая Родина – не только сумма “малых территорий”. Осознание этого объединило в общей ненависти к врагу и общем порыве людей разного социального происхождения и положения, все нации и народности Советского Союза – русских и казахов, украинцев и грузин, белорусов и узбеков. Одна из главных причин всенародного подъема, готовности к борьбе до победного конца состояла в том, что граждане СССР в своем большинстве были приверженцами социальной справедливости... В Советском Союзе доминанта общественного настроения, общественного мнения, общественного сознания военных лет представляется несомненной – война против оккупантов справедлива, поэтому необходимо приложить силы для достижения победы» [Поляков 2014, 60]. Большинство народа осознавало необходимость сосредоточения сил для разгрома врага, и об этом свидетельствовало само поведение людей, в котором и проявлялось то самое массовое сознание. «Безусловно, в нем преобладал государственный патриотизм, ибо система ценностей советского строя, как уникального тогда в мире жизнеустройства, разделялась большинством населения. Однако неправомерно замалчивать тот факт, как это зачастую делалось ранее, что имело место и иное отношение к войне, которое выражалось по-разному. Например, на оккупированной территории антисоветские и пронемецкие настроения нередко выливались в пособничество и сотрудничество с врагом» [Там же, 61].

О том, что тяготы обычной жизни и жестокости властей вызывали среди части населения, не говоря уже о жителях присоединенных территорий, далеко не всегда патриотические чувства, писали еще в советское время некоторые авторы, главным образом не историки, а писатели. Как писал К. Симонов, «тогда одновременно существовало словно не одно, а два соседних и разных времени. Одно явное и понятное, с полетами через полюс, с революционной помощью Испании, с ненавистью к фашизму, с пятилетками, с работой до седьмого пота, с радостной верой, что выше и выше поднимаем страну, с любовью и дружбой, с нормальными людскими отношениями; и тут же рядом – только ступи шаг в сторону – другое время, страшное и с каждым днем все более необъяснимое» [Симонов 1988, 288–289]. Сегодня нам известны многочисленные проявления недовольства и сопротивления власти, особенно на этнической периферии (в Поволжье, на Северном Кавказе, в Средней Азии), а после 1940 г. – на территориях Прибалтики, Украины и Молдавии) [Гагагова и др. 2009].

И все же, население страны в целом принимало основы существовавшего строя. Провозглашаемые идеи, прививаемые населению ценности, действующие правовые нормы, а также формулируемые руководством цели развития страны и задача защиты Отечества были понятны советским людям и одобрялись ими. Можно говорить, что в основе поддержки народом советского строя были социальные и идейно-ценностные основания, а не просто страх и принуждение. Этот вывод поддерживают и некоторые западные историки, несмотря на доминирование среди этой части специалистов по советской истории так называемой концепции сопротивления, то есть всеобщего неприятия населением коммунистического режима. Как считает американский историк Р. Серстон, к началу войны подавляющее большинство советских людей поддерживало режим: «Террор и страх – ядро любого исследования, которое основано на использовании концепции тоталитаризма. Возможно, что значительная часть как немцев, так и русских испытывала страх перед государством. Но он не был определяющим. Действительно, было множество ограничений свободы слова, многие возможности были закрыты для народа, степень принуждения и контроля со стороны правительства и правящей партии была значительной. Но были и такие, кто не боялся государства, было огромное количество тех, кто поддерживал режим в Германии и в СССР» [Thurston 2009, XX]. Этот историк пришел к выводу, что без лояльного отношения советских людей к власти «трудно объяснить готовность народа добровольно вступить в армию в 1941 г., уровень советской военной экономики, достигнутый в экстремальных условиях, саму победу в целом» [Ibid., 198].

Надо признать, что тезис «школы сопротивления» о том, что советский народ в своем большинстве не разделял ценностей коммунизма, в какой-то степени опирался на документальные публикации 1990-х годов из советских архивов, ибо их составители и комментаторы сосредоточивались на проявлениях недовольства и протеста среди населения, особенно среди интеллигенции. Как отмечается в одном из сборников статей в серии «История сталинизма», «отчасти данная тенденция была связана с естественным стремлением российских и сотрудничавших с ними зарубежных авторов скорректировать советскую традицию об отношениях власти и народа, несколько преувеличивая ту часть, которая отражала “героические проявления сопротивления режиму”, а также подчеркивала чуждость сталинизма народу, насильственный характер советского режима» [Крумм, Ломагин, Ханов 2012, 13].

Однако в самые последние годы среди обществоведов феномен советскости стал заслуживать более конструктивного отношения, без пренебрежительности к некой «совковости». Дальневосточный

историк В.А. Тураев так писал о формировании советской идентичности в годы войны: «В кризисные периоды, а таким периодом была Великая Отечественная война, социальная память вынесла на поверхность и сделала очевидной ценностью чувство “советскости”. В условиях военного лихолетья период довоенной социальной неустроенности стал представляться как лучшее время жизни... Миллионы на фронте и в тылу остро почувствовали себя не столько русскими, украинцами, татарами и т.п., сколько советскими людьми» [Тураев 2016, 131]. Напомним, что в начале 1942 г. в действующей армии, большинство состава которой действительно составляли восточные славяне и представители народов Поволжья, также находились более 1 млн азербайджанцев, армян, грузин, казахов, киргизов и узбеков, то есть представителей наций союзных республик [Военная энциклопедия 1994, 399].

С точки зрения социальной антропологии, которая обращает особое внимание на роль процесса индоктринации и настроений-эмоций среди людей и коллективов, отмечу одну примечательную черту советского общества 1930–40-х годов, а именно потребовалось всего два десятилетия, чтобы в сознании советских людей через систему образования, общественные организации, средства информации (печать и радио) утвердились главные постулаты марксистско-ленинской идеологии, что социализм должен победить во всем мире, что СССР – это оплот трудящихся всех стран в их борьбе против эксплуататоров, что миссия страны – защищать угнетенные народы и нести в мир идею равенства и братства людей труда. Этот момент быстрой индоктринации населения огромной страны представляется, конечно, не единичным явлением в истории, но поучительным, особенно для современного мира принципиально новых методов воздействия на массовое сознание и представления людей.

Война изменила демографический облик и этнический состав советского народа. Именно людские потери как очевидное свидетельство цены победы стали наиболее значимым моментом в памяти людей. Эта значимость и вызвала сначала особый контроль со стороны власти за цифрой потерь, не позволяя историкам свободно заниматься этим вопросом. Эта политизация и особая эмоциональная значимость сохраняются и поныне. Акция «Бессмертный полк», начатая в 2012 г. в Томске, в год 70-летия Великой Победы, вовлекла по всей России миллионы участников, в семьях которых хранятся фотографии погибших во время войны или умерших после нее участников. Портреты родных несли и самые молодые граждане страны, и это уже стало одним их «мест памяти» в национальной идентичности россиян. Ясно, что трагический факт грандиозных утрат заслуживает этой коллективной памяти и задача ученых сохранять эту большую тему в нашей исследовательской повестке.

Таким образом, все народы СССР, все слои населения страны воспринимали войну против Третьего рейха как войну справедливую, священную, Отечественную. Их сплочение было обусловлено пониманием смертельной опасности, нависшей над страной, над каждым ее гражданином, а образ врага был проникнут ненавистью и «яростью благородной», которая «вскипала, как волна». Это сплочение как одно из мощных проявлений национального самосознания обеспечило победу СССР.

* * *

Послевоенный период в истории советского народа заслуживает своего анализа и с точки зрения процессов в сфере общественного сознания. Мы имеем в виду в данном случае верхушечную идеологию, которая в тоталитарном обществе того времени была важна для формирования устремлений и настроения людей, их ценностных ориентиров. Следует отметить, что в послевоенные годы режим не претерпел принципиальных изменений, и культ личности Сталина обрел труднообразимые масштабы, но что-то существенное изменилось в советском обществе.

Среди части населения сохранялась и переживалась огромная коллективная травма, связанная с насильственными переселениями больших масс людей, включая целые этнические общности. Напомним, что к концу войны на спецпоселении находилось более 1 млн российских немцев (1,5 млн немецких военнопленных – это был совсем другой контингент, также требовавший особого режима и охраны), около 600 тыс. представителей народов Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы), 91 тыс. калмыков, 183 тыс. крымских татар, 94 тыс. турок-месхетинцев, курдов). К этому следует добавить принудительно переселенных с присоединенных перед войной территорий (Прибалтика, Западная Украина, Молдова). Только с территории Украины было переселено около полумиллиона «неблагонадежных» лиц.

На «освободившиеся» места проживания и на некоторые освобожденные/присоединенные территории (например, территории упраздненных республик Северного Кавказа и Калининградской области) также по принудительной разнарядке переселялось население из центральных районов России, главным образом русское. Огромная страна представляла собой гигантский мигрирующий котел при ужасном состоянии путей сообщения и условий переезда. Не следует забывать, что после окончания войны с Германией значительная часть войск была перебросена на Дальний Восток для войны с Японией, а часть освобожденных военнопленных содержалась в фильтрационных пунктах и освобождалась или отправлялась в заключение после проверок спецорганами.

Тяготы послевоенного времени носили всеобщий характер. Они касались не только жителей территорий, бывших под оккупацией или на линии боев, но и населения территорий, не затронутых военными действиями, не говоря уже о тех, кто был на спецпоселении, в трудармии, а тем более в лагерях. Все это не ослабило, а только усиливало среди жителей страны ожидание улучшений жизни, послабления репрессий, включая возможное возвращение из ссылок. Как пишет Е.Ю. Зубкова, «это ожидание было буквально разлито в обществе: победа породила иллюзии, что жизнь в стране будет меняться к лучшему, и эти надежды часто связывали с возможностью либерализации» [Красовицкая, Тишков 2012, 289].

В ответ последовала некая новая идеология, рождение которой наметилось еще во время войны. Речь идет о концепте советского народа и советского патриотизма, который был своего рода заменой некоему общему слову-символу, которым можно было бы обозначать население государства. Выполнивший обстоятельное историографическое исследование советской полиэтничности екатеринбургский историк Н.Н. Константинов отметил, что стремление утвердить объединяющий разнородное население СССР «имя – символ» относится еще к 1920–30-м годам [Константинов 2012, 110]. Именно тогда идею «советской нации» формулировали некоторые обществоведы, считая ее аналогом концепта «евразийской нации» Н.С. Трубецкого, кстати, также использовавшего термин «советская нация» [Там же, 110; Трубецкой 2000, 493–505]. При этом до войны такого объединяющего термина не было создано, хотя выражение «советский народ» уже существовало.

В годы войны потребность общегражданской (внеклассовой и внеэтнической) мобилизации стала намного актуальней, и на совещании историков в ЦК КПСС летом 1944 г., когда обсуждалась изданная под редакцией академика А.М. Панкратовой «История Казахской ССР», прозвучало мнение, что не всякое национально-освободительное движение на периферии Российской империи было прогрессивным и что присоединение к хотя и слаборазвитой России было меньшим злом, чем подчинение другим капиталистическим и феодальным государствам. Участниками обсуждения было сформулировано любопытное, хотя стилистически неуклюжее, обобщение (слова участника обсуждения Х.Г. Аджемьяна): «Октябрь в самом деле не был выражением воли одного лишь рабочего класса, который был лишь его авангардом, а воли общенациональных интересов обновляющейся России – СССР... На костре классовый борьбы приносятся жертвы-гекатомбы наших *общенациональных народных интересов советского народа* (выделено мною. – В.Т.)» [Юрганов 2011, 292–293; Суни, Мартин 2011]. В этих, не всеми принятых, словах на самом деле прозвучала идея «общенациональ-

ных интересов советского народа», то есть советский народ понимался как аналог другим нациям мира.

Известный историк М.В. Нечкина в своем выступлении подняла вопрос об интеграционных процессах в советском народе в еще более «инновационном» плане, предложив считать советский народ некой общностью более высокого уровня, чем нация. Н.Н. Константинов приводит по стенограмме совещания историков следующее интересное высказывание Нечкиной: «Мы совсем не занимаемся одной очень важной темой, еще не поставленной в науке проблемой – проблемой формирования советского народа. Я думаю, что это вопрос как задача научного исследования и теоретического освещения должен обязательно встать в порядок дня. Формирование советского народа прошло большого значения этапы в Отечественной войне. Советский народ – это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой, несмотря на множественность языков. Однако это не нация, а нечто более высокое. Это совершенно новое явление в истории человечества. Оно должно иметь свою теорию» [Константинов 2012, 113].

Это высказывание чрезвычайно интересно, ибо мы имеем дело с первым известным рассуждением о советском народе как некой целостности нового типа. Через пару десятилетий высказывание облачится в теоретическую формулу «нового типа исторической общности людей». Но то, что оно впервые прозвучало в годы войны на совещании историков в ЦК КПСС и в выступлении известного историка, это настоящее открытие! Более чем вероятно, что после этого совещания (известно, что Сталин и Жданов консультировались с участниками совещания) через несколько месяцев в свой доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1944 г. Сталин включил раздел «Великий подвиг советского народа в Отечественной войне». Именно в этой речи он изложил содержание советского патриотизма, который имеет в своей основе преданность и верность народа своей Родине, братское содружество всех наций нашей страны и т.д. Как заключает Н.Н. Константинов, «идея советского патриотизма оказалась компромиссной между различными позициями в вопросах описания советской общности в той мере, в какой она выступала аналогичной обществам других государств» [Там же, 114]. Компромисс выражался в том, что эта идея могла выступать в качестве символа, с которым мог отождествлять себя любой житель страны, а само выражение было привычным продолжением советской риторики

любви к отечеству. Наконец, советский патриотизм не отменял формулу «дружбы народов» и включал признание этнического многообразия СССР, то есть «социалистических наций».

Одновременно с новым концептом привносились в общественный дискурс неоимперские ценности, идеи великодержавия. Вместе с погонами и суворовскими, нахимовскими училищами (по подобию кадетских корпусов) наука и культура стали прославлять имена полководцев и правителей страны, включая «строгих, но справедливых» Ивана Грозного и Петра I. При этом идеология советского патриотизма, несмотря на попытку Сталина разыграть «русскую карту» своим тостом на приеме в Кремле, имела не этнический, а государственно-патерналистский характер. Она имела целью не столько борьбу против национализма внутри страны, сколько противодействие западному влиянию. Неслучайно, в стране вскоре началась кампания против «пресмыкательства перед границей», против низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и западной буржуазной культурой. Но скоро логика ужесточения политического режима распространилась и на «буржуазных космополитов» и «местных националистов». Партийные чистки и репрессии особо затронули такие республики, как Грузия и Эстония. Националисты стали чем-то наподобие троцкистов – главными врагами партии и народа. Не ограничиваясь отдельными регионами, Сталин и его окружение затеяли грандиозное дело против советского еврейства, которое тянулось с 1948 по 1952 г. и закончилось расстрелами и тюремными заключениями 110 человек, включая убийство в 1948 г. председателя Еврейского антифашистского комитета С.М. Михозлса. Осуществлению следующей провокации против советских евреев в форме «дела врачей» помешала смерть Сталина.

В условиях массовой истерии и антисемитизма в стране одновременно развернулась идеологическая кампания по утверждению среди граждан советского патриотизма. Партийные идеологи, а также часть ученых-обществоведов стали активно разрабатывать тему патриотизма. В это дело включились ведущие историки страны. Академик Е.В. Тарле написал биографию Наполеона, в которой показал величие Бородинской битвы и русского оружия, кстати, не отступив от высоких научных стандартов. Неслучайно книга Тарле была переведена на десятки языков и пользуется спросом до сих пор. А.М. Панкратова опубликовала историческую работу на тему патриотизма [Панкратова 1949], и за ней последовали многие другие. В тогдашней идеологии патриотизма были заложены некоторые компоненты национальной идентичности советских людей, которые служили делу гражданской солидарности почти полвека вплоть до распада СССР, а некоторые сохранились и до сих пор в формате общероссийского патриотизма.

Это прежде всего идентификация граждан СССР как советских людей, то есть членов единой общности: «К какой бы национальности ни принадлежал гражданин СССР, он прежде всего – советский человек, сын социалистического отечества, творец новой, социалистической жизни» [Васильев, Хрустов 1950, 308]. Это – возвеличивание победы в Великой Отечественной войне как подтверждения верного курса партии во главе со Сталиным. Только со временем, уже в конце 1960-х годов, героический миф о Великой Победе станет олицетворять подвиг народа и его способность защищать Родину от внешних врагов. Это – восприятие пространства страны как великой ценности и гордости: СССР представлялся советским людям как «одна шестая мира» «от Балтики до Курильских островов, от северных льдов до песков Средней Азии» [Там же, 309]. Как отметил Н.Н. Константинов, «в общем идея советского патриотизма была прагматичной... В ней содержался символ для обозначения тождественности гражданина СССР со своей страной, но окончательного шага на пути к формулированию идеи “советской нации” сделано не было. В тех случаях, когда было необходимо рассматривать население СССР как политическое целое, использовалось выражение “советский народ”. В то же время по своей структуре идея советского патриотизма соответствовала критериям национальной лояльности» [Константинов 2012, 114–115]. Более того, именно в этот достаточно «глухой период» с точки зрения развития общественной мысли и состояния массового сознания мы обнаруживаем, что идея советского патриотизма дополняется идеей «советской национальной гордости», которая не подменяла «национальную гордость» каждого из советских народов, а была общей для всех жителей СССР.

* * *

«Конструирование смыслов» о войне является предметом философско-антропологического анализа. И с этого ракурса зрения следует признать радикальное воздействие войны на идеологию, воззрения и практики советского режима и его граждан. Это включает даже само название столь грандиозного и травматического события как «Великая» и «Отечественная». Война изменила общество и государство, его физические очертания, состав населения и многое другое, включая ментальности. С одной стороны, она как бы оправдывала сам по себе эксперимент большевистской революции 1917 г., но, с другой стороны, она собою почти полностью затмила этот период и нейтрализовала миф революции, связанные с ним идеи всемирного единения пролетариата без этнических и других границ. Как пишет Амир Вайнер, «...миф о войне, отчасти возникший “естественным”

путем, отчасти созданный советской пропагандой, оттеснил на второй план мифологию революции, гражданской войны, коллективизации. В то же время победа в Великой Отечественной войне как бы легитимизировала большевистскую революцию, оправдывала принесенные ранее жертвы» [Weiner 2001, 7].

По-новому была изложена сама идея советской общности как «братской семьи народов» на основе «морально-политического единства». Война вынудила людей по-новому ощутить себя в обществе, взять на себя новые роли «фронтовиков», «ветеранов», «тружеников тыла», «пособников» и т. п. «Прошедшие войну» полководцы, офицеры и просто солдаты выстраивали собственные солидарные связи. Отсылка к боевому опыту, к солдатской дружбе стала означать не меньше, чем социально-профессиональная или местническо-клановая близости. Отсылка тыловых работников и колхозников к тяжелым испытаниям войны помогала им заявлять о своих нынешних проблемах и интересах. Бывшие партизаны создавали собственные товарищества, в том числе с целью утверждать свою собственную «правду войны». В республиках трогательно подсчитывали лиц определенной национальности среди награжденных боевыми орденами, высшими званиями и наградами. Эти данные отслеживали и государственные органы. Среди Героев Советского Союза было более 8 тысяч русских, более 2 тысяч украинцев, 311 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов, 91 грузин, 90 армян, 69 узбеков, 61 мордвин, 44 чуваша, 43 азербайджанца, 39 башкир, 32 осетина, а также граждане других национальностей [Военная энциклопедия 1994, 399]. Этим как бы отстаивались славные версии участия «своей нации» в победе над Германией, утверждался вклад этнической общности в Великую Победу.

Амир Вайнер прав, когда пишет, что «война навсегда разделила советскую историю и жизнь людей на две отличительные эпохи. Неудивительно, что событие такого масштаба вызывает и разные интерпретации среди даже самих советских граждан... Но все они согласны в том, что война обозначила высшую точку в развитии идеи самой социалистической революции, а именно, получили одобрение среди постоянно меняющихся методов достижения конечной цели построения гомогенного и гармоничного общества» [Weiner 2001, 7]. Такими целями стали своего рода очищение от всяких «нежелательных элементов» и идеологических колебаний в пользу «единства партии и народа» и их всяческого прославления. Это была, по словам А. Вайнера, линия на «конструирование послевоенной советской нации» (the making of a postwar Soviet nation) [Ibid., 237].

Приведем примечательную цитату из установочной книги о советском патриотизме, в которой речь идет о «советском как нацио-

нальном): «Источник *советской национальной гордости* (курсив мой. – В.Т.) – в глубоком понимании советскими людьми превосходства социалистического общественного строя над буржуазным строем, нашей плановой экономики – над капиталистической экономикой, советской культуры – над буржуазной культурой, морали социалистического общества – над звериной моралью капитализма, превосходство советского человека – над любым, даже самым высокопоставленным чинушей в капиталистических странах. Это не обычная национальная гордость, которая свойственна всем народам и которая была присуща и нашему народу до Октябрьской социалистической революции. Советская национальная гордость – это гордость высшего порядка» [Васильев, Хрустов 1950, 416].

Таким образом, после войны в центре оказалась борьба советской власти за «чистоту» и единство советского общества. Конечной целью должно было стать свободное от противоречий «гармоничное» общество. Групповые и личные интересы должны были быть подчинены общим, а «нездоровые» элементы удалены из общества. Сохраняющаяся социалистическая утопия продолжала руководствоваться некими общими принципами вне сугубо экономических или социальных расчетов. Советский социализм продолжал заключать в себе определенную эстетику, стремление к гармонии, к тому, что и стало определяться как «морально-политическое единство». Все то, что мешало «морально-политическому единству», должно было устраняться или переделываться. Включая не только отдельных индивидуумов, но и социальные или этнические группы. В своей рецензии на книгу Вайнера российский историк Олег Будницкий вслед за американским историком справедливо отметил, что «миф о войне занимает уникальное место в истории советского государства. Он способствовал его единению, впервые предложив нечто, способное интегрировать в советское общество прежде исключенные из него группы. Миф о войне способствовал созданию новых “контуров” государства. В то же время он пережил само его существование, будучи “приватизирован” политическими элитами новых государств» [Будницкий 2007, web].

Быстрое восстановление разрушенной войной страны и заметное улучшение жизни советских людей, включая и население союзных республик, конец тоталитаризма в его наиболее открытой форме создали в СССР ситуацию, которая требовала сплочения народа уже не «вокруг вождя», а вокруг нового интеграционного концепта для разнородного населения. В 1961 г. на XXII съезде КПСС была изложена идея формирования «советского народа», которая через несколько лет обрела более «изящное», но научно несостоятельное добавление «как нового типа исторической общности людей». Нужно сказать, что расшифровать тогдашние интеллектуальные поиски советских политиков-теоретиков не очень просто, но ясно, что ста-

линское определение нации довлело над мышлением при самоописании «кто есть мы».

Пропаганда и даже статистика небезосновательно утверждали, что в СССР произошла социальная интеграция пространства и сложилась единая хозяйственно-экономическая система, но сохранялись различия в языке и в культурных традициях разных групп населения. Отсюда сохраняли свою живучесть и фундаментальные клише «многонациональности» и «дружбы народов». Из рассуждений тогдашних кремлевских вождей и идеологов мы видим, что для советского понимания нации в его сугубо этническом смысле было трудно воспринять идею сложного и соподчиненного существования данного феномена, а точнее – обозначения двух разных сообществ (как форм самосознания/идентичности) одним словом и вытекающим из этого «комбинированным национализмом» (выражение Н.С. Трубецкого). Эта ситуация методологического тупика в использовании категории национального сохранялась на протяжении позднесоветского времени⁶, а нынешние дебаты политиков и экспертов о содержании концепта российского народа иногда напоминают трудно рассуждающих обитателей кремлевских кабинетов полувековой давности. Продолжающийся кризис понимания заключается в том, что исторический российский (до 1917 г.) / советский (до 1991 г.) / российский народ (после 1991 г.) как солидарная общность прошел через многие драмы и геополитические катаклизмы, сохраняет свое многообразное единство, отстоял свой суверенитет в жестокой войне с германским фашизмом и трогательно чтит память об этой Великой Победе. Вот только в ансамбле великих наций мира российские просвещенные эксперты никак не могут самокатегоризоваться именно в национальном формате, оставляя этот формат за внутренними этническими группами, а саму Россию предпочитают квалифицировать в размытых геополитических и публицистических терминах.

* * *

Президент В.В. Путин однажды высказал сожаление, что по вопросам большой стратегии «после смерти Махатмы Ганди и поговорить не с кем». И это было более чем адресное сожаление, ибо именно Махатма Ганди, а после него Джавахарлал Неру и Индира Ганди, положили в основу строительства государственности в полиэтничной и полной регионально-религиозных конфликтов стране объединяющую идею индийской нации, и эта «идея Индии»

⁶ См. мои ранние статьи в «Вопросах философии», которыми было положено начало до сих пор незаконченной ревизии «нации и национального» [Тишков 1995, 1998].

[Khilnani 1998] именно как форма самосознания (идентичности), а не как некая формируемая культурно-гомогенная целостность, сохраняет эту страну уже много десятилетий и способствует ее динамичному развитию. Этому рецепту успешно следуют фактически все крупные страны с культурно-сложным населением, получив в подкрепление недавнее подтверждение, что именно «нацигосударства», а не некие мировые правительства, континентальные союзы или цивилизации остаются главными формами социальных коалиций людей, способными преодолевать разного рода кризисы (от пандемий до экологии и экономики). Почему в современной России после ухода концепта «советский народ» как формы идентичности не удается в полной мере вернуть в экспертный язык и в общественную практику исторически давний, более чем достойный и единственно возможный для всей страны концепт «русский народ», представляется даже не загадкой, а недоразумением (недостатком разума). По крайней мере в тексте Основного закона страны даже после внесенных в него недавних поправок эта фундаментальная самоидентификация так и не появилась. Так что российский национальный проект как интеллектуальный вызов остается в философско-антропологической повестке, и Великая Победа 1945 г. – опора и условие этого нашего главного «домашнего задания».

ИСТОЧНИКИ

Васильев, Хрустов 1950 – *Васильев Н.П., Хрустов Ф.Д.* (под ред.) О советском патриотизме. М.: Госполитиздат, 1950 [Vasiliev, Nikolay P., Khrustov, Fedor D. *On Soviet Patriotism* (in Russian)].

Панкратова 1949 – *Панкратова А.М.* Великое прошлое советского народа. М.: Воениздат, 1949 [Pankratova, Anna M. *The Great Past of the Soviet People* (in Russian)].

Симонов 1988 – *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М.: Издательство Агентства печати Новости, 1988. [Simonov, Konstantin *Through the Eyes of a Person of My Generation* (in Russian)].

Тишков 1990 – *Тишков В.Л.* Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 3–15 [Tishkov, Valery *Social and National in Historic and Anthropological Perspective* (in Russian)].

Трубецкой 2000 – *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000 [Trubetsky, Nikolay S. *The legacy of Genghis Khan* (in Russian)].

ССЫЛКИ

Аманжолова 2010 – *Аманжолова Д.А.* Патриотический подъем народов в борьбе с фашизмом в 1941–1945 гг.: Общее и особенное // Патриотизм – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика / Сост. Н.Ф. Бугай. М.: Голден Би, 2010.

Бугай, Зубкова 2012 – *Бугай Н.Ф., Зубкова Е.Ю.* Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1960-е годы) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012.

Буганов 2012 – *Буганов А.В.* (ред.) Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года. Тула: Гриф и К, 2012.

Будницкий 2007 web – *Будницкий О.* Сотворяя смысл войны // booknik.ru/yesterday/all/sotvoryaya-smysl-voyny/

Военная энциклопедия 1994 – *Военная энциклопедия.* В 8 т. Т. 2: Вавилония – Гюйс / Гл. ред. комиссии П.С. Грачев и др. М.: Воениздат, 1994.

- Гагагова 2009 – *Гагагова Л.С. и др.* (сост.) ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009.
- Громыко, Буганов 2007 – *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007.
- Журавлев и др. 2014 – *Журавлев С.В. и др.* Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014.
- Кип, Литвин 2009 – *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009.
- Ковалев 2011 – *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011.
- Константинов 2012 – *Константинов Н.Н.* Советский Союз 1944–1991 годов в историографии. Репрезентация политического сообщества. Екатеринбург: Гриф, 2012.
- Красовицкая, Тишков 2012 – *Красовицкая Т.Ю., Тишков В.А.* (отв. ред.) Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М.: Новый хронограф, 2012.
- Крумм, Ломагин, Ханов 2012 – *Крумм Р., Ломагин Н.А., Ханов Д.* (сост.) Образ Другого – страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной. М.: РОССПЭН, 2012.
- Лившин 2010 – *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010.
- Мартин 2011 – *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
- Мельников и др. 2014 – *Мельников С.А. и др.* Советское общество. 1920–1941 гг. Цивилизационный феномен: Исследования. Документы. М.: Гриф и К, 2014.
- Михайлов, Плампер 2014 – *Михайлов Н.В., Плампер Я.* (отв. ред.). Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014.
- Орлов, Юрчикова 2010 – *Орлов И.Б., Юрчикова Е.В.* Массовый туризм в сталинской повседневности. М.: РОССПЭН, 2010.
- Поляков 2014 – *Поляков Ю.А.* Истоки народного подвига // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова / Сост. В.Б. Жиромская; отв. ред. В.А. Тишков, Ю.А. Петров. М.: Ин-т российской истории РАН, 2014.
- Пушкарев 1995 – *Пушкарев Л.Н.* По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М.: ИРИ РАН, 1995.
- Строганов 2012 – *Строганов М.В.* (ред.) Война 1812 года и концепт «отечество». Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследование и материалы. Тверь: СФК-Офис, 2012.
- Сунн, Мартин 2011 – *Сунн Р.Г., Мартин Т.* (ред.) Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Пер. с англ. В.И. Матузовой. М.: РОССПЭН, 2011.
- Тишков 1995 – *Тишков В.А.* Что есть Россия? (Перспективы нацистроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 3–17.
- Тишков 1998 – *Тишков В.А.* Забыть о нации: (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.
- Тишков 2013 – *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Тураев 2016 – *Тураев В.А.* Великая Отечественная война как фактор формирования советской идентичности // Неоконченная война – незаживающие раны; сб. научных статей. Владивосток: Рея, 2016. С. 125–140.
- Фицпатрик 2011 – *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России в XX веке. М.: РОССПЭН, 2011.
- Юрганов 2011 – *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011.

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В РОССИИ*

Гуманитарные науки – это блок научных знаний о человеке и обществе, к которым относятся прежде всего такие комплексные дисциплины, как история (включая археологию и этнологию) и филология (включая лингвистику и литературоведение), а также философия и политология, но две последние вне сферы моей компетенции. Вместе с социальными науками – экономикой, социологией, правом, психологией – этот комплекс составляет круг так называемых общественных наук. Указанное деление довольно условно, некоторые науки трудно отнести к какой-то одной категории, здесь многое зависит от метода, исследовательской задачи и темы.

Можно выделить некоторые отличительные особенности гуманитарных наук:

- необходимость и самостоятельная значимость не только вывода, но и самого описания во многих гуманитарных дисциплинах и, соответственно, специфика научного продукта (монографии, словари, энциклопедии и др.);
- обращенность гуманитарных научных знаний не только к узкому профессиональному сообществу, но и к более широкой аудитории, ибо историю и литературу хотят знать многие, это необходимая часть культурного багажа современного человека, его идентичности;
- большой объем в исследованиях архивных, текстологических, полевых работ (раскопки, этнографические и фольклорные экспедиции, опросы и т.д.);
- первостепенное значение публикации различного рода материалов: архивных документов, памятников письменности, первоисточников и т.д.

ИТОГИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ И ОБЩИЕ ТРЕНДЫ

В последнее время так называемые междисциплинарные исследования занимают ведущее место, ибо именно на стыке разных дисциплин чаще всего рождается новое знание [1, 2]. Не приди 40 лет

* Вестник российской академии наук, 2018, том 88, № 10.

тому назад к археологам в новгородский археологический раскоп лингвист А.А. Зализняк, не состоялись бы многие открытия в чтении берестяных грамот и истории русского языка. Нынешние антропологи, археологи, искусствоведы сотрудничают с биологами, генетиками, медиками, проникая в тайны артефактов, древних текстов, современного языка и мышления человека.

Наши коллеги физики и математики любят шутить по поводу того, что «есть науки естественные и есть неестественные», имея в виду под последними общественные науки. Но должен сказать, что нужны и важны все науки, а не только расширяющие наши знания о природе и законах ее развития. В отличие от естественных наук, для которых характерны общемировые тематики и тенденции развития (не существует отдельных российской, французской, немецкой химии или биологии), гуманитарные науки имеют более явную страновую специфику с точки зрения приоритетов и решаемых задач. Но и в области общественных наук присутствует общемировая повестка, ибо человек и производимые им культурные явления несут во многом универсальный характер [3].

Для России как страны с мировым геополитическим статусом характерен глобальный и универсальный интерес к явлениям общественного развития, эволюции человечества и отдельных обществ и государств, культурным феноменам и процессам. Поэтому, имея в виду научную стратегию, важно не впасть в две крайности: одна из них – глобальные претензии на изучение всего мира с неизбежным ослаблением интереса к отечественной проблематике; другая – изоляционистская позиция, когда во внимание принимается только Россия, а что происходит, к примеру, в Бразилии или Австралии – не наша забота. Тренд российского общественнознания конца XX и начала XXI века – возрастание отечественных приоритетов по причине утвердившейся в России интеллектуальной свободы, «открытия общества» и его драматичного развития. Кстати, автор этой статьи – далеко не единственный ученый-гуманитарий, перешедший с конца 1980-х годов с зарубежной тематики на российскую, ибо здесь открылись новые возможности и собственная страна стала интереснее, чем зарубежье. Поворот к отечественной тематике подкреплялся формировавшейся в России в 1990-е годы государственной грантовой политикой, а также более живым запросом власти и общественных институтов на разнообразную аналитику и информацию вместо практиковавшихся в советское время зачастую убогих «записок в инстанции» или рефератов малодоступных зарубежных публикаций для незнающих иностранных языки ученых и партийных работников.

Несмотря на кризисные явления начала 1990-х годов и многие сохраняющиеся трудности, прошедшие два-три десятилетия можно оценить как наиболее плодотворный в истории отечественного

обществознания период, с которым трудно сравнить какие-либо предшествующие. Достаточно сказать, что в институтах Отделения историко-филологических наук РАН, например, была радикально расширена тематика и увеличено число публикуемых работ, выполнены крупные научные проекты, вошедшие в золотой фонд российской науки. Это открытия в области ранней истории человечества и освоения им Ойкумены (Государственные премии РФ 2004 и 2012 гг.), исследования новгородских древностей и языка (Государственная премия РФ 2009 г.), создание многотомной «Всемирной истории» и исторической энциклопедии (Государственная премия РФ 2014 г.), энциклопедия «Народы и религии мира» и историко-этнографическая серия «Народы и культуры» (Государственные премии РФ 2001 и 2015 гг.), труды в области китаеведения (Государственная премия РФ 2009 г.). Помимо этих работ нужно назвать фундаментальные труды по истории России, создание корпуса русского языка, академических словарей, подготовку собраний сочинений русских писателей, изучение сибирского фольклора, миноритарных языков, истории религий.

Необходимо признать, что основной объем фундаментальных научных исследований, как это было и в прошлом, выполнялся штатными научными сотрудниками 15 так называемых центральных (Москва и Санкт-Петербург) и примерно 10 региональных (Новосибирск, Екатеринбург, Владивосток, Уфа, Улан-Удэ, Махачкала, Петрозаводск и другие) научно-исследовательских институтов, входящих в состав РАН, с 2013 г. – в систему ФАНО, а с 2018 г. – в систему вновь созданного Министерства науки и высшего образования и под научно-методическим руководством профильного подразделения РАН. Все эти годы институты с числом научных сотрудников немногим более трех тысяч имели скромное, но стабильное государственное финансирование и фактически самостоятельно определяли приоритеты и разрабатывали свои научные планы [4]. Конечно, такая система устарела, ибо обладает большой инерционностью и недостаточной ориентированностью на общественный запрос (или так называемый социальный заказ). Однако в тот же период важную роль в развитии и обновлении гуманитарных наук сыграла поддержка со стороны созданного в 1992 г. Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), который в 2016 г. вошел в состав Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). В какой-то мере грантовый отбор научных тем и проектов корректировал низовую научную инициативу, и в этом проявлялось внешнее научное воздействие со стороны экспертов и советов научных фондов [5,6].

В условиях явного бюджетного недофинансирования за эти годы грантовую поддержку получили более 250 тыс. российских

ученых-гуманитариев. К началу 2017 г. было профинансировано более 50 тыс. научных проектов, в том числе: выполнено более 30 тыс. проектов научных исследований; опубликовано в рамках их выполнения свыше 150 тыс. научных статей; проведено около 2,5 тыс. симпозиумов, конференций, семинаров и других научных мероприятий; поддержано около 3 тыс. экспедиций, других полевых исследований; создано более 1 тыс. информационных ресурсов в сети Интернет; издано около 6 тыс. научных книг.

Особенно впечатляет издательская программа в области гуманитарных наук. За 25 лет более 200 российских библиотек бесплатно получили почти 1 млн экземпляров научных книг, изданных при грантовой поддержке. По сути дела, грантовая поддержка в наиболее сложные времена спасла научное книгоиздание в области социогуманитарных наук. И не только спасла, но и помогла вывести его на новый уровень, ведь для ученых-гуманитариев в большинстве случаев книга – это и единственный способ введения полученного в ходе исследований нового знания в научный оборот, и способ внедрения нового знания в практику. Установленные в последние годы контрольно-финансовыми органами ограничения на тираж и на право продажи изданных по грантам научных книг, на мой взгляд, ошибочны и требуют срочного пересмотра. Научная книга очень редко приносит коммерческую прибыль, она должна продаваться и присутствовать на книжных полках магазинов не один год, отвечая на запросы каждого нового поколения ученых и студентов. По крайней мере, такова практика магазинов научной книги в университетских кампусах мира. В России же система продажи научной книги просто разрушилась, в том числе и из-за неповоротливости издательства «Наука», несмотря на бесспорные заслуги последнего.

С 1998 г. в гуманитарной сфере стали проходить региональные конкурсы РГНФ в соответствии с соглашениями, заключенными с администрациями и правительствами субъектов Российской Федерации. Эти конкурсы способствуют развитию гуманитарной науки не только в традиционно сложившихся научных центрах, но и по всей стране, они нацеливают ученых на решение проблем региона. Региональные проекты посвящены изучению языков, литератур, культурного наследия народов России, проблемам социального и экономического развития региональных и местных сообществ и способствуют активизации социогуманитарных исследований в субъектах Российской Федерации. Всего за время проведения региональных конкурсов было поддержано более 11 тыс. научных проектов социогуманитарной направленности, на их финансирование выделено более 1 млрд руб. Учитывая, что поддержка регио-

нальных проектов, как правило, осуществляется фондом и субъектами Российской Федерации в равных долях, получается, что и из местных бюджетов к финансированию региональной гуманитарной науки была привлечена почти такая же сумма.

Эффективным способом реагирования на запросы общества, включая интересы органов власти, стало проведение целевых конкурсов проектов междисциплинарных исследований. В связи с объявлением 2006 г. Годом гуманитарных наук, культуры и образования – Годом академика Д.С. Лихачева – был проведен конкурс «Культурное наследие России». 2007 год стал Годом русского языка, и РГНФ провел тематический конкурс «Русский язык в современном мире». Первый собственно целевой конкурс «Россия в условиях мирового кризиса» прошел в 2009 г. Начиная с 2011 г. целевые конкурсы проводятся ежегодно. За это время в их рамках поддержано 250 научных проектов на общую сумму более 688 млн руб. Среди успешных по своим результатам можно, в частности, назвать конкурсы: «1150 лет российской государственности», «1812 год в истории и культуре России», «Россия в Первой мировой войне (1914–1918 гг.)», «Творческое наследие М.Ю. Лермонтова и современность», «Россия в 1917 году», «Крым в истории, культуре и экономике России», «Подготовка словарей русского языка различного типа и назначения».

Этот позитивный тренд развития отечественной тематики в сфере гуманитарных наук может и должен получить подкрепление, если не только государство, но и частные лица и компании почувствуют вкус и потребность в поддержке гуманитарного знания, в том числе и такого, которое не приносит прямых и быстрых дивидендов. Пока же спонсоры, дающие деньги на изучение, скажем, русских летописей, фольклорную экспедицию, подводную археологию и что-то подобное, воспринимаются преобладающей частью делового сообщества как щедрые чудики, а не как норма. Приведу один пример. Из почти 40 томов серии «Народы и культуры», посвященных народам России и сопредельных стран, большинство вышли в свет благодаря поддержке РГНФ – РФФИ, несколько томов о титульных народах российских республик получили поддержку от республиканских властей. А вот труднее всего оказалось найти спонсоров на тома «Русские» и «Евреи». В первом случае непонятно было, к кому обращаться за поддержкой: «все за русских, но денег нет»; во втором – труднообъяснимая экономность и внутриеврейские «диспозиции» затянули решение вопроса почти на два года при уже готовой рукописи труда.

Подведу итог. Научная стратегия в развитии гуманитарного знания должна опираться на триединую составляющую: инициативу

самих ученых, запрос и поддержку государства и частное спонсирование не только бизнесом, но и институтами гражданского общества, для чего требуется разъяснительная работа [2]. Нужно убедить потенциальных спонсоров, что дать деньги на научную экспедицию или издание академического труда не менее достойно, чем оплатить гала-концерт или престижный прием.

СКОЛЬКО И КАКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ НУЖНО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

Отечественная гуманитарная наука с момента ее становления развивалась на мультидисциплинарной основе и отличалась всеохватными установками и амбициями, которые во многом были оправданы и подтверждались реальными достижениями. Достаточно привести примеры комплексных кругосветных экспедиций Российской академии наук времен Российской империи (И.Ф. Крузенштерн, Ю.Ф. Лисянский, О.Е. Коцебу и другие) или советской номенклатуры академических научных институтов общественно-гуманитарного профиля, которая охватывала все основные дисциплины, регионы и страны, а также мировые процессы в целом. Так, в годы краха колониальной системы и рождения десятков новых стран в АН СССР создали Институт Африки, случилась Кубинская революция – появился Институт Латинской Америки, в период войны во Вьетнаме Институт востоковедения получил 100 новых ставок. После 1991 г. сформированная в СССР система НИИ сохранилась как феномен всеохватного интереса с отсылкой на роль страны в мире, отчасти – по инерции. Какие здесь возможны перемены – вопрос важный и явно не предполагающий волюнтаристских решений. Однако, на мой взгляд, в России нет смысла сохранять глобальный фронт гуманитарных исследований в старом советском варианте, но нужно без крайностей изоляционизма скорректировать научные приоритеты вокруг отечественной проблематики и части глобальных проблем, имеющих прямое отношение к национальной безопасности, к обеспечению экономической и культурной конкуренции во внешнем мире.

В области исторических наук это прежде всего история России, в области археологии и этнологии – историко-культурное наследие, этническое и религиозное многообразие на территории исторического Российского государства, в области востоковедения – евразийский компонент российского прошлого и настоящего. Корректировка в пользу собственно российской тематики возможна и необходима по всему комплексу гуманитарных дисциплин, конечно, в разумных пределах. Потребность в знании о внешнем мире

и о прошлых эпохах человеческой истории должна сохраняться в образовательных целях и в целях внешней политики, российской дипломатии и бизнеса.

В области филологических наук следует поддерживать мировой уровень российской лингвистики, хотя увлеченность структурной лингвистикой проходит, а на передний план выходят современные языковые процессы, языковая политика и так называемая корпусная лингвистика. Нам бы следовало возродить интерес к классическому литературоведению, особенно в том, что касается изучения истории русской литературы и ее мирового значения. Нынешние поколения россиян все меньше «читают и перечитывают классику», как к тому призывает известная передача на телеканале «Культура». Кстати, в планах РФФИ – организация целевых конкурсов, посвященных творчеству Ф.М. Достоевского, А.М. Горького, В.В. Маяковского.

Особое место с учетом многонациональности нашей страны занимают гуманитарные исследования в республиках Российской Федерации. Здесь почти повсеместно существовали один-два научно-исследовательских института гуманитарного профиля, входивших в систему АН СССР, а позднее – в РАН. Эти коллективы не отличались особо выдающимися достижениями, но свой скромный хлеб отработывали вполне достойно, а самое главное – здесь велась разработка не только локальных проблем, но, что очень важно, и таких, которые имеют общероссийское и даже мировое значение. Ну, скажите, где еще в мире лучше всего изучать калмыцкий язык и эпос «Джангар», как не в самой Калмыкии? Где еще возможно полноценное исследование уникального для всего мира языкового разнообразия Дагестана – этой «горы языков», как не в профильном гуманитарном институте Дагестанского научного центра РАН? И так по всем республикам, где сохраняется и изучается историко-культурное наследие народов России как часть мирового культурного достояния. Не говорю уже о том, что республиканские ученые-гуманитарии работают на сохранение языков, традиций и поддержание этнокультурной идентичности титульных народов республик. В то же время их принадлежность к Российской академии наук и связь с ее ведущими институтами обеспечивают подготовку кадров ученых, должны научные стандарты и предохраняют от риска впасть в периферийный изоляционизм. Это замечание важно, ибо часть гуманитарных институтов в республиках уже попала под нож проводимой ФАНО реструктуризации академических научных учреждений.

Какие старые приоритеты стоит сохранять и какие новые можно предложить? Есть ряд так называемых классических дисциплин и научных занятий, требующих постоянной поддержки и развития

как бы по самому факту своего существования и российской ответственности за их развитие. Назовем наиболее важные из них:

- исследования в области русской словесности и культуры, языков и культур народов России и общенационального историко-культурного наследия;
- исследования образа жизни, интересов и потребностей, традиций и ценностей жителей страны, жизненных смыслов и стратегий современных россиян;
- основы социальной жизни и организации общества на всех его уровнях – от общенационального до регионального и локального;
- исторический опыт управления и самоуправления культурно сложным обществом;
- условия, механизмы и формы воспитания ответственного гражданина, правовой культуры;
- психологическое состояние общества, гражданская солидарность и согласие.

Достижения по всем этим направлениям различаются с точки зрения уровня разработок, но везде ощущается недостаток в объединении усилий представителей гуманитарных дисциплин вокруг крупных проектов, есть потребность в инновационных исследовательских методиках.

Грантовая политика последних лет и шаги по инвентаризации системы научных учреждений, казалось бы, ориентируют на междисциплинарность, на создание творческих коллективов с охватом в том числе и вузовской профессуры. От последней требуют научной продукции самого высокого уровня, и за это Минобрнауки России было готово щедро платить, но, к сожалению, не всем, а только вузам-лидерам, избранным для вхождения в число ста ведущих вузов мира. Однако линия поддержки вузовской науки, в том числе за счет сокращения поддержки академического сектора, вошла в конфликт с установкой на резкое повышение заработной платы профессуры, ибо последнее оказалось возможным только при условии увеличения учебной нагрузки. Не нужно обманываться: нынешние чрезмерные нормы аудиторной занятости преподавателей не оставляют им времени и сил для занятий наукой. К этому добавились разные «укрупнительные» инициативы в университетах, в результате которых стали исчезать классические исторические и филологические факультеты, а также самостоятельные кафедры по научным направлениям, где и делалась вузовская наука.

В итоге вузовская гуманитарная наука в России как была, так и осталась провинциальной, вторичной, ожидаемых прорывов здесь не произошло, кроме хороших показателей четырех-пяти главных университетов страны, способных привлекать совместителей из

академических институтов. Вузовские ученые российской провинции пытаются пробиться в число научных авторитетов, но без среды, контактов, командировок, а самое важное – без продолжительных творческих отпусков особых сдвигов не произойдет. Как минимум каждый пятый учебный год должен быть для вузовских преподавателей свободным от учебных занятий и отведен для научных изысканий. Такова мировая практика, которая никак не утвердится в России. Но даже если произойдет существенное улучшение качества гуманитарной науки в вузах, что можно только приветствовать, все равно Российская академия наук и ее научно-исследовательские институты останутся главными центрами фундаментальной науки в нашей стране. Именно отсюда и частично от зарубежных коллег исходят научные новации по части тем и методик.

Несмотря на фактически сохранившуюся за 25 лет систему научно-исследовательских институтов в системе РАН и их кадрового и финансового обеспечения, все же происходит некоторая перегруппировка в соотношении основных обществоведческих дисциплин хотя бы на уровне грантовой научной политики. В этой связи интересные выводы можно сделать из анализа поддержанных за 25 лет деятельности РГНФ проектов по различным областям социогуманитарного знания. Традиционно среди таких проектов особенно высока была доля историко-филологических наук. Так, в 1996 г. по истории, включая археологию и этнографию, было поддержано 31% от всех профинансированных проектов, по филологии – 20%, итого – 51% всех поддержанных проектов были по истории и филологии. В 2004 г. ситуация была следующая: история – 26,6%, филология – 18,4%, итого – 45%. В 2016 г. проекты по истории составили 22% от числа поддержанных, по филологии – 21%, итого – 43%. Как видим, распределение поддержанных проектов историко-филологического блока не остается постоянным, но всегда лидировала история, а весь этот блок, оставаясь по-прежнему лидером, несколько уступил свои позиции и уже не дотягивает до 50% в общем количестве предоставленных грантов.

Кстати, уменьшилась и доля одобренных проектов по комплексу наук, объединяемых обычно под рубрикой «общественные науки» (с 23,1% в 1996 г. до 19% в 2016 г.). Зато значительно увеличилась поддержка грантов по блоку наук, объединяющему психологию, педагогику и комплексное изучение человека (с 8,5% в 1996 г. до 19% в 2016 г.). Доля экономических наук выросла не так значительно (с 12,5% в 1996 г. до 15% в 2016 г.). Возникло новое направление, по которому поддерживаются научные проекты, – «глобальные проблемы и международные отношения», однако их доля невелика: в 2016 г. всего 2%.

Анализируя приведенные цифры, конечно, вряд ли правильно будет делать окончательные выводы о каком-то глобальном пере­структурировании поля гуманитарных наук. Но все же можно отметить одну тенденцию, подтверждаемую, кстати, и наблюдениями других исследователей: повышается интерес к тем сферам социогуманитарного знания, которые предполагают более короткий путь от фундаментальных разработок к их прикладному использованию. Таковыми, без сомнения, являются психология, педагогика, социальные проблемы здоровья и экологии человека, экономика. Не берусь оценивать эту тенденцию, однако, судя по всему, это общее веяние времени, выражаемое кратко словом «прагматизм».

Признавая первичность инициативы самих ученых, рискну предложить перечень перспективных тем и приоритетов в области социогуманитарных наук.

1. Исследование феномена коллективной и личностной идентичности россиян, включающей в себя такие составляющие, как чувство сопричастности с Родиной, понятие общественного блага, ответственности за собственные здоровье и семью, соблюдение прав и обязанностей.

2. Проблема жизненных приоритетов и смыслов разных возрастных категорий и социальных групп с учетом не только прошлого опыта и традиций, но и современных ценностей и интересов.

3. Пространственное развитие российской нации с учетом географического и хозяйственного факторов, исторического опыта освоения природных ландшафтов и ресурсов, а также динамики этнического состава и миграции населения.

4. Проблема индоктринации и рекрутирования представителей разных групп, возрастов и национальностей в радикальные идеологии и общественные практики как условие для проявления экстремистского насилия, включая терроризм.

5. Проблема «культурных пригородов» в виде районов массовой застройки с отсутствием форм социального контроля, общественной самоорганизации и чувства жизненной удовлетворенности.

6. Грозящие конфликты на основе культурных и социальных различий между старожильческим населением поселков и деревень и населением новых мегаполисов.

7. Проблема сохранения природной и исторической среды обитания, культурной памяти, сакральных мест в условиях рыночной экономики и частной собственности на землю и ресурсы.

Это очень широкие темы, разработка которых невозможна без участия экономистов, социологов, политологов и специалистов других направлений, научные интересы которых лежат за пределами сугубо гуманитарных дисциплин.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В этой области существуют серьезные проблемы и самая главная из них – разрушение профессиональных стандартов, нравственно-этических норм и ответственных межличностных отношений в среде научных работников и профессорско-преподавательского состава. В сферу образования и науки, не изжив практики старого советского так называемого номенклатурно-телефонного права, агрессивно внедрились коммерческо-денежные интересы и погоня за научными степенями (к сожалению, преимущественно в области социальных и гуманитарных наук) со стороны «людей с ресурсами», амбициозных и полукриминальных личностей.

Научное сообщество не смогло выстроить барьеры этому явлению, а часть его представителей сама приняла участие в изготовлении учебных и научных работ «назаказ», в «остепенении» чиновничьей братии. До последнего времени не было никаких ограничений для госслужащих и других влиятельных лиц на приобретение (покупку) степени и звания. Предыдущий руководитель верхней палаты российского парламента как-то хвастался, что три четверти сенаторов имеют научные степени и звания, поэтому особой нужды в научном обеспечении своей деятельности такой сенат не имеет! Проблема недостаточной компетенции при выработке политических решений не входит в задачу данной статьи, но такая проблема, безусловно, существует.

Длительное существование своеобразной формы академической коррупции, особенно в вузовской среде и в части академических институтов, привело к воспроизводству поколения малоквалифицированных представителей научной интеллигенции, деградации представлений о научности как таковой и научной этике. Это новое кризисное явление усугубило старые проблемы организации гуманитарных исследований: наличие в кадровом составе значительного числа малопродуктивных и даже неспособных к науке работников институтов и вузов, инерция в исследовательской деятельности, отсутствие инициативы в поиске источников и заказчиков-потребителей научных результатов. По Институту этнологии и антропологии РАН, которым я руководил 26 лет, могу сказать с уверенностью, что примерно треть научных сотрудников утратила способность или прекратила свою научную деятельность, еще треть довольствуется минимальными показателями, и лишь на оставшуюся треть приходится основной объем значимых научных результатов. Всякие разговоры, что для научных «звезд» нужен «бульон» из середняков и слабых, несостоятельны, скорее, они носят оправдательный характер. Может быть, в каких-то учреждениях этот балласт не так

велик, но проблема научных коллективов как своего рода «собеса», где можно годами жить за счет других, остается. Возможно, она самая главная, ибо отсюда проистекают уравниловка и недоплата тем, кто заслуживает большего. Пока проводимое ФАНО кадровое обновление институтов и вузов этой проблемы никак не касается. Одним из вариантов ее решения могут быть своего рода «научные пенсии» для уходящих в отставку работников и более четкие квалификационные требования. Печально известные «ПРНД» в научных учреждениях не работают, а придуманные кабинетными умниками новые показатели носят еще более неадекватный характер. Как раз самые нерадивые и ловкие оказываются первыми по разным формальным показателям, проплатив в том числе для себя даже «зачетные» публикации.

Инициативы последних четырех лет по реорганизации академической науки мало что дали российским гуманитариям: балласт (малопродуктивные и фактически неработающие люди в науке) не был затронут реорганизацией институтов, проникновение случайных людей и их «остепенение» не прекратилось, морально-нравственный климат в системе научных сообществ не стал чище. Ко всему этому добавилась растущая индустрия изготовления платных публикаций и надувания наукометрических показателей, в чем опять в большой степени отличились именно гуманитарные науки. Оказавшиеся в списке рейтинговых, по сути, «мусорные» журналы (за давние заслуги или за громкие имена на титулах) стали пухнуть от денежных заказов на публикацию статей, но так и остались низкопробными изданиями. Качественные научные журналы, где есть обязательное анонимное рецензирование и где работают редакционные коллегии, вынуждены тратить массу усилий, чтобы попасть в эти престижные списки без лоббистских усилий.

Или другая болезненная проблема: вдруг выясняется, что интернет-версия журнала невозможна, ибо сам он когда-то и кем-то был продан коммерческой фирме, которой важно не донести знание до специалистов, а продать побольше подписных экземпляров. Такова, например, история с компанией «Ист-Вью пабликейшн», которая подобрала под себя зарубежную подписку научных журналов и в запутанном тандеме с издательствами «Наука» и «Плеядес паблишинг» лишила издательских прав научные институты, создавшие эти журналы и обеспечивающие их работу поныне. Приведу в качестве примера некогда главный академический журнал историков «Вопросы истории», который 25 лет тому назад приватизировал коллектив редакции и который превратился в хилый семейный междусобойчик, но пребывает в списке Web of Science за свою давнюю славную историю. Теперь, благодаря платным статьям, денежные дела у журнала пошли в гору, но никак не в смысле научного уровня публикаций.

Невиданная вещь стала твориться в науке: теперь статьями по гуманитарным наукам могут считаться тексты в 3–5 страниц, лишь бы были ключевые слова, английское резюме и список литературы. В одном из таких новомусорных журналов по этносоциальным проблемам я обнаружил в каждой из статей в списке литературы работы главного редактора журнала, и так – из номера в номер и независимо от темы! Это явный пример паразитической системы «выращивания» наукометрических показателей. Но сам журнал тронуть трудно: на самом вершине в председателях попечительского совета стоит такая фамилия, что лучше не связываться.

Вынужден отметить, что в России в самые последние годы наблюдается падение престижа ученых-гуманитариев, пренебрежение профессиональным знанием, расцветает паранаука и эзотерические, антинаучные конструкции и намеренные фальсификации [7]. Политики и пропагандисты не выдерживают искушения так называемым презентизмом, проявляющимся в формулировании и навязывании таких концепций и оценок истории и явлений культуры, которые годятся на потребу дня и совсем необязательно находятся в согласии с наукой. Миф объявляется истиной, если в него уверовали конструкторы субъективных предписаний и вместе с ними – массовый потребитель. Обращение к подлинности считается ненужным и даже вредным.

Принятые отечественной наукой концепции истории России подвергаются ревизии со стороны внешних политизированных интерпретаторов русофобской направленности и внутренних неопитов разного толка – от ультраконсервативных активистов до авторов сугубо скандальной направленности. Объясните мне, зачем крупному российскому издательству публиковать книгу некоего Понасенкова с бредовой версией истории Отечественной войны 1812 года? Если с целью заработать копейку на скандальности, то это очень плохо, если же по причине некомпетентного отбора – тогда еще хуже. Создается впечатление, что российские издатели перестали заботиться о репутации и воздействии своей продукции на мораль, психику и компетенции россиян, главное для них – продать и заработать.

Уже три десятилетия полки наших книжных магазинов заставлены историческими «трудами» с золотыми обрезами, авторы которых намеренно выступают разрушителями научно-академических взглядов на историю, сочиняют эзотерические версии происхождения человека, человечества и отдельных народов, не гнушаясь расизмом и экстремистскими трактовками. Эта антинаучная муть по своему вредному воздействию на читающих граждан мало чем отличается от антироссийских фальсификаций, вызывающих справедливое осуждение общественности. На наших глазах популярные

ненавистники России типа Т. Снайдера и Э. Аппелбаум натаскивают нынешнее поколение западной молодежи на полную ревизию фундаментальных научных версий истории XX столетия. Мало чем отличаются по своей антинаучной заданности и отечественные реабилитаторы Сталина и массовых репрессий или создатели ореола святости вокруг российской монархии. В такой ситуации профессиональных гуманитариев зачастую охватывает чувство безысходности и желание закрыться в академических «башнях из слоновой кости», что, по сути, является ошибочной позицией.

Нынешняя ситуация в российской гуманитарной науке требует программы мер концептуально-теоретического, институционального, научно-организационного характера. Среди них можно предложить следующие.

1. Поднять престиж важнейших направлений социально-гуманитарных наук, включив некоторые из них в перечень соответствующих важнейших научных направлений, утвержденных на уровне государства.

2. Провести общественные дискуссии и выработать разделяемые научным сообществом нормы и подходы к критериям научности и профессионализма в области гуманитарных наук.

3. Выработать качественные и репутационные критерии в оценке эффективности деятельности исследовательских институтов, групп, отдельных ученых в области гуманитарных наук.

4. Провести реформу ВАК, обновить советы по присуждению ученых степеней и выполнить внешнюю экспертизу правомочности вузов самостоятельно присуждать ученые степени.

5. Принять более строгие критерии для учреждения научных изданий и их включения в так называемый список ВАК, а также условия и критерии для грантовой поддержки и проведения конференций в области социально-гуманитарных наук.

6. Повысить персональные требования к ученым и их ответственность за подготовку диссертаций, отзывов о работах, рецензирование публикаций и оценку грантовых заявок.

7. Снять излишние бюрократические ограничения по части условий расходования средств, отчетности и реализации итогов выполненных по грантам исследований.

Но самое важное предложение – хотя бы частично отыграть назад дискриминационную политику в отношении академических научно-исследовательских институтов, которые и без того отстали от вузовской профессуры по части оплаты труда, а за последние четыре года пережили сокращение доли и в грантовых субсидиях. Применительно к социогуманитарным наукам в 1996 г. доля выполняемых в институтах РАН и других государственных акаде-

мий наук проектов составила 54% от всех поддержанных. В 2013 г. она снизилась до 52%, а в 2016 г. – 26,3%. В вузах (включая МГУ) в 1996 г. выполнялось 20% поддержанных проектов, в 2013 г. – 33%, а в 2016 г. – 53%. Здесь налицо резкий рост числа и объема финансирования выполняемых в вузах проектов и драматическое сокращение числа проектов, выполняемых учеными академических институтов, причем именно в последние три года (с 52% в 2013 г. до 26,3% в 2016 г.). Некоторые полагают, что это всего лишь последствия слияния двух фондов, но мне представляется, что без намеренных установок и настроений экспертов здесь дело не обошлось, и эту неблагоприятную для академических ученых ситуацию следует исправить.

Хотя все высказанное отражает мою личную позицию как ученого, смею надеяться, что предложенный анализ ситуации станет предметом обсуждения и поводом для возможных корректив в области отечественной научной стратегии.

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда, проект № 14 18 03090.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковальчук М.В. Наука и жизнь: моя конвергенция. Т. 1. М.: ИКЦ «Академкнига», 2011.
2. Лебедев С.А. Основные модели развития научного знания // Вестник РАН. 2014. № 6. С. 506–513.
3. Тишков В.А. О пользе гуманитарного знания // Независимая газета. 2012. 12 сентября.
4. Наука России в цифрах: 2014. Статистический сборник. М.: ЦИСН, 2014.
5. Семенов Е.В. Явь и грезы российской науки. М.: Наука, 1996.
6. Воротников Ю.Л. Российский гуманитарный научный фонд: 10 лет в системе государственной поддержки гуманитарных исследований // Благий фонд, благое дело. К 10-летию Российского гуманитарного научного фонда. М.: РГНФ, 2004.
7. Тишков В.А. Новая историческая культура. М.: Изд-во МГОУ, 2011.

ОТ ЭТНОСА К ЭТНИЧНОСТИ И ПОСЛЕ*

Эта статья является своеобразным послесловием к книге «Реквием по этносу», написанной почти 15 лет тому назад. Однако и сегодня в российском общественном сознании понятие «этнос» живо, прежде всего, по той причине, что оно перекочевало из этнологии в другие сферы гуманитарного и социального знания. Именно об этих метастазах порожденной этнографами, этнологами и антропологами «теории этноса», о нашем отношении к судьбе не признанной мировой наукой, но крайне живучей конструкции и о взаимодействии с поборниками этноса внутри и за пределами дисциплины-прародительницы пойдет речь, как и о перспективах, казалось бы, утвердившегося концепта этничности.

Почему новая трактовка феномена этничности как одной из форм коллективной идентичности вызвала в отечественной науке столь бурную охранительную реакцию? Тому есть несколько причин. Самое лестное для меня объяснение – это провоцирующее название книги, в котором, избегая скучной точности, я не стал уточнять, что речь идет о теории этноса. Поэтому, как представляется, отрицание мной довлеющей конструкции было воспринято буквально – как отрицание существования этнокультурных различий и самих этнических общностей. Хотя из содержания книги и других моих работ было ясно, что речь идет именно о трактовке предмета науки, но обыденно-политическое и даже научное сознание склонно к упрощенному восприятию. Охранительная реакция была вызвана также и тем, что речь шла о теме, которая в 1990-х годах вызвала интерес ряда общественных дисциплин: социологии, истории, философии и т.д. Представители этих областей знания не пожелали оставлять этнические проблемы современности только этнологам. Этнос и этничность, которые до этого блистали своим отсутствием в работах отечественных гуманитариев, появились в самых разных вариациях: от «этнокультурной истории Древней Руси» и «этносов в раннем средневековье» у историков до «философии этноса» у псевдофилософов.

Важной интеллектуальной провокацией стали работы Л.Н. Гумилева, заполонившие с начала 1990-х годов книжные полки рос-

* Этнографическое обозрение. 2016. № 5.

сийских магазинов и библиотек. Если среди этнологов отношение к этому автору было сдержанным, то многие географы, культурологи, философы и политологи впали в эту ересь с упоением. Влияние Гумилева на отечественную научную мысль и политическое мышление остается недооцененным, ибо, кроме малотиражной критики (сначала Ю.В. Бромляя и В.И. Козлова, затем В.А. Шнирельмана и моей), широкой дискуссии вокруг гумилевской конструкции этногенеза и пассионарности в литературе фактически не было. Зато, как я писал 15 лет назад, интригующая привлекательность этих положений, как и харизматическая фигура самого автора по прошествии времени не потеряли своей популярности. К этому добавился недавний для российской геополитики «поворот на Восток», в котором центральное место занимает идея нового евразийства, одним из интеллектуальных отцов которой считается Гумилев. Таким образом, критика концепта этноса с самого начала оказалась обремененной политическими моментами. Это справедливо отмечали политологи, изучающие этнический фактор в современном мире. Как пишет И.С. Семененко, «в политической науке общий дискурс по проблемам этничности до сих пор не сложился. Связано это, на наш взгляд, как с объективной неоднозначностью влияния этнических факторов на социальную динамику, так и с неоднозначностью политических последствий публичной дискуссии по этой проблематике, а иногда – и с прямым «конфликтом интересов» научной объективности и политкорректности» (Этносоциокультурный конфликт 2014: 25).

Антропология и этнология с этносом и без него. Следует отметить, что, к чести этнологов и антропологов, обновление теоретико-методологических основ нашей дисциплины прошло в целом успешно, без огульного отрицания, раздоров и политизированных обвинений. Интеллектуальное лидерство здесь принадлежит далеко не только Институту этнологии и антропологии РАН. Важную роль в разъяснении и обосновании современных основ этнологии и социально-культурной антропологии сыграл Санкт-Петербургский журнал «Антропологический форум» во главе с его редактором А.К. Байбуриным. Несмотря на то, что именно в Санкт-Петербурге (родном городе Л.Н. Гумилева) наиболее стойко держались поклонники гумилевских идей, здесь же были инициированы дискуссии о состоянии этнологического знания и его теоретических основ, научных школах, взаимодействии с другими дисциплинами. Участие в этих дискуссиях ведущих зарубежных антропологов способствовало утверждению в отечественных текстах языка современной науки.

За последние четверть века внутри дисциплины произошли значимые и неоднозначные перемены. *Переход от этноса к этнично-*

сти и даже выход за пределы этничности позволили обрести новую предметную область, определяемую как антропология и этнология. Речь идет не столько о физической, сколько о социально-культурной антропологии, которой в начале 1990-х годов в нашей науке не было. Этнос ушел из языка этнологов, за исключением некоторой части исследователей и вузовских преподавателей, которые не следят за современными тенденциями. Этому способствовали развитие самого научного знания и более полная информированность отечественных специалистов о мировом научном контексте. Важную роль сыграл перевод на русский язык работ многих признанных специалистов в области социологии, антропологии и этнологии, а также истории так называемого национального вопроса в России. Были переведены и изданы, хотя и с опозданием в 20–30 лет, работы П. Бурдые, Э. Геллнера, Ф. Барта, Б. Андерсона, Ч. Тилли, Д. Горовица, а затем и представителей следующего поколения: А. Барнарда, Р. Брубейкера, У. Кимлики, Ч. Тэйлора и др., а также работы историков, социологов и философов, писавших о нациях и национализме, феномене идентичности, включая национальную и этническую (Э. Хобсбаум, Ю. Хабермас, Д. Кола, М. Кастельс, С. Бенхабиб, З. Бауман, Э. Саид и другие). Появилась солидная библиотека переводных книг по истории так называемого национального вопроса, советской этнической политике и нациестроительству и этнополитическим конфликтам (Ш. Фицпатрик, Р. Суни, Т. Мартин, Ж. Кадио, Ф. Хирш и др). Их терминология была существенно иной, а в центре анализа были не этносы, а процесс конструирования советских наций из разнородной этнической материи.

Сегодня нет оснований полагать, что произойдет откат на прошлые позиции. Антропологи и этнологи все больше осознают феномен растущей культурной сложности, где этничность переплетается с другими коллективными идентификациями и лояльностями до такой степени, что исчезает само понятие группы как социальной и даже социологической целостности. *Разрыв с позитивистским группизмом был одним из наиболее существенных моментов в этнологических новациях.* Этнические границы стали пониматься не как границы групп в пространстве (в кушнеровском смысле), а как ментальные маркеры, по которым могут выстраиваться группы (в бартовском смысле). Эту ситуацию было трудно предвидеть четверть века тому назад. Именно поэтому я писал о том, что «возможно, единственным и основным законом истории является неопределенность и многовариантность» (Тишков 2003: 502). Сейчас можно сказать более определенно, что природа современной «текучей модерности» такова, что «атрибутом нашей действительности является непостоянность, единственной уверенностью, которой

мы обладаем наверняка, является неуверенность». Автор этих слов З. Бауман заявил: «В начале XXI века мы стоим перед необходимостью сделать то, чего наши предки не сделали, потому что не приходило им этого в голову, не чувствовали они этой потребности – *необходимости разработки новых способов сосуществования в условиях постоянной разнородности культур и человеческих группировок*» (Бауман 2011; курсив мой. – В.Т.). Эта разнородность культур и человеческих группировок и должна больше всего привлекать современных исследователей. Это и есть один из многообещающих горизонтов для социально-культурной антропологии.

Здесь мы переходим к теме метастазирования концепта этноса в другие научные дисциплины, включившие его в границы своих доменов. А это означает, что ответственность за интерпретации и проекции теории этноса в общественную жизнь должна быть разделенной.

Как этнос хотел спрятаться в археологическом раскопе. Исторически этнография/этнология/антропология не только в России, но и в мировой науке наиболее тесно связана с археологией. 25 лет тому назад в Новосибирске был создан отделившийся от историков и успешно работающий научно-исследовательский Институт археологии и этнографии. Возглавляемый Н.А. Томиловым Омский филиал двух НИИ (Московского и Новосибирского) на базе университетской кафедры этнографии почти 20 лет проводит регулярные научные сессии по этноархеологии. Прежде чем начали созываться отдельные съезды этнографов и антропологов, в СССР длительное время проводились совместные археолого-этнографические научные сессии. Диалог двух дисциплин, само общение археологов и этнографов дают положительные результаты, хотя мне представляется, что высокий уровень археологической науки в Сибири сдерживает дрейф местной этнографии в сторону социально-культурной антропологии.

В СССР и в России интеграция археологии и этнографии была подчинена решению сверхзадачи – разработки так называемой теории этногенеза. Отметим, что некоторые археологи и этнографы уже в советское время выступали критиками перенесения этнического в глубокие исторические пласты, когда корректнее было бы говорить о «популяциях» и «культурах», чем о «народах» (Шнирельман 1984, 1990, 1993). Осторожное отношение археологов к научному арсеналу этнографов (и наоборот) утвердилось позднее к обоюдной пользе (Этничность в археологии 2013).

В целом археология, с великим трудом корректируя один из отечественных брендов – теорию этногенеза, тем не менее не встала на позиции трактовки этнических общностей как биосоциальных

организмов и не разделила гумилевские выдумки насчет пассионарного толчка и акматических стадий рождения и жизни этносов. Напомню высказывание академика В.П. Алексеева: «История дает нам много примеров этнической консолидации и возникновения крупных народов... на основе... заведомо исторических факторов, без какого-либо влияния биологии или географии. Итак, исторический характер этносов несомненен...» (Алексеев 1986: 5). Насчет «глубины» этого исторического характера (у Алексеева все начинается с палеолитических времен) необходим отдельный разговор, но в данном случае важна его антигумилевская позиция. Более того, современная археология выступила решительно против националистических попыток интерпретировать археологические культуры и конкретные памятники в контексте современных политических интересов некоторых этнических элит. Здесь этнологи и археологи остаются твердыми и последовательными союзниками.

Как получилось с этносом у историков. Старая отечественная этнография понималась и конституировалась в системе общественнознания как субдисциплина исторической науки, т.е. как наука гуманитарная, в отличие от социальных наук, к которым относится социально-культурная антропология. В России – от подготовки студентов до присуждения ученых степеней – специалисты в этой области по своей базовой специальности считаются историками. Неизменной остается и академическая организационная структура: этнологические учреждения, центры и подразделения пребывают в составе комплексных институтов вместе с историей, под научно-методическим руководством Отделения историко-филологических наук. Эта родовая принадлежность носит давний характер. Содержательно она когда-то объяснялась лежащим в основе этнографии «принципом историзма» (Токарев 1958: 8). В то же время собственно историки концептом «этнос» до конца 1980-х годов фактически не пользовались и обратились к нему тогда, когда этнологи уже начали от него отказываться. Одну из первых книг с «этнокультурной историей» в названии я получил от В.Я. Петрухина (Петрухин 1995). В ней автор пытался обнаружить этносы в древнерусском государстве, тем самым пренебрегая фундаментальной значимостью ранних политий, социальных группировок, организованных по принципу вожеств, а также более широких (внеэтнических) коалиций на основе династических или религиозных лояльностей. Позднее Петрухин вместе со своим соавтором так определил эти, по его мнению, всеохватные и «непременные» человеческие коллективы: «...каждый человек непременно ощущает себя членом некоей совокупности людей, которые воспринимают друг друга как имеющие общее происхождение и одновременно

отличают себя от тех, кто принадлежит к иным подобным совокупностям. Такие совокупности именуется этносами, этническими общностями» (*Петрухин, Раевский* 2004: 8). Авторы делают важную оговорку: «Объективный антропологический и генетический анализ показал, что концепция чистоты крови... представляет не что иное, как исторический миф... переоценка биологического критерия при установлении этноисторической преемственности неправомерна, а ее абсолютизация попросту реакционна как открывающая путь лишенному научной базы расизму» (Там же: 11–12), однако она эту позицию не спасает.

Известный историк В.П. Булдаков публикуетopus под названием «Хаос и этнос» об этнических конфликтах в годы гражданской войны в России (главным образом о насилии в отношении еврейского населения), а также работу о «народофобии» с уязвимой трактовкой межэтнических отношений под углом якобы им присущей вражды. При всем богатстве документального материала и кругозоре автора ему не удается уйти от абсолютизации человеческих объединений по культурному сходству их членов: «Империи и нации – преходящие величины. Этнос, вопреки ожиданиям, куда более живуч, хотя менее уловим; он составляет ту зыбкую субстанцию, которая словно специально призвана провоцировать «вечные» мифы. Национальная идентичность основывается на господстве определенного мировоззрения, рождающего текущие политические проекты, а идентичность этническая – на вневременной энергетике исторической памяти» (*Булдаков* 2011: 9). Это уже напоминает «дух народа» из некогда распространенных гердеровско-бердяевских непроверенных рассуждений.

Немногие историки встали на путь примордиалистской трактовки этносов как организмов, но искушения не избежали даже наиболее просвещенные из них, включая тех, кто занимался зарубежным средневековьем и античной историей, где научная изоляция от теоретико-методологического языка мировой науки, казалось бы, исключалась. Приведу в качестве примера недавно изданную медиэвистами коллективную монографию, в которой изложена претензия на обновленную формулировку понятия этноса и установление исторической закономерности перехода от этноса к нации. Вот как описывает эту проблему Н.А. Хачатурян на примере всех (!) современных западноевропейских государств в эпоху Средневековья: «В рамках этой эпохи они пережили процесс трансформации этносов в более сложные социополитические и культурные этнонациональные образования, обретшие уже в Новое и Новейшее время статус национальных государств...» (*Хачатурян* 2015: 6). Восребованность этой тематики, по мнению медиэвистов, в том, что

имеет место «возвращение казалось бы изжитых процессов самоопределения этносов вплоть до попыток образования ими новых государств... Современные этнонациональные проблемы, подтверждая неизбежность процесса исторического развития, вместе с тем приближают к нашему сегодня – далекое средневековое прошлое, которое обнажает генезис интересующих нас явлений: полиморфизм начальной истории этносов, сложный путь их консолидации в новую более зрелую общность, специфику условий, предопределявших выбор того или другого этноса на роль ведущего в национальном самоопределении общности, наконец, возможности или слабости последней, которые, в частности, могли зависеть от положения в ней малых этносов» (Там же: 6–7).

Любопытно, что в 2015 г. российские историки-медиевисты сетуют на то, что они «уступили эту область исторического знания» этнографам, антропологам и социологам, тем самым обеднив «собственный предмет анализа, в известной мере облегчив возможность нарушения принципа исторической преемственности в решении интересующего нас вопроса». А нарушают эту преемственность «исследователи-новисты», в особенности политологи и социологи, рассматривая такое явление, как нация, исключительно в пространстве проблем Нового времени и современности». Н.А. Хачатурян, как и положено историку далекого прошлого, занимает более чем определенную позицию: «Категоричность заявлений, согласно которым этнос и нацию «делает ощущение индивида своей принадлежности к ним», – не должно для исследователя обесценивать факта реального формирования и существования соответствующей общности» (Там же: 7–8). Основываясь на понятии «преемственности явлений», авторы считают, что историкам важно найти решение вопроса о «начале» качественного перехода от этноса к нации, и именно «средневековый опыт обнажает генезис движения от этнической незрелой общности к «национальному» объединению» (Там же: 8, 15).

Поскольку примеров эти положения не содержат, трудно понять, какие «аморфные» и «незрелые» общности (венетианцы, гунуэзцы, сардинцы и другие) «реально» (а не усилиями итальянских генералов-объединителей или германского «огня и меча») трансформировались в национальные общности и когда они все в результате «генезиса движения» перестали быть членами одного (аморфного) организма и стали членами другого организма (национально объединенного). Как пишет Н.А. Хачатурян, «принятая в научной литературе расшифровка определения «этнос» выглядит неполной, часто будучи ограниченной упоминанием таких параметров явления как общность происхождения, языка, территории,

традиции, мифологической культуры. Очевидно, что в этом случае во внимание приняты только природно-естественные и культурно-исторические компоненты явления. Однако человек становится фактором исторического процесса как член сообщества – социального организма» (Там же: 21). Ну вот, с чего начали, к тому и пришли: этнос начинает заселять умы и труды российских медиевистов, как в свое время он завладел сознанием специалиста по средневековым Балканам Ю.В. Бромлея. И нет гарантии, что за ними не последуют античники, да и «новисты» могут исправить свои «антиэволюционистские заблуждения».

Почти изгнание этноса из социологии. Заслуживают анализа отношения нашей дисциплины со столь же близкой антропологии социологией. Как считает С.А. Арутюнов, «социология, в сущности, есть часть социальной антропологии в широком смысле слова. А можно считать и наоборот. Это дело вкуса и личного подхода» (Форум АФ 2012: 15). В рамках той же дискуссии о взаимодействии двух дисциплин В.С. Вахштайн напомнил, что «вся история отношений социологии и социальной антропологии представляет собой непрерывный обмен концептами, объяснительными моделями, аксиоматическими допущениями. Особой «этнологической социологии» не сложилось не потому, что интервенция антропологии в социологию провалилась (как провалились, например, попытки психологического вторжения). Ровным счетом наоборот – потому что она удалась. А точнее, потому что историю этих двух дисциплин трудно представить без постоянных взаимных интервенций» (Там же: 50).

Если это так, тогда все-таки необходимо установить некоторые различия как в предметной ориентации (что преимущественно изучают обе дисциплины), так и в предпочтительном методе исследования. Есть также сугубо советские/российские особенности диалога социологии и этнологии/антропологии. Д.В. Арзютов так оценивает ситуацию: «Думается, что основным расхождением в социологии и антропологии по-прежнему остается объект. В СССР объекты были разделены с позитивистской четкостью. В одном случае это был фетиш этноса и традиции, в другом – советского общества. При обращении к более высокому уровню интерпретации эти расхождения объектов восходят к общим разграничениям «науки о них» и «науки о себе». Как только необходим был диалог, то создавались мосты в виде этносоциологии и вытекающих из нее этносоциальных процессов и т.п. Сегодня российская антропология находится в замешательстве, не зная, что же может быть ее объектом, и зачастую выбирая постмодернистскую плюралистическую парадигму, но наполняя ее позитивистским содержанием, тем

самым создавая как бы внутренний конфликт дисциплины» (Там же: 14). Замечание о внутридисциплинарном конфликте интересно, но оставим его на потом.

Действительно, в последние пару десятилетий социология стала даже более близким предметом для этнологов в связи с переносом их интереса на изучение современности, а социологи, устав от массовых опросов, стали чаще обращаться к «включенному наблюдению», т.е. к этнографическому методу, назвав это «понимающей социологией». Однако у этой близости есть свои корни. Еще в 1960-е годы в Институте этнографии АН СССР родилось направление, получившее, на мой взгляд, трудно переводимое, но понятное советским этнографам название *этносоциология*. Это направление было связано с именами Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло и другими известными учеными института. Со временем этносоциология как изучение этничности методами социологии (формализованного опроса) стала пониматься более расширительно как научная дисциплина, которая «ставит своей целью раскрытие этнического многообразия социальных процессов и в то же время – социальной обусловленности и социального разнообразия функционирования этнических черт культуры и быта в их широком понимании» (Дробижева 1988: 96–97; ср.: Дробижева 2004: 14–25; Губогло 2004; Губогло, Дубова 2011: 273–297, Комарова 2011). Таким образом этносоциология презентовала себя как новая дисциплина на стыке двух исходных дисциплин. Именно так это трактовалось в поздней советской этнографии, когда появились многочисленные «этнокентавры»: этноботаника, этногеография, этнозоология, этнодемография, этноэкология, этноархеология, этнолингвистика, этноискусствознание, этномузыкалогия, этнорелигиоведение, этнопсихология, этнопедашгика и др. (Крюков, Зельнов 1988: 84–111). Все они определялись как «науки», «научные дисциплины», «области науки» и т.п. «на стыке» с этнографией.

Пожалуй, самыми значимыми моментами во взаимодействии этнологии и социологии были переход из Института этнологии и антропологии РАН в Институт социологии РАН в качестве его директора Л.М. Дробижевой (вместе с несколькими сотрудниками), а с точки зрения проблемно-тематической – выход академических социологов на изучение динамики постсоветской идентичности. Выполняя масштабные опросы, перекочевавшие в штаб классической социологии, этносоциологи выполнили, на мой взгляд, важную научную задачу, а именно соединили изучение гражданской, региональной, этнической идентичности с концептом российского общества и его пониманием как сложной целостности (Дробижева 2013, Рыжова 2011). Для меня эти исследования были большим подспорьем в формули-

ровании проблематики национального и этнокультурного самосознания, сложных и не исключających друг друга групповых идентичностей, в поиске целей и форм государственной «национальной политики». Часть моего исследования российского национального самосознания была выполнена под влиянием социологического метода и с использованием его инструментария.

Социологи активно включились в изучение проблем этнополитических конфликтов, миграции, разных форм нетерпимости и экстремизма, и это стало еще одним полем взаимодействия и тесного сотрудничества. Здесь, помимо названных выше коллег, заслуживают упоминания имена многолетних соратников из социологического цеха: Э.А. Паина, В.И. Мукомеля, И.А. Кузнецова, Е.М. Арутюновой. Кроме того, прежде не связанные с этнологией социологи также вышли на этнологическую тематику. А.Г. Здравомыслов с коллегами пишет об этнополитическом конфликте и «релятивистской концепции нации». Хотя в его подходе сохраняются элементы этнонационализма, он одним из первых заговорил о национальном самосознании россиян (*Здравомыслов* 1998, *Здравомыслов* 1999). Ж.Т. Тощенко открывает для социологов тему этнократии, хотя его данные были основаны исключительно на обществах меньшинств, поскольку власть этнического большинства не относится им к этнократии (*Тощенко* 2003). Много исследований этносоциологического характера было выполнено коллегами в российских регионах, особенно в республиках (Татарстан, Мордовия, Чувашия, Коми, Калмыкия, Тыва и другие). По этой причине трудно согласиться с негативной оценкой романа двух дисциплин с одним субъектом – этносом, которую дает С.В. Соколовский: «Социологи так и не стали частью антропологического комьюнити, а антропологи так и не освоили премудрости социологических методов и грамотной статистической обработки материалов... Рожденный от этого неравного брака гибрид оказался ребеночком с увечьем: советская теория этноса сыграла с этносоциологией плохую шутку... С утратой марксизмом командных высот «в одной отдельно взятой стране» этот дисциплинарный мезальянс практически распался, а вовлеченные в него социологи занялись востребованными к тому моменту исследованиями «этнических конфликтов», «межнациональных отношений», «этнических элит», этничности и национализма, ксенофобии и толерантности, т.е. по большей части прикладными политологическими проектами, в которых нуждались и которые были готовы оплачивать местные и центральные политические элиты или международные фонды» (Форум АФ 2012: 134).

Не думаю, что перечисленные занятия социологов стали уходом в прикладную политологию. Слишком много методологически

осознанных и обновленных проектов и публикаций, в том числе и переведенных на иностранные языки, было выполнено названными выше авторами за последние 20 лет, чтобы свести их к прикладной «заказухе». С чем можно согласиться, так это с тем, что «не везде она (этносоциология. – В.Т.) стала «современной» и отринула свое советское наследие: попытки «измерять этносы» с помощью социологического инструментария инерционно сохраняются в некоторых периферийных сообществах российских социологов, но это тот случай, который я бы назвал бесперспективным направлением синтеза социологического и антропологического знания» (Там же: 135).

Как получилось у философов. Философам также не чужд интерес к культурному разнообразию и феномену этничности, но многие из них предпочитают трактовать его или в старой моргановско-марксовской парадигме, или с позиции культурологического онтологизма, настаивающего на цивилизационной культурной идентичности России как надэтнической и наднациональной (*Момджян, Антоновский* 2015: 42–93; *Межуев* 2009). Примечателен выход в 2015 г. под грифом философского факультета МГУ коллективной монографии «Этнос, нация, ценности». Как пишет один из редакторов книги А.Ю. Антоновский, понятия этноса, нации, национализма «до сих пор не получали полного теоретически-выверенного содержательного определения в рамках социально-гуманитарных дисциплин, использовались методологически произвольно и зачастую получали явную или латентную идеологическую нагрузку» (*Антоновский* 2015: 19). Это явное недоразумение, ибо усилия отечественных специалистов по определению этноса были даже чрезмерными, а для остального мира такой задачи вообще не существовало. Что касается нации и национализма, то здесь существует целый арсенал разработок с участием ведущих обществоведов мира. В буквальном смысле «свалившись с Луны», ибо во многих российских философско-социологических энциклопедиях и справочниках содержатся статьи о нации, национализме и этничности, философы-первооткрыватели в данной публикации предложили всего лишь давно известные схоластические построения Ю.И. Семенова, концепты которого в области теории общества и этноса еще 30 лет тому назад критиковал Э. Геллнер (*Gellner* 1988). Ю.И. Семенов с тех пор мало продвинулся в своих рассуждениях о социально-исторических организациях («социорах»). Справедливо отвергая биологическую природу этничности и признавая первичность этнической принадлежности при образовании коллективных общностей, он предлагает следующую формулу: «этнос или этническая общность есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как

правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения» (Семенов 2015: 61). Казалось бы, эта формула чувствительнее предыдущих формулировок (нет некогда обязательных для этноса общих территории, хозяйства, психического склада и даже языка), но далее известный философ, много лет проработавший среди этнографов, снова вещает про «структуру этноса» с субэтносами и про процессы этнического слияния, инкорпорации, расщепления, дивергенции и т.п.

Более того, Ю.И. Семенов довел до высшей степени схоластики классификацию «социальных организмов», которую вообще трудно применить к каким-либо известным случаям как историкам, так и антропологам. Он пишет: «Этнографы называют племенами не только общинные ассоциации. Они нередко используют это слово для обозначения также и любых территориальных скоплений общин с общей или сходными культурами и с общим или близкими языками... Эти же самые совокупности общин, равно как и общинные ассоциации, особенно высших порядков, нередко называются и народами. Слово «народ» используется также для обозначения трибосоциоров, трибосоциорных и протополитархических ассоциаций любых порядков и просто любых совокупностей общиносоциоров, трибосоциоров, великообщин и протополитархий, совершенно независимо от наличия между этими демосоциорами практических связей, но при условии существования между ними хоть какого-нибудь культурного (общая или сходные культуры) или языкового (один или сходные языки) единства. Таким образом, в применении к первобытности народом называют не этническую общность, которой как особого явления в ту эпоху не существовало, а либо многообщинный демосоциальный организм, либо любую совокупность родственных по культуре и языку демосоциальных организмов, причем совершенно независимо от того, представляет она собой ассоциацию или какую-либо другую органическую общность или не представляет» (Там же: 71). Интересно наблюдать, как подобной методологической трухой (типы, структура, компоненты этноса как коллективного организма) советские этнографы некогда забили головы коллегам-обществоведам и теперь получают от них запоздалую отдачу без особой надежды на ответ.

Нельзя не напомнить, что в сибирской школе исследователей коренных малочисленных народов Севера долгое время присутствовала философско-социологическая схоластика вокруг темы аборигенных этносов, их модернизации (интернационализации) как особой северной цивилизации (Бойко и др. 1979; Попков, Бойко

1997; Попков 2000; Попков и др. 2003; Попков, Тюгаишев 2006). Философией этноса (без анализа конкретных примеров) ограничились серия статей в «Этнографическом обозрении» и докторская диссертация «генерала спецслужб» С.Е. Рыбакова (2001). Именно со стороны таких маргинальных авторов исходила критика социального конструктивизма и апологетика теории этноса, которую нынешние философы, как мне представляется, оставили в прошлом.

В последние годы в работах многих философов разрабатываются темы идентичности, подвижности культурных границ, культурной сложности и разнообразия, конфликтов и миграции, а также другие сюжеты, близкие социально-культурным антропологам. Н.Н. Федотова делает интересные для антропологов заключения о неудовлетворенности многих известных авторов «не только эссенциалистски-натуралистическим пониманием идентичности, но и критически-проективным конструктивистским, взятыми в отдельности». Автор выражает удивление, что отечественная литература не восприняла предложенные философом Ш. Айзенштадтом «коды идентичности»: примордиальный, гражданский и сакральный. «Гражданский код идентичности требует новых исследований и ее проективной роли. Но не менее важно исследовать и сакральный код, который в разных обществах различен. Он проявляется и в религиозном фундаментализме, и в религиозных свободах, но также существует и в светской форме», – пишет Н.Н. Федотова (2012: 192–193).

В.С. Малахов исследует темы мультикультурности, национализма и ксенофобии (Малахов 2007, 2014). Нами совместно были организованы две международные конференции с публикацией двух сборников статей, объединивших философов, этнологов, антропологов и вышедших под грифами институтов этнологии и философии (Тишков, Малахов 2002; Малахов и др. 2011).

Заселение этносом политологии. В постсоветский период российские этнологи вышли на изучение проблем антропологии власти, этнического представительства и лоббирования, самоуправления и самоопределения, а также другие темы, которые являются центральными и для политологии. Были опубликованы работы как по этнической политике, так и по политике этничности в России, активно используемые представителями данной дисциплины в России и за рубежом (Тишков 1997, 2005). Вместе с соавтором мы взяли для учебного пособия хотя и неуклюжее, но вошедшее в учебные планы название «этнополитология», чтобы изложить содержание этого специфического, пока еще только формирующегося направления исследований (Тишков, Шабаетов 2013).

Становящаяся на ноги в России политология (в СССР у этой дисциплины была более чем трудная судьба в лице отважных

пионеров Ф. Бурлацкого и Г. Шахназарова) включилась в изучение межнациональных отношений, хотя антропологических тем природы власти, национализма, ритуала, символики и других сходных сюжетов она все-таки не затронула. Интерес политологов обусловлен поиском национальной идеи; их привлекают цивилизационный дискурс, политические процессы и институты и другие маргинальные для социально-культурных антропологов темы. До последнего времени российская политология страдала журнализмом, комментаторством, увлеченностью избирательными технологиями. Из-за этого и по причине недостаточной интегрированности в мировую политическую науку поисками нового знания российские политологи занимались недостаточно, что, возможно, и уберегло эту дисциплину от масштабного заимствования гумилевско-бромлеевской парадигмы. В целом поворот части этнологов и антропологов к изучению политического, а политологов – к этнической тематике был взаимно интересным и остается перспективным.

Совсем плохо с культурологами и психологами. Этого нельзя сказать о взаимодействии антропологии и этнологии с некоторыми другими научными дисциплинами. В России в самом начале 1990-х годов большое число вузовских гуманитариев в поисках новой дисциплинарной идентичности и профессиональной занятости утвердили две новых дисциплины: культурологию и социальную антропологию, которые вторглись на дисциплинарное поле с трудом рождающейся из советской этнографии социально-культурной антропологии. Становление дисциплины в приближенном к мировому контексту варианте произошло позднее. Упрямое нежелание академического сообщества этнологов расставаться со своей этнографической идентичностью и позволило узурпировать социальную антропологию социальным работникам в союзе с философами (именно они первыми конституировали дисциплину с названием «социальная антропология»), а обретшие официальный статус культурологи сделали одним из своих брендов культурную антропологию.

Нужно признать, что новые социальные антропологи и культурологи пытались наладить диалог с этнографами и даже организовать совместные обсуждения и публикации. Наш институт имел неплохие связи как с Московским государственным социальным институтом (здесь был создан факультет социальной антропологии) и с РГГУ (здесь работает одна из зачинательниц постсоветской культурологии – профессор Г.И. Зверева), так и с бывшим Институтом культурологии Минкультуры, директор которого К.Э. Разлогов желал насытить новую культурологию антропологическим содержанием. По трудно объяснимым причинам подлинной междисциплинарности у этнологов с культурологами не получилось, но научные контакты сложились и сохраняются на весьма интенсивном уровне.

С психологией советская этнография взаимодействовала слабо, хотя в определении предмета дисциплины – этноса – компонент «психического склада» присутствовал издавна, особенно когда речь шла о его высшей форме – нации. Более того, истоки изучения «психологии народов», «менталитета наций», не говоря уже об изучении образов и стереотипов, восходят к самым началам обеих дисциплин. Дань «психоментальным комплексам» отдали не только С.М. Широкогоров, создавший в начале XX в. известный фундаментальный труд о тунгусах, но и искушенные американские антропологи, взявшиеся по заданию Госдепа изучать ментальный комплекс (этнопсихологию) советских людей в послевоенном СССР. Последний проект был связан с такими выдающимися именами, как М. Мид, но закончился безрезультатно (см.: *Белик* 2001).

Однако в советской этнографии этнопсихология как междисциплинарное поле фактически отсутствовала. Положение поменялось в период распада СССР. Сюжеты, связанные с коллективной травмой этнических общностей и социальных слоев, чрезвычайная эмоционально-политическая нагруженность общественной жизни, бурно растущий интерес к феномену коллективного самосознания, межэтнические распри и вражда – все это входило в проблематику социальной психологии и психологии межэтнических взаимодействий. Беда новоявленных этнопсихологов заключалась в том, что у них под рукой были труды Г. Шпета, чье романтическое сочинение 1920-х годов было переиздано без критических комментариев (*Шпет* 1996), Л.Н. Гумилева и С.М. Широкогорова, а не М. Коула или Дж. Берри с их безэтническими по сути концепциями кросскультурной коммуникации. Такова была внутридисциплинарная ситуация, которая вызвала в России к новой жизни этническую психологию в ее эссенциалистской форме, что было чуждо психологии как науке. Но «психология этносов» – от пассионарности до новоизобретенных межэтнических дистанций, этнонигилизма и даже «евразийской психоментальности» – завоевывала умы обществоведов, включая и академическую психологию. В Институте этнологии и антропологии был даже создан сектор этнопсихологии. Подходы этнопсихологов эволюционировали и корректировались по мере утверждения более современного подхода к этничности и отхода от примордиализма советской теории этноса (*Лебедева* 2011). Они стали чаще самоопределяться как «кросскультурные психологи», избавляясь от уязвимой приставки «этно» и приближаясь к интересам социально-культурных антропологов. Уход психологов из ИЭА РАН в другие научные учреждения не был выражением конфликта представителей двух дисциплин. Междисциплинарность позволила относиться к сложной материи этнического чувствительнее и тонь-

ше, а психология сообществ включила в свой предмет национально-государственные, социальные и другие группы. Именно такие сходные по культурным характеристикам коллективности (а не этносы!) имели в виду как Шпет, так и американские психологи и антропологи, иначе бы они не изучали ментальность советского народа, который под категорию этноса никак не подходил.

Почти состоявшееся вторжение этноса в педагогику. Самый неудачный роман с этносом получился у педагогов, которые использовали вполне корректные наименования «этнопедагогика» и «педагогическая антропология» для формулирования ортодоксальных идей о складывании этнического самосознания и «энтотипа» едва ли не с младенческого возраста и якобы идеальных норм традиционной культуры. Напомним, что этнопедагогика сформировалась во второй половине XX в. как междисциплинарная отрасль знаний на стыке этнологических и психолого-педагогических наук. С подачи М. Мид ее называли также этнографией детства и взросления. И.С. Кон определял этнопедагогику как «междисциплинарную отрасль знания на стыке этнографии, социологии и педагогики, занимающуюся сравнительным изучением традиционной народной педагогики, способов воспитания детей и самого мира детства, включая детские игры, фольклор и т.д.» (Кон 1988: 110). В этнопедагогике рассматривается влияние традиционной культуры, семейно-родственных отношений на становление личности, но сам анализ проводится в категориях педагогики. Здесь для ученых всегда был важен учет таких аспектов, как интерес населения к общению на родном языке и к содержанию образования, сочетание общегражданских норм и правил с сохранением языка, культурных традиций и самосознания. Этнологи обращают внимание на использование в учебном процессе традиционных народных представлений о природе и месте человека в ней. Им важны воспитательные идеалы и приемы, семейные ценности, отношения между старшими и младшими поколениями, воспитательные воздействия хозяйственных практик, календарных событий, обрядов и т.п.

В мировой антропологии этнопедагогика ограничивалась сферой семейного воспитания и начального образования, хотя в прошлом и ей был свойственен «пеленочный детерминизм», когда из манеры пеленания детей делались выводы об особенностях национального характера. Народные воспитательные традиции не должны создавать межгрупповые границы между учащимися и мешать интеграции гражданских сообществ. О национальном воспитательном идеале современная педагогика говорит прежде всего в общегосударственном контексте (Данилюк и др. 2009). Что касается российских специалистов, в том числе и многочисленных «этно-

педагогов» в республиках, то здесь этнопедагогика трактуется как механизм построения общего образования на этнокультурной основе. Вот как понимает задачи этнопедагогики ведущий авторитет в этой области, академик РАО Г.Н. Волков: «Создание подлинно национальной школы – русской, украинской, татарской, якутской, чукотской, любой другой – возможно только на этнопедагогической основе. Народная культура воспитания представляет собой основу всякой культуры. Никакое национальное возрождение, никакое воссоздание прогрессивных народных традиций невозможно без приведения в действие исконных традиций воспитания, народной педагогики» (Волков 2000). Это крайне уязвимое рассуждение, ибо исключает какой-либо разговор о национальной российской школе, сводя этот ключевой общественный институт только к его этническим вариантам, которых в реальности не существует, кроме как в головах рьяных этнонационалистов.

Этнос и гены. Подобно тому, как в конце XIX в. на переднем крае науки оказалась физическая антропология, сто лет спустя в таком же положении оказалась генетика. Обе науки претендовали на особый статус, заявляя об их «исключительном» подходе к пониманию человека, и обе со временем вынуждены были умерить амбиции и пойти на сотрудничество со смежными дисциплинами. Действительно, если развитие биологических свойств человека, как и эволюция, возникновение и развитие популяций, может изучаться силами физических антропологов и генетиков, то этническая проблематика, выходящая за рамки биологии, требует синтеза знаний многих научных дисциплин. Люди выходят за рамки биологии, создавая с помощью культуры среду обитания и пользуясь механизмами вербальной коммуникации, и биологи не могут с этим не считаться. Здесь речь идет, прежде всего, об «этнических процессах», ибо этническая группа вовсе не является биологическим или даже социобиологическим образованием. В то же время физическое воспроизводство, обусловленное половыми взаимоотношениями, позволяет ставить вопрос о сопряженности этнических образований и биологических популяций. Именно в этой сфере возможно сотрудничество между этнологами, археологами и лингвистами, с одной стороны, и генетиками – с другой. Генетики получают данные о преемственности генетических комплексов или разрывах в этой преемственности, генетическом дрейфе, эффекте первопоселения, адаптации к меняющейся природной обстановке, однако они не могут судить о духовной жизни людей, их сознании и самосознании, особенностях языков и процессах перехода с языка на язык. Именно поэтому, пытаясь внести вклад в изучение истории человеческих коллективов, генетики должны поддерживать контакты с представителями смежных дисциплин, которые занимаются теми же проблемами, но с опорой на собственные материалы и подходы.

Это не сразу было осознано генетиками, что приводило к ошибочным представлениям. Так, предложенные поначалу термины «этногенетика» и «этногеномика» (Лимборская и др. 2002; Хуснутдинова 2003; Балановская, Балановский 2007) вызвали обоснованные сомнения и критику со стороны антропологов и этнологов, поскольку такая терминология создавала нежелательные ассоциации с биологизацией этнического (Nelkin 2001, Carter 2007). Кроме того, она была подхвачена расистами, посчитавшими генетику человека верной союзницей. Осознав непродуктивность подобного подхода, генетики отказались от этих терминов и предпочли оперировать термином «генеогеография», который, по их мнению, адекватнее описывал их научную деятельность. А вместо *этноса* они стали употреблять менее нагруженный термин *популяция*. Что касается результатов, то сегодня они позволяют уточнить представления об истории отдельных человеческих сообществ, которые до сих пор иногда описываются как «народы» или «этносы». С накоплением таких материалов выясняются интересные особенности тех процессов, которые когда-то вызывали ожесточенные споры между автохтонистами и миграционистами. Сегодня уже не остается сомнений в том, что оба подхода имели свои резоны и отражали определенные реалии. Ведь если генетики обнаруживают преемственность развития каких-то популяций и их привязанность к определенным территориям, то лингвисты в тех же случаях могут столь же уверенно говорить о смене языка, а этнологи – о важных мировоззренческих сдвигах. Свою лепту вносят и археологи, обнаруживая либо преемственность, либо разрывы в развитии материальной культуры. В совокупности все эти науки помогают понять пути развития как человечества в целом, так и отдельных его сегментов. Все это не означает, что данные отдельных наук хорошо согласуются между собой. Напротив, нередко они вступают в противоречия, ставя перед учеными проблемы, связанные как с недостатками методологии, так и со сложностью самих процессов человеческого развития.

* * *

Наиболее стойкие критики конструктивизма и новых подходов к этничности считают, что проблема в том, что явление этноса до сих пор не познано до конца и по этой причине ученые не могут дать ему приемлемое определение. Так, например, Б.Е. Винер считает, что «приемлемое определение этноса и этничности в нашей науке появится еще не скоро», но исходить нужно из того, что этнические общности «в своем нынешнем виде образованы благодаря деятельности людей в прошлом» (Винер 2005: 128). Круг искателей правильного определения в самой этнологии сегодня ограничен, но, как мы видим, в смежных дисциплинах появились новые сторонники теории этноса.

Для разрешения методологического тупика необходимо переосмысление происходящих изменений не только в экономике и политике, но и в культуре. На отсутствие адекватной теории, объясняющей глобальные коллизии современного мира, углубляющиеся глобально-региональные разломы, миграционные и этноконфессиональные конфликты, новые роли наций-государств – сетуют и отечественные и зарубежные ученые: «Очевидно, что нынешнего понятийного аппарата, который решает проблему с помощью, в частности, использования сложносоставных терминов (таких, например, как этнонационализм, этнофедерализм или мультикультуранность/мультикультурализм), оказывается для этого недостаточным. Подобный способ трактовки природы современных конфликтов говорит скорее об ограниченности возможностей современного научного знания в постижении их природы. В контексте анализа дисбалансов и противоречий современного развития в прояснении нуждается, в частности, *понимание этнического самосознания и этничности как фактора социальной динамики в современном мире*» (Гонтмахер и др. 2014: 24; курсив мой. – В.Т). В данном случае мы можем принять предлагаемое понятие «этносоциокультурный конфликт как результат взаимодействия существующих в мире множества этнических, межконфессиональных, социальных и культурно-цивилизационных конфликтов» (Там же: 19). Такого рода конфликт, действительно, может иметь долговременный характер, который обычными договоренностями и «деволюцией» преодолеть сложно. Как считают коллеги-«международники», «этносоциокультурный конфликт во многом обусловлен фундаментальными демографическими, миграционными и социокультурными сдвигами, которые являются необратимыми и будут оказывать многообразное воздействие на различные стороны жизни как развитых, так и развивающихся стран на протяжении ближайших десятилетий» (Там же: 20). Насколько необратимыми и продолжительными – это вопрос для дискуссии (о стохастической природе современного исторического процесса речь уже шла в начале статьи).

Едва ли наш общий интеллектуальный ресурс позволяет предвидеть глубинные сдвиги в культурной эволюции, не говоря уже о переменных в науке и политике, которые произойдут через десятилетие, но кое-какие константы можно выделить. Одну из них выразил Лессинг, заявив, что «различия между людьми будут с нами до конца мира». Культурные различия – это не временное явление, и разнородность человеческого рода будет длиться так долго, как существует он сам. Лессинг полагал, что мы всегда будем жить в разногласии, предпочитая разные вещи, любя разные способы жизни, и что все развитие культуры и творчество возникает

в ситуации разногласия. З. Бауман также полагает, что «все новое, действительно захватывающее, рождается из спора, дискуссии, диалога, разногласий». В основе этой действительно вневременной динамики лежит усложнение производимых человеком культурных форм. В России одной из фундаментальных и ранних форм в организации человеческих коллективов считалось «этно», но эта позиция была существенно пересмотрена и этнологами и археологами, показавшими, что общинность, клановость, религия, подчинение были более ранними и более мощными основами социальных группировок людей, чем их культурно-языковое сходство. Коли так, то нет гарантии, что «этно» останется с нами навечно и не уступит место другим коалициям, если только это уже не происходит.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Бауман 2011 – *Бауман З.* Текущая модерность: взгляд из 2011 года. Публичная лекция, прочитанная 21 апреля 2011 года в клубе «Пироги на Сретенке» // Полит. ру. 06.05.2011. URL: polit.ru/article/2011/05/06/bauman/

Форум АФ 2012 – [Форум] Антропология и социология // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 8–168.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1986 – *Алексеев В.П.* Этногенез. М.: Наука, 1986.

Антоновский 2015 – *Антоновский А.Ю.* Несколько слов о задачах монографии // Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования / Под ред. К.Х. Момджяна, А.Ю. Антоновского. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2015. С. 19–20.

Балановская, Балановский 2007 – *Балановская Е.В., Балановский О.П.* Русский генофонд на Русской равнине. М.: Луч, 2007.

Белик 2001 – *Белик А.А.* Современная психологическая антропология. М.: Смысл, 2001.

Бойко и др. 1979 – БАМ и народы Севера / Под ред. Бойко В. И. и др. Новосибирск: Наука, 1979; *Булдаков* 2011 – *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.

Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2011.

Винер 2005 – *Винер Б.Е.* Постмодернистский конструктивизм в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3. С. 114–130.

Волков 2000 – *Волков Г.Н.* Этнопедагогика. М.: Академия, 2000.

Гонтмахер и др. 2014 – Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современного мира / Под ред. Е.Ш. Гонтмахера, Н.В. Загладина, И.С. Семененко. М.: Русское слово, 2014. *Губогло* 2004 – Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: сборник в честь Юрика Варгановича Арутюняна / Под ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 2004.

Губогло, Дубова 2011 – Феномен идентичности в современном гуманитарном знании / Сост. М.Н. Губогло, Н. А. Дубова. М.: Наука, 2011.

Данилюк и др. 2009 – *Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009.

Дробижьева 1988 – *Дробижьева Л.М.* Этносоциология // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Под ред. М.В. Крюкова, И. Зельнова. М.: Наука, 1988. С. 96–97.

Дробижьева 2004 – *Дробижьева Л.М.* Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2004.

Дробижьева 2013 – *Дробижьева Л.М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.

Здравомыслов 1998 – Релятивистская теория нации. Новый подход к исследованию этнополитической динамики России / Отв. ред. А. Г. Здравомыслов. М.: РНИС и НИП, 1998.

Здравомыслов 1999 – *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты на постсоветском пространстве. М.: Аспект пресс, 1999.

Комарова 2011 – *Комарова Г.А.* Отечественная этнография и этносоциология: опыт междисциплинарной интеграции // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании / Сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М.: Наука, 2011. С. 273–297.

Кон 1988 – *Кон И.С.* Этнопедагогика // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Под ред. М.В. Крюкова, И. Зельнова. М.: Наука, 1988. С. 110–111.

Крюков, Зельнов 1988 – Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Под ред. М.В. Крюкова, И. Зельнова. М.: Наука, 1988. С. 110–111.

Лебедева 2011 – *Лебедева Н.М.* Этническая и кросс-культурная психология. М.: МАКС Пресс, 2011.

Лимборская и др. – *Лимборская С.А., Хуснутдинова Э.К., Балановская Е.В.* Этногеомика и геоэтнография народов Восточной Европы. М.: Наука, 2002.

Малахов 2007 – *Малахов В.С.* Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Малахов 2014 – *Малахов В.С.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Малахов и др. 2011 – Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире: материалы международной научной конференции / Под ред. В.С. Малахова, В. А. Тишкова, А.Ф. Яковлевой. М.: Икар, 2011.

Межуев 2009 – *Межуев В.М.* Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

Момджян, Антоновский 2015 – Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования / Под ред. К.Х. Момджяна, А.К. Антоновского. М.: Канон+, 2015.

Мосин, Яблонский 2013 – Этничность в археологии и археология этничности? Материалы Круглого стола / Под ред. В.С. Мосина, Л.Т. Яблонского. Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013.

Петрухин 1995 – *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; Москва: Русич; Гнозис, 1995.

Петрухин, Раевский 2004 – *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Знак, 2004.

Попков 2000 – *Попков Ю.В.* Интернационализм в традиционных и современных обществах. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000.

Попков и др. 2003 – *Попков Ю.В., Костик В.Т., Тугужеева В.Н.* Этнос Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск: Изд-во «Нонпарель», 2003.

Попков, Бойко 1997 – *Попков В.Н., Бойко В.И.* Политико-правовой статус коренных народов Севера: на пути в мировую цивилизацию. Новосибирск: ИФИПР, 1997.

Попков, Тюгашев 2006 – *Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.* Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард: Новосибирск: Сиб. научное изд-во, 2006.

Рыбаков 2001 – *Рыбаков С.Е.* Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001.

Рыжова 2011 – *Рыжова С.В.* Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011.

Семенов 2015 – *Семенов Ю.И.* Общество, население, этнос // Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования / Под ред. К.Х. Момджяна, А.К. Антоновского. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2015. С. 42–72.

Тишков 1997 – *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.

Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003

Тишков 2005 – *Тишков В.А.* Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. М.: Наука, 2005.

Тишков, Малахов 2002 – Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. А. Тишкова, В. С. Малахова. М.: ИЭА РАН, 2002.

Тишков, Шабаетов 2013 – *Тишков В.А., Шабаетов Ю.П.* Этнополитология. Политические функции этничности: учебник для вузов. М.: Изд-во МГУ, 2013.

Токарев 1958 – *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во Московского университета, 1958.

Тоценко 2003 – *Тоценко Ж.Т.* Этнократия: история и современность. М.: РОССПЭН, 2003.

Федотова 2012 – *Федотова Н.Н.* Изучение идентичности и контексты ее формирования. М.: Культурная революция, 2012.

Хачатурян 2015 – Этносы и «нации» в Западной Европе в средние века и в раннее новое время / Под ред. Н. А. Хачатурян. СПб.: Алетей, 2015.

Хуснутдинова 2003 – *Хуснутдинова Э.К.* Этногеномика и генетическая история народов Восточной Европы // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 7. С. 614–621.

Шнирельман 1984 – *Шнирельман В.А.* Этноархеология – 70-е гг. // Советская этнография. 1984. № 2. С. 100–113.

Шнирельман 1990 – *Шнирельман В.А.* Оружие как этнический и/или социальный маркер (этноархеологические заметки) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1990. С. 16–19.

Шнирельман 1993 – *Шнирельман В.А.* Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). Екатеринбург: УрО РАН, 1993.

Шнем 1996 – *Шнем Г.Г.* Введение в этническую психологию. Воронеж: МОДЭК, 1996.

Carter 2007 – *Carter R.* Genes, genomes and genealogists: the return of scientific racism? // Ethnic and racial studies. 2007. Vol. 30. № 4. P. 520–522.

Gellner 1988 – *Gellner E.* State and Society in the Soviet Thought. Oxford: Basil Blackwell, 1988.

Nelkin 2001 – *Nelkin D.* Molecular metaphor: the gene in popular discourse // Genetic Nature Reviews. 2001. Vol. 2. № 7. P. 555–559.

ЯЗЫКИ НАЦИИ*

Мой исследовательский и общественно-политический опыт подсказывает, что в странах со сложным этническим и языковым составом населения проблемы и кризисы возникают там и тогда, где и когда государство и институты гражданского общества не могут предложить адекватную формулу национальной идентичности, выстроить саму государственность под сложный состав населения, а не переделывать «народ под государство», выработать позитивную программу и механизмы обеспечения этнокультурного развития, не умеют предотвращать и разрешать противоречия и конфликты. Поэтому в качестве желаемой цели говорить следует не только о «дружбе народов», а о «дружном народе», когда групповые и регионально-местные различия составляют единое целое, когда разные традиции, языки и верования обогащают друг друга, составляют сложное сообщество на основе общегосударственной идентичности, общих историко-культурных ценностей, совместно пережитых драм и достижений.

Сходные условия-цели касаются всего мира. Российский опыт и научные разработки могут использоваться во многих странах, но и для России полезно само осмысление вне изоляционистской парадигмы, особенно если учесть дебаты вокруг полиэтничности и политики мультикультурализма, а также жгучую проблему совместимости последователей христианства и ислама в рамках одного государства. Несмотря на множество научных трудов и практик, без должного ответа остается ряд важнейших вопросов: в какой мере этнокультурное, расовое, языковое и религиозное разнообразие государства способствует или мешает его стабильному существованию и развитию? В какой мере государство должно выступать спонсором или противником подобного разнообразия? Что обещается миру – всеобщее культурное перемешивание, сопровождаемое конфликтом жизненных устоев и ценностей, или национальные государства, в которых политические (гражданские) нации сохраняют фундаментальную значимость, но будут переосмысливаться в пользу собственной культурной сложности?

*Вестник российской академии наук, 2016. Том 86. № 4.

Статья подготовлена в рамках проекта Российского государственного научного фонда № 15-31-11109 «Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности в развитии российского общества».

16 мая 2013 г. американская газета «Вашингтон пост» опубликовала материал под названием «Карта самых многоэтнических и самых моноэтнических стран мира». Речь шла о научном проекте, выполненном группой социологов Гарвардского института экономических исследований на основе национальных переписей населения, энциклопедий, базы данных ЦРУ, изданного Институтом этнографии АН СССР в 1964 г. «Атласа народов мира», а также исследования 1998 г. «Этнические группы мира» [1]. Авторы «обсчитали» 650 этнических групп в 190 странах. Степень «этнической фрагментации» измерялась степенью разницы в ответах на вопрос об этнической принадлежности. В итоге были составлены таблицы корреляций, и на их основе американские коллеги сделали, на мой взгляд, как тривиальные, так и спорные выводы.

Авторы считают, что наиболее гомогенные в этническом плане – страны Европы и Северо-Восточной Азии, среди которых самые моноэтнические – Япония и Корея. Здесь этничность и национальность почти совпадают. Посередине располагаются страны Америки. Они достаточно полиэтничны, кроме Чили и Аргентины. Самые полиэтничные – африканские страны. Наиболее высокий индекс «этнической фрагментации» – в Уганде, за ней идет Либерия. Ближний Восток – разный, но в целом полиэтничный. Россия со своей, как представляется, «уникальной многонациональностью» находится где-то в третьем десятке. Конфликты, по мнению авторов проекта, имеют место чаще в многоэтнических странах, но их причиной может быть и бедность, ибо этническое разнообразие коррелирует с низким уровнем развития. Богатые страны более моноэтничны, сильная демократия тоже больше коррелирует с моноэтничностью. Наличие многих этнических сообществ в фрагментированных обществах накладывает ограничения на политическую свободу из-за стремления одних групп обеспечивать контроль над другими. Существование культурно различающихся групп требует собственных лидеров, манипулирования, лоббирования, а политики часто используют фрагментацию для мобилизации «своих» или для исключения «других». В моноэтнических обществах управлять демократическим путем легче в связи с меньшим числом конфликтов. Главный вывод проекта состоял в том, что этническая и языковая фрагментация коррелирует (чем выше индекс фрагментации, тем хуже показатели) с экономическим развитием, социальными условиями и качеством институтов управления. Однако, по признанию авторов, убедительных закономерностей выявить не удалось [2–4].

В чем-то с этими выводами можно согласиться, но в главном мы расходимся: *разнообразие – это в большей степени ресурс, а не источник риска, стабильность и развитие не имеют прямой корреляции со степенью этноязыковой фрагментации населения.* Точно также обстоит дело и с уровнем демократии. Моноэтничность

ряда стран сложилась в результате дискриминации и даже насилия с целью обеспечения этнической «чистоты» некоторых наций. А, скажем, судьбы 15 государств бывшего СССР, от моноэтничных Армении и Туркменистана до самой полиэтничной Российской Федерации, никак не совпадают ни с показателями их экономического развития (душевой доход от ВВП) и демократичностью устройства, ни с наличием или отсутствием конфликтов. Стабильность и согласие разных обществ определяют другие факторы и обстоятельства, без жесткой корреляции с числом и обликом входящих в то или иное общество культурно отличительных групп. Само этническое и языковое разнообразие во многих случаях есть историческая данность для многих государств, которая имеет собственную динамику, в чем-то подвижную, а в чем-то не меняющуюся десятилетиями. Что происходит с этим разнообразием в тех или иных странах, и прежде всего в России?

Миф о вымирании языков. В 1996 г., а затем двумя новыми изданиями в 2001 и 2010 гг. ЮНЕСКО опубликовала «Атлас языков мира, находящихся в опасности», в котором из существующих на планете 6 тыс. языков исчезающими были объявлены 2,5 тыс. В последнем издании утверждалось, что после 1950 г. исчезли 230 языков. Находящимися под разной степени «угрозой исчезновения» были названы и 116 языков на территории Российской Федерации. В атласе указывалось, какие языки умирают бесповоротно, каким угрожает исчезновение и какие находятся в опасном положении. Среди исчезающих языков значились все языки малочисленных народов Севера и Сибири, удмуртский, калмыцкий, языки народов Северного Кавказа; среди находящихся в опасности – 20 языков, в том числе чеченский, тувинский, белорусский.

Публикация атласа явилась итогом многолетнего проекта, с которого началась международная кампания за сохранение языкового разнообразия в мире. ЮНЕСКО приняла несколько нормативных документов: Всеобщую декларацию культурного разнообразия, Конвенцию по сохранению нематериального культурного наследия, а также Рекомендации по распространению и использованию многоязычия, принятые на Генассамблее ЮНЕСКО в 2003 г. По проблемам сохранения языков, языковой политики и языковых прав состоялись многочисленные публичные акции и научные обсуждения. Выводы инициаторов и участников кампании оказались неутешительными: к концу нынешнего века в мире останется всего несколько сот языков, остальные исчезнут. Рекомендации были разными, но главное – изучение и документирование умирающих языков, поддержка их преподавания и использования, противодействие дискриминации носителей малого языка, особенно тех,

для кого он является основным или единственным языком знания и общения. В целом эта кампания сильно подействовала на научное сообщество, и уже во многих трудах, обобщающих мировые процессы, авторы приводят в качестве неоспоримых такие постулаты: «В XXI веке, как ожидается, исчезнет до 70% существующих языков. А через пару столетий выживут 500–600 языков. Каждые две недели один язык становится мертвым. То есть в год умирает 24 языка, и так будет продолжаться дальше... Для того чтобы язык сохранялся, количество его носителей должно превышать 100 тыс. человек. Сегодня исчезающими считаются 400 языков» [5, с. 27].

Стремление сохранить языки малочисленных народов как часть мирового культурного наследия, конечно, похвально. Тем не менее в этом вопросе ЮНЕСКО и авторы проекта оказались в плену кабинетно-романтических и политизированных представлений о языке, его роли в жизни современных людей, обществ и государств. Здесь проявилась недостаточная осведомленность составителей мировых атласов языков о реальной языковой ситуации в разных странах и регионах. Плохую услугу оказал своего рода языковой этнонационализм, когда вопросы статуса и использования языков становятся частью борьбы за самоопределение, за власть и другие ресурсы, а также средством подавления одних культурно-отличительных групп и доминирования других.

Что касается российской ситуации, то ее анализ и рекомендации выглядят поверхностными и политизированными. Отметим, что материал по России готовился с участием отечественных специалистов, в основном социолингвистов. В середине 1990-х годов они подготовили «Красную книгу» языков Российской Федерации, в которую занесли по примеру исчезающих видов животных и растений более половины бытующих в нашей стране языков. О неизбежном вымирании языков сибирских народов и народов Кавказа писали разные путешественники и некоторые ученые еще в конце XIX – начале XX в. [6–8], но, по крайней мере, в XX в. языки в России не исчезали, за исключением двух-трех диалектных вариантов миноритарных языков. Изучавшая этот вопрос Е.А. Пивнева пришла к выводу, что дискурс о «вымирании» северных аборигенов на всех исторических этапах носил в большей мере эмоционально-политический характер, хотя сокращение их численности, эпидемии и бедственное положение со здоровьем и медобслуживанием действительно имели место [9]. Рост численности некоторых групп в последние десятилетия связан не только с улучшением условий жизни, но и со своего рода «обратной ассимиляцией», то есть переходом в эту категорию лиц, некогда утративших свою идентичность или имеющих смешанное происхождение. Это происходит благо-

даря законодательным и другим преференциям, которые получили коренные малочисленные народы Российской Федерации.

Тем не менее языковая мозаика мира не остается неизменной. В свое время на смену огромному числу разных вариантов языков (диалектов) приходили стандартизированные литературные языки, что, безусловно, было позитивным явлением и необходимым моментом становления централизованных государств современного типа, а также развития индустриальной экономики и урбанизации. Так, диалект региона Иль-де-Франс стал основой для французского литературного, а московский вариант русского (тогда он назывался российским) – основой стандартного варианта русского языка. Конечно, в ходе колонизации территорий Сибири и других регионов империи могли исчезнуть варианты аборигенных языков, но едва ли можно согласиться, что 100 лет тому назад в этом регионе бытовало значительно большее число языков. Отечественные переписи населения, начиная с 1897 г. и вплоть до последних, дают сходный перечень языков, хотя их названия менялись вместе с изменением номенклатуры этнических групп и их консолидацией в так называемые «социалистические нации и народности». Что действительно изменилось в России, так это сузилась сфера бытования малых языков, сократилась численность знающих и говорящих на языке, произошел переход значительной части, если не большинства, представителей малочисленных народов на русский язык. Применительно к народам Севера Н.Б. Вахтин назвал это «языковым сдвигом» [10]. Я предпочитаю более определенное название – *языковая ассимиляция в пользу русского языка*. Возможно, в какие-то моменты и в каких-то местах использовались методы принуждения, но в целом это был добровольный выбор в пользу более мощного и более важного для жизни языка коммуникации в нашей стране. В одних регионах (прежде всего Дагестане и Поволжье) этот процесс был вызван необходимостью преодолевать чрезмерное языковое разнообразие через утверждение единого языка общения, в других – языковая ассимиляция (или русификация) происходила под воздействием развития экономики, образования, роста городов, миграции населения.

Неадекватное отношение к языковым проблемам проявилось и в период позднесоветской и постсоветской либерализации. Как отмечает В.М. Алпатов, «в годы перестройки и в первые постсоветские годы по всей территории современной России распространились представления, согласно которым функционированию малых языков мешала лишь «тоталитарная система», а смена строя может привести к их «возрождению», как тогда говорили. При этом под «возрождением» часто имелось в виду приобретение языком функций, которых он ранее не имел или имел как раз в начале советского

периода. В пылу борьбы не учитывался реальный опыт стран, общественный строй которых принимался за образец» [11]. Но в этот период на территории бывшего СССР, включая Россию, в языковой сфере шел другой важный процесс, а именно «национализация» языков бывших советских меньшинств, которые обрели полную государственную независимость или же через «парад суверенитетов» получили более высокий статус в рамках обновленного российского федеративного устройства.

Я назвал свою статью «Языки нации», что есть некая ревизия, поскольку под национальным языком обычно понимают язык этнической общности, а два или три языка у одного народа – большая редкость (мордва и марийцы в России). Несколько иной смысл в это понятие вкладывают энтузиасты национального государства на основе одной доминирующей этнической общности. Они понимают национальный язык вполне корректно – как государственный язык, но само государство объявляется исключительной собственностью доминирующей этнонации. Делиться языком – важнейшим капиталом и символом суверенной титульности – данная этнонация с другими аналогичными, но численно меньшими группами внутри одного государства никак не желает. К сожалению, на пространстве бывшего СССР все государства, кроме России, Белоруссии и Казахстана, следуют именно этому варианту.

На мой взгляд, «язык нации» – понятие условное, оно употребляется как язык (или языки) доминирующего большинства или значимых этнических групп, которые становятся языком институтов государства – нации, от армии и правосудия до технических регламентов и массовой культуры. Другими словами, это чаще всего и есть государственный язык, если таковой объявлен в государстве. Язык нации в его единственном варианте применительно к человеческой общности политико-гражданского и даже этнокультурного типа – чаще всего националистическая утопия. Она не соотносится с языковой ситуацией в реальной жизни, которая почти всегда многоязычна и которую многим хочется упростить, подогнать под свой собственный язык. Что же касается государства и его институтов, то здесь действует и оправдала себя мировая практика конституирования одного или двух государственных языков, на которых общается не только бюрократия, но и большинство населения. В России таким языком является русский, в Китае – китайский (ханьский с его шестью диалектами), в Японии – японский, в США – английский, и т.д.

Но так происходит далеко не везде. Единственный государственный язык лучше всего принимается населением, когда явное большинство граждан относится к одной языковой общности или

когда такого большинства нет вообще. В последнем случае на роль государственного языка претендует язык элиты, доставшийся, как правило, от колониальной системы (например, английский язык в Индии), который используется в таком статусе. Кстати, в Индии к государственному английскому со временем был добавлен второй государственный – язык хинди с диалектами как язык наиболее многочисленной и доминирующей языковой общности (на нем говорят более 400 млн человек, или 41% населения).

Если в стране есть демографически и культурно вторая значимая языковая общность, претендующая на равенство в статусе наряду с первой, то здесь бесконфликтный вариант заключается в официальном двуязычии (Канада, Бельгия, Финляндия и др.) или трехязычии (Сингапур). Случаи официального четырехязычия на уровне страны крайне редки (Швейцария). В регионах некоторых стран их может быть и больше (14 официальных языков в Дагестане, 11 официальных языков в канадской провинции Северо-Западные Территории).

Я считаю, что для гражданской нации важно иметь языковое единство, но это условие не является обязательным. Для двухобщинных государств лучший вариант – установление двух государственных (официальных) языков. Борьба за официальное двуязычие бывает долгой и упорной (как в Канаде и Бельгии), иногда выливается в открытые конфликты (как в Шри-Ланке и Украине), но, судя по мировому опыту, итогом всегда становится признание официальным не только одного языка. Представляется, что на пути признания официального двуязычия сейчас находятся несколько стран, среди которых США (английский и испанский), Украина (украинский и русский), Казахстан (казахский и русский).

Государственный язык – особая забота власти и общества, ведь это не только язык большинства, но часто та или иная страна является единственным на Земле местом, где данный язык имеет такой статус и где его существование гарантировано в конкурентном мировом порядке. Именно поэтому односторонняя увлеченность сохранением многоязычия, и прежде всего малых языков, вступает в противоречие с интересом ныне существующих гражданских наций обеспечивать свое языковое единство и защищать статус «больших» (доминирующих) языков. Подобная увлеченность может идти вразрез с частными предпочтениями семьи и личности, интересы которых больше заключаются не в сохранении «языка предков», а в конкурентном владении доминирующим в стране языком. Современный мир и наука пребывают в поиске своего рода баланса: как сочетать языковую централизацию и обеспечивать на ее основе общегражданскую идентичность с необходимостью и потребно-

стью части граждан той же страны сохранять языки своих этнических сообществ (этнонаций). Баланс между языком большинства и языком меньшинств не найден до сих пор во многих странах. Есть проблемы и в России.

Прежде всего следует уточнить такие фундаментальные категории с чрезмерной эмоционально-символической нагрузкой, как «родной язык» или «национальный язык» в смысле «язык своей национальности». В современной науке нет удовлетворительного определения этих понятий, как и не существует общепринятого мнения, что у человека должен быть родной язык и что это может быть только один язык. В России также сохраняются упрощенные взгляды. Например, как полагает Е.О. Хабенская, «родной язык» – это язык той этнокультурной общности, с которой ассоциирует себя индивид, то есть, строго говоря, «материнский язык» [12]. Такой же позиции придерживаются отечественная наука и общественная практика [13; 14, с. 157; 15]. Особо рьяно ее защищает титульная общественность в российских республиках, а также представители таких дисциплин, как этнопсихология [16].

Наиболее близкая мне позиция заключается в том, что «материнский язык – не обязательно родной, родной язык – не обязательно первый» [10, с. 46]. Однако этой констатации недостаточно. До сих пор многие считают, что родным следует считать язык матери [17], что не может быть двух родных языков, как не может быть двух матерей. Например, по словам В.Е. Костомарова, «выученный язык... может стать в жизни человека важнее родного, который, однако, и при забвении остается матерью, пусть и менее любимой, чем мачеха» [18, с. 11]. На самом деле в жизни дело чаще всего обстоит далеко не так: родным становится язык основного знания и общения, а первый выученный или слышанный от матери язык никаких особых предрасположений не имеет.

Язык – не только один из столпов культуры, этнической идентичности, групповой солидарности. Не менее важно, что это инструмент гражданского нациестроительства. Язык и языковая политика могут быть причиной межэтнической, социальной и иной напряженности и даже открытых конфликтов, а адекватная языковая политика – одно из условий обеспечения национальной безопасности государств со сложным (в том числе многоязычным) составом населения. Язык в прошлом и еще в большей степени сегодня является средством идеологического и политического воздействия (индоктринации), межгруппового и межгосударственного доминирования и соперничества, сферой особой государственной ответственности вплоть до законодательного регулирования. В то же время язык, его формы и варианты, выбор и владение им, сферы

Таблица 1

Число языков в странах мира

Число языков в стране	Число стран с таким числом языков	% по отношению к общему числу стран
1	6	4
2	22	14
3–5	27	18
6–10	24	16
11–50	46	30
более 50	28	18

Источник. Fasold R. The Sociolinguistics of Society: Introduction to Sociolinguistics. V 1. Oxford UK; Cambridge, USA: Blackwell, 1995 (1984).

употребления, языковое общение – это одно из фундаментальных прав человека, одна из важных гражданских свобод, которая гарантируется конституциями, законами страны и ее отдельных образований, а также системой международных деклараций и хартий. Здесь также проявились новые тенденции, например, о праве на языковую ассимиляцию как столь же фундаментальном праве, как и право на сохранение и использование языка.

Наконец, можно и нужно говорить о равноправии языков, но не о равенстве. Существует особая иерархия, высшее место в которой занимают так называемые мировые языки (top world languages), куда входит и русский. При этом имеют значение не только число носителей языка, но и созданный на нем культурный капитал, а также общественно-политическая роль, которую этот язык играет прежде всего благодаря влиянию государств, где он признан государственным, а вместе с тем и одним из официальных языков международного общения.

Между мировыми языками происходит глобальное соперничество. Сегодня наблюдается мировая экспансия английского языка как языка политического и делового мира, науки и массовой культуры, информации и коммуникации. В такой ситуации роль русского языка в нашей стране обретает новый аспект: он *становится защитным барьером для малых языков*, носители которых овладевают русским, а не английским языком в качестве второго языка, оставаясь в родной(!) языковой среде со своими соплеменниками, которые также им владеют.

Языковая картина мира: новые тенденции. Одно из фундаментальных проявлений культурной сложности современных наций – языковое разнообразие населения государств мира. Разнообразие возникло не сегодня: оно существовало с момента появления ранних государственных образований и формирования централизованных и современных государств. Например, население Древнерусского государства, Московского царства, Российской империи и СССР говорило на разных языках [19, 20]. Попытки нациестроителей современных государств с момента Вестфальской системы и Французской революции уничтожить «диалекты» и сделать только один язык языком нации редко где завершались успехом. Во Франции, помимо большого числа диалектов французского, на протяжении всей ее истории сохранялись бретонский и корсиканский языки, в Великобритании возрождаются гэлльский и уэльский языки, не говоря уже о шотландском и ирландском диалектах английского. В США, несмотря на жесткую ассимиляционную доктрину «плавильного котла», всегда сохранялись языки основных стран эмиграции, индейские языки, а после аннексии в середине XIX в. мексиканских территорий к югу от Рио-Гранде в стране оказались и миллионы испаноговорящих граждан.

Лингвист Р. Фэйсолд приводит таблицу языкового разнообразия государств мира (табл. 1), которая составлена на основе данных о так называемом автохтонном, в лучшем случае, или о постоянном населении к началу 1980-х годов, когда проходил очередной цикл всеобщих переписей населения. С тех пор ситуация существенно изменилась.

В последние 30 лет шли процессы не только языковой ассимиляции и исчезновения языков малочисленных групп, но и ревитализации языков, укрепления правового статуса региональных языков и языков национальных меньшинств. В странах Европы и Америки, в азиатских государствах, а также странах бывшего СССР, включая Россию, успешно осуществлялись научные и общественные инициативы по сохранению языкового разнообразия и внедрению преподавания малых (миноритарных) языков [21]. Мир переживал скорее языковой ренессанс, чем массовое вымирание языков, которое предполагали некоторые эксперты и общественные активисты.

В постсоветских государствах произошло масштабное «возвращение» языков больших и некоторых малых народов во все сферы жизни, а также обретение языками новых «титulyных»* этнонаций

*Термин «титulyный» (для замены термина «коренной») употребляется применительно к этническим общностям (этнонациям), названия (этнонимы) которых используются в наименовании государств и внутренних этнотерриториальных автономий (в России это республики, автономные области и округа), а также тех групп, языки которых признаны государственными, но в названиях (титулах) не отражены (абазины и ногайцы в Карачаево-Черкесии, народы Дагестана).

более высокого статуса прежде всего через систему конституционных положений и законодательства о языках [22, 23]. Правда, далеко не везде это означало усложнение языкового состава населения новых государств. Языковой национализм новых титульных наций укреплял позиции новых государственных языков за счет сокращения сфер употребления русского языка и уменьшения численности русскоязычного населения. Для этого процесса были некоторые оправдательные аргументы, ибо языковая русификация в бывших союзных республиках (чаще всего по инициативе местных руководителей) существенно потеснила позиции языков крупных советских наций (в Киеве, Ташкенте, Алма-Ате и в других республиканских столицах звучал в основном русский язык). При этом в союзных республиках наблюдался также расцвет языкового творчества через профессиональную культуру и науку. Так называемое национально-русское двуязычие становилось почти всеобщей нормой советских людей нерусской национальности [24–26].

В годы перестройки и после распада СССР укрепились прежде всего позиции новых государственных языков, а в ряде случаев, вопреки официальной политике, и языков отдельных меньшинств (польского, русинского, венгерского на Украине, каракалпакского в Узбекистане, узбекского в Киргизии, гагаузского и цыганского в Молдове и т.д.). Некоторые этнополитические конфликты сепаратистского характера имели сильную языковую составляющую, что в итоге привело, например, к укреплению позиций абхазского и осетинского языков в частично признанных государствах Абхазия и Южная Осетия. В Грузии оживилось движение за укрепление позиций сванского и мингрельского языков. В России почти все языки крупных нерусских народов обрели официальный статус на региональном уровне.

Именно в эти 30 лет происходил масштабный миграционный обмен населением, особенно по линии юг – север, когда в Европу и Северную Америку переселились и там укоренились, в том числе и с языковыми правами, новые этнические группы иммигрантов. К категории принимающих стран и стран с усложняющимся этноязыковым составом населения относятся все государства Западной Европы и Северной Америки, Австралия и некоторые государства Азии (Малайзия, Сингапур). К странам с усложнившимся этноязыковым составом населения относится и Российская Федерация, ставшая после 1991 г. второй в мире принимающей мигрантов страной после США [27]. Таким образом, предложенная Р. Фэйсолдом таблица должна быть скорректирована в сторону увеличения числа многоязычных и уменьшения числа моноязычных государств. Другими словами, все современные нации мира многоязычны.

Это – важный вывод. Он влечет за собой коррекцию такого распространенного в отечественном обществознании понятия, как «национальный язык», или «язык нации» [28, с. 325, 326; 29, с. 34–36]. До сих пор данная категория использовалась преимущественно в отношении этнических групп, которые часто действительно оформляются как сообщества по языковому сходству. Но, во-первых, есть этнические общности, которые оформляются не по принципу языкового различия (например, в арабском или испаноязычном мире), а есть, которые имеют более одного языка, но воспринимают себя (или воспринимаются внешним окружением) как одна группа. Во-вторых, для большинства нерусского населения России основным языком знания и общения, то есть *первым языком* (термин, который может быть предложен как аналог понятия «родной язык»), является русский язык, а не язык, совпадающий с этнической идентичностью индивида. Аналогичная ситуация сложилась и среди коренных народов Нового Света, говорящих в подавляющем большинстве на английском, французском, португальском или испанском языках, за исключением некоторых арктических групп Канады, индейских общин Амазонии и аборигенных народов Центральной Америки (индейцы Гватемалы и мексиканского штата Чиapas).

Поскольку в мировой науке и в общественной практике отсутствует категория «национальный язык» («national language») и поскольку как политические, так и этнические нации отличаются многоязычным составом, данное понятие целесообразно заменить более адекватным хотя бы в научном и правовом языке. В отношении наций-государств (гражданских или политических наций) операциональными являются понятия «государственный язык» и «официальный язык», а в отношении этнических групп существуют понятия «этнический язык» или «язык национальности» (последнее – как компромиссный вариант, учитывающий отечественную практику использования термина «национальность»). Такой подход лучше учитывает мировую тенденцию языковых процессов и международную социолингвистическую и антропологическую терминологию.

О роли федерализма и статусе языков в России. Принцип федеративного устройства государств, а тем более федерализма с этнической асимметрией, когда некоторые федеративные составляющие (регионы, штаты, провинции) имеют статус этнотерриториальных автономий, многими критикуется. Особой критике подвергается «этнический федерализм» в России [30]. При этом часто звучат заявления, особенно со стороны шовинистически настроенных политиков, что этнические республики как субъекты Федерации с некоторыми особыми правами и статусом являются неудачным

наследием советского режима и что это положение должно быть исправлено через упразднение республик или же их радикальную реорганизацию с учетом демографии и ареала проживания представителей той или иной национальности. На этот счет у меня есть существенные возражения.

Этнический федерализм (крайне условный термин) не является сугубо советским изобретением. Все крупные страны с культурно сложным населением являются федерациями, а их внутренние административные границы учитывают этнический или языковой фактор (кроме США и Германии). В некоторых странах давно и успешно существуют внутренние этнотерриториальные автономии в виде районов или округов (в Китае), кантонов (в Швейцарии), федеративных округов (в Бельгии), провинций (в Испании и Канаде) и т.д. Почти все эти образования имеют особый статус, по крайней мере, особый языковой статус (например, закон о французском языке в Квебеке или статус каталанского языка в статуте испанской провинции Каталония и баскского языка в конституции провинции Страна басков) [31]. Кроме того, в царской России также был накоплен исторический опыт внутренних автономий и языкового регулирования, а советский опыт национально-государственного строительства был признан мировым сообществом и зарубежными специалистами как один из успешных вариантов обеспечения этнокультурного и языкового развития многоэтничного населения крупного государства [32–36].

С образованием новой России старый федерализм с республиками и автономными областями и округами обрел новое содержание, но его суть осталась: это форма внутреннего самоопределения для большинства нерусских народов, сохранивших более или менее компактные ареалы проживания и отдельные традиции государственности или самоуправления [37]. Довольно существенные новации были внесены и в постсоветскую языковую политику по части правового статуса нерусских языков после придания русскому языку статуса общегосударственного. По региональному (республиканскому) законодательству 35 языков обрели статус официальных языков в республиках даже тогда, когда говорящие на них этнические группы не составляли большинства населения, а в ряде случаев были своего рода «двойными меньшинствами» (меньшинством среди преобладающих групп региона, как, например, в Адыгее, Башкирии, Карелии, автономных округах). Это сыграло важную роль в сохранении языкового разнообразия и обеспечении межэтнического мира и стабильности в России. Большинство носителей нерусских языков в современной России имеет возможность изучать свой язык и обучаться на нем, а также получать государственные

услуги и информацию на территории российских республик, автономных округов и в крупных городах страны. Это важный аргумент в пользу сохранения нынешнего российского федерализма, включая существование республик и автономных округов.

Языковая ситуация в нашей стране имеет некоторую специфику прежде всего по части ее экспертного и политического оформления. Многие россияне (около четверти населения) родились и выросли в этнически смешанных семьях и часто владеют в равной мере языком матери и отца; многие, вырастая в одной языковой среде, затем, во время учебы, воинской службы, работы и т.д., оказываются в другой среде. Поэтому два или три языка используют миллионы наших соотечественников. По данным переписи населения 2010 г., жители России владеют 230 языками, из которых 170 – языки российских национальностей или их отдельных групп. У марийцев и у мордвы по два отдельных языка, у андо-цезских народов, входящих в аварскую нацию, около дюжины сохранившихся языков. Есть так называемые одноаульные языки, когда одно-два горных селения в несколько сот человек веками сохраняют свой «сельский» язык и при этом владеют языками более многочисленных групп, а также русским языком. Среди малочисленных северных народов есть языки, на которых говорят сегодня всего десятки человек. Однако в переписном списке языков, которыми владеют жители страны, включены языки временных жителей, а также языки, которые изучают те или иные профессионалы и любители. Так, в списке присутствуют африканские и прочие экзотические для российского населения языки, не имеющие отношения к языковой ситуации. Но даже уменьшенная на 50–60 языков цифра требует критического анализа. Рост численности этнических категорий населения России (128 в 1989 г., 157 в 2002 г. и 193 в 2010 г.) был вызван не только более свободным волеизъявлением по части этнокультурного самоопределения, но и групповым этническим лоббированием, увеличением числа иммигрантов и коррективами в проведении и публикации материалов переписи [39]. В итоге в списке российских народов, или «этносов», присутствуют те, которые не обладают отдельным языком, если только его в спешном порядке не изобретают этнические активисты или эксперты-романтики (речь идет, например, об ассирийцах, бессермянах, казаках, камчадалах, кряшенах, поморах, сойотах, черкесо-гаях и других). Кроме того, имеет место фактическая утрата знания языка, особенно ассимилированными потомками давних переселенцев или автохтонных жителей российского государства (например, присутствующими в списке российских народов голландцами, датчанами, российскими немцами, шведами, французами, японцами). Их далекие предки перешли на

русский язык, а старые языки были забыты. По нашим оценкам, в Российской Федерации бытует около полутора сотен языков, но и это, конечно, много. Отсюда потребность в лингвистических исследованиях и в более адекватной языковой политике.

По моему мнению, среди языков под угрозой исчезновения нет большинства тех российских языков, которые названы в Атласе ЮНЕСКО. Чеченский, якутский, тувинский, бурятский и другие – это мощные языки со своей письменностью, литературой, фольклором и даже с местной бюрократией по обеспечению «национального языка» и «национального образования» в соответствующих республиках. Более того, на основе данных переписи 2010 г., можно выделить категорию мажоритарных этничностей и языков (30 групп с численностью более 50 тыс. человек) – это народы, которые имеют этнотерриториальные автономии и языки которых получили официальный статус наряду с русским государственным.

Данные переписи населения 2010 г. свидетельствуют, что степень владения языком среди нерусских народов, имеющих этнотерриториальные автономии в виде республик, высокая: от 37% у карел до 99% у чеченцев от численности проживающих в республиках титульных групп. Число носителей этих языков достаточно большое: от 17 тыс. у карел и 38 тыс. у хакасов до 1.2 млн у чеченцев. Степень сохранности и использования языка определяется не только демографией (чем больше группа, тем выше среди нее процент знающих этнический язык), но и характером расселения. *Чем менее дисперсна группа и чем выше ее доля в населении «своей» республики, тем лучше владение, шире использование и благополучнее положение нерусского языка. Решающее воздействие на языковую ситуацию оказывают сам факт существования автономии и конституционное признание официального статуса языка (или нескольких языков) наравне с русским.*

Далеко не последнюю роль играет и исторический фактор, а именно: насколько давно произошла интеграция территории основного проживания этнической общности в состав Российского государства и насколько масштабно было присутствие русских и русскоязычных на территории республики. Например, дисперсно расселенная и 400 лет тому назад интегрированная (в том числе обращенная в православие) в состав России мордва разительно отличается от чеченцев и аварцев, которые вошли в состав Российской империи гораздо позднее, расселены более компактно, поголовно исповедуют ислам, среди них гораздо выше рождаемость. В прошлом десятилетии аварцы и чеченцы оказались в первой десятке самых многочисленных национальностей страны, сохранив компактное проживание на территории своих республик. Степень

владения этническим языком среди этих двух да и других народов Северного Кавказа очень высокая (от 70% у адыгейцев до 99% у чеченцев, проживающих в соответствующих республиках). Даже 14 лет коллективного изгнания и ликвидация автономий не изменили языковые установки представителей чеченцев и других этнических групп, подвергшихся сталинским депортациям. В то же время депортации и проживание за пределами исторической малой родины способствовали и высокой степени владения русским языком народов Северного Кавказа [40]. В этом отношении они не уступают, казалось бы, более интегрированным с исторической и конфессиональной точки зрения нерусским народам Поволжья и Сибири. Иначе говоря, среди мажоритарных национальностей существуют этнические общности, которые фактически почти целиком являются двуязычными. На первом месте здесь аварцы и чеченцы. В эту же группу входят даргинцы, лезгины, карачаевцы, балкарцы, осетины, черкесы, кабардинцы и другие. Примечательно, что двуязычие у большинства северокавказцев не в пользу этнического языка: число владеющих русским выше, а если считать тех, кто живет за пределами «своих» республик, то его знание и использование заметно выше, чем языка своей национальности. Например, среди дагестанских чеченцев (аккинцев) 64,6% владеют чеченским языком и почти 100% – русским.

Несколько ниже уровень владения этническим языком среди народов Поволжья и Сибири (кроме тувинцев, татар и якутов: 96,7, 92,4 и 86% соответственно). Самые обрусевшие в языковом отношении после карел – калмыки, удмурты, мордва. Но и среди этой части мажоритарных групп носителей этнического языка десятки тысяч, и об угрозе исчезновения этих языков речи быть не может. По крайней мере, это не случится в среднесрочной исторической перспективе.

К сожалению, действующий формат вопроса в российской переписи не предполагает выявление уровня знания языка и сфер его использования. На ответы могут влиять личное представление о том, что значит владеть языком, внутренние и внешние морально-идеологические установки по отношению как к языку своей национальности, так и к русскому языку. И все же данные переписи остаются всеохватными и в целом достоверными, хотя требуют критического анализа и знания процедуры переписи [41].

Проблемы малых языков. В таблице 2 представлены 60 миноритарных групп (менее 50 тыс. человек) и зафиксированное переписью 2010 г. число носителей этнического языка. Эти данные требуют коррективов относительно некоторых малочисленных народов Дагестана. Аварское и даргинское доминирование в Дагестане

Таблица 2

Миноритарные языки и этнические группы РФ (менее 50 тыс. человек)

Этничность	Численность	Число знающих этнический язык	Этничность	Численность	Число знающих этнический язык
Абазины	43341	37831	Ороки*	295	47
Алеуты*	482	45	Орочи*	596	8
Андийцы	11789	5800	Рутульцы	35240	30360
Арчинцы	12	970	Саамы	1771	353
Ахвахцы*	7930	210	Селькупы	3649	1023
Багулалы	5	1447	Сойоты*	3608	Нет данных
Бежтинцы	5958	6072	Тазы*	274	Нет данных
Ботлихцы*	3508	206	Таты	1585	2012
Вепсы	5336	3613	Теленгиты	3712	Нет данных
Водь*	64	68	Телеуты	2643	975
Гинухцы*	443	Нет данных	Тиндалы*	635	Нет данных
Годоберинцы*	427	128	Тофалары*	762	93
Гунзибцы	918	1012	Тубалары*	1965	229
Долганы	7885	1054	Удэгейцы*	1496	103
Ижорцы*	266	123	Ульчи*	2765	154
Ительмены*	3193	82	Ханты	30943	9584
Камчадалы*	1227	Пользуются ительменским	Хваршины	527	1737
Каратинцы*	4787	255	Цахуры	12769	10596
Кайтагцы*	7	Нет данных	Цезы/дидойцы	11683	12467
Кереки*	4	10	Чамалалы	24	19500
Кеты*	1219	213	Челканцы	1181	310
Коряки	7953	1665	Чуванцы*	1002	Пользуются юкагирским
Кубачинцы*	120	Нет данных	Чукчи	15908	5095
Кумандинцы*	2892	Нет данных	Чулымцы*	355	44
Манси	12269	938	Шорцы	12888	2839

Таблица 2 (окончание)

Этничность	Численность	Число знающих этнический язык	Этничность	Численность	Число знающих этнический язык
Нанайцы	12003	1347	Эвенки	37843	4802
Нганасаны*	862	125	Эвены	22383	5656
Ненцы	44640	21926	Энцы*	227	43
Нивхи*	4652	???	Эскимосы	1738	508
			Юги*	1	1
			Юкагиры	1603	370

* Языки, находящиеся под угрозой исчезновения.

проявляется и в том, что группы аваро-андо-цезских и лезгино-язычных народов включаются в качестве этнографических групп в состав аварцев или даргинцев. На протяжении нескольких советских переписей представители этих малых народов перезаписывались местными организаторами переписей или же люди сами называли себя аварцами или даргинцами, как бы отказываясь от своей малой группы [42]. Судя по двум постсоветским переписям, такая практика сохраняется в арсенале местной политики. Возьмем, к примеру, арчинцев, язык которых принадлежит к лезгинской языковой группе. В первой советской переписи 1926 г. было зафиксировано 863 представителя этой национальности, затем арчинцы исчезли. В 2002 г. арчинцами назвали себя 89 человек, в 2010 г. – 12 человек (причем проживающих за пределами Дагестана). Между тем, по данным дагестанских этнографов, численность арчинцев составляет около 5 тыс. человек [43, с. 283]. Становится понятным, почему почти 1 тыс. дагестанцев в 2010 г. показала знание арчинского языка. Конечно, необходимы меры по сохранению этого языка, в частности преподавание его в начальных классах школ в селах проживания арчинцев. Но следует также учитывать, что в условиях длительного совместного проживания и доминирующего в республике аварского языка арчинцы подверглись языковой аваризации. Многие из них владеют аварским или даже перешли на аварский либо на русский язык. Иными словами, знающие свой этнический язык арчинцы являются трехязычными, а утратившие его – двуязычными. Сложным является и их самосознание: в этническом плане арчинское и аварское, в региональном – они считают себя дагестанцами, в общегражданском – россиянами.

Еще один малый дагестанский народ андийской группы – багвалинцы (или багулалы). По переписи 1926 г. их было 3054 человека,

переписи 2002 г. – 40 и переписи 2010 г. – 5 человек (и опять за пределами Дагестана). Но последняя перепись показала, что знают этот этнический язык почти 1,5 тыс. дагестанцев. Ясно, что это автохтонные носители, а не выучившие язык ради любопытства некие чужаки. Следовательно, жив и язык, и соответствующая этническая общность. Багулалы сильно аваризированы в языковом отношении и, возможно, почти все предпочли назваться в переписи аварцами, если только над ними не было совершено некое административное насилие или идеологическое воздействие. Багулалы не являются «статусным» народом в республике, и в местных условиях всякое продвижение по жизни по этой причине может столкнуться с трудностями.

В таблице нет данных о носителях кайтагского языка, а относительно числа самих кайтагцев приводится цифра 7, хотя, по этнографическим и лингвистическим источникам, их число достигает 25 тыс. [43]. Почему нет сведений о числе владеющих этим языком – вопрос к статистическим органам республики. Кайтагцы и их язык не могли просто так исчезнуть с мировой карты. Совершенно необъяснимы приведенные в таблице данные, касающиеся чамалалов, компактно проживающих в Цумадинском районе Дагестана и в других районах республики, а также в Чечне. Специалисты считают, что численность этого народа составляет около 10 тыс., в том числе 7 тыс. проживают в Дагестане и 2 тыс. в Чечне [43, с. 222]. В переписи 2010 г. 19.5 тыс. человек указали, что владеют чамалинским языком. Почему только 24 человека назвали себя чамалинцами – вопрос скорее, не для научного анализа, а для анализа процедуры переписи. Аналогичная картина с хваршинами, народом цезской группы, численность которого, по оценкам этнографов, около 2.5 тыс. человек [43, с. 273], а в переписи указаны 527 человеки 1737 человек, владеющих хваршинским языком. Если представителей этой группы в реальности насчитывается хотя бы 2–3 тыс. и половина их знает свой этнический язык, то считать этот народ и его язык вымирающими опрометчиво. В переписи не указано число знающих тиндинский язык, хотя, по оценкам специалистов, число тиндалов (тиндинцев) – 8.5–10 тыс. [43, с. 214]. Налицо явное занижение численности тиндалов (635 человек), проживающих в основном в Цумадинском районе Дагестана. Таким образом, уникальная этническая и языковая мозаика Дагестана отягощена жесткими политическими установками и стремлением свести население к официально установленным 14 местным нациям, между ними и делятся властные позиции, престижные места и некоторые другие ресурсы. Происходит аваризация и даргинизация почти 20 народов, которым фактически отказано в признании в качестве

самостоятельных общностей. Этот процесс зашел далеко, но в языковой сфере предпочтительней остается трехязычие: местный этнический язык (его еще называют «сельским»), аварский или даргинский (последний для кайтагцев и кубачинцев) и русский язык.

Если вести речь о языках Дагестана, действительно находящихся под угрозой исчезновения, то это ахвахский, ботлихский, годоберинский, гинухский, кайтагский, каратинский, кубачинский, тиндальский. Носители остальных малых языков исчисляются сотнями и даже тысячами, и к категории исчезающих их языки отнесены быть не могут. Что касается 14 крупных народов Дагестана, которые пребывают вместе со своими языками в официальном статусе, можно говорить только о поддержке и развитии их языков, о гармоничном сочетании обучения и пользования ими наряду с общегосударственным русским языком.

Особая история – с малочисленными народами Севера и Сибири, которые в отличие от малых народов Дагестана имеют особый правовой статус, закрепленный федеральным законом «О государственной поддержке коренных малочисленных народов Российской Федерации». Следует признать, что около 20 языков этой группы находятся в критической ситуации из-за крайней малочисленности носителей языка и их преклонного возраста. К таким языкам только условно можно отнести алеутский (45 носителей), ибо этот язык знают еще около 450 алеутов США, где после принятия в начале 1970-х годов законов о правах аляскинских аборигенов введено двуязычное школьное обучение [44, с. 181], водский (68 человек, знающих язык), ижорский (123), камчадалский/ительменский (82), керекский (10 знающих при наличии 4 кереков), кетский (213), нганасанский (125), орокский (47), орочекский (8), тофаларский (93), тубаларский (229), удэгейский (103), ульчекский (154), чулымский (44), энский (43), юкагирский (370). Таким образом, 15 языков малочисленных народов Севера и Сибири пребывают в опасности, то есть состоянии возможного исчезновения, но зачислять все языки этой группы российских народов в категорию исчезающих было бы ошибкой.

Русский язык как язык гражданской нации. Каждая национальная (страновая) ситуация различается степенью распространения и использования языков, а также государственной политикой, которая проводится по отношению к языкам. В Российской Федерации с ее многообразием языков накоплен уникальный опыт «языкового строительства» в советский период и налицо постсоветские правовые и другие инициативы по признанию и поддержке больших и малых языков. И все-таки – когда можно говорить о *языке нации* не только как о государственном языке, но и как о языке всеобщего

знания и общения? Такая постановка вопроса в отношении русского языка в России вполне правомерна, чего, кстати, нельзя сказать о многих других странах с культурно сложным составом населения. Согласно переписи 2010 г., в России 99.4% постоянного населения владеют русским языком. Это свидетельствует о высокой степени ассимиляции в пользу русского языка и (или) о распространении двуязычия среди нерусских.

Некоторые политики и специалисты считают это явление негативным, своего рода предательством по отношению к языку своей национальности. Их аргумент: «умер язык – умер народ». Но есть право человека и право родителей на выбор языка для самих себя и для своего ребенка, который делается не просто из идеологических соображений или под влиянием эмоций, представлений, но и из практических, рациональных расчетов. Обычно выбирается язык, на котором говорит большинство жителей страны и который обладает официальным статусом, и потому, зная его, легче добиться жизненного успеха. Как пишет Е.И. Филиппова, «конкурировать с языком-кормильцем, языком «ремесла и хлеба», открывающим доступ к социальному росту и к лучшей, более обеспеченной жизни, сложно, если не невозможно» [38, с. 7]. Известно, что эмигранты из России если не первого, то второго поколения переходят на язык принимающей страны. Ревнителями сохранения «родного языка» это редко когда осуждается, более того, в отличие от аналогичной ситуации смены языка внутри собственной страны, рассматривается как норма языкового поведения.

В России доминирующим всегда был и остается русский язык. *Многоэтничный российский народ способен общаться на одном языке, и это можно назвать языковым единством российской нации, а русский язык – языком нации или национальным языком.* Во многих случаях это не просто владение русским языком, а полный или частичный переход на русский язык как второй родной или как единственный родной. Это важно знать и признавать как норму, а не как аномалию.

Благодаря преимущественно добровольному выбору в современной России нерусские народы используют русский язык в большей степени, чем язык соответствующей этнической принадлежности гражданина. Самый низкий уровень владения этническими языками – среди белорусов (24%), украинцев (35%), бурят (45%). Утратили знание этнических языков многие представители народов, которые давно пребывают в составе Российского государства и среди которых распространено православие. Это поволжские народы (мордва, марийцы, удмурты), из северокавказских групп самая большая языковая ассимиляция в пользу русского – у православных осетин, кабардин-

цев и адыгейцев. На русский язык в качестве первого языка перешли малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также представители тех национальностей, которые живут в городах (евреи, цыгане, российские немцы и другие).

Самое важное в проблеме смены языка в пользу русского – это добровольность и преимущества, которые получает гражданин, свободно владеющий им с самого детства. Здесь важно не только признать право на смену языка и на указание двух родных языков, но и поощрять русско-этнонациональное двуязычие. Признание права на родное двуязычие снимет напряжение и чувство неловкости, которое испытывают многие россияне, когда им приходится выбирать между родными для них языками отца и матери или просто между двумя в равной мере родными для них языками. Для России это особенно важно, ибо большинство нерусского населения владеет в равной степени русским и своим этническим языком или даже в большей степени русским. К сожалению, реальное распространение русского языка в качестве родного языка не находит должного отражения в переписях и в исследованиях.

Язык имеет огромное значение для государства и для того народа, который объединен под его суверенной властью. Государство – это прежде всего институты, бюрократия, армия, тексты законов, технические инструкции и т.д. Конечно, лучше, дешевле и даже безопаснее, если в государстве говорят на одном языке – языке большинства населения. Ясно, что армейские приказы и технические регламенты электростанций и реакторов должны быть изложены на одном языке. Язык демографического большинства, а в редких случаях язык политически господствующего меньшинства устанавливается в качестве государственного (официального) языка. В нашей стране по Конституции и по принятому в 2005 г. Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» им является русский язык, который находится под защитой в разных сферах его использования, в частности, в средствах массовой информации, коммуникации, рекламе, оформлении вывесок, документов. В законе говорится о «нормах современного русского литературного языка», о «правилах русской орфографии и пунктуации», о том, что порядок их утверждения определяется Правительством РФ. Трудности в этом вопросе связаны с пониманием языковой нормы, обязательностью ее применения, значимостью в жизни современного социума. На мой взгляд, необходимо сосредоточиться на соблюдении языковой нормы русского языка прежде всего в самой России. В странах СНГ и Балтии складываются свои, несколько отличительные национальные варианты русского языка [44], которые заслуживают признания и изучения.

Отечественная система языков представляет собой оригинальный вариант отечественной языковой хартии в отличие от евро-

пейской языковой хартии [45]. В целом в России сочетаются две выдающиеся языковые ипостаси. *С одной стороны, наша страна обладает уникальным, сохраняющимся и поддерживаемым государством языковым разнообразием, с другой стороны, несет перед миром и самой собой ответственность за свой национальный язык – русский, без которого невозможно представить мировую культуру и современную цивилизацию.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Moseley Ch.* Atlas of the World's Languages in Danger. 3 rd. ed. Paris: UNESCO Publishing, 2010.
2. *Alesina A., La Ferrara E.* Participation in Heterogeneous Communities // Quarterly Journal of Economics, 2000. V. 115. № 3. August. P. 847–904.
3. *Alesina A.F., Easterly W. et al.* Fractionalization // Harvard Institute Research Working Paper. 2002. № 1959. P. 17–18.
4. Arctic Languages. An Awakening / Ed. By D.R.F. Collins. UNESCO, 1990.
5. *Никонов В.А.* Современный мир и его истоки. М.: Изд-во МГУ, 2015.
6. *Козьмин Н.Н.* К вопросу о «вымирании» инородцев // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 99–108.
7. *Патканов С.К.* О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1911.
8. *Рычков К.* К вопросу о вымирании северных народностей Сибири // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 182–192.
9. *Пивнева Е.Л.* Проблема вымирания коренных народов Севера: мифы и реальность // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Вып. 3. Ч. 3. М., Сыктывкар, 2006. С. 31–40.
10. *Вахтин Н.Б.* Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
11. *Апатов В.М.* Что делать с малыми языками? Пленарный доклад на «круглом столе» «Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения». 27–28 октября, 2005 г., Москва. http://ling-sib.iea.ras.ru/ru/round_table/plenary_session.shtml
12. *Хабенская Е.* «Родной язык» как этнический символ // Казанский федеральный лист. 2004. № 1(9). <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/p9/7/>
13. *Ибрагимов Т.Х., Зачесов К.Я.* О понятии «родной язык» // Русский язык в национальной школе. 1990. № 8. С. 8–12.
14. *Козлов В.И.* Язык: Этнические и этно-социальные категории. Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. В.И. Козлов. Вып. 6. М.: Наука, 1995.
15. *Мамардашвили М.* Законы инакомыслия // Здесь и теперь. 1992. № 1. С. 85–93.
16. *Исламшина Т.Г.* Этнические ценности полиэтничного общества. Социологический очерк. Казань: Казанский государственный технический университет, 1996.
17. *Шахнарович А.М.* Детская речь в зеркале психолингвистики. М., 1999.
18. *Костомаров В.Г.* Еще раз о понятии «родной язык» // Русский язык в СССР. 1991. № 1. С. 9–15.
19. Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть / Под ред. Ю.А. Петрова. М.: РОССПЭН, 2012.

20. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Под ред. Т.Ю. Красовицкой, В.А. Тишкова. М.: Новый хронограф, 2012.

21. Языки народов России: Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2002.

22. Губогло М.Н. Мобилизованный лингвизм. М.: ИЭА РАН, 1994.

23. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: Языки славянской культуры, 1998.

24. Арутюнян Ю.В. Постсоветские нации. М.: Флинта, 1999.

25. Губогло М.Н. Национально-русское двуязычие. М.: Наука, 1979.

26. Современные этнические процессы в СССР / Под ред. Ю.В. Бромлея. М.: Наука, 1975.

27. Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / Под ред. В.В. Степанова, В.А. Тишкова. М.: Наука, 2009.

28. Степанов Г.В. Национальный язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

29. Тавадов Г.Г. Этнология. Современный словарь-справочник. М., 2011.

30. Тоценко Ж.Т. Этнократия. История и современность (Социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.

31. Тишков В.А. Политика двуязычия в Канаде // Расы и народы: ежегодник. М.: Наука, 1977. С. 207–224.

32. Филитова Е.И. Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. М.: Собрание, 2010.

33. Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР. 1860–1940 / Пер. с франц. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

34. Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину. М.: Новый хронограф, 2011.

35. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.

36. Hirsch Fr. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell U. Press. 2005.

37. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

38. Филиппова Е.И. Предисловие. Судьба языков в глобализующемся мире // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог / Отв. ред. и пер. с франц. Е.И. Филиппова. М.: ФГНУ «Росинфор-магротех», 2013. С. 5–17.

39. Этнография переписи – 2002 / Под ред. Е.И. Филипповой, Д. Ареля, К. Греф. М.: ОАО «Авиаиздат», 2005.

40. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.

41. На пути к переписи / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ОАО «Авиаиздат», 2003.

42. Тишков В.А., Кисриев Э.Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнические категории и статистика: дебаты в России и во Франции / Под ред. Е.И. Филипповой. М.: ФЕНУ «Росинформагротех», 2008. С. 93–124.

43. Алимова Б.М. Кайтаги // Народы Дагестана. М.: Наука, 2002. С. 321–334.

44. Русский язык в России и странах СНГ / Под ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделина, В.А. Тишкова. М.: Наука, 2007.

45. Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств в Российской Федерации / Под ред. А.С. Кожемякова, С.В. Соколовского. М.: ИЭА РАН, 2012.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ (РЕВИЗИЯ КАТЕГОРИЙ И ПРАКТИК)*

ВВЕДЕНИЕ

Становится все более очевидным, что многие прогнозы социолингвистов и антропологов о скором вымирании большинства существующих в мире языков под воздействием глобализации оказываются ошибочными. Скорее, профилактической по своему воздействию и политически мотивированной была и остается возглавляемая ЮНЕСКО масштабная кампания в защиту «находящихся в опасности» языков¹. К этому же разряду можно отнести и ряд международных деклараций и программ, среди которых наиболее значимой является Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств. Наши исследования показывают, что современные нации становятся все больше культурно-сложными сообществами, а их языковое многообразие не уменьшается, а даже увеличивается. Нет убедительных данных и о том, что общее число языков в мире катастрофически уменьшается, а на территории бывшего СССР (прежде всего РФ) языковая номенклатура и *жизненность языков* (использование языков, языковые компетентность и лояльность) имеют далеко не отрицательную динамику [Культурная сложность... 2016; Решение... 2017; Этническое и религиозное многообразие... 2018]. Все это актуализирует потребность в анализе языковых ситуаций.

Язык представляет собой многоаспектный социально-исторический феномен, а языковое взаимодействие – это сложнейшая практическая деятельность, которая протекает в собственном габитусе и одновременно взаимодействует с несколькими «полями власти». Язык – это власть, которая реализуется не столько через прямое насилие, сколько через субъективные предписания (индоктринацию): семейные установки, систему образования, медиа, научно-бюрократические классификации, языковую политику, включая правовые нормы [Бурдьё 2005; Schwartz 1998; Myles 2010].

* Полис. Политические исследования. 2019. № 3.

¹ Атлас мировых языков, находящихся под угрозой исчезновения. 2001. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/mdex.plip?hl=en&page=atlasmap> (accessed 01.04.2019).

В зарубежной литературе имеются многочисленные исследования языковой политики и политики языка в разных регионах и странах [Laitin 1998; Gorenburg 2003; Grenoble 2003; Hirsch 2005; Chevalier 2005; Gorham 2014]. Что касается российской ситуации после распада СССР, то здесь, несмотря на некоторые устаревшие подходы, ведущие позиции занимают отечественные социолингвисты и антропологи. Из последних публикаций отметим энциклопедическое издание, подготовленное в Институте языкознания РАН [Язык и общество... 2016], а также другие коллективные издания [Языковая политика в контексте... 2015; Решение национально-языковых вопросов... 2017; Языковая политика, конфликты и согласие... 2017; Языковое единство... 2018]. В политологии тема языковой политики освещена более скромно, если не считать активно разрабатываемые проблемы языка политики и так называемой политической лингвистики.

В центре нашего анализа находится современная российская ситуация и отечественный опыт языковой политики, к которой я и мои коллеги обращались неоднократно с середины 1990-х годов [Губогло 1998; Европейская хартия... 2012; Тишков 2013; Этническое и религиозное многообразие России 2018]. В последние два года одним из центральных в общественном дискурсе оказался вопрос о родных языках и языковых правах в сфере образования. Последние дебаты вокруг языка расширили поле языковой политики. Обычно под этим имеется в виду совокупность принципов, практик и институтов по решению языковых проблем в государстве и обществе. Аналогами этого понятия являются широко используемые термины «языковое планирование» или «языковое строительство». Однако некоторые авторы считают такую трактовку редукцией, игнорирующей практики и действия других акторов в поле языковой политики. Как пишут С.В. Соколовский и Е.И. Филиппова, «любая инициированная правительством или национальной элитой языковая реформа поляризует мнения граждан, которых невозможно рассматривать лишь как пассивных реципиентов этой реформы: она не будет иметь успеха без поддержки населения и, таким образом, даже следование ее целям и принципам, не говоря уже о противодействии и протестах, должно рассматриваться тоже как политическое действие, направленное на реализацию конкретной стратегии языкового планирования» [Языковая политика, конфликты и согласие 2017:5]. Российский и зарубежный опыт показывают, как в обсуждение языковых вопросов вовлекаются самые разные сообщества (образовательные, научные, городские, сельские, диаспорные), институты гражданского общества (профессиональные ассоциации, медиа, этнокультурные организации и объединения и т.д.).

Поэтому резонно включать в понятие языковой политики «не только макроуровни международной и государственной политики в области языка, но также и мезо- (цели, программы, действия региональных элит) и микроуровень (локальные или низовые стратегии носителей языка, способных не только поддерживать или отвергать инициативы, исходящие из двух выше названных уровней, но и реализовывать собственные)» [Там же: 6].

Это широкое обозначение языковой политики фактически утвердилось в мировой науке. Недавняя международная конференция, организованная Институтом языкознания РАН, также продемонстрировала широкий спектр подходов российских исследователей к этой теме [Языковое единство... 2018]. Наиболее существенную проблему я вижу в теоретико-гносеологических подходах и в той базовой терминологии, которая досталась нам от периода советского «национально-государственного строительства». Пересмотр или корректировку некоторых базовых категорий и сопутствующих им практик мы предлагаем ниже.

ОПЫТ ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ И ИХ РЕВИЗИЯ

Применительно к отдельной личности выбор языка и языковое поведение отличаются рациональными мотивами индивида, хотя изначально они, конечно, во многом определяются условиями семейной и общественной среды, а среди последних факторов большую роль играют ценностные и политико-правовые предписания. Рациональность и среда связаны неразрывно, но на разных жизненных этапах их воздействия различны. Обычно человек усваивает свой первый выученный в детстве язык от родителей, чаще всего – от матери, и поэтому этот язык, если его знание сохраняется по жизни, называют *материнским языком* (*langue maternel, mother tongue*). В большинстве случаев этот язык остается для человека основным языком знания и общения на всю его жизнь. Именно этот *основной* (или *первый*) язык и считается *родным* языком, если вообще такая категория анализа и практики используется в том или ином обществе и в научной среде.

Так, например, международная языковая статистика и управленцы-регуляторы большинства стран, где проводятся переписи населения, не пользуются понятием «родной язык» в силу его многозначности и эмоциональной ангажированности. Существенные сомнения в отношении этой категории высказывают и некоторые российские ученые [Алпатов 2000], которые мы разделяем. В зарубежной научной среде эта категория используется чаще всего при описании языковой ситуации среди аборигенного населения стран

Америки. Но в этих же странах и в англоязычной научной периодике известен журнал «Первый язык» (*First Language*), издающийся с 1980 г. в Лондоне.

Российские социолингвисты признают многозначность данной категории. Социолингвистический словарь и энциклопедия приводят четыре значения «родной язык»: материнский язык («язык колыбели»); этнический язык (язык национальности независимо от владения); функционально первый язык (основной язык знания и пользования); то же, что и этнический (как язык любого народа РФ, кроме русского). Последняя трактовка представляется абсурдной, хотя и была в обиходной практике и даже в научном языке до самого последнего времени (например, выражение «школы с родным языком обучения и школы с русским языком обучения»). Вступивший в силу с 1 сентября 2018 г. Федеральный закон № 273 «Об образовании в Российской Федерации» частично исправил эту ситуацию, признав за русским языком право также считаться «родным языком». Но из текста федерального правового акта следует, что это относится только к ученикам русской национальности, ибо используется концепт «язык народа»! Пункт 4 статьи 14 закона изложен следующим образом: «Граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования народном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, в порядке, установленном законодательством об образовании... Преподавание и изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ осуществляются в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, образовательными стандартами».

Как представляется, размытость формулировок закона приводит к амбивалентной политике. Во-первых, не понятно само выражение «языки народов Российской Федерации». Видимо, чтобы отсеять «западные» языки или языки других стран. Однако напомним, что среди 193 российских народов значатся американцы, британцы, немцы, испанцы, итальянцы, французы, чехи, японцы и еще пара десятков подобных им «народов». В этом же списке российских национальностей азербайджанцы, армяне, белорусы, грузины, украинцы и другие, составляющие одновременно основное население других стран бывшего СССР. Причем некоторые из них – это автохтонное население России, и они никак не могут быть отнесены

к группам иммигрантского происхождения. Добавим к названным российским автохтонам еще и болгар, греков, казахов, туркмен, поляков и других, живущих в России столетиями. Попытки разделить россиян на категории «коренных» и «некоренных» несостоятельны еще и по причине конституционного равенства граждан страны. Таким образом, сами понятия «из числа народов» или «из числа языков» Российской Федерации являются некорректными.

Однако самая большая проблема – это смысловое содержание категории «родной язык», которое, видимо, законодателям представлялось настолько ясным, что оно даже не было включено в перечень основных понятий, который сопровождает текст закона. А это большой и больной вопрос для российской политической и культурной жизни. К тому же вслед за законом был издан президентский указ о создании государственного Фонда поддержки и развития родных языков. Какие языки и какие их носители должны будут получать эту поддержку, зависит в том числе и от экспертной проработки вопроса, которой явно не хватало при принятии закона.

Почему категория «родной язык» считается уязвимой для научного анализа и для практики языковой политики? Прежде всего, потому что во многих случаях, особенно в обществах с распространенными этнически смешанными браками, дети с самого детства осваивают два и даже более языков, т.е. являются двуязычными. Какой в данном случае язык – отца или матери – считать родным, установить трудно, ибо оба языка могут считаться родными. Возникает серьезная коллизия, так как российская наука и практика исходят из того, что родной язык должен быть только один! Многие ученые считают, что родным следует считать язык матери [Шахнарович 1999:18] и что поэтому не может быть двух родных языков, как не может быть двух матерей. По словам известного лингвиста В.Г. Костомарова, «выученный язык... может стать в жизни человека важнее родного, который, однако, и при забвении остается матерью, пусть и менее любимой, чем мачеха» [Костомаров 1991: 11]. Эти эмоционально окрашенные высказывания расходятся с жизненной практикой.

В понятие родного языка полезно включить аспекты *подвижности* и *ситуативности*. В ряде регионов России человек с детства или с молодости владеет и пользуется свободно двумя языками как равными и отдает предпочтение тому или иному языку в зависимости от ситуации или от места нахождения. Приезжая в отпуск в родное село к родителям и родственникам, он быстро погружается в одну языковую среду и даже начинает думать на этом языке (некоторые считают это важным признаком именно родного языка). Затем, возвратившись в город к своей семье и работе, человек переходит на

другой язык, который преобладает в данном месте. Примерно так же ситуативно переключается языковое поведение человека, у которого различаются язык домашнего общения и язык работы. Неслучайно в программах переписей населения и в социолингвистических исследованиях часто используются категории «язык домашнего общения» (*language spoken at home*) и «язык работы» (*language at work*). А уже затем специалистами выполняется анализ языковых тенденций среди той или иной общности или в стране в целом.

Наконец, существенное неудобство с категорией «родной язык» в ее узком понимании (как материнский и как единственный) – это разрыв с реально существующим как норма многоязычием людских сообществ, в том числе и среди этнических групп. По словам Н.Б. Вахтина, «на Земле около 2/3 населения с рождения дву- или многоязычны: одноязычие – это скорее отклонение от нормы; большинство двуязычных носителей живет в двуязычных сообществах, то есть – ежедневно и ежечасно использует два и более языка в повседневном общении» [Вахтин 2018: 38]. В данном случае имеется в виду такое широко распространенное явление, как языковое взаимодействие и взаимопроникновение, когда в речевой практике используются компоненты разных языков, когда в каждый данный момент человек говорит на одном языке и вставляет в него части из другого. С учетом этого можно сказать, что и в России значительная часть населения является дву- или многоязычной. Прежде всего, это касается так называемого русско-украинского пограничья, где русские и украинцы говорят на смеси двух языков или переходят с одного на другой в повседневной речевой практике [Чижикова 1988], а также нерусского населения таких многоязычных регионов, как Северный Кавказ, Поволжье, южная Сибирь.

Как представляется, для выяснения реальной языковой ситуации, определения переписных процедур и правовых норм, необходимы коррективы категории «родной язык». Первое: можно предложить расширить само понятие и сделать его более контекстным, т.е. спрашивать в переписи не просто «Ваш родной язык?», а «Ваш первый выученный язык, знание которого сохраняется?» или «Ваш родной (материнский, первый) язык»? Для корректности лучше спрашивать не материнский, а «родительский» язык, ибо в некоторых сообществах (например, среди народов Северного Кавказа) язык отца воспринимается и осваивается детьми в большей степени, чем язык матери. По крайней мере, по нашим полевым наблюдениям, в этом регионе с выраженной патрилинейностью в системе родства дети смешанных браков родным языком чаще называют отцовский, а не материнский. Безусловно, необходимо позволить россиянам указывать не один, а два языка в этой категории. Ряд стран, где

задается такой вопрос в ходе переписей, уже сделали такие поправки (например, Венгрия, Чехия и Литва). Материалы Сети этнологического мониторинга показывают, что часть россиян допускает возможность иметь два родных языка и готова указывать это при переписи населения или других процедурах [Степанов 2018а: 15–18].

Следует признать, что демонтаж категории «родной язык» или даже ее частичная ревизия обязательно встретят трудности. Прежде всего, это аура языкового национализма, при которой метафора родного языка несет огромную нагрузку. Целые поколения отечественных обществоведов, прежде всего лингвистов, выросли с этим обозначением, которое включает в себе мощный этногрупповой смысл, о чем речь пойдет ниже.

Напомним, что «родной язык» в международном контексте используется чаще как материнский язык и только в редких случаях обозначение «*native (indigenous) language*» используется в отношении языков аборигенных групп населения. Именно так обозначена эта категория в переписных листах Австралии, Бразилии, Мексики, ряда африканских стран. Так же обозначаются в литературе и в обследованиях индейские языки в США и Канаде. В других случаях категория «родной язык» в привычном для нас смысле (как единственная и совпадающая с этничностью) в большинстве стран мира не используется. Многие страны имеют в переписных листах категорию «материнский язык» (Албания, Армения, Беларусь, Болгария, Молдова, Индия, Хорватия и другие). Неслучайно в 1999 г. ЮНЕСКО объявило 21 февраля памятной датой и назвало ее Международным днем материнского языка (*International Mother Language Day*)². В России все мероприятия по этой линии были названы по-другому, включая и объявление 2018 г. Годом родных языков.

Отметим, что перед всероссийской переписью населения 2002 г. нам удалось убедить РОССТАТ убрать из проекта программы переписи вопрос о родном языке, заменив его вопросами о владении и использовании. Это вызвало отрицательную реакцию части ученых и общественных активистов, особенно в российских республиках. Тогдашний зам. директора Института этнологии и антропологии РАН М.Н. Губогло опубликовал в «Независимой газете» эмоциональную статью под названием «Кто отнял родной язык?» [Губогло 2018], за которой последовала череда высказываний в пользу сохранения категории «родной язык». Уже в напечатанный миллионными тиражами переписной бланк было внесено дополни-

² Эта дата была избрана в память о погибших в 1952 г. студентах-демонстрантах в г. Дакке (ныне это столица Бангладеш), которые выступали за признание языка бенгали государственным языком тогдашней Индии.

тельное указание для переписчиков задавать также вопрос о родном языке и делать соответствующую пометку. Аварийным путем собранные данные не стали адекватным отражением ситуации, которая обычно фиксировалась этим вопросом в наших переписях.

А вот что отражали ответы на вопрос о родном языке в предыдущих советских и в последующих переписях – этот вопрос заслуживает критического разбора, ибо здесь имела место давняя неадекватность интерпретации.

Неадекватность была в том, что данные о родном языке трактовались в работах по проблемам распространения двуязычия в СССР без должного учета реального владения так называемыми национальными языками (см., например [Современные этнические процессы... 1975; Губогло, Бромлей 1984]). Сама формулировка вопроса «Ваш родной язык?» не предполагала (и не предполагает поныне) его обязательного знания!

Еще одна неадекватность прошлой практики заключалась в том, что вопрос о языке имел прямую проекцию в этичность. Связь «язык и этнос» появилась в языковедческой науке еще в начале XX в., когда утвердилось мнение швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра, что «общность языка создает этническое единство», а язык и этнос пребывают в неразрывном единстве. В этой парадигме трудились многие известные советские исследователи, как лингвисты (В.И. Абаев), так и этнографы (Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, С.А. Арутюнов и другие). Сохраняются сторонники этой жесткой схемы и сегодня, в том числе и среди зарубежных коллег. Так, на международной конференции «Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтничном государстве» японский исследователь Танака Кацухико высказался, что «нельзя забывать, что человек – существо “этническое”, и именно язык определяет эту сущностную характеристику человека» [Языковое единство... 2018: 52]. Схожие позиции выразили и авторы других докладов. Попробуем разобраться в этом аспекте языковой политики.

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК» КАК ПРИЗНАК ЭТНОСА?

Итак, мы установили коллизию в оценке российской языковой ситуации с мировой наукой и общественной практикой: в России чаще всего родным называют не «основной язык знания и общения» (согласно словарю толкового русского языка С.И. Ожегова) и даже не первый выученный язык, а язык собственной этнической принадлежности. Например, как полагает Е.О. Хабенская, «родной язык» – это язык той этнокультурной общности, с которой ассоциирует себя индивид, т.е., строго говоря, «материнский

язык» [Хабенская 2004]. Такой же позиции придерживаются многие ученые и практики языковой политики [Ибрагимов, Зачесов 1990; Козлов 1995:157; Мамардашвили 1992]. Особо рьяно ее защищает титульная общественность в российских республиках, а также представители таких дисциплин, как этнопсихология [Исламшина 1996]. Приведу один из примеров собственных полевых наблюдений. В 1990 г., после переписи населения СССР, во время пребывания в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе я беседовал с двумя местными взрослыми бурятами и спросил, какой язык они указали в качестве родного. Те удивленно ответили: «Конечно, бурятский, мы на нем немного говорим». «А что записали своим детям?» – спросил я. «Тоже бурятский, хотя они совсем не знают родной язык».

Сентенция «не знать родной язык» может потрясать своей неуразумительностью, но только не российских этнологов и социолингвистов, а тем более политика или общественного активиста. В российском дискурсе эта категория была прочно склеена с категорией национальности, хотя, кстати, в инструкциях переписчикам еще с советских времен было записано, что «родной язык может не совпадать с национальностью»³. Фактически же на протяжении десятилетий вопрос о родном языке в переписях населения представлял собой своего рода контрольный вопрос о национальности. Тем более что он и следовал в переписном листе сразу после вопроса о национальности. С переписи 2010 г. эти два вопроса были разведены и поменялись местами: сначала спрашивают о языке, затем – о национальности. Но сама ментальность поменялась в малой степени.

Близкая мне позиция заключается в том, что «материнский язык – не обязательно родной, родной язык – не обязательно первый» [Вахтин 2001: 46]. Однако этой констатации недостаточно. Хотя демонтаж категории «родной язык» в силу эмоционально-политических причин затруднителен, возможна и необходима коррекция самой этой формулы в программе переписи населения, как мы и предложили выше. Скорректированный вопрос позволит ослабить связь категории языка с категорией национальности. Можно ожидать, что данные переписи в этом случае будут не в пользу не-

³ Так было в первой советской переписи 1920 г., а при всеобщей переписи населения 1926 г. инструкция для переписчиков гласила: «Родным языком признается тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит», т.е. не было увязки с национальностью. Далее, в переписях 1937 и 1939 гг., а также в послевоенной переписи 1959 г. упомянутые инструктивные указания были убраны. Итоги переписей о родном языке стали рассматривать как сведения о знании и распространении языков, а также так называемом национально-русском двуязычии. Этот инструментарий и стоявшая за ним методология позволяли учесть в основном только тот язык, который совпадал с национальностью опрашиваемого.

русских языков. Зато будет более адекватным отражение реальной языковой ситуации в России, где сейчас официальные данные явно занижают степень языковой русификации, а точнее – *языкового перехода* представителей нерусской национальности (или их предков) на русский язык.

Чтобы этот вопрос дал объективные данные также и о распространении «родного двуязычия» среди россиян, необходимо поместить в пространстве ответа переписного листа не одну, а две свободные строки для заполнения. В этом случае полные билингвы смогут указать свои основные языковые компетенции, не совершая над собою насилие. Еще один языковой вопрос «Какими другими языками владеете?» позволит также выявить двуязычие и многоязычие среди граждан страны, включая этнических русских. Этот же вопрос даст ответы на знание как «языков народов России», так и иностранных языков. К сожалению, эти вопросы не выявляют ситуацию пользования языками: для этого нужно задавать другие вопросы, типа: «Ваш язык домашнего общения?» и «Каким языком пользуетесь на работе?» Так, в частности, формулируются переписные вопросы о языке в таких странах, как Австралия, Австрия, Беларусь, Венгрия, Индонезия, Канада.

Во многих странах, если не в переписи, то в социологических и других обследованиях такие вопросы задаются. Кстати, при проведении микропереписи населения 1994 г. такой вариант вопросов содержался и дал интересные результаты [Степанов 2018b: 89], но дальше дело так и не пошло: для статистиков это были дополнительные хлопоты и затраты, а заинтересованные ученые особо и не настаивали. Последние десятилетия ученые и практики привыкли (с некоторыми оговорками) по ответам на вопрос о родном языке конструировать, как им представлялось, реальную языковую ситуацию, включая распространение «национально-русского двуязычия». Корректировка категорий приведет к выявлению более точной ситуации и к более адекватной языковой политике (кстати, некорректным представляется и выражение «национально-русское двуязычие»).

Есть еще одна назревшая ревизия используемых в России языковых категорий, которая позволила бы не только улучшить смысловую составляющую языковой политики, но и привести наш язык в соответствие с языком мировой науки и политики. Речь идет о таком распространенном понятии, как «национальный язык». Приведу цитату из введения к коллективному труду Института языкознания РАН, который является лидером среди исследовательских коллективов в области языковых процессов и языковой политики: «Исследование выявляет общую картину состояния и этнокультурного развития этносов России, то, как на их развитии отражаются

общественные факторы, какова языковая компетенция различных этнических групп, насколько целесообразна и эффективна национальная политика государства, имеется ли положительная динамика в этнокультурном развитии народностей России, каковы перспективы их развития» [Языковая политика в контексте... 2015: 5]. И далее: «Нерешенной до сих пор остается проблема рационального распределения общественных функций между русским языком и национальными языками. В связи с происходящими в обществе изменениями возросла актуальность исследования причин, приводящих к реальной угрозе исчезновения национальных языков РФ, в частности миноритарных языков» [Там же: 7].

В чем проблема с подобной позицией? Оставим в стороне ортодоксию по части дефиниции этнических общностей в трех вариантах в одном абзаце (*этнос, этническая группа, народность*), но обратим внимание на все то же склеивание языка и этничности как нормы и определение всех языков в России, кроме русского, как *национальных*. Хотя в мировой практике, даже в англоязычной «Википедии», в статье «*National language*» действительно отмечается многозначность данной категории, но в целом речь идет о понятии, которое синонимично категории «официальный язык» или «государственный язык». В перечне национальных языков в разных странах читаем: «Из всех языков России русский язык является единственным официальным языком на национальном уровне. Вместе с русским есть еще 35 различных языков, которые считаются официальными языками в разных регионах России. Всего в России сегодня разговаривают на более чем 100 миноритарных языках». То, что А.Н. Биткеева называет национальными языками, в общепринятом формате будет называться миноритарными или этническими. Кстати, этими категориями российские социолингвисты также начали пользоваться, но только применительно к языкам «малочисленных народов» (национальности численностью меньше 50 тыс. человек).

Итак, в российском научном и политическом дискурсе такие распространенные в мире категории, как «родной язык» и «национальный язык» отданы в эксклюзивное владение этнических общностей, которые могут называться по-разному: нации, народы, народности, этносы, этнические группы. Эта *этнизация* языков на основе трактовки этничности с примордиальных позиций *группизма*⁴ рано или поздно должна быть подвергнута сомнению, ибо она расходится с мировым трендом в понимании современных языковых процессов и включает в себе также конфликтогенные моменты.

В том же самом коллективном труде российских социолингвистов содержатся очерки о языковых ситуациях и языковой политике

⁴ Критику этногруппизма см. [Брубейкер 2012; Тишков 2003].

в других странах и регионах мира, которые заслуживают сравнительного анализа. Читатель обратит внимание, что в современных полиэтничных странах (точнее – в культурно-сложных обществах) отсутствует обязательная связь «один народ – один язык». Каталанский язык в Испании – это не просто «национальный язык этноса каталонцев», ибо в Испании сама категория этноса неприменима к местным регионально-историческим сообществам. Здесь каталонцы – это не этническая общность, а основное население провинции Каталония, а каталанский язык – это далеко не только язык каталонцев, но и других регионально-исторических сообществ этой страны (автономные сообщества Валенсия, Балеарские острова и др.). Каталаноязычные сообщества есть также во Франции и Италии. Похожая ситуация с канадскими франкофонами, которых невозможно назвать этносом или народностью, ибо, помимо части квебекцев, франкоязычные сообщества есть в Приморских провинциях Канады и в провинции Онтарио [Кожемякова 2017; Тишков 1984]. Именно о языковых сообществах, а не об этносах идет речь и в таких странах, как Бельгия, Швейцария, Франция и другие [Andersen, Carter 2016].

Этот подход к языку как к самостоятельной субстанции, а к его носителям – совсем необязательно как к этнической группе, является ныне доминирующим, по крайней мере, в макрорегионе Евразии, за исключением некоторых стран бывшего СССР. Совсем неслучайно Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств основывается именно на философии приоритета и самоценности самого языка, его статуса и перспектив, жестко не привязывая эту категорию социальной реальности к определенным группам, а тем более – к этнонациям и к «этнокультурному развитию народов России».

Такой подход оправдывает себя, ибо не вызывает необходимости этнической мобилизации и не ведет к этнополитической напряженности вокруг языка. А языковые проблемы, которых в Европе много, при этом решаются, хотя и не столь легко и быстро. Заметим также, что, определяя субъект анализа и политической практики не как «этнос» или «народность», а как языковые сообщества, страны Европы уходят от проблемы «национальных меньшинств» в случаях, когда речь идет о языковой ситуации. Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств Макс ван дер Стул однажды в ответе на мой вопрос, «почему в Вашу повестку не входят проблемы итальянского Тироля, французской Бретани или британского Ольстера?», сказал следующее: «Это не в моей компетенции, ибо там не национальные меньшинства, а языковые и религиозные меньшинства. А вот в России – это национальные меньшинства».

Таким образом, через узкоэтническую трактовку таких многозначных категорий, как «родной язык» и «национальный язык», т.е. как язык определенной этнической общности, в России вопрос о языке вмонтирован и является частью именно этнической (у нас она называется «национальной») политики, а также выступает центральным моментом программатики этнонационализма. Случай этот далеко не единичный, и этноязыковые конфликты и лингвистический национализм в мире известны хорошо, но считать это нормативной ситуацией было бы ошибкой. Недавние события в России подтверждают риски в «склейке» языка и этничности, особенно для гражданского нациестроительства.

ЯЗЫК В СИСТЕМЕ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

Одна из особенностей языковой ситуации в России – это наличие одного общенационального (государственного) языка, которым владеет 99,4% населения (перепись 2010 г.), а не только этнические русские, которые составляют около 80% населения. Но русский язык – это единственный язык российской нации, который обладает официальным статусом. Еще около 40 языков наиболее многочисленных нерусских народов имеют государственный статус на уровне российских республик (последними официальными языками добавились в 2014 г. украинский и крымско-татарский в Крыму).

Это право предоставлено Конституцией РФ, хотя формулировка соответствующей статьи 68 носит самый общий характер: «Республики вправе устанавливать свои государственные языки, которые употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации». Несмотря на отсутствие прямого закрепления в Конституции права автономных округов устанавливать собственные государственные языки, округа собственными уставами и законами также могут устанавливать официальный статус языков проживающих в них этнических групп. Некоторые округа использовали эту возможность, как и некоторые республики, которые вместо государственного установили *языки с официальным статусом* (карельский, финский, вепский в Карелии), а некоторые вместе с государственным еще и предоставили статус официальных языкам малочисленных народов, проживающих на их территории (долганский, чукотский, юкагирский, эвенкийский, эвенкский в Якутии).

Примечательная коллизия в сфере языковой политики возникла после заседания в Йошкар-Оле в июле 2017 г. Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, когда во вступительном слове В.В. Путина была обозначена проблема с обязательным изучением в школах ряда республик языка титульной националь-

ности всеми жителями региона. Это вело к сокращению объема и к понижению уровня преподавания русского языка. После этого Минобрнауки и Генпрокуратуре России было поручено проверить ситуацию с преподаванием языков в российских республиках.

Напомним, что русский язык в обязательном порядке преподается во всех средних школах Российской Федерации. Все выпускники средних школ сдают в обязательном порядке Единый государственный экзамен (ЕГЭ) по русскому языку. В школах республик преподаются также государственные языки республик, а в некоторых – на этих языках ведется и преподавание в начальной или основной школах. Статус этих языков как предметов различался в зависимости от законодательства республики. Обязательное изучение государственного языка республики в школе вне зависимости от национальности обучающегося имело место в Башкортостане, Коми, Калмыкии (с 1 по 11 классы для «носителей языка», с 1 по 9 классы по облегченной программе для остальных), Северной Осетии (для носителей обязательно, для не носителей обязательно, но по облегченной программе), Татарстане, Чувашии (с 1 по 9 классы). Обязательное изучение государственного языка республики в школе только для носителей было в Адыгее (русскоязычные имели право вместо него изучать адыгейскую литературу на русском языке), Ингушетии, Чеченской республике. Добровольным (как для носителей, так и для не носителей) было изучение государственного языка республики в школах Удмуртии и Республики Алтай.

Как понятно, под «носителями языка» имеются в виду лица соответствующей национальности, хотя вполне возможно и даже наверняка многие из них (в ряде случаев это большинство) не владеют и не пользуются этими языками. Так, например, большинство калмыков, бурят, мордвы, марийцев, алтайцев, хакасов не владеют языками своей национальности. Они, а точнее – еще их предки – перешли на русский язык. Значит, никакими «носителями языка» они не являются, и их родной язык – это русский язык. Однако местные законы в республиках предписывали этой категории населения обязательное изучение «национального языка». Вопрос этот представлялся настолько самоочевидным, что даже и не подвергался обсуждению во всей истории с преподаванием родных языков.

Дискуссии и напряженность вызвал вопрос, обязаны ли все обучающиеся жители республик изучать официальный язык данного субъекта федерации? Это касается прежде всего русского населения, а также представителей других «нетитульных» национальностей, которые могут составлять даже большинство населения и превосходить по численности «титульную» национальность. Так, например, в Башкортостане башкиры по численности усту-

пают русским и татарам, но в этой республике с самого начала 1990-х годов было обязательно для всех изучение именно башкирского языка. Эта ситуация вызывала недовольство части учеников и родителей, направлявших многочисленные письма протеста и делавших публичные заявления. Одним из аргументов против этой практики было сокращение объема и качества изучения русского языка в школах республик, где значительная часть урочного времени уходила на изучение местных языков. Так, например, в Татарстане количество уроков русского и татарского языков было почти одинаковым, что могло привести к снижению уровня знаний русского языка.

Чем были недовольны часть учеников и их родители? Не только тем, что приходилось тратить школьное время на изучение языка, который мог быть довольно труден для усвоения и ничего, с точки зрения некоторых родителей, не добавлял для финальной школьной аттестации и для вступительных вузовских экзаменов. Даже освоив республиканский государственный язык и оставшись проживать в регионе, применять его в повседневной жизни особой нужды не было: все вокруг говорят на русском. Это, например, характерно для Северной Осетии и Мордовии, где подавляющее большинство жителей дома и на работе используют русский язык. Особое недовольство вызывала ситуация у тех, кого можно условно назвать «двойными меньшинствами», т.е. у представителей нерусской национальности, проживающих как бы не в «своей» республике. Тогда ученик-ингуш, проживающий в Пригородном регионе Осетии, должен был обязательно изучать в школе осетинский, а не родной ингушский, а чуваш в Татарстане – изучать татарский, а не чувашский, и т.д. От этой части жителей республик и было больше всего жалоб. Но высказывали недовольство самые разные категории, в том числе и татары в Татарстане и башкиры в Башкирии, которые хотели бы иметь больше учебных часов для подготовки к ЕГЭ по русскому языку.

В 2017 г. Генпрокуратура проверила добровольность изучения языков народов РФ в регионах России и обнаружила нарушения во всех республиках. Но самое большое количество жалоб родителей школьников на принудительное обучение «титულიному» языку и уменьшение часов русского языка было зафиксировано в Татарстане, Башкортостане, Якутии и Чувашии. Минобразования РФ разработало методические указания, согласно которым изучение государственного языка республики должно быть добровольным, и более жестко отрегулировало образовательные стандарты, установив объемы изучения родного и государственного языков. Рассматриваемый в Государственной Думе законопроект предлагал установить принцип добровольности и факультативности в обучении республикан-

ским языкам местными учащимися. Все эти действия вызвали ответную реакцию как со стороны части родителей, начавших более активно писать отказы от изучения местных языков, так и со стороны этнических активистов от республиканских властей. В Башкортостане и Татарстане прошли митинги в поддержку официальных языков и с требованием вернуть их обязательное преподавание в школах. Педагоги Чечни высказали мнение, что факультативное обучение не сможет обеспечить базового знания родного языка и что желательно изучение языка «титульной нации» всеми жителями Чечни. Президиум парламента Кабардино-Балкарии поддержал обращение Госсовета Татарстана о необходимости «сохранить право изучения родного языка в обязательной части школьной программы для всех народов России». Общественная дискуссия по языковому вопросу возобновилась в Чувашии и Коми. Активисты из Северной Осетии обратились с просьбой к президенту В.В. Путину оставить осетинский язык обязательным для изучения в школах республики.

В августе 2018 г. вступил в силу принятый 25 июля Государственной Думой закон, дающий школьникам и их родителям право выбирать, какой язык будет изучать ребенок в качестве родного. При этом русский язык закон также включает в перечень для изучения в этом качестве. Предмет «Родной язык» остается в обязательной части учебных планов и не переходит в факультативную составляющую.

ВОЗМОЖНЫЕ МОДЕЛИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ОПЫТА

Обзоры зарубежного опыта в данной области [Алпатов 2018; Бахнян 2018] выявляют большое число вариаций и поэтому мало что дают для прямого заимствования. Отметим некоторые общие моменты в тех моделях языковой политики, которые сегодня существуют в полиэтнических государствах и учет которых может быть полезен для российской науки и практики. В.М. Алпатов выделяет четыре модели языковой ситуации и политики. Первая – это один господствующий на всей территории государства язык (с государственным статусом или без него) и отсутствие государственной поддержки языков меньшинств. Из крупных государств это главным образом англоязычные страны США и Великобритания, а также Япония и Турция. Данный вариант жесткой (ассимиляционной) политики проводит ряд стран бывшего СССР (кроме России и Беларуси). Украина и Казахстан также тяготеют к данной модели из-за ужесточений в отношении русского языка в последние годы. Эта модель обусловлена как исторической и этнодемографической ситуа-

цией, так и политикой становления национальной государственности. Вторая модель – равноправное официальное многоязычие (два языка в Канаде, Бельгии и Финляндии, четыре – в Швейцарии). Третья модель – один доминирующий (обычно со статусом общегосударственного) язык при признании и господдержке других языков (на национальном или региональном уровнях). Это – многие страны Европы (например, Италия, Испания, Франция) и англоязычные страны Австралия и Новая Зеландия, а также Китай. И четвертая модель – модель языкового плюрализма без доминирующего языка или языка бывшей колониальной метрополии в этом качестве (большинство стран Азии и Африки). К той модели тяготеют Индия и Индонезия [Алпатов 2018: 24].

Автор этой классификации считает, что в России языковая политика во многом носит стихийный характер, и она колеблется между первой и третьей моделями [Там же: 30]. На наш взгляд, ассимиляционная модель не подходит для современной России, как и для оценки советского языкового строительства. Более того, именно европейские страны во многом заимствовали советский опыт поддержки и развития миноритарных языков, для 50 из которых в СССР была создана собственная письменность. Если придерживаться данной классификации, то к российской ситуации подходит именно третья модель. Однако всякая модель включает в себе упрощение, ибо реальные практики более разнообразны, а политические решения более сложны.

Так, например, только в одной испанской провинции – Стране Басков официально действуют четыре лингвистических модели языковой политики в системе образования (с начала 1980-х годов баскский язык официальный наряду с испанским языком). Модель «А»: преподавание на испанском с четырьмя часами в неделю баскского языка (это всего 7% учащихся, главным образом из иммигрантских семей); модель «В» предполагает использование двух языков изучения и преподавания, но большинство предметов преподаются на испанском (около 30% учащихся); при модели «D» почти все предметы преподаются на баскском языке, за исключением испанского языка и литературы, которым отведено четыре часа в неделю (около 63% учащихся). Модель «X» (исключительно испанский язык) позволена только частным школам и освобождение от изучения баскского языка позволено только для детей с коротким сроком проживания в провинции [Мустафина 2010]. Эти данные относятся к 2006 г., а наши наблюдения в этой провинции в 2017 г. свидетельствуют о росте числа учеников, обучающихся на баскском языке, и о превращении этого языка в элитарный по сравнению с испанским. Однако растущее число полных билингов

из числа школьных выпускников не изменило положение с доминированием испанского в общественной жизни региона и его большей престижности. Зато создается ситуация недовостребованности тех, кто считает баскский язык своим первым языком и желал бы пользоваться им и на работе. Эта ситуация напоминает положение в канадском Квебеке, где франкофоны длительной политической борьбой и высокой степенью языковой лояльности обеспечили для своего языка приоритетные позиции, но только на уровне одной провинции (не считая Монреаля), а остальная Канада так и не стала двуязычной [Кожемякова 2017: 360; Тишков 1984].

Все это говорит о том, что в сфере языковой политики можно вести речь о равноправии языков, но не об их равенстве, ибо доминирующий в государстве язык, да еще и с мировым статусом, всегда будет иметь преимущества на так называемом языковом рынке. А поскольку государство также заинтересовано в том, чтобы граждане владели общим языком для обеспечения национальной солидарности и для более эффективного общественного управления, то официальный (государственный, национальный) язык всегда будет иметь еще и дополнительные преимущества. Тем самым в системе современного нацистроительства наиболее оптимальной выглядит следующая формула, в рамках которой возможны разные модели в зависимости от ресурсов, которыми обладают языки в своем соперничающем взаимодействии. Эту формулу попытался сформулировать один из современных социолингвистов: «Перед всеми полиэтническими и многоязычными государствами в наступившем XXI в. встает стратегическая проблема выработки особых конвергентных моделей развития языковой политики, во многом определяемые общей стратегией внутренней языковой политики, проводимой правительствами этих государств – языковой политики плюрализма, демократизации и интеграции или ассимиляции» [Бахнян 2018: 103].

Мы бы предпочли выразиться несколько иначе. В языковой сфере как части неубывающего культурного многообразия современных государств следует обеспечивать общенациональное единство не на путях монокультурности (моноязычия), понимая единство как «единственное», а на путях утверждения гражданской идентичности и патриотизма через политику признания и поддержки культурной сложности, в которой сочетаются общенациональные культурные системы, включая общий язык, и этнокультурное многообразие, включая миноритарные языки. Это признанное многообразие и есть то самое единство, в котором нуждаются и которое ищут современные культурно-сложные общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В.М. 2018. Языковая политика в современном мире. – Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018 г.): доклады и сообщения. Отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. М.: Языки народов мира. С. 24–33.

Бахтиян К.В. 2018. Социолингвистическая стратегия и модели языковой политики полиэтнических государств. – Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018 г.): доклады и сообщения. Отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. М.: Языки народов мира. С. 95–105.

Брубейкер Р. 2012. Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ. 408 с.

Бурдье П. 2005. О производстве и воспроизводстве легитимного языка. – Отечественные записки. № 2. С. 10–21.

Вахтин Н.Б. 2001. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин. 338 с.

Вахтин Н.Б. 2018. Влияние идеи «двуязычия как нормы» на развитие лингвистики. – Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018 г.): доклады и сообщения. Отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. М.: Языки народов мира. С. 38–43.

Губогло М.Н., Бромлей Ю.В. 1984. Современные этноязыковые процессы в СССР: основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М.: Наука.

Губогло М.Н. 1998. Языки этнической мобилизации. М.: Языки славянской культуры. 813 с.

Губогло М.Н. 2018. Кто отнял родной язык? – Губогло М.Н. Сочинения в 10 тт. Этничность. Т. 1. М: ИЭРАН.

Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации. 2012. Отв. ред. А.С. Кожемяков, С.В. Соколовский. М.: Минрегион РФ, Совет Европы. 175 с.

Ибрагимов Г.Х., Зачесов К.Я. 1990. О понятии «родной язык». – Русский язык в национальной школе. № 8. С. 10–15.

Исламшина Т.Г. 1996. Этнические ценности полиэтничного общества. Социологический очерк. Казань: Казанский государственный технический университет. 248 с.

Кожемякова В.А. 2017. Особенности языковой политики в Канаде. – Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России. Под. ред. Е.П. Чельшева. М.: Азбуковник». С. 360–381.

Козлов В.И. 1995. Язык. – Этнические и этносоциальные категории. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. Под. ред. В.И. Козлова. М.: Наука.

Костомаров В.Г. 1991. Еще раз о понятии «родной язык». – Русский язык в СССР. № 1. С. 9–15.

Культурная сложность современных наций. 2016. Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 384 с.

Мамардашвили М. 1992. Законы инакомыслия. – Здесь и теперь. № 1. С. 85–93.

Мустафина Д.Н. 2010. Основные направления языковой политики в регионах европейских государств (на примере автономий в Испании). – Вестник Челябинского государственного университета. № 29(210). Филология. Искусствоведение. Вып. 47. С. 107–109.

Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России. 2017. Под. ред. Е.П. Чельшева. М.: Издательский центр «Азбуковник». 656 с.

- Современные этнические процессы в СССР. 1975. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука. 545 с.
- Степанов В.В.* 2018а. О конфликтном восприятии культурных различий. С. 15–25. – Государственная национальная политика России: экспертное мнение. Отв. ред. В.В. Степанов, А.В. Черных. Москва: ИЭАРАН. 380 с.
- Степанов В.В.* 2018б. Языковая ситуация в России. – Этническое и религиозное многообразие России. Под. ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Изд. 2-е. С. 89–106.
- Тишков В.А.* 1984. Англо-французское двуязычие в Канаде. – Советская этнография. № 4. С. 47–56.
- Тишков В.А.* 2003. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 544 с.
- Тишков В.А.* 2013. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука. 649 с.
- Хабенская Е.* 2004. «Родной язык» как этнический символ. – Казанский федералист. № 1(9). С. 91–92. URT: <http://www.kazanfed.ru/publications/Aazanfederalist/n9/7/> (accessed 01.032019).
- Чижикова Л.Н.* 1988. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры. М.: Наука. 256 с.
- Шахнарович А.М.* 1999. Детская речь в зеркале психолингвистики. Лексика. Семантика. Грамматика. М.: Институт языкознания РАН. 165 с.
- Этническое и религиозное многообразие России. 2018. Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Изд. 2-е. М.: ИЭАРАН. 561.
- Язык и общество. Энциклопедия. Гл. ред. В.Ю. Михальченко. 2016. М.: Издательский центр «Азбуковник».
- Языковая политика в контексте современных языковых процессов. 2015. Под. ред. А.Н. Биткеевой. М.: Издательский центр «Азбуковник». 472 с.
- Языковая политика, конфликты и согласие. 2017. Отв. ред. С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова. М.: ИЭАРАН. 272 с.
- Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018): доклады и сообщения. Отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. 2018. М.: Языки народов мира. 750 с.
- Andersen J.T., Carter P.M.* 2016. Languages In The World: How History, Culture, and Politics Shape Language. Oxford, UK: WILEY Blackwell.
- Chevalier J.E.* 2005. Language Policy in the Russian Federation: Russian as the « State» Language. – Ab Imperio. No. 1. P. 285–303. <https://doi.org/10.1353/imp.2005.0030>
- Gorenburg D.P.* 2003. Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Gorham M.* 2014. After Newspeak: Language, Culture and Politics in Russia from Gorbachev to Putin. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Grenoble L.A.* 2003. Language Policy in the Soviet Union. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Hirsch F.* 2005. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press.
- Laitin D.* 1998. Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca: Cornell University Press.
- Myles J.F.* 2010. Bourdieu, Language and the Media. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Swartz D.* 1998. Culture & Power: The Sociology of Pierre Bourdieu. Chicago: University of Chicago Press.

ЮБИЛЕЙНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По какой-то причине я не собрался предпослать общее введение к данному пятитомному изданию моих избранных трудов, которые представляют собой в ряде случаев исправленное и дополненное переиздание моих пяти книг, вышедших в свет в издательстве «Наука», начиная с 1978 года. Две книги: одна – по ранней истории Канады (1977 г.) и другая – об исторической профессии в США (1985 г.) я не счел нужным включать в это издание по причине их научно-популярного и справочно-информационного формата. Хотя, возможно, мой анализ места и роли истории как науки и дисциплины в американском обществе может представлять интерес и сегодня с учетом той «культуры отмены», которая разыграла в США в последнее время вокруг трактовок прошлого этой страны. Но сначала – заключительные слова к 5-му тому, который претерпел большие изменения по части дополнения трех новых разделов, а также характера самих публикаций.

Последнее издание сборника статей «Этнология и политика» заканчивалось публикациями 2004 года. В этот сборник тогда были включены главным образом публицистические работы: популярные статьи в журналах и газетах, и эти статьи не содержали какого-либо научного аппарата. Мои пояснения по содержанию первых двух изданий содержатся во введениях, которые также публикуются вместе с введением к данному тому. С тех пор прошло много времени, за эти годы автором было написано много научных статей, две монографии и несколько коллективных трудов с моим авторским участием и под моей редакцией. Выбранные для включения в этот том статьи составили три последних раздела. Они отличаются от предыдущих разделов не только частичной сменой главных тем, но и форматом по части отсутствия публицистики и полемичности.

За последние годы произошло некоторое «успокоение» российской общественной жизни, усилились гражданская консолидация и российская идентичность среди населения. Этому способствовали процессы укрепления федеральной власти и политика нормативно-правового регулирования основ государственного устройства и российской внутренней политики. Сказались факторы внешнего воздействия и политики сдерживания России со стороны наших главных «партнеров» в лице так называемого Запада во главе с США. В последние несколько лет события в Украине и присоединение Крыма к Российской Федерации стали дополнительным фактором внутренней консолидации (так называемый крымский

консенсус). Не последнюю роль в массовых общественных настроениях сыграли массированная медийная индоктринация населения по части формирования консервативно-охранительных тенденций, антизападнических и антимодернистских установок под лозунгом защиты и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации.

С точки зрения моих собственных научных и общественных интересов на передний план вышли две темы: анализ феномена культурной сложности, понимания и управления культурно-сложными обществами и формирование и утверждение российской идентичности как ключевого момента реализации российского (обще)национального проекта. Из этого вытекает также тема национализма и нациестроительства применительно к России, которую я рассматриваю в общемировом контексте доминирования концепта гражданских полиэтничных наций и национальных государств. Ряд статей, включая и самую последнюю, опубликованную в 2021 году в журнале «Россия в глобальной политике», посвящены этой теме и объединены разделом 6 под названием «Культурная сложность, нации и нациестроительство».

Как видно из этих текстов, дискуссия в России по вопросу «Что есть нация?» не завершена. Здесь можно наблюдать своего рода качели и соперничество поборников двух вариантов национализма (гражданского и этнического) с пока не ясным исходом в силу сохраняющейся инерции советского обществознания и реальных политических практик вокруг «многонациональности». Скрытым вариантом противодействия концепту российской нации стала увлеченность цивилизационным подходом (смесь Тойнби, Данилевского и Хантингтона), которым некоторые отечественные обществоведы и идеологи разного толка пожелали заменить старый концепт общественно-экономических формаций и представить страну как некое выпадение из мирового «концерта наций» как уникальной русской (российской) цивилизации, а не нации-государства.

Увлечение цивилизацией подкрепляют энтузиасты социобиологических и этногенетических трактовок социального. Последние готовы с помощью упрощения современных популяционно-генетических разработок искать и утверждать наличие «цивилизационного кода», «генофонда этноса» и прочих по сути неонационалистических и даже расистских рассуждений. Поскольку одним из поборников цивилизационного взгляда на Россию является также Русская православная церковь в лице околоцерковных теоретиков Всемирного русского народного собора, эта новая увлеченность, видимо, надолго. К тому же ей способствует и общемировой поворот в сторону консервативных мировоззрений и политических программ как реакция на повсеместный кризис либерализма, мультикультурализма и толерантности.

Тем не менее я счел возможным сохранить в данном издании все мои научные разработки по данным темам, ибо выявление критической сущности явлений мультикультурализма и толерантности и построенной на них политики представляет постоянный интерес как часть либеральной идеологии. Я против расстрельного отношения к либерализму, поскольку без него будет невозможно понять и объяснить, что такое консерватизм. Что же касается самого автора, то в вопросе о больших идеологиях и политических ориентациях я занимаю центристскую, непартийную позицию, что, видимо, и стало одной из причин моего всего лишь семимесячного пребывания в составе российского правительства в начале 1990-х годов.

Явная политико-идеологическая заангажированность ученого никак не может пойти на пользу его занятиям. Если, как говорят, «деньги любят тишину», то наука не терпит прямой вовлеченности в актуальное действие и требует умеренности и дистанцирования при оценке социальных ситуаций и политических действий. Это совсем не призыв к академической стерильности, а тем более – к отказу от участия в процессе принятия решение, будь это законодательный акт или программа действий. По крайней мере, в моих научных занятиях общественный активизм не был помехой, хотя такое заключение не может быть единственной нормой, а скорее, отражает индивидуальный характер ученого и конкретное состояние общественной среды, в которой он пребывает.

Еще один общий вывод и заключение к юбилейному изданию избранных трудов касаются проблемы преемственности и перемен и сопровождающей ее проблемы научных ревизий и переоценок. Как я уже отметил, при переиздании книг и статей мною не были исключены или исправлены тексты, написанные в предыдущие десятилетия, включая достаточно «глухие» годы позднего СССР, начиная с эпохи Л.И. Брежнева. Современникам важно видеть, как и в каких идеологических и методологических параметрах трудились советские гуманитарии. Здесь также был свой разброс в уровнях профессионализма и в степени следования объективности. Но если сегодня мне не представляются «притянутыми за уши» упоминания К. Маркса и В.И. Ленина в книге по новой истории Канады, то используемая мною тогда «система координат» не была уж столь безнадежной, как это порою представляют нынешние оценщики прошлых времен.

Точно так же мною сохранены без изменений и в целом позитивные оценки социальных трансформаций периода Горбачева–Ельцина, которые были сделаны в те годы и после. При всех ошибках и издержках политики этого периода прошедшие после 2001 года два десятилетия во многом опирались на то, что было сделано и продолжает делаться в нашей стране, включая как конституционно-право-

вые основания, экономическую базу, так и состав правящей элиты, и самого Президента страны. Преемственность важнее принципа начинаний с «чистой доски», которую часто предпочитают политики, видя в отрицании или уничтожении предшественников стратегию собственного утверждения. Кстати, аналогичный принцип преемственности обязателен и для мира науки, наряду с необходимостью ревизий и инноваций.

В 5-м томе добавлен раздел под названием «История и память». Эта тема вышла на передний план общественного дискурса в России и в мире в целом. Меняющийся характер гуманитарных наук, в том числе и родных для меня истории и этнологии, привлек мое внимание в последние годы. Это было вызвано моим давним интересом к историографическим сюжетам и к истории науки. Но есть еще один фактор, который стимулировал мой интерес к историописанию и к состоянию гуманитарной науки в России. А именно – руководство несколькими научными коллективами и Отделением историко-филологических наук РАН, а также многолетнее участие в работе двух научных фондов – РГНФ и РФФИ. Но самое главный стимул – это вызов профессиональной академической науке со стороны неопитов, псевдоученых и откровенных фальсификаторов домашнего и зарубежного разлива. Особенно вызывающими являются два варианта неприемлемых, на мой взгляд, покушений на историческую правду и профессиональный труд историка и этнолога. Это постсоветская неоколониалистская парадигма, захватившая наших коллег в странах бывшего СССР и некоторых этнонационалистически настроенных гуманитариев из числа россиян. И это модная среди части западных коллег и идеологизированных публицистов тема разоблачения тирании как виновника мировых коллизий и воплощенная в двуедином образе Гитлера–Сталина. Тимоти Снайдер и Энн Аппелбаум – наиболее наглядные образчики этой новой формы изощренной фальсификации, но нельзя недооценивать их большое влияние на нынешнее поколение, особенно на молодежь.

За почти полвека научных стараний многое изменилось в мире, в стране и в самой науке. Издаваемые в избранных трудах книги написаны на разные темы и даже в русле разных научных дисциплин. Они публикуются без существенной правки, чтобы показать, что автор при всей его вовлеченности в общественную жизнь страны и научно-организационную работу не приносил в жертву принципы научной объективности. Как наставлял меня мой учитель академик А.Л. Нарочницкий, «пиши, как было». И я следовал этому принципу. Хотя довольно поучительно наблюдать ретроспективно, какие методологические подходы и идеологические влияния были в разные периоды нашей прижизненной истории. Из этого наблюдатель-

ного урока следует вывод о возможной опасности так называемого презентизма, когда в нынешней ситуации обостренных идейно-политических расхождений и геополитических противостояний вдруг возрождается подход «пиши, как надо». Истиной и исторической правдой вдруг объявляется только то, что стало своего рода непрекаемым мифом, или то, что служит избранной кем-то миссии уникальности и величия. Примеров тому много и на разных уровнях. Мною не случайно была оказана поддержка небольшой группе ученых в Башкирии, которые реализуют программу переводов и издания травелогов – свидетельств иностранцев-путешественников о жизни разных народов в дореволюционной России. Эта группы подверглась гонению в самой Башкирии, поскольку в публикуемых текстах башкиры часто изображаются как отсталая и непросвещенная часть населения Российской империи. Это лишь микропример, иллюстрирующий большую проблему историко-культурного просвещения и роли научного сообщества в познании и адекватном восприятии России и мира.

И последнее. В одном из интервью меня спросили, что бы я пожелал молодому поколению ученых. Мой ответ был: не оставаться приверженцем одной-единственной темы в своем творчестве и не бояться подвергать сомнению, казалось бы, устоявшиеся научные истины и публичные воззрения. Добротные ревизии и перемены – есть условие любого развития, включая и научное знание. Таким образом, *преemptивность и перемены* для науки, как и *единство в многообразии* для России – вот формулы, которыми руководствовался и которым старался следовать автор. Полагаю, что это вполне достойный жизненный вариант.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к первому изданию	3
Предисловие ко второму изданию	12
Предисловие к третьему изданию	16

РАСПАД СССР И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОИСКИ

Народ, нация, государственность	19
О советском этнонационализме	26
Тяжело Союз сохранить, еще труднее разрушить	32
«Смертельный гамбит» национальной политики	38
Политика многокультурности	43
Что есть самоопределение?	51
Плач по концепции	57

ОСМЫСЛЕНИЕ НОВЫХ ПРОБЛЕМ

Русские вне России: мифы и политика	63
О переписи населения	70
Российская политика в отношении зарубежных соотечественников..	76
Зарубежные соотечественники: концепция и политика	82
Прощание с пятым пунктом	90
Национальности и паспорт	95
Социальная природа института прописки	100
Стратегии противодействия экстремизму	106
Феномен сепаратизма	116

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Межэтнические отношения и конфликты: перспективы нового тысячелетия	129
Этнический федерализм: российский и международный опыт	141
Теория этноса и культурный фундаментализм	154
Этничность, право и закон	164
Антропология российских трансформаций	175
Миф о демографической катастрофе в России	194
Язык и алфавит как политика	206
Кризисная парадигма в России	214

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ И МИРОВОЙ ОПЫТ

Этномониторинг сложных обществ	220
Национальные меньшинства в меняющемся мире	229
Федерализм и этнический фактор на Северном Кавказе	235
Социально-культурный аспект терроризма	255
Межэтнические отношения и их восприятие	262
Трудное прощание с этнонационализмом	272
Управление культурным многообразием	281

ЭТНОДЕМОГРАФИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ

Политика цифр в переписи населения 2002 года.....	288
Язык и перепись.....	295
Уроки переписи.....	303
Российская перепись 2002 года в этническом измерении.....	310
Смутный язык приводит к смутной политике.....	327
Закон о гражданстве, миграции и межэтнические отношения.....	333
Об обновлении Концепции государственной национальной политики.....	337
Террор и мораль.....	340
Кризис понимания России.....	346

КУЛЬТУРНАЯ СЛОЖНОСТЬ, НАЦИИ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО

Национализм в мировой истории.....	361
Национальная идентичность (о смысле дебатов).....	377
И русский, и российский.....	387
Этнический фактор и новейшая история государственной этнополитики в России.....	400
Российская полиэтничность в мировом контексте.....	416
О русских: введение к новому изданию коллективного труда «Русские» в серии «Народы и культуры».....	433
О главных акторах цивилизационного диалога: культурное и языковое разнообразие современных наций.....	448
Линии усложнения: введение к коллективному труду «Культурная сложность современных наций».....	459
Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина).....	468
Нация, национализм и нациестроительство. Почему это важно для России.....	491

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

Историческая наука: новые вызовы и задачи для России.....	509
Про разные истории (размышления по поводу статьи Сергея Нарышкина).....	521
Великая Победа и советский народ: антропологический анализ.....	534

НАУКА, КУЛЬТУРА И ЯЗЫК

Гуманитарные науки в России.....	552
От этноса к этничности и после.....	567
Языки и нации.....	589
Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик).....	613
Юбилейное заключение.....	633

Научное издание

Валерий Александрович Тишков

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В пяти томах

Том 5

Этнология и политика

Статьи 1989–2021 годов

Редактор *Е.Ю. Федорова*

Художник *П.Э. Палей*

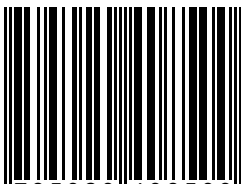
Корректоры *А.Ю. Обод, С.О. Розанова*

Подписано к печати 25.08.2021. Формат 60×90^{1/16}
Гарнитура Times. Печать офсетная
Усл.печ.л. 40,0. Уч.-изд.л. 38,0
Тип. зак.

ФГУП Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: info@naukaran.com
<https://naukapublishers.ru>
<https://naukabooks.ru>

ФГУП Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN: 978-502040850-0

9 785020 408500